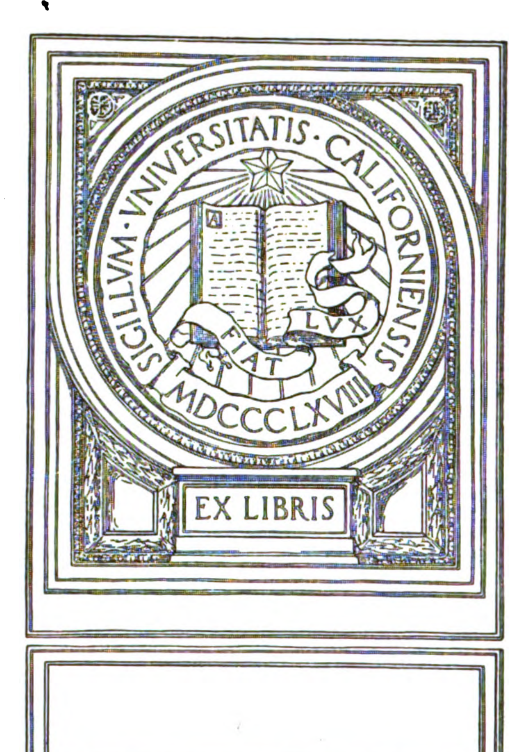
UC-NRLF
$B 475 590


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1881.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. Л. ШАРЛЕМАНЬ

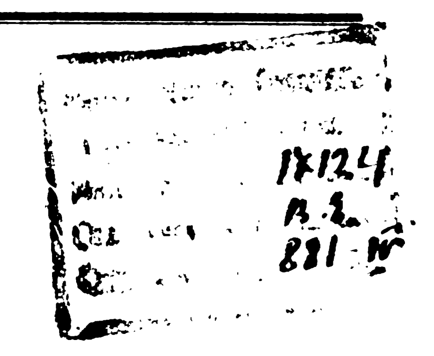
ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1881.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объ изданіи, подъ общею редакціею, въ 1881 г., журнала „Вѣстникъ Европы“ и ежедневной газеты „Порядокъ“—см. ниже, на обертке.



ГОСПОДА ИЗБИРАТЕЛИ

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСѢЙ ЗАХАРЫЧЪ КОСАРЕВЪ—отставной военный кандидатъ.
АННА СЕРГѢВНА—дѣвушка 18 лѣтъ } его внуки.
НИЛЪ СЕРГѢИЧЪ—кавказскій офицеръ } его внуки.
ИВАНЪ ДМИТРИЧЪ РАДѢЕВЪ—наслѣдникъ разореннаго богатства.
ПОМПЕЙ ПЛАТОНЫЧЪ ИПАТЬЕВЪ—крупный чиновникъ въ отставкѣ, предсѣдатель правленія банка, холостякъ.
ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА ПОЛОВЕЦКАЯ—генеральша, въ разводѣ съ мужемъ.
ЕЛЕНА ПОТАПОВНА БРЮХАЧЕВА—богатая купчиха, вдова.
ѲЕДОРЪ БОГДАНЫЧЪ ШВЫРКОВЪ—ея повѣренный.
ЭРАСТЪ ОСИПЫЧЪ СЕМПЕЛЕВИЧЪ—докторъ, домовладѣлецъ.
ГОРАЦІЙ МАРКОВИЧЪ ФАЙНЪ—сынъ концессіонера, пріѣзжій изъ Петербурга.
ЯКОВЪ ФИЛИПЫЧЪ ТОПТЫГИНЪ—купецъ.
ВАРЯ—горничная Половецкой.
ВИЦЕНТІЙ—садовникъ, бывшій крѣпостной отца Радѣева.
МИША—мальчикъ, слуга Радѣева.
ГОСТИ—мужчины на завтракѣ у Ипатьева.
ГОСТИ—дамы и мужчины на балѣ у Брюхачевой.
СЛУГИ.
КОРМИЛИЦА (безъ рѣчей).

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

1-е дѣйствіе на дачѣ Радѣева; 2-е въ домѣ Ипатьева; 3-е въ домѣ Радѣева; 4-е и 5-е на балѣ у Брюхачевой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

На загородной дачѣ Радѣева. Площадка передъ домомъ. Справа ветхая бесѣдка, заросшая хмѣлемъ, за нею въ углу небольшой овальный бассейнъ, посрединѣ котораго испорченный фонтанъ—почернѣлая статуя съ отшибленными руками. Слѣва терраса одноэтажнаго дома съ облупившейся штукатуркой и тремя покривившимися ступенями. Передъ террасой цвѣтникъ и скамейки. На всемъ слѣды прежнихъ широкихъ затѣй и настоящаго упадка, разрушенья, запущенности. Въ глубинѣ, за живой изгородью, открытый сельскій видъ.— Часъ 6-й вечера въ концѣ августа.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Радѣевъ навзничь лежитъ на травѣ возлѣ бесѣдки, куря папиросу. Вицентій бродитъ, лѣниво обирая около цвѣтниковъ сорныя травы.

Вицентій—*заслонивъ рукою глаза, глядитъ на небо.*

За тучку садится. Цѣлое лѣто дождя не было, а теперь, какъ ужъ все погорѣло, гляди и польетъ. Охъ, грѣхи, грѣхи! Въ прежніе годы и на этотъ предметъ порядку было больше: въ свое время дождичекъ, такимъ же манеромъ вёдро—и все акуратно. А только власть ваша, баринъ, прямо скажу: такъ маяться я не намѣренъ.

Радѣевъ.

Чего тебѣ надо?

Вицентій.

А того надо, что я хлопцевъ скоро по шеямъ бить начну. Невозможно!—чисто каторжный народъ. Прохода не даютъ, лаются, только и слышишь «штопаны карманы»...

Радѣевъ.

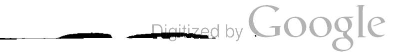
Ты надоѣлъ съ этими дрязгами. Изъ ума выживаешь, старый дуралей!

Вицентій—*ворчитъ про себя.*

Дуралей, дуралей... самъ-то, небось, умникъ!.. По цѣлымъ днямъ вонъ кверху носомъ лежитъ... Умникъ тоже (*молчаніе*).

Радѣевъ.

Вицентій!



Вицентій.

Чего изволите?

Радѣевъ—*потягиваясь.*

Скука!

Вицентій.

Ску-ка? Ну, ничего, потерпи, чай, сегодня наша барышня прибѣжитъ.

Радѣевъ.

Ты записку отдалъ ей въ руки?

Вицентій.

Кухаркѣ ихней отдалъ, сказываетъ—все хворала барышня, сегодня полегчало... Придетъ—и старикъ съ нею.

Радѣевъ.

И старикъ? Гм. (*Переворачивается на другой бокъ*).

Вицентій.

Господь съ ней! Намъ она совсѣмъ якобы не подходитъ.

Радѣевъ—*разсѣянно.*

Да... ты думаешь, не подходитъ.

Вицентій.

Какая изъ нея барыня?—Старикъ-отъ вонъ изъ солдатъ произошелъ, изъ сдаточныхъ. И она довольно-таки простая. Нѣтъ, коли не баловать, такъ перво дѣло смотри, чтобъ взять себѣ барыню высокопарную, ну, тамъ вотчины за ней, или капиталъ по соразмѣрности.

Радѣевъ.

Купчиху Брюхачеву, напримѣръ...

Вицентій.

Слыхали. А что же, старообразна якобы маненько,—да нонѣ старухи-то страхъ къ молодымъ падки. Вонъ, сказываютъ, она Швыркова-господина какъ оправила — обрядила — ходилъ совсѣмъ голенькій, а теперича и панталонцы построилъ по модѣ и пинжакъ отъ француза, въ коляскѣ ѣздитъ—нà поди!

Радѣевъ.

Такъ я чтожъ, по-твоему?—Тоже? (*Приподнимается на локтяхъ*). И ты смѣлъ, болванъ! (*Опускается на траву и хохочетъ*) Ха, ха, ха!.. Ай да спасибо—удружилъ!

Вицентій.

Ну, ты... твой родъ именитъ на всю губернію. А тотъ чтó?—Ему всего только и званія, что Швырковъ.—Ты—какъ можно!—Только мы съ тобой отощали маленько, вотъ! Намъ поправка требуется, починка—и больше ничего. За тебя всякая графиня зубами ухватится,—только выбирай съ умомъ. А ужъ коли наша барышня такъ полюбилась тебѣ, то прежь всего добудь такой чинъ, чтобы казна тебѣ отпущала вволю, сколько потребуется—тогда и женись. Одобряю.

Радѣевъ.

И чина такого нѣтъ и все-то ты врешь!

Вицентій—*подойдя къ нему ближе.*

Суди самъ, Иванъ Митричъ, какіе наши доходы? Домъ въ городу стоитъ знатный, а что проку: наниматель его обѣгаетъ—кому-жъ въ силу снять эки хоромы!—Опять же коли подъ трактиръ сдать, подъ заведеніе, чтобы въ родительской опочивальнѣ варганы играли—лестно это?—Здѣсь теперь возьмемъ—дача,—а къ ней одной дворни чтó требуется—гдѣ-жъ намъ!—Все вокругъ тебя валится, глядѣть тошно!

Радѣевъ.

Глядѣть тошно... Эхъ, Вицентій,—премудрый ты философъ, а кислятина невозможная. Ему говоришь—скука, а онъ еще пуще разводитъ... Старая баба!—По-дѣломъ мальчишки надъ тобой смѣются. Убирайся къ чорту!

Вицентій—*обиженный отходитъ.*

Ты найми шута, чтобъ потѣшалъ; а я слуга—испоконъ вѣка своимъ господамъ природный есть слуга,—не шутъ-скоморохъ. (*Еще отходитъ въ глубину и всматривается въ даль*). Ну, вотъ... бѣжитъ... такъ и есть, сюда... Сюда свернулъ.—Вотъ и забавникъ тебѣ.

Радѣевъ.

Кто такой?

Вицентій.

Да Косаревыхъ же барчукъ.

Радѣевъ.

Нилушка.

Вицентій.

Съ охоты. Вишь, по болотинѣ вязнулъ, а гляди какъ бодро строчитъ. Ружьецо за плечомъ, шапка на затылкѣ, собачка впереди,—все какъ быть.

(*За сценой громкій свистъ Нилушки и крикъ на собаку: «Османъ, иси!»*)

Вицентій.

Вотъ-те и пріятный гость. (*Идетъ на встрѣчу Нилушки*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Нилушка.

Нилушка—*за сценой.*

Кушь-ту! Кушь, подлецъ! Ни съ мѣста! (*Входитъ со двора изъ-за дома. Онъ въ бѣломъ кителѣ, высокихъ сапогахъ и форменной фуражкѣ. Весь въ грязи. Ягдташъ наполненъ дичью. Ружье въ рукахъ. Кричитъ на Вицентія*). Стой!.. Ни шагу!—Ррразможжу! (*Прицѣливается въ него*). Яманъ твоей башкѣ,—ложись!

Вицентій—*передъ домомъ отмахивается руками, кричитъ и присѣдаетъ къ землѣ.*

Чтó ты, чтó ты—озорникъ!—Брось,—говорю, брось!.. Эки шутки. Долголь до грѣха!

Нилушка—*опуская ружье.*

То-то же. (*Сбрасываетъ ягдташъ и отдаетъ ему*). Нá, прими это. Тутъ твоему барину лакомства на недѣлю. Гдѣ онъ?

Вицентій—*осматривая дичь.*

Куличики, бекасики... знатно! Вотъ за это спасибо. А озорничать нельзя. Мало что ли на войнѣ-то палилъ—еще тутъ надоть?—Оглашенный!

Нилушка.

Разсуждай ты еще!—Надо?—Тутъ васъ всѣхъ надо въ дисциплинѣ держать;—въ струнѣ ходи, ну! (*Командуетъ*) По прошлогоднему на кухню маршъ! (*Вицентій, махнувъ рукою, удаляется. Нилушка бережно кладетъ ружье на скамью и подходитъ къ Радѣеву*). Те-те-те!—все та же позиція; въ мечтахъ пребываемъ... Нѣженка, вставайте! Живо на ноги,—разъ-два! (*Поднимаетъ его подъ руки*). Ахъ, извините, ваше превосходительство, манжетки вамъ запачкалъ...

Радѣевъ—*оправляясь*.

Чортъ знаетъ что́ за манера!—Вѣчно нашумитъ, накричитъ, взбударажитъ все вверхъ дномъ... Ну, зачѣмъ, зачѣмъ старика пугать?—Что за школьничество!

Нилушка.

Сегодня я въ особенномъ ударѣ... (*радостно*). Письмо изъ Тифлиса получилъ. Просьба моя уважена,—да-съ!—Махнемъ въ экспедицію.—Какихъ-то текинцовъ вздуть понадобилось.—Что-жъ,—давай текинцовъ, намъ все равно, лишь бы дѣло!

Радѣевъ.

Экій прыткій воинъ!.. Ваше благородіе, будетъ вамъ кровь проливать, поживите съ нами,—мы мирные граждане.

Нилушка.

Ну, тоже и вы хороши — граждане! Съ вами тутъ тоже... либо себѣ, либо кому другому невзначай башку расшибешь... Граждане!—И сплю и вижу, какъ бы скорѣй удрать,—вдругъ назначеніе придетъ, а я тутъ и не знаю, когда вырвусь, какъ развяжусь... Скандалъ!.

Радѣевъ.

Кто же васъ держитъ?

Нилушка.

Кто держитъ?—Эхъ, Иванъ Дмитричъ, не вамъ бы спрашивать и не мнѣ отвѣчать!..

Радѣевъ.

Что?—Я-то причемъ тутъ?

Нилушка—*поглядѣвъ на него пристально, серьёзно.*

Когда благородный человѣкъ заводитъ такой романъ, который долженъ не иначе, какъ честью кончиться,—какъ вы полагаете, можно на это смотрѣть равнодушно? — Притомъ, когда особа близкая... не заговоритъ кровь?—Чтó-съ?—Нѣтъ, тутъ никоимъ образомъ вилять нельзя... Сегодня да завтра,—я—молъ то да это... проволочки-съ!—Шутки!—Такія дѣла должны быть на-чистоту. Теперь видите, что я понялъ духъ автора — да и вы чай поняли... Ну, и значитъ, шабашъ! *(Командуетъ).* Стоять воль-но!

Радѣевъ.

А-а-а... понятно... *(Подумавъ).* А вамъ дано право? — Вы знаете, въ чемъ дѣло?

Нилушка.

Слава Богу, не слѣпой, все вижу-съ... И какое вамъ еще право? Во-первыхъ, я—братъ, во-вторыхъ, подлецомъ никогда не былъ и не буду.

Радѣевъ.

Нилъ Сергѣичъ, между нами безчестныхъ людей нѣтъ... пожалуйста, не горячитесь. Вы слишкомъ молоды, мало жили. Вы не знаете, какъ иногда мудрено складывается жизнь наша... И не поймете вдругъ... Однако я радъ случаю объясниться...

Нилушка.

Отчего-жъ и не объясниться!—Не безпокойтесь, поймемъ... даромъ, что философіи не обучались... *(Закуриваетъ коротенькую каменную трубочку).* Извольте-съ,—слушаю.

Радѣевъ.

Вы—прямая душа, съ вами можно говорить откровенно... Для счастія вашей сестры я не долженъ на ней жёниться... Знаете-ли вы, чтò я?

Нилушка.

Чтó—вы... то-есть, какъ это?

Радѣевъ.

Да, я... вѣдь я нищій...

Нилушка.

Да позвольте-съ,—нечто мы богатства вашего ищемъ? Богъ съ вами, не обижайте въ конецъ!..

Радѣевъ.

О, я увѣренъ. Но—слушайте... Самое худшее въ моемъ положеніи то, что никто не вѣритъ моей нищетѣ... матушка до самой смерти съумѣла поддержать басню, что у насъ есть еще какіе-то припрятанные капиталы. Я былъ слишкомъ юнъ, горячо любилъ мать, поддакивалъ, отчасти даже вѣрилъ ея словамъ... вѣрилъ, что взойду въ жизнь чуть ли не принцемъ крови... Когда она умерла, въ домѣ едва нашлось 10 рублей, а на похороны я долженъ былъ истратить тысячи... Такъ все и пошло! —Но долго не могло тянуться,—меня измучила эта наслѣдственная ложь—я сталъ скрытенъ, подозрителенъ, самолюбіе безпрестанно раздражалось... Какъ видите, я бросилъ общество, живу отшельникомъ,—я прячу ото всѣхъ мою нищету... Это нетрудно, пока одинокъ,—но женись я, обзаведись семействомъ—и нищета моя всплыветъ въ самомъ обидномъ безобразіи...

Нилушка.

Коли совѣтъ да любовь—ничего-съ. Видали примѣры... Аня все перенесетъ, не въ кружевахъ воспитана.

Радѣевъ—*горько.*

Да я-то перенесу ли? — Вынесу ли я пересуды, насмѣшки, сожалѣнія—весь этотъ собачій лай, который поднимется въ городѣ? — Я себя знаю... Не сдѣлается ли для меня и жена, и семья постылымъ бременемъ, хуже — укоромъ и жертвой? На ней отзовутся всѣ неудачи, всѣ уколы самолюбія, — оборвутся всѣ взрывы накипѣвшей злобы... Я — человѣкъ испорченный, надломленный... Мнѣ давно слѣдовало бы бросить все и бѣжать отсюда куда-нибудь дальше, начать новую жизнь...

Нилушка.

Да-съ, объ этомъ стоило подумать раньше...

Радѣевъ.

Я думалъ объ этомъ... и непремѣнно бы такъ поступилъ, но... вотъ тутъ-то и подвернулась бѣда, въ которой вы меня обвиняете.—Я полюбилъ вашу сестру... Да могъ ли я не полюбить ее?—Могъ ли уберечься отъ единственнаго хорошаго чув-

ства? Живя, какъ видите, отшельникомъ, я встрѣчалъ одну ее, каждый день только ее одну, — въ ней одной былъ для меня весь мой міръ... *(Увлекаясь)*. Во мнѣ кипятъ силы, которыхъ дѣвать некуда... Ахъ, да, наконецъ, я и не думалъ о послѣдствіяхъ!.. Самъ не знаю, какъ это все случилось—и теперь вотъ очнулся... Словно надъ пропастью остановился... Какое-жъ я дамъ ей счастіе? — Вѣдь, пожалуй, создадутся такія домашнія муки, отъ которыхъ прямо въ петлю или на каторгу... Вотъ, чтó сознаю я... а сознавая это, честно ли жениться?

Нилушка—*тяжело вздыхаетъ.*

А-ахъ!—хорошо вы говорите, гладко...

Радѣевъ.

Какъ по писанному?... Да, я заучилъ —вотъ здѣсь валяясь, на этой травѣ, по цѣлымъ днямъ, — я складывалъ мой обвинительный актъ и заучилъ твердо каждое слово... Не передъ вашимъ вызовомъ, а передъ собственной совѣстью стою, какъ виноватый... Судите меня, какъ знаете!—Мое положеніе самое отвратительное...

Нилушка.

Все такъ, Иванъ Дмитричъ, все прекрасно... но войдите и въ наше положеніе... Мы люди бѣдные, простые... Вѣдь доброе имя дѣвушки, это... это не казенная пуговица, которая въ огнѣ не горитъ. Что-жъ намъ дѣлать?

Радѣевъ.

Чтò дѣлать!.. Ахъ, Нилъ Сергѣичъ, если-бъ кто сказалъ мнѣ, чтó дѣлать?.. Я растерялся... чего-то жду—и самъ не знаю; на что-то надѣюсь—опять не знаю...

Нилушка.

И я не знатокъ въ этихъ вещахъ, но—такъ или иначе надо кончить...

Радѣевъ.

Постойте... Зачѣмъ ускорять общее несчастье? Время терпитъ.

Нилушка.

Конечно, терпитъ, но вѣдь не годы же!.. Я не могу уѣхать, оставить въ неизвѣстности—это какъ угодно.

Радѣевъ.

Наконецъ, тутъ не одна моя воля, не одни мои личные интересы: необходимо переговорить съ нею и тогда рѣшимъ.

Нилушка.

Ужъ это ваше дѣло. Пока мы, Иванъ Дмитричъ, добрые пріятели,—полагаюсь на ваше благородство, а дальше... за себя не ручаюсь. Мое почтенье.

Радѣевъ.

До свиданья. *(Изъ дома слышны голоса Ани и Косарева).* Да вотъ, кажется, и ваши пришли. Останьтесь. Не надо подавать повода... разговоръ нашъ, надѣюсь, между нами...

Нилушка.

Натурально. До поры до времени.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже, Косаревъ съ Аней и Вицентій.

Вицентій — *еще на террасѣ церемонно подаетъ Анѣ букетъ.*

Осенніе-съ; пахучихъ понѣ нѣтъ. Не осудите.

Аня.

Спасибо, дядюшка-Вицентій. Зачѣмъ мнѣ это?— Вы больше себя балуете... Иванъ Дмитричъ! *(Небрежно роняетъ букетъ и подбѣгаетъ къ Радѣеву. Вицентій обидѣлся,—поднимаетъ букетъ и относитъ въ комнаты).* Иванъ Дмитричъ, вы не сердитесь? Три дня не видѣлись... все нездоровилось.

Радѣевъ—*тревожно.*

Что съ вами?

Аня—*смѣясь.*

Да не со мной,—а вотъ у дѣдушки зубки болѣли...

Косаревъ —*при послѣднихъ словахъ спускается съ террасы.*

Вишь, кашеваръ, какъ лжетъ-то, ахъ! Здравствуйте, благороднѣйшій Иванъ Дмитричъ! Мы къ вамъ на преферанчикъ.

Рублевочку припасъ за урокъ, хе, хе... Соскучился. А моему кашевару этому не вѣрьте: лжетъ да еще трунитъ надъ начальствомъ. Какіе зубки, чему болѣть! Хе, хе... Не вѣрьте, батюшка, сама и третьягодня, и вчера весь день провалялась.

Радѣевъ.

Почему-жъ не прислали сказать—я привезъ бы доктора.

Аня.

Вотъ еще пустяки! Больше хандрила, никого видѣть не хотѣлось.

Косаревъ.

И тому не вѣрьте. Вѣдь экая она у меня стала лукавая штучка! Какая хандра—позвольте,—по цѣлымъ днямъ только и рѣчи, что... *(грозитъ ей)* Сказать что ли? Ой, скажу!

Аня.

Разумѣется, про Ивана Дмитрича... Ахъ, испугали! А я сама сказала. *(Къ Радѣеву)*. Да вы однако не очень мечтайте,—а такъ какъ вы одинъ у насъ хорошій знакомый, такъ о комъ же мнѣ прикажете больше говорить? Тутъ ничего необыкновеннаго,—и не воображайте!

Косаревъ.

Вишь, какая у насъ фанаберія!—Ахъ ты ротный кашеваръ! Смирно! Распустили мы ее, хе, хе, хе! А хуже всего то, что дѣда она совсѣмъ не любитъ,—да вѣдь и я ее, разбойника, не люблю... *(гладитъ ее по головѣ и цѣлуетъ въ лобъ)*. Ни капельки не люблю,—даже терпѣть не могу... Удивляюсь только, за какія-такія мои добродѣтели Господь...

Аня.

Наказалъ васъ такой дѣвчонкой?..

Косаревъ.

Вѣрно, братъ! Хе, хе... въ мишень, прямо въ третій нумеръ попала!.. Ну-съ, засядемъ, что-ли.—Нилушка третій. Гдѣ онъ? *(Оглядываясь)*. А, стрѣлокъ,—что тамъ дѣлаешь?

(Аня отходитъ, разговаривая съ Радѣевымъ. Нилушка, во время предыдущей сцены, поодаль тихо толковалъ съ Вицентіемъ, показывая ему устройство ружья и способъ заряжанія).

Нилушка.

Да вотъ предлагаю этому чучелѣ залѣзть на дерево, я въ 600 шагахъ сниму его оттуда.

Вицентій—*смѣется.*

Ладно, коли бережно сымешь.

Нилушка.

Ужъ чего бережнѣе—пулей изъ берданки.

Вицентій.

Ну-те къ Богу!—Еще что выдумалъ!

Нилушка.

А не то, давайте вонъ эту Венеру *(указывая на статую въ бассейнѣ)* разстрѣливать. Руки у ней, сердечной, ужъ отвалились, а мы и носъ отшибемъ. У меня тутъ гдѣ-то были патрончики съ пулями. Давайте.

Косаревъ.

А господинъ хозяинъ что скажетъ? — Вѣдь это, поди, вещь древняя, дорогая, антикъ!

Радѣевъ — *издали.*

Ничего, катайте.

Нилушка.

Да и вы съ нами. На пари пойдемъ. Аня тоже.

Аня.

А глупѣе ты ничего не могъ выдумать! *(Тихо Радѣеву).* Сегодня я такая нервная... всего боюсь... уйдемъ отсюда.

Нилушка.

Не хочешь? Напрасно. Нывьче и барышни это дѣло практикуютъ. Не мѣшаетъ. — Чуть сердечный дружокъ измѣнилъ, такъ сейчасъ и сажай въ него пулю. И дѣльно! Люби да оглядывайся. Я въ такую влюблюсь, которая, вотъ какъ мой другъ Вицентій, при видѣ оружія носомъ въ землю бацъ! Оно спокойнѣй.

Аня—*раздражительно.*

Нилушка! Перестань болтать глупости! —Не смѣй стрѣлять!

Дѣдушка, запретите ему. Уйдемте, Иванъ Дмитричъ, отъ сумасшедшаго мальчишки *(уходятъ направо)*.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Косаревъ, Нилушка и Вицентій.

Нилушка.

Какія нѣжности!—Ну, и не надо *(кладетъ ружье)*. Пока до преферанса вотъ что: скажи, почтенный мой Вицентій — давно собираюсь спросить тебя—что ты за человѣкъ?

Вицентій.

Какъ, что за человѣкъ? Извѣстно, барину служу.

Нилушка.

Нѣтъ,—почему ты именно «Вицентій?»

Косаревъ.

Ха, ха!—въ самомъ дѣлѣ, любопытно. *(Начальническимъ тономъ)*. Ты, любезный, изъ какихъ-какой уроженецъ? Что молчишь, глазами хлопаешь! — Полякъ, литва, латышъ или просто нѣмецъ?—Говори.

Вицентій.

Ничего я этого знать-не знаю, а какъ есть здѣшній природный; по пачпорту я Омельянъ прозываюсь, Щебрецъ, а зовутъ точно Вицентій.

Косаревъ.

Почему-жъ — Вицентій? Емельянъ — вдругъ Вицентій, — не понимаю!

Вицентій.

А это, извольте видѣть, сударь, у насъ на все были свои порядки. Покойникъ баринъ, царство небесное, какъ взяли меня тогда въ садовники, глянули эдакъ—и говорятъ: «какой-же онъ Омельянъ, совсѣмъ нейдетъ: садовникъ настоящій долженъ Вицентій прозываться».—Какъ они приказали, такъ съ тѣхъ поръ и пошло—Вицентій. А настояще я Омельянъ.

Косаревъ.

Ха, ха, ха!—Приказъ о переименованіи вышелъ. Бываетъ, точно. (*Нилушка начинаетъ хохотать; Вицентій глядитъ на него презрительно и строго*).

Вицентій.

Да-съ. Вотъ извольте, еще у насъ тоже былъ въ кофишенкахъ, при буфетѣ состоялъ, такъ тотъ Виталій прозывался. На моей памяти ихъ трое перемѣнилось: Ерофей, Пётра и еще другой Пётра, чернявый; — а всѣ такъ и шли за одно—Виталій. Оно точно благороднѣе какъ-бы...

Нилушка.

Ха, ха, ха!.. вотъ скандалъ-то!

Вицентій.

Вы чего смѣетесь?—Вамъ оно можетъ непонятно, потому—гдѣ-жъ вамъ-то видѣть!—Вѣдь мы ровно вельможи соблюдали себя—и пышность эта у насъ была—бѣда.

Нилушка.

И куралесили-жъ вы—тоже бѣда!

Вицентій.

Да ужъ не безъ того... И такъ, докажу вамъ, куралесили, что теперя затылокъ чешемъ. (*Фамильярно*) Вы полагаете, можетъ, что у насъ достатокъ припасенъ? И очень даже ошибаетесь, сударь. Вѣрно-съ.

Косаревъ — *добродушно*.

Какое намъ дѣло?—Господь съ вами!..

Вицентій.

Нѣтъ, сударь, я къ тому клоню, что барину и одному-то трудно, а это чтобъ, къ примѣру, жениться—такъ и совсѣмъ невозможно. Ему барыню съ капиталомъ надо, а иначе онъ ни ни, ни подъ какимъ видомъ. И не воображайте объ этомъ, такъ-то-съ!

Нилушка—*вспыхнувъ*.

Ахъ ты, старая швабра! Съ какого повода, да какъ ты осмѣлился?—На мѣстѣ ррасшибу!

Косаревъ.

Нилушка, оставь!.. въ чужомъ домѣ, офицеръ... съ необразованнымъ мужикомъ... амбицію, братецъ, надо имѣть...

Нилушка.

Да какъ онъ, холопъ, дерзнулъ?—Да я его!.. Руки по швамъ!

Миша—*показывается на террасѣ.*

Пожалуйте чай кушать.

Косаревъ.

Гдѣ-жъ наши? *(Смотритъ въ садъ).* А, идутъ сюда. Иванъ Дмитричъ, Аня,—скорѣй!—Чай, потомъ преферанчикъ. Что?

Аня—*изъ сада.*

Сейчасъ, дѣдушка,—идите, мы сейчасъ.

Косаревъ.

Чайку теперь любезное дѣло. (*Идетъ въ комнаты, за нимъ Нилушка; онъ грозно шевелитъ губами и грозитъ кулакомъ Виcentію, удаляющемуся въ садъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Радѣевъ и Аня медленно входятъ рука объ руку; она печальна, онъ встревоженъ, но старается казаться спокойнымъ.

Радѣевъ.

Курьёзный этотъ Нилушка,—все норовитъ, какъ-бы войну затѣять, въ ремесло свое влюбленъ... Дикарь какой-то!

Аня.

Гдѣ-жъ было намъ воспитаніе получить? — Самъ знаешь, круглое сиротство,—ребятишками остались на рукахъ дѣдушки. Онъ—простой человѣкъ—баловалъ насъ;—и росли, и учились, какъ Богъ послалъ. (*Подумавъ*). Вѣришь-ли, дѣдушки я ни чуточку не боюсь... а вотъ—братъ...

Радѣевъ.

Съ нимъ... съ братомъ у тебя разговора не было?

Аня.

Избави Богъ!—Что ты!—Но, кажется, догадывается...

Радѣевъ.

Да, кажется... (*Помолчавъ*). Какъ свѣжо. Осень идетъ. Со всѣмъ проститься надо... Заглохнетъ и бесѣдочка наша, которую ты такъ любила... Ахъ, всему свой чередъ... Хочешь зайти?

Аня—*нервно вся вздрагиваетъ и отворачивается.*

Нѣтъ, нѣтъ... (*Быстро взглядываетъ на бесѣдку и закрываетъ лицо руками*).

Радѣевъ—*сажаетъ ее на скамью.*

Аня... дорогая... подними свѣтленькіе глазки... не бойся! Наше все впереди...

Аня.

А теперь?—Теперь чтó?.. Покинешь ты меня... чувствую.

Радѣевъ.

Тебя покинуть... теперь... Развѣ это возможно!

Аня.

Зачѣмъ-же говоришь все такое печальное?

Радѣевъ—*про себя.*

Нѣтъ, духа не хватитъ... (*Къ ней*) гдѣ же взять веселаго!.. Надо трезво смотрѣть на жизнь... Мало-ли чтó можетъ случиться!..

Аня.

Чтò-же, чтò?

Радѣевъ.

Ахъ, Боже мой!.. Человѣкъ ни отъ чего не застрахованъ: ну, вдругъ меня не станетъ какъ-нибудь...

Аня.

Про что-же и я говорю?—бросишь... Только знай напередъ, знай, что безъ тебя я умру—вотъ и все!

Радѣевъ.

Полно, Аня, — смерть—процессъ мучительный и страшно безобразный...

Аня.

А я такъ сдѣлаю—лягу въ постель, стисну зубы, не стану ни пить, ни ѣсть, дышать не стану до послѣдней минуты—такъ вотъ тихонько и умру... Ты улыбаешься?

Радѣевъ.

Плохо знаешь физіологію, дурочка моя...

Аня.

Ничего я не знаю, ничего!—Знаю только любить тебя—вотъ такъ! (*обнимаетъ его за шею*). Да, я дурочка... и, думается мнѣ, что безъ вашей физіологіи женщина можетъ быть ужасно счастлива, а безъ любви... уже какая это женщина!.. Вотъ я—вся твоя, тобой только живу—и счастлива. Ты сказалъ: жениться нельзя—и не надо. Ей-Богу, ни на что не жалуюсь, лишь-бы миленькій мой, царёкъ мой, не разлюбилъ меня... (*схватываетъ его руки и хочетъ цѣловать; онъ съ силою отнимаетъ ихъ*). Ваня, я надоѣдаю тебѣ моими ласками? Ты вонъ какой, у, сентябрь!.. Тебѣ со мною скучно?.. Другая, умная съумѣла-бы разговорить тебя.

Радѣевъ.

Аня!—Какъ ты выражаешься?

Аня.

Нельзя такъ?—Не буду.—Скажи, ты прежде любилъ какую-нибудь очень умную барыню?

Радѣевъ.

Опять?!—Вѣдь я говорилъ тебѣ, что это вопросъ глупѣйшій!..

Аня.

Ай, забыла! Не буду, не буду, не буду, не буду! (*Зажимаетъ платкомъ ротъ и глядитъ на него изподлобья*) Вотъ напрасно я разсказала тебѣ про нездоровье... Съ этого самаго слова ты и надулся...

Радѣевъ.

Да... здоровье надо беречь... (*Опустивъ голову хмурится*). Ты не понимаешь...

Аня.

Пустяки, пройдетъ.—Я не нѣженка. У меня въ дѣтствѣ чего-чего не было—лихорадка, скарлатина, корь—и все само-собой проходило. Ахъ, разскажу тебѣ, вотъ смѣхъ-то! Когда еще была я въ пансіонѣ, у одной дѣвочки... Ха, ха, ха! (*хохочетъ долго и вдругъ останавливается, схватившись рукой за сердце*). Знаешь, Ваня... пойдемъ туда... въ комнаты... мнѣ что-то вдругъ... знобитъ. . уфъ!.. не хорошо.

Радѣевъ—*растерянный*.

Ахъ, Аня, Аня!... Видишь, какая ты... Говорилъ, что надо теплѣй одѣваться... (*Ведетъ ее подъ руку къ дому*).

Миша—*съ террасы*.

Господинъ Швырковъ пріѣхалъ по дѣлу,—прикажете принять?

Радѣевъ.

Что? Швырковъ? Это что за сюрпризъ!.. Аня, обойди кругомъ, чтобъ не встрѣтиться и тамъ, въ моемъ кабинетѣ прилягъ, успокойся... Я сейчасъ отдѣлаюсь. Чтобъ это значило—по дѣлу?.. Одна-то дойдешь-ли?

Аня.

Дойду, дойду... Ты поскорѣй только... (*Уходитъ*).

Радѣевъ — *Мишѣ*.

Проси господина Швыркова сюда.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Радѣевъ и Швырковъ.

Радѣевъ.

По дѣлу... Какія дѣла, когда въ головѣ гвоздемъ сидитъ одно, одно!.. Ахъ!.. А мы-то съ Нилушкой преважно рѣшаемъ: время терпитъ... Да, вотъ оно—терпитъ!.. О, несчастье, несчастье!.. (*Схватывается за голову*). Ну, о какихъ дѣлахъ стану я разговаривать, когда ни себя, ни вокругъ себя ничего не понимаю!.. И все-то скрывай, все ломай себя... Мука! (*Входитъ Швырковъ*). Ба! Θедоръ Богданычъ, милости просимъ. Какими судьбами? Вотъ не ожидалъ.

Швырковъ.

Имѣю честь бить челомъ нашему... Да-съ, *нашему*—въ настоящемъ случаѣ это имѣетъ особый смыслъ... нашему достойнѣйшему Ивану Димитріевичу.

Радѣевъ.

Какое торжественное вступленіе, ха, ха, ха!

Швырковъ.

Позвольте,—какъ это въ древности... Былъ знаменитый мужъ... Эхъ, забылъ имя!—который удалился въ деревню и мирно пахалъ свое поле. И вдругъ къ нему является вѣстникъ и говоритъ: э—э... (*щелкаетъ пальцами*). Эхъ, забылъ, какъ его!—Но все равно: пожалуйте, говоритъ, Римъ зоветъ васъ, спасите Римъ! Такъ и теперь-съ,—вы этотъ (*опять щелкаетъ пальцами*)... э, чортъ его побери!—вы—этотъ самый гражданинъ, а я тотъ самый вѣстникъ...

Радѣевъ.

Ничего не понимаю! Что за чепуха такая? Что вы шутите, Ѳедоръ Богданычъ?

Швырковъ.

Какія шутки!.. Вотъ письмо отъ нашего глубокоуважаемаго Помпея Платоновича (*подаетъ письмо*). Прочтите.

Радѣевъ — *прочелъ письмо внимательно.*

Что такое?—Мнѣ предлагаютъ кандидатуру городского головы?

Швырковъ.

Вѣрно-съ. Это требуетъ нѣкоторыхъ комментарій, ради чего я и присланъ. Настоящій нашъ городской голова, какъ и вы, можетъ, знаете, не голова, а, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ что такое. Ни съ кѣмъ не поладилъ, не умѣлъ понять своего назначенія, всѣ недовольны—и мы допекли его такъ, что отказался, по болѣзни, разумѣется... Въ городѣ поднялась агитація, вожаки наши судили-рядили, всѣ перегрызлись—и ужъ Помпей Платонычъ помирилъ ихъ, указавъ на васъ, какъ на представителя, который соединяетъ въ себѣ все...

Радѣевъ.

Много чести! Однако позвольте... Я хоть и гласный, но всегда былъ чуждъ городскимъ дѣламъ, ни во что не мѣшался...

Швырковъ.

Это-то и отлично! Вы свѣжій человѣкъ, неприсущій нашимъ дрязгамъ... Вы—самый подходящій... Такого и требуется.

Радѣевъ.

Все-таки, нужна-же подготовка, а я...

Швырковъ.

Вы... да чего вамъ недостаетъ?—Ужъ это, извините, неумѣстная скромность. Вы—человѣкъ развитой, ума не занимать стать, честный, репутація не замарана никакимъ скандаломъ—а какъ это у насъ рѣдко! Наконецъ, вы человѣкъ либеральный, да-съ—въ лучшемъ смыслѣ слова либеральный! — Вы удовлетворяете всѣмъ требованіямъ...

Радѣевъ—*усмѣхнувшись.*

Кромѣ кое-какихъ пустяковъ, въ родѣ опытности, знанія дѣла...

Швырковъ.

Хе, хе! Да вы городовое положеніе читали? Вотъ и весь кладязь мудрости!—Главное-съ, вы поймете наши нужды. Имя ваше слишкомъ популярно еще со временъ покойнаго вашего батюшки—это ужъ много значитъ. Вы знаете насъ и мы васъ знаемъ; мы вамъ не чужіе—и вы намъ свой. Прямо скажу: Помпея Платоныча просто вдохновеніе осѣнило...

Радѣевъ.

Благодарю васъ. Вы такой панегирикъ мнѣ читаете, что.... даже совѣстно. Но вѣдь могутъ выступить и другіе кандидаты,—зачѣмъ-же мнѣ рисковать, чтобъ на вороныхъ прокатили?

Швырковъ.

Э, что намъ эти кандидаты! Вы разберите, кто за васъ—вѣдь это все силы-съ, крупныя силы! Первый—нашъ Помпей—банковскій Юпитеръ, а въ наше время только развѣ младенцы векселей въ банкѣ не учитываютъ. Потомъ Елена Потаповна—моя довѣрительница. Дальше-съ: Семпелевичъ — врачуетъ, такъ

сказать, всю администрацію. Отъ купечества—Топтыгинъ, Дуролюбовъ—за ними весь гостинный дворъ, базары, слободки. Наконецъ, по части интеллигенціи—вашъ покорнѣйшій слуга.... хоть и маленькій человѣчекъ, но кое-что могимъ-съ!—Я человѣкъ пера: съ завтрашняго-же дня какъ начну въ нашей газетѣ орудовать-съ—тактично, знаете—такъ пари держу, черезъ недѣлю всѣмъ станетъ ясно, что выборъ Радѣева—гласъ народа. Ручаюсь! Послѣ всего, мыслимо-ли колебаніе? Это дѣло вѣрное,—оно у васъ тутъ, въ карманѣ. Да-съ! Итакъ, ваше согласіе?

Радѣевъ.

Признаюсь, вы захватили меня въ такую минуту... то-есть, совсѣмъ врасплохъ... Такъ все это неожиданно и странно!.. И кому-жъ первому вспало на мысль?

Швырковъ.

Иниціатива, конечно, Помпея Платоныча — онъ не забылъ дружбы съ вашимъ батюшкой. Но, если хотите, первый, кто произнесъ ваше имя... Отгадайте—кто?

Радѣевъ.

Право, недоумѣваю...

Швырковъ.

Ни за что не отгадаете... Людмила Михайловна...

Радѣевъ.

Половецкая?..

Швырковъ.

Да-съ, она... и еще какъ горячо ратовала!

Радѣевъ.

Вотъ странность!.. (*Хмуритъ брови*).

Швырковъ.

Вы въ изумленьи? Знаю-съ... Но ваша старая размолвка съ нею... хе, хе!.. вѣдь это недоразумѣніе и больше ничего. Головка у этой барыни, доложу вамъ, министерская-съ. Она понимаетъ, что въ общемъ дѣлѣ нѣтъ мѣста личнымъ счетамъ.

Радѣевъ—*какъ будто про себя.*

Послѣ этого я ужъ совсѣмъ сбитъ съ толку...

Швырковъ.

Итакъ-съ, они теперь всѣ въ сборѣ у Помпея Платоныча сидятъ и ждутъ меня съ вашимъ окончательнымъ отвѣтомъ. Рѣшайте.

Радѣевъ.

Поразмыслить надо, любезнѣйшій Ѳедоръ Богданычъ.

Швырковъ.

Крупные шаги рѣшаются съ маху. Я вамъ ручаюсь, я! Все будетъ отлично!

Радѣевъ—*пройдясь.*

Передайте мою глубокую благодарность Помпею Платонычу и всѣмъ,—считаю за особенную честь...

Швырковъ—*не давъ ему договорить, кидается обнимать его.*

Чудесно! Чудесно! Браво!

Радѣевъ.

Но позвольте,—я еще переговорю съ Помпеемъ Платонычемъ.

Швырковъ.

Поѣдемте,—у меня тутъ своя коляска.

Радѣевъ.

Чтò вы, чтò вы? Ха, ха... ужъ этого вѣрно вамъ не поручали! Черезчуръ...

Швырковъ.

Правда, правда... я... того—увлекся... ха, ха! Да предоставьте ужъ мнѣ вкусить торжество этой минуты. (*Глядитъ на него любовно*). Ахъ, еслибъ вы знали, дорогой нашъ, милый нашъ Иванъ Дмитричъ! (*Еще разъ крѣпко обнимаетъ его*). Лечу!—да-съ, знали, кому поручить... я счастливъ!—Merci!—Adieu! (*бѣжитъ въ глубину сцены*).

Радѣевъ.

Постойте,—куда вы? Не туда.

Швырковъ.

Все равно! Моя коляска у воротъ. Merci! Лечу! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Радѣевъ, потомъ Косаревъ, Аня и Нилушка.

Радѣевъ—*долго стоитъ, какъ ошеломленный. По лицу его, чередуясь, перебѣгаютъ, то выраженіе заботы и сомнѣнія, то неудержимая, торжествующая радость.*

Что-жъ это, а?—Сонъ? Явь? (*Перечитываетъ письмо и потомъ самодовольно складываетъ его и опускаетъ въ карманъ*). Швырковъ правъ—дѣло въ карманѣ. Я имъ нуженъ — очень просто. Что-жъ, вѣдь не боги горшки обжигаютъ—попробуемъ... Гмъ, общественная дѣятельность... (*Проводитъ рукою по лицу*). Кажется, шесть... да, шесть тысячъ... Главное—положеніе... да! (*Задумывается*). Нѣтъ, Половецкая-то!.. Какова Половецкая?—Дьявольски-интересно!... (*Замѣчаетъ Косарева, который выходитъ на террасу весьма угрюмый, мрачный*). Ахъ, Боже мой!.. (*Къ нему*). Алексѣй Захарычъ, что нахмурились? Давайте-ка въ преферансикъ.

Косаревъ—*подходитъ къ нему, грозно сверкая глазами.*

Иванъ Дмитричъ... я—старый солдатъ, фальшивить не умѣю .. Прощайте,—мы пойдемъ домой.

Радѣевъ.

Что это значитъ?—Что случилось?

Косаревъ.

Да тамъ... Аня... плачетъ...

Радѣевъ.

Плачетъ... что̀ съ нею?

Косаревъ.

Что̀?—Ничего... Коли вы не знаете,—стало, ничего. Кому-же знать? Одинъ я вижу и понимаю все... Прощайте!—Наше горе мы какъ-нибудь и перетерпимъ его... а васъ сударь... да проститъ васъ Богъ!..

Радѣевъ.

Постойте, Алексѣй Захарычъ... я... вѣдь я... (*Про себя*). Ба! исторія, огласка—и все пропало!.. (*Къ нему*). А вотъ мы сейчасъ... (*Быстро идетъ къ террасѣ*). Сама судьба хочетъ,—да, судьба! (*Зоветъ въ дверь*). Анна Сергѣевна! Аня... Аня!.. Поскорѣй!..

(*Аня выходитъ, за нею Нилушка. Радѣевъ беретъ ее за руку и подводитъ къ Косареву*).

Радѣевъ.

Что ужъ, дѣдушка — благословите-ка насъ... Надѣюсь, что мы плакать больше не будемъ...

(*Общее изумленіе. Старикъ кидается обнимать Радѣева; рѣчь его безсвязна, всхлипыванья мѣшаются съ младенческимъ смѣхомъ*).

Косаревъ.

Родные мои! Иванъ Дмит... простите, простите грѣшнаго!.. Посумнился... грѣшенъ! А вы—благороднѣйшій... Аня! Дѣточка моя! (*обнимаетъ ее*). Ну, полно, полно, — кашеваръ ты мой, полно!

Нилушка—*подошелъ раньше и протягиваетъ руку Радѣеву*.

Жму руку честнаго человѣка.

Аня.

Ваня... Царёкъ мой!.. Откуда мнѣ такое счастье!

(*Она почти безъ чувствъ повисла на шеѣ Радѣева, который серьезно, озабоченно поникнулъ головой*).

Косаревъ.

Иванъ Дмитричъ, смотрите... (*указываетъ на внучку и грозитъ ему*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ домѣ Ипатьева пріемный кабинетъ. На правой стѣнѣ два окна, между ними низенькій турецкій диванъ. Налѣво—на первомъ планѣ великолѣпное бюро, на которомъ среди обычныхъ аксессуаровъ красуется большой женскій портретъ въ золоченой рамкѣ; на второмъ планѣ маленькая маскированная дверь во внутреннія комнаты. Вмѣсто задней стѣны кабинетъ отдѣленъ отъ залы колоннами, за которыми повѣшены тяжелыя драпировки. Между средними колоннами полы драпировки широко откинуты, такъ-что зрителю видна внутренность залы, гдѣ сервированъ большой столъ для завтрака. Стѣны кабинета украшены портретами разныхъ чиновныхъ особъ прежняго времени; по угламъ два мольберта, на которыхъ висятъ генеральная карта губерніи и планъ города въ большомъ масштабѣ. Часъ третій дня.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Ипатьевъ полулежитъ на диванѣ; Топтыгинъ (въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ) сидитъ поодаль на стулѣ. Варя въ теченіе сцены выходитъ изъ маленькой двери.

Ипатьевъ.

Нѣтъ, ты мнѣ скажи, куда нашъ общественный смыслъ дѣвался? Признаюсь, я его не вижу, давно не вижу. Говорятъ, партіи,—прекрасно! Хоть я и не признаю въ Россіи никакихъ партій, но допускаю, подъ условіемъ, чтобы всѣ партіи шли рука объ руку, преслѣдовали одну и ту же цѣль. Гдѣ-же у насъ эта цѣль? Гдѣ единодушіе? Ничего этого, милый мой, я не вижу. Такъ, шатанье какое-то.

Топтыгинъ.

Это ты правильно, ваше превосходительство,—точно, ничего такого непримѣтно, чтобы какъ способнѣе... Больше все иниціатива теперича пошла. Сказываютъ, выискались затѣйники, норовятъ, слышь, какой-то еще цензъ образованный завести,—экзаменты, что-ль,—и не поймешь! А мы, стало, негодимся... Хе-хе, чудной народъ!

Ипатьевъ—*почти не слушаетъ его и увлекается музыкой своихъ словъ.*

И возьми ты, любезный мой, хоть то въ соображеніе: если бы въ этой массѣ да не нашлось—ужъ не говорю, двухъ-трехъ,—а хоть одного руководителя, знаешь, этакого независимаго, который бы знаніе дѣлъ соединялъ съ практическимъ опытомъ,

который бы указывалъ, направлялъ, оставаясь внѣ всякихъ интересовъ—такъ-сказать, въ амбразурѣ окна,—что̀ бы это было?—Нѣтъ, сознайся, что̀ бы такое это было?—А?

Топтыгинъ.

Да ужъ это, что говорить—бѣда!—Всѣ врозь. Тутъ тебѣ съ одной стороны внушають экономическое это процвѣтаніе, нужды—промышленности преподаютъ и прочее поощреніе,—а тутъ же сейчасъ тебѣ дезынфекцыя, санитарная коммиссія свое ладитъ. Модники! А у меня теперя кожевенный заводъ—чать, тоже сапоги всякому нужны... Кричатъ: ты рѣчку отравляешь, переносись прочь. Ахъ, будь имъ неладно! Уповаемъ, новый голова вникнетъ.

Ипатьевъ.

Нѣтъ, ты скажи: умѣютъ-ли у насъ цѣнить людей,—отдаютъ-ли справедливость тѣмъ серьёзнымъ людямъ, которымъ...

Варя—*бойко вылетаетъ и подаетъ Ипатьеву письмо.*

Велѣно поскорѣй отвѣтъ.

Ипатьевъ—*съ неудовольствіемъ.*

Ахъ, Создатель!.. Что̀ за экстра? Ты извини, Яковъ Филипычъ.

Топтыгинъ.

Ничего, дѣло домашнее (*встаетъ и идетъ разсматривать планъ города*).

Ипатьевъ—*наскоро пробѣжавъ записку.*

М-м-м... да, хорошо... Скажите, хорошо.

Варя.

Да что хорошо-то? (*смѣется*). Вотъ, чудной вы! Тамъ что̀ вамъ пишутъ, прочтите-ка.

Ипатьевъ—*читаетъ внимательно.*

Да-а... то-есть, въ Думу заѣзжать не надо; послѣ выборовъ всѣ соберутся ко мнѣ, такъ пусть барыня прямо сюда.

Варя.

Ладно. А еще другія дамы будутъ? Впрочемъ, чтó я, дура, спрашиваю! (*смѣется*) нешто мы можемъ безъ дамъ?

Ипатьевъ—*укоризненно, но мягко.*

Варета!.. Ай-ай! (*киваетъ на Топтыгина*).

Варя—*жестомъ показывая, что тотъ не слышитъ.*

Слушаю-съ. Вотъ не знаемъ, какъ на счетъ туалетовъ будутъ.

Ипатьевъ.

Ну, ужъ это ваше дѣло.

Варя.

Во всемъ парадѣ явимся,—смотрите, не ослѣпните! (*Нехотя уходитъ, смѣясь и оглядываясь*).

Ипатьевъ—*встаетъ, откашливается и старается попасть въ прежній тонъ.*

Да... такъ вотъ ты и разсуди... Мужикъ ты умный... Да, надѣюсь, ты далъ понять мое неудовольствіе нашимъ жалкимъ крикунамъ?

Топтыгинъ.

Обругалъ прямо,—чего съ ними долго разговаривать!

Ипатьевъ.

То-то же. Мои предложенія должны проходить цѣликомъ, потому что у меня цѣльная программа. Когда я предлагаю, значитъ... критика тутъ неумѣстна. Поняли они, что мое отсутствіе на собраніи, такъ-сказать, косвенный протестъ. Чувствуютъ они это?

Топтыгинъ.

Какъ не чувствовать—не приведи Богъ, какъ галдятъ! Унять некому.

Ипатьевъ.

Я указалъ человѣка, я—и довольно!

Топтыгинъ.

Ты не серчай, Помпей Платонычъ,—ты насъ, дураковъ, помилуй,—и напредки...

Ипатьевъ.

Ладно! придутъ сроки векселямъ — я припомню кого слѣдуетъ... (*Глядитъ на часы*). Съѣзди-ка ты туда, скажи секретарю, чтобъ поторопили. Какъ бы еще чего не вышло...

Топтыгинъ.

Какъ можно! Налажено все въ акуратѣ. Я свой шаръ положилъ, да и къ тебѣ навѣдаться. А тамъ у меня деверь, зять да четыре племянника—имъ не въ первой хороводить-то. Ужъ изъ одного уваженья къ тебѣ...

Ипатьевъ.

Конечно... Надѣюсь, мои заслуги не забыты.

Варя—*вбѣгая подаетъ ему портсигаръ.*

Забыли вечоръ у насъ на диванѣ.

Ипатьевъ—*съ досадой.*

Э, Боже мой! (*бросаетъ на нее строгій взглядъ*). Такъ, пожалуйста, Яковъ Филипычъ, ты того...

Топтыгинъ.

Ѣду, сударь, ѣду. (*Уходитъ*).

Ипатьевъ.

Да возвращайся скорѣй (*проводивъ его до колоннъ, подходитъ къ Варѣ*). А вы, мамзель, слишкомъ ужъ вольничаете.

Варя.

Нешто я отъ себя,—посылаютъ.

Ипатьевъ—*съ притворнымъ гнѣвомъ.*

Посылаютъ!.. Кто васъ посылаетъ черезъ спальню, да еще съ такими глупостями? Тутъ посторонній человѣкъ.

Варя.

Важно кушанье!.. Да вы-то чего привередничаете? Словно никогда небывалое... ха-ха! Вотъ, кабы отъ себя дѣвушка пришла!..

Ипатьевъ—*заигрывая.*

А отъ себя небось не пришла-бы... плутъ!

Варя—*лукаво.*

Незачѣмъ намъ.

Ипатьевъ.

Ужъ будто?

Варя.

Да, будто! Намъ въ гости и придти-то не въ чемъ,—не такой-же ситцовой дурой? А на фаевое платье капиталу нѣтъ.

Ипатьевъ.

Бѣдняжечка, замарашечка! (*покушается взять ее за подбородокъ*). Вишь, чего мы захотѣли—фаевое платьице подай!

Варя—*уклоняясь.*

Не все-же однѣ барыни, и наша сестра со вкусомъ бываетъ. Больно скаредны стали господа-то.

Ипатьевъ.

Ну, ну, не гнѣвайся! (*даетъ ей деньги*). Вотъ тебѣ, душенька, пока...

Варя.

Мерси вамъ. (*Прячетъ деньги въ карманъ и будто не замѣчаетъ, что Ипатьевъ обнялъ ее за плечо*).

Ипатьевъ.

Я давно хотѣлъ тебѣ сказать... М-м-м...

Варя—*освобождаясь.*

Позвольте съ. Вотъ я вамъ хотѣла сказать, такъ ужъ точно... Вы ничего не примѣчаете?

Ипатьевъ.

Что такое?

Варя.

Зачѣмъ я забѣжала-то, — вѣдь сигарошница ваша одинъ предлогъ.

Ипатьевъ.

Ну?

Варя.

У насъ барыня задумываться стала.

Ипатьевъ.

Что-же, чего ей... чего не достаетъ?

Варя.

А ужъ про то у нея надо спросить, чего недостаетъ...

Ипатьевъ.

Ты чтó же полагаешь?

Варя.

Тò полагаю, что вамъ надо не зѣвать: скорѣй подъ вѣнецъ— и дѣлу конецъ! Я ужъ не первый годъ при ней, отлично знаю... Она вотъ этакъ всегда начнетъ задумываться,—думаетъ-думаетъ, да и брякнетъ вдругъ такой фортель, что чертямъ тошно! Ей-Богу! ужъ я ее знаю! Мнѣ что-жъ... а такъ-какъ теперь мы живемъ, слава Богу, смирно, благородно—и ей почетъ, и мнѣ не обидно, такъ должна же я остеречь.—Мнѣ ее жалко!

Ипатьевъ.

Какая-жъ причина?—гмъ, странная женщина!

Варя.

Голова путаная—вотъ и все. Ой, я и заболталась! Одѣвать ее надо. Прощайте, баринъ. Такъ, примѣчайте.

Ипатьевъ.

Да, да... примемъ мѣры (*улыбается*). Добрая ты дѣвочка, Варета... (*Хочетъ ее поцѣловать*).

Варя.

И, чтó вы, баринъ! Какъ не стыдно! А еще женихъ!

Ипатьевъ.

Я по-отечески, по-отечески... (*Варя подставляетъ ему лобъ и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ипатьевъ, Файнъ и Семпелевичъ.

Ипатьевъ — *поцѣловавъ Варю, дѣлаетъ молодцоватый поворотъ и идетъ на встрѣчу гостямъ.*

А, здравствуйте, господа, здравствуйте! (*рукожатія*). Что́? кончено?

Семпелевичъ.

Прошелъ громаднымъ большинствомъ.

Файнъ.

Подавляющимъ большинствомъ... écrasant!

Ипатьевъ.

Такъ и слѣдовало ожидать.

Файнъ.

Ну, нѣтъ, votre excellence,—насъ благодарите, всѣ дружно поработали. Я, конечно, тутъ гость, но тоже кое-что подстроилъ. (*шутовскимъ тономъ, пародируя жидовскій жаргонъ*) «И цто ви соби думаете? Наси еврейцики, ци не цестные граздане, ой вай!» Ха-ха-ха!.. Вѣдь и намъ бѣднымъ желѣзно-дорожничкамъ городской голова пригодится.

Ипатьевъ.

Ха-ха! (*Серьезно*). Раскаяваться не будемъ—онъ оправдаетъ, —о, онъ оправдаетъ!

Семпелевичъ.

Какъ не оправдать! Ты послушалъ бы, что тамъ (*указывая въ потолокъ*), тамъ что говорятъ.

Ипатьевъ (*съ живостью*).

Гдѣ? что́?—Ага, ты успѣлъ ужъ туда заѣхать!

Семпелевичъ.

А ты какъ полагаешь? (*Ударяетъ себя по лбу*). Ого! Эта голова... то-есть, нѣтъ—теперь голова у насъ Радѣевъ; но и эта голова—ля-тетъ! Заѣхалъ къ нашему сіятельству... яко бы больную няньку провѣдать, бо домашній врачъ есмь!

Ипатьевъ.

Ай-да Эрастикъ! Умно!.. Ну, и что же, какъ наша почтенная администрація смотритъ на это?

Семпелевичъ.

Бла-го-склон-но... Прекрасный, говорятъ, голова у насъ будетъ: Помпей Платонычъ самъ себя выбралъ,—чего же лучше!

Ипатьевъ—*смѣется сквозь зубы.*

Очень мило... остроумно... Ха-ха!.. Чтожъ, Радѣевъ—тряпка, что ли?—хе-хе!.. Однакожъ, какъ имъ каждый мой шагъ глаза колетъ... Забавно!

Файнъ.

Pardon, Помпей Платонычъ, нескромный вопросъ: отчего у васъ идетъ съ ними пикировка?

Семпелевичъ.

Оттого, что нашъ Помпей тоже голова—ля-тетъ. Такихъ у насъ не любятъ.

Ипатьевъ—*лицемѣря.*

О, нѣтъ, напротивъ, я даже очень хорошъ; стараюсь ладить... Вѣдь когда-то шли рука объ руку, вмѣстѣ работали; но съ тѣхъ поръ, какъ я удалился на покой, живу скромнымъ гражданиномъ и вѣдаю одинъ только нашъ банкъ—вышло нѣчто странное: во мнѣ хотятъ видѣть оппозицію... понимаете? оппозицію! А я, право, смирнѣйшій изъ смирныхъ... хе-хе!

Семпелевичъ.

Не говори, Помпей—тебя все-таки побаиваются.

Ипатьевъ.

Да Господь съ ними!.. Я всѣмъ добра желаю...

Файнъ.

А какая миленькая жена у Радѣева,—прелесть!

Ипатьевъ.

Да вотъ — лучшее доказательство, что Радѣевъ не тряпка: вѣдь какъ я былъ противъ этого брака,—по праву стариннаго друга его отца, позволилъ себѣ вмѣшаться—и, куда! на дыбы!.. (*Вздохнувъ*). Вотъ и женился.

Семпелевичъ.

Вѣдь она совсѣмъ не изъ общества,—простушка.

Файнъ.

То-то и пикантно... Гмъ, заняться образованіемъ такой простушки... «Ганцъ гите гешефтъ!» Я бы съ удовольствіемъ...

Ипатьевъ.

Ахъ вы—ловеласъ!.. И то всѣмъ барынямъ головы вскружили. Балуютъ онѣ васъ!

Файнъ.

Да... (*зѣвнувъ*) отъ скуки... А точно, всѣ балуютъ, начиная съ Людмилы Михайловны.

Ипатьевъ.

О-о!—поздравляю!.. Только, смотрите, не обожгитесь! (*Натянуто смѣется*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Швырковъ.

Швырковъ—*вбѣгаетъ запыхавшись*.

Уфъ, съ ногъ сбился!—Ну, Помпей Платонычъ, имѣю честь поздравить,—великолѣпно прошелъ: всего тринадцать черняковъ.

Ипатьевъ.

Чортова дюжина—знаю ихъ всѣхъ. А перебѣжчиковъ не было?

Швырковъ.

Я все караулилъ у ящика. Какъ подходитъ какой сомнительный избиратель, я сейчасъ слѣжу за рукой—видно, куда рука-то идетъ, направо или налѣво... чуть фальшъ—взгляну прямо въ глаза, этакъ, знаете... ну, и сконфузится. Человѣкъ десять я этимъ маневромъ направилъ на путь истинный.

Ипатьевъ.

Вы у насъ молодецъ!—Что-жъ не ѣдутъ?

Швырковъ.

Сію минуту будутъ. (*Бросается на диванъ*). Фу, измучился! Съ восьми утра на ногахъ.

ИПАТЬЕВЪ.

Извините, господа, мнѣ надо распорядиться, — хозяйки въ домѣ пока нѣтъ. (*Уходитъ*).

ФАЙНЪ—*Семпелевичу*.

Хозяйки пока нѣтъ... ха-ха! Да когда-жъ она будетъ? Говорятъ, ужъ давно въ женихахъ числится.

СЕМПЕЛЕВИЧЪ.

Н-да. Старому холостяку, знаете, страшновато,—риску много.

ФАЙНЪ.

Особенно съ такой барыней, какъ Людмила Михайловна... Ого, знаю я ихъ!.. Вотъ m-me Радѣевъ—совсѣмъ другое дѣло... Всевѣдущій докторъ, какъ думаете, можно? (*Шепчется съ нимъ*).

ШВЫРКОВЪ — *вскочилъ, какъ ужаленный*.

Ба! телеграмму состряпать въ международное агентство... (*Садится къ бюро*). Сколько у меня работы, ай-ай-ай!.. Домой пріѣду—сейчасъ за передовую статью садись. Эхъ! (*Пишетъ*).

СЕМПЕЛЕВИЧЪ.

Охота-жъ вамъ! Деньги платятъ, что ли?

ШВЫРКОВЪ — *декламируетъ*.

«Изъ чести лишь одной я въ домѣ семъ служу!»
(*Зала начинаетъ наполняться гостями; нѣкоторые заглядываютъ въ кабинетъ, какъ-бы отыскивая хозяина. Появляется Радѣевъ. Поднимается безсвязный говоръ и крики „ура!“ — Лакеи разносятъ шампанское. Гости чокаются бокалами, иные обнимаются*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же, Брюхачева, потомъ Ипатьевъ.

БРЮХАЧЕВА — *одѣта очень богато и моложаво; съ букетомъ въ рукѣ. Останавливается у колонны*.

Гдѣ-жъ онъ?

Файнъ.

А, вотъ и ваша belle Hélène,—кого она ищетъ? (*Пародируя жидовскимъ жаргономъ*) «Чи Париску, чи Менелайку, чи шмаркательный платокъ себѣ шукаетъ?»

Семпелевичъ.

Тише! (*Указывая на Швыркова*). Ея повѣренный.

Файнъ.

И даже больше... Знаю... Я нарочно,—люблю подразнить.

Швырковъ — *бросивъ на Файна вызывающій взглядъ, идетъ на встрѣчу Брюхачевой.*

Пожалуйте, Елена Потаповна, пожалуйте! Вотъ, мосьё Файнъ... (*насмѣшливо и нагло*) виноватъ!—т.-е., баронъ Файнъ только-что говорилъ о васъ, горѣлъ нетерпѣніемъ васъ видѣть...

Файнъ — *кланяется въ крайнемъ замѣшательствѣ.*

Bon jour, madame... Очень радъ... Какой прелестный букетъ! (*всторону*) А каковъ мазурикъ!

Брюхачева.

Хорошъ букетъ, да не про васъ. Нынче у насъ собственно есть гость по-милѣй... Попей Платонычъ!—Попей Платонычъ! Да куда-жъ онъ запропастился? Ахъ, Господи!

Швырковъ—*подсказываетъ ей тихо.*

Пом-пей, Помпей...

Брюхачева—*громко.*

Ну вотъ еще, стану языкъ ломать! (*Входитъ Ипатьевъ*). Попей Платонычъ, батюшка, да какъ же намъ эту церемонію съ букетомъ соблюсти?

Ипатьевъ.

А вотъ сейчасъ... Онъ тамъ переходитъ изъ однихъ объятій въ другія... Сейчасъ Людмила Михайловна пріѣдетъ, мы тогда и устроимъ.

Брюхачева.

Что ужъ это! Людмила Михайловна, коли захочетъ, можетъ сама отъ себя, а я желаю какъ есть одна, какъ представитель-

ница, именно отъ лица всѣхъ дамъ. Вотъ ужъ подлинно, какъ-бы сказать, отъ души и сердца, лично одна желаю.

Ипатьевъ.

Прекрасно! Сейчасъ устроимъ. (*Ускользаетъ отъ нея въ залу. Файнъ и Семпелевичъ уходятъ за нимъ*).

Брюхачева.

Вотъ ужъ именно!.. Ему бы все только милочку свою на первый планъ... Безсмѣнный женихъ!.. Слава-Богу, тутъ другія есть не хуже! (*Швыркову*). Ѳедоръ Богданычъ, постой, какъ же мнѣ говорить-то?

Швырковъ.

Вѣдь я же объяснялъ... какъ можно короче; нѣсколько словъ. Поздравляю-молъ, всѣ мы радуемся, возлагаемъ надежды... Вѣдь я вчера написалъ вамъ на бумажкѣ.

Брюхачева.

Знаю ужъ... Ну, а про то вотъ собственно, чтобы дума какъ можно скорѣй купила мой домъ подъ училище, — помянуть аль нѣтъ?

Швырковъ.

И, Боже упаси!—Что вы, съ какой стати?

Брюхачева.

А какъ же? Возлагаемъ надежды — ну, стало быть, оно самое и есть!—При этакомъ-то парадѣ и хорошо вклеить, чтобы помнилъ. Вѣдь оно дѣло общественное.

Швырковъ.

Ни-ни-ни, не надо! Слушайтесь меня; объ этомъ мы послѣ. (*Заглянувъ въ залу*). Ну, вотъ теперь идите.

(*Брюхачева охорашивается и торжественной походкой идетъ въ залу. Радѣевъ стоитъ у стола съ бокаломъ въ рукѣ. Брюхачева, подавая ему букетъ, начинаетъ громко: «Нашъ дорогой и подлинно ужъ весьми любимый»... Вдругъ Топтыгинъ безцеремонно отстраняетъ ее и, облобызавъ Радѣева, кричитъ во всю глотку*).

Топтыгинъ—*залпомъ безъ остановокъ*.

Мы попросту. Я-те мудрыхъ словъ винтить не буду. Мы

уповаемъ, а ты старайся. Тутъ теперича нужды—промышленности, пользы, выходитъ, коммерческаго сословія, какое потребуется воспособленіе, али привилегія—ты вникни. У меня теперича кожевенный заводъ, у другого опять тоже свое производство; ты предоставь способы, чтобы какъ вольготнѣй. Ежели, къ примѣру, нетокма англичанинъ, а иногородніе сунутся,—въ привозѣ юфть это, положимъ, издѣліе—ты сейчасъ: цыцъ, не надо!—Намъ своего довольно... потому, отечественное... Чужихъ не пущай!

Швырковъ — *безпокойно слѣдилъ за каждымъ словомъ Топтыгина.*

Ну, поѣхали наши Андроны! (*Не выдержавъ, бросается въ залу*). Господа! Цссъ!.. (*Шиканье*). За здоровье Ивана Дмитріевича,—урра!

(*Общій крикъ и суматоха, въ которой ничего нельзя разобрать, кромѣ слова: «виновникъ»*).

Брюхачева—*раскраснѣвшаяся и какъбудто немного помятая, продирается изъ толпы и выбѣгаетъ прямо на авансцену.*

Ну ужъ именно!—Вотъ ужъ точно!—Нагнали всякаго мужичья... Да нога моя здѣсь не будетъ!—Сейчасъ, сейчасъ ѣдемъ!

Швырковъ—*слѣдомъ за нею.*

Елена Потаповна!.. Елена Потаповна!.. ради Бога, потише! Неловко... Надо извиниться предъ Помпей Платонычемъ.

Брюхачева.

Никакъ вы рехнулись! Еще я-же извиняйся! Ѣдемъ!

Швырковъ.

Мнѣ неловко... я останусь... Тутъ дѣло будетъ еще...

Брюхачева.

Знаю это дѣло — выпивка... (*Строго*) Ѳедоръ Богданычъ! Вамъ это вредно... вы знаете?—вредно... Вспомните... что̀ съ вами бываетъ?

Швырковъ.

Да я, ей-Богу... сейчасъ же...

Брюхачева.

Ну, хорошо-же! Помните, помните это! Я уѣзжаю, а вы... и не являйтесь!

Швырковъ.

Смотрите, Помпей Платонычъ на встрѣчу,—онъ васъ удержитъ.

Брюхачева—*оглядывается кругомъ и заметалась.*

Ахъ, батюшки, куда-же мнѣ?.. Э, пропадай они всѣ,—я и тутъ пройду. (*Идетъ въ боковую дверь и въ тотъ же моментъ выскакиваетъ назадъ*). Тьфу! (*Опрометью убѣгаетъ въ залу.—Швырковъ за нею*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Ипатьевъ, Половецкая и Файнъ.

Ипатьевъ—*глядитъ вслѣдъ Брюхачевой.*

Что съ ней?—Вѣдь экая несообразная баба! (*Увидя Половецкую, входящую подъ руку съ Файномъ*). А, солнце наше красное!—Что такъ опоздали? (*Цѣлуетъ у ней руку*).

Половецкая.

Можетъ быть, и совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать. (*Указывая вѣеромъ вслѣдъ Брюхачевой*). Дамы бѣгутъ отсюда точно съ пожара.

Ипатьевъ.

Вѣдь она у насъ—Алена-блаженная, ха, ха, — всѣмъ извѣстна. Сейчасъ по хорошему русскому обычаю—пирогъ подадутъ, а пока я оставлю васъ въ пріятной компаніи. (*Уходитъ*).

Половецкая.

Мы помѣстимся здѣсь. Издали интереснѣй и (*смѣется*) безопаснѣй. (*Садится на диванъ*).

Файнъ.

Воображаю, что̀ послѣ завтрака у нихъ пойдетъ, у! Когда открывали нашу дорогу, вѣрите-ли, моего фатера закачали до обморока. Позволите мнѣ подлѣ васъ помѣститься? (*Садится*). Всегда любуюсь на васъ: столько вкуса,—въ каждой ленточкѣ, въ каждой складочкѣ, столько... столько этого... je ne sais quoi... Вы совсѣмъ не русская провинціальная барыня...

Половецкая.

Я—чисто-русская и архи-провинціалка. А вы... (*шутливо*) вы попробуйте говорить безъ банальностей, если хотите, чтобъ я васъ слушала. Выдумайте что-нибудь новое. Eh bien?

Файнъ.

Слушаю-съ.—Видѣли вы жену Радѣева?—Вотъ вамъ новое и въ высшей степени интересное...

Половецкая—*небрежно.*

А, да!—Впрочемъ, не знаю, не видала... Да и его самого я давно не видала. Сегодня онъ—герой дня. Каковъ онъ? Я думаю, весь сіяетъ, лучезаренъ.

(*Въ залѣ гости принимаются за завтракъ à la fourchette*).

Ипатьевъ — *изъ-за колонны.*

Пирогъ на столѣ. Пожалуйте, пожалуйте. Людмила Михайловна!

Половецкая.

Я здѣсь останусь, не хочу. (*Файну*). А васъ не удерживаю. Чтобъ ѣсть пирогъ—не нужно никакого остроумія.

(*Файнъ кланяется, какъ школьникъ, съ напускной ироніей*).

Ипатьевъ.

Ага!—Что батинька—грибокъ скушали! Да-съ, мы бѣдовые! (*Самодовольно смѣется, и взявъ Файна подъ руку, уводитъ*). Пойдемте, пойдемте!

Половецкая—*по уходѣ ихъ, нѣкоторое время сидитъ въ раздумьи, нахмуривъ брови, потомъ быстро встаетъ и ходитъ по комнатѣ порывистой рѣшительной походкой.*

Неужели я должна подойти къ нему? — «Поздравляю васъ, Иванъ Дмитричъ,—желаю вамъ»... Чего-жъ я ему пожелаю-то?—Ха, ха, ха!.. Да счастья, разумѣется! И мы не расхохочемся другъ-другу въ глаза?—Нѣтъ... невозможно!.. (*Увидя проходящаго Семпелевича*). Докторъ, идите сюда!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Половецкая и Семпелевичъ.

Семпелевичъ.

Ахъ, милая наша барыня! Что вы тутъ въ одиночествѣ? Пойдемте въ залу.

Половецкая.

Стойте.—Эрастикъ, вы мой старый пріятель?

Семпелевичъ.

До гроба и даже больше.

Половецкая.

Окажите мнѣ маленькую услугу.

Семпелевичъ.

Приказывайте,—на Сахалинъ пѣшкомъ схожу.

Половецкая.

Устройте, чтобъ Радѣевъ сюда пришелъ.

Семпелевичъ.

Чего же проще!

Половецкая.

Да вы поймите хорошенько: чтобъ это вышло нечаянно,—я тутъ непричемъ,—и чтобъ... понимаете? третьяго не надо...

Семпелевичъ.

И то, и это, и все понимаю... Гмъ! (*улыбается*).

Половецкая.

Не улыбайтесь такъ гадко... просто, хочу съ нимъ помириться.

Семпелевичъ.

Конечно, конечно—христіанское дѣло!

Половецкая.

Ну, идите же, да будьте умничекъ.

Семпелевичъ.

О, увидите! Вѣдь это (*ударивъ себя по лбу*) голова-ля-теть! (*поворачивается, чтобъ идти*).

Половецкая.

Постойте, Эрастикъ...

Семпелевичъ—*остановившись*.

Стою.

Половецкая — *затрудняясь*.

Тамъ такъ много народа... эти драпри... (*Показываетъ жестомъ, чтобъ драпри были опущены*).

Семпелевичъ.

Опустить? — О, не бойтесь, — голова-ля-теть! (*Всторону*). Ну, другъ-Помпей,—а что съ твоей головой будетъ—не знаю.

Половецкая.

Что вы тамъ бормочете?

Семпелевичъ.

Иду, иду!—Бѣдный Помпей! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Половецкая, потомъ Радѣевъ и Семпелевичъ.

Половецкая — *закрываетъ руками лицо и вздрагиваетъ*.

Сумасшествіе!.. И чего я добиваюсь?.. А что̀, если въ немъ ничего ужъ нѣтъ—даже ненависти?.. Вѣдь два года... два года даже встрѣчи не было... Да, слишкомъ много прѣсной воды протекло... Но я не могу—меня задушитъ эта тревога... По цѣлымъ ночамъ спать не могу... (*Поправляетъ браслетъ*). Даже похудѣла,—вонъ руки какія стали... (*Услышавъ шаги изъ залы, встрепенулась, ищетъ глазами куда бы помѣститься — садится къ бюро, схвативъ первую попавшуюся книжку*).

Семпелевичъ — *вводитъ подъ руку Радѣева*.

Вотъ, излюбленный нашъ, здѣсь можно и покурить, и отдохнуть, пока тамъ остатки пирога доѣдаютъ.

Радѣевъ. — *Онъ не видитъ Половецкую.*

Да, усталъ. (*Садится на диванъ*). Эти лобызанья, шампанское и милліонъ глупыхъ словъ—точно дурманъ какой... (*Опускаетъ голову на подушку*).

Семпелевичъ — *поглядываетъ знаменательно на Половецкую.*

Нельзя же—вѣдь излюбленный... хе, хе!.. Ну, позабочусь, чтобы ровно на четверть часа позабыли про ваше существованіе (*взглянувъ на часы, отходитъ потихоньку, опускаетъ драпри и уже изъ залы, просунувъ въ драпри голову, беззвучно шепчетъ Половецкой*). А что? Голова-ля-тетъ. (*Скрывается*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Половецкая и Радѣевъ.

Радѣевъ — *ощупывая виски.*

Чортъ знаетъ, что̀ такое!.. Кажется, я много выпилъ... Ха, ха! Черезъ какія однако мытарства приходится пройти... глупо, а необходимо... Поди-ка, не выпей съ ними—бѣда, обида! Ха, ха... (*Замѣтивъ Половецкую, торопливо встаетъ и глядитъ на нее испуганно*).

Половецкая—*кладетъ книгу, поворачиваетъ къ нему голову, говоритъ тономъ спокойнымъ, чуть-чуть насмѣшливымъ.*

Иванъ Дмитричъ... Nous sommes голова—поздравляю!

Радѣевъ.

Извините, я не видѣлъ... помѣшалъ...

Половецкая.

Ничуть. Я нарочно пріѣхала и ужъ отчаявалась... Хотѣлось взглянуть, какой *онъ* теперь... Давно не встрѣчалась...

Радѣевъ.

Давно... (*слегка усмѣхается, какъ хмѣльной*) и это очень хорошо... Теперь лишнее...

Половецкая.

Ахъ, да—вы женились... Еще разъ поздравляю! Какой счастливчикъ—все вдругъ посыпалось...

Радѣевъ.

Да, я женатъ и очень счастливъ...

Половецкая.

Кто-жъ сомнѣвается!—Я рада... Пріятно встрѣтить старыхъ друзей въ солидномъ прочномъ положеніи — и протянуть имъ руку. Подите сюда; чего вы боитесь? *(Онъ подходитъ, она протягиваетъ ему руку)* Миръ!

Радѣевъ—*не беретъ руки.*

Вы ужъ подали мнѣ руку... помощи... говорятъ, вы первая вспомнили мое имя передъ выборами... Но я не благодарю васъ, потому-что это просто тѣшило васъ, забавляло...

Половецкая.

Даже больше: льстило самолюбію. Хотѣлось попробовать свои силы—и, какъ видите, удалось... ха, ха!..

Радѣевъ.

А кстати; съиграть роль великодушнаго врага—оно эффектно!

Половецкая.

Да развѣ мы враги?

Радѣевъ.

Нѣтъ-съ, хуже—комедіанты, сознательные лжецы...

Половецкая.

А! Если такъ... *(Встаетъ)*. Только этого я и ожидала! Маски долой, Иванъ Дмитричъ! — припомнимъ все: вы поступили со мной — не скажу грубо, но безжалостно, презрительно... Безъ всякаго повода вы отвернулись, оборвали все—даже возможность объясненія... И какъ рѣзко: въ моихъ ушахъ еще слышалось ваше ласковое слово, а вашъ и слѣдъ простылъ... Не кланяетесь, не узнаете—что же можетъ быть обиднѣе?..

Радѣевъ.

У всякаго своя манера... Я предпочитаю ампутацію.

Половецкая.

Не ампутація это была, а прямо взяли вы да и вырвали кусокъ живого мяса съ кровью, съ нервами—и забыли перевя-

вать отвратительную рану... Вотъ, чтó вы сдѣлали! И добро бы въ порывѣ гнѣва, страсти,—а то хладнокровно, флегматически, словно старый инквизиторъ, а не молодой человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и честной смѣлостью...

Радѣевъ.

Но постойте... Думаете ли вы, что самъ-то онъ, этотъ... ха, ха... инквизиторъ... не изстрадался, не вынесъ смертельной боли, пока пришелъ къ роковому рѣшенію? Припомните-ка хорошенько.

Половецкая.

И, полноте! Она не обманывала, иллюзій не возбуждала... Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло — съ великой, можетъ быть, грѣшницей, но не фарисейкой... Ничего она не скрывала!

Радѣевъ.

Да, пожалуй, вы правы... Но когда онъ сдѣлалъ прямой вызовъ бросить все и пойти съ нимъ по новой дорогѣ,—чтó ему отвѣтили? Я помню буквально эти слова: «во мнѣ нѣтъ матеріала для какого бы то ни было серьёзнаго союза»... Ловкая фраза, но сколько въ ней...

Половецкая.

Чего?—Договаривайте.

Радѣевъ.

Зачѣмъ!—Вы сами знаете...

Половецкая.

Того, чего въ васъ нѣтъ—прямодушія... Одни трусы лгутъ или молчатъ.

Радѣевъ—*насмѣшливо кланяется.*

Я молчу,—значитъ, я трусъ.

Половецкая.

Да, вы—трусъ! — Всегда трусите—и передъ чѣмъ же? Передъ тѣмъ, во чтó сами вотъ ни на столько не вѣрите... Можетъ быть, это спасало васъ отъ крупныхъ промаховъ, но этимъ же самымъ вы будете наказаны... *(усмѣхнувшись)*, да ужъ и наказаны...

Радѣевъ.

Ужъ и наказанъ? Ой-ой! Должно быть, не очень больно, — не чувствую.

Половецкая.

О, конечно! Развѣ въ женитьбѣ непремѣнно необходима любовь?—Женятся такъ... одинъ по разсчету, другой по глупости, мало ли? Почему-жъ не жениться изъ трусости!

Радѣевъ—*съ угрозой.*

Людмила Михайловна!..

Половецкая.

Все знаю—жену вы не любите... не можете любить!..

Радѣевъ—*внѣ себя.*

А тебя ненавижу!.. Ты...

Половецкая.

Тише... довольно!—Оставьте меня,—идите!

Радѣевъ—*отступивъ нѣсколько шаговъ, останавливается и, помолчавъ, продолжаетъ съ нервной дрожью.*

Извините... ха, ха... фу, какъ неумѣстно, какъ глупо все это!.. Вотъ, что значитъ теплое шампанское, ха, ха!—Бросимъ шутки. Я забылъ, что мы въ домѣ вашего будущаго супруга... Ха, ха!.. Вотъ и портретъ невѣсты красуется на столѣ... Стало, это правда?

Половецкая.

Говорятъ.

Радѣевъ.

Ага, и вы прислушиваетесь къ тому, что̀ говорятъ!

Половецкая.

Иногда.—Если дѣло идетъ о такихъ пустякахъ...

Радѣевъ.

Какъ замужство?

Половецкая.

Правда въ томъ, что мнѣ нуженъ былъ разводъ, — Помпей Платонычъ выхлопоталъ; а въ благодарность за это я выхожу за него замужъ... такъ говорятъ... не знаю...

Радѣевъ.

Чудесно!—Бракъ изъ благодарности, ха, ха!—Бракъ—адвокатскій гонораръ... Это ново! Ха, ха...

Половецкая.

Проще скажите: бракъ—взятка...

Радѣевъ.

Великолѣпно!

Половецкая.

Во мнѣ ничто не должно удивлять... Вѣдь я—помните, пушкинское словечко? — «беззаконная комета»... такъ, кажется, вы дразнили меня?..

Радѣевъ—*смѣется искренно,—подходитъ, беретъ ее за обѣ руки и глядитъ прямо въ глаза весело и любовно.*

Ахъ, пропащая головушка!..

Половецкая—*медленно освобождаетъ руки и кладетъ ихъ ему на плечи.*

Вотъ такимъ я люблю его... Придете ко мнѣ?

Радѣевъ.

Зачѣмъ? — Подеремся...

Половецкая—*шопотомъ.*

И пускай подеремся... Негодный трусишка! Пускай...
(*Они цѣлуются. Изъ залы съ разбѣга вылетаетъ Ипатьевъ съ бокаломъ. Семпелевичъ быстро задергиваетъ за нимъ драпировку, просунувъ въ нее голову*).

Ипатьевъ.

Гдѣ онъ, нашъ излюбленный?.. Мы ищемъ... (*Увидѣвъ поцѣлуй, роняетъ бокалъ и останавливается въ остолбенѣніи. Губы его шевелятся рефлективно*).

Половецкая—*съ достоинствомъ.*

Я вамъ такой же точно портретъ подарю (*подаетъ ему руку*). Итакъ, миръ! (*Радѣевъ въ нерѣшимости взять ея руку, или нѣтъ, почтительно кланяется*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Радѣева. Большая комната. Убранство приличное, но не богатое. Мебель мягкая. Двери — въ глубинѣ и направо —Часъ второй дня. При поднятіи занавѣса слышенъ отдаленный звонокъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Аня, потомъ Вицентій и Миша.

Аня—*изъ комнаты направо зоветъ.*

Вицентій! Вицентій!—Кто тамъ? (*выходитъ*). У подъѣзда давно звонятъ—и никого нѣтъ. Вицентій!

Вицентій—*появляется въ средней двери. Онъ во фракѣ и башмакахъ. Ходитъ и говоритъ медленно, степенно.*

Чего изволите?

Аня.

Да поди же, отвори скорѣй. Узнай, кто тамъ.

Вицентій.

Позвольте. Суеты у насъ очень много. Пора бы намъ... маленечко бы построже держать себя...

Аня.

Это невыносимо! (*Строго*). Вицентій, слышите!

Вицентій.

Опять-таки забываете: коль скоро, напримѣръ, я состою на другомъ теперь положеніи; видите,—а вы все—Вицентій... Ну, возможно ли?

Аня.

Ахъ, извините—все забываю: теперь ужъ вы у насъ не Вицентій... Емельянъ Иванычъ! Сдѣлайте одолженіе, Емельянъ, исполняйте вашу обязанность...

Вицентій.

Смѣшного тутъ ничего. Меня учить поздно,—видали, слава Богу, знаемъ!

Аня.

Прикажете мнѣ самой пойти?

Вицентій.

Куды пристойно! И у меня ноги не отвалятся.

Аня.

Да гдѣ же другіе люди? Это ни на что не похоже!

Вицентій.

Н-да, порядокъ—хоть вонъ бѣги... даже мнѣ видѣть это непріятно! (*Поворачивается, чтобъ идти, на встрѣчу ему Миша подаетъ два письма*). Ну вотъ, чего горячку пороть! (*Несетъ письма къ столу*).

Аня—*перехватывая письма.*

Это—мнѣ, а это—Ивану Дмитричу... (*всматриваясь въ надпись*). Опять?—Странно...

Вицентій.

Суеты у насъ даже очень достаточно. Нѣтъ, чтобы намъ свою высокопарность поддержать, какъ прилично.

Аня—*прочла сперва свое письмо и безъ вниманія бросила его на диванъ, а съ другимъ подходитъ къ Вицентію прямо въ упоръ.*

Емельянъ Иванычъ, кто эти письма приноситъ?

Вицентій.

Мало ли ихъ!

Аня.

Нѣтъ, нѣтъ, вотъ эти письма—тотъ же сѣренькій конвертъ, тотъ же почеркъ... рука женская.

Вицентій.

На бѣдность, должно, прошенія пишутъ.

Аня.

Каждый день одинъ и тотъ же конвертъ...

Вицентій.

Да вѣдь коли-ежели на бѣдность — нѣтъ того хуже. По десяти разъ на дню приставать согласны. Сами знаете—бѣдность!

Аня—*продолжая разсматривать конвертъ на свѣтъ.*

Ахъ, еслибъ можно было хоть чуть-чуть!.. Кто приноситъ?

Вицентій.

Не примѣтилъ. Знаю, кажись, всѣхъ, кто ходитъ. Перво-наперво съ утра—дѣдушка,—ну, тотъ съ чорнаго крыльца старичокъ Божій прямо въ дѣтскую ползетъ къ правнучку. Потомъ пойдутъ разные—и господа, и по купечеству—много! Вотъ еще повадился этотъ какъ его... изъ Питера, сказываютъ, милліонщикъ... какъ бишь его!..

Аня.

Файнъ?—Емельянъ Иванычъ, этого франта ко мнѣ никогда не пускать,—слышите?—дома нѣтъ. Къ барину—другое дѣло, а ко мнѣ никогда—никогда!

Вицентій.

Слушаю. Мнѣ что-жъ? Хошь онъ каждый разъ рублевку суетъ, а ино и больше,—только я не антиресанъ.—(*Громкій звонокъ*). Вотъ это баринъ,—слышно—рука хозяйская (*торопливо уходитъ*).

Аня.

Спрошу его прямо... Ахъ, Ваня, Ваня!.. Года нѣтъ, какъ мы вѣнчались, а ужъ не знаемъ, можно ли говорить прямо... Ей-Богу, не вытерплю!.. (*Покушается вскрыть письмо—и бросаетъ его на письменный столъ*). Зачѣмъ! пусть самъ скажетъ, если это нужно... (*Идетъ на встрѣчу мужу*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Радѣевъ и Аня.

Радѣевъ—*обычно цѣлуетъ жену.*

Здравствуй. Сегодня очень холодно, а ты выслала кормилицу съ Лелькой гулять—долго ли простудить ребенка! Я велѣлъ имъ вернуться домой. Плохая ты воспитательница.

Аня.

Въ книжкѣ, которую ты мнѣ далъ, сказано...

Радѣевъ.

Ужъ вѣрно не то сказано! Книжки надо читать умѣючи.

Аня.

Извините,—я много читала и умѣю читать. Давно ли самъ ты говорилъ, что я читаю съ толкомъ! Да что съ тобой, Ваня? — Послѣднее время ты постоянно не въ духѣ,—злющій...

Радѣевъ.

Ничуть не бывало.—Злющій! (*идетъ къ столу*).

Аня.

Тамъ письмо къ тебѣ.

Радѣевъ.

А! (*взглянувъ на письмо, кладетъ его въ карманъ не читая*).

Аня—*робко*.

Отъ кого это?—По дѣламъ?

Радѣевъ.

По дѣламъ (*съ притворной веселостью*). Ну-съ, Анна Сергѣевна, желаніе ваше сбылось: изъ этихъ большихъ хоромъ мы скоро выберемся.

Аня.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ я рада!

Радѣевъ.

И прекрасно—радуйся.

Аня.

То ли дѣло маленькая квартирка,—въ этихъ сараяхъ мы совсѣмъ теряемся. Порядка никакого. Да еще твой прелестный скороходъ—Емельянъ Иванычъ... Безъ фрака онъ еще ничего, а какъ фракъ надѣлъ—такъ и пошла высокопарность.

Радѣевъ.

Да, ха, ха, ха... допотопный экземпляръ, какъ его не переворачивай, годится только въ кунсткамеру. Вотъ поди-жъ ты— не могу безъ него обойтись! Это во мнѣ еще родительскія дрожжи... Ха, ха! (*вдругъ измѣнивъ тонъ*). Впрочемъ, мало ли мы дѣлаемъ нелѣпостей, совершенно сознавая, что это нелѣпости. (*Садится на диванъ*). Ахъ! (*Задумался*).

Аня.

Зачѣмъ же ихъ дѣлать? (*Подсаживается ближе къ нему*).

Радѣевъ.

Нельзя! видно есть нѣчто сильнѣе нашего сознанія... Ну, да это въ сторону. Итакъ, рѣшено: нашъ палаццо переходитъ въ городскую собственность. Тутъ водворится храмъ просвѣщенія... Ну-съ, съ уплатой долга по закладной и другихъ,—намъ останется тысячъ двадцать, не больше.

Аня.

Ай, какъ много денегъ! Вотъ хорошо-то...

Радѣевъ.

Много? (*Смѣется сквозь зубы*). А я думаю, что ихъ едва станетъ на перестройку нашей дачи, куда мы и переселимся. Кстати, я терпѣть не могу города.

Аня.

Ваня—голубчикъ, не все трать,—дай что-нибудь, я припрячу для нашего Лельки.

Радѣевъ.

Эки, подумаешь, милліоны! Не безпокойся, душа моя; Лелька получитъ не такое, ха, ха!—колоссальное наслѣдство, какое мнѣ досталось, а потому навѣрное будетъ во сто разъ счастливѣе отца...

Аня—*ласкаясь къ нему*.

Будто ужъ ты такъ несчастливъ?..

Радѣевъ.

Ты все хочешь понимать по-своему, по-женски, чуть не подѣтски... Гмъ, счастливъ!

Аня.

Ахъ, еслибъ я знала, чтó нужно,—кажется, жизни бы не пожалѣла, чтобъ ты былъ совсѣмъ счастливъ, совсѣмъ... Но ты такой скрытный... Я не понимаю... (*Цѣлуетъ его*). Ваня, царекъ мой, отъ кого это письмо?

Радѣевъ.

Ха, ха... любопытно?

Аня.

Смерть!.. Миленькій, покажи... Отъ женщины?

Радѣевъ.

Разумѣется... потому и показать нельзя.

Аня—*обнимая его, пробирается рукой къ карману.*

Радѣевъ.

Э! стъ, нельзя! (*Отводитъ ея руку, отворачивается и видитъ тутъ же на диванѣ прежде брошенное Аней письмо. Беретъ его и подаетъ ей*). Ну, такъ и быть, извольте, читайте.

Аня—*ударяетъ по письму.*

Вотъ еще!—Глупости... это ко мнѣ.

Радѣевъ.

Къ тебѣ-ѣ?—Отъ мужчины!.

Аня—*спохватясь.*

Подай, подай! Это секретъ... большой... (*Притворно старается отнять письмо и оставляетъ его въ рукахъ мужа*). Не смѣйте читать,—не смѣйте!

Радѣевъ—*читаетъ.*

«Пари мною проиграно. Счастливъ, что могу доставить вамъ извѣстную бездѣлушку. На сегодняшній бенефисъ моя ложа къ услугамъ вашимъ. Отвѣчайте—да или нѣтъ. Горацій Файнъ.» — Гмъ, какая это извѣстная бездѣлушка?

Аня.

Не скажу...

Радѣевъ.

Пари à discrétion, какъ водится. И ты этому Гершкѣ отвѣчала?

Аня.

Отвѣчала... коротко отвѣчала: да,—и больше ничего.

Радѣевъ—*пытливо посмотрѣвъ въ ея глаза.*

Да... хорошо, поѣзжай. Я не охотникъ до нашего театра. Не помѣшаю.

Аня.

Это съ вашей стороны очень мило. Разумѣется, поѣду.

Радѣевъ — *вставши, отдаетъ ей письмо.*

Желаю веселиться... А документовъ терять не слѣдуетъ. (*Спокойно идетъ въ глубину сцены*).

Аня—*про себя.*

Ага, постой, дружокъ... Ты спокоенъ?—Хорошо же...

ЯВЛЕНІЕ 3.

Радѣевъ, Аня, Косаревъ и кормилица.

Косаревъ — *входитъ въ среднюю дверь, за нимъ кормилица, на рукахъ которой закутанный ребенокъ.*

А нашъ герой заснулъ. На морозцѣ-то такъ крѣпко заснулъ, даже храпитъ. Катерина, неси его прямо въ люльку. (*Кормилица проходитъ въ правую дверь*). Такой краснощекій да славный парнишка, ухъ!

Радѣевъ.

Смотрите, не ухните, не простудите мнѣ его.

Косаревъ.

Не бойтесь: въ немъ много солдатской крови,—мякинникъ будетъ, здоровякъ!—Аня, пойдемъ, уложимъ нашего Алексѣя Иваныча.

Аня.

Идите, дѣдушка, я сейчасъ.

Косаревъ.

Ага, съ муженькомъ понѣжничать, ну, стало, я на бабью службу, хе, хе! (*Уходитъ*).

Аня.

Итакъ, Иванъ Дмитричъ, мой секретъ вы знаете, а вашъ

затаили,—не хорошо... Лучше бы прямо, открыто—кто знаетъ! Можетъ, и безъ ссоры поладили бы...

Радѣевъ.

Аня, стыдно ребячиться. (*Садится къ столу, шевеля рукой въ боковомъ карманѣ*).

Аня—*поддразнивая.*

Эхъ, шевелится письмецо... жжется... поскорѣй бы прочесть! Сами виноваты,—ну, разъ, два, три—читайте вслухъ!

Радѣевъ.

Запираться надо отъ вашихъ дурачествъ. (*Вскочивъ идетъ запереть дверь. Аня, вынувъ ключъ, скрывается*).

Аня—*черезъ секунду снова появляется, держась обѣими руками за половинки дверей.*

Онъ въ меня влюбленъ.

Радѣевъ.

Поздравляю.

Аня.

Онъ ужъ объяснился.

Радѣевъ.

Тѣмъ лучше.

Аня.

И еще кое-что... не скажу... мы сговорились...

Радѣевъ.

А-а! (*Подбѣгаетъ къ ней и схватываетъ за руки, чтобъ отнять ключъ*).

Косаревъ—*изъ другой комнаты.*

Мать, иди—мы плачемъ.

Аня.

Пустите! (*вырывается и тономъ театральной героини*). Я—мать!—Слышите, дѣти плачутъ... (*нервно*) ха, ха, ха! А ужъ вечеромъ вы съ ними няньчайтесь, а я тютю—загуляла! (*Хлопнувъ дверьми, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Радѣевъ, потомъ Косаревъ.

Радѣевъ.

Фу, наконецъ-то! (*вскрываетъ письмо и читаетъ сначала про себя*). Что—что такое?—«Узнала случайно... продажа дома надѣлала много враговъ... стараются придать окраску самую неблаговидную... Не слушайтесь Помпея—онъ или поглупѣлъ, или хитритъ, нарочно васъ подводитъ... Вчера разозлилась, выгнала его вонъ... Видѣться необходимо; въ три часа жду васъ. Я дома и одна»... Господи помилуй, чтожъ это? Много враговъ... да вѣдь они сами же хлопотали... Э, вздоръ! Я покажу имъ, что можно продать домъ, не продавая совѣсти... (*Глядитъ на письмо, медленно его складывая*). Да, вотъ это женщина!—все понимаетъ... и какъ близки ей мои интересы!.. Однако, съ Помпеемъ-то она, какъ видно, разорвала окончательно... Ловко ли? Ужъ онъ и то противъ меня ехидничаетъ...

Косаревъ — *входя*.

Угомонился нашъ Алексѣй Иванычъ, заснулъ. А я, признаться, къ вамъ, родной мой, съ маленькой просьбишкой разбѣжался.

Радѣевъ.

Что прикажете?

Косаревъ.

Сдѣлайте доброе дѣло, нашъ благороднѣйшій...

Радѣевъ.

Охотно. Въ чемъ оно?

Косаревъ.

Да вотъ, у моей кумы, мѣщанской вдовы Кудимихи, домишко отнимаютъ.

Радѣевъ.

Кто отнимаетъ?

Косаревъ.

Да кому же больше, какъ не имъ—нашимъ желѣзно-дорожникамъ. Они вѣдь теперь властители. Вишь, занадобилось имъ это мѣсто подъ какіе-то склады,—ну, и прогоняютъ. Оцѣнили,

натурально, въ мѣдный грошъ. Запугали бѣдную бабу: молчи, соглашайся, пожалуешься—хуже будетъ, и того не дадимъ. Хатка, точно, убогая, да вѣдь родное пепелище всякому дорого.

Радѣевъ.

Я знаю это дѣло. Не могу-съ, ничего не могу.

Косаревъ.

Да вѣдь имъ можно другое мѣсто отвести, тутъ же рядомъ. Пустыря-то у насъ мало что ли?

Радѣевъ.

Нельзя-съ. Постановленіе думы состоялось.

Косаревъ.

Эко горе какое! Жаль, — баба-то дѣльная, большую семью кормитъ... Такъ никакъ нельзя?

Радѣевъ.

Сами понимаете: отчужденіе для дороги—государственная надобность.

Косаревъ.

Ну, кума—и не чаяла, что подпадешь подъ такую надобность Нечего дѣлать!—Ахъ, Иванъ Дмитричъ, благороднѣйшій,—надо бы по-божески, право... Вѣдь извѣстно, въ нашей думѣ такія-ль дѣла вершатъ и перевершаютъ,—и-ихъ! Десятки, сотни тысячъ ассигнуютъ, такъ вотъ на фантазіи жгутъ—и сами руки грѣютъ. А взгляните кругомъ: тѣснота, на базарѣ дороговизна, міроѣды все заполонили... Кряхтитъ бѣдный народъ,—охъ, кряхтитъ!

Радѣевъ.

Чѣмъ же я виноватъ? Сами гласныхъ выбираютъ.

Косаревъ.

Э, что гласные? одна проформа... Намъ отъ нихъ какой прокъ? Кабы гласный былъ человѣкъ съ понятіемъ, какъ прилично образованному господину... а то вѣдь у него за душой одна корысть—мошна, да и та подчасъ съ изъяномъ. Вотъ онъ и ползаетъ, цѣпляется за своихъ тузовъ-благодѣтелей, слушаетъ ихъ команду, потому что ими только и дышетъ. Послѣ этого кто же за бѣдняка заступится? Гдѣ намъ искать справедливости? Вотъ и уповаемъ, авось-молъ хоть голова за насъ постоитъ...

Конечно, не мое это дѣло, только не взыщите за правду, благороднѣйшій, а на васъ нареканій слышно много... Слышно,—ужъ извините,—прямо на васъ ропщутъ.

Радѣевъ—*замѣтно смущенъ.*

Такова наша участь! По крайней мѣрѣ, стараешься быть безпристрастнымъ, не отступать отъ буквы закона.

Косаревъ.

Кто говоритъ—святое дѣло! Такъ, значитъ, Кудимовнѣ-то вышла такая буква, что никакъ нельзя?

Радѣевъ.

Вѣдь тутъ не одна она, а многіе.

Косаревъ.

Что за бѣда!—вы и для многихъ, для всѣхъ сдѣлайте,—еще лучше выйдетъ. А Кудимовну-то жалко... Ужъ видно, пустить ее въ мою хату,—не стѣснитъ, вѣдь я бобыль, хе, хе! Еще сосѣдей потѣшу: каковъ кавалеръ—метреску завелъ, хе, хе! *(въ передней звонокъ).* Ну, ретируюсь Прощайте. Къ обѣду я приду. А бѣдняковъ-то не забывайте, право,—Богу за васъ помолимся... благороднѣйшій!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Радѣевъ, Виѳентій, потомъ Швырковъ.

Радѣевъ—*съ горечью.*

Нареканій много... чудаки!—они думаютъ, что голова—какой-то полновластный волшебникъ... *(Подумавъ)* Однако... мой старикъ съ своей Кудимихой... слова его... оно безтолково, комично даже... гмъ! а какъ-то—и жалко, и неловко... Нѣтъ, мы встряхнемся еще!

Виѳентій — *грубымъ, недовольнымъ тономъ.*

Тамъ господинъ Швырковъ,—не знаю, пущать ли?

Радѣевъ.

Разумѣется, пущать. *(Виѳентій уходитъ).* Швырковъ не даромъ;—онъ, я думаю, чихнуть даромъ не съумѣетъ.

Швырковъ—*входя развязно.*

Bon jour. Вы свободны на четверть часа?

Радѣевъ.

Къ услугамъ вашимъ. Садитесь.

Швырковъ.

Елена Потаповна на васъ въ большой претензіи, въ большой-съ!

Радѣевъ.

Я это предвидѣлъ. Но разсудите, при чемъ я тутъ? Коммиссія нашла, что для училища мой домъ и удобнѣе, и дешевле, чѣмъ домъ Елены Потаповны. Я тутъ въ сторонѣ.

Швырковъ.

Не о томъ-съ. Это дѣло ужъ конченное, зачѣмъ его поднимать! Вашъ домъ лучше и выгоднѣе, Помпей Платонычъ рѣшилъ—значитъ, и быть по сему. Къ тому же вамъ было нужно сбыть его, а мы, слава Богу, не нуждаемся. Нѣтъ-съ, не о томъ рѣчь. Не продавать мы хотимъ, а покупать. Денегъ много—надо жъ найти имъ помѣщеніе.

Радѣевъ.

Чѣмъ же я могъ огорчить Елену Потаповну?

Швырковъ.

Она вамъ не разъ говорила о своемъ желаніи пріобрѣсти часть городской земли, а вы это какъ-то мимо ушей пропускали.

Радѣевъ.

Ахъ, да! Вѣдь это старое, извѣстное дѣло; еще покойникъ мужъ ея хлопоталъ. Но—послушайте, Өедоръ Богданычъ, будемъ же справедливы:—развѣ это возможно? Вы хотите за ничто купить у города часть общественнаго сада,—отрѣзать садъ отъ улицы вашими постройками, запереть входъ публикѣ въ единственное общественное гулянье... Побойтесь Бога, кто-жъ на это согласится!

Швырковъ.

Нисколько-съ! — Все зависитъ отъ точки зрѣнія! Вы не съ той точки смотрите на это. Во-первыхъ, садъ великъ, не постра-

даетъ отъ пустой урѣзки; во-вторыхъ, входъ для публики мы даемъ болѣе удобный, черезъ прелестный пассажъ; въ-третьихъ, городъ выиграетъ, когда вмѣсто теперешней безобразнѣйшей рѣшотки по улицѣ вытянется фасадъ великолѣпнаго зданія въ родномъ чисто-славянскомъ стилѣ... вѣдь это будетъ красота-съ!

Радѣевъ.

Богъ съ ней, съ красотой!—Мы лучше рѣшоточку...

Швырковъ.

Позвольте-съ,—вы не упускайте главной идеи. Вѣдь это зданіе будетъ не партикулярное жилище, а мы даемъ ему назначеніе, такъ-сказать, общественное... Тамъ будутъ магазины, лавки, рестораны, наконецъ—зала для концертовъ и разныхъ публичныхъ собраній, торжественныхъ актовъ и прочее.

Радѣевъ.

Проектъ грандіозный, но... надо поискать для него другое мѣсто.

Швырковъ.

Другого мы и даромъ не возьмемъ.

Радѣевъ.

А этого не дадутъ. Ужъ разъ провалился вашъ проектъ, еще при прежнемъ головѣ.

Швырковъ.

А мы находимъ, что теперь при новомъ, просвѣщенномъ головѣ, самый удобный моментъ поднять его. Помпей Платонычъ согласенъ. Представимъ великолѣпные планы, объяснительную записку я самъ напишу и раздамъ гласнымъ, надѣюсь подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія, предпошлемъ рядъ статей въ газетѣ-съ и при вашей помощи, Богъ дастъ, дѣльце проведемъ благополучно.

Радѣевъ.

Ну, батюшка, на мою-то помощь вы пожалуйста не разсчитывайте. Я первый буду противъ.

Швырковъ.

Вы?!—Что вы? Помилуйте!.. Самъ Помпей Платонычъ...

Радѣевъ.

Ну его... въ болото, вашего Помпея Платоныча! Что онъ за идолище такое—вашъ Помпей Платонычъ!

Швырковъ.

Отъ васъ ли слышу?.. Ушамъ не вѣрю...

Радѣевъ.

Почему же?

Швырковъ.

Да потому-съ... Какъ же это? — Кажется, всѣ мы съ своей стороны дѣлали для васъ... болѣе, чѣмъ возможное... Вы извольте сообразить... Припомните...

Радѣевъ.

Пожалуйста безъ намековъ! Такъ вы меня выбирали для того, чтобы я вамъ же продавалъ интересы города? Благодарю васъ!

Швырковъ.

Вѣдь все зависитъ отъ взгляда-съ,—отъ точки зрѣнія. Интересы города—предметъ спорный-съ... Да коли хотите, вовсе и не предметъ, а просто бойкая тэмочка для публициста. Взгляните-ка вы такъ: городъ самъ во вѣки вѣковъ ничего не построитъ, а мы построимъ; городъ будетъ получать съ нашихъ зданій доходъ, котораго до сихъ поръ не получаетъ — это ужъ прямая польза-съ. Да можно еще набрать десятки доводовъ очень вѣскихъ... Гдѣ-жъ тутъ продажа интересовъ? И во всякомъ разѣ, это дѣло гораздо выгоднѣе для города, чѣмъ покупка домовъ, напримѣръ...

Радѣевъ—*злобно глядитъ на него и стучитъ кулакомъ по столу.*

Помнится, недѣлю назадъ, ораторствуя въ думѣ, вы совсѣмъ не такъ смотрѣли на покупку домовъ... Ха, ха! Или тогда свой хламъ надѣялись сбыть—такъ, что ли?

Швырковъ.

Да про что же я-то говорю: все зависитъ отъ угла зрѣнія. Тогда я смотрѣлъ такъ, теперь иначе. Ясно-съ.

Радѣевъ.

Почтеннѣйшій, вы, кажется, меня совсѣмъ за дурака считаете?

Швырковъ.

Что вы! — Я только прямо говорю; а еще прямѣе будетъ, если вы переговорите лично съ самой Еленой Потаповной. Она чисто-русская женщина, безъ коварства — и скажетъ вамъ гораздо болѣе, чѣмъ я... Дѣло будетъ для васъ яснѣе и... убѣдительнѣе...

Радѣевъ—*вскочивъ.*

Мнѣ стыдно понимать васъ... И еслибъ не у меня въ домѣ съ глазу-на-глазъ... Я бы вамъ... (*Задыхается отъ негодованія*).

Швырковъ—*спокойно.*

Ахъ, вотъ чтó—съ глазу-на-глазъ... какъ оно кстати! Съ глазу-на-глазъ, считаю своею обязанностью, какъ честный человѣкъ, предупредить васъ...: (*почти шопотомъ*) въ редакціи нашей получено нѣсколько статеекъ самаго непріятнаго, самаго оскорбительнаго для васъ содержанія... Не хотѣлось бы пускать ихъ, между тѣмъ авторы требуютъ...

Радѣевъ.

Послушайте, Швырковъ,—знаете, какъ это называется? Ужъ вы и шантажемъ не брезгуете?

Швырковъ.

Ха, ха... да позвольте-съ,—вы, значитъ, не знаете юридическаго опредѣленія слова «шантажъ»... Я напротивъ... я предостерегаю, постараюсь не допустить... Это, кажется, услуга, за которую...

Радѣевъ.

А за такія услуги вамъ никогда еще прямо въ лицо не плевали?

Швырковъ—*трусливо достаетъ платокъ изъ кармана, и какъ-будто сморкается.*

Иванъ Дмитричъ... къ сожалѣнію, я замѣчаю, что... нашъ дѣловой разговоръ... переходитъ какъ-будто на другую почву... Я у васъ въ домѣ-съ...

Радѣевъ.

Поздравьте себя съ этимъ и—прощайте! Мнѣ досадно... повѣрьте, больше на себя досадно...

Швырковъ.

До свиданья... (*Оправившись*). Бесѣду нашу я считаю какъ-

бы не имѣвшею мѣста. Заѣзжалъ же я къ вамъ за тѣмъ, чтобы передать приглашеніе на балъ Елены Потаповны. Черезъ двѣ недѣли день ея рожденія, балъ будетъ парадный, такъ предупредить слѣдуетъ, чтобы супруга ваша имѣла время по части туалета. За симъ, я увѣренъ, что вы даже непремѣнно сдѣлаете намъ честь... Дѣло—дѣломъ-съ,—и пословица говоритъ: хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь...

Радѣевъ.

Ну, съ вами, дѣйствительно, такъ изрѣжешь, такъ искромсаешь бѣдную правду, что живого мѣста на ней не останется...

Швырковъ—*совсѣмъ развязно.*

Оригиналъ вы, Иванъ Дмитричъ! Мнѣ искренно жаль васъ, право... Припомните мое слово: далеко вы отъ насъ не уйдете, а вернетесь... Что-жъ? всегда-съ милости просимъ... Adieu. Я еще заѣду къ Помпею Платонычу... *(Уходя)* Ха, ха,—чудакъ-чудакъ!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Радѣевъ, Вицентій, Топтыгинъ.

Радѣевъ.

Онъ же меня еще и жалѣетъ!.. Нѣтъ, съ ними всякій смыслъ потеряешь... Гдѣ бѣлое, гдѣ черное...

Вицентій.

Господинъ Файнъ пріѣхали.

Радѣевъ.

А!—это къ барынѣ.

Вицентій.

Барыня еще сегодня наказывала, отнюдь чтобъ не пущать.

Радѣевъ.

Вотъ что!—Ну, а ты позабылъ, понимаешь—по глупости спуталъ... Иди, проси въ гостиную и доложи барынѣ.

Вицентій.

Мнѣ что-жъ—мнѣ все одно. *(Уходитъ).*

Радѣевъ.

Ага! Приказала не пускать, ха, ха!—Затѣяла вздоръ и испугалась. Пусть-ка отыгрывается. Проучить не мѣшаетъ.

Топтыгинъ—*послѣ нѣкотораго препирательства въ дверяхъ съ Вицентіемъ, который не хотѣлъ его впустить безъ доклада, вваливается въ кабинетъ.*

Ну-те къ Богу съ твоей церемоніей! Ивану Митричу почтеніе! Можетъ, не досужно,—не взыщи. Первымъ долгомъ поздравить съ окончаніемъ. Хорошо, право слово, хорошо, что ты домину-то сбылъ; и кто бы купилъ эки казармы? А городу чтó? Городу ничего—пущай вожжается!.. Тутъ ремонту одного и—и, страсть! Артитехторамъ хлѣбъ насущный.

Радѣевъ.

Ха, ха, ха! Спасибо, Яковъ Филипычъ!—Какой же мошенникъ вашъ голова,—да его повѣсить мало! Какъ онъ городъ-то надулъ!

Топтыгинъ.

И, чтó ты! Какъ можно! Чтó болтать пустое! Это ужъ мы сами,—мы всѣ, какъ есть всѣмъ міромъ постарались сдѣлать тебѣ удовольствіе. Вотъ что, Иванъ Митричъ, сдѣлай и ты... теперича наши торговцы крѣпко обижаются, — хоша-бы вотъ мясники— просто мучаются на счетъ цѣнъ; по нонѣшнему времени, когда нужды—промышленности и все этакое — невозможно!

Радѣевъ.

На чтó имъ обижаться? Такса у насъ довольно высока. Бѣдные жители,—вотъ тѣ такъ справедливо жалуются.

Топтыгинъ.

Кто жалится?—Обыватель. Хе, хе! У насъ, Иванъ Митричъ, обыватель съ поконъ-вѣку такой: хучь ты за мѣсто гривны рубль съ него бери, хучь даромъ товаръ давай, — онъ все жалиться будетъ. Ужъ такой у него характеръ. Пустое дѣло! А ты уважь людей: насчетъ таксы вели послободнѣй, не тѣсни. За что мы базарнымъ смотрителямъ дани платимъ многія!

Радѣевъ.

Ты-то что? Вѣдь не мясомъ торгуешь.

Топтыгинъ.

Знамо дѣло, нѣту. Наше производство кожевенное. А это я больше по душѣ. Къ примѣру, Елкинъ Митрофанъ, али хоть возьмемъ, Сидоръ Минаичъ—народъ-то больно хорошій, капитальный народъ! Оченно просили—уважить надо-ть.

Радѣевъ.

Такъ ты по душѣ... *(Улыбаясь треплетъ его по плечу).* Душевный ты человѣкъ, Яковъ Филипычъ, ха, ха!—Ну, валяй по душѣ—на чистоту валяй: въ чемъ суть?

Топтыгинъ—*добродушно.*

Вѣстимо, тутъ мы тоже не безъ соприкосновенности. На то она—коммерція! Я, къ примѣру, беру у ихъ кожи, — и выходитъ, онъ мнѣ тѣ кожи за полцѣны уважитъ, коли я порадѣю на счетъ ихней торговли, значитъ, мяса. Польза обоюдная. Человѣкъ я вхожій къ большимъ господамъ,—значитъ, могу этимъ орудовать. Они не дерзаютъ, а я, какъ завсегда уваженъ, то могу прямо—и съ тобой, и съ Помпеей Платонычемъ, и въ управѣ,—слава Богу, ото всѣхъ почетъ вижу.

Радѣевъ.

Такъ иди-же ты, любезный другъ, къ Помпею Платонычу.

Топтыгинъ.

Значитъ, ладно?

Радѣевъ.

Да ужъ такъ ладно, что ты навсегда забудь дорогу ко мнѣ съ этими мерзостями и подлостями вашей коммерціи!

Топтыгинъ.

Чтб ты, что ты! Баринъ... аль шутки шутишь?

Радѣевъ.

Ступай, братъ, вонъ, и благодари Бога, что твоя борода-мочалка осталась цѣла. По душѣ-то слѣдовало-бы потрепать ее.

Топтыгинъ.

Ахъ, ты! Да ты взаправду! Ну, нѣтъ—руки коротки! Я сколько лѣтъ по первой гильдіи плачу,—да я сколько пожер-

твованіевъ,—меня обчество знаетъ! Да такой обиды я и въ жисть не видалъ! Я...

Радѣевъ.

Не кричи и—пошелъ вонъ. Мнѣ некогда.

Топтыгинъ—*смѣрявъ его взглядомъ.*

Ну, хитеръ ты, баринъ! Какъ свово добился, такъ сейчасъ и на дыбы. Ну, ладно. Ты хитеръ, да вѣдь и мы тоже музыканты! Смотри, не обмишулься... Хе, хе, хе! Посмотрю я на тя, такъ инда жалость беретъ—ну, куда тебѣ куцому супротивъ насъ?.. Хе, хе... Во истину ты—жалкій. *(Уходя).* А мочалку я-те припомню.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Радѣевъ, потомъ Аня.

Радѣевъ.

И этотъ меня жалѣетъ!.. Ха, ха!.. Нѣтъ, сердиться на нихъ слишкомъ глупо... Но съ этой минуты я ихъ проберу,—ребромъ поставлю все!.. *(Подумавъ).* А въ самомъ дѣлѣ... можетъ быть... ужъ не жалокъ-ли я въ самомъ дѣлѣ? Да, Людмила правду сказала: все изъ трусости, все—и прятался съ бѣдностью, и женился, и въ эту общественную лямку попалъ... да, совершенно логично, послѣдовательно!.. Какъ же тутъ быть? На кого опереться? На кого!.. Ахъ, какъ тамъ ни цѣпляйся за ходячую мораль, а все-таки одна она, одна Людмила, могла-бы дать мнѣ энергію для борьбы съ этой пошлостью... Да, это женщина...

Аня—*блѣдная, рѣшительная, подходитъ прямо къ нему и, нахмурясь, глядитъ ему прямо въ глаза.*

Иванъ Дмитричъ, это я васъ должна благодарить за визитъ Файна?

Радѣевъ.

Не знаю, право... а еслибъ и такъ—я хотѣлъ доставить вамъ удовольствіе—конечно, невинное...

Аня—*почти шопотомъ.*

Чтó вы сдѣлали? чтó вы сдѣлали?

Радѣевъ—*насмѣшливо.*

Что-жъ?—Вѣрно, онъ объяснился въ любви, какъ подобаетъ галантному кавалеру? Ничего, я не въ претензіи.

Аня.

Да человѣкъ-ли вы? О, Господи Боже мой! (*Радѣевъ хочетъ взять ее за руку*). Не смѣйте, не прикасайтесь ко мнѣ! (*Съ воплемъ падаетъ на диванъ, закрывъ лицо руками*). Чтó вы сдѣлали, чтó вы сдѣлали!

Радѣевъ — *замѣтивъ на рукѣ ея новый весьма дорогой браслетъ.*

Ага, вотъ она — «извѣстная бездѣлушка!» — Браслетъ... и слишкомъ дорогой... не по нашему карману... (*Строго*). Анна Сергѣевна, вы, вѣрно, не знаете, что порядочная женщина не должна принимать таких ъ цѣнныхъ подарковъ... Такіе брильянты неприличны на честной женщинѣ—они громко кричатъ о позорѣ... Вы не знали этого?

Аня — *продолжаетъ рыдать.*

Не знаю... не хочу знать вашихъ глупыхъ приличій!.. Нарочно надѣла, чтобъ вы полюбовались... (*Срываетъ браслетъ и бросаетъ на полъ*). На-те эту дрянь,—отошлите, бросьте ему въ лицо—мнѣ все равно... Но какъ онъ смѣлъ—какъ смѣлъ говорить такъ!

Радѣевъ.

Любовный лексиконъ извѣстенъ и пошлость его не нова.

Аня.

Не смѣйте оскорблять меня—я ваша жена!—Да, онъ говорилъ мнѣ о любви... только о вашей любви.—Онъ осмѣлился пересказать мнѣ ваши похожденія, извѣстныя всему городу, но о которыхъ никто не долженъ смѣть говорить при мнѣ никогда! Я глупа, не знаю свѣтскихъ условій, но мнѣ (*указывая на сердце*) вотъ чтó подсказало, что этого я не должна слышать ни отъ кого, кромѣ развѣ васъ самихъ... А я слушала—пойми же!—слушала... сама вижу, какъ я пошатнулась,—какъ унижена, какъ оскорблена... И кáкъ все это случилось—не знаю... Столбнякъ на меня нашелъ, что ли? какъ нѣмая, какъ деревянная сидѣла и—не помню—кажется, даже не выслала его вонъ... Понимаете ли теперь, чтó вы надѣлали?

Радѣевъ.

А, вотъ-какъ!—Что-жъ,—мнѣ остается одно: этого негодяя, клеветника, вытянуть на барьеръ,—другого исхода нѣтъ.

Аня.

Да что намъ въ немъ!—Что въ его глупой жизни? Стóитъ ли весь-то онъ хоть одной минуты нашего счастья?—Хоть одной слезы моей стóитъ ли? Ваня... прежній мой Ваня!.. (*упадая на колѣни*) царёкъ мой, пожалѣй меня!.. Скажи мнѣ всю правду, не обманывай—ты любишь эту Половецкую? (*Хватаетъ его за руки*).

Радѣевъ.

Аня, полно, что ты!..

Аня.

Выдумкамъ я не вѣрю, не хочу ихъ знать,—мало ли у насъ сплетничаютъ!—Ты благороденъ, ты не гадкій развратникъ,—но вѣдь любовь не отъ насъ, за нее нельзя винить человѣка... Скажи правду—и я покорюсь, буду знать, чтó мнѣ дѣлать...

Радѣевъ — *взглянувъ на часы.*

Ай-ай, три часа! Необходимо еще въ управу. Мы объ этомъ послѣ... говорить надо много,—душа не карманъ, ее всю вдругъ вотъ такъ не выворотишь... Успокойся, мы послѣ на досугѣ... Прощай! (*Торопливо уходитъ*).

Аня.

Ваня! Ваня! постой... останься!.. И рукой махнулъ... (*Встаетъ*) Не въ управу онъ, а къ ней... Давеча эта записка отъ нея... Что-жъ это, Господи!—Бросить меня одну въ такую минуту,—одну... когда сердце истекаетъ кровью... Это чудовищно!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Аня и Косаревъ—войдя, онъ кладетъ на стулъ возлѣ двери фуражку и завернутую въ бумагу игрушечную трубу.

Аня—*кидается къ нему на шею*

Дѣдушка, дѣдушка,—умереть мнѣ надо!

Косаревъ.

Христосъ съ тобой! Что ты, что ты, дѣточка! Аль что вышло? (*усаживаетъ ее на диванъ*). Родненькая, чтó у васъ вышло?

Аня.

Онъ меня бросилъ... Онъ Половецкую давно любитъ... Онъ передъ всѣми позоритъ и себя, и меня...

Косаревъ — *почесывая затылокъ.*

А-а... вотъ оно какое дѣло!.. Ай-да благороднѣйшій... Чуяло мое сердце... Эхъ, господа, господа! А ты — горячая голова — ужъ сейчасъ и умирать? Больно дешево.

Аня.

Нельзя, дѣдушка,—такъ жить нельзя!.. Ты не поймешь...

Косаревъ.

Не пойму? И впрямь не пойму. Мнѣ вотъ давно ужъ дышать совсѣмъ не для чего, а я все марширую тихимъ учебнымъ шагомъ (*идетъ, беретъ игрушку и возвращается*). Вотъ я для Лельки какую забаву купилъ, чтобъ не плакалъ. Вишь, инструментъ съ клапанами. Какъ это пѣсня-то поется?—«Мы и пѣть будемъ, и играть будемъ, а смерть придетъ—помирать будемъ»...

Аня.

Полно! Научи, родной, пособи, разсуди ты насъ (*плачетъ*).

Косаревъ.

Судить васъ—нѣтъ, куда ужъ мнѣ старому каптенармусу! (*Серьезно*). А вы забыли, что у васъ есть заправскій судья—вонъ онъ тамъ въ люлькѣ лежитъ—потягивается... Выростетъ изъ него человѣкъ—и этотъ судья васъ разсудитъ, такъ-то! А покамѣстъ что—(*напѣваетъ*) «Мы и пѣть будемъ, и играть будемъ»... Маршъ къ нему! (*Идетъ къ боковой двери, наигрывая на инструментѣ и прискакивая*).

Аня — *отирая слезы, вслѣдъ ему.*

Дѣдушка!

Косаревъ—*оглянувшись.*

Чего?

Аня.

А какъ смерть придетъ?..

Косаревъ.

Ну и помр... Э, дура! (*Уходитъ, продолжая играть; Аня тихо смѣется*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вечеръ у Брюхачевой. Маленькая гостиная. Мягкая мебель, цвѣты и пр. На первомъ планѣ съ правой стороны козетка, обставленная зеленью,—за нею въ углу трюмо; слѣва дверь съ китайской ширмочкой. На заднемъ планѣ двѣ настежь отворенныя двери—одна въ танцовальную залу, другая въ карточную. Множество гостей—въ залѣ танцуютъ кадриль подъ фортепьяно,—въ карточной толпятся вокругъ зеленыхъ столовъ,—на ближайшемъ Ипатьевъ играетъ въ вистъ съ партнерами солидной наружности.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Швырковъ и Семпелевичъ.

Швырковъ.

Кажется, все у насъ идетъ удачно, живо. А вѣдь я думалъ, что Радѣевъ не пріѣдетъ.

Семпелевичъ.

Э, батенька, не безпокойтесь, этакого дешеваго джентельменства-то у насъ хватитъ! Оно, конечно, послѣ третьегоднишней статейки хоть сквозь землю провалиться, такъ въ ту же пору.

Швырковъ.

Что-жъ такое—по фамиліи не названъ. Фантазія фельетониста.

Семпелевичъ.

Толкуй больной съ подлекаремъ!... Знаемъ... а ловко, ловко! Видно, что сочинитель голова-ля-тетъ. И заглавіе-же извинительное: «Одуванчикъ». Хе, хе! Теперь при встрѣчѣ такъ и хочется сказать: что, милый нашъ одуванчикъ!—Или, по малой мѣрѣ, губами произвести этакъ—пуффъ! дескать, вотъ мы дунули—и гдѣ твоя краса!

Швырковъ.

Въ такихъ казусахъ остается одно—игнорировать,—чтó нашъ голова, кажется, и намѣренъ дѣлать.

Семпелевичъ.

Да, оно практикуется съ успѣхомъ. Я, батенька, знаю такихъ субъектовъ, которымъ неоднократно въ лицо плевали и даже

дѣйствіемъ оскорбляли, ей-Богу,—а они брюшко нагуливаютъ, ибо игнорируютъ и баста!

Швырковъ.

Сомнѣваюсь, чтобъ такіе были... честь—первое дѣло!

Семпелевичъ.

Не спорьте, по нынѣшнимъ временамъ многое-множество таковыхъ.

Швырковъ.

Главное, вѣдь правда-съ, все правда. Въ этой статейкѣ—ни одного факта опровергнуть нельзя-съ. Возьмите вы: женитьба—разъ. Вѣдь изъ-подъ пули... У нея какой-то дѣдушка фельдфебель, звѣрь, да братъ сорви-голова изъ арміи пріѣзжалъ,—такъ съ револьверомъ въ рукѣ заставили—скандалъ! Другое: прежній-то разрывъ съ Половецкой—опять скандалъ-съ: занялъ у нея тысячу рублей и не отдалъ. Теперь она, дура, увлеклась и все забыла... Это вѣрно-съ! А продажа дома у всѣхъ на глазахъ. Ужъ если ты отъ другихъ требуешь какихъ-то идеальныхъ добродѣтелей, такъ самъ будь порядоченъ.

Семпелевичъ.

Коли пошло на правду, такъ пассажъ его съ Помпеемъ хуже всего. Какъ это—у старика, у своего благодѣтеля изъ-подъ носу отнять... ну, такъ сказать, разрушить всѣ послѣднія иллюзіи... Не честно-съ, не честно! Помпей, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, отвернулся, а за нимъ вооружилось все общество. Общественная нравственность возмущена,—не можетъ она терпѣть этого,—не можетъ!

Швырковъ.

А послѣдній скандалъ вамъ извѣстенъ, или нѣтъ?

Семпелевичъ.

Чтò еще?

Швырковъ.

А какъ же-съ!—Исторія съ браслетомъ Файна... Да вотъ самъ Файнъ, не объяснитъ-ли онъ?

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣже и Файнъ.

Файнъ.

Чтò вамъ угодно, господа? Чтò я долженъ объяснить?

Швырковъ.

Нѣтъ, то-есть, такъ... Мы разговорились насчетъ городскихъ слуховъ... Что это за исторія съ вашимъ браслетомъ?

Семпелевичъ.

Да, милѣйшій нашъ, вы здѣсь гость, житель столицы, вы представить себѣ не можете, сколько у насъ сплетниковъ, мерзавцовъ...

Файнъ.

О, много?

Семпелевичъ.

Ужасно! Спрятаться отъ нихъ некуда... Иной изъ пальца высосетъ и разнесетъ по городу, на-те молъ, кушайте... Да-съ, это наша застарѣлая язва, всѣ отъ нея страдаемъ — и ничего не подѣлаешь!

Файнъ—*спокойно.*

Ай-ай, какъ это жалко!... А съ браслетомъ, господа, вышло дѣло очень простое: недоразумѣніе, въ которомъ виноватъ кругомъ одинъ я.—Я проигралъ m-me Радѣевъ пустое пари и выписалъ отъ Фульда браслетъ, дѣйствительно, слишкомъ цѣнный, который не могъ быть принятъ, какъ обычная свѣтская любезность. Сознаюсь, я поступилъ какъ фатъ и мальчуганъ, въ чемъ и просилъ извиненія у Ивана Дмитрича, а браслетъ пожертвовалъ на лотерею въ пользу дѣтскаго пріюта. Вотъ и вся исторія. Иванъ Дмитричъ и его супруга имѣли право оскорбиться, но онъ принялъ мое извиненіе, а другимъ, я думаю, до этого нѣтъ никакого дѣла, не правда-ли?

Швырковъ и Семпелевичъ—*говорятъ вмѣстѣ.*

О, да, конечно! Мы такъ—изъ любопытства больше. (*Переглядываются между собою и многозначительно улыбаются*).

Файнъ.

Мнѣ кажется, господа, вамъ смѣшно, а? Вы теперь думаете,

«а вѣдь жидокъ струсилъ!» Да, мы не имѣемъ охоты стрѣляться—это правда. (*Жидовскимъ жаргономъ*). «Жачѣмъ штрѣлять? Часомъ, пуля въ глазъ заскочить... пхе!»—Ха, ха... А знаете, чтò я вамъ скажу—одинъ маленькій секретъ. (*Беретъ ихъ за руки и шепчетъ*). Жидъ всегда очень умный человѣкъ... (*Смѣясь уходитъ въ карточную*).

Швырковъ.

Каковъ? Нестерпимый фатишка!

(*Половецкая, выйдя изъ залы, останавливается у трюмо, поправляетъ цвѣтокъ въ волосахъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же, Половецкая, потомъ Брюхачева.

Семпелевичъ.

Н-ну, тутъ штука потоньше... Понимаете, всѣмъ извѣстно, что жидокъ ухаживаетъ за женой Радѣева—это онъ мнѣ самъ говорилъ. Мужъ, натурально, глядитъ вотъ такъ (*ставитъ пальцы передъ глазами*), а отводъ для постороннихъ глазъ необходимъ... Правда? Вотъ то-то и оно! Ужъ это (*бьетъ себя по лбу*) голова—ля-тетъ—съ тѣмъ возьмите!

Половецкая.

Господа, я здѣсь не подслушиваю, а прошу васъ не говорить ни слова про моихъ друзей. (*Выходитъ на авансцену*).

Семпелевичъ.

Ахъ, милая, распрелестная наша барынька! (*цѣлуетъ руку*). Такъ, съ дуру тутъ языки чешемъ, хе, хе! Чтó дѣлать-то? Въ танцы не гожусь, въ картахъ несчастливъ, а въ любви и того хуже—инвалидъ! Пойду, въ буфетѣ обрѣту спасенье.

Брюхачева—*изъ боковой двери*.

Вотъ ужъ можно сказать, ужъ подлинно однимъ словомъ—эти балы для хозяйки мука-мученская! И кто ихъ выдумалъ, чтобъ тому ни дна, ни покрышки! Ѳедоръ Богданычъ, идите-ка на кухню, разберите, кто тамъ виноватъ. (*Швырковъ уходитъ*). Ужъ ежели это того,—такое огорченіе, такая непріятность...

Половецкая.

Чтò случилось, Елена Потаповна? Чтó вы такъ разстроены?

БРЮХАЧЕВА.

Какъ не разстроена, судите сами... (*Оглянувшись*). Тутъ посторонних нѣтъ, а вамъ по секрету сказать можно — вы своя... Представьте себѣ, московская-то телятина приказала кланяться...

ПОЛОВЕЦКАЯ.

Что такое? Не понимаю...

БРЮХАЧЕВА.

Да какъ же, душечка вы моя!.. вѣдь я къ нонѣшнему случаю изъ Москвы телятину-то выписала, — московскую, по машинѣ привезли. И ужъ такая нѣга—подлинно сказать, бламанже! Думала я себѣ, какъ станутъ за ужиномъ обносить—сама вотъ къ каждому подойду: «откушай-те-молъ, потому собственно прямо изъ Москвы». И такъ это мнѣ прекрасно представлялось... Многимъ ужъ подъ секретомъ разсказала. Только представьте себѣ, сударыня вы моя, сейчасъ докладываютъ (*со слезами въ голосѣ*) «телятины-то у насъ не будетъ»... Я такъ и обмерла. Какъ такъ? Да, говорятъ, кобель—у меня во дворѣ-то большущій кобель ходитъ—кобель слопалъ... Слышите! Ну, возможное-ли это дѣло?— Ну, гдѣ-жъ это кобелю? Сами мошенники-повара стащили. Вѣдь креста-то на нихъ нѣтъ, и полиціи нонѣ тоже нѣтъ, а иди съ телятиной къ мировому—очень они боятся! Ну, какъ могъ кобель? Говорятъ, хоть не сожралъ, а таскалъ и всю изнюхалъ,— знаютъ, прохвосты, что послѣ такой погани ни сама въ ротъ не возьму, ни гостямъ въ насмѣшку не подамъ. Однимъ словомъ можно сказать, собственно для дня своего рожденія совсѣмъ разстроенный я человѣкъ... Вотъ ужъ подлинно!

ПОЛОВЕЦКАЯ.

Ай-ай-ай! Но—успокойтесь, какъ-нибудь обойдется...

БРЮХАЧЕВА.

Какое ужъ—успокойтесь! Да мнѣ теперича, послѣ такого конфуза, свѣтъ не милъ! Да я и на гостей-то собственно теперь смотрѣть не могу—мнѣ и физіономіи-то ихнія видѣть тошно! Ради Христа, голубушка, не говорите никому... Этакій срамъ!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Радѣевъ.

БРЮХАЧЕВА.

Иванъ Дмитричъ, вы сегодня ровно въ воду опущенный ходите. Пошли-бы хоть князю нашему партію составили—сидитъ,

бѣдный, съ земскимъ членомъ про спеціалистовъ разсуждаетъ, чай, прискучило! Не хмурьтесь, батюшка, э-эхъ!.. Не всяко лыко въ строку. Мало-ли бываетъ! Мы вѣдь добрые—ино мѣсто ужъ подлинно ожесточимся, да тутъ-же сейчасъ и помилуемъ. Ха, ха! Слава Богу, не какіе нехристи! А гдѣ милая супруга-то? (*Къ Половецкой*). Вы знакомы вѣдь съ Анной-то Сергѣвной?

Половецкая.

Знакомы, какъ-же—часто встрѣчаемся въ обществѣ.

Брюхачева.

Ахъ, подружитесь! Славная такая, не гордая, однимъ словомъ. Вотъ, сейчасъ приведу ее. Ужъ какъ бы хорошо-то было, кабы вы собственно въ день моего рожденья да подружились, какъ должно, по-христіански! У меня рука легкая,—сейчасъ я, сейчасъ! (*Идетъ въ залу*).

Радѣевъ.

Слышали? Понимаете вы... этотъ тонкій намекъ на толстыя обстоятельства?—Да что эта,—чортова кадушка! всѣ они, всѣ до единаго глядятъ на меня, какъ грозные обвинители, какъ свидѣтели моихъ какихъ-то неслыханныхъ преступленій. На всѣхъ этихъ пошлыхъ лицахъ я читаю одно: повинись передъ нами, покайся—и мы простимъ тебя... Да чтó же я имъ сдѣлалъ?—Ахъ, нѣтъ,—меня даже этотъ воздухъ раздражаетъ до боли... Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ! (*Закрывъ лицо опускается на козетку*).

Половецкая.

Развѣ лучше прятаться?—Знáчитъ, признать себя въ самомъ дѣлѣ неправымъ. Вѣрь мнѣ, противъ инстинктовъ этого стада нуженъ не умъ, не честность, а просто—дерзость игрока, либо хлыстъ укротителя... какъ въ звѣринцѣ. Гикнуть, щелкнуть бичомъ—вотъ и весь секретъ.

Радѣевъ.

Не умѣю я,—тысячу разъ тебѣ говорилъ;—ничего этого во мнѣ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Да не въ сегодняшнемъ вечерѣ дѣло: ну, пріѣхалъ, плюнулъ и уѣхалъ. Вздоръ! Даже не въ ихъ печатномъ пасквилѣ бѣда... Нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ я втюрился въ эту общественную похлебку? Вотъ гдѣ первородный-то грѣхъ! И какъ на зло, все меня толкало, все... и чуть ли не ты первая крючекъ забросила...

Половецкая.

Бѣдный мальчикъ! Безъ помочей не можетъ—лобикъ расшибетъ! Чего же смотрятъ эти скверныя няньки?

Радѣевъ.

Никого я не виню: самъ заварилъ — одинъ и расхлебаю... Знаешь, чтó я сегодня сдѣлалъ?

Половецкая.

Что-нибудь очень рѣшительное, героическое?

Радѣевъ.

Да,—по крайней мѣрѣ, безповоротное.

Половецкая.

Какъ же безъ няньки-то?

Радѣевъ.

Я кончилъ съ кредиторами. Отдаю имъ домъ, а ужъ они тамъ, какъ хотятъ, вѣдайся съ городомъ.

Половецкая — *прищурясь*.

Недурно... Надо теперь подумать объ остальномъ...

Радѣевъ

Дай срокъ,—съумѣю развязать всѣ узлы, всѣ путы.

Половецкая.

Только помни уговоръ: идти прямо, не обманывать ее...

Радѣевъ.

Она ужъ подготовлена,—на половину знаетъ...

Половецкая.

Охъ, вотъ то-то и бѣда, что у насъ все на половину! Несчастье ты мое! Но—цссъ! Онѣ идутъ...

(*Радѣевъ отходитъ въ сторону. Брюхачева вводитъ Аню изъ залы*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Половецкая, Брюхачева, Аня и Радѣевъ.

Брюхачева.

Смотрите, Иванъ Дмитричъ, подражайте: ужъ какая она, право, милая—веселится, танцуетъ, какъ эта самая птичка, ко-

торая въ стишкѣ-то ни заботы, ни трудовъ... Ужъ именно, какъ ни въ чемъ не бывало!

Аня.

О чемъ же мнѣ печалиться? Было бы странно... Мы у васъ на праздникѣ.

Брюхачева.

Одолжили-съ,—ужъ вотъ какъ подлинно обязали! Позвольте васъ поцѣловать (*цѣлуетъ ее*). Въ знакъ благодарности. Я—баба простая, россейская, у меня все внаружѣ... Людмила Михайловна, чай знакомы? Анна Сергѣевна вотъ...

Половецкая — *протягивая Анѣ руку.*

Кажется, представлять насъ другъ другу нѣтъ надобности. (*Аня подаетъ ей руку*). Вы много танцовали?

Аня—*сухо.*

Да, много (*къ мужу, который направляется къ дверямъ карточной*). Иванъ Дмитричъ, я хотѣла бы... (*Онъ не отвѣчаетъ, она слѣдуетъ за нимъ и останавливается у двери, дѣлая ему знаки подойти. Радѣевъ не замѣчаетъ ея и садится у стола играющихъ*).

Брюхачева—*какъ только Аня отошла.*

Душечка, вы—дама, какъ есть, настоящая. (*Взглянувъ на Аню, переводитъ масляные, упрашивающіе глаза на Половецкую*) По-христіанству...

Половецкая.

Ахъ, съ восторгомъ!—Мы навѣрно сойдемся.

Брюхачева.

Только, ангелъ, съ осторожностью... (*Половецкая нетерпѣливо подернула плечомъ*). Я собственно.... (*шопотомъ*) насчетъ телятины-то... (*Кладетъ палецъ на губы и уходитъ въ залу*).

Половецкая.

Бѣдная! Она и не воображаетъ, что у каждаго на душѣ... есть своя телятина... Madame Радѣевъ! На минутку. Что̀ вы тамъ... Онъ вамъ очень нуженъ?

Аня.

Кто?

Половецкая.

Кто?—ваш мужъ, разумѣется.

Аня.

Мужъ... (*улыбнувшись*). Да, къ сожалѣнію, пока очень нуженъ. (*Выходитъ на авансцену*).

Половецкая.

Ха-ха-ха-ха! Мы точно въ каламбуры играемъ!.. Какъ иногда смѣшно выходитъ... Ха, ха!.. Посидите тутъ, поболтаемъ.

Аня—*отвернувшись дѣлаетъ гримасу, чтобъ пересилить непріятное чувство; потомъ спокойно садится рядомъ съ Половецкой.*

Устала. Много народа съѣхалось,—почти весь городъ.

Половецкая.

Какъ же,—аменины справляемъ во всей формѣ, даже съ московской телятиной... Но по мнѣ и скука же здѣсь—ухъ! тоже телячья. Всѣ какіе-то суровые, подозрительные, точно мыши кота хоронятъ. Ха, ха! Ужъ не вліяніе ли это погоды? Сегодня холодъ волчій и мятель поднимается—какъ мужики говорятъ, сиверка.

Аня.

Да, зима нынче жестокая. Я вообще очень зябка, стужи не выношу. Послѣ рожденья Алёши какъ-то простудилась,—говорятъ, въ груди ужъ не безъ катарра.

Половецкая.

У меня хоть не было Алёши, но тоже кутаюсь. Немудрено, старуха! (*вдругъ разражается хохотомъ*). Ха, ха, ха! (*Аня вопросительно глядитъ на нее*). Милая Анна Сергѣевна, еслибъ теперь кто подслушалъ насъ,—вотъ, сказалъ бы, двѣ дуры или двѣ лицемѣрки. А мы, кажется, слава Богу, ни то, ни другое.

Аня.

Я не знаю...

Половецкая.

Говоримъ такъ важно, точно взаправду о морозѣ печалимся Ха, ха!—Меня многіе не любятъ—наши дамы особенно за то, что я привыкла все выводить на свѣжую воду, ставлю вопросы ребромъ. Скажите, по вашему—это большой порокъ?

Аня.

Не порокъ, но и не Богъ вѣсть какая добродѣтель. Иногда, просто, привычка не щадить никого и ничего. Я не знаю... но такъ дѣлать могутъ только...

Половецкая.

Кто?

Аня.

Право затрудняюсь... Ужъ, конечно, не мы, грѣшныя.

Половецкая.

А я думаю, что намъ-то грѣшнымъ, въ нашей грѣшной жизни это всего необходимѣе. Возьмите вы для примѣра, такой случай: двѣ женщины любятъ одного и того же человѣка,—любятъ, положимъ, одинаково сильно,—что-жъ лучше, честнѣе, чтобъ онѣ хитрили другъ передъ дружкой, лгали, воровски подкапывались, —или прямо въ глаза сказали: давайте-ка въ открытую! Счастье намъ обоимъ нужно и дорого. Кому достанется, тебѣ или мнѣ—за кѣмъ побѣда, за тѣмъ и счастье...

Аня—*сначала тихо, неувѣренно, глотая слезы, потомъ постепенно доходя до крайняго воодушевленія.*

Счастье... вы говорите—счастье... Вы это про какое счастье? А знаете ли вы, что для одной счастье—прихоть... и даже не первая прихоть-то!—для другой это—воздухъ, свѣтъ, тепло—все, безъ чего жить нельзя... Счастье! Да развѣ то—счастье, что̀ добывается чужими муками, слезами, а можетъ и смертью? Да развѣ можно плясать, цѣловаться, пѣть пѣсни на похоронахъ женщины, которую вы же вчера задушили собственными руками? (*Встаетъ и выпрямляется*). Людмила Михайловна, говорю вамъ громко, что вы-то и есть самая злая, безсердечная лицемѣрка... Къ чему вы все это завели? Чтобъ прямо въ лицо мнѣ бросить оскорбительный вызовъ? Такъ знайте, что я мужа отъ васъ не прячу, не запираю и его не упрекаю, не вымаливаю его любви...

Онъ воленъ, а я горда и честна. Но знайте-жъ вы, лживая лицемѣрка, что прихоть ваша, которую зовете вы счастьемъ, даромъ вамъ не достанется... Да!—перешагните черезъ мой трупъ и тогда берите себѣ это счастье—коли совѣсти хватитъ!.. *(Половецкая хочетъ говорить).* Ни слова! Я васъ не знаю и... ненавижу! (*отходитъ и видитъ въ дверяхъ залы Файна).* А, Файнъ. Тамъ вальсъ,—пойдемте. Скорѣе же, скорѣй! *(Файнъ беретъ ее за талію и—ускользаютъ въ танецъ).*

Половецкая—*впадая изъ легкомысленнаго въ болѣе и болѣе серьёзный тонъ.*

Экзальтированная головка!.. Ужъ сейчасъ и смерть, могила, трупъ!.. Это въ нашей-то буржуазной комедіи такіе трагическіе аксессуары! Однако она совсѣмъ не то, чтó я думала... Гмъ, не ожидала!.. Кто это говорилъ — простушка? Н-нѣтъ, въ ней слышна сила... не дѣтская сила... Этотъ голосъ, этотъ взглядъ... вѣдь это—тигренокъ зарычалъ...

Радѣевъ—*быстро подходитъ къ ней.*

Чтó у васъ вышло—ради Бога!

Половецкая.

Вы, другъ мой, ее совсѣмъ не знаете... Какъ говорится, проглядѣли ее... Когда и какъ она развилась!.. О, съ нею придется... (*Встряхнувъ головой).* А!—минутная вспышка—не больше. — Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ... не благодарить же ей меня!.. Ха, ха!..

Радѣевъ.

Ну, такъ! Къ чему, къ чему?—Раньше времени... не хочу я скандаловъ.

Половецкая.

Успокойся. Ничего страшнаго не будетъ. Дуэли пока не въ обычаяхъ у бабъ... Все перемелется...

Радѣевъ.

Да пощади ты, пожалѣй меня!.. Ей-Богу, голова лопнетъ...

Половецкая.

Правда... Тутъ такая одуряющая, зараженная атмосфера... точно угаръ... Освѣжиться бы... Знаешь чтò,—ха, ха! сумасбродная идея! Уѣдемъ отсюда...

Радѣевъ.

Людмила!.. чтó ты?

Половецкая.

Трусишка! Ха, ха... успокойся, — не совсѣмъ. Просто, поѣдемъ, покатаемся по улицамъ—и опять сюда.

Радѣевъ.

Да, такъ?.. недурно бы... вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Половецкая.

Только не въ каретѣ,—душно и... (*пародируя*) неприлично. Ха, ха!.. Ба! у нашего стараго дурака Помпея парныя сани,—кучеръ меня знаетъ... Отлично! Ѣдемъ!

(*Семпелевичъ, проходя изъ карточной въ залу, останавливается и подслушиваетъ*).

Радѣевъ.

Ха, ха, ха!.. Укатить на рысакахъ Помпея—это всего забавнѣе!

Половецкая.

У меня всегда найдется счастливая идея! — Ну, исчезаемъ! Чтобъ никто не замѣтилъ, — иди ты впередъ, я потомъ. Ха, ха! Пусть эти идіоты тутъ задыхаются въ парахъ своей собственной злобы, а мы—вольныя птицы! По-цыгански—гайда! Только насъ и видѣли! (*Идутъ въ залу. Семпелевичъ ускользаетъ за дверь карточной*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Семпелевичъ и Швырковъ.

Семпелевичъ—*съ оглядкой выходитъ на авансцену и долго не можетъ говорить. Стоитъ, разведя руки и выражая на лицѣ—величайшее изумленіе и плутоватую насмѣшку.*

Протестую! Въ программѣ этого не было!

Швырковъ—*выходитъ изъ карточной.*

Эрастъ Осипычъ, слышали новость?

Семпелевичъ.

Э, батинька, вы меня теперь никакой новостью не ошарашите! Ни-ка-кой!

Швырковъ.

Говорятъ, Радѣевъ отказался отъ мѣста.

Семпелевичъ.

Все пустяки!

Швырковъ.

Клянусь, правда!

Семпелевичъ—*сердится.*

Да пустяки,—говорятъ вамъ, пустяки! Хоть бы двадцать тысячъ разъ отказался! Еще бы! Ему такъ наперчили, что по неволѣ носъ отворотишь... Нѣтъ, вонъ небось отъ того блюда, которое ему по вкусу, не отказался... Знаете ли вы, гдѣ онъ теперь?

Швырковъ.

Гдѣ?

Семпелевичъ.

А чортъ его знаетъ гдѣ!.. Только сію минуту (*оглянувшись шепчетъ ему на ухо*). Парочка, фить!

Швырковъ.

Что вы?—вотъ штука!.. Надо Помпею сказать.

Семпелевичъ.

Вы кстати, рысаковъ-то его похвалите,—все не такъ горько.

Швырковъ.

Это слишкомъ важно... Пріобщимъ къ дѣлу! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Семпелевичъ садится въ сторонѣ, отирая платкомъ лицо. Файнъ изъ залы ведетъ Аню, чрезвычайно уставшую послѣ вальса, и сажаетъ на козетку.

Аня.

Merci, вы одни меня не покидаете... а то всѣ сторонятся, даже дамы... ха-ха!.. Фу, какъ устала!

Файнъ.

Увы! И я въ эту минуту васъ оставлю: хозяйка проситъ сыграть на ея знаменитомъ роялѣ.

Аня.

Вы—музыкантъ?

Файнъ.

Какъ всѣ жиды... Вспомните — Мендельсонъ, Мейерберъ, Галеви... всѣ «изъ насихъ»... великіе жиды! (*Смѣясь, кланяется и уходитъ въ залу*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Во время предъидущей сцены Швырковъ выводитъ изъ карточной Ипатьева, ловитъ двухъ гостей, вышедшихъ изъ залы, всѣ таинственно шепчутся. Швырковъ указываетъ на Семпелевича, къ которому и подходитъ вся группа. Сцена идетъ быстро и вполголоса.

Ипатьевъ.

Эрастикъ, неужели?! Это превосходитъ всякое вѣроятіе! (*Гостямъ*). Господа, вѣрно-ли? Поищите. (*Гости бѣгутъ опять въ залу*).

Семпелевичъ.

Поищите!.. Отцу-бы родному не повѣрилъ... О, времена—о, нравы!

Ипатьевъ.

Съ Половецкой вдвоемъ уѣхалъ... Куда? Зачѣмъ? Радѣевъ съ ума сошелъ...

(*Аня вздрогнула, но сидитъ блѣдная, неподвижная*).

Швырковъ.

Просто, бѣжали. Уговоръ давно у нихъ былъ.

Ипатьевъ.

И бросилъ жену,—открыто бросилъ,—такъ сказать, на глазахъ всего общества... Скандалъ неслыханный!

Семпелевичъ.

Зато, душа-Помпей, теперь какъ ему пріятно... Ты, голова—ля-теть, разсуди: въ какомъ-нибудь уютномъ уголкѣ это... вдвоемъ... Поэзія—канальство! (*Спохватясь*). Батюшки, забылъ!.. Ай!

(*зажимаетъ рукою ротъ, а другой рукой тычетъ по направленію, гдѣ сидитъ Аня*). Во... во!..

Ипатьевъ.

Гмъ! (*Послѣ нѣкотораго колебанія, принимаетъ величественную и нѣсколько скорбную осанку*). Гмъ!.. Господа—уваженіе къ несчастію!.. (*Подходитъ къ Анѣ*). Сударыня, вы извините... мы невольно... Вашего мужа я зналъ ребенкомъ... (*Поднимаетъ плечи*). Признаюсь, это... это... Но къ вамъ наше самое глубокое уваженіе.

Аня—*словно проснулась*.

Благодарю васъ... но, право, господа... вы напрасно... вы очень ошибаетесь. (*Встаетъ,—сдержанно и гордо*). Мой мужъ уѣхалъ, я это знаю. Уѣхалъ онъ домой — у него заболѣла голова; я сама просила у него позволенія остаться здѣсь. Вы очень любезны, очень заботливы, но... приберегите эту заботливость для тѣхъ, кто въ ней нуждается (*Отворачивается*).

Ипатьевъ.

Извините,—ради Бога, извините...
(*Двое гостей вбѣгаютъ въ попыхахъ*)..

Гость.

Такъ точно, ваше превосходительство, розыскали,—вѣрно-съ! Уѣхали. Вашъ кучеръ Прошка увезъ ихъ вмѣстѣ съ дамой.
(*Аня, съ легкимъ стономъ, опускается на козетку*).

Брюхачева—*въ дверяхъ залы*.

Господа! Сейчасъ заиграетъ на роялѣ Горацій Марковичъ, идите слушать. Помпей Платонычъ, пожалуйте.
(*Всѣ уходятъ въ залу*).

Ипатьевъ.

Сударыня, я понимаю васъ... я самъ... (*тяжело вздохнувъ*) я сочувствую. (*Уходитъ. Дверь въ залу затворяется*).

Аня—*послѣ долгаго раздумья вдругъ встаетъ порывисто*.

Ага?.. да... что̀ сказала ей, то и сдѣлаю... Они уѣхали, пусть!—а я пойду... (*Хватается за шею и плечи*). Вотъ такъ, какъ есть, пойду—и все буду идти, идти... Ночь, никого не

встрѣтишь... Морозъ, сугробы,—снѣгъ хлещетъ... а я все иду, тихонько иду... конецъ вѣрный! (*Безпокойно оглядывается кругомъ, автоматично подходитъ къ трюмо, накидываетъ на плечи кружевной платокъ, осматриваетъ башмаки*). Такъ, все такъ... вѣрный конецъ, вѣрный!.. Ну!.. Эта дверь,—тамъ темная лѣстница,—пробѣгу,—не замѣтятъ... (*Идетъ къ двери и спотыкается*). Господи!.. помоги... и прости, грѣшную... (*шепчетъ молитву*). Теперь совсѣмъ... совсѣмъ... (*бѣжитъ въ боковую дверь. Изъ залы слышно окончаніе бравурной пьесы, крики восторга и апплодисменты*).

Занавѣсъ опускается на нѣсколько минутъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація та же.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Двое слугъ.

1-й слуга.

Посылайте, Савельичъ, всѣхъ въ столовую, чтобъ ни одного нашего человѣка ни въ передней, нигдѣ не оставалось. Сейчасъ пойдутъ къ ужину. Всѣхъ гоните.

2-й слуга.

Сейчасъ. Я и чужихъ прихвачу, кто одѣтъ сообразно. (*Расходятся въ разныя стороны*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Брюхачева и Топтыгинъ изъ карточной.

Брюхачева.

Видишь, Яковъ Филипычъ,—ты меня тогда обидѣлъ, а я зла не помню: не обошла тебя.

Топтыгинъ.

Благодарствуй на добромъ словѣ, матушка.

Брюхачева.

Да гдѣ ты былъ, что цѣлый вечеръ тебя не видно?

Топтыгинъ.

Гдѣ быть? тутотка. Наше мѣсто извѣстное: вдоль по стѣнкамъ слоняемся. Еще у покойнаго губернатора, я помню, кажинный разъ на эти балы насъ, купечество именитое, скликали. Твой старикъ тоже изъ первыхъ. Бывало сидимъ-сидимъ, ровно сычи, рядкомъ вдоль по стѣнкѣ-то,—смерть! За вечеръ-то инда всѣ скулы на сторону посвихаешь,—сонъ беретъ! Напослѣдокъ мы что-же,—отпрашиваться стали; подзовемъ чиновничка и подсылаемъ: доложи, другъ милый, генералу, нельзя-ль молъ какъ ослобонить. Добрый былъ его превосходительство, отпущалъ всегда, еще разсмѣется, бывало,—добрый! Такъ-то-сь, не про насъ эти балы заведены.

Брюхачева.

А вѣдь ужъ подлинно, хорошо у меня, благородно?

Топтыгинъ.

Хорошо, хорошо... а все-же поскупилась, мать, хе-хе! Около подъѣзда хочь-бы шкалики, плошки, али бураки смоляные зажечь. Вонъ опять музыку—полковую-бы принанять. Оно было бы куды—баснословнѣе!

Брюхачева.

Да гдѣ ты ее поставишь, музыку-то?—Пробовали ужъ,—такъ вѣдь въ залѣ курительныхъ свѣчекъ не напасешься. Куда ужъ! Ахъ, слыхалъ ты, какой у меня грѣхъ съ телятиной-то?

Топтыгинъ.

Ѳедоръ Богданычъ сказывалъ. Извѣстное дѣло—песъ, чтó ты съ его взыщешь! Да ништо, мать, — давай, чтó найдется, все съѣдятъ акуратно.

Брюхачева.

Съѣсть-то они съѣдятъ вѣрно, а все-же... посуди, вѣдь изъ Москвы она, моя матушка, по машинѣ пріѣхала.

Топтыгинъ.

Кто говоритъ! вѣстимо, горажже баснословнѣе!

Брюхачева.

Хорошо, что нашъ князь уѣхалъ, — сейчасъ ужинать пойдутъ. (*Глядитъ въ залу*). Отцы мои!.. что тамъ еще? А! Попей Платоныча величать никакъ хотятъ.

(*Въ залѣ нѣсколько раньше поднялся шумъ; толпа гостей, окруживъ Ипатьева, вваливается на сцену*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же, Ипатьевъ, Швырковъ, Семпелевичъ и гости, между которыми нѣсколько дамъ.

Ипатьевъ.

Довольно, господа... благодарю... я радъ, но событія укажутъ... Неблагоразумно опережать событія!..

Швырковъ.

Позвольте-съ! Прошу слова. Резюмируемъ. Милостивые государи! Нашъ глубокоуважаемый Помпей Платоновичъ первый выразилъ живѣйшее сожалѣніе, что выборъ общества, къ прискорбію, палъ на лицо, не оправдавшее нашихъ надеждъ и завѣтныхъ чаяній. Полагаю-съ, — въ скобкахъ, — нѣтъ надобности называть это лицо... Негодованіе высокочтимаго Помпея Платоновича тѣмъ цѣннѣе, что онъ самъ, такъ-сказать, создалъ это лицо, вызвалъ его изъ мрака ничтожества. И теперь онъ первый смѣло бросаетъ въ него камень осужденія... Это ужъ не поступокъ-съ, а подвигъ, достойный великаго римскаго гражданина. Господа! довѣримся испытанной мудрости его превосходительства; пусть онъ укажетъ намъ новаго, достойнѣйшаго дѣятеля...

Голоса въ толпѣ.

Просимъ, просимъ!

Швырковъ.

Въ ознаменованіе всѣхъ заслугъ покойнаго... тьфу! то-есть, нашего знаменитаго согражданина, подарившаго намъ... то-есть, создавшаго у насъ банкъ и притомъ удѣляющаго драгоцѣнныя минуты для упроченія нашего самоуправленія, — я позволю себѣ въ ближайшемъ собраніи думы формулировать отъ лица всѣхъ предложеніе, дабы зала нашихъ общественныхъ собраній украсилась портретомъ незабвеннаго Помпея Платоновича на вѣки вѣчные, въ назиданіе и отраду потомства!

Всѣ гости.

Ура! Просимъ! Браво! (*въ концѣ шума одинъ женскій голосъ*) bis!.. (*Всѣ кланяются, подходятъ и жмутъ руку Ипатьеву*).

Семпелевичъ—*стоящему возлѣ него Топтыгину*.

А посмотри ты, что этотъ стрекулистъ, Ѳедюшка, въ головы пролѣзетъ!

Топтыгинъ.

Эвося!—Ха, ха... (*безсмысленно смѣется*).

Семпелевичъ.

Чего гогочешь, борода! У! (*показываетъ ему языкъ*). Не знаешь, что у насъ съ посмѣха люди живутъ!..

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же, въ толпѣ появляется Радѣевъ.

Ипатьевъ.

Благодарю, благодарю! Это... это превыше всѣхъ земныхъ отличій... Я тронутъ... Конечно, банкъ—это мое дорогое, любимое дѣтище, — но и во всемъ прочемъ я готовъ, по мѣрѣ силъ, руководить... Будемъ уповать, что новый городской голова, котораго даруетъ намъ наша прозорливость...

Радѣевъ—*рѣзко выступая впередъ*.

Да позвольте-съ, — вашъ старый городской голова здѣсь... пока онъ еще не умеръ и не отказался... (*всѣ въ изумленіи отступаютъ отъ него*). Можетъ быть, онъ сошелъ съ ума,—это возможно, ха, ха! Кто не сойдетъ съ ума въ палатѣ умалишенныхъ!

Ипатьевъ.

Милостивый государь!

Швырковъ.

Оскорбленіе обществу!

Семпелевичъ.

Сидѣлъ бы тамъ, откуда пріѣхалъ!

(*Говорятъ всѣ вмѣстѣ, потомъ отворачиваются и приглашаютъ другихъ разойтись.*)

Радѣевъ.

Нѣтъ, стойте! Дайте же васъ обрадовать... Вы угадали, я слагаю съ себя это почетное званіе и публично сознаюсь, что былъ никуда негоднымъ, неспособнымъ... даже—ха, ха!—теперь ужъ не знаю, былъ ли я честнымъ человѣкомъ!.. Вы правы: давно слѣдовало прогнать меня, а еще проще—не избирать меня для такого серьёзнаго общественнаго дѣла... Но вы-то сами,—вы!—съ какими цѣлями меня выбрали? Чего отъ меня требовали?—Слышалъ ли я хоть одно строгое слово правды и совѣсти? Игрушкой вашей былъ я—и вотъ, вы сломали и бросили эту игрушку, какъ негодную... Вы грубыми ручищами залѣзли даже въ тотъ уголокъ моей жизни, который не подлежитъ ни вашему суду, ни контролю... Вся жизнь моя теперь вытащена на улицу, опозорена—и лежитъ передо мною въ грязи отвратительнымъ укоромъ... Чѣмъ ее кончить?—Куда бѣжать? (*Во время его монолога гости мало-по-малу расходятся, нѣкоторые останавливаются въ дверяхъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же, Половецкая и Косаревъ.

Косаревъ—*растерянный, обезумѣвшій, продирается изъ залы сквозь толпу.*

Извините... пустите... (*Подойдя къ Радѣеву*). Домой пойдемъ.

Радѣевъ—*ошеломленъ.*

Вы? Какъ? Что̀ такое?..

Косаревъ.

Брось все... идемъ домой!

Радѣевъ.

Зачѣмъ... что̀ случилось?

Косаревъ.

Не знаю... не знаю, что̀ у васъ тутъ случилось... Что̀ вы сдѣлали съ моей Аней?

Радѣевъ—*едва шевелитъ губами.*

Но... Аня здѣсь... что̀ вы? она здѣсь... (*Озираясь кругомъ*). Жена моя вѣдь здѣсь?..

КОСАРЕВЪ.

Дома она... говорятъ вамъ—дома!.. Ушла отсюда... Пришла, какъ была здѣсь, по-бальному... разодѣтая... замерзающая... полумертвая... Теперь тамъ... вся горитъ, глаза какъ угли... горитъ — мечется... въ бреду зоветъ... Да идемъ же, идемъ! Вѣдь тамъ смерть на порогѣ...

РАДѢЕВЪ—*съ воплемъ.*

Боже!.. чтó мы надѣлали!

КОСАРЕВЪ—*спокойно и мрачно.*

Ты убилъ свою жену... Иди, полюбуйся! (*Схватываетъ его за руку и уводитъ*).

Занавѣсъ.

А. ПАЛЬМЪ.

ВЛІЯНІЕ
БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ
НА ЛАЖЪ И ЦѢНЫ.

Вопросъ о бумажномъ денежномъ обращеніи, особенно при неразмѣнности и избыткѣ бумажныхъ денегъ, получилъ у насъ, вслѣдствіе послѣднихъ значительныхъ выпусковъ и колебанія валюты, новый интересъ. Мнѣнія, выраженныя по этому поводу газетами, отличались обыкновенной крайней отрывочностью, и болѣе обстоятельнаго его обсужденія слѣдовало, конечно, ожидать отъ журнальной части прессы. Но эти ожиданія были до сихъ поръ напрасны.

За послѣдніе годы вопросъ этотъ, правда, обсуждался, — преимущественно съ точки зрѣнія способовъ возстановленія валюты. Но общая теорія бумажнаго обращенія, долженствующая служить основаніемъ при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, оставалась при этомъ въ тѣни. Можетъ быть, это была одна изъ причинъ, по которой, не смотря на общее вниманіе къ вопросу о нашей валютѣ за послѣднее время, газетная пресса, помимо отрывочности, выразила порядочную шаткость и разнорѣчивость въ разрѣшеніи вопроса. Это насъ заставило, въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ тому же предмету, раздѣлить его изслѣдованіе на двѣ части: во-первыхъ, мы спеціально займемся разсмотрѣніемъ способа дѣйствія бумажныхъ денегъ на цѣны золота и прочихъ предметовъ; изложимъ, такъ сказать, общія основанія теоріи въ

томъ видѣ, въ какомъ она выяснилась, благодаря истекшему времени и опыту съ появленія первыхъ по этому предмету ученій,—и затѣмъ уже, пользуясь такими готовыми основаніями, перейдемъ къ вопросу о возстановленіи валюты. Это намъ кажется тѣмъ болѣе необходимо, что точка зрѣнія, которую встрѣтитъ у насъ читатель, во многомъ можетъ показаться ему новой, а можетъ—парадоксальной. Тѣмъ не менѣе она не можетъ назваться вполнѣ новой и, какъ намъ кажется, лучше согласуется съ дѣйствительными фактами и объясняетъ ихъ точнѣе и проще, чѣмъ всякая другая. Въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, ибо, какъ мы уже сказали, она есть всецѣло продуктъ опытовъ надъ бумажными деньгами, не прекращавшихся въ теченіи всего текущаго столѣтія.

Способъ дѣйствія избытка бумажныхъ денегъ до сихъ поръ остается, конечно, вполнѣ неизслѣдованнымъ. Несомнѣнно однако, что самая простая, чисто количественная теорія бумажныхъ денегъ, по которой цѣнность ихъ падаетъ пропорціонально количеству, могла разсматриваться давно уже развѣ какъ весьма грубое приближеніе, вовсе не соотвѣтствующее тому, что встрѣчается на дѣлѣ. Теорія эта не оправдалась уже въ періодъ неразмѣнности билетовъ англійскаго банка. Съ тѣхъ поръ явленія, подобныя тѣмъ, съ которыми имѣла дѣло Англія въ означенный періодъ, повторились и въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ другихъ мѣстахъ, и продолжаютъ повторяться до сихъ поръ. Если въ государствахъ, какъ Англія и Франція, ранѣе другихъ испробовавшихъ всѣ послѣдствія излишества бумажныхъ знаковъ, развилась особая щепетильность и недовѣріе къ самой системѣ бумажнаго обращенія, то и тамъ металлическое обращеніе могло удержаться на столько же благодаря этой щепетильности, на сколько и допускавшихъ это обстоятельство. Въ другихъ же странахъ избытокъ бумажныхъ денегъ, лажъ и колебаніе валюты, повторялись, а въ нѣкоторыхъ обратились даже въ явленіе почти хроническое. Оказывалось, что почти единственное условіе для сохраненія металлическаго обращенія, заключается какъ-бы въ неведеніи войнъ; ибо на нашихъ глазахъ всѣ крупныя и продолжительныя войны были для государствъ, которыя ихъ вели, источникомъ такой задолженности, которая разстроивала ихъ денежную систему.

Всѣ войны требуютъ чрезвычайныхъ и неожиданныхъ расходовъ, а, слѣдовательно, и рессурсовъ. Въ наличности или въ запасѣ, такихъ рессурсовъ обыкновенно нѣтъ. Создать и вызвать ихъ съ той быстротой, которой требуютъ обстоятельства, нѣтъ воз-

можности другимъ путемъ, кромѣ займовъ. И вотъ, всякія войны начинаются или сопровождаются займами.

Сохраненіе валюты или стройности денежной системы, равно какъ интересовъ торговыхъ классовъ, заинтересованныхъ особенно въ прочности монетной единицы, требуетъ, чтобы эти займы были процентные. Но такіе займы не всегда исполнимы, особенно въ требуемомъ размѣрѣ. Притомъ полученіе денегъ этимъ путемъ составляетъ болѣе сложную процедуру, а военныя дѣйствія не терпятъ медленности, а потому естественнымъ дополненіемъ процентныхъ займовъ являются займы безпроцентные или простона-просто выпускъ бумажныхъ денегъ. Такіе долги и разстроили денежныя системы Америки, Австріи и Россіи.

Разъ явившись, такое разстройство исправляется трудно, и если до того, когда успѣютъ загладиться послѣдствія войны, вызвавшей такое разстройство, наступаетъ новая, то съ ней только усугубляется прежняя безпорядочность, вкравшаяся уже въ денежную систему, и явленіе лажа переходитъ въ хроническое, какъ это и имѣло мѣсто у насъ, въ Россіи. А такъ какъ войны, эта главная причина разстройства финансовъ и причина безпроцентныхъ долговъ—вѣроятно, еще должны составлять и впредь явленіе неминуемое, то съ ними, вѣроятно, еще должны повторяться не разъ примѣры разстроенныхъ избыткомъ бумажныхъ денегъ системъ обращенія.

Это указываетъ на ту практическую важность, какую имѣетъ изслѣдованіе вопроса о вліяніи избытка бумажныхъ денегъ на денежную систему вообще и установка на этотъ счетъ болѣе полной теоріи, чѣмъ тѣ, какія были первоначально придуманы. Между тѣмъ, вопросъ оставался долго при первоначальныхъ элементарныхъ теоріяхъ, отчего разсужденія, высказывавшіяся въ критическихъ случаяхъ на тэму бумажныхъ денегъ, бывали лишены особаго вѣса и вращались около довольно сбивчивыхъ и элементарныхъ представленій.

Люди, усвоившіе себѣ общія мѣста по этому предмету, встрѣчающіяся въ старыхъ экономическихъ разсужденіяхъ, считаютъ ихъ до сихъ поръ достаточными для толкованія о вредѣ бумажныхъ денегъ и предлагаютъ разнаго рода займы въ видѣ глубокомысленныхъ финансовыхъ мѣръ. Недавнія же экономическія сочиненія, вслѣдствіе невыработанности теоріи, предлагали немного болѣе такихъ общихъ мѣстъ, и вообще вопросъ о бумажныхъ деньгахъ обсуждался въ нихъ далеко не съ той полнотой, какой требуетъ его значеніе.

Только послѣ того, какъ финансовая исторія послѣдняго времени накопила значительную массу практическихъ данныхъ для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія вопроса, стали слагаться зачатки болѣе ясной теоріи, и изъ всѣхъ европейскихъ государствъ едвали не болѣе всѣхъ богатую почву для наблюденій представила наша русская финансовая практика. Нужно сознаться, что предшествовавшіе примѣры были или слишкомъ скоротечны и остры, по своему характеру — какъ опыты Ло и французскія ассигнаціи—для того, чтобы представлять удобный случай для наблюденія подробностей, и скорѣе способны были выяснить общія черты дѣла; или слишкомъ нерѣшительны, какъ паденіе курса билетовъ англійскаго банка.

Съ тѣхъ поръ однако финансовая практика представляла примѣры болѣе рѣшительнаго характера, чѣмъ послѣдній, и въ то же время менѣе крайняго и болѣе хроническаго, чѣмъ первые. Этого рода примѣры были болѣе подходящими для изученія подробностей, которыя тщетно старалась раскрыть въ свое время англійская коммиссія. На основаніи ихъ мы и можемъ теперь составить болѣе опредѣленное представленіе о способѣ дѣйствія бумажныхъ денегъ на ихъ собственную цѣну.

Прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, мы сдѣлаемъ замѣчаніе, которое, можетъ быть, излишне для людей болѣе знакомыхъ съ предметомъ, и съ котораго должно собственно начинаться всякое разсужденіе о вліяніи излишества бумажныхъ денегъ на ихъ цѣну,—такъ какъ оно служитъ къ ближайшему опредѣленію границъ предмета, подлежащаго нашему изслѣдованію.

Вліяніе избытка бумажныхъ денегъ выражается въ биржевыхъ вексельныхъ курсахъ, въ промѣнѣ денегъ на золото и въ возвышеніи цѣнъ на остальные продукты. Собственно говоря, ни одинъ изъ этихъ фактовъ не служитъ чистымъ выраженіемъ измѣняющейся цѣны бумажныхъ денегъ, а только болѣе или менѣе смѣшаннымъ. Такъ, вексельный курсъ можетъ колебаться въ то время, какъ на бумажныя деньги не существуетъ никакого лажа, или ихъ вовсе не существуетъ, завися просто отъ количества заграничныхъ платежей, которыя имѣетъ въ данную минуту сдѣлать страна. Если привозъ ея превышаетъ вывозъ, то вексельный курсъ падаетъ или ея векселя цѣнятся ниже заграничныхъ. Для того, чтобы купить заграничный вексель или уплатить за-границей извѣстную сумму, нужно заплатить за нее бо́льшую сумму рублей, чѣмъ какая ему соотвѣтствуетъ номинально, и наоборотъ. Этого рода колебанія зависятъ отъ количества векселей или долговъ, которое есть на рынкѣ въ данную минуту. Онѣ существуютъ

при металлическомъ обращеніи и потому не относятся вовсе къ тому, чтò мы называемъ потерей бумажными деньгами ихъ цѣнности, вслѣдствіе ихъ излишества. Но когда существуетъ, кромѣ того, еще и потеря этого послѣдняго рода при избыткѣ бумажныхъ денегъ, тогда оно невольно должно выразиться и въ биржевыхъ курсовыхъ цифрахъ, и потому показанія биржевыхъ курсовъ будутъ представлять нѣчто сложное, будутъ заключать измѣненіе цѣны денегъ вслѣдствіе избытка или недостатка векселей, или вслѣдствіе положенія внѣшней торговли, и измѣненіе вслѣдствіе избытка денегъ.

Цѣна золота, слѣдуя за вексельными курсами, можетъ точно также измѣняться и независимо отъ нихъ, и самостоятельно, при отсутствіи бумажныхъ денегъ. Золото можетъ вздорожать вслѣдствіе, положимъ, его бòльшей рѣдкости, или наоборотъ—упасть вслѣдствіе избытка въ данную минуту, и это должно быть равносильно увеличенію или уменьшенію количества бумажныхъ денегъ. Но если, кромѣ того, цѣна бумажныхъ денегъ измѣнилась еще ранѣе, вслѣдствіе ихъ излишества, то и цѣна золота теперь или лажъ, при томъ же вексельномъ курсѣ, будетъ выраженіемъ смѣшаннаго характера и слагаться изъ преміи, вслѣдствіе вздорожанія золота, и лажа, вслѣдствіе излишнихъ выпусковъ бумажекъ. Точно также самостоятельно можетъ измѣниться и цѣна всякаго другого товара, а потому ко всякому товару примѣняется то же, чтò сказано сейчасъ о золотѣ.

Такимъ образомъ, въ строгомъ смыслѣ, всѣ названные практическіе критеріумы цѣнности бумажныхъ денегъ выражаютъ не ее одну, а часто нѣчто смѣшанное, и мы должны всегда помнить, что нашему изслѣдованію подлежитъ лишь та прибавка въ цѣнѣ заграничныхъ векселей, золота и прочихъ товаровъ, которая обусловливается собственно избыткомъ бумажныхъ денегъ, а не другими причинами.

Обращаясь затѣмъ къ самому дѣйствію бумажныхъ денегъ, мы должны будемъ разбить этотъ вопросъ на двѣ части и разсмотрѣть отдѣльно: вліяніе бумажныхъ денегъ на цѣну векселей и золота и заграничныхъ товаровъ съ одной стороны, и внутреннихъ товаровъ съ другой.

Что дѣйствіе избытка бумажныхъ денегъ собственно на цѣну золота совершенно отлично отъ дѣйствія его на цѣны внутреннихъ товаровъ, это не трудно понять, если вспомнить, что золото, какъ платежное средство во время спокойнаго обращенія бумажныхъ денегъ внутри страны, имѣетъ значеніе только для внѣшнихъ платежей за заграничные товары; всѣ же внутреннія

расплаты совершаются при посредствѣ бумажныхъ денегъ, не увеличивая спроса на золото, и потому не вліяя вовсе на его цѣну. Точно также, внутренніе товары, обращаясь безъ посредства золота, относительно цѣны вовсе не зависятъ отъ цѣны золота,—и потому можно уже предвидѣть, что вліяніе бумажныхъ денегъ въ томъ и въ другомъ направленіи должно быть различно. Послѣдующее разсмотрѣніе дѣйствительно подтвердитъ это и покажетъ, что уясненіе такого различія составляетъ первое основаніе сколько-нибудь ясной теоріи бумажныхъ денегъ.

Такимъ образомъ, вопросъ, который обыкновенно въ представленіи большинства сливается въ нѣчто единое подъ именемъ вопроса о вліяніи количества бумажныхъ знаковъ на ихъ цѣну, во-первыхъ, требуетъ очищенія отъ примѣшивающихся къ нему на практикѣ постороннихъ вліяній въ видѣ колебанія вексельныхъ курсовъ и проч., и во-вторыхъ, разбивается на два вопроса: вопросъ о вліяніи избытка бумажныхъ денегъ на цѣну золота и привозныхъ товаровъ, и вопросъ о его вліяніи на цѣну внутреннихъ товаровъ. Первое насъ интересуетъ только какъ потребителей внѣшнихъ, заграничныхъ предметовъ, второе-же какъ потребителей продуктовъ внутреннихъ.

Цѣна золота на бумажныя деньги должна естественно зависѣть отъ спроса на золото. Этотъ спросъ можетъ имѣть два источника. Онъ можетъ возникать изъ прямого недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ и опредѣляться лишь размѣрами тѣхъ платежей, въ которыхъ золото играетъ роль спеціальнаго платежнаго средства—заграничныхъ платежей. Отсюда возможны два отдѣльные вида лажа: лажъ, опредѣляемый недовѣріемъ къ бумажнымъ деньгамъ, и лажъ, обусловливаемый вексельными курсами.

Разсмотримъ тотъ и другой.

Цѣна бумажныхъ денегъ относительно золота должна была бы имѣть наклонность слѣдовать правилу Рикардо, т.-е. понижаться пропорціонально количеству этихъ денегъ, только въ случаѣ спроса на золото, пропорціонально всему количеству бумажныхъ денегъ. На самомъ дѣлѣ этого однако не бываетъ, и причину этого найти нетрудно.

Мы могли бы допустить вышеозначенное предположеніе на основаніи той мысли, что въ случаѣ малѣйшаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ, всѣ онѣ имѣютъ причину стремиться къ обмѣну на золото; а такой обмѣнъ неизбѣжно долженъ вести къ ихъ обмѣну по курсу, пропорціональному отношенію количества золотыхъ рублей къ бумажнымъ. Но мысль эта сохраняетъ силу лишь до тѣхъ поръ, пока мы предполагаемъ обмѣнъ свободнымъ.

Разъ обмѣнъ бумажныхъ денегъ на монету прекращенъ или устраненъ тѣмъ или другимъ принудительнымъ способомъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ случаѣ начавшагося обезцѣненія; разъ общество привыкаетъ къ этому—и бумажныя деньги продолжаютъ волей или неволей оставаться по прежнему орудіемъ обращенія, принимаясь во всѣхъ внутреннихъ платежахъ по номинальной цѣнѣ, на ихъ курсъ дѣйствуетъ только та часть ихъ, какая предъявляется къ обмѣну, несмотря на принудительный курсъ. Эта часть есть во-первыхъ и во всякомъ случаѣ та, которая причитается на заграничные платежи. Въ этомъ отношеніи цѣна золота не можетъ быть ниже цѣны векселей, ибо въ послѣднемъ случаѣ золото стало бы пересылаться за границу вмѣсто векселей. Во-вторыхъ, цѣна золота должна зависѣть отъ требованія на золото, которое имѣетъ мѣсто, помимо заграничныхъ уплатъ, вслѣдствіе недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ, остающагося несмотря на пріемъ ихъ въ платежахъ. Это требованіе или стремленіе къ обмѣну бумажныхъ денегъ на золото, несмотря на ихъ внутреннее обращеніе, и составляетъ собственно мѣру и источникъ лажа, который мы имѣемъ теперь въ виду. Лажъ этотъ служитъ поэтому прямымъ и настоящимъ выраженіемъ степени недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ или паники.

Если цѣна золота не возвышается пропорціонально количеству бумажныхъ денегъ, то это показываетъ, что, несмотря на прекращеніе оффиціальнаго размѣна, пріемъ бумажныхъ денегъ по внутреннимъ платежамъ служитъ достаточнымъ успокоивающимъ средствомъ, низводящимъ спросъ на обмѣнъ бумажекъ на золото на открытомъ рынкѣ до значительной степени. Степень эта можетъ быть весьма различна и въ зависимости отъ степени общественнаго недовѣрія, а потому собственно лажъ въ этомъ смыслѣ или разность между цѣной золотого рубля и вексельнаго на бумажные рубли и служитъ термометромъ или выраженіемъ степени общественнаго довѣрія или недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ. Понятно, что эта разность или цѣна золота на бумажные рубли должна быть пропорціональна количеству бумажныхъ рублей только въ случаѣ предъявленія къ обмѣну всѣхъ бумажныхъ рублей на открытомъ рынкѣ на золото,—что́ имѣетъ мѣсто только въ случаѣ окончательной паники,—а потому понятно также, что въ обыкновенное время, и пока бумажки продолжаютъ обращаться какъ платежное средство, цѣна ихъ не падаетъ никогда такъ низко, какъ это бы слѣдовало по правилу Рикардо. Я полагаю, что послѣ такого разъясненія, понятіе лажа, о которомъ

мы теперь говоримъ, получаетъ совершенно опредѣленное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что мы имѣемъ въ этомъ лажѣ выраженіе весьма важнаго фактора въ дѣлѣ цѣнности бумажныхъ денегъ—нравственнаго отношенія къ нимъ общества.

Если придать понятію лажа такое спеціальное значеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ понятны двѣ важныя вещи. Первое— то, что этотъ лажъ долженъ быть явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и исключительнымъ, а во-вторыхъ, что онъ не имѣетъ причинъ находиться въ какомъ-либо правильномъ отношеніи собственно къ количеству бумажныхъ денегъ. Будучи исключительнымъ результатомъ впечатлѣнія, подъ которымъ находится публика, онъ можетъ не имѣть вовсе мѣста при значительномъ излишкѣ бумажныхъ денегъ въ сравненіи съ металлическимъ обезпеченіемъ, и можетъ возникнуть даже безъ всякаго подобнаго излишка. Все зависитъ отъ настроенія, въ которомъ находится публика, а это настроеніе можетъ вызываться разнообразными причинами. Все, чтò можетъ заставить публику опасаться паденія цѣнности бумажныхъ денегъ, можетъ и вызвать съ ея стороны спросъ на золото или стремленіе къ обмѣну бумажныхъ денегъ на золото, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лажъ. Возрастающіе выпуски бумажныхъ денегъ, война, неблагопріятныя политическія обстоятельства, роняющія кредитъ правительствъ, даже паденіе курса, вслѣдствіе невыгодныхъ коммерческихъ обстоятельствъ—все это можетъ производить такое дѣйствіе.

Но, понятно, что это дѣйствіе можетъ быть только временное. Разъ оно появилось, оно должно охватывать болѣе или менѣе значительный кругъ лицъ; но оно или должно приводить бумажныя деньги къ обезцѣненію, пропорціональному ихъ количеству, или прекращаться и успокоиваться столь же быстро и легко, какъ оно наступаетъ. Лажъ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть явленіемъ хроническимъ. И потому, разъ устраняются причины, его вызывающія—останавливается-ли выпускъ новыхъ билетовъ, прекращается война и проч.,—прекращаются опасенія за непрочность цѣнности денегъ, а вмѣстѣ съ ними лажъ. Правительство должно слишкомъ систематически практиковать изъ года въ годъ систему новыхъ излишнихъ выпусковъ для того, чтобы создать хроническій лажъ, основанный на недовѣріи. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что такой лажъ можетъ быть созданъ. Вслѣдствіе постоянно усиливающейся практики новыхъ выпусковъ, общество можетъ начать заключать сдѣлки на металлическую валюту. Это естественно должно увеличить спросъ на золото, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ появиться и лажъ, пропорціональный

этому спросу, который будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться причина, его вызвавшая. Но пока подобныхъ стремленій не существуетъ, пока бумажная единица сохраняетъ прежнее значеніе во внутреннихъ оборотахъ и золото требуется только для внѣшнихъ платежей, не можетъ быть и рѣчи о лажѣ въ настоящемъ смыслѣ. Поэтому и прекращеніе размѣна вызываетъ обыкновенно лишь временное безпокойство, вызываетъ и временно только паденіе валюты. Разъ публика убѣждается, что билеты продолжаютъ приниматься по прежнему во внутреннихъ платежахъ, прекращается и безпокойство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и курсъ билетовъ возвышается снова. Вслѣдствіе этого обстоятельства, при полномъ дѣйствіи неразмѣнности, курсъ билетовъ можетъ стоять очень высоко, какъ это и было съ билетами англійскаго банка вскорѣ послѣ начала ихъ неразмѣнности. Всѣ приведенныя разсужденія сводятся къ весьма простому силлогизму. Лажъ и въ томъ видѣ, въ какомъ мы его опредѣлили, точно также, какъ и всякое паденіе валюты, можетъ быть результатомъ только усиленнаго спроса на золото. Въ данномъ случаѣ этотъ спросъ долженъ вызываться только не прямыми нуждами торговыхъ оборотовъ, а паникой, или опасеніемъ общества за цѣнность бумажныхъ денегъ. Пока этого опасенія нѣтъ, нѣтъ и лажа при всякомъ отношеніи между количествомъ бумажекъ и золота. А такъ какъ это опасеніе наступаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно не существуетъ и лажа этого спеціальнаго вида, и то, что принимается за послѣдній, бываетъ лажемъ другого вида, находящагося въ связи съ вексельными курсами.

Мы сейчасъ увидимъ, что при неразмѣнности, вексельные курсы опредѣляются нѣсколько иначе, чѣмъ при металлическомъ обращеніи, и неразмѣнность имѣетъ вліяніе на послѣднее. Это-то обстоятельство и служитъ обыкновеннымъ источникомъ другого вида лажа, существующаго въ обыкновенное время. Лажъ же, обусловливаемый собственно недовѣріемъ къ бумажнымъ деньгамъ, имѣетъ мѣсто лишь въ чисто-исключительныхъ случаяхъ.

Затѣмъ, когда онъ имѣетъ дѣйствительно мѣсто, ростъ лажа долженъ опредѣляться, конечно, отношеніемъ спроса на золото къ предложенію, или отношеніемъ предложенія золота къ количеству предлагаемыхъ къ обмѣну бумажныхъ рублей.

Послѣ этого понятно, какимъ ограниченіямъ должно быть подчинено правило Рикардо относительно опредѣленія цѣнности бумажныхъ денегъ для того, чтобы оно могло примѣняться къ данному случаю; а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется и дѣйствительное

значеніе количества бумажныхъ денегъ въ отношеніи одного изъ составныхъ элементовъ паденія цѣнности бумажной валюты—лажа, какъ паденія, проистекающаго собственно изъ недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ. Значеніе это, какъ видимъ, ограниченное. Перехожу къ разсмотрѣнію другого элемента того же упадка бумажной валюты вексельнымъ курсомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ другому виду лажа, возникающаго изъ внѣшнихъ оборотовъ.

Вексельные курсы опредѣляются вообще количествомъ спроса на платежныя средства, принимаемыя въ международныхъ обмѣнахъ. Такими платежными средствами служитъ серебро и золото и торговыя внѣшнія обязательства или долги—переводные векселя. Цѣнность или курсъ такихъ обязательствъ, подобно цѣнѣ всякаго другого товара, зависитъ отъ ихъ количества, находящагося на рынкѣ. Чѣмъ больше страна ввозитъ или покупаетъ въ данную минуту товара на иностранномъ рынкѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что иностранный рынокъ покупаетъ въ этой странѣ, чѣмъ болѣе цѣнность ея ввоза превышаетъ цѣнность вывоза, тѣмъ болѣе она остается должна за ввозъ этому рынку, тѣмъ бо́льшую сумму золота она должна переслать этому рынку на уплату такого долга, или же выдать на соотвѣтствующую сумму своихъ векселей, или же купить и переслать иностранныхъ векселей. Изъ двухъ послѣднихъ способовъ расплаты—расплаты векселями—первый называется трассированіемъ, второй ремиттированіемъ. Въ первомъ случаѣ страна приказываетъ иностранному рынку трассировать или выдать на себя переводные векселя, по которымъ она обязуется уплатить въ извѣстный срокъ металломъ соотвѣтствующую сумму. Во второмъ—она покупаетъ подобные векселя, выданные на иностранный рынокъ и ремиттируетъ ихъ, или пересылаетъ ихъ ему. Векселями или металломъ уплачивается такимъ образомъ только разница въ торговомъ балансѣ, и такъ-какъ пересылка векселей проще, чѣмъ пересылка золота, то въ большинствѣ случаевъ уплата совершается векселями, золото же пересылается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Но если это и такъ, то понятно, что разъ вексель и золото составляютъ одинаковыя международныя платежныя средства, цѣна золота должна все-таки находиться въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ цѣной векселей. Если цѣна иностранныхъ векселей на данномъ рынкѣ возвысится на столько, что выгоднѣе купить на немъ и переслать золото, чѣмъ вексель, то торговцы будутъ покупать не векселя, а золото для уплаты своихъ заграничныхъ долговъ, и золото будетъ уходить за границу. Это и случается при паденіи вексельнаго курса данной страны или вздорожаніи въ ней иностранныхъ векселей

сверхъ извѣстнаго предѣла. Золото въ такомъ случаѣ оставляетъ страну и идетъ за границу. Наоборотъ, если вексельный курсъ улучшается и превыситъ извѣстную норму, покрывающую расходы на пересылку, то золото начинаетъ приливать въ страну. Въ первомъ случаѣ недостатокъ иностранныхъ векселей возвышаетъ спросъ на золото, а потому оно ростетъ въ цѣнѣ, во второмъ ихъ избытокъ уменьшаетъ этотъ спросъ и оно падаетъ въ цѣнѣ на рынкѣ, который долженъ платить. Такимъ образомъ, цѣна золота слѣдуетъ на данномъ рынкѣ постоянно за цѣной векселей. Но въ виду этого-то обстоятельства, количество звонкой монеты, обращающейся въ странѣ, и должно имѣть весьма существенное вліяніе на размѣръ вексельныхъ курсовъ и цѣну золота. Пока обращеніе страны состоитъ изъ звонкой монеты, или хотя въ странѣ и обращаются бумажныя деньги, но онѣ размѣнны, до тѣхъ поръ въ странѣ существуетъ достаточное количество золота для удовлетворенія внѣшнимъ нуждамъ и потребная часть бумажекъ можетъ свободно быть превращена въ золото для отправки за границу. Въ этомъ случаѣ паденіе вексельнаго курса, вытекшее изъ международныхъ оборотовъ, не произведетъ другого дѣйствія, кромѣ временнаго сокращенія внутренняго обращенія страны на разницу во внѣшнихъ уплатахъ или въ торговомъ балансѣ. Курсъ будетъ колебаться исключительно подъ вліяніемъ одного условія, это—торговаго баланса, ибо въ банкѣ, при свободномъ обмѣнѣ, можно получить всегда столько золота, сколько нужно въ обмѣнъ на бумажки, безъ всякой преміи или лажа. Даже, въ случаѣ прекращенія размѣна, пока на открытомъ рынкѣ остается въ обращеніи достаточное количество золота, паденіе вексельнаго курса не можетъ вызывать значительнаго возвышенія цѣны золота, ибо рядомъ съ являющимся спросомъ является тутъ же и достаточное предложеніе. Но разъ звонкая монета такъ или иначе не только исчезла изъ внутренняго обращенія, но вывезена изъ страны, разъ размѣнный фондъ, служившій источникомъ свободнаго размѣна, проданъ на сторону, тогда наступаютъ совершенно другія условія. Тогда всякое требованіе золота для заграничныхъ уплатъ по торговому балансу не имѣетъ готоваго источника, изъ котораго оно могло бы быть покрыто во внутреннемъ обращеніи страны; тогда бумажки, вмѣсто свободнаго промѣна на золото al-pari въ банкѣ, казначействѣ и пр., должны покупать золото на открытомъ рынкѣ и будутъ, конечно, покупать его тѣмъ дороже, чѣмъ меньше остается на этомъ рынкѣ золота и чѣмъ больше спросъ на него, вытекающій изъ торговаго баланса. Цѣна золота должна естественно возрости въ

этомъ случаѣ не только вслѣдствіе лишняго требованія на него, проистекающаго изъ торговаго баланса и обыкновенно соотвѣтствующаго всякому паденію вексельнаго курса, но еще разъ вслѣдствіе недостатка предложенія на золото, отсутствующаго во внутреннемъ обращеніи, благодаря бумажнымъ деньгамъ.

Выражая нѣсколькими словами указанное различіе, мы можемъ сказать, что при металлическомъ и бумажномъ обращеніи тотъ же усиленный спросъ на золото, вслѣдствіе паденія вексельныхъ курсовъ, встрѣчаетъ различныя предложенія на золото.

Въ первомъ случаѣ это предложеніе свободно, во второмъ оно стѣснено, и можетъ быть стѣснено до крайности. Въ первомъ случаѣ цѣна золота зависитъ только отъ колебанія вексельнаго курса; во второмъ, кромѣ колебанія вексельнаго курса,—отъ недостатка въ странѣ золота. Въ первомъ случаѣ вексельный курсъ останавливается на той нормѣ, какая для него опредѣляется положеніемъ торговаго баланса, во второмъ—онъ долженъ еще упасть пропорціонально вздорожанію золота, вслѣдствіе стѣсненнаго обмѣна бумажекъ на золото, пропорціонально потерѣ при промѣнѣ бумажнаго рубля на металлическій.

Эта послѣдняя потеря должна быть также названа лажемъ, такъ какъ она проистекаетъ благодаря бумажному обращенію. Но если принять это названіе, то, очевидно, во-первыхъ, что лажъ этого рода не имѣетъ ничего общаго съ лажемъ, который мы разсмотрѣли выше и который зависитъ просто отъ степени довѣрія или недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ, и можетъ существовать при полномъ довѣріи къ бумажнымъ деньгамъ во внутреннемъ обращеніи. Во-вторыхъ, этотъ лажъ находится въ исключительной зависимости отъ положенія вексельныхъ курсовъ и торговаго баланса. При выгодномъ торговомъ балансѣ, когда не требуется золота для заграничныхъ уплатъ, онъ не имѣетъ причинъ даже вовсе существовать, и бумажныя деньги могутъ промѣниваться даже на золото al-pari, если золото притекаетъ въ страну быстрѣе, чѣмъ требуется для вывоза за границу. То, что обыкновенно называется лажемъ, и есть только-что выясненный результатъ совмѣстнаго дѣйствія вексельныхъ курсовъ и недостатка золота, вызваннаго бумажными деньгами. Понятно также, что, при невыгодномъ балансѣ, этотъ лажъ можетъ быть явленіемъ хроническимъ.

Выяснивъ этотъ новый видъ лажа, его ближайшую связь съ вексельными курсами, мы собственно уже подготовили надлежащія данныя для того, чтобы составить ясное представленіе о вліяніи количества бумажныхъ денегъ на цѣну золота, такъ какъ,

въ большинствѣ случаевъ, цѣна эта опредѣляется главнымъ образомъ лажемъ этого послѣдняго вида.

Очевидно, что и здѣсь собственно количество бумажныхъ денегъ должно играть только подчиненную роль и правило Рикардо о пропорціональности цѣны золота количеству бумажекъ, можетъ имѣть еще болѣе условное примѣненіе, чѣмъ въ случаѣ лажа, происходящаго отъ недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ. Недовѣріе можетъ довести спросъ на золото до всей суммы бумажекъ. Торговый балансъ создаетъ всегда только ограниченный спросъ на золото, далеко не исчерпывающій всего обращенія страны. Поэтому, отъ вліянія вексельнаго курса, бумажныя деньги не могутъ падать такъ низко, какъ отъ вліянія недовѣрія. Ограниченный спросъ на золото можетъ вызвать только и ограниченное же его вздорожаніе. Это послѣднее будетъ, конечно, зависѣть отъ количества металла, остающагося на внутреннемъ рынкѣ, и будетъ поэтому различно въ различное время. При одномъ количествѣ металла та же разница баланса вызоветъ иной лажъ, чѣмъ при другомъ. Чѣмъ больше металла въ странѣ, тѣмъ меньше и будетъ лажъ, вызванный той же разницей въ торговомъ балансѣ. Поэтому явленіе лажа въ этомъ случаѣ зависитъ собственно отъ количества металла, остающагося на рынкѣ, и при его достаткѣ собственно количество обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ не должно было бы имѣть вовсе вліянія на цѣну золота. Если же оно имѣетъ на самомъ дѣлѣ такое вліяніе, то это вліяніе все-таки косвенное, несмотря на всю его ощутительность. Чѣмъ болѣе бумажныя деньги входятъ въ обращеніе, тѣмъ болѣе онѣ вытѣсняютъ металлъ, который уходитъ за границу и тѣмъ меньше остается этого металла внутри страны. Поэтому, съ возрастаніемъ количества бумажныхъ денегъ, всякій спросъ на золото встрѣчаетъ внутри страны меньшее на него предложеніе. Само же по себѣ обиліе бумажныхъ денегъ можетъ лишь на столько вліять на цѣну золота, на сколько оно вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ спросъ на заграничный товаръ, способствуетъ невыгодному балансу и увеличенію требованія на золото для заграничныхъ платежей. Вліяніе это точно также можетъ быть только ограниченное, хотя и можетъ возрастать съ количествомъ бумажныхъ денегъ. Но, во всякомъ случаѣ, это требованіе не можетъ равняться какой-либо крупной части обращенія страны, тѣмъ болѣе равняться всему этому обращенію. А мы знаемъ, что только въ этомъ крайнемъ случаѣ цѣна бумажныхъ денегъ можетъ пасть пропорціонально отношенію остающагося металла къ бумажнымъ рублямъ, и потому можемъ легко понять, почему

избытокъ бумажныхъ денегъ производитъ всегда лишь относительное вздорожаніе золота. Весь секретъ въ томъ, что этотъ избытокъ вызываетъ только относительное увеличеніе требованія на золото. Это требованіе, при спокойномъ обращеніи бумажекъ внутри страны, опредѣляется лишь требованіями для заграничныхъ платежей, а эти платежи всегда остаются только ограниченными. Притомъ въ самой природѣ торговыхъ сношеній не допускать слишкомъ большого паденія вексельныхъ курсовъ и слишкомъ ограниченнаго предложенія на золото, ибо паденіе вексельныхъ курсовъ, за извѣстными предѣлами, располагаетъ къ усиленному обратному спросу товаровъ страны за границу, вслѣдствіе чего торговый балансъ начинаетъ измѣняться въ ея пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшаются вексельные курсы и уменьшается спросъ на золото, требуемое для покрытія разницы въ торговомъ балансѣ.

Итакъ, та премія на золото, которая обыкновенно называется лажемъ, не есть вовсе, какъ обыкновенно думаютъ, результатъ избытка бумажныхъ денегъ или орудій обращенія, а результатъ дѣйствія вексельныхъ курсовъ при бумажномъ обращеніи. Правило Рикардо о колебаніи цѣны бумажныхъ денегъ пропорціонально ихъ количеству, здѣсь примѣнимо еще менѣе, чѣмъ въ случаяхъ лажа, проистекающаго отъ недовѣрія, и замѣняется слѣдующимъ: цѣна бумажныхъ денегъ опредѣляется отношеніемъ спроса на металлъ, въ видахъ внѣшнихъ сношеній къ предложенію его.

Такъ какъ это предложеніе можетъ быть крайне различно, то очевидно, что и цѣна бумажныхъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть заранѣе предсказана вообще, пока неизвѣстны оба только-что помянутые фактора. Тѣмъ менѣе эта цѣна можетъ быть предсказана заранѣе, какъ думалъ Рикардо, по количеству выпущенныхъ бумажекъ. И по правилу Рикардо, и по нашему, цѣна бумажныхъ денегъ опредѣляется отношеніемъ спроса на золото къ его предложенію. Разница же между нашимъ правиломъ и правиломъ Рикардо, очевидно, заключается въ томъ, что для Рикардо этотъ спросъ всегда предполагается равнымъ всему количеству обращающихся бумажекъ,— въ чемъ и заключается явная ошибка; по нашему же правилу, въ дѣйствительности этотъ спросъ опредѣляется исключительно заграничными платежами.

Эти платежи прежде всего суть обыкновенные заграничные платежи по торговому балансу, но, конечно, ничто не связываетъ спроса на золото, о которомъ мы говоримъ, исключительно та-

кими предѣлами. Къ торговымъ платежамъ присоединяются и всякія другія суммы, вывозимыя лицами, проживающими за-границей, платежи по государственнымъ долгамъ и пр. Количество бумажныхъ денегъ не имѣетъ никакого прямого вліянія на созданіе подобнаго рода платежей.

Между тѣмъ, проживаніе за-границей внутреннихъ доходовъ равносильно приращенію ввоза иностранныхъ продуктовъ на всю проживаемую сумму. Смотря по величинѣ такой эмиграціи капиталовъ и паденіе курса будетъ различно. Для того, чтобы убѣдиться, что указываемое обстоятельство должно имѣть вліяніе на цѣну бумажныхъ денегъ, равносильное увеличенному ввозу, достаточно вспомнить, что означенные доходы для пересылки должны быть превращены или въ золото, или въ переводные векселя, а это равносильно уплатамъ на ту же сумму.

Точно также дѣйствуютъ и платежи по внѣшнимъ долгамъ. Такіе платежи, напримѣръ, въ Россіи достигаютъ въ настоящее время суммы, превышающей 30 милл. руб. Въ то же время на 500 слишкомъ милл. ввоза мы имѣемъ здѣсь, примѣрно (въ 1875), 350 милл. вывоза. Вся разница баланса, которую намъ приходилось выплатить за этотъ годъ, равняется, слѣдовательно, для однихъ товаровъ 150 милл. руб. Къ этимъ-то 150 милл. руб. присоединяется еще болѣе тридцати милл. руб. уплатъ по внѣшнимъ долгамъ. Прибавка вовсе не столь незначительная, чтобы она не должна была оказать своего вліянія на курсъ. Къ этой-то цифрѣ 180 милл. мы должны прибавить еще цифру доходовъ, проживаемыхъ за-границей русскими обывателями и туристами. Если эта цифра составляетъ только двадцать милліоновъ, то вотъ уже разница баланса увеличивается на $^1/_4$ часть подобными экстренными уплатами.

Между противниками бумажныхъ денегъ вошло въ обыкновеніе, ратуя противъ безпроцентныхъ долговъ, всячески навязывать вмѣсто послѣднихъ долги процентные. Изъ только-что сказаннаго мы можемъ видѣть, на сколько такое мнѣніе основательно тамъ, гдѣ система бумажныхъ денегъ уже въ полномъ ходу. Пока страна еще находится при монетномъ обращеніи и можетъ разсчитывать на покрытіе платежей по процентнымъ долгамъ изъ податныхъ средствъ, помимо новыхъ долговъ, до тѣхъ поръ можно спорить о преимуществахъ тѣхъ или другихъ долговъ. Но при готовомъ уже бумажномъ обращеніи процентные долги, какъ видимъ, должны способствовать обезцѣненію бумажныхъ денегъ не хуже увеличенія количества послѣднихъ. Заключеніе подобныхъ займовъ рекомендуется главнымъ образомъ

въ тѣхъ именно видахъ, что оно не колеблетъ прочности валюты. Мы видимъ, что это—заблужденіе, и что всякій процентный долгъ вноситъ съ собой неизбѣжныя основанія для уничтоженія прочности валюты.

Наконецъ, въ военное время къ этимъ условіямъ, возвышающимъ спросъ на золото, присоединяется обыкновенно еще усиленная потребность въ платежахъ металломъ за военные расходы; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ это время происходитъ и усиленное паденіе валюты.

Такимъ перечисленіемъ разныхъ видовъ металлическихъ платежей, присоединяющихся къ платежамъ собственно за товары по торговому балансу, мы хотимъ сказать, что, въ смыслѣ лажа, всѣ эти платежи имѣютъ одинаковое значеніе и что мы должны имѣть въ виду въ этомъ случаѣ не только торговый балансъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ публикуется въ отчетахъ о внѣшней торговлѣ, но международный платежный балансъ, обнимающій всю сумму международныхъ уплатъ. Сюда должны входить не только товары, платежи по долгамъ, но и обороты бумажными цѣнностями, ибо если заграница, кромѣ товаровъ, высылаетъ намъ наши процентныя бумаги, то и онѣ входятъ въ сумму нашего ввоза точно также, какъ и всякій другой товаръ, и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что товарный балансъ можетъ стоять въ нашу пользу, и тѣмъ не менѣе курсъ нашъ можетъ все-таки падать, и общій, сводный торговый балансъ, включающій всю сумму платежей безъ исключенія, все-таки стоитъ противъ насъ.

Изложенная теорія лажа имѣетъ за себя, въ нашихъ глазахъ, преимущество опредѣленности и ясности передъ теоріей Рикардо. Она согласуется въ общихъ чертахъ и подтверждается тѣми выводами, къ которымъ должны были привести изслѣдованія, сдѣланныя за послѣднее время надъ цифровыми данными, относящимися къ различнымъ элементамъ настоящаго вопроса.

Такимъ изслѣдованіемъ мы обязаны Адольфу Вагнеру, который обработалъ данныя, касающіяся положенія русскихъ бумажныхъ денегъ за десятилѣтіе, истекшее послѣ крымской войны.

Онъ, прежде всего и въ виду общепринятаго предположенія о прямой зависимости между количествомъ бумажныхъ денегъ и цѣнностію валюты, вывелъ нормальныя таблицы количества кредитныхъ билетовъ, металлическаго ихъ обезпеченія и лажа, и долженъ былъ придти къ тому же заключенію, къ которому приводило и ранѣе изслѣдованіе англійскихъ цифръ въ періодъ неразмѣнности, т.-е. долженъ былъ убѣдиться, что между означенными данными нѣтъ никакой пропорціональности или связи.

Я прослѣдилъ эти цифры до послѣдняго времени и долженъ былъ придти къ такому же результату. Среднія цифры по исчисленіямъ доставили сперва медленное, но затѣмъ ускоренное возрастаніе лажа въ сравненіи съ количествомъ бумажекъ; во всякомъ случаѣ однако не пропорціональное количеству бумажекъ въ смыслѣ Рикардо. Принять такое среднее возрастаніе лажа, какъ вызванное прямо количествомъ бумажныхъ денегъ, не было никакого основанія, ибо прочія условія вопроса,—какъ-то положеніе баланса,—не оставались постоянны, и напротивъ измѣненія ихъ болѣе прямо объясняли измѣненіе лажа.

Но если изслѣдованіе означенныхъ цифръ привело, такимъ образомъ, къ отрицательнымъ результатамъ, то совершенно иные результаты доставило Вагнеру сопоставленіе теченія лажа съ цифрами торговаго баланса, и особенно нашего отпуска. Изслѣдованіе же торговаго баланса уже само по себѣ обнаруживало по временамъ несомнѣнную зависимость между избыткомъ отпуска и лажемъ. Полнаго совпаденія здѣсь нельзя было и ожидать, ибо торговый балансъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ печатается или, вѣрнѣе, та часть его, которая печатается, не обнимаетъ всѣхъ платежей.

Бо́льшую полноту представляетъ, по мнѣнію Вагнера, часть отпуска, такъ какъ ею почти исчерпывается вся сумма нашихъ платежныхъ средствъ, и потому онъ сдѣлалъ отдѣльныя сопоставленія для цифръ послѣдняго. Такое сопоставленіе открыло еще бо́льшее согласіе между ростомъ лажа и положеніемъ отпуска. Оно показало, что переведенная на курсовую цѣнность сумма отпуска, послѣ крымской войны до 1869 г., почти вовсе не возвысилась, что наши платежныя средства оставались постоянными. Между тѣмъ, сумма внѣшнихъ долговъ государственныхъ и желѣзно-дорожныхъ облигацій возрастала за то же время и увеличивала количество срочныхъ внѣшнихъ платежей процентовъ по этимъ долгамъ. Съ другой стороны, кризисы, постигавшіе европейскіе рынки за то же время, должны были нерѣдко вызывать пересылку русскихъ долговыхъ бумагъ въ Россію для реализаціи. Конечно, римессы по нашимъ заграничнымъ займамъ, по подпискамъ на акціи, и наши внутренніе займы со стороны заграничныхъ рынковъ увеличивали по временамъ наши платежныя средства; но это были только временные платежи, выгода которыхъ умѣрялась частымъ возвратомъ русскихъ бумагъ въ Россію.

Обращая вниманіе на такія указанія, можно сказать,—пишетъ Вагнеръ, — что временныя денежныя поступленія значительно уменьшались продажей русскихъ бумагъ въ Россіи иностранцами и

уменьшеніемъ въ отпускѣ товаровъ; тогда какъ новыя приращенія русскаго долга создавали ежегодно возрастающія новыя платежныя обязательства. Выводъ, къ которому, на основаніи всего этого пришелъ Вагнеръ, тотъ, что движеніе лажа зависитъ отъ спроса и предложенія, то-есть отъ оборотовъ благородными металлами, и что эти обороты главнымъ образомъ опредѣляются платежнымъ балансомъ, «именно въ нормальное время бумажно-денежнаго хозяйства». Выводъ этотъ, очевидно, тождественъ съ изложеннымъ нами выше, и главная заслуга Вагнера въ томъ, что онъ отвергъ укоренившійся предразсудокъ о прямой зависимости между лажемъ и количествомъ бумажныхъ денегъ, свелъ вопросъ съ той безнадежной почвы, на которую его поставилъ Рикардо, и перевелъ на болѣе ясную и опредѣленную почву международныхъ или внѣшнихъ оборотовъ, для которыхъ только и нужно золото, и отъ которыхъ только и можетъ поэтому зависѣть спросъ на него, а, слѣдовательно, и цѣна золота на бумажныя деньги. Все это, конечно, въ обыкновенное время бумажнаго обращенія, когда паника и недовѣріе не вызываютъ внутренняго спроса на золото.

Все это весьма хорошо согласуется и съ явленіями въ исторіи англійскаго курса въ періодъ неразмѣнности.

Перехожу къ разсмотрѣнію вліянія количества бумажныхъ денегъ на цѣны товаровъ.

Вліяніе количества бумажныхъ денегъ на цѣны товаровъ, которое намъ предстоитъ теперь изслѣдовать, будетъ касаться, конечно, товаровъ внутренняго производства; ибо все, что привозится изъ-за границы, оплачивается по курсу на металлическую валюту, и потому цѣна этихъ послѣднихъ товаровъ, разумѣется, возвышается и падаетъ пропорціонально лажу, если его выразить въ процентномъ отношеніи къ бумажному рублю.

Иными словами: изслѣдуя выше явленія лажа, мы вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовали и измѣненія цѣнъ на привозные товары. Далѣе, такъ какъ не всѣ привозные товары поступаютъ въ продажу для потребленія въ томъ видѣ, въ какомъ привозятся, а многіе или подвергаются переработкѣ, какъ, напримѣръ, сахарный песокъ, хлопокъ и пр., или входятъ въ составъ производства другихъ вещей и товаровъ, какъ-то—разные химическіе продукты и пр., то само собою разумѣется, что и они также возвышаютъ цѣну товаровъ внутренняго производства на столько, на сколько входятъ въ послѣднее. Насъ же должно интересовать

теперь измѣненіе цѣнъ товаровъ на столько, на сколько они составляютъ предметъ чисто-внутренняго производства.

На сколько предметъ этотъ важенъ, можно понять, обратившись къ суммамъ, на которыя ежегодно производится и потребляется такихъ товаровъ. Точныхъ цифръ народнаго производства не имѣетъ ни одна статистика, и мы можемъ судить объ этомъ предметѣ только приблизительно. Въ этомъ отношеніи достаточно сказать, что производство одной обработывающей промышленности опредѣляется, по военно-статистическому сборнику Обручева, не ниже 1 милліарда рублей; между тѣмъ, какъ нашъ заграничный вывозъ тѣхъ же продуктовъ не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Конечно, въ это число входитъ, въ видѣ матеріала, часть заграничнаго ввоза.

Главныя статьи такого производства составляютъ все-таки обработка хлопка, пеньки, шерсти, металловъ, кожъ и хлѣбное вино, обнимающіе 70% всего производства; въ числѣ ихъ, въ видѣ заграничнаго матеріала, имѣетъ значеніе хлопокъ, шелкъ и металлы, изъ коихъ хлопка ввозится на 50 милл. руб., шелка на 7½ милл. и металловъ 25 милл. Если къ этому числу прибавить на 30 милл. красокъ и химическихъ продуктовъ и на 20 милл. металлическихъ орудій, то все-таки окажется, что главная часть общей суммы этого производства должна опредѣляться по цѣнамъ для товаровъ внутренняго производства. Къ означеннымъ товарамъ обработывающей промышленности нужно прибавить стоимость продаваемаго внутри страны хлѣба и мяса и прочихъ припасовъ, не вошедшихъ въ цѣнность приведеннаго итога обработывающей промышленности, и тогда не трудно будетъ понять, какое значительное количество цѣнностей, подъ вліяніемъ избытка бумажно-денежнаго обращенія, подчиняется особымъ отъ привозныхъ товаровъ законамъ.

Цѣна всѣхъ этихъ товаровъ внутренняго производства и потребленія, конечно, въ основѣ должна опредѣляться по общему закону цѣнъ, то-есть зависѣть отъ спроса и предложенія на эти товары или, вѣрнѣе, отъ измѣненія этого спроса и предложенія подъ вліяніемъ бумажнаго обращенія. Мы видѣли выше, что лажъ на золото появляется вслѣдствіе уменьшающагося предложенія на золото, при томъ же спросѣ, послѣ вытѣсненія изъ страны металлическихъ денегъ бумажными, и пришли къ тому выводу простымъ разсмотрѣніемъ вопроса о вліяніи, которое могутъ оказывать бумажныя деньги на два основные фактора въ цѣнѣ золота—спросъ и предложеніе. Для рѣшенія того же вопроса относительно занимающихъ насъ теперь товаровъ, мы

должны, естественно, послѣдовать тому же способу. Итакъ, вопросъ рѣшится самъ собой, если будетъ опредѣлено—какъ и насколько количество бумажныхъ денегъ должно влiять на спросъ и предложенiе внутреннихъ товаровъ.

Вопросъ этотъ не разъ уже затрогивался. Болѣе яснымъ разслѣдованiемъ его мы опять обязаны Вагнеру, который, наблюдая ближе порядокъ переходовъ и странствованiй, которымъ подвергаются новые выпуски, пришелъ и къ болѣе здравымъ выводамъ. Къ сожалѣнiю, онъ болѣе останавливался на выпускахъ бумажныхъ денегъ, связанныхъ съ затрудненiями государственнаго казначейства въ военное время, и потому картина постепеннаго измѣненiя цѣнъ, подъ влiянiемъ избытка выпусковъ, имъ нарисованная, при всей ея яркости, отвѣчаетъ вполнѣ лишь одному частному, хотя и очень обыкновенному, случаю въ дѣлѣ бумажно-денежнаго хозяйства.

Само собой разумѣется, что измѣненiе спроса на товары внутренняго потребленiя, подъ влiянiемъ лишнихъ выпусковъ, должно вполнѣ зависѣть отъ того, какое ближайшее назначенiе получаютъ эти выпуски; отъ того, на сколько быстро они обращаются на прiобрѣтенiе предметовъ потребленiя, и притомъ какихъ предметовъ, внутреннихъ или заграничныхъ. А это должно много зависѣть отъ той цѣли и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходятъ эти выпуски. Новые выпуски могутъ совершаться: въ случаѣ дефицитовъ, на покрытiе жалованья чиновникамъ и подобныхъ расходовъ, на учетъ коммерческихъ обязательствъ, вслѣдствiе затрудненiй торговцевъ и коммерческихъ кризисовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ они прямо и непосредственно поступаютъ въ обращенiе; но пока при этомъ не увеличивается наличнаго состава служащихъ, ни размѣръ ихъ жалованья, пока коммерческiе учеты не дѣлаются съ цѣлью расширенiя промышленности, они не увеличиваютъ спроса, а только поддерживаютъ прежнiй спросъ и предложенiе.

Иное дѣло, если новые выпуски идутъ на расширенiе личнаго состава служащихъ или увеличенiе ихъ жалованья; если выпуски на учетъ совершаются въ видахъ или размѣрахъ, способствующихъ основанiю новыхъ предпрiятiй, которыя займутъ и дадутъ занятiе и болѣе широкое вознагражденiе бóльшему числу лицъ, чѣмъ прежде: тогда они, одновременно съ увеличенiемъ предложенiя на предметы торговли, вызовутъ и возвышенiе спроса. Точно также новые выпуски могутъ происходить на различныя государственныя сооруженiя и предпрiятiя. Между ними одни могутъ быть производительныя, а другiя непроизводитель-

ныя. Къ числу первыхъ относится, напр., устройство дорогъ. Но каковы бы предпріятія ни были, если они только даютъ занятіе новымъ рукамъ края, они увеличиваютъ спросъ на предметы потребленія, которые и должны дорожать. Само собой разумѣется, что предметы внутренняго производства должны дорожать въ этомъ случаѣ лишь на столько, на сколько эти выпуски на самомъ дѣлѣ будутъ увеличивать спросъ внутреннихъ предметовъ, и если они, напротивъ, будутъ обращаться на покупку предметовъ ввоза, то будутъ способствовать только возвышенію лажа. Въ каждомъ частномъ случаѣ направленіе, которое получатъ траты, можетъ быть различно, завися отъ характера сооруженій и предпріятій, а потому и вздорожаніе отдѣльныхъ предметовъ будетъ различно.

Но новые выпуски не всегда направляются къ основанію новыхъ или расширенію старыхъ предпріятій, а потому прямо и непосредственно на пріобрѣтеніе тѣхъ или другихъ предметовъ потребленія. Они точно также, по выходѣ изъ казначейства, могутъ обращаться въ сбереженія частныхъ лицъ и тогда не производятъ никакого вліянія на цѣны, не увеличивая спроса.

Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ источниковъ такихъ сбереженій для частныхъ лицъ и служатъ военныя обстоятельства, а потому и выпуски, совершаемые въ военное время,—большія жалованья, уплачиваемыя въ это время служащимъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, и громадныя цѣны, уплачиваемыя поставщиками армій, и барыши, ими наживаемые,—составляютъ обыкновенно источникъ образованія новыхъ денежныхъ капиталовъ и состояній, которые только не ранѣе окончанія войны и вступленія вещей въ обыкновенную колею ищутъ себѣ обыкновенно помѣщенія въ новыя предпріятія. До времени же они частью лежатъ вовсе безъ дѣла, частью употребляются на оживленіе такихъ предпріятій, которыя существуютъ только, пока длится война, и имѣютъ чисто-мѣстный характеръ и значеніе. Подобнымъ же источникомъ образованія состояній служатъ, конечно, и другія крупныя государственныя предпріятія, совершаемыя въ мирное время, какъ, напримѣръ, тѣ же желѣзныя дороги; и поэтому здѣсь не всѣ выпуски, выходящіе изъ государственнаго казначейства, идутъ прямо на возвышеніе спроса, а часть ихъ также скопляется въ сбереженія, которыя только черезъ извѣстное время могутъ оказать свое давленіе на рынокъ и сдѣлаться ощутительными. Словомъ, во всѣхъ случаяхъ, вся часть новыхъ выпусковъ, отдѣляющаяся на образованіе сбереженій—а такая часть образуется въ бо́льшей или меньшей степени въ большинствѣ случаевъ—

на первое время не производитъ дѣйствія на спросъ товаровъ, и потому цѣны товаровъ никогда не возвышаются непосредственно за новыми выпусками въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ этимъ выпускамъ.

Вагнеръ и останавливался преимущественно на томъ, чтобы объяснить замедленное вліяніе новыхъ выпусковъ на цѣны не непосредственнымъ поступленіемъ ихъ на расширеніе производствъ и увеличеніе спроса, а предварительнымъ обращеніемъ ихъ въ сбереженіе, имѣя въ виду, что въ большинствѣ случаевъ усиленные выпуски производятся въ военное время, и потому при условіяхъ особенно неблагопріятныхъ для расширенія общаго производства. Но уже сказаннаго достаточно для уразумѣнія, что дѣйствіе усиленныхъ выпусковъ на цѣны ни въ чемъ пока не должно отличаться отъ всякаго прилива новыхъ денежныхъ капиталовъ, образуются-ли они изъ сбереженій, ввозятся-ли въ видѣ контрибуціи, или ввозятся извнѣ вслѣдствіе какихъ-либо другихъ обстоятельствъ. Во всякой странѣ и во всякое время извѣстная доля капиталовъ не только обращается въ сбереженіе, но и остается праздной. Эта доля праздныхъ или мертвыхъ капиталовъ имѣетъ однако всегда поводъ искать доходнаго помѣщенія и потому должна производить бо́льшее или меньшее давленіе, располагать къ основанію новыхъ предпріятій. Въ странахъ, бѣдныхъ капиталами, такого давленія не ощущается, за бѣдностью такихъ капиталовъ, но въ странахъ, богатыхъ капиталами, и съ избыткомъ капиталовъ оно производитъ результаты, аналогическіе появленію бумажныхъ капиталовъ. Пока національный рынокъ расширяется пропорціонально накопленію сбереженій, до тѣхъ поръ насчетъ такихъ сбереженій основываются новыя предпріятія, доставляющія желанный процентъ на капиталъ. Но расширеніе рынка пропорціонально быстротѣ накопленія, составляетъ великую задачу торговой политики для богатѣющихъ капиталами націй. Задача эта становится, по мѣрѣ возрастающаго накопленія, все труднѣе и труднѣе; процентъ на капиталъ понижается; капиталъ давитъ на промышленность, заставляя ее создавать непрестанно новыя предпріятія; появляется избытокъ производства или то, что́ нѣмцы называютъ «Überproduction», а затѣмъ коммерческіе кризисы, банкротства и потери капиталовъ. Совершенно подобное же дѣйствіе должны производить приливы бумажныхъ капиталовъ на промышленность. Они точно также должны поощрять къ основанію новыхъ предпріятій, и если это сопровождается вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніемъ рынка, то вліяніе этихъ капиталовъ не производитъ никакого замѣшательства; если

же такого расширенія рынка не оказывается, то появляется тотъ же избытокъ производства и тѣ же критическія послѣдствія. Въ этомъ отношеніи французскіе 5 милліардовъ контрибуціи въ Германіи и излишекъ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ Россіи за крымскую войну, должны были дѣйствовать аналогически и, кажется, привели тамъ и здѣсь къ аналогическимъ результатамъ. Для того, чтобы тождество дѣйствія какъ денежныхъ сбереженій, такъ и бумажныхъ капиталовъ, стало еще нагляднѣе, допустимъ, что въ странѣ есть сбереженія, но что дѣйствіе ихъ на промышленность парализуется отсутствіемъ кредита и его учрежденій; но что, затѣмъ, образуются такія учрежденія или банки, которые обращаютъ ихъ къ услугамъ промышленности. Послѣдствіемъ этого должно быть основаніе новыхъ предпріятій; а новыми предпріятіями увеличивается спросъ на предметы потребленія, ибо они даютъ занятіе и вознагражденіе новому числу лицъ, увеличиваютъ средства потребителей. Словомъ, мы должны въ этомъ случаѣ имѣть такое же увеличеніе спроса, какъ и въ случаѣ прилива бумажныхъ денегъ, и между дѣйствіемъ бумажныхъ денегъ и металлическихъ капиталовъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого различія. Дальнѣйшая судьба спроса будетъ вполнѣ зависѣть отъ характера новыхъ предпріятій.

Если эти послѣднія будутъ такого рода, что они удешевятъ прежнюю цѣну тѣхъ же продуктовъ посредствомъ примѣненія улучшенныхъ и болѣе дешевыхъ способовъ производства, то это откроетъ доступъ къ означеннымъ предметамъ производства бо́льшему кругу потребителей. Произведенія новыхъ фабрикъ и пр. найдутъ себѣ прочный сбытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вновь образовавшіяся предпріятія будутъ продолжать существовать и будутъ продолжать давать занятіе тому новому числу лицъ, котораго потребовало ихъ основаніе. Увеличившійся спросъ для содержанія послѣднихъ долженъ въ этомъ случаѣ вызвать удѣленіе части капиталовъ на производство этихъ предметовъ потребленія до тѣхъ поръ, пока производство ихъ не возрастетъ сообразно съ увеличившимся спросомъ. Вслѣдствіе этого, цѣна на такіе продукты, поднявшаяся первоначально по случаю вдругъ возросшаго спроса, должна будетъ снова упасть, и вообще во всемъ рядѣ послѣдствій не произойдетъ ничего анормальнаго, ничего такого, что́ бы не должно было произойти и въ случаѣ обыкновеннаго возрастанія настоящихъ капиталовъ. Если новые капиталы направятся на предпріятія, которыя не удешевятъ предметовъ потребленія, словомъ, не будутъ имѣть послѣдствіемъ расширенія рынка, то опять послѣдствія будутъ тѣ же, какъ при металли-

ческихъ, такъ и при бумажныхъ капиталахъ: явится избытокъ производства, крушеніе предпріятій, коммерческій кризисъ, послѣ котораго возросшій временно, благодаря возбужденію предпріимчивости, спросъ на предметы потребленія снова упадетъ, а получившія занятіе новыя силы опять останутся безъ работы. Словомъ, результаты будутъ опять одни,—возбуждается ли предпріимчивость насчетъ металлическихъ или бумажныхъ капиталовъ. Вся разница только въ томъ и заключается, что когда тѣ же явленія случаются въ странахъ съ металлическимъ обращеніемъ, то ихъ нельзя отнести къ винѣ бумажныхъ денегъ за ихъ отсутствіемъ; тамъ же, гдѣ онѣ существуютъ, на нихъ прежде всего сваливаютъ отвѣтственность за все.

Въ Россіи, напримѣръ, желѣзно-дорожная дѣятельность вызвала въ послѣдніе годы несомнѣнное вздорожаніе извѣстныхъ предметовъ. Между тѣмъ, совершенно тѣ же явленія повторились бы въ случаѣ, если бы вся наша предпріимчивость послѣднихъ лѣтъ была основана на иностранные капиталы и количество бумажекъ осталось то же, какъ и до крымской войны. Отсюда слѣдуетъ также, что въ разсматриваемомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между выпускомъ бумажныхъ денегъ и привлеченіемъ капиталовъ путемъ внѣшнихъ процентныхъ займовъ. Послѣдніе не представляютъ никакого въ этомъ отношеніи преимущества. То, что часто вводитъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе, заключается въ томъ, что разъ появившись, дороговизна обыкновенно принимаетъ хроническій характеръ. Но это станетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что относительно нѣкоторыхъ предметовъ предложеніе не можетъ столь быстро слѣдовать возвышающемуся спросу, чтобы вздорожаніе имѣло только мимолетный характеръ. Такъ, напримѣръ, постройка домовъ требуетъ слишкомъ большой затраты капиталовъ и времени для удовлетворенія достаточно явно выразившагося спроса, вслѣдствіе чего появившаяся дороговизна квартиръ даетъ себя ощущать годъ за годъ. И эта дороговизна дала себя ощущать точно также въ Германіи, какъ и въ Россіи, послѣ ввоза въ первую французскихъ пяти милліардовъ.

Указанное тождество заставляетъ искать объясненія настоящаго зла, которое могутъ производить въ этомъ отношеніи бумажныя деньги, не въ этихъ деньгахъ спеціально, а въ общихъ условіяхъ накопленія. Оно заставляетъ насъ вспомнить, что одно условіе сбереженія еще не обезпечиваетъ свойства производительности за капиталами. Для этой производительности недостаточно, чтобы къ услугамъ капиталовъ денежныхъ были готовыя

рабочія руки и вещи, или матеріальные капиталы въ видѣ пищи и орудій. Нуженъ еще рынокъ. Нужно, чтобы произведенные на счетъ этихъ капиталовъ продукты, могли себѣ найти надлежащій сбытъ. Примѣненіе новыхъ капиталовъ требуетъ и расширенія рынка. Расширеніе это можетъ быть внѣшнее и внутреннее. Оно можетъ совершаться насчетъ пріобрѣтенія новыхъ покупателей за-границей или внутри. Въ томъ и другомъ случаѣ удешевленіе продукта является весьма часто единственнымъ условіемъ, помимо котораго немыслимо достиженіе цѣли; а это удешевленіе требуетъ постояннаго усовершенствованія способовъ производства. Между тѣмъ, опытъ показываетъ, что простое накопленіе капиталовъ или сбереженіе гораздо легче и осуществимѣе, чѣмъ соотвѣтствующій имъ ходъ изобрѣтательности. Вслѣдствіе этого усовершенствованія въ производствахъ, и расширеніе рынка не можетъ поспѣвать за накопленіемъ денежныхъ капиталовъ. Истину эту очень хорошо поняла Англія, почему она съ такой настойчивостью и ревностью и преслѣдуетъ задачу расширенія своихъ мѣстъ сбыта. Но ея примѣръ въ этомъ отношеніи всего поучительнѣе. Онъ показываетъ, что, несмотря на всю видимую успѣшность и рвеніе, съ которыми она издавна ведетъ это дѣло, задача рѣшается ею только отчасти. Расширеніе рынка все-таки не можетъ здѣсь слѣдовать за накопленіемъ; капиталъ является все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ избыткѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрнѣйшій признакъ этого — пониженіе процента. Каждый новый шагъ въ такомъ избыткѣ накопленія дѣлаетъ болѣе труднымъ образованіе новыхъ самостоятельныхъ предпріятій. Между тѣмъ, капиталъ ищетъ процентныхъ помѣщеній тѣмъ усиленнѣе, чѣмъ онъ въ бо́льшемъ избыткѣ, и легкость его пріобрѣтенія, путемъ кредита, вызываетъ предпріятія рискованныя и дутыя и производительность переходитъ въ грюндерство и спекуляцію. Такое грюндерство уже составляетъ общую болѣзнь тѣхъ европейскихъ государствъ, гдѣ процентъ на капиталъ успѣлъ достаточно понизиться и гдѣ, поэтому, капиталы находятся въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ избыткѣ.

Въ этомъ явленіи избытка капиталовъ заключается настоящая причина періодически и все чаще и чаще повторяющихся коммерческихъ кризисовъ. Въ этихъ кризисахъ погибаетъ часть избытка капиталовъ подобно тому, какъ голодная смерть уноситъ избытокъ населенія. Съ концомъ кризиса капиталы становятся рѣже, кредитъ труднѣе, предпріимчивость осторожнѣе. Затѣмъ слѣдуетъ новое накопленіе, напоръ капиталовъ къ рынку, и снова повторяется та же исторія. Какъ голодный моръ не предупреж-

даетъ новаго избытка населенія, а предупреждаетъ его только расширеніе рынка, точно также и коммерческіе кризисы не спасаютъ отъ избытка накопленія, а только то же расширеніе рынка,—это задача, о которую разбивается излишнее накопленіе и въ трудности которой % находитъ свой предѣлъ.

Понятно, что, смотря по внѣшнимъ рынкамъ, которыми обладаетъ страна, накопленіе ея можетъ оказаться ей въ тягость и вести къ избытку производства, при всемъ различіи относительной величины національныхъ капиталовъ. Почему Германія, несмотря на ея бѣдность капиталами въ сравненіи съ Англіей, можетъ представлять тѣ же явленія избытка производства, *überproduction*. Зло бумажныхъ денегъ по отношенію къ внутреннему производству заключается въ томъ, что черезъ ихъ посредство, въ странѣ, бѣдной сбереженіями, можетъ быть всегда искусственно создано положеніе, равносильное избытку капиталовъ, только-что описанному, и черезъ это приближенъ моментъ капиталическаго положенія, еще не наступившій для страны по ея дѣйствительному накопленію. Для этого нужно только, чтобы выпуски бумажныхъ денегъ достигли такой цифры, которая соотвѣтствуетъ количеству капиталовъ или накопленія, непосильнаго размѣрамъ рынка или сбыта страны. Но если это такъ, то зло, производимое въ этомъ случаѣ бумажными деньгами, оказывается нисколько не хуже того, которое производитъ правильное накопленіе капиталовъ.

Отсюда выходитъ, однако, что зло, производимое избыткомъ бумажныхъ денегъ въ странахъ, бѣдныхъ сбереженіями, должно быть нѣсколько иное, чѣмъ въ странахъ, уже страдающихъ отъ избытка сбереженій; и при извѣстномъ ограниченномъ размѣрѣ такого избытка еще не можетъ оказаться никакого зла, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ спеціально занимающему насъ теперь вопросу, и бумажныя деньги могутъ сдѣлаться такимъ же основаніемъ къ полезному расширенію производства, какъ и настоящія металлическія деньги. Все зависитъ отъ ихъ количества и предпріятій, на которыя они направляются. Трудность, съ которой это соглашаются допустить, заключается болѣе въ словахъ, чѣмъ въ чемъ-либо существенномъ; въ затруднительности признать клочки бумаги, увеличиваемые по произволу, за настоящіе капиталы. Но вѣдь и векселя, и государственные фонды, и проч., все это только такіе же клочки бумаги по формѣ, какъ и бумажныя деньги. По существу же это долги—долги процентные; бумажныя же деньги—долги безпроцентные. Если мы признаемъ, что первые составляютъ реальные капиталы, то почему же труд-

нѣе допустить это относительно послѣднихъ? Развѣ потому, что по нимъ не уплачивается процентовъ. И процентныя обязательства, фонды и проч. составляютъ только настолько реальные капиталы, насколько на нихъ можетъ быть занятъ реальный капиталъ, т.-е. орудія, помѣщенія, машины, пища и одежда рабочихъ и проч.; точно также и бумажныя деньги составляютъ реальный капиталъ лишь настолько, насколько на нихъ можетъ быть занятъ такой капиталъ, т.-е. тѣ же средства новаго производства. А что на нихъ можетъ быть занятъ такой капиталъ, это и показываетъ ихъ обращеніе какъ настоящихъ денегъ. Металлическія деньги потому также представляютъ реальный капиталъ, что на нихъ можетъ быть всегда занятъ реальный капиталъ, и тамъ, гдѣ золото не имѣло никакой цѣны, какъ у дикарей Америки, оно не представляло никакого реальнаго капитала. Разница въ томъ, что на бумажныя деньги можетъ быть занятъ реальный капиталъ только внутри страны; внѣшній же реальный капиталъ или предметы заграничнаго производства могутъ быть пріобрѣтены не иначе, какъ въ обмѣнъ на золото или продукты страны; и бумажныя деньги, для того, чтобы на нихъ могли быть пріобрѣтены чужеземныя вещи, должны предварительно обмѣняться на золото или предметы вывоза, а затѣмъ уже на послѣдніе можетъ быть полученъ заграничный капиталъ.

Но это вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что предпріимчивость, возбуждаемая бумажными деньгами, всегда основывается только на внутреннихъ реальныхъ капиталахъ, т.-е., во всякомъ случаѣ, происходитъ насчетъ внутреннихъ средствъ страны; и если такихъ средствъ не существуетъ, то бумажныя деньги не въ состояніи возбудить и никакой предпріимчивости. Онѣ будутъ лежать безъ оборотовъ. Такія средства состоятъ изъ свободныхъ рукъ, орудій, пищи и сырого матеріала, подлежащаго обработкѣ, и они тѣмъ легче доступны бумажнымъ деньгамъ, чѣмъ болѣе они составляютъ предметъ внутренняго производства. Въ Россіи, напримѣръ, гдѣ одна изъ важнѣйшихъ статей пищи рабочихъ составляетъ предметъ внутренняго производства, осуществленіе предпріятій, не требующихъ особенныхъ затратъ на заграничныя орудія, не можетъ составить затрудненій. Иначе—тамъ, гдѣ пища рабочихъ должна быть получена извнѣ. Всѣ же предметы, требующіеся для новаго производства и получающіеся изъ-за границы, неизбѣжно дѣйствуютъ на положеніе торговаго баланса, способствуютъ паденію курса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при бумажныхъ деньгахъ, и развитію лажа. Особенно у насъ, гдѣ чувствительное возростаніе лажа происходило дѣйствительно не въ первые годы

послѣ крымской войны, а въ годы болѣе поздніе, совпадавшіе съ усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ.

Въ такомъ неблагопріятномъ дѣйствіи на лажъ предпріимчивости, развивающейся при бумажно-денежномъ хозяйствѣ, заключается другая вредная сторона этого хозяйства. Правда, при всякихъ деньгахъ усиленный ввозъ вызываетъ паденіе курса; но тутъ дѣло не въ паденіи курса, а въ лажѣ, который присоединяется еще къ этому паденію при бумажныхъ деньгахъ, и вслѣдствіе котораго биржевой курсъ падаетъ ниже, чѣмъ это было бы при металлическихъ деньгахъ или размѣнности. Въ остальномъ развитіе предпріимчивости, происходящее при бумажномъ обращеніи, ни въ чемъ не разнится, по своимъ послѣдствіямъ, отъ такой же предпріимчивости насчетъ капиталовъ металлическихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ усиливается спросъ на извѣстные предметы, а потому и появляется дороговизна. Отсюда видимъ, кáкъ ошибочно относить эту дороговизну къ бумажнымъ деньгамъ, пока послѣднія имѣютъ спокойное обращеніе.

Заблужденіе это берется изъ примѣровъ, происходившихъ при совершенно другихъ обстоятельствахъ, и безъ всякаго разбора возводится въ общее правило. Оно основывается на такихъ примѣрахъ, какъ паденіе французскихъ ассигнацій, когда вздорожаніе предметовъ происходило не вслѣдствіе усиленнаго спроса, а вслѣдствіе всеобщаго стремленія къ реализаціи бумажныхъ денегъ подъ вліяніемъ паники, и когда бумажныя деньги окончательно утратили кредитъ. То же, чтò мы говорили, относится лишь къ тому положенію вещей, при которомъ бумажно-денежное хозяйство пользуется полнымъ внутреннимъ кредитомъ. Въ такомъ положеніи вещей вліяніе излишка бумажныхъ денегъ на легкость кредита и усиленный спросъ, вслѣдствіе усиленной предпріимчивости, составляетъ единственный, естественный путь ихъ вліянія на цѣны. Даже, если усиленные выпуски достигаютъ размѣровъ, при которыхъ ихъ не можетъ помѣстить производительно народная предпріимчивость, если легкость кредита начинаетъ приводить къ кризисамъ, лишніе выпуски должны только накопляться и затруднять собой банки, которые, наконецъ, при всемъ избыткѣ денегъ, не могутъ оказывать кредита по его рискованности. Правда, это вызываетъ уже значительныя замѣшательства и жалобы на недостатокъ денегъ при всемъ ихъ изобиліи. Но то же бываетъ послѣдствіемъ всякихъ коммерческихъ кризисовъ, и до сихъ поръ бумажныя деньги все-таки не производятъ ничего худшаго, чѣмъ и избытокъ настоящихъ капиталовъ. Кредитъ оказывается потрясеннымъ, но не кредитъ къ бумажнымъ деньгамъ.

Настоящее зло начинается только съ того момента, когда эти усиленные выпуски, праздно лежащіе, не находятъ себѣ производительнаго помѣщенія, набрасываются на золото и стремятся къ реализаціи въ металлической валютѣ. Первыя стремленія къ металлической реализаціи, конечно, еще болѣе гонятъ внизъ вексельный курсъ и возвышаютъ лажъ, а это еще болѣе располагаетъ къ дальнѣйшей реализаціи, что̀ и ведетъ бумажныя деньги къ окончательному обезцѣненію. Но такое стремленіе къ металлической реализаціи требуетъ прежде всего, чтобы потрясено было довѣріе къ самымъ бумажнымъ деньгамъ во внутреннемъ обращеніи. Это можетъ быть результатомъ или неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ или усиленнаго паденія курса, подъ вліяніемъ какихъ-либо экстренныхъ требованій на золото. Такія требованія всего чаще вызываются военными обстоятельствами, и такъ какъ требованія бываютъ значительны и продолжительны, то настойчивое паденіе курса, ими вызываемое, естественно порождаетъ опасенія за прочность валюты и стремленіе къ реализаціи. А такъ какъ для реализаціи такихъ требованій на золото производятся обыкновенно новые усиленные выпуски бумажныхъ денегъ, то вся причина и приписывается послѣднимъ. Между тѣмъ, собственно зло заключается и въ этомъ случаѣ не прямо въ количествѣ выпусковъ, а въ обращеніи ихъ на покупку золота. Съ прекращеніемъ этихъ требованій долженъ и улучшиться курсъ; между тѣмъ, разъ порожденныя паденіемъ курса опасенія за цѣнность бумажныхъ денегъ, вызывая общее стремленіе къ реализаціи, естественно гонятъ этотъ курсъ все ниже и ниже,—ниже, чѣмъ онъ упалъ бы самъ по себѣ, и могутъ понизить его до крайности. Появляется стремленіе къ заключенію всѣхъ сдѣлокъ не иначе, какъ на металлическую валюту, и наконецъ къ опредѣленію цѣнъ всѣхъ продуктовъ на эту валюту. И вообще, окончательное паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ и стремленіе вести дѣло на металлическую валюту создается не только количествомъ бумажныхъ денегъ, даже не низостью курса, а его шаткостью и неувѣренностью за будущее. Все, что̀ порождаетъ такую шаткость и неувѣренность, и ведетъ къ дискредитированію бумажныхъ денегъ и переводу внутреннихъ цѣнъ на металлическую валюту. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ, помимо всякихъ нравственныхъ мотивовъ, заключеніе срочныхъ сдѣлокъ при колебаніяхъ курса становится почти невозможнымъ; и замѣшательство, проистекающее отсюда въ торговыхъ дѣлахъ,—слишкомъ серьёзнымъ для того, чтобы вполнѣ оправдать означенное стремленіе къ веденію дѣлъ на металлическія деньги.

Въ такой слишкомъ явной зависимости прочности бумажнаго обращенія отъ настроенія общества и случайностей вексельнаго курса заключается опасная сторона этого обращенія. Итакъ, вздорожаніе всѣхъ предметовъ заграничнаго ввоза пропорціонально лажу и цѣнѣ золота, и вздорожаніе предметовъ внутренняго производства пропорціонально увеличенію спроса на эти предметы, вслѣдствіе возбуждаемой избыткомъ бумажныхъ денегъ предпріимчивости—таковы настоящія послѣдствія избытка бумажныхъ денегъ относительно цѣнъ товаровъ.

Въ такихъ послѣдствіяхъ собственно количество избытка играетъ лишь второстепенную роль, и во всякомъ случаѣ бумажныя деньги дѣйствуютъ на цѣны товаровъ лишь не иначе, какъ черезъ посредство и въ силу спроса, увеличивая послѣдній какъ на внутренній товаръ, такъ иногда и на заграничный,—чтò зависитъ отъ характера новыхъ предпріятій, которыя онѣ создаютъ. Цѣны же на заграничный товаръ, само-собой разумѣется, возрастаютъ пропорціонально лажу помимо увеличенія спроса на товаръ, т.-е. возвышаются даже въ томъ случаѣ, когда этотъ спросъ остается безъ измѣненія.

Единственное естественное средство, открытое для парализаціи такого вздорожанія, заключается въ увеличеніи предложенія на предметы спроса. Съ теоретической точки зрѣнія такое увеличеніе предложенія должно слѣдовать само-собой за возвышеніемъ спроса и потому, еслибы теоретически вѣрныя теоремы политической экономіи столь же правильно осуществлялись на практикѣ, возвышеніе цѣнъ, вызываемое избыткомъ бумажныхъ денегъ, не могло бы быть продолжительное. Но, какъ мы уже замѣтили, предложеніе не всегда способно поспѣвать непосредственно за спросомъ. Для нѣкоторыхъ предметовъ увеличеніе предложенія требуетъ извѣстнаго времени, для нѣкоторыхъ оно возможно только при высшихъ цѣнахъ. Таковы всѣ предметы, производство коихъ связано съ рентой и, слѣдовательно, прежде всего предметы первой необходимости; а такъ какъ затѣмъ рента входитъ прямо или косвенно въ производство большинства предметовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если пониженіе цѣнъ, разъ возросшихъ въ цѣнѣ продуктовъ, совершается туго. Особенно естественно объясняется появляющаяся въ этихъ случаяхъ дороговизна пищи, мяса, квартиръ, дровъ и прочихъ подобныхъ предметовъ спроса, на которую слышатся жалобы въ странахъ съ избыткомъ бумажныхъ денегъ.

Наконецъ, увеличеніе предложенія на нѣкоторые предметы просто затруднительно. Къ этому мы должны еще прибавить,

что возбуждаемая избыткомъ бумажныхъ денегъ предпріимчивость возникаетъ слишкомъ быстро при меньшихъ запасахъ опыта, чѣмъ предпріимчивость, возростающая при постепенномъ накопленіи денежныхъ капиталовъ, и потому рѣдко представляетъ характеръ правильный и обдуманный; предпріятія ея не всегда имѣютъ надлежащую прочность и осложнены лихорадочностью, которая мѣшаетъ стройности и соотвѣтствію между различными отдѣлами новыхъ предпріятій. А безъ такого соотвѣтствія нельзя и ожидать въ этомъ случаѣ желаннаго согласія между возростаніемъ спроса и предложенія. Но удерживающіяся новыя предпріятія неизбѣжно вліяютъ возбуждающимъ образомъ на предложеніе и черезъ то даютъ основаніе новымъ прочнымъ предпріятіямъ. Есть еще одна сторона въ этомъ дѣлѣ, на которую нельзя не обратить вниманія.

Возвышая, во всякомъ случаѣ, цѣну иностранныхъ товаровъ, лишнія бумажныя деньги, естественно, должны дѣйствовать относительно этихъ товаровъ на подобіе охранительной пошлины, то-есть, дѣлать возможнымъ внутреннее производство этихъ вещей. Послѣдніе могутъ черезъ это вступать въ конкурренцію съ заграничными товарами, а это должно вести къ ме́ньшей зависимости страны отъ заграничнаго товара и къ уменьшенію лажа.

Да не подумаетъ въ концѣ всего сказаннаго читатель, что мы желали защищать бумажныя деньги. Мы были далеки отъ такой мысли, точно также какъ не думали представить сколько-нибудь полной теоріи этого, до сихъ поръ столь запутаннаго, предмета. Мы имѣли въ виду выяснить настоящія причины экономическихъ явленій, сопровождающихъ обыкновенно бумажныя деньги, и степень ихъ отвѣтственности за тѣ явленія; а если при этомъ нѣкоторыя стороны предмета освѣтились иначе, чѣмъ этого, можетъ быть, ожидалъ читатель подъ вліяніемъ старой количественной теоріи Рикардо, то въ этомъ не наша вина. Самая разработка этого предмета все-таки еще впереди, и она откроетъ, конечно, насколько есть правильнаго и ложнаго въ изложенной нами точкѣ зрѣнія. Но за послѣдней, во всякомъ случаѣ, останется передъ старымъ, еще общераспространеннымъ, взглядомъ преимущество бо́льшей опредѣленности и отчетливости.

Въ другой статьѣ мы разсмотримъ, какія прямыя послѣдствія имѣли у насъ въ Россіи усиленные выпуски бумажныхъ денегъ, и затѣмъ разсмотримъ вопросъ о мѣрахъ къ возстановленію нашей валюты.

Ю. Жуковскій.

НЕ КЪ ПОЛЮ ЯГОДЫ

Двѣ недѣли въ медвѣжьемъ углу.

V [1].

Когда, на другой день, Ларинъ одѣлся и сошелъ въ столовую, онъ засталъ хозяевъ однихъ. Гости уѣхали рано утромъ — Горичевъ торопился въ городъ, Бряновъ домой. Кирсановъ все еще улыбался, поглядывая на стараго товарища — при видѣ его, передъ нимъ вставали хорошіе старые дни, дни юности, дни надеждъ и глубокихъ, благородныхъ увлеченій. Ольга Константиновна тоже, очевидно, была рада гостю; она думала, что онъ своимъ пріѣздомъ оживитъ сильно хандрившаго Петра Александровича. Сейчасъ же послѣ чаю пріятели пошли въ поле. У Кирсанова было большое хозяйство, и онъ велъ его на новый манеръ — скотъ держалъ породистый, крупный, и въ большомъ количествѣ, засѣвалъ много клеверу, держалъ большую артель рабочихъ и всю пашню пахалъ плугомъ. Урожай въ этомъ году былъ хорошій — любо было посмотрѣть на густую, темную, съ длиннымъ тяжелымъ колосомъ рожь, на высокій, бронистый, чистый овесъ. Большая половина ржи была уже выжата, и по всему полю виднѣлись синія рубахи жнецовъ и красные сарафаны бабъ. Одна десятина только что была начата; на ней жала молодая женщина, и ей помогалъ крошечный мальчишка, съ трудомъ захватывавшій своей дѣтской ручонкой двѣ, три соломины. У дороги висѣла на треножникѣ зыбка; подлѣ нея стояла рученька съ водой, а въ бѣлой тряпкѣ былъ завернутъ каравай хлѣба.

---

[1]) См. выше: мартъ, 47 стр.

— Богъ помочь, тётинька!—привѣтствовалъ работавшую бабу Кирсановъ, — что-жъ ты съ понедѣльника-то не пришла жать? Вѣдь наказъ былъ. Гляди-ко, люди ужъ дожинаютъ, а ты еще только-что начинаешь! Вѣдь, ты у меня все поле задержишь!

— Охъ, желанный ты мой, и сама знаю, что съ понедѣльника бы жать надо, да всего третьеводни вечеромъ родила! Понедѣльникъ-то весь кое-какъ проходила, все подступало. И самой-то моторно — люди жать пошли, а у меня время ни за что, ни про что прошло! Та́къ вотъ три дни и прогуляла.

— Да отпусти ты ее домой, Петръ Александровичъ!—заговорилъ Ларинъ, какъ только они отошли немного. — Вѣдь, это чортъ знаетъ что такое, третьяго дня родила женщина, а сегодня ужъ на такой каторжной работѣ!

— Эхъ, Сергѣй Петровичъ! Не меньше тебя чувствую, что отпустить бы надо, да что изъ этого выйдетъ? Кабы она дома-то въ постель легла, былъ бы смыслъ — а то, вѣдь, она на свое жниво пойдетъ! вѣдь у ней скоро своя рожь сыпаться начнетъ. Нѣтъ, другъ, тутъ такой безцѣльной филантропіей не поможешь, только еще пуще ихъ врать выучишь — отпусти я ее сегодня, завтра же окажется, что чуть не всѣ бабы на этой недѣлѣ родили, отъ поклоновъ да клянченья нигдѣ спасенья не будетъ! Она, видишь ли, одна; мужикъ у ней весной еще въ Питеръ на заработки ушелъ. Люди они оба работящіе, да не везетъ имъ какъ-то,—то лошадь уведутъ, то корову волки съѣли—вотъ и бьются, какъ рыба объ ледъ. Одна баба, да еще въ такихъ обстоятельствахъ, съ двухдушевымъ надѣломъ управляется—видѣлъ, какой у ней помощникъ-то, еще за самимъ нянька нужна. Бѣдно, голо, смотрѣть тошно—а ничѣмъ не поможешь! Сначала, какъ я только-что за хозяйство принялся, бывало, вся внутренность переворачивается, на нихъ глядя—теперь ничего, привыкъ! А главное, твердо убѣдился, что мы при настоящихъ условіяхъ и помочь не въ состояніи. Вотъ ты смотришь, что хлѣбъ хорошъ, барыши, думаешь, большіе въ этомъ году будутъ—а я тебѣ скажу, что и нынче я едва ли концы съ концами сведу!

— Что ты говоришь?

— Вѣрно тебѣ говорю. Ты представить себѣ не можешь, какъ нелѣпо у насъ хозяйство идетъ. Энгельгардтъ въ своихъ письмахъ «изъ деревни» такъ хорошо все расписываетъ, такіе блестящіе бюджеты сочиняетъ, что только душа радуется! И у меня на бумагѣ-то очень красиво выходило—и кредитъ, и дебетъ, и чистаго доходу видимо-невидимо. А на дѣлѣ другое. Вотъ я все въ усадьбу ухлопалъ—и наслѣдственные капиталы, и выку-

па, и лѣсныя дачи, и, главное, молодость и здоровье тутъ же уложилъ — а не только какихъ-нибудь процентовъ на все это, а даже грошоваго вознагражденія за свою работу не получаю!

— Это, однако, въ высшей степени странно! Чѣмъ же ты это объясняешь?

— Многое множество разнообразнѣйшихъ причинъ тутъ дѣйствуетъ. Вотъ Крыловъ, или Сидоровъ, тѣ даже очень солидные доходы изъ своихъ усадебъ выколачиваютъ.

— Это какимъ же образомъ?

— Впрочемъ, я неправильно выразился. И они не съ имѣній, а выжимаютъ свои доходы съ окрестнаго мужика разными правдами и неправдами. Вотъ хоть Крыловъ, — есть у него въ усадьбѣ рѣчонка, самая завалящая — курица въ бродъ перейдетъ; водится въ этой рѣчонкѣ рыба—немудреная, конечно, да и мало ея—ерши какіе-нибудь несчастные да пескари. Ну, мужикамъ въ Петровки жрать нечего приходитъ, и отправляются они по ночамъ этихъ ершей ловить. Знаетъ это Крыловъ, заранѣе знаетъ, самъ караулить пойдетъ и непремѣнно ихъ изловитъ— накричитъ, застращаетъ,—они ему десятину другую и выжнутъ! Продѣлаетъ онъ эту механику въ лѣто разъ пять, шесть—глядишь, у него цѣлаго поля жнива какъ и не бывало! Это разъ. Потомъ, надѣлы у него такіе отведены, что мужику безъ барской «отрѣзной» ни тпру, ни ну; скотъ хоть съ голоду околѣвай. Смотришь, за какую-нибудь паскудную пустошонку, которой и всей-то три гривенника красная цѣна, у него чуть не весь сѣнокосъ выкосятъ и уберутъ. Это два. Придетъ осень, нуженъ мужику грибъ, волнуха—опять къ Крылову въ пустошь, опять ловятъ «воровъ», опять стращаютъ—дрова на всю зиму и вывезены. Вотъ этакими-то путями онъ исправляетъ почти всю работу. Запашка у него не меньше моей, а расходу самая малость—почти все даромъ дѣлается! У Сидорова другая манера— тотъ за пескаремъ не гоняется, за то у него каждый окрестный мужикъ въ неоплатномъ долгу находится, хуже, чѣмъ въ крѣпостной зависимости. Проценты онъ деретъ самые безобразные, и все натурой, работой — всякую сдѣлку на бумагѣ оформитъ, въ волостномъ правленіи явитъ, и все съ закорючками, съ неустойками, со всѣми этими плодами ростовщичьей изобрѣтательности. И поди, потягайся съ нимъ!

— Что же вы-то, мѣстная интеллигенція, не боретесь противъ этихъ хищниковъ?

— И не говори ты мнѣ про нашу интеллигенцію! Въ общемъ, гаже ничего быть не можетъ. Погоди, я тебя съ нею на

выборахъ познакомлю. Что это за публика, Господи ты мой! Вообрази, прошлой осенью какъ-то одинъ изъ нашихъ ландлордовъ, и богатый, сравнительно, человѣкъ, офицеръ отставной, жалуется мнѣ, что осень безвѣтренная, хлѣба вѣять нельзя. Такъ неужели же, спрашиваю я, у васъ вѣялки нѣтъ? Нѣтъ-съ, говоритъ, не имѣю. Обращаться съ нею таланта нѣтъ-съ. Да зачѣмъ тутъ, помилуйте, талантъ? У меня дѣвки крестьянскія съ нею отмѣнно управляются. То, говоритъ, у васъ, можетъ быть; а у меня для этого таланта нѣтъ-съ! Вотъ и разговаривай съ нимъ, толкуй больной съ подлекаремъ! А главное,—обидно не то, что онъ такой болванъ, а то, что въ сущности онъ вѣдь правъ. Совѣстно признаться, а долженъ сказать, что, хоть вѣялка-то у меня и дѣйствуетъ—очень ужъ проста она—а не мало всякихъ машинъ и у меня въ сараѣ стоитъ. Нейдутъ, да хоть ты что хочешь! Во-первыхъ, практическихъ пріемовъ не знаешь, а научиться имъ негдѣ—на тысячу верстъ нѣтъ ни одной опытной фермы или чего-нибудь такого въ этомъ родѣ. Во-вторыхъ, мастеровыхъ хорошихъ, ремесленниковъ настоящихъ вовсе нѣтъ; которые остались отъ крѣпостного времени, или перемерли, или по столицамъ пристроились, или съ кругу спились — а новыхъ нѣтъ, да и быть имъ не откуда. Въ-третьихъ, работникъ еще очень неотесанъ—плуги шведскіе, въ которыхъ одно желѣзо да чугунъ, въ дребезги ухитряется ломать—гдѣ ему сложной машиной управлять. Впрочемъ, все это такія неудобства, которымъ, конечно, можно бы такъ или иначе помочь. Отчего бы, кажется, намъ, крупнымъ хозяевамъ—а ихъ человѣкъ до ста или и побольше въ уѣздѣ наберется—не соединиться и не завести всего этого? Вотъ тутъ-то и поймешь всю гадость нашей «интеллигенціи». Низачто не соберешь ее на общее дѣло. Ползутъ врозь, хоть ты что хочешь! Года три провозился я съ сельско-хозяйственнымъ обществомъ — бросилъ подъ конецъ и плюнулъ! Чортъ съ вами! А вѣдь всѣ данныя были для успѣха, еслибы только были хоть какіе-нибудь пригодные элементы въ средѣ населенія! И литографія, и разсыльные даромъ—при земской управѣ дѣло велось, а я предсѣдателемъ былъ. Раза три человѣкъ по 20 съѣзжалось, толковали, спорили—а тамъ все меньше да меньше, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, я въ единственномъ числѣ не остался! Ну, изъ одной собственной персоны цѣлое общество составлять больно ужъ важно. Рублей сто, кажется, членскихъ взносовъ собрано было, книжекъ сельско-хозяйственныхъ на эти деньги выписали—разобрали ихъ скоро, только назадъ получить ни одной не пришлось. Кто потерялъ, кто говоритъ—я тому-то

передалъ, кто божится, что и въ глаза ни одной книжки не видалъ! Такъ и ухнуло все безъ слѣда. Злился я, хлопоталъ— такъ надо мной же послѣ смѣялись — охота, молъ, человѣку надъ чужимъ дѣломъ надсѣдаться! Вотъ тебѣ и вся философія нашей интеллигенціи. Своя рубашка къ тѣлу ближе—до общества ли намъ! Эхъ, и вспоминать-то солоно! А въ концѣ-концовъ и выходитъ, что никто ничего не знаетъ, всякій идетъ самъ по себѣ, многіе въ одно время одни и тѣ-же, обыкновенно очень неудачные, опыты дѣлаютъ, однѣ и тѣ-же негодныя машины выписываютъ, одни и тѣ-же невсхожія сѣмена покупаютъ! Пріѣдетъ сосѣдъ къ сосѣду, и недальніе, пойдутъ хозяйство осматривать. А что у васъ въ этомъ сараѣ?—Машины.—Позвольте полюбопытствовать? — Съ удовольствіемъ. — Идутъ въ сарай. —А! и у васъ жнея Вуда?—Да, какъ видите.—Не пошла?—Не пошла. —И у меня не пошла.—Какъ? Развѣ и вы выписывали?—Да, попался и я.—Когда же?—Года три тому назадъ.—Представьте! А я только въ прошломъ году. Какъ это я не зналъ?—Къ слову, вѣрно, не пришлось.—Не подумай, чтобы я изобрѣлъ этотъ разговоръ, — самъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ діалоговъ. И выходитъ, что каждый сидитъ въ своемъ гнѣздѣ и порохъ выдумываетъ—и не знаетъ того, что онъ ужъ давно выдуманъ!

Пріятели дошли до лѣсу и повернули назадъ. Кирсановъ ужъ раскраснѣлся, поминутно снималъ шляпу и отиралъ потный лобъ. Ларинъ все больше и больше морщился.

— И что всего обиднѣе, заговорилъ опять послѣ короткой паузы Петръ Александровичъ,—такъ это то, что чувствуешь свое полнѣйшее безсиліе, абсолютнѣйшую невозможность что либо измѣнить. Возьмемъ опять то же самое земство. Самоуправленіемъ оно называется. А въ сущности, что это такое? У насъ въ уѣздѣ полтораста тысячъ душъ, пятьдесятъ человѣкъ гласныхъ въ земскомъ собраніи, а на дѣлѣ—одинъ, много двое всѣмъ вертятъ. Да еще, слава Богу, что есть такіе люди—гдѣ и ихъ нѣтъ, тамъ ужъ положительно ничего не дѣлается, только ругаются въ собраніи да подвохи другъ подъ друга устраиваютъ, а самоуправленія и въ поминѣ нѣтъ!

— Признаюсь, я все-таки не совсѣмъ еще понимаю, почему ты складываешь оружіе и обращаешься въ постыдное бѣгство, если позволишь такъ назвать твое желаніе продать Покровское. Положимъ, что большинство ваше, дѣйствительно, неказисто; но вѣдь есть же и порядочные люди даже на твой пессимистическій взглядъ—есть же и у тебя партія, почему же не работать за-одно съ этими людьми?

— Эхъ ты, простота! Во-первыхъ, мало ихъ, этихъ порядочныхъ людей, очень мало, разъ, два, да и обчелся; а во-вторыхъ, кто же тебѣ сказалъ, что и я, и они, что мы свободны отъ тѣхъ нареканій, которыя я бросаю въ лицо всей нашей интеллигенціи? Вѣдь и мы плоть отъ плоти ея. Желаніе сдѣлать что-нибудь есть у насъ,—а умѣнья и не хватаетъ! Положимъ, что даже существованіе этихъ желаній составляетъ великую разницу между нами и большинствомъ, но вѣдь добрыми намѣреніями, говорятъ, вымощенъ адъ. Нужно еще и умѣнье. А откуда его взять? Если-бы были въ нашей публикѣ хоть какіе-нибудь элементы для созданія здоровой общественной жизни, то живые люди непремѣнно наткнулись бы на нихъ и сдѣлали бы что-нибудь—ощупью бы шли, а все же достигли бы чего-нибудь и дали бы фундаментъ для будущей работы. А этого то у насъ и нѣтъ — помечешься, посуешься, а въ результатѣ нуль! Вотъ эта неумѣлость и дѣлаетъ насъ такими безпомощными и жалкими!

Какъ разъ въ это время, они опять подошли къ тому мѣсту, гдѣ жала только-что родившая баба.

— Видишь, другъ, за примѣрами нашей неумѣлости и непослѣдовательности ходить не зачѣмъ. Начали съ бабы, а чего, чего не перебрали! Разговора самаго обыкновеннаго выдержать не можемъ, начнемъ за здравіе, сведемъ за упокой! Ха! ха! ха!

И Кирсановъ смѣялся надъ собственной особой добродушнѣйшимъ, заразительнымъ смѣхомъ.

— Пойдемъ, однако, домой. Мнѣ еще счеты свести надо за сѣнокосъ, да въ озимомъ полѣ побывать надо—сегодня у меня сѣвъ кончаютъ.

Войдя знакомой уже намъ калиткой въ садъ, пріятели направились къ балкону.

Во время ихъ прогулки въ Покровское пріѣхали Елена Андреевна съ Марьей Васильевной. Онѣ сидѣли на балконѣ, Ольга Константиновна только-что успѣла сообщить имъ о пріѣздѣ Ларина.

— А! великія печальницы земли русской! Сердобольныя самаритянки!—кричалъ еще издали Кирсановъ, завидя дѣвушекъ.

— Позвольте представить вамъ отщепенца родной земли, безсердечнаго бѣглеца, которому дымъ отечества показался такъ невкусенъ, что онъ, какъ новый Іаковъ, семь лѣтъ странствовалъ по чужимъ краямъ, да и послѣ этого не хочетъ, кажется, дѣломъ заняться въ нашихъ обширныхъ палестинахъ! Ларинъ, Сергѣй Петровичъ, всероссійскій помѣщикъ вообще и N....ій въ

частности, обладатель запустѣлаго сельца Иволгина, вашъ сосѣдъ и мой близкій, старинный товарищъ и другъ!

Пока Кирсановъ съ паѳосомъ произносилъ эту послѣднюю тираду, гости смѣялись отъ души, а Ларинъ, нѣсколько изумленный неожиданной встрѣчей, стоялъ въ почтительной позѣ на ступенькѣ балкона со шляпой въ рукѣ.

— Должно быть,—заговорила, вставая, графиня,—нашъ неподражаемый Петръ Александровичъ полагаетъ, что вы знаете, кто мы такія? Онъ, придумывая свои эпитеты, позабылъ, вѣроятно, что вы новый человѣкъ въ нашемъ обществѣ и не обязаны знать каждое встрѣчное лицо, какъ знаемъ мы сами?

Ларинъ слегка наклонилъ голову, какъ-бы подтверждая это предположеніе.

— Меня зовутъ Елена Андреевна Турмъ, я дѣйствительно ваша ближайшая сосѣдка, такъ какъ наше Романово всего въ трехъ верстахъ отъ вашей усадьбы, и мнѣ часто приходилось проѣзжать мимо ея и слышать разсказы о странствующемъ ея владѣльцѣ! Очень рада познакомиться поближе съ полумиѳическимъ въ нашихъ мѣстахъ лицомъ!

— Я, дѣйствительно, такъ долго не бывалъ въ Иволгинѣ и такъ рѣдко имѣлъ съ нимъ письменныя сношенія, что найду совершенно естественнымъ, если меня примутъ тамъ за выходца съ того свѣта!

— Радуйтесь, ваше сіятельство!—закричалъ опять Кирсановъ. Этотъ молодой человѣкъ будетъ имѣть на выборахъ два шара и усилитъ своей особой слабые наши ряды! Онъ, изволите видѣть, пуристъ, смотритъ съ точки зрѣнія европейскаго конституціонализма на наше земство, не хочетъ этого дѣлать, пока ближе не познакомится съ дѣломъ—да я полагаю, что мы вмѣстѣ успѣемъ завербовать его своевременно. Вотъ, и займитесь этимъ, Елена Андреевна; два-то шара ой, ой, какое значеніе могутъ имѣть при настоящемъ неопредѣленномъ положеніи!

— Мнѣ кажется, Петръ Александровичъ, что это скорѣй ваше дѣло—вы старинные знакомые, а меня m-r Ларинъ видитъ только въ первый разъ и, конечно, не можетъ придавать никакого значенія мнѣніямъ такого неопытнаго дѣльца, какъ я!

— Ну, барышня, какія тутъ мнѣнія! Вы его заговорите хорошенько, своей женской силой подѣйствуйте, а со мной-то вѣдь онъ спорить будетъ, опровергать меня, и кто-жъ его знаетъ:—

„Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ“?

тѣмъ болѣе, что вы и сами прекрасно знаете, что я-то все-таки не вполнѣ отъ чистаго сердца дѣйствовать буду? А? вѣдь знаете?

— Вы опять за старое! Я думала, что мы успѣли-таки васъ побѣдить, а теперь съ сокрушеніемъ сердечнымъ вижу, что это не совсѣмъ такъ! Богъ съ вами, Петръ Александровичъ! Намъ, mesdames, остается только сокрушаться и удивляться мужскому непостоянству!

И Елена Андреевна премило надула губки и отвернулась отъ Кирсанова.

Ларинъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Одѣта она была въ простенькое, темное, короткое платье, безъ всякихъ украшеній; густые, роскошные темнорусые волосы были свернуты въ длинную косу; румянецъ здоровья и силы игралъ на щекахъ; большіе, глубокіе глаза смотрѣли энергично и весело—они говорили о юной, хорошей, сильной жизни, бодро и смѣло шедшей по самостоятельному пути. Ларинъ чувствовалъ себя и лучше, и самоувѣреннѣе, глядя на это симпатичное, милое, молодое лицо. Онъ давнымъ-давно слыхалъ о графахъ Турмъ, какъ о наглыхъ выскочкахъ и безцеремонныхъ пройдохахъ, и давнымъ-давно отвелъ имъ въ своихъ мысляхъ самое безнадежное, послѣднее мѣсто—и вдругъ передъ нимъ такое милое созданіе, носящее такую позорную, по его мнѣнію, фамилію. «Что же это значитъ?» думалъ онъ. «Гдѣ, какимъ образомъ могла сформироваться эта дѣвушка? Не мистификація-ли это? Неужели передо мной графиня Турмъ?»

— Что, братъ, осовѣлъ?—говорилъ между тѣмъ неугомонный Кирсановъ.—Посмотрите, пожалуйста, какъ уставился! Только, братъ, чуръ—графини у меня не отбивать, я имѣю честь числиться при ней оффиціальнымъ поклонникомъ! Ха, ха, ха, ха! Ну, ладно, еще успѣешь насмотрѣться. Теперь пойдемъ, я тебѣ свою систему счетоводства покажу!

И онъ утащилъ съ собой неохотно послѣдовавшаго за нимъ Ларина.

— Скажите, Ольга Константиновна, вы хорошо знаете вашего гостя?—спросила графиня, когда стихли шаги мужчинъ.

— Какъ вамъ сказать? увидѣла я его въ первый разъ только вчера, но такъ много слышала объ немъ отъ мужа, что думаю, что болѣе или менѣе знаю его. Кромѣ того, онъ постоянно, хотя и рѣдко, переписывался съ мужемъ.

— Онъ съ виду очень симпатиченъ,—замѣтила Марья Васильевна.

— Вы находите? Мнѣ онъ тоже очень, очень нравится. Видите-ли, онъ жилъ до сихъ поръ въ несовсѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ. Ему не пришлось кончить курса въ университетѣ, и онъ слишкомъ долго прожилъ за-границей!

— Чѣмъ онъ тамъ занимался?

— Судя по письмамъ, онъ изучалъ общественный бытъ и учрежденія у разныхъ народовъ. Могу вамъ сказать съ опредѣленностью только одно, что онъ долго пробылъ въ Америкѣ и писалъ оттуда самыя восторженныя письма. Кажется, соціальное и экономическое положеніе этой страны составляетъ его idée fixe. Во всякомъ случаѣ, онъ очень много знаетъ въ этомъ отношеніи, и, какъ мнѣ кажется, его наблюденія должны имѣть цѣну, такъ какъ онъ, по словамъ мужа, человѣкъ очень добросовѣстный и обстоятельный.

— И надолго онъ пріѣхалъ въ наши края?

— Право, не знаю.

— А гдѣ онъ думаетъ жить? Въ Иволгинѣ?

— И этого не знаю, еще не пришлось спросить. Вѣдь онъ только вчера вечеромъ пріѣхалъ, у насъ были гости, и я не успѣла поговорить съ нимъ объ его личныхъ намѣреніяхъ.

— Жалко будетъ, если онъ не оснуется здѣсь. Такой человѣкъ долженъ быть очень интересенъ—онъ много видѣлъ и можетъ дать полезныя указанія по всѣмъ практическимъ вопросамъ. Любопытно было бы побесѣдовать съ нимъ пообстоятельнѣе.

Елена Андреевна говорила какъ-то особенно живо. Марья Васильевна посмотрѣла на нее и незамѣтно улыбнулась.

— Скоро-то мы его во всякомъ случаѣ не отпустимъ, сказала Кирсанова.—Мужъ очень оживленъ его пріѣздомъ—опять веселъ и шутитъ, чего съ нимъ давно не бывало. Успѣете разспросить обо всемъ, если даже онъ и не захочетъ переѣхать въ пустое Иволгино. Да и что ему тамъ дѣлать одному? Я думаю, каждый уголокъ успѣлъ пріѣсться до отвращенія—вѣдь до отъѣзда за-границу онъ невольно прожилъ тамъ цѣлые три года.

— Это какимъ образомъ?

Ольга Константиновна разсказала вкратцѣ біографію Ларина, уже извѣстную читателю. Елена Андреевна внимательно ее слушала.

— Такъ вотъ причина его бѣгства!—сказала она, когда хозяйка кончила свой разсказъ.—Я не удивлюсь, если Иволгино ему не особенно интересно, и если онъ не захочетъ повторить охотой то, чтò когда-то пришлось продѣлывать по принужденію.

Эти мѣста должны возбуждать въ немъ по меньшей мѣрѣ невеселыя воспоминанія.

Собесѣдницы замолчали. Кирсанова зачѣмъ-то вышла, Марья Васильевна прилежно, не поднимая глазъ, шила что-то. Елена Андреевна, сложивъ руки на груди, неподвижно смотрѣла на какой-то кустъ въ саду.

Прошло минутъ десять.

— О чемъ вы такъ задумались, Елена? — тихо и нѣжно спросила Марья Васильевна.

— Я думаю о томъ, Marie, что вотъ, людей у насъ и такъ очень, очень мало, а между тѣмъ обстоятельства складываются такимъ образомъ, что и изъ этихъ немногихъ лучшіе бѣгутъ отъ насъ и оставляютъ дѣло на произволъ судьбы. Какъ же ему развиваться, гдѣ же взять силъ и рукъ для этого развитія? Одинъ говоритъ — меня оскорбили, унизили; другой — мнѣ тошно въ этой атмосферѣ; а если не бороться, а бѣгать прочь, то какимъ же образомъ ждать, чтобъ эти оскорбленія сдѣлались невозможными, чтобъ эта атмосфера очистилась?

— О Ларинѣ и его мотивахъ мы знаемъ очень мало, Елена, и потому, какъ мнѣ кажется, не можемъ судить объ его дѣйствіяхъ болѣе или менѣе правильно. Относительно Петра Александровича вы знаете мое мнѣніе. Я думаю, что условія жизни сложились для него, дѣйствительно, крайне неблагопріятно; онъ живой, энергичный человѣкъ, личной жизни ему недостаточно. Онъ думалъ, что земская работа восполнитъ ему недостатокъ жизни общественной—но, какъ видно, ошибся. Повозившись съ этой работой лѣтъ шесть, онъ потерялъ вѣру во все—такимъ людямъ нуженъ или успѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, правильная, честная борьба, а онъ встрѣчался только съ подвохами да каверзами! Немудрено, что не выдержалъ. Мнѣ его отъ души жаль!..

— Мнѣ кажется, Marie, что въ этомъ случаѣ вы не совсѣмъ правы. Какая же это энергія? Встрѣтилъ на своей дорогѣ нѣсколько гадостей — и бросить дѣло, и бѣжать? Такъ вѣдь гдѣ же та роза, у которой нѣтъ шиповъ? Нѣтъ, Marie, вы положительно неправы. Вѣдь если стать на вашу точку зрѣнія, придется честнымъ людямъ вездѣ и всюду сложить оружіе — удалиться на необитаемый островъ и основать тамъ царство правды и добра. Что же это за теорія?

— Нѣтъ, Елена, вы не такъ меня поняли. Я далека отъ того, чтобъ проповѣдывать такіе абсурды. Я говорила только о частномъ случаѣ, объ отдѣльной личности. Видите ли, вездѣ и

всюду, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, непремѣнно встрѣчаются такіе люди, которымъ почему-либо не по плечу окружающая ихъ обстановка—организмъ и мозги у нихъ неподходящіе. Изъ такихъ-то людей и получаются или преступники, преимущественно политическіе, или, въ лучшемъ случаѣ, бѣглецы-эмигранты.

— Прекрасно, я нисколько не сомнѣваюсь въ существованіи такихъ людей, и даже думаю, что наше время представляетъ особенно благопріятную эпоху для ихъ развитія,—но почему же вы думаете, что и Кирсановъ принадлежитъ къ ихъ числу?

По гостиной зазвучали быстрые шаги, и Петръ Александровичъ появился въ дверяхъ.

— Будетъ философствовать, будетъ! Завтракать подано.

— Мы еще вернемся къ этому разговору, Marie, — замѣтила Елена Андреевна, вставая и направляясь къ дверямъ.

— О чемъ это, позвольте полюбопытствовать?

— Мы говорили о ненормальныхъ людяхъ, Петръ Александровичъ, или о такихъ людяхъ, которые кажутся ненормальными.

— Скажите, какая высокая матерія! А не позволено ли будетъ обыкновенному смертному узнать, къ какимъ выводамъ пришли вы въ этомъ отношеніи?

— Да вотъ, Marie думаетъ, что и вы не совсѣмъ нормальный человѣкъ?

— Э? Въ самомъ дѣлѣ?

Они пришли въ столовую, гдѣ хозяйка и Ларинъ уже сидѣли за столомъ.

— Вотъ, братъ, у насъ какія барышни-то! Слушайте, законная супруга и повелительница! Вашего мужа въ ненормальные люди произвели.

— Выражайтесь точнѣе, Петръ Александровичъ, это мнѣніе одной Marie. Я съ нимъ несогласна.

— Покорнѣйше васъ благодарю и на этомъ-съ! А не сообщите ли вы намъ, Марья Васильевна, ваши данныя къ такому лестному для вашего покорнаго слуги выводу?

— Мнѣ кажется, Петръ Александровичъ, что это—единственно-возможное разумное объясненіе тому состоянію, въ которомъ вы находитесь въ послѣднее время. Я слишкомъ хорошо васъ знаю, чтобы приписывать ваше стремленіе къ бѣгству случайному настроенію, вызванному внѣшними неблагопріятными условіями—и потому смѣло причисляю васъ къ ненормальнымъ людямъ.

— Такъ-съ! Можетъ быть, вы и правы! Конечно, о случай-

номъ настроеніи не можетъ быть и рѣчи — слѣдовательно.... А ты, Сергѣй Петровичъ, къ какой категоріи — нормальныхъ или ненормальныхъ себя причисляешь? И ты не человѣкъ ли прошедшаго или будущаго, ошибкой попавшій въ XIX столѣтіе?

— Во время жизни за границей, мнѣ ни разу не приходила эта мысль въ голову, и я не знаю, чтобы тамъ я былъ почему-либо ненормаленъ... Посмотримъ, что окажется въ N—мъ уѣздѣ, можетъ быть, здѣсь и меня m-lle Орлова будетъ имѣть право причислить къ категоріи ненормальныхъ.

— И мнѣ кажется, что я не ошибусь, если и напередъ причислю васъ къ нимъ, хоть бы судя только по тому, чтѣ мнѣ пришлось слышать о васъ до сихъ поръ,—сказала Марья Васильевна.

— Не буду спорить, хотя, говоря откровенно, и не желалъ бы, чтобъ вы оказались правы...

— Такъ я буду спорить за васъ, господа, хоть вы и соглашаетесь такъ покорно!—съ жаромъ заявила Елена Андреевна.— И я увѣрена, что и Ольга Константиновна поддержитъ меня на этой почвѣ!

— Непремѣнно, непремѣнно! Я терпѣть не могу сваливать все на какой-то вымышленный, призрачный фатумъ, на какія-то общія условія! По-моему, это только ширмы, за которыя, при всякомъ удобномъ случаѣ, прячутся слабыя натуры или—извините, господа—трусы!

— Браво, женушка! Рѣзко и опредѣленно сказано, нечего сказать! Ха-ха-ха!

— Извините, mesdames,—заговорилъ Ларинъ,—но мнѣ кажется, что вопросъ поставленъ не совсѣмъ правильно. Я думаю, что спорить о принципѣ невозможно; онъ доказанъ несомнѣнно, исторически. Исторія всѣхъ человѣческихъ обществъ неизбѣжно указываетъ на существованіе такихъ людей; въ разныхъ обществахъ разница только въ числѣ ихъ и условіяхъ существованія; бывали такія эпохи, когда ихъ скоплялось особенно много. Ихъ существованіе объясняется исторической необходимостью, и по моему мнѣнію, тутъ не можетъ быть и рѣчи о фатумѣ. Принадлежатъ ли извѣстные люди къ этой категоріи—въ данномъ случаѣ Петръ Александровичъ и вашъ покорный слуга—это другое дѣло, и объ этомъ можно спорить сколько угодно.

— Ваше замѣчаніе справедливо,—сказала Елена Андреевна. Я думаю, что и Ольга Константиновна, упомянувъ о фатумѣ, имѣла въ виду только отдѣльныя личности и права ихъ на причисленіе къ ненормальнымъ людямъ.

— Конечно, — подхватила хозяйка. — Я просто говорила о мужѣ.

— Вотъ, братъ, ѣдятъ меня поѣдомъ да и только! Просто бѣда! То жена пилитъ, то барышни кругомъ обижаютъ, — хоть плачь! Поневолѣ убѣжишь на край свѣта...

— Ага, и на попятный дворъ... Вотъ ужъ куда поворотили, Петръ Александровичъ! Лазаря стали пѣть, ха-ха-ха!—Звонко смѣялась Елена Андреевна.—Не значитъ ли это, что вы сдаетесь?

— Ну, не такъ-то скоро, барышня! Вопросъ, во всякомъ случаѣ, гораздо важнѣе, чѣмъ вы, кажется, полагаете!

Кирсановъ сталъ вдругъ очень серьёзенъ и крѣпко нахмурился.

— Мнѣ сдается, что намъ и не подъ силу разрѣшить его— это разрѣшеніе дастъ только будущее. Qui vivra—verra. Да-съ.

Всѣ замолчали. Завтракъ кончился. Кирсановъ ушелъ по хозяйству, а Ларинъ присоединился къ дамамъ и вышелъ съ ними на балконъ. Ольга Константиновна поминутно выходила,—то нужно было заглянуть къ дѣтямъ, то въ кухню, то въ огородъ, —молодые люди были предоставлены сами себѣ. Марья Васильевна опять взялась за свое шитье и усердно работала, только изрѣдка поднимая глаза. Елена Андреевна сидѣла у самой лѣстницы, Ларинъ стоялъ на первой ступенькѣ, противъ нея, прислонившись къ косяку.

— Скажите, Сергѣй Петровичъ, вы надолго въ наши края, или только мимоходомъ?—спросила Елена Андреевна.

— Какъ поживется, графиня...

— Пожалуйста, не зовите меня такъ... Ужасно не люблю, сама не знаю почему. Какъ-то неловко—всѣхъ людей зовутъ по имени, а тебя какъ-то особенно... пожалуйста! Такъ вы еще ни на чемъ не остановились?

— Я, право, и не думалъ объ этомъ... Привыкъ скитаться по бѣлому свѣту, сегодня здѣсь, завтра тамъ... Вотъ поживу, увижу, —надо и въ Иволгино, и въ городъ заглянуть, я совсѣмъ не занимался все это время своими дѣлами и совсѣмъ не знаю, въ какомъ они положеніи. Надо будетъ заняться и посчитать,— хоть я и не охотникъ, и не мастеръ на это.

Ларинъ улыбнулся.

— Я,—продолжалъ онъ,—изображаю изъ себя не совсѣмъ обыкновеннаго помѣщика—даже не знаю толкомъ, что̀ у меня есть и на что̀ я могу разсчитывать. Дѣлами занималась всегда покойная мать—я никогда ими не интересовался и не входилъ въ нихъ. Послѣ ея смерти уѣхалъ за-границу, проживалъ тамъ

сравнительно немного, такъ что никогда не встрѣчалъ затрудненій въ денежномъ отношеніи. Какъ видите — чисто русскій баринъ. А вы давно ли живете въ деревнѣ?—Помнится, когда я томился въ Иволгинѣ, Романово стояло пустое, и я иногда пользовался его садомъ и оранжереями — мой Петровичъ вступалъ въ торговыя сношенія съ вашими садовниками по части разныхъ деликатесовъ.

— Мы съ братомъ живемъ въ Романовѣ ужъ года полтора; онъ иногда ѣздитъ ненадолго въ Петербургъ, но я крѣпко усѣлась на мѣстѣ и еще ни разу не выѣзжала за это время дальше Покровскаго. Петербургъ меня вовсе не прельщаетъ, хоть мнѣ и мало пришлось попользоваться его прелестями—по выходѣ изъ института я всего нѣсколько мѣсяцевъ прожила тамъ. Братъ обыкновенно очень удивляется моему домосѣдству, но я занята постоянно; и, право, не думаю скучать.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ искренно позавидую. Я прожилъ въ Иволгинѣ три года и все время скучалъ и терзался самымъ невыносимымъ образомъ, — съ ужасомъ вспоминаю это скверное время. Не думаю, чтобъ и теперь я нашелъ тамъ что-нибудь другое, хотя, конечно, въ настоящее время отношусь къ вещамъ спокойнѣе — поуходился, да и не жду отъ жизни тѣхъ великихъ благъ, на которыя разсчитывалъ тогда.

— Или я еще очень молода, или вы, господа, заражены излишнимъ скептицизмомъ, но, право, я не могу васъ понять. Петръ Александровичъ все стремится убѣжать куда-то, вы—хотите сдѣлать изъ себя какого-то не то старика, не то Печорина —

„Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть“—

право, чуть не этими самыми стихами говорите. Стыдно, господа!

И Елена Андреевна вызывающимъ взглядомъ посмотрѣла на своего собесѣдника. Онъ улыбнулся.

— Вы не такъ меня поняли, Елена Андреевна. Я вовсе не желаю быть старикомъ, а печоринства во мнѣ и слѣда нѣтъ. Я говорилъ только о деревенской жизни вообще, и объ Иволгинѣ и моемъ тамъ пребываніи въ особенности. Надо помнить, что я находился въ исключительныхъ обстоятельствахъ, что у меня не было никакого дѣла; а неопредѣленность положенія и тѣ жизненные интересы, которые у меня остались въ Петербургѣ и отъ которыхъ я не могъ отрѣшиться, не давали мнѣ возможности заняться чѣмъ-нибудь. Я, такъ сказать, висѣлъ на воздухѣ — сначала все было противно, а потомъ ждалъ всякую

минуту освобожденія—словомъ, не могъ пустить корней и основаться.

— Все это, конечно, извиняетъ васъ нѣсколько—видите, я беру на себя смѣлость быть вашимъ судьей — но, все-таки, въ настоящее-то время вы должны относиться къ дѣлу иначе. Право же, намъ нужны люди — забудьте прошлыя невзгоды и отнеситесь и къ милому N—скому уѣзду вообще, и къ Иволгину въ частности, безъ предубѣжденія!

— Постараюсь исправиться и, во всякомъ случаѣ, даю торжественное обѣщаніе поближе ознакомиться съ дѣломъ,—со смѣхомъ сказалъ Ларинъ. — Однако, вы хорошій адвокатъ, Елена Андреевна. Право. Даже такого безнадежнаго номада, какимъ сталъ я, съумѣете привязать къ мѣсту.

Марья Васильевна съ любопытствомъ взглянула на молодыхъ людей. Ларинъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на Елену Андреевну, совсѣмъ позабывъ о присутствіи третьяго лица; а она сидѣла неподвижно, не спуская глазъ съ его оживившагося лица.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Елена Андреевна встала и прошлась по балкону.

— Не хотите ли пройтись по саду, Marie?

— Мнѣ хотѣлось бы кончить сегодня мою работу, Елена.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ мои услуги, — сказалъ Ларинъ; напряженная просьба звучала и въ тонѣ его голоса, и свѣтилась въ его взглядѣ.

Елена Андреевна взглянула на него своими глубокими глазами, помедлила нѣсколько мгновеній и, направляясь къ лѣстницѣ, сказала просто:

— Пойдемте!

Они спустились въ цвѣтникъ и затѣмъ скрылись въ густой боковой аллеѣ.

Марья Васильевна сложила руки на своей работѣ и пристальнымъ взглядомъ проводила уходившихъ.

Молодые люди шли молча. Елена Андреевна сорвала вѣтку какого-то кустарника, вертѣла ее въ рукахъ и безцѣльно на нее смотрѣла. Ларинъ шелъ рядомъ, надвинувъ шляпу на лобъ и не спуская глазъ съ своей спутницы. Такъ дошли они до конца сада, не произнеся ни слова.

— Однако, вы не особенно разговорчивый собесѣдникъ,— сказала наконецъ съ короткимъ, неловкимъ смѣхомъ Елена Андреевна, когда они миновали уголъ и пошли по противоположной дому сторонѣ сада.

— Напротивъ, я очень люблю говорить, Елена Андреевна;

теперь дѣло только въ томъ, что, глядя на васъ, я забываю, чтó хотѣлъ сказать, забываю свои мысли и...

— Чтожъ это такое съ вами случилось? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего особеннаго...—тихо возразила дѣвушка, съ невиннымъ кокетствомъ поглядывая на смущеннаго Ларина. — Впрочемъ, — продолжала она, — это вполнѣ естественно, если такіе мало-знакомые люди, какъ мы съ вами, не сразу находятъ точки соприкосновенія и первое время нѣсколько стѣсняются. Надѣюсь, между нами это продолжится не особенно долго, неправда ли?

Она остановилась и протянула ему руку.

Ларинъ схватилъ обѣими руками маленькую, слегка дрожавшую ручку и, наклонившись надъ нею, бормоталъ какую-то непонятную фразу; казалось, онъ плохо понималъ, чтó съ нимъ дѣлается.

Нѣсколько мгновеній продолжалась эта нѣмая сцена—потомъ дѣвушка тихонько высвободила свою руку, улыбнулась и опять пошла впередъ.

— Ну, разскажите же мнѣ теперь, гдѣ вы побывали и чтó видѣли? Какъ вамъ показались наши мѣста и наши люди послѣ долгаго скитанія на чужбинѣ? Да отвѣчайте же?!..

— Простите, Елена Андреевна! Вы спрашиваете, чтó я видѣлъ и гдѣ былъ? Да?

— Скажите пожалуйста, вы и не слыхали, о чемъ я спрашивала! Да, да! Если вамъ не стыдно, я повторю свой вопросъ!

И Елена Андреевна тихо смѣялась надъ смущеніемъ своего собесѣдника.

— Исколесилъ я много мѣста,—заговорилъ, наконецъ, пришедшій въ себя Ларинъ, снимая шляпу и отирая мокрый лобъ.— Видѣлъ разныхъ людей и разные порядки. Разнообразны были эти впечатлѣнія. Трудно говорить вообще. Что же касается родины, то, признаюсь, покуда мнѣ пришлось столкнуться только съ такими ея сторонами, которыя мало говорятъ въ ея пользу. Впрочемъ, я вспоминаю данное вамъ обѣщаніе и постараюсь присмотрѣться поближе, а до тѣхъ поръ буду удерживаться отъ рѣшительныхъ сужденій.

— Благодарю васъ! Видите ли, я и сама знаю, что много, очень много безотраднаго и тяжелаго встрѣтите вы здѣсь, но согласитесь сами, что кому же и работать надъ этимъ хаосомъ, какъ не намъ, и понимающимъ дѣйствительное положеніе вещей, и имѣющимъ полную возможность и средства вліять на улучшеніе этого положенія? Право, это такая прекрасная, высо-

кая задача! Я всегда отъ души сожалѣю, что женскій кругъ дѣятельности такъ ограниченъ и узокъ. Я завидую вамъ—вотъ теперь предстоятъ выборы, борьба съ себялюбивыми, черствыми разсчетами нашего большинства — вы можете принять въ нихъ участіе — а намъ остается только издали смотрѣть, радоваться вашимъ успѣхамъ и сокрушаться о неудачахъ. Во всякомъ случаѣ, я хоть тѣмъ приму участіе въ этой борьбѣ, что беру съ васъ слово, что вы поѣдете на выборы и поможете своими шарами Петру Александровичу и его друзьямъ. Да? Поѣдете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, Елена Андреевна! Если я возражалъ Кирсанову и отговаривался отъ поѣздки, то только потому, что хотѣлъ познакомиться съ дѣломъ;—я настолько знаю Петра Александровича, что конечно могу отбросить свой пуризмъ, какъ онъ выражается, въ сторону, и смѣло идти по тому маршруту, который онъ мнѣ дастъ. Этимъ я, конечно, ничѣмъ не связываю себя относительно дальнѣйшихъ дѣйствій и вполнѣ сохраняю за собой свободу окончательнаго рѣшенія.

— О! Я убѣждена, что разъ вы примете участіе въ сраженіи, вы не захотите бросить дѣла неоконченнымъ и не побѣжите съ поля! Право, дѣло такъ важно и интересно, что стóитъ того, чтобъ всецѣло отдаться ему, особенно если вы еще не имѣете въ виду ничего лучшаго!

— Я, конечно, не желалъ бы для себя лучшей дѣятельности, какъ дѣятельность общественная, — чиновника-бюрократа изъ меня никогда не выйдетъ, купца - промышленника тоже— само собой разумѣется, что я съ наибольшей охотой послужилъ бы дѣлу земскому. Боюсь только, что дѣло это не въ той обстановкѣ, чтобъ можно было разсчитывать сдѣлать что-нибудь серьёзное! Впрочемъ, виноватъ — я опять говорю это на основаніи только того, чтó видѣлъ и слышалъ до сихъ поръ. Можетъ быть, познакомившись поближе, я и составлю себѣ другое, болѣе отрадное мнѣніе!

— Ну да, ну да, и я напередъ увѣрена, что это такъ и будетъ! Слѣдовательно, мы союзники? Да? Я познакомлю васъ съ братомъ, онъ тоже собирается на выборы и, конечно, примкнетъ къ группѣ Петра Александровича.

— Значитъ, вы позволите мнѣ навѣстить васъ въ Романовѣ? Я думаю на дняхъ перебраться въ Иволгино, и, конечно, не преминулъ бы, съ вашего разрѣшенія, продолжить наше знакомство?

— Мы всѣ будемъ вамъ очень рады, Сергѣй Петровичъ. Пожалуйста!

Въ этомъ простомъ «пожалуйста» звучала какая-то особенно мягкая нота, чуть-чуть не заставившая Ларина прыгнуть отъ радости.

Долго ходили по темнымъ аллеямъ молодые люди. Ларинъ разошелся и разсказывалъ свои заграничныя похожденія и впечатлѣнія. Онъ обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ разсказывать, не касаясь своего собственнаго «я»; Елена Андреевна внимательно слушала и только изрѣдка предлагала вопросы; она, казалось, изучала своего собесѣдника.

— Аў! Гдѣ вы, молодое поколѣніе, надежда Россіи! — закричалъ откуда-то Кирсановъ.

Ларинъ остановился на полусловѣ, и они пошли на голосъ розыскивавшаго ихъ хозяина.

— Обѣдать, обѣдать пора, почтенная публика! — кричалъ тотъ, завидя гостей и пытливо разсматривая изъ-подъ очковъ раскраснѣвшагося Ларина и нѣсколько утомленную долгой прогулкой графиню.

— Такъ-съ! Философіей, должно быть, занимались, міровые вопросы рѣшали, Европу дѣлили на новый манеръ!

— Вотъ и не угадали, Петръ Александровичъ! Самымъ мирнымъ образомъ обсуждали систему сѣверо-американскаго народнаго образованія! Сергѣй Петровичъ основательно знакомъ съ нею и объяснялъ мнѣ причины ея колоссальныхъ успѣховъ.

— Дѣло, дѣло, барышня—вопросъ, дѣйствительно, интересный, особенно если разсматривать его сравнительно съ нашей россійской системой—мы все по-рачьи, шагъ впередъ, два назадъ! Однако, образованіе образованіемъ, а обѣдъ обѣдомъ...

Обѣдъ прошелъ живо и весело. Кирсановъ былъ въ духѣ, самымъ невиннымъ образомъ подшучивалъ надъ Ларинымъ и Еленой Андреевной и подмигивалъ на нихъ Марьѣ Васильевнѣ и женѣ. Ларинъ добродушно отшучивался, Ольга Константиновна смѣялась, Марья Васильевна дружелюбно улыбалась своей подругѣ, которая невольно краснѣла и тѣмъ еще больше подзадоривала развеселившееся маленькое общество.

Было уже часовъ пять, когда вышли изъ-за стола. Гости заторопились-было уѣзжать — но Кирсановъ безапелляціонно рѣшилъ, что сегодня ужъ поздно и сыро, и что во всякомъ случаѣ онѣ должны ночевать—особыхъ возраженій не послѣдовало, и, когда вскорѣ затѣмъ стемнѣло и зажгли лампы, всѣ пятеро усѣлись въ уютной маленькой гостиной въ наилучшемъ расположеніи духа. Кирсановъ былъ необыкновенно веселъ; всѣ были возбуждены, и безпричинный, задушевный смѣхъ не смол-

калъ въ слабо-освѣщенной комнатѣ. Бываютъ такія минуты, когда всѣ заботы и невзгоды забываются, и люди всецѣло отдаются охватывающему ихъ веселому настроенію; къ сожалѣнію, минуты эти очень рѣдки и вспоминаются онѣ потомъ не иначе, какъ съ затаеннымъ, жгучимъ недовольствомъ и невольной завистью.

— А что́, Ларинъ, скажи-ка по совѣсти, вѣдь иной разъ поди жутко бывало на чужой-то сторонушкѣ? Небось, не часто приходилось этакъ хохотать, какъ сегодня?

— За-границей мнѣ не приходилось бывать въ тѣсномъ семейномъ кругу, и потому, разумѣется, не приходилось и веселиться такъ, какъ сегодня. Впрочемъ, я не скучалъ и тамъ.

— Неужто и въ Америкѣ-то не скучалъ? Поди, эти сухіе янки не особенно веселые собесѣдники? Я слыхалъ, что они только объ долларахъ съ достаточнымъ чувствомъ и говорятъ — все остальное, наши тихія россійскія радости для нихъ будто terra incognita?

— По-моему, это совершенно невѣрно. Напротивъ, они умѣютъ быть очень интересными и любезными.

— Ну, другъ, это, я полагаю, такъ тебѣ только показалось. Сказываютъ, суше и матеріалистичнѣе этого народа ничего и выдумать нельзя! Ни поэзіи, ни искусства, ничего подобнаго для нихъ не существуетъ!

— Относительно искусства я плохой цѣнитель, такъ какъ самъ ровно ничего въ немъ не понимаю — а что касается поэзіи, то я убѣжденъ, что нѣкоторые сѣверо-американскіе поэты нисколько не уступаютъ ни нашимъ, ни западно-европейскимъ, какъ по смѣлости мысли, такъ и по красотѣ и могуществу стиха. Эдгара Поэ, напримѣръ, я не промѣняю ни на кого. Какая глубина мысли! Какая сила!

— Никто изъ насъ не знакомъ съ англійскимъ языкомъ, такъ тебѣ съ пола-горя восхищаться-то! Повѣрить-то твои восторги некому.

— Мнѣ случилось перевесть нѣкоторыя вещи — конечно, онѣ могутъ дать только весьма слабое понятіе о подлинникѣ...

— Прочитайте, прочитайте — заговорили разомъ всѣ присутствовавшіе.

Ларинъ отправился въ свою комнату и принесъ нѣсколько разрозненныхъ листочковъ.

— Прошу не осудить.

Ларинъ читалъ хорошо. Его усиленно просили прочитать еще что-нибудь, и онъ какъ-будто забылъ, гдѣ находится — и читалъ одно стихотвореніе за другимъ. Его лицо оживилось—

онъ съ одушевленіемъ читалъ вдохновенныя строки любимаго поэта. Слушатели были увлечены.

— Да вы и сами поэтъ, Сергѣй Петровичъ, — взволнованнымъ, тихимъ голосомъ сказала изъ своего уголка все время молчавшая Елена Андреевна, когда Ларинъ кончилъ.

— Нѣтъ, я не поэтъ, я только сильно люблю истинную поэзію и вижу въ ней наилучшее средство стряхивать съ себя по временамъ бремя обыденной жизни и улетать—dahin, wo die Citronen blühen... Въ такомъ настроеніи человѣкъ дѣлается и чище, и лучше, онъ бываетъ способенъ тогда на тѣ высокіе порывы, которые потомъ изумляютъ насъ. Только пошлый торгашъ, заключенный въ узкихъ рамкахъ своихъ разсчетовъ и бездоннаго себялюбія, не понимаетъ этого и не способенъ на эти порывы...

— Эге, братъ, да ты отрицаешь современный реализмъ, Писарева съ братіею.

— Не отрицаю, а глубоко презираю и ненавижу ихъ. Раздѣлять ихъ теоріи—значитъ лишать человѣка лучшихъ его сторонъ, тѣхъ сторонъ, которыя всегда и вездѣ управляли и повелѣвали міромъ. Только горячая любовь ко всему великому и прекрасному, ко всему тому, что̀ оставили намъ въ наслѣдство лучшіе люди всѣхъ временъ, и можетъ сдерживать въ человѣческомъ родѣ тѣ хищные инстинкты, которые такъ безобразно проявляла въ новѣйшее время французская буржуазія, по стопамъ которой идутъ и ваши Крыловы и Сидоровы...

— Ты, пожалуй, и правъ,—задумчиво сказалъ Кирсановъ.— Этихъ милыхъ кулаковъ, дѣйствительно, ничѣмъ не проймешь. Дѣло только въ томъ, что Писаревъ тутъ не при чемъ—они объ немъ никакого понятія не имѣютъ и орудуютъ, руководствуясь исключительно своими собственными хищными инстинктами...

— Да оставьте вы ихъ хоть на сегодняшній-то вечеръ,— перебила мужа Ольга Константиновна. — Зачѣмъ портить себѣ такую хорошую, рѣдкую минуту...

Но хорошая минута была уже невольно испорчена. Всѣ это чувствовали. Разговоръ не вязался. Елена Андреевна незамѣтно вышла въ темную залу и ходила тамъ медленными и тихими шагами. Марья Васильевна взялась за работу; Ларинъ торопливо собралъ свои листки и унесъ ихъ. За чаемъ говорили одна Ольга Константиновна; но ей не удалось расшевелить гостей. Всѣ казались утомленными—и немедленно послѣ чаю разошлись по своимъ комнатамъ.

VI

На другой день графиня уѣхала рано утромъ, еще разъ пригласивъ Ларина въ Романово. Кирсановъ ушелъ сейчасъ же послѣ ея отъѣзда въ поле, а Ларинъ, повертѣвшись около Ольги Константиновны, у которой тоже по горло было дѣла и въ дѣтской, и по хозяйству, счелъ за лучшее не стѣснять ее и ушелъ въ садъ. Найдя отдаленную, тѣнистую аллею, онъ скорыми шагами ходилъ по ней взадъ и впередъ. Симпатичная дѣвушка не выходила у него изъ головы.

— Что это со мной сдѣлалось?—разсуждалъ онъ самъ съ собой.—Безъ малаго до тридцати лѣтъ дожилъ, сѣдые волосы ужъ пошли, а такъ быстро подпалъ вліянію незнакомой, молоденькой дѣвушки? А и хороша она! И откуда въ ней эта искренность, эта живость безъискусственная? Не въ такихъ, кажется, сферахъ родилась и воспитывалась, чтобъ не изломаться и не испортиться въ конецъ. Или ужъ натура такая благодатная, что никакая грязь не пристанетъ? Да, нечасто попадаются такіе характеры. Постоитъ, надо полагать, за себя при случаѣ. Какъ бы скорѣй опять ее повидать? Надо бы въ Иволгино перебраться.

Ларинъ и не замѣтилъ, что то самое Иволгино, о которомъ онъ только наканунѣ говорилъ почти съ отвращеніемъ, сегодня ужъ казалось ему чуть ли не обѣтованной землей.

«Да, въ Иволгино! Тамъ пожить и поприсмотрѣться ко всему! Надо въ Питеръ написать, чтобъ вещи сюда скорѣй высылали. А какъ это удобнѣе сдѣлать? Кирсанова нужно спросить». И онъ отправился разъискивать пріятеля, котораго и встрѣтилъ на черномъ дворѣ, идущимъ въ домъ.

— Ты гдѣ это скрывался?—спросилъ онъ, завидѣвъ Ларина.—Небось о графскихъ глазкахъ размышлялъ? Дѣльная дивчина, я тебѣ говорю!

— Послушай, Петръ Александровичъ, мнѣ бы хотѣлось въ Иволгино поскорѣй...

— Та, та, та... Въ Иволгино поскорѣй захотѣлось! Что сей сонъ значитъ, милостивый государь мой?

— Да ничего ровно не значитъ. Просто, нужно же мнѣ тамъ побывать и поглядѣть на свои маетности...

— Во-первыхъ, ты ровно ничего не поймешь и ровно ничего не увидишь; во-вторыхъ, ты всего третій день какъ пріѣхалъ; въ-третьихъ, и питаться тебѣ тамъ нечѣмъ будетъ—кто тебя станетъ тамъ кормить? Вѣдь на пищѣ святого Антонія си-

дѣть придется. Съѣздить на денёкъ, это другое дѣло; съѣздить съ тобой и я съѣзжу, посмотрю и укажу, чтó сдѣлать нужно...

— Да вотъ еще что, Кирсановъ, какъ бы мнѣ вещи свои изъ Петербурга поскорѣй сюда переправить...

— Эге, ужъ и объ вещахъ задумалъ!

Кирсановъ выразительно засвисталъ.

— Ну, это, братъ, нехитро, напишемъ Скупину, онъ духомъ все сюда доставитъ, черезъ недѣлю, а то и скорѣй.

— Пожалуйста, распорядись, вотъ адресъ; а то я совсѣмъ налегкѣ, вѣдь на недѣлю, не больше, сюда ѣхалъ... Такъ завтра съѣздимъ въ Иволгино-то, а?

— Съѣздимъ, съѣздимъ, коли тебѣ такъ ужъ вдругъ приспичило... Эй, Кирило!

— Что угодно-съ?—вынырнулъ вдругъ, неизвѣстно откуда кучеръ, красивый молодой парень, въ красной рубахѣ и съ серьгой въ ухѣ.

— Завтра пораньше тройку приготовь, мы вотъ съ Сергѣемъ Петровичемъ въ Иволгино съѣздимъ... Пораньше.

— Слушаю-съ.

На другой день рано утромъ поѣхали они въ Иволгино. День былъ горячій, солнечный; довольно густо населенная мѣстность кишѣла жавшимъ на всѣхъ поляхъ народомъ. Меньше чѣмъ въ часъ, проѣхали они десять верстъ, считавшихся отъ Покровскаго до усадьбы Ларина и, встрѣченные у воротъ громкимъ лаемъ разношерстныхъ собакъ, подъѣхали къ флигельку управляющаго. Сразу было замѣтно, что Иволгино когда-то было большой, богатой усадьбой, настоящимъ дворянскимъ гнѣздомъ старыхъ временъ. Огромный деревянный домъ, выстроенный правильнымъ квадратомъ, домъ съ остроконечной, крутой, поросшей мохомъ крышей, обшитый посѣрѣвшимъ отъ времени тёсомъ, смотрѣлъ какимъ-то забытымъ гробомъ. Южный его фасадъ, съ будто приткнутымъ послѣ, безобразнымъ балкончикомъ съ толстѣйшими колоннами, выходилъ въ глухой, давно запущенный садъ; сирени передъ балкономъ, стѣсняемыя липами и вязами, тянулись кверху и лѣзли въ окна. На сѣверномъ фасадѣ, выходившемъ на бѣлый дворъ, были два выступа съ крылечками— весь бѣлый дворъ заросъ наглухо крапивой и репейникомъ, а старинный, вычурный палисадъ кругомъ его развалился во многихъ мѣстахъ и былъ замѣненъ обыкновеннымъ частоколомъ. Обширный черный дворъ, съ заброшеннымъ колодцемъ посрединѣ, тоже весь заросъ грубой, сочной лебедой, дудками и пикульникомъ; разбросанная по немъ, давно не ремонтированная,

деревянная надворная постройка, разрушалась, соломенныя крыши разносились вѣтромъ, а мѣстами и вовсе провалились. Только флигелёкъ управляющаго, да небольшой дворикъ позади него, и содержались въ порядкѣ; отъ нихъ шли въ разныя стороны торныя тропинки, а выпряженный у крылечка на двухъ колесахъ чанъ съ водой указывалъ, что тутъ обитаютъ живые люди. Ларинъ на-ходу выскочилъ изъ тарантаса и нетвердой, торопливой походкой пошелъ къ дому.

Изъ флигелька выскочилъ на крылечко старый человѣкъ, безъ шапки, съ бритымъ подбородкомъ, въ коротенькомъ пиджакѣ, и, заслонивъ ладонью глаза отъ яркаго солнца, съ изумленіемъ смотрѣлъ на пріѣзжихъ; узнавъ Кирсановскій экипажъ и лошадей, онъ ударилъ руками въ бока и побѣжалъ къ тарантасу.

— Некакъ вы, батюшка Петръ Александрычъ?

— Я, старикъ, я, да мало того, что самъ пріѣхалъ, и барина тебѣ привезъ...

Старикъ остолбенѣлъ и невольно обратился къ дому. Ларинъ стоялъ ужъ на крыльцѣ и осматривалъ замокъ.

— Онъ, онъ и есть! Ахъ я глухая тетеря, старый хрѣнъ...

И старикъ топтался на мѣстѣ, и не зналъ, что ему дѣлать— бѣжать-ли къ барину, или за ключомъ во флигель?

— Неси ключъ-то поскорѣй—надоумилъ его Кирсановъ, вылѣзая изъ тарантаса. А гдѣ у тебя сынъ-то? Дома?

— Дома, батюшка, дома—отвѣчалъ полуоборачиваясь старикъ, уже сѣменившій плохо слушавшими хозяина ногами обратно ко флигелю.

Старика звали Ларивономъ Петровичемъ, или, какъ звала его вся округа вотъ ужъ тридцать лѣтъ, просто Петровичемъ. Онъ былъ когда-то козачкомъ у дѣда Ларина, затѣмъ камердинеромъ и довѣреннымъ лицомъ у его покойнаго отца; послѣ его смерти безконтрольно управлялъ Иволгинымъ, и, когда, послѣ положенія, усадьба была закрыта и запашка запущена, остался тутъ «управляющимъ», хотя управлять было положительно нечѣмъ—въ усадьбѣ содержалась только тройка лошадей да три коровы, и то исключительно для пользованія самого «управляющаго». Онъ былъ вдовецъ, и имѣлъ сына, смирнаго и непьющаго малаго лѣтъ тридцати, женатаго на бойкой городской мѣщанкѣ, прибравшей къ своимъ рукамъ и мужа, и тестя, и все хозяйство. Про старика поговаривали, что у него есть деньжонки и что онъ нагрѣваетъ себѣ руки у забытаго владѣльцемъ Иволгина; но едва-ли это было такъ, такъ-какъ усадьба была

сдана въ аренду на долгіе годы, и плата, за вычетомъ разныхъ сборовъ и повинностей, цѣликомъ пересылалась, по указаніямъ Ларина, непосредственно самими арендаторами.

Во флигелѣ, между тѣмъ, произошло смятеніе—сынъ Петровича, Осипъ, выбѣжалъ пособлять Кирсановскому кучеру выпрягать лошадей и указывать, гдѣ и какъ ихъ поудобнѣе пристроить; жена его, стукнувъ мимоходомъ заревѣвшаго, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній, трехлѣтняго сынишку, спускала подоткнутыя юбки и засученные рукава; самъ Петровичъ, бормоча какія-то невнятныя воззванія къ Владычицѣ и святымъ угодникамъ, дрожащими руками искалъ между массой заржавѣвшихъ старинныхъ ключей, ключъ отъ входной двери въ домъ. Невѣстка приставала къ нему съ торопливыми, безсвязными вопросами—онъ только отмахивался, и, найдя наконецъ желанный ключъ, бросился къ дому. Ларинъ ужъ шелъ ему на встрѣчу.

— Здравствуй Петровичъ! Здоровъ-ли, старикъ?—дрогнувшимъ голосомъ привѣтствовалъ онъ стараго свидѣтеля своего дѣтства.

— Ба... ба... ба... тюшка! бормоталъ только Петровичъ, припавъ головой къ груди давно невиданнаго барина и обхватывая его старческими дрожащими руками.

Ларинъ съ теплымъ чувствомъ обнималъ старика; ему пріятны были эта неподдѣльная радость, эти искреннія слезы—давно ужъ онъ не испытывалъ и не встрѣчалъ ничего подобнаго.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, покажи-ка мнѣ хоромы-то! Поди, чай, разваливается все?

— Чтой-то, батюшка, отчего разваливаться? Все крѣпко, посудина не на одинъ день покойниками, царство имъ небесное, строена была! Дай Богъ въ морѣ стоять, еще много лѣтъ безъ всякой нуждушки въ ней проживете! Лѣсъ-то вѣдь не нынѣшній, рѣпа-то вчерашняя, а старинный, рудовый, и топоромъ теперь поди не возьмешь!

И старикъ отпиралъ замокъ, съ трудомъ попавъ въ него ключемъ и забывши, сколько разъ слѣдовало его повернуть.

Угрюмый и мрачный снаружи, домъ былъ веселъ и уютенъ внутри; не было въ немъ тяжелаго запаха давно заброшеннаго жилища, сырости и плѣсени; очевидно было, что онъ тщательно содержался и провѣтривался. Ларинъ прошелъ, не останавливаясь, прихожую, залу, гостиную, угловую—все стояло на тѣхъ же мѣстахъ, что и семь лѣтъ тому назадъ, нигдѣ не было пыли или паутины, а яркое солнце весело играло на большихъ изразцовыхъ печахъ и ярко блестѣвшихъ отдушникахъ и дверныхъ зам-

кахъ. Петровичъ молча шелъ за бариномъ, мягко ступая своими войлочными, сдѣланными изъ старыхъ валенокъ, туфлями; онъ шелъ какъ-то бокомъ, заглядывая въ лицо барина и отирая въ то же время старымъ клѣтчатымъ платочкомъ все еще слезившіеся глаза.

Узенькій, темный корридоръ раздѣлялъ домъ на двѣ части—изъ угловой по этому корридору Ларинъ прошелъ въ свой бывшій кабинетъ. Большая комната съ тремя окнами, выходившими на бѣлый дворъ, была отдѣлана въ новѣйшемъ вкусѣ; красивый письменный столъ стоялъ передъ среднимъ окномъ, по сторонамъ его были разставлены удобныя мягкія кресла; большой турецкій диванъ занималъ заднюю стѣну, а надъ нимъ, на висячихъ этажеркахъ, была расположена порядочная библіотека. Направо, у короткой стѣны, стояла красивая кушетка съ затѣйливой рѣзьбой; надъ ней завѣшивалъ стѣну богатый персидскій коверъ, а на полу лежалъ большой медвѣжій мѣхъ, подбитый краснымъ сукномъ. У противуположной стѣны, на большомъ пестромъ коврѣ, стоялъ небольшой изящный диванчикъ, а передъ нимъ овальный столъ, окруженный креслами. Надъ диваномъ висѣли двѣ большія фотографіи—направо Ларинъ лѣтъ 15, въ гимназическомъ мундирчикѣ, съ торчащими вихрами и задорно поднятымъ носомъ; налѣво онъ же уже студентомъ, съ роскошными длинными кудрями и только-что начавшими пробиваться усиками. На письменномъ столѣ, въ богатой орѣховой рамѣ, стоялъ портретъ его матери—старческое измученное лицо съ большими добродушными глазами тоскливо смотрѣло изъ-подъ большого бѣлаго чепца съ вышитыми оборками.

Ларинъ простоялъ на порогѣ нѣсколько мгновеній, медленно осматривая знакомую обстановку—потомъ онъ подошелъ къ окну, отворилъ его и сѣлъ въ кресло передъ столомъ. Петровичъ остановился шагахъ въ трехъ сзади него.

Еще подъѣзжая только къ Иволгину, Ларинъ чувствовалъ какую-то непонятную тревогу, а увидѣвъ знакомые вязы и «скучный старый сундукъ», какъ онъ называлъ обыкновенно свой деревенскій домъ, онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, какъ усиленно забилось его сердце и какъ его потянуло въ этотъ сундукъ. Съ страннымъ нетерпѣніемъ дожидалъ онъ Петровича — отъ всего сердца обнялъ онъ старика и съ любовью обходилъ знакомыя, казалось, только еще наканунѣ противныя ему комнаты. Теперь, глубоко опустясь въ покойное кресло и слыша за собой старческое дыханіе Петровича, онъ вдругъ ощутилъ сильный, могучій приливъ привязанности и любви ко всей этой обстановкѣ,

къ этому старому пепелищу. Онъ почувствовалъ, что это тѣ вязы, подъ которыми онъ родился, что это тотъ домъ, гдѣ беззаботно и весело протекло его далекое дѣтство—что въ этомъ домѣ видѣлъ онъ въ послѣдній разъ страдальческое, изможденное, но и изъ гроба, казалось, благословлявшее его лицо матери, положившей въ него одного весь неисчерпаемый запасъ великой женской любви—онъ сразу понялъ все это,—и вся юношеская ненависть, все то напускное отвращеніе, которыми онъ жилъ послѣдніе года, все это разомъ оторвалось и исчезло навсегда. Та великая способность къ безпричинной, утробной любви къ своему мѣсту, къ своей землѣ, которой всегда отличались русскіе люди, охватила его и завладѣла имъ—и онъ чувствовалъ себя безконечно веселымъ и счастливымъ.

Когда Ларинъ пришелъ въ себя и снова услыхалъ дыханіе все еще неподвижно стоявшаго позади Петровича, онъ порывисто вскочилъ съ мѣста, и повернувшись къ старику, посмотрѣлъ на него долгимъ, привѣтливымъ взглядомъ.

— Садись, Петровичъ,—что ты стоишь, ноги у тебя старыя, усталыя...

— Ничего, батюшка, Сергѣй Петровичъ, привыкъ я къ этому, и постоять-то радехонекъ, только бы васъ-то видѣть...

И опять оба обмѣнялись любовными, сердечными взглядами.

— А ты такъ и не трогалъ тутъ ничего... Все по старому осталось? — заговорилъ опять Ларинъ, еще разъ внимательно осматривая комнату.

— Приказанья отъ васъ никакого не было — ничего и не полагали, что такъ долго проѣздить изволите,—какъ же я могъ что-нибудь тронуть,—какъ будто извинялся Петровичъ.

— Да я очень радъ, что все нашелъ въ томъ же видѣ, какъ и оставилъ,—большое тебѣ спасибо за это!

— А долго ли погостить-то у насъ изволите?—какъ-то нерѣшительно, посѣменивъ ногами и перебирая пальцами, спросилъ старикъ, не глядя на Ларина.

— Да я еще не знаю, можно ли будетъ теперь-то сюда переѣхать? Я покуда въ Покровскомъ, у Петра Александровича, остановился. Вѣдь надо пить, ѣсть,—а какъ мы все это устроимъ?

Старикъ съ удивленіемъ поднялъ глаза.

— Что это, батюшка, Сергѣй Петровичъ, объ чемъ сумлѣваться изволите! Да пошлемъ сичасъ за Христофоромъ—такъ, безъ дѣла на Красной Горкѣ живетъ, духомъ здѣсь будетъ, что угодно изготовитъ! Настоящій поваръ, ученый, въ аглицкомъ клубѣ въ Москвѣ шесть лѣтъ учился; ужъ на что покойный ба-

ринъ, царство ему небесное, привередливъ насчетъ стола былъ, а и то Христофоръ всегда потрафлялъ! Старъ онъ, это точно, ну, а все же почище нонѣшнихъ-то, молоденькихъ-то, будетъ. Безъ дѣла живетъ, за грибами да за ягодами только ходитъ. Да вѣдь онъ вамъ въ память долженъ быть, какъ здѣсь проживать изволили, онъ же готовилъ-съ!

— Помню, помню, какъ Христофора не помнить! Ну, а посуда, провизія, это все есть-ли?

— Да помилуйте, батюшка, какъ же не быть-съ? Всего полная чаша! Вотъ только насчетъ говядинки—такъ и то мясники у насъ подъ бокомъ, только извѣстье подай, живо доставятъ!

— Ну, такъ я скоро сюда переѣду! Сегодня же пошли за Христофоромъ и вели ему все на кухнѣ осмотрѣть. А лошади-то есть ли у насъ, будетъ ли на чемъ выѣхать-то, если понадобится?

— Коней у насъ тройка, кони добрые, въ тѣлѣ, не пашню работаютъ, что имъ, конямъ-то, дѣлается, Господь съ ними! Только катайся! И насчетъ экипажей все въ порядкѣ и сбруя какъ сичасъ сдѣлана!

— Отлично, отлично; значитъ, я, можетъ быть, завтра же попрошу тебя прислать за мной въ Покровское! А я вѣдь полагалъ, что все въ забросѣ, запущено!

— Какже можно, батюшка, а я-то начто же? Нѣтъ, оно точно, что хозяйство у насъ теперь небольшое, не то, что при покойномъ баринѣ, царство ему небесное, а все-таки неисправки ни въ чемъ нѣту-ти! Все, слава тебѣ Господи, Всевышнему Создателю, есть! — И старикъ съ гордостью смотрѣлъ на своего молодого хозяина.

— А что, въ садъ можно изъ дому пройти?—схватился вдругъ Ларинъ.—Балконъ-то не заколоченъ?

— Какъ же можно, батюшка, чтобъ онъ заколоченъ былъ, вѣдь отворяемъ, провѣтриваемъ горницы-то! Пожалуйте, батюшка, я вамъ отопру-съ.

Ларинъ вышелъ на балконъ; перила изъ затѣйливаго балясника обгнили и обвалились; лѣстница покосилась и двѣ-три ступеньки выѣхали изъ гнѣздъ; толстыя колонны расщелялись и облѣзли. Подъ крышей лѣпилось нѣсколько ласточкиныхъ гнѣздъ, со свистомъ сновали взадъ и впередъ веселыя, быстрыя птички.

Ларинъ сбѣжалъ по трещавшей и дрожавшей лѣсенкѣ. Цвѣточныя клумбы сплошь заросли узколистными, одичавшими лиліями и разноцвѣтными колокольчиками; по дорожкамъ всюду

пробился серебристый тополь, достигавшій уже человѣческаго роста; желтыя акаціи и кратегусъ разрослись непроницаемыми, сплошными стѣнами; вытянувшаяся съ обѣихъ сторонъ балкона сирень лѣзла въ окна, а могучіе, столѣтніе вязы, стоявшіе по всѣмъ угламъ цвѣтника, протягивали надъ всѣмъ этимъ свои длинныя вѣтви съ сочными, крупными листьями. Направо шла непроницаемая чаща заглохшаго орѣшника; за нимъ слѣдовала старинная, густая, вовсе не пропускавшая солнечныхъ лучей, березовая роща. Налѣво былъ когда-то ягодникъ: теперь кусты смородины и крыжовника почти вовсе пропали, забитые тучной, высокой травой. Весь садъ окружала липовая аллея—все было дико и запущено, всюду лежали засохшіе, старые сучки, и сквозь полуистлѣвшую прошлогоднюю листву всюду проступили сочныя сорныя травы. Въ четверть часа обѣгалъ Ларинъ весь садъ и снова вышелъ къ балкону, на которомъ неподвижно стоялъ Петровичъ, прислонясь къ одной изъ колоннъ.

— Надо будетъ починить все это, Петровичъ!

— А вотъ спосылаемъ за Гаврилой въ Пустоверхово, такъ онъ живой рукой все вычинитъ—не сколько тутъ работы, байдаку и тёсу у насъ есть въ сараѣ, въ три дни все исправитъ!

— Вотъ и отлично! Только пожалуйста не забудь, Петровичъ, сегодня же пошли и за Христофоромъ, и за этимъ плотникомъ!

— Какъ же это можно, батюшка, чтобы я, да позабылъ! Да самъ сбѣгаю, коли удосужусь! Пошли сына, еще перепутаетъ, гдѣ имъ путемъ что-нибудь сдѣлать, молокососамъ!

Осипу было за тридцать, и у него было трое дѣтей, но старикъ все еще считалъ его ребенкомъ.

— А теперь, Петровичъ, нельзя ли самоварчикъ поставить? Да и куда это Петръ Александровичъ подѣвался? Я объ немъ и позабылъ!

Ларинъ отправился разыскивать Кирсанова.

— А чай гдѣ готовить прикажете — въ столовой, или въ чайной? — въ догонку, задыхаясь, спрашивалъ Петровичъ, невольно входя въ роль стараго камердинера.

— Въ кабинетѣ, Петровичъ, въ кабинетѣ, по старому—отвѣчалъ Ларинъ, дружески улыбаясь старику.

По двору бѣжала, съ ведромъ воды въ рукѣ, невѣстка управляющаго; завидя барина, она остановилась, опустила ведро и низко ему поклонилась.

Ларинъ ласково отвѣтилъ на привѣтствіе.

— Это кто же у тебя?

— Невѣстка, сударь, Осипова жена. Марьей ее зовутъ. Баба сульёзная и на всѣ руки.

Чтò подразумѣвалъ Петровичъ подъ словомъ «сульёзная», то ли, что невѣстка содержала и отца, и сына въ страхѣ Божіемъ, или что другое—осталось неизвѣстнымъ.

— А что, милая, не видали ли вы, куда прошелъ Петръ Александровичъ?

Баба почему-то застыдилась, закрылась рукавомъ и тихо отвѣчала:

— Они на дворы пошли-съ...

— Я и одинъ его найду, Петровичъ, ты объ самоварѣ-то похлопочи...

Ларинъ нашелъ Кирсанова ужъ безъ пиджака, въ одной рубашкѣ, лазающимъ и осматривающимъ надворныя постройки въ сопровожденіи Осипа. Дружески поздоровавшись съ Осипомъ, причемъ пришлось тщательно прятать руки отъ жаждавшаго, въ припадкѣ усердія, облобызать ихъ управительскаго сына, Ларинъ сталъ звать пріятеля пить чай.

— Брось, ради Христа! Конечно, все сгнило и никуда негодно!

— Да, поразвалилось, основательнаго ремонту требуетъ, это вѣрно!—говорилъ, утирая мокрый лобъ, Кирсановъ.—Труха трухой, дешевле будетъ новые выстроить. Пойдемъ, посмотримъ домъ,—я вѣдь ни разу въ нёмъ не бывалъ.

— Пойдемъ, и самоваръ, я думаю, готовъ.

— Дѣло! Эй, Кирило!

— Чего изволите?

— Помѣшкай маленько, да и запрягай! Скоро и ѣсть захочется, къ обѣду надо домой поспѣвать.

Черезъ нѣсколько минутъ блестящій самоваръ кипѣлъ уже на столѣ; Петровичъ суетился около него, Ларинъ ходилъ по кабинету, а Кирсановъ лежалъ на оттоманѣ и съ любопытствомъ осматривалъ обстановку.

— Ишь ты вѣдь,—говорилъ онъ лѣниво,—удобно устроено, видно, что мать хлопотала! Ты вѣдь самъ-то, Ларинъ, большой фофанъ въ этомъ отношеніи, мало о комфортѣ заботишься!

Ларинъ только улыбался.

— А мы съ Петровичемъ ужъ порѣшили—заговорилъ онъ, останавливаясь передъ Кирсановымъ, что я завтра же переѣду сюда...

— Это какимъ образомъ?

— Да Петровичъ берется все устроить—и повара нашелъ, и провизія, говоритъ, есть, и посуда...

— Да я тебя не отпущу такъ скоро. Ишь ты, что выдумалъ, завтра! Какъ бы не такъ!

— Нѣтъ ужъ, ты меня, пожалуйста, не удерживай... Вѣдь тутъ близко, чуть что, можно и навѣстить другъ друга... А мнѣ, право, очень хочется здѣсь пожить... Какъ-то я особенно хорошо сегодня себя чувствую...

Кирсановъ внимательно посмотрѣлъ на оживленное, счастливое лицо своего пріятеля.

— Ну, Богъ съ тобой! Завтра, такъ завтра! Ты дѣйствительно что-то очень весело смотришь... Только чуръ, уговоръ дороже денегъ, черезъ день будешь ко мнѣ ѣздить... А! Чайку! Дѣло хорошее! Выпьемъ!

Черезъ четверть часа лошади были поданы; Петровичъ провожалъ гостей до тарантаса и все напоминалъ своему барину, что завтра утромъ онъ пришлетъ за нимъ экипажъ.

Проводивъ ихъ и затворивъ за ними ворота, Петровичъ отправился сначала въ домъ, гдѣ прибралъ самоваръ и посуду, потомъ обошелъ всѣ комнаты и освидѣтельствовалъ кухню—все было въ порядкѣ. Онъ заперъ домъ и пошелъ во флигель. Казалось, что старикъ выросъ на цѣлый аршинъ—онъ важно нахмуривалъ лобъ и сжималъ губы; невѣстка, никогда еще не видавшая «барина», какъ-то стушевалась и глядѣла тестю въ глаза, безмолвно признавая его авторитетъ съ той минуты, какъ пришлось возиться съ «бариномъ». Петровичъ наскоро закусилъ и немедленно принялся за необходимыя распоряженія.

— Слушай, Марья! бѣги ты сичасъ на Красную Горку, за Христофоромъ-поваромъ. Чтобы онъ сичасъ здѣсь былъ, и чтобъ фартуки и колпаки свои захватилъ. Поди, грязное все! Какая ужъ на деревнѣ чистота. Да выстираешь сама, какъ придетъ. Стой! Куды бѣжишь? Оттуль бѣги ты на Пустоверхово, и чтобъ Гаврило-плотникъ и со струментомъ сичасъ сюды шелъ. Скажи, чтобъ живо: работа-молъ нужная, зѣвать нѣколи!

Марья схватила платокъ, и, завязывая его на ходу, вышла изъ флигеля.

— Теперь, Осипъ, бѣги за конями. Приведешь, овса дай. Завтра за бариномъ ѣхать. А мнѣ пойти экипажъ да сбрую осмотрѣть!

Петровичъ съискалъ ключъ, надѣлъ старенькую кожаную фуражку и отправился въ каретникъ.

Большой полутемный сарай былъ биткомъ набитъ самыми

разнообразными колымагами, начиная отъ дѣдовской брики прошлаго столѣтія и кончая легонькой, хорошенькой коляской, купленной покойной Лариной въ Петербургѣ по случаю и ни разу еще не бывшей въ деревнѣ въ употребленіи. Старикъ обошелъ ее кругомъ, внимательно осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, потрогалъ рессоры и колеса, откинулъ и поднялъ опять верхъ, посидѣлъ на сидѣньи и, очевидно, остановился своимъ выборомъ на ней. Потомъ онъ подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ подъ длинными чехлами сбруѣ, и медленно и методично осматривая и обдувая каждый ремешокъ и каждую пряжку, отобралъ все, что было нужно для завтрашней поѣздки, и аккуратно отложилъ выбранное въ сторону, подлѣ коляски. Сдѣлавъ это, онъ заперъ сарай и опять поплелся въ домъ, отперъ черное крыльцо и пошелъ въ кладовую. Долго провозился онъ тамъ, осматривая посуду и кухонныя принадлежности, перебирая каждую чашку и каждую ложку по нѣскольку разъ; за этимъ занятіемъ засталъ его Христофоръ, высокій и худой старикъ, съ фартуками и колпаками подъ мышкой и съ табакеркой въ лѣвой рукѣ. Эта табакерка составляла и единственную утѣху, и источникъ постоянныхъ мученій для стараго ученаго повара: только неимовѣрно крѣпкимъ табакомъ, смѣшаннымъ въ надлежащей пропорціи съ золой и толченымъ стекломъ, ему и удавалось возбуждать старческіе, притупленные нервы,—а внуки, которыхъ у него было большое обиліе, знали эту слабость старика и при всякомъ удобномъ случаѣ утаскивали завѣтную табакерку и прятали ее— старикъ ходилъ, какъ шальной, розыскивая свое сокровище и грозя «баловѣсамъ» всѣми ему извѣстными способами, изъ которыхъ самымъ важнымъ, по его мнѣнію, была отдача въ ученье въ повара въ московскій англійскій клубъ. Марья ужъ сообщила ему о пріѣздѣ барина—и вотъ два ученые мужа глубокомысленно опустились въ нѣдра кулинарнаго искусства и принялись отбирать необходимыя для него принадлежности и переносить ихъ въ кухню. Христофоръ немедленно, неизвѣстно зачѣмъ, затопилъ плиту, подвязалъ фартукъ, надѣлъ колпакъ, зарядилъ носъ ужаснѣйшей понюшкой и принялся пробовать и натачивать ножи и устанавливать кастрюли и горшки. Вернувшаяся тѣмъ временемъ Марья наносила воды, Петровичъ принесъ бѣлой и ржаной муки, Христофоръ взялся за хлѣбы и кухня быстро приняла жилой, обыденный видъ.

Скоро пришелъ и Гаврило плотникъ, коренастый, корявый, кривой мужикъ съ плутовской физіономіей. Петровичъ сейчасъ же повелъ его осматривать сначала тесъ и байдакъ въ сараѣ,

потомъ балконъ. Гаврило внимательно осмотрѣлъ то и другое, пошаталъ гнилыя балки, поковырялъ ихъ топоромъ, потрогалъ лѣстницу и запросилъ за передѣлку сто рублей.

Петровичъ остолбенѣлъ.

— Что ты, безстыжіе твои глаза, рехнулся некакъ совсѣмъ?

Гаврило мигнулъ зрячимъ глазомъ, почесалъ въ головѣ и ухмыльнулся.

— Что вы, Петровичъ, я, кажись, по-божески...

— И какъ у тебя языкъ-то поворотился этакое выговорить! Сто рублей! Смотрите, православные, чтò онъ говоритъ?

И Петровичъ разводилъ руками и смотрѣлъ по сторонамъ, забывая, что тутъ никого не было, и что только акаціи и сирени слышали безпримѣрное «охальство» Гаврилы.

— Хлѣбъ, Петровичъ, нонѣ дорогой, харчъ тоже...

— Да я тебя и кормить, и поить буду, разбойникъ ты этакой...

— Ну, въ такомъ разѣ другой разсчетъ будетъ, рубля три и скостить можно...

— Рубля три... Ахъ ты, такой-сякой, да что ты, смѣяться, что-ли, надо мной пришелъ? Рубля три... Да пропади ты пропадомъ, и безъ тебя сдѣлаемъ...

— Да вы что-жъ, Петровичъ, серчаете... Запросъ, сказываютъ, въ карманъ не лѣзетъ... Было бы съ чего спущать... Что-жъ... Я ничего... Вашихъ-то денегъ много-ли будетъ?

— Стой, Гаврило! Есть на тебѣ крестъ, или нѣтъ, вотъ ты что мнѣ скажи?

— Какъ креста не быть, знамо дѣло крестъ есть, крещеный тоже... Вашихъ-то денегъ много-ли будетъ?

— И говорить-то съ тобой не хочу, чтобъ тебѣ пусто было, окаянный! Тьфу ты, прости Господи, только въ грѣхъ старика ввелъ!

Гаврило равнодушно выслушалъ эту тираду и снова повторилъ:

— Вашихъ-то денегъ много-ли будетъ?

Петровичъ скосилъ глаза, исподлобья взглянулъ на него и тихо выговорилъ:

Хошь двѣнадцать рублей?

— Пятьдесятъ рубликовъ!

— Тьфу ты, оглашенный! Только время съ тобой проводишь! Ну тебя къ прахамъ! И за другимъ пошлемъ, земля-то не клиномъ сошлась!

И Петровичъ повернулся и собрался уходить.

— И сорока не дадите?—спрашивалъ вслѣдъ ему Гаврило.

Старикъ не отвѣчалъ.

— Давайте четвертной билетъ, утре на работу буду...

Петровичъ остановился.

— Вотъ тебѣ послѣднее мое слово: бери пятнадцать рублей... Ломаной копѣйки больше не прибавлю!

Нѣсколько минутъ оба стояли молча: Петровичъ въ полуоборотъ, какъ-бы говоря своей позой, что и разговаривать больше не станетъ, Гаврило пытливо заглядывая ему въ глаза, какъ-бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли онъ ничего больше не прибавитъ. Должно быть поза Петровича была на этотъ разъ достаточно убѣдительна; Гаврило почесалъ въ головѣ и протянулъ руку.

— Ну, быть по вашему! Молитесь Богу!

Они хлопнули по рукамъ, и, затѣмъ, поворотившись на востокъ, перекрестились по три раза.

— Задаточку бы нужно, Петровичъ...

— Какого тебѣ задаточку? На что?

— Какже безъ задаточку? Харчъ вотъ тоже...

— Эхъ ты пустомеля, пустомеля, погляжу я на тебя... укоризненно сказалъ Петровичъ, покачивая головой и направляясь къ флигелю.—Придешь работать и денежки на руку, а то теперь тебѣ дай, такъ тебя и до Покрова съ собаками не сыщешь... Нѣтъ ужъ братъ, дудки! Меня-то на мякинѣ не проведешь!

Гаврило и самъ зналъ это, и потому не настаивалъ больше.

Долго не могъ угомониться въ этотъ день Петровичъ. Покончивъ съ Гаврилой и наказавъ ему приходить завтра пораньше, онъ отправился къ Христофору и занялся составленіемъ «ерестра» необходимыхъ въ городѣ покупокъ. Затѣмъ онъ обревизовалъ провизію, т.-е. куръ, поросятъ, яйца, масло и не разъ сходилъ съ Марьей въ огородъ. Осипъ безотлучно находился на конюшнѣ и въ каретникѣ—не безъ большихъ хлопотъ былъ порѣшенъ вопросъ о кучерскомъ кафтанѣ и шляпѣ.

Такъ усердно и дѣятельно былъ встрѣченъ Ларинъ въ своемъ забытомъ Иволгинѣ.

VII.

Вернувшись изъ Покровскаго, Елена Андреевна прежде всего освѣдомилась о братѣ. Его не оказалось дома — онъ еще съ утра уѣхалъ въ городъ, и обѣщалъ быть домой не раньше, какъ черезъ три дня. Весь день молодая дѣвушка была какъ-то не

въ духѣ; Марья Васильевна всячески за ней ухаживала и снисходительно выслушивала необычныя вспышки. Онѣ рано разошлись по своимъ комнатамъ; но и на другой день настроеніе графини не измѣнилось. Она слегка поблѣднѣла, жаловалась на безсонную ночь и головную боль и, взявши книгу, одна ушла въ садъ. Обѣдать она не захотѣла, и только передъ вечеромъ постучалась въ комнату своей подруги. Та сообщила ей, будто мимоходомъ, извѣстіе только-что полученное черезъ горничную, видѣвшую пріѣхавшаго за колесной мазью Осипа,—что Ларинъ завтра же переѣзжаетъ въ Иволгино. Елена Андреевна встрепенулась и, хотя пробыла весь день въ саду, усиленно начала звать Марью Васильевну погулять. Незамѣтно очутились онѣ на дорогѣ въ Иволгино. Дорога эта, миновавши Романовское поле, опускалась въ глубокій оврагъ, образованный протекавшею и въ графскомъ саду рѣчкою, и затѣмъ, взобравшись на откосъ, шла по мелкой лядинѣ, которой густо поросли давно запущенныя иволгинскія поля. Дѣвушки дошли до самой околицы, слышали голоса Петровича и Христофора, полюбовались дикимъ садомъ и медленно повернули назадъ. Елена Андреевна, весело щебетавшая до этой минуты, смолкла и ушла въ себя; Марья Васильевна тоже замолчала и онѣ безмолвно вернулись домой. Графиня пробовала читать, играть на рояли, шить — ничто не клеилось, и она, чуть не плача, ушла въ свою комнату. Марья Васильевна только покачала головой; взявъ свѣчу, она подошла къ двери своей хозяйки, но, постоявъ у нея нѣсколько минутъ, раздумала входить къ ней и ушла къ себѣ.

На другой день графиня встала въ лихорадочно-веселомъ настроеніи. Она пѣла, играла и постоянно смѣялась неловкимъ, отрывистымъ смѣхомъ. Къ обѣду она стихла и пригорюнилась — и сейчасъ же послѣ него обѣ подруги безъ зова отправились опять по иволгинской дорогѣ. У дома слышались голоса, стучали топоры и визжала пила; по двору ходили и весело переговаривались люди. Вотъ голосъ Ларина крикнулъ Петровича; дѣвушки вздрогнули и Елена Андреевна невольно схватилась за частоколъ.

— Пойдемте домой, Елена, — нѣжно сказала Марья Васильевна, взявши ее за руку.

— Да, да, домой теперь...

И съ лихорадочной поспѣшностью онѣ вернулись назадъ, не говоря больше ни слова.

Между тѣмъ, Ларинъ располагался на новосельѣ. Онъ обласкалъ Христофора, Марью, ея ребятишекъ, избѣгалъ весь садъ,

обходилъ заросшія поля и много разъ засматривался на сверкавшій на солнцѣ шпицъ романовской колокольни. Его такъ и тянуло въ Романово—и на другой же день, тщательнѣе обыкновеннаго занявшись своимъ туалетомъ, онъ, часовъ въ двѣнадцать, пѣшкомъ, по-деревенски, отправился съ визитомъ къ своему сосѣду.

Фрачный лакей, въ бѣломъ галстухѣ, встрѣтилъ его на подъѣздѣ.

— Дома графъ?

— Ихъ сіятельства нѣтъ дома-съ,—высокомѣрно отвѣтствовалъ лакей, оглядывая пришедшаго пѣшкомъ гостя.

— А ея сіятельство?

— Ея сіятельство изволятъ быть дома-съ!

— Ну, такъ потрудитесь передать ея сіятельству вотъ эту карточку.

И Ларинъ сталъ снимать свое пальто.

Лакей нерѣшительно взялъ карточку; въ его практикѣ еще не встрѣчалось такого казуса—графинѣ еще ни разу не приходилось принимать гостей одной.

— Пожалуйте въ пріемную-съ, а я доложу ея сіятельству...

Ларинъ отправился по богато-убранной коврами и рѣдкими растеніями лѣстницѣ во второй этажъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе шаги и въ пріемную почти вбѣжала Елена Андреевна, съ его карточкой въ рукѣ, веселая и возбужденная.

— Сергѣй Петровичъ...

Крѣпко сжалъ Ларинъ протянутую ему горячую, дрожавшую ручку.

— Брата, къ сожалѣнію, нѣтъ дома,—онъ въ городѣ, будетъ только послѣ завтра,—милости просимъ на мою половину!

Молча слѣдовалъ за ней гость, не спуская глазъ съ милаго личика. Лихорадочное волненіе послѣднихъ дней не прошло даромъ—живой румянецъ сбѣжалъ со свѣжихъ щечекъ и большіе, добрые глаза сдѣлались еще больше и подернулись какимъ-то матовымъ блескомъ.

— Marie, вотъ и Сергѣй Петровичъ!

И Марья Васильевна была сильно возбуждена — но она съумѣла скрыть свое волненіе.

— Здравствуйте, сосѣдъ! привѣтливо сказала она, улыбаясь и вставая на встрѣчу гостю.—Давно-ли перебрались?

— Только вчера, Марья Васильевна, а сегодня ужъ прибѣжалъ къ вамъ. Да, именно прибѣжалъ, — я вѣдь пѣшкомъ, и

одинъ изъ вашихъ важныхъ фрачниковъ, кажется, сомнѣвался не мало, пустить меня или нѣтъ?

— Ахъ, вы не повѣрите, какъ тяжелъ бываетъ иногда этотъ бонтонъ; а братъ привыкъ къ нему, жить безъ него не можетъ—его ужъ не переспоришь въ этомъ отношеніи! Что прикажете дѣлать?

И Елена Андреевна развела руками.

— Разскажите-ка намъ лучше, — начала она опять послѣ минутной паузы, — какъ вы нашли свое Иволгино и какъ устроились? Тамъ, кажется, прекрасный старый садъ?

— Садъ дѣйствительно великолѣпенъ своей запущенностью и старостью—но я не скажу, чтобы и домъ, и усадьба вообще мнѣ не понравились. Напротивъ, я ужасно обрадовался, когда увидалъ старыя, знакомыя мѣста. Никогда бы я не повѣрилъ, что буду такъ счастливъ, усѣвшись въ старомъ креслѣ въ знакомомъ до мельчайшихъ подробностей кабинетѣ! Я испытываю теперь совершенно новое чувство, которое меня очень радуетъ и къ которому я считалъ себя до сихъ поръ неспособнымъ.

— Я очень рада слышать это отъ васъ, Сергѣй Петровичъ, — значитъ, старому отвращенію ужъ нѣтъ мѣста, — лукаво улыбаясь, спросила графиня.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго и въ поминѣ нѣтъ! Я просто веселъ и счастливъ!

— Значитъ, вы еще очень молоды, — серьёзно замѣтила Марья Васильевна.

— Я былъ бы очень радъ, еслибъ это дѣйствительно было такъ, Марья Васильевна.

И Ларинъ добродушно улыбнулся. Онъ чувствовалъ себя необыкновенно легко и хорошо. Глубокіе, добрые глаза графини смотрѣли на него—ея маленькія, нервно дрожавшія ручки выбивали по стоявшему передъ ней столику какую-то, ему казалось, чудную мелодію. Онъ не выдержалъ и всталъ съ мѣста. Избытокъ счастья душилъ его. Онъ подошелъ къ открытому окну, и жадно вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ.

Въ комнату вошла нарядная горничная и, подавая Марьѣ Васильевнѣ какое-то письмо, сказала:

— Изъ города пріѣхали, сударыня.

Распечатавъ письмо и пробѣжавъ его, Марья Васильевна встала.

— Книги привезли, Елена. Мнѣ нужно идти принять ихъ.

— Вы скоро, Marie?

— Да, я думаю справлюсь въ полчаса.

— Мы будемъ ждать васъ къ завтраку. Сергѣй Петровичъ, мы, конечно, можемъ разсчитывать и на васъ?

Ларинъ поклонился.

Молодые люди остались одни. Елена Андреевна сидѣла у стола, Ларинъ неподвижно стоялъ на томъ же мѣстѣ. Оба молчали; а въ саду, въ одной изъ цвѣточныхъ клумбъ, полола молодая дѣвушка и тихимъ, заунывнымъ голоскомъ пѣла. Въ открытыя окна залетали монотонные, печальные звуки пѣсни.

— Покажите мнѣ вашъ садъ,—умоляющимъ голосомъ сказалъ Ларинъ.

На лицѣ Елены Андреевны не осталось и слѣда лихорадочнаго веселья, которымъ оно было оживлено только нѣсколько минутъ тому назадъ. Необычайно-серьёзно смотрѣли ея потускнѣвшіе глаза; на лбу появились легкія морщинки, а поблѣднѣвшія губы слегка дрожали. Ларинъ сдѣлалъ усиліе и пошелъ впередъ...

Графиня встала и торопливо, растерянно, искала свою шляпку...

Молча, съ болѣзненно-напряженнымъ выраженіемъ лица, сходила дѣвушка по лѣстницѣ. Широкія стеклянныя двери на веранду нижняго этажа распахнуты настежъ — на нее пахнуло свѣжимъ воздухомъ, пахнуло возбуждающимъ ароматомъ роскошнаго цвѣтника... Она ускорила шагъ: яркое солнце обдало ее своими лучами; легкій, мягкій вѣтерокъ обвѣялъ отуманенную голову—глубокій вздохъ поднялъ молодую грудь, кровь быстрѣе заходила въ жилахъ и прилила къ блѣднымъ щекамъ... Засверкали глаза, исчезли морщинки, и заалѣвшія губы сложились въ невольную, радостную улыбку...

Ларинъ, опустивъ голову, съ нахмуреннымъ лицомъ, слѣдовалъ за ней нервнымъ, торопливымъ шагомъ. Вотъ онъ поднялъ голову, выпрямился и въ два шага догналъ дѣвушку и пошелъ рядомъ съ ней.

За цвѣточнымъ скверомъ садъ отлогимъ склономъ спускался къ образованному рѣчкой озерку. Низкія аллеи подстриженнаго кратегуса окаймляли широкія, чистыя дорожки, сбѣгавшія къ берегу—а за широкой, спокойной, сверкавшей на солнцѣ полосой воды, темный паркъ рѣзко отдѣлялся отъ ея серебряной поверхности, отражаясь въ ней до самыхъ вершинъ старыхъ елей и сосенъ; широкую плотину, соединявшую его съ садомъ, съ обѣихъ сторонъ затянули непроницаемой стѣной ветла и бредина, образуя длинную, прямую аллею, упиравшуюся въ паркъ. Быстро и молча дошли до него молодые люди, и, только охваченные внезапно его тѣнью и полумракомъ, взглянули другъ на

друга; дѣвушка не остановилась—она тѣмъ же быстрымъ шагомъ подвигалась впередъ. Въ одной изъ чащъ, на небольшомъ расчищенномъ пространствѣ, стоялъ зеленый садовый диванъ, а передъ нимъ такой же, врытый въ землю, столикъ. Дойдя машинально до этого мѣста, Елена Андреевна вдругъ остановилась: на столикѣ игралъ и переливался, неизвѣстно какимъ образомъ пробившійся сквозь густой древесный сводъ яркій, тонкій солнечный лучъ, освѣщая и оживляя своимъ блескомъ царившій кругомъ полумракъ.

— Еще въ первый разъ удается мнѣ замѣтить въ этомъ мѣстѣ солнечный лучъ,—тихо, какъ-бы про себя, проговорила графиня.

Она смотрѣла на блестящую точку, слѣдя за ея переливами — еще мгновеніе, и веселый лучъ померкъ, а затѣмъ и совсѣмъ пропалъ—должно быть, вверху передвинулась какая-нибудь вѣтка. Столикъ погрузился въ прежній полумракъ.

Дѣвушка вздрогнула и невольно оперлась о него слегка дрожавшей рукой... Ларинъ, стоявшій рядомъ, хотѣлъ броситься къ ней, хотѣлъ схватить ея руки, хотѣлъ говорить—непонятная сила сковала его члены, сомкнула его уста... Онъ только умоляющимъ, безсильнымъ взглядомъ смотрѣлъ на трепетавшую дѣвушку.

— Елена!.. чуть слышно, наконецъ, вымолвилъ онъ, протягивая къ ней руки...

Опять прорѣзалъ полумракъ и опять заигралъ на столикѣ веселый солнечный лучъ. Ларинъ смотрѣлъ въ глаза дѣвушки— а ея глаза были полны внезапно нахлынувшихъ, благодатныхъ слёзъ, и съ любовью и радостью смотрѣли на молодого человѣка... Быстро подвинулся онъ къ ней и обхватилъ дрожащими руками тонкій, трепетавшій станъ — а она, спрятавъ пылавшее лицо на его груди, судорожно всхлипывала и невнятно шептала:

— Да... да... да...

. . . .

Вечеромъ, часовъ въ шесть, безпрестанно посматривавшая на часы Елена, вдругъ заторопилась гулять. Ни слова не говоря внимательно слѣдившей за ней Марьѣ Васильевнѣ, она надѣвала шляпку и перчатки.

— Вы пойдете однѣ, Елена?

Не отвѣчая ни слова, Елена только крѣпко обняла и нѣсколько разъ горячо поцѣловала свою подругу—потомъ завернулась въ легкую тальму и пошла по дорогѣ въ Иволгино.

За мостикомъ давно дожидалъ ее Ларинъ. Они свернули по боковой, едва замѣтной дорожкѣ, зигзагами пересѣкавшей густую, молодую березовую лядину. Скоро дорожка вывела ихъ на небольшую сѣнокосную полянку, выходившую на ту же рѣчку. Уже довольно низко стоявшее солнце обливало опушку своими вечерними лучами, въ которыхъ тамъ и сямъ носились серебряными нитками первыя осеннія паутинки; на старой, полузасохшей гигантской осинѣ скрывался гдѣ-то и неустанно долбилъ дерево красноголовый дятелъ; въ низинѣ, надъ которой начиналъ подниматься легкій туманъ, весело перекликались однообразнымъ свистомъ какія-то птички, въ воздухѣ стоялъ запахъ сѣна и сырого дерева.

Ларинъ снялъ съ себя плэдъ, разостлалъ его на лежавшемъ на опушкѣ толстомъ, старомъ стволѣ, и посадилъ на него Елену, а самъ опустился къ ея ногамъ, и, взявъ одну изъ ея рукъ, осторожно снялъ съ нее перчатку и припалъ къ ней горячимъ поцѣлуемъ. Дѣвушка, склонясь надъ нимъ, смѣялась тихимъ, счастливымъ смѣхомъ и свободной рукой перебирала его мягкіе, волнистые, длинные волосы...

— Но, милый мой, намъ вѣдь нужно еще о многомъ переговорить...—зашептала, наконецъ, Елена.

— Да, да, нужно, очень нужно—заторопился онъ.—Скажите, какъ вы полагаете, какъ отнесутся ко мнѣ ваши родные, вашъ братъ? Вѣдь я понятія не имѣю ни объ немъ, ни объ вашемъ положеніи въ семьѣ вообще?

И онъ вопросительно смотрѣлъ ей въ глаза. Она медлила отвѣтомъ.

— Чтó, если я завтра адресуюсь прямо къ вашему брату? На что я могу разсчитывать?

— Я не знаю, что вамъ отвѣтить... Я мало знаю брата, и думаю, что лучше будетъ, если я сама скажу ему обо всемъ...

Она какъ-то затуманилась. Очевидно, какія-то сомнѣнія и неувѣренность въ чемъ-то смущали молодую головку.

— Вы боитесь за вашего брата? Но что же онъ можетъ имѣть противъ меня?

— Нѣтъ, вы неправильно меня поняли. Я не боюсь, нѣтъ, —и сильная струнка самостоятельности прозвучала въ ея голосѣ,—но думаю, что тутъ, вѣроятно, понадобится много времени, хлопотъ... Впрочемъ, торопиться не зачѣмъ. Вѣдь надо же и вамъ устроиться, рѣшить что-нибудь относительно вашихъ будущихъ занятій и жизни...

— *Нашихъ* будущихъ занятій и жизни, Елена...

Дѣвушка зарумянилась и опустила глаза.

— Вы правы. Дѣйствительно, мнѣ нужно осмотрѣться и остановиться на чемъ-нибудь...

Елена опять подняла на него глаза.

— На дѣлѣ земскомъ, Сергѣй Петровичъ...

— Вы знаете, я не прочь остановиться на немъ, но дайте мнѣ время осмотрѣться. Вотъ, съѣзжу на выборы...

— Да, да, на выборы... А тамъ и дальше... И пойдемъ рука объ руку...

Она выпрямилась и окинула его смѣлымъ взглядомъ.

— Какъ вы хороши... Какъ много въ васъ энергіи, и какъ я счастливъ, что встрѣтилъ васъ!..

И онъ опять припалъ къ ея рукѣ.

— Однако, мнѣ пора. Я еще никогда не ходила гулять одна...—смущенно заговорила Елена.—Пора. До свиданія.

— Еще нѣсколько минутъ...

Она стояла передъ нимъ, выпрямясь во весь ростъ, стройная и тонкая, какъ надрѣчная осокорь. Заходящее солнце бросало на нее свои послѣдніе лучи—и блестящіе глаза смѣло и загадочно смотрѣли вдаль, провожая уходившее за синѣвшій на дальнемъ горизонтѣ лѣсъ свѣтило... Ларинъ привлекъ ее къ себѣ—она не сопротивлялась и, закрывъ глаза, казалось, отдыхала на его груди.

Молча пошли они по узкой, заросшей дорожкѣ, заглядывая другъ другу въ глаза — и много хорошихъ, счастливыхъ дней видѣли они впереди...

Придя домой, Елена прошла прямо въ комнату Марьи Васильевны. Молча снявъ шляпку, она опустилась въ кресло, и, скрестивъ руки на груди, свѣтлымъ, радостнымъ взглядомъ смотрѣла на свою подругу.

— Я счастлива, Marie, очень счастлива...

Въ головѣ Марьи Васильевны шевелились разныя «но»; но она не хотѣла смущать ими молодой дѣвушки и только просто сказала:

— Я очень, очень рада, Елена.

Долго ходилъ въ этотъ вечеръ Ларинъ по своему кабинету. Недопитый стаканъ чаю стоялъ на столѣ, а Петровичъ, въ старинномъ сюртукѣ съ барскаго плеча, съ высокой тальей и необычайно узкими рукавами, въ манишкѣ и жабо, сидѣлъ въ чайной подлѣ потухшаго самовара и спалъ сладкимъ сномъ.

VIII.

Поздно ночью пріѣхалъ изъ города графъ и, проснувшись на другой день часовъ въ одиннадцать, нѣжился подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ и приводилъ въ порядокъ свои графскія мысли и впечатлѣнія послѣдней поѣздки. Въ городъ еще весной пріѣхалъ инженеръ для изысканій направленія новой желѣзной дороги, по поводу постройки которой мѣстные остряки совѣтовали дамамъ запасаться на нѣсколько лѣтъ клюквой и рыжиками, такъ какъ эти вкусные и полезные продукты должны были неминуемо повыситься въ цѣнѣ, потому что даже самые закоренѣлые оптимисты никакъ не могли рѣшить, что же, кромѣ вышеназванныхъ произведеній мѣстной флоры, будетъ возить проектируемая желѣзная дорога? Правда, всѣ соглашались, что если построить нѣсколько заводовъ, напримѣръ, хоть для винокуренія изъ мха, то дорога по временамъ можетъ имѣть грузы — мху, дѣйствительно, въ мѣстныхъ болотахъ было несмѣтное множество; бѣда была только въ томъ, что никто не зналъ, въ самомъ-ли дѣлѣ можно курить вино изъ этого пропадавшаго безъ всякой пользы продукта, или это только невинная шутка?.. Впрочемъ, мало ли чего не говорятъ досужіе провинціальные языки! Графъ очень мало занимался этими «политико-экономическими» вопросами, какъ ихъ величали представители N....й интеллигенціи —его занимала исключительно жена инженера, бойкая, красивая и очень ловкая барыня лѣтъ двадцати пяти. Самъ инженеръ, толстый и грузный мужчина, вовсе не занимался пресловутымъ «изысканіемъ»: у него были помощники, которые и ходили съ инструментами и мужиками, а онъ жилъ въ городѣ— и вкупѣ съ мѣстными «путейцами» пилъ шампанское и игралъ въ винтъ, совершенно хладнокровно относясь къ «эксцентричному» поведенію своей законной супруги. А супруга, «madame Kobiline», какъ звали ее мѣстные фешенебли, или просто «Кобылиха», какъ звалъ ее весь остальной людъ, вела себя дѣйствительно «эксцентрично», даже въ глазахъ не особенно щепетильныхъ обитателей города N., видавшихъ всякіе пассажи по части распущенности; она любила жить широко и комфортабельно, а мужъ проживалъ и проигрывалъ большую часть своихъ гласныхъ и всѣ безгласные доходы—на долю супруги доставались только незначительныя, по ея потребностямъ, крохи; зато онъ предоставлялъ ей полную свободу дѣйствій относительно способовъ пріобрѣтенія, и, надо отдать ей справедливость, она очень

ловко пользовалась своими рессурсами и мало того, что никогда не бывала безъ денегъ, съумѣла даже скопить изрядный капиталецъ. Вотъ она-то и занимала графа Өедора Андреевича, и занимала его такъ удачно, что онъ послѣднее время большею частью проживалъ въ городѣ, причемъ его можно было застать у нея во всякое время дня и ночи. Впрочемъ, графъ былъ и не неопытный птенчикъ—ему было ужъ за тридцать—и не такого темперамента, чтобъ увлечься слишкомъ далеко—ему просто нравилась веселая, красивая, пикантная дама и онъ не находилъ ее слишкомъ «дорогой» для себя въ прямомъ смыслѣ этого слова. Кромѣ развлеченій отъ торговаго трактата въ этомъ смыслѣ, графъ, какъ сухой, опытный политикъ, извлекалъ изъ своей «сударки», какъ звали ее графскіе кучера, еще побочныя, второстепенныя выгоды — онъ устроилъ у нея свою главную квартиру для привлеченія мѣстныхъ избирательныхъ силъ всякаго рода, сорта и наименованія, для чего красивая и ловкая «Кобылиха» была особенно пригодна и сама по себѣ. Дѣло въ томъ, что, съ теченіемъ времени, графъ отлично понялъ и уяснилъ себѣ какъ положеніе различныхъ партій въ уѣздѣ, такъ и ихъ составъ и относительную силу; онъ понялъ, что примыкая къ партіи Кирсанова, ему никогда не видать предводительства, такъ какъ и Кирсановъ, и всѣ остальные были очень довольны Горичевымъ и, мало того, ожидали отъ него многаго въ будущемъ, когда онъ пооперится. Графъ видѣлъ также, что хотя «южане» (партія Кирсанова была извѣстна подъ этимъ именемъ, такъ какъ и самъ онъ, и большинство его приверженцевъ жили въ южной части уѣзда) и составляютъ несомнѣнное меньшинство, но что все-таки всѣ шансы на ихъ сторонѣ, благодаря умѣнью вожаковъ и стройной дисциплинѣ, и что ихъ противники, хотя и располагаютъ безспорнымъ большинствомъ, но, не будучи соединены никакой общей идеей и находясь между собой въ самыхъ разнообразныхъ личныхъ отношеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ непріязненныхъ и даже враждебныхъ, должны непремѣнно подраться на выборахъ изъ-за разныхъ кусковъ общественнаго «пирога» и проиграть дѣло. Графъ зналъ все это— и исподволь подготовлялъ и, по возможности, дисциплинировалъ посредствомъ «Кобылихи» это разнокалиберное пестрое большинство. Крыловъ и Сидоровъ безсознательно помогали ему въ этомъ самымъ усерднымъ образомъ—они усердствовали, во-первыхъ, потому, что это былъ графъ и очень богатый человѣкъ, во-вторыхъ потому, что чуяли въ немъ того вожака, отсутствіе котораго сознавалось всѣми противниками «южанъ», въ-третьихъ, по-

тому, что понимали, что графъ ихъ поля ягода и что они ему будутъ необходимы и потому при немъ у нихъ будетъ наибольшее количество шансовъ пролѣзть, куда бы имъ ни пожелалось. Интрига велась энергично и въ глубокой тайнѣ, такъ что до Кирсанова только по временамъ доходили неопредѣленные слухи, заставлявшіе его все больше и больше опасаться графа.

Вчера его сіятельство внимательно проштудировалъ списки избирателей и, выслушавъ донесенія ѣздившаго по уѣзду Крылова, агитировавшаго въ городѣ Сидорова и комментаріи и соображенія m-me Cobiline.

Резюмируя всѣ эти данныя, онъ остался очень доволенъ результатами. Можно было надѣяться сшибить «южанъ» и впослѣдствіи самому облечься въ предводительскій мундиръ.

Графъ проснулся въ отличномъ расположеніи духа. Приведя въ ясность всѣ эти головоломныя соображенія, онъ вспомнилъ атласныя ножки «Кобылихи», пріятно зажмурился, потянулся подъ одѣяломъ и сладко зѣвнулъ.

— Невредная, чортъ побери, бабёнка!—думалъ онъ, потягиваясь.—И умна же! И въ полку бы не стыдно показать, и тамъ бы всѣ набросились! Да! И какъ ловко обдѣлываетъ свои дѣлишки! И не штукатурится. Однако, она совѣтовала поохладѣть нѣсколько къ Кирсанову. Надо будетъ запретить сестрѣ ѣздить туда.

Да не въ Покровскомъ ли она?

И съ свойственнымъ имъ безсердечіемъ и легкостью, мысли графа непосредственно отъ атласныхъ ножекъ и сопряженныхъ съ ними пріятныхъ воспоминаній перешли къ сестрѣ.

Онъ позвонилъ.

Давно ожидавшій лакей немедленно появился на порогѣ.

— Ея сіятельство дома?

— Дома, ваше сіятельство!

— Былъ кто-нибудь безъ меня?

Лакей подалъ карточку Ларина.

— Это кто же?

— Иволгинскій баринъ, ваше сіятельство!

— Что-жъ ему сказали?

— Ея сіятельство изволили ихъ принять-съ и...

Лакей замялся.

— Что и...

— И изволили показывать-съ имъ садъ.

— Болванъ! Объ чемъ же тутъ говорить? Одѣваться!

Одѣвшись и напившись кофе, графъ сѣлъ за письменный столъ и приказалъ позвать къ себѣ графиню.

Съ серьёзнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, легкой, рѣшительной поступью вошла къ брату Елена. Графъ очень холодно, форменно, поцѣловалъ ее въ лобъ и граціознымъ, давно разученнымъ движеніемъ руки указалъ ей на кресло, стоявшее рядомъ съ письменнымъ столомъ, наискосокъ его самого.

— Вотъ что, милая,—заговорилъ графъ,—я хотѣлъ бы просить тебя по возможности рѣже ѣздить въ Покровское, такъ, чтобы можно было со временемъ, безъ нарушенія приличій, совсѣмъ прекратить это знакомство.

Елена съ удивленіемъ раскрыла свои большіе глаза.

— Позволь узнать, что побуждаетъ тебя обратиться ко мнѣ съ такой, признаюсь, крайне неожиданной и весьма непріятной для меня просьбой?

Въ тонѣ этого вопроса было нѣчто такое, что́ заставило графа поднять глаза и дать болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ.

— Видишь ли, милая: хоть я и боюсь, что ты не поймешь тѣхъ основаній, которыя вынудили меня просить тебя объ этомъ, но такъ какъ, какъ мнѣ кажется, ты придаешь этому значеніе, то я и попытаюсь сдѣлать это. Видишь ли, многіе, весьма многіе, очень почтенные дворяне нашего уѣзда, желаютъ видѣть меня своимъ предводителемъ; Кирсановъ стоитъ за Горичева, который и слишкомъ молодъ, и... какъ бы это тебѣ объяснить... невполнѣ благонадеженъ политически, то-есть, имъ недоволенъ губернаторъ —это, конечно, entre nous—ну, и вслѣдствіе этого, наши отношенія, конечно, должны нѣсколько измѣниться, то-есть, я бы не желалъ, чтобы моя сестра была знакома съ моими будущими противниками. Voilà tout. Да, я хотѣлъ еще спросить тебя — почему ты приняла вчера этого господина—какъ его зовутъ — да, Ларина.

И графъ кивнулъ на лежавшую передъ нимъ карточку, а затѣмъ опять устремилъ глаза на свои ногти.

Съ большимъ трудомъ сдержала дѣвушка свое волненіе и только черезъ нѣсколько мгновеній осиливъ его, отвѣтила:

— Я познакомилась съ нимъ въ Покровскомъ, и приняла его; такъ какъ онъ узналъ, что тебя нѣтъ дома, прислалъ просить меня принять его.

— Что это, приличный господинъ?

— Вполнѣ джентльменъ: вѣдь онъ семь лѣтъ прожилъ за границей...

— А! такъ онъ долго жилъ за границей... Надо отдать ему визитъ. Человѣкъ!

Въ дверяхъ появился тотъ же лакей.

— Черезъ часъ подать коляску, я поѣду въ Иволгино. Постой!

— Извини, милая,—обратился онъ къ сестрѣ,—мнѣ теперь необходимо заняться дѣлами, у меня совсѣмъ нѣтъ времени, такъ-какъ сегодня же вечеромъ опять нужно ѣхать въ городъ. Au revoir за обѣдомъ!

Елена была такъ возбуждена и разстроена всѣмъ слышаннымъ, что не рѣшилась теперь же просить у брата болѣе продолжительнаго разговора. Она немедленно вышла. Графъ послалъ за управляющимъ, самымъ основательнымъ образомъ просмотрѣлъ отчеты за послѣднюю недѣлю, потомъ, узнавъ, подана ли коляска, сталъ одѣваться.

Ловко одѣтый и прибранный, высокій и стройный, графъ былъ очень изященъ и красивъ. Онъ носилъ только тщательно закрученные усы, и, благодаря особенной моложавости лица, ему нельзя было дать больше двадцати-пяти лѣтъ, а рыцарская осанка и привѣтливая, выдержанная манера держать себя—располагали всякаго въ его пользу. Только опытный физіономистъ покачалъ бы головой, всмотрѣвшись попристальнѣе въ ровный, холодный блескъ его большихъ глазъ, въ тонкія, безкровныя, обыкновенно плотно сжатыя губы и замѣтно выдавшійся впередъ подбородокъ.

Ларинъ особенно внимательно принялъ своего гостя. Онъ не былъ опытнымъ физіономистомъ, и, главное, былъ заранѣе расположенъ въ его пользу глазами его сестры; но все-таки ему показалось, что есть въ графѣ что-то такое, что́ помѣшало бы имъ сойтись ближе. А онъ понравился графу—изящная внѣшность и красивая обстановка всегда производили на него извѣстное впечатлѣніе. Побесѣдовавъ съ полчаса на отборномъ французскомъ языкѣ, графъ распрощался, самымъ радушнымъ образомъ пригласивъ Ларина бывать у нихъ безъ церемоніи, и, сопровождаемый Петровичемъ до коляски, уѣхалъ. Дома онъ долго осматривалъ хозяйство, за обѣдомъ очень симпатично отозвался о новомъ знакомцѣ и затѣмъ, не медля, уѣхалъ въ городъ.

Елена была особенно сосредоточена и серьёзна; но графъ не обратилъ никакого вниманія на необычное состояніе сестры. Онъ не понималъ, что она жила уже самостоятельною жизнью, что она ужъ создала себѣ извѣстные идеалы и убѣжденія, что ужъ нельзя было, какъ прежде, полтора года тому назадъ, за-

ставить ее относиться къ людямъ такъ, какъ этого требовали виды сіятельнаго братца. Онъ не замѣтилъ той внутренней перемѣны, которая произошла въ ней за эти полтора года — онъ все еще считалъ ее дѣвочкой-институткой.

Голова Елены, между тѣмъ, усиленно, мучительно работала весь этотъ день—передъ молодой дѣвушкой неожиданно встала трудная дилемма, требовавшая немедленнаго разрѣшенія. Коротенькое сообщеніе, которому самъ графъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія, имѣло для нея глубокій, ужасный смыслъ. Ей стали ясны намеки Кирсанова, неизмѣнно привязывавшаго къ мысли о будущихъ дѣйствіяхъ ея брата и мысль о молоченьи на двухъ гумнахъ; она почувствовала весь тотъ бездонный эгоизмъ и отсутствіе какой-нибудь мысли объ общественныхъ задачахъ, которыми дышала сухая, черствая аргументація брата. Она видѣла, что онъ не задумывался принести въ жертву узкимъ личнымъ разсчетамъ и свои добрыя отношенія къ хорошимъ, честнымъ людямъ, и общественное благо—что онъ не хотѣлъ ничего знать кромѣ этихъ разсчетовъ и своего самолюбія. А съ какой легкостью онъ шелъ по этому скользкому пути! Какъ безжалостно, съ какимъ безсердечіемъ требовалъ того-же и отъ нея!

Всѣ эти соображенія, съ беспощадной ясностью, вставали въ мозгу молодой дѣвушки. Она ходила по своей комнатѣ, по временамъ сжимая пылавшую голову похолодѣвшими руками. —И какими глазами будетъ она смотрѣть на Кирсанова, на Ольгу Константиновну, на Горичева? Что она скажетъ имъ, когда они узнаютъ дѣйствительное положеніе вещей и заговорятъ съ ней объ немъ? Она цѣлый годъ нападала на Петра Александровича, говорила о лучшемъ будущемъ, указывала на помощь и сочувствіе брата,—а въ концѣ-концовъ окажется такая черная измѣна?

Мучительныя морщинки избороздили ее лобъ; тяжелое недоумѣвающее выраженіе такъ и застыло на полныхъ слёзъ глазахъ. Еще въ первый разъ приходилось ей обсуждать такъ внимательно свое положеніе и отношенія къ брату и всему окружающему; въ первый разъ давала она себѣ отчетъ въ этомъ положеніи — и какія безотрадныя чувства возбуждалъ въ ней этотъ отчетъ!

— А Ларинъ? Не она ли сама толкала его на тотъ путь, который теперь неизбѣжно велъ къ борьбѣ съ ея братомъ? братъ мало зналъ его, и, еслибъ не случилось никакихъ особенныхъ столкновеній, можно бы разсчитывать на все. Чтобъ не портить

своего личнаго счастья, Ларину необходимо, по крайней мѣрѣ, уклониться отъ всякаго участія въ предстоявшихъ выборахъ—а всѣ ея помыслы были обращены къ тому, чтобъ выдвинуть его на общественное поприще, чтобъ онъ отдалъ себя земскому дѣлу! Да и всѣ его симпатіи, помимо всего, конечно, всецѣло должны быть на сторонѣ Кирсанова. Гдѣ же выходъ? И какими способами дойти до этого выхода? Она сама всѣмъ сердцемъ, всей душой стоитъ за успѣхъ южанъ. Ихъ интересы стали ея интересами, она сжилась съ ними, сочувствіе и содѣйствіе имъ стало для нея потребностью—а какъ ей антипатичны и чужды побужденія и стремленія брата! Съ тѣхъ поръ, какъ она начала жить и разсуждать, она всегда съ презрѣніемъ и отвращеніемъ относилась къ такимъ побужденіямъ! А теперь пришлось встрѣтиться съ ними въ родномъ братѣ, и встрѣтиться при такихъ обстоятельствахъ!

— Что же ей слѣдовало дѣлать? Ожидать-ли пассивно, съ покорностью, разрѣшенія этихъ вопросовъ временемъ и событіями? Нѣтъ, нѣтъ! братъ не имѣлъ на нее никакихъ правъ. Какое ему было дѣло до ея внутренняго міра, до ея желаній и стремленій? Пытался-ли онъ заглянуть въ эту сферу, и поинтересовался-ли хоть разъ, чѣмъ и какъ живетъ его сестра? Когда его личные интересы столкнулись въ первый разъ съ ея привычками, онъ просто потребовалъ измѣненія этихъ привычекъ, не справляясь даже, какъ она приметъ это! Онъ никогда не обращалъ на нее никакого вниманія. О, конечно, онъ не имѣетъ на нее никакихъ, никакихъ правъ!

— Ей ненавистенъ тотъ путь, по которому онъ собирается идти, и она не имѣетъ права относиться пассивно къ его затѣямъ! Это была бы измѣна и съ ея стороны, измѣна тому дѣлу, которому она хотѣла служить, измѣна убѣжденіямъ и цѣлямъ жизни! Этого не можетъ отъ нея требовать даже родной братъ! Но что-же дѣлать? Въ этомъ она не виновата. Пусть пеняетъ самъ на себя! Она предупредитъ и Ларина, и Кирсанова. Пусть они примутъ мѣры, если еще не поздно!

Громко и отчетливо били въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ стѣнные часы. Елена машинально считала удары. Полночь. Разбитая и измученная, она, не раздѣваясь, упала на кровать и закрыла усталые, воспаленные глаза.

Проснувшись на другой день довольно поздно, Елена еще разъ перебрала въ своей памяти все то, что̀ передумала и пере-

чувствовала въ теченіи вчерашняго дня. Надо дать знать Кирсанову, но какъ? Она не въ состояніи сама говорить о такихъ вещахъ,—это будетъ слишкомъ тяжело. Пусть они узнаютъ все —тогда послѣдующія личныя объясненія будутъ гораздо легче. Да. Она напишетъ Ларину.

Схвативъ перо, Елена съ лихорадочной поспѣшностью стала писать ему письмо. По временамъ она останавливалась и, откинувшись на спинку стула и закрывъ глаза лѣвой рукой, долго обдумывала и взвѣшивала то, что̀ писала. Наконецъ, письмо было готово; вотъ что̀ она писала Ларину:

«Еще третьягодня, Сергѣй Петровичъ, я никакъ не думала, что мнѣ придется взяться за перо, чтобъ бесѣдовать съ вами. Надо вамъ сказать, что это первое серьёзное письмо, которое мнѣ приходится писать—поэтому, не взыщите за ту непослѣдовательность и безсвязность, которыя, можетъ быть, вы въ немъ замѣтите.

«Я очень взволнована и возбуждена, и,—зачѣмъ скрывать?—мучительно страдаю въ настоящую минуту. Но — не въ этомъ дѣло. Вчера братъ сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ Петра Александровича и г. Горичева своими противниками и хочетъ выступить кандидатомъ на должность предводителя, что многіе просятъ его объ этомъ и что онъ желаетъ, чтобъ я прекратила свои сношенія съ Кирсановыми. Онъ говорилъ все это такимъ тономъ и такъ торопился, что я просто не нашлась что-либо возразить ему—да и едва-ли онъ обратилъ бы какое-нибудь вниманіе на мои возраженія—онъ привыкъ считать меня дѣвочкой, дѣвочкой безъ собственной воли и опредѣленныхъ желаній. Я хочу, чтобъ Петръ Александровичъ теперь же узналъ объ этой измѣнѣ—онъ, конечно, не предвидѣлъ такого осложненія. По возможности, скорѣе извѣстите его—можетъ быть, онъ придумаетъ и успѣетъ принять какія нибудь-мѣры.

«Не удивляйтесь, что я, такимъ образомъ, какъ-бы выдаю родного брата. Я придаю слишкомъ большое значеніе успѣхамъ тѣхъ людей, которыхъ я считаю хорошими и полезными для общественнаго дѣла, чтобы хоть на минуту задуматься передъ тѣмъ, на чью сторону мнѣ слѣдуетъ стать при настоящихъ обстоятельствахъ. Я рада, что случай даетъ мнѣ возможность теперь же, благодаря постыдной въ моихъ глазахъ затѣѣ брата, уяснить вамъ нѣсколько тѣ требованія, удовлетвореніе которыхъ я считаю необходимымъ для моего счастья. Я хотѣла говорить обо всемъ этомъ третьягодня вечеромъ, но, право, не могла собраться съ мыслями: я,—мнѣ не стыдно написать вамъ это,—я была настолько

поглощена новыми ощущеніями, что не могла думать объ чемъ нибудь другомъ. Я люблю васъ, вы это знаете. Но вчера, когда я, пораженная сообщеніемъ брата, пораженная тѣмъ болѣе, что оно было вполнѣ неожиданно, стала разбираться въ своемъ внутреннемъ мірѣ, я почувствовала, какъ дороги мнѣ мои настоящіе интересы, какъ глубоко я привязана къ нимъ и что я не въ состояніи принести ихъ въ жертву чему бы то ни было—даже своему личному счастью. Если вы пороетесь въ вашихъ воспоминаніяхъ, если вы вспомните, какъ сильны впечатлѣнія того времени, когда вы впервые стали мыслить и разсуждать, если вы оцѣните все значеніе этихъ впечатлѣній—вы меня, конечно, поймете. Я увѣрена въ этомъ. Еще вчера, оглянувшись въ первый разъ на свое прошлое, я выяснила себѣ все то, чтó теперь пишу вамъ,—я не хотѣла бы, чтобъ между нами могли быть какія-либо недоразумѣнія, чтобъ вы могли встрѣтить во мнѣ что-нибудь неожиданное, что-нибудь такое, чтò со временемъ можетъ отозваться на васъ больно и тяжело.

Ваша Е. Т.

«P. S. Братъ опять уѣхалъ вчера въ городъ. Когда мы увидимся?»

Кирсановъ только-что пріѣхалъ въ Иволгино, когда Ларину подали письмо Елены Андреевны. Пріятели сидѣли въ кабинетѣ и пили чай, весело посмѣиваясь надъ затѣйливыми пирожками, съ хитрымъ названіемъ, которымъ очень гордились Петровичъ и Христофоръ.

— Эге, братъ, и до записочекъ дѣло дошло! Погоди, я вотъ ужó насплетничаю сіятельному братцу объ опасномъ для его сестрицы сосѣдствѣ...

Ларинъ съ жадностью схватилъ письмо, но, по мѣрѣ того, какъ читалъ его, все больше и больше блѣднѣлъ и измѣнялся въ лицѣ.

— Приказали просить отвѣта, батюшка! — уже въ третій разъ говорилъ Петровичъ. Кирсановъ сдвинулъ очки на лобъ и внимательно смотрѣлъ на своего пріятеля. Тотъ, наконецъ, всталъ и какъ-то машинально заходилъ по комнатѣ.

— Приказано просить отвѣта, сударь!—еще разъ повторилъ Петровичъ.

— А, отвѣта!..—Ларинъ схватилъ перо и, стоя, написалъ только: «Мнѣ необходимо васъ видѣть сегодня же, буду ждать въ то же время на томъ же мѣстѣ. Придите! С. Ларинъ»

— Вели передать сейчасъ же, Петровичъ!

— Что съ тобой, милый другъ? Съ чего это ты очумѣлъ?

— Въ письмѣ заключается, между прочимъ, порученіе и къ тебѣ.—И Ларинъ, путаясь и сбиваясь, передалъ содержаніе первой части письма Елены; потомъ, остановясь у окна, еще разъ перечиталъ его съ начала до конца.

Кирсановъ нахмурился и обдумывалъ полученное извѣстіе.

— Жалко барышни, — заговорилъ онъ, когда Ларинъ, наконецъ, оторвался отъ письма и спряталъ его въ карманъ:— надо полагать, не особенно легко было написать такое письмецо. Ай да сіятельный! Я, признаться, предчувствовалъ, что онъ выкинетъ что-нибудь въ этомъ родѣ—якшался онъ все послѣднее время съ разной дрянью, у Кобылихи притонъ устроилъ, и все тамъ съ Крыловымъ возился. Ну, хлопотъ будетъ полонъ ротъ! Надо пораньше въ городъ ѣхать. Поѣдемъ завтра, Ларинъ, а?

— Видишь ли, я еще не могу сегодня рѣшить...

— Что такъ? Спроситься, что ли, у кого-нибудь надо? Ну, ладно, спросись! А мнѣ въ городъ черезъ тебя же ѣхать: я завтра въ это же время заѣду, а къ обѣду и въ городъ. Ладно?

Ларинъ плохо слышалъ, о чемъ его спрашивали. Онъ только махнулъ рукой.

Кирсановъ уѣхалъ. Ларинъ за обѣдомъ ни до чего не дотронулся, и сейчасъ же, взявъ шляпу и плэдъ, отправился къ мосту.

— Бѣдная, милая дѣвушка!—думалъ онъ. — Какъ много пришлось ей выстрадать! И какъ она хороша этой искренностью, этимъ правдивымъ отношеніемъ! Она не знаетъ ни жизни, ни людей. Она думаетъ, что честная, хорошая дѣятельность только и возможна въ томъ видѣ, въ которомъ она ей явилась тутъ, когда она впервые сознательно оглянулась на Божій міръ. Да, надо раскрыть ей глаза, надо попытаться убѣдить ее, что этотъ міръ не такъ узокъ и что она неправа, не оставляя ни за собой, ни за мной права выбора, тѣмъ болѣе, что самъ я начинаю побаиваться, что не придусь здѣсь ко двору! Вотъ тебѣ и графъ! Не даромъ мнѣ показалось въ немъ что-то фальшивое.

Легкіе шаги подняли его съ мѣста. Онъ бросился на встрѣчу. Боже мой, какъ она измѣнилась за одинъ день, какъ поблѣднѣли щеки, какъ потускнѣли и опухли заплаканные глаза!

— Елена, что съ вами?!

Испугъ, изумленіе, жалость отражались попеременно на его поблѣднѣвшемъ лицѣ. А она силилась улыбнуться, силилась измѣнить выраженіе лица—и только слабо пожимала его руку и печально смотрѣла ему въ глаза...

Ларинъ нескоро пришелъ въ себя и собрался съ мыслями; онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такой разительной перемѣны. —«Такъ вотъ, какъ она чувствуетъ, вотъ какъ она относится ко всему этому!» неотступно стояло у него въ головѣ.

Наконецъ, онъ заговорилъ.

— Елена, дорогая, безцѣнная моя дѣвушка! Вы меня любите, вы должны мнѣ повѣрить и позволить мнѣ попытаться разогнать ваши сомнѣнія! Я больше вашего жилъ на свѣтѣ, больше вашего видѣлъ людей и трезвѣе смотрю на вещи!

— Говорите, говорите: мнѣ было невыносимо тяжело, и только теперь я начинаю легче дышать! Выведите меня изъ этого мрака, освободите меня отъ этой тяжести!

И она протягивала къ нему руки и склонялась на его плечо отяжелѣвшей головой...

Ласками, поцѣлуями и тѣми безсвязными словами и звуками, которыхъ не передаетъ никакое перо, Ларину удалось успокоить бѣдную дѣвушку: покорно, съ любовью, смотря ему въ глаза, она сидѣла и слушала. А онъ съ жаромъ развивалъ ей свои мысли.

— Видите, Елена, вы слишкомъ горячо отнеслись ко всей этой исторіи. Нельзя мѣрять людей только на свой аршинъ. Я понимаю, что вамъ больно было услышать отъ брата объ его измѣнѣ, какъ вы это называете. Но тутъ нѣтъ никакой измѣны. Вы думаете, что можно жить только такъ, какъ вы сами хотите устроить свою жизнь, принося всѣ личныя стремленія и желанія въ жертву тѣмъ принципамъ, которые вы положили въ основу вашей нравственной жизни. Но не только для другихъ людей, но и для васъ самихъ, со всѣмъ вашимъ самоотверженіемъ и преданностью этимъ принципамъ, нѣтъ и не будетъ возможности твердо удержаться на этомъ пути. Жизнь не театральная сцена, и не все идетъ такъ, какъ бы вы и рѣшили заранѣе. Громадное большинство и знать не хочетъ о такихъ рамкахъ, никогда даже и не подумаетъ о томъ, чтобы создать ихъ себѣ. Люди не автоматы; какъ же вы требуете, чтобъ они непремѣнно относились къ вещамъ такъ, какъ вы этого хотите? Вы дошли до того, что понимаете, что дѣло должно быть поставлено выше всего и прежде всего, что примѣшивать къ нему свои личные интересы, по меньшей мѣрѣ, не годится, — а братъ вашъ навѣрное никогда и не наталкивался на эту мысль, никогда и не думалъ о ней — ему важнѣе всего свое собственное «я», и онъ дѣйствуетъ сообразно этому. Теперь ужъ поздно раскрывать ему глаза — онъ не пойметъ васъ. Это пониманіе, это

умѣнье различать пшеницу отъ плевелъ, не даются людямъ съ-разу — и еслибъ вы знали, какъ мало, какъ убійственно мало такихъ людей, которые вполнѣ понимаютъ это! Зачѣмъ же относиться такъ строго къ графу? Вѣдь всю его жизнь, все его окружавшее всегда твердило ему объ этомъ «я», вѣдь всегда и вездѣ онъ видѣлъ только служеніе именно этому «я»! Гдѣ же тутъ измѣна? Онъ также далекъ отъ Кирсанова, какъ и отъ тѣхъ людей, которые тянутъ его теперь къ себѣ—ему все равно; онъ, конечно, никогда и не подумалъ о дѣлѣ, ему важно только быть предводителемъ! Въ такихъ людяхъ, какъ вашъ братъ, Елена, это вполнѣ естественно, и такихъ людей, безспорно, огромное большинство! Кто виноватъ въ этомъ? Государственный и общественный строй, наша и старая и новая исторія! Тотъ бездонный эгоизмъ, который васъ такъ пугаетъ и возмущаетъ, есть также продуктъ всѣхъ этихъ факторовъ, вмѣстѣ взятыхъ... Вспомните поэта русскаго народнаго горя,—съ какой болью онъ ищетъ и не находитъ въ нашемъ обществѣ «гражданина»! Чего же вы хотите отъ вашего брата? Вы слишкомъ односторонне смотрите на вещи, вы слишкомъ требовательны! Вы объясняете, ка́къ дороги вамъ ваши общественные интересы, вы напоминаете мнѣ о моихъ юношескихъ впечатлѣніяхъ, вы даже пишете, что готовы принести въ жертву этимъ впечатлѣніямъ и интересамъ ваше личное счастье! Вы также требовательны и ко мнѣ! Вы хотите и меня, и мое личное счастье подогнать къ этимъ интересамъ! А если я скажу вамъ, что не въ одномъ Романовѣ, и не въ одномъ N...скомъ уѣздѣ заключается Божій міръ, что этотъ міръ великъ и обширенъ, что для честной, хорошей дѣятельности вездѣ будетъ мѣсто и дѣло? Если я скажу вамъ, что заставляя меня ли, другого ли какого-нибудь человѣка, дѣйствовать и работать на неподходящей ему аренѣ, вы тѣмъ самымъ связываете его руки, ограничиваете его энергію и уменьшаете ту долю добра, которую онъ могъ бы внести? Юношескія впечатлѣнія! Да, они сильны и могучи, спору нѣтъ! Величайшій артистъ міра не заставитъ меня теперь дрожать и увлекаться такъ, какъ я дрожалъ и увлекался, будучи пятнадцатилѣтнимъ гимназистомъ; да, во мнѣ и теперь свѣжѣе и сильнѣе тѣ впечатлѣнія, чѣмъ все последующее! Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ тѣ впечатлѣнія и составляли конецъ моего кругозора, чтобъ я на нихъ и остановился и закрылъ глаза на все остальное! Чтó вы видѣли и чтó вы испытали, Елена, и давно ли вы живете? Развѣ вы можете сказать, что жизнь кончается тамъ, гдѣ кончаются занимающіе васъ въ настоящую минуту интересы? Развѣ вы мо-

жете поручиться, что нѣтъ на свѣтѣ такого дѣла, которое бы могло захватить васъ еще глубже и полнѣе? Нѣтъ, нѣтъ! Вы не можете въ этомъ поручиться! Я преклоняюсь предъ вами за вашу твердость; выше всего я ставлю въ васъ эту силу, но, ставя вопросъ такимъ образомъ, какъ вы его ставите, вы односторонни и неправы! Свѣтъ не клиномъ сошелся, говоритъ старинная пословица, и не слѣдуетъ устраивать себѣ и загонять себя самого и другихъ въ такой клинъ!

Жадно слушала Елена эти новыя для нея рѣчи,—она хотѣла имъ вѣрить, онѣ облегчали ея утомленную, отуманенную голову. Ларинъ не столько видѣлъ, сколько чувствовалъ, что ему удалось успокоить дѣвушку, дать ея мыслямъ новое направленіе, и что она сама рада этому успокоенію.

— Да, Елена, я понимаю ваше душевное состояніе, я понимаю, что вамъ тяжело. Вы пережили горькое разочарованіе,—но оно не должно оставить за собой осадка,—оно въ порядкѣ вещей, и близко то время, когда вы будете въ состояніи хладнокровно обсудить его и вполнѣ согласиться со мной. Не мучьте себя, повѣрьте, что не стоитъ того эта исторія!

Онъ обвилъ руками станъ дѣвушки и продолжалъ тихо:

— Я уѣзжаю завтра, Елена: Кирсановъ зоветъ меня съ собой въ городъ. Я внимательно присмотрюсь къ положенію дѣла и обѣщаю вамъ избѣжать всякаго столкновенія съ вашимъ братомъ. Я, конечно, больше вѣрю Кирсанову, чѣмъ ему,—я не могу скрыть этого отъ васъ, вы и сами это понимаете... Но, повѣрьте, графъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго...

— Къ чему вы говорите мнѣ это? Я убѣждена, что братъ не правъ, и что ваша обязанность—по возможности доказать ему это. Впрочемъ, вы, конечно, знаете, чтó вамъ нужно дѣлать. Уничтожьте непріятеля и возвращайтесь побѣдителемъ—тогда вашъ клинъ раскроется самъ собой, а я буду праздновать вашу побѣду и забуду свои невзгоды!

Она улыбнулась въ первый разъ въ этотъ вечеръ, тихонько отвела руки Ларина и встала.

— Вотъ ужъ и поздно, и пора! Господи, какъ это скучно, Елена! И теперь я не увижу васъ нѣсколько дней—право, я пріѣду нарочно изъ города на полчаса, чтобъ только взглянуть на вашу колокольню!

П. Тверской.

ДРАМА
СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХЪ

Духовныя представленія въ баварской деревнѣ Обераммергау.

IV.

Текстъ драмы «Страстей Господнихъ», издавна исполнявшійся въ Обераммергау, былъ неоднократно измѣненъ и переработанъ. Сохранившійся старѣйшій текстъ 1662 года весь написанъ риѳмованными стихами, въ немъ дѣйствіе идетъ непрерывно, безъ всякихъ опусканій занавѣса, начинаясь уходомъ Христа въ Виѳанію и кончаясь Вознесеніемъ (въ текстѣ стоитъ «исчезновеніе»). Вся драма разбита на шесть отдѣловъ; въ началѣ каждаго изъ нихъ «прологъ» дѣлаетъ обращеніе къ публикѣ, въ концѣ всего эпилогъ дѣлаетъ наставленія и проситъ нестрого судить спектакль простыхъ добродушныхъ крестьянъ. Никакихъ особенныхъ мудрствованій тутъ нѣтъ, никакихъ аллегорій, сопоставленій; неизвѣстный авторъ того времени просто драматизировалъ страданія Христа сообразно-ли личному представленію, вынесенному изъ Евангелія, или сообразно тому впечатлѣнію, которое было желательно произвести на зрителя. Хотя и грубовато набросанныя, сцены ведутъ все-таки дѣйствіе послѣдовательно. Спектакль иллюстрируется кое-какими сценическими эффектами, напр. громомъ, большимъ количествомъ красной краски, изображающей кровь, чертями, которые, шутя и балагуря, постоянно слѣдуютъ за Іудой, подаютъ ему веревку, снимаютъ его съ висѣлицы, уносятъ въ адъ. Кое-гдѣ вставленная мораль до-

вольно наивнаго свойства и безъ большихъ претензій. Этотъ старѣйшій текстъ, нѣсколько измѣненный въ 1680 году, продержался до начала прошлаго столѣтія, когда начинаются уже болѣе значительныя переработки. Мы за ними слѣдить не будемъ, скажемъ только, что тутъ дѣйствіе стало уже прерываться поднятіемъ и опусканіемъ занавѣса, появились аллегорическія фигуры души человѣческой, пороковъ и зачатки будущихъ живыхъ картинъ и хора. Въ 1740—50 года бенедиктинецъ Рознеръ изъ Эттаія написалъ совершенно новый текстъ, тоже риѳмованными стихами, значительно переработанный впослѣдствіи другими священниками. Всѣ эти тексты отличаются большимъ морализированіемъ и появленіемъ обильнаго числа аллегорическихъ фигуръ; тутъ и картины изъ апокалипсиса, и разговоръ Луцифера съ Грѣхомъ и Смертью, и Зависть, и Скупость, и Отчаяніе, и т. д. Мы уже видѣли выше, какія затрудненія встрѣтила въ 1810 г. депутація изъ Обераммергау въ своемъ ходатайствѣ о разрѣшеніи духовныхъ спектаклей. Вѣроятно, эти затрудненія и указанія правительственныхъ лицъ на недостатки исполняемой драмы, на невсегда приличное ея отношеніе къ священному сюжету,— и вызвали желаніе переработать ее совершенно. За это взялись два человѣка, связанные между собой взаимною дружбою, священники одного изъ сосѣднихъ мѣстечекъ, Отмаръ Вейсъ и школьный учитель въ Обераммергау, Рохусъ Дедлеръ. Какъ тотъ такъ и другой были дѣтьми народа, уроженцами деревень, Дедлеръ даже изъ Обераммергау; оба прошли чрезъ монастырское воспитаніе. Дедлеръ, между прочимъ, отличался хорошимъ голосомъ, началъ свое ученье, сдѣлавшись пѣвчимъ въ монастырѣ, потомъ учился и въ семинаріи, причемъ весьма развилъ свои музыкальныя способности и всей душой отдался этому искусству. Вейсу было въ 1811 году 42 года, Дедлеръ былъ десятью годами моложе его, когда Вейсъ задумалъ написать заново всю драму Страстей Господнихъ частью въ стихахъ, частью въ прозѣ, по извѣстному выработанному изъ прежнихъ опытовъ плану, исключивъ изъ нея все вульгарное, не отвѣчающее новому времени и строго придерживаясь евангелія. Дедлеръ, уже въ то время извѣстный въ Обераммергау, какъ авторъ нѣсколькихъ мессъ и другихъ богослужебно-музыкальныхъ сочиненій, рѣшилъ написать къ драмѣ музыкальные нумера. Приступъ къ этому дѣлу былъ торжественный: Дедлеръ, напримѣръ, началъ свое творчество въ Троицынъ день 1814 года; онъ собралъ учениковъ своей школы и отправился съ ними въ церковь молиться, и уже послѣ этого принялся за работу. Такимъ образомъ, къ

концу 1814 года была совершенно готова эта музыкальная драма, названная авторами: «Мессія-Іисусъ или спасеніе человѣчества,—въ четырехъ отдѣленіяхъ, съ представленіями картинъ изъ Ветхаго Завѣта». Въ этомъ видѣ драма была въ первый разъ исполнена пробнымъ спектаклемъ въ 1815 г., и такъ понравилась всѣмъ, что съ тѣхъ поръ въ срочные годы, до 1850 включительно, исполняли уже по этому тексту. Оттого и доселѣ память Вейса и Дедлера высоко чтится въ Обераммергау; особенно о послѣднемъ вспоминаютъ съ большимъ сочувствіемъ. Дедлеръ былъ здѣшній уроженецъ и здѣшній учитель, его обѣдни до сихъ поръ прослушиваются поселянами съ душевнымъ замираніемъ, его музыка къ драмѣ Страстей Господнихъ сохранилась и понынѣ цѣликомъ. О Дедлерѣ знаютъ, что это былъ бѣдный труженникъ, вѣчно жившій въ нуждѣ, не смотря на свой музыкальный талантъ, среди семейныхъ огорченій, и умершій на сорокъ второмъ году жизни отъ чахотки, полученной, какъ полагаютъ, при исполненіи главной музыкальной партіи на одномъ изъ представленій духовной драмы. Умеръ онъ и похороненъ вдали отъ родины въ 1822 году, но односельчане почтили его памятникомъ на своемъ кладбищѣ, и до сихъ поръ, послѣ каждой серіи представленій драмы Страстей Господнихъ, высылаютъ въ Мюнхенъ его дочери нѣкоторую часть собраннаго гонорара (въ 1871 году 300 гульденовъ). Что касается текста драмы, то онъ донынѣ сохранился только въ стихотворной части, прозаическая-же съ 1850 г. подверглась переработкѣ, подъ перомъ ученика Вейса, священника Дойзенбергера, теперь уже 82-лѣтняго старца, живущаго и донынѣ въ Обераммергау. Дойзенбергеръ, взявшись за веденіе представленій, обратилъ вниманіе на нѣкоторыя несовершенства діалоговъ Вейса и, въ продолженіи многихъ лѣтъ, измѣнялъ и обработывалъ ихъ. Въ этой новой обработкѣ Дойзенбергера, со стихотворными мѣстами Вейса и музыкой Дедлера, драма исполняется и донынѣ подъ замысловатымъ заглавіемъ: «Великая жертва искупленія на Голгоѳѣ, или исторія страданій и смерти Іисуса, по четыремъ евангелистамъ, съ представленіями картинъ изъ Ветхаго Завѣта, на размышленіе и назиданіе [1])».

Текстъ Вейса и Дойзенбергера отличается отъ предыдущихъ какъ своеобразнымъ планомъ, такъ и изгнаніемъ изъ числа дѣй-

[1]) Das grosze Versöhnungsopfer auf Golgotha, oder die Leidens- und Todesgeschichte Jesu nach den vier Evangelisten, mit vorbildlichen Vorstellungen aus dem alten Bunde, zur Betrachtung und Erbauung.

ствующихъ лицъ дьявола и уничтоженіемъ грубыхъ сценъ въ родѣ, напримѣръ, той, гдѣ изъ висящаго Іуды вываливались внутренности, сдѣланныя изъ печенаго тѣста, и чертенята съѣдали ихъ. Деревня Обераммергау до послѣдняго года очень ревностно хранила этотъ новый текстъ и музыку Деллера, не давая ихъ никому списывать, частью изъ боязни критики, частью изъ боязни конкурренціи—исполненія драмы въ другомъ мѣстѣ. Но отъ новѣйшихъ изобрѣтеній не спасешься: драму въ прошломъ году записали стенографически и цѣликомъ издали въ печати.

Прежде, чѣмъ разсказать содержаніе этого текста, мы должны нѣсколько остановиться на устройствѣ сцены обераммергаускаго театра, которое вызвано ходомъ представленія и имъ обусловливается. Сцена эта представляетъ большой подъ открытымъ небомъ помостъ, окаймленный съ боковъ и сзади декораціей, изображающей дома. Посрединѣ помоста, значительно отступя отъ передняго края и оставляя, такимъ образомъ, большую авансцену, построенъ закрытый крышею театръ, по формѣ въ родѣ тѣхъ дѣтскихъ театриковъ, которые продаются въ игрушечныхъ лавкахъ—съ порталомъ, фронтономъ, занавѣсью, со сценою величины обыкновенныхъ театральныхъ сценъ, съ различными декораціями внутри. Справа и слѣва къ этому театру непосредственно примыкаютъ какъ-бы фасады двухъ двуэтажныхъ домовъ, обращенные прямо къ публикѣ и соединенные съ общей, открытой боковой декораціей, арками. Такимъ образомъ, общій видъ сцены, оставляя впереди широкое пространство (авансцену), будетъ такой: боковая декорація (домà), арка и за ней видна перспектива широкаго промежутка между боковой декораціей и среднимъ театромъ (это какъ-бы улица); потомъ вслѣдъ за аркой фасадъ дома, потомъ фасадъ средняго театра и снова фасадъ дома, арка и боковая декорація. Эти два фасада по сторонамъ средняго театра изображаютъ дома Пилата и священника Анны; въ этихъ домахъ, въ нижнемъ этажѣ, входная дверь, въ верхнемъ балкончикъ. Изъ-за всего этого красиво высятся въ отдаленіи горы, окаймляющія деревню и надъ ними открытое небо, съ порхающими во все время спектакля птицами. Дѣйствіе происходитъ то на открытой авансценѣ и въ боковыхъ улицахъ, то въ среднемъ театрѣ, то эти обѣ части театра сливаются въ одно. Нуженъ общій видъ города или загороднаго открытаго мѣста, занавѣсъ средняго театра поднимается и декорація его представляетъ какъ-бы продолженіе боковыхъ открытыхъ; нужна комната, садъ, внутренность храма—дѣйствіе происходитъ въ одномъ

среднемъ театрѣ съ соотвѣтствующей декораціей. Наконецъ, есть сцены, когда опущена занавѣсъ средняго театра и дѣйствіе происходитъ передъ нимъ на широкой авансценѣ.

Весь спектакль раздѣленъ на 17 такъ-называемыхъ представленій, идущихъ непосредственно одно за другимъ, безъ всякихъ антрактовъ, кромѣ помянутаго перерыва для обѣда. Каждое представленіе состоитъ изъ двухъ частей. Первая заключается въ томъ, что изъ двухъ кулисъ боковой декораціи, справа и слѣва, выходитъ хоръ, или называемые здѣсь духи-хранители (Schutzgeister). Это девять мужчинъ и десять женщинъ, одѣтыхъ въ совершенно однообразные костюмы греческаго покроя: въ золоченыхъ діадемахъ на головахъ, въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, съ разноцвѣтными плащами, отдѣланными золотымъ позументомъ, и въ сандаліяхъ. Сойдясь на срединѣ, весь этотъ персоналъ выстраивается по росту отъ средины къ бокамъ (мужчины въ срединѣ, женщины по бокамъ) и поетъ или декламируетъ стихотворныя обращенія къ публикѣ то однимъ голосомъ, то дуэтомъ, тріо и всѣмъ хоромъ. Эти лица нѣчто въ родѣ хора древнихъ греческихъ трагедій, откуда онѣ и заимствованы; онѣ обращаютъ вниманіе публики на предстоящее дѣйствіе, объясняютъ значеніе каждаго событія и указываютъ на аналогическіе съ нимъ факты Ветхаго Завѣта. Упоминая о Ветхомъ Завѣтѣ, хоръ разбивается пополамъ и, все продолжая пѣть, отступаетъ и выстраивается по обѣимъ сторонамъ средняго театра; тогда занавѣсъ средняго театра поднимается и указываемый фактъ появляется въ видѣ живой картины. Потомъ опять опускается занавѣсъ, хоръ становится на прежнее мѣсто и продолжаетъ пѣть. Закончивъ свое дѣло, хоръ снова расходится въ обѣ стороны и уходитъ за кулисы; тогда начинается самое дѣйствіе драмы то на авансценѣ, то внутри средняго театра, гдѣ появляется соотвѣтствующая декорація. Во время дѣйствія, на авансценѣ совершается, за закрытой занавѣсью, перемѣна декораціи, и потому антракты не нужны. Итакъ, каждое представленіе начинается обращеніемъ хора съ объяснительными живыми картинами, а по уходѣ его—идетъ послѣдовательное дѣйствіе драмы; такъ непрерывно 17 разъ; уходитъ хоръ, играется драма; закончено дѣйствіе драмы, снова выходитъ хоръ. Для удобства публики стихотворная часть, которая поется хоромъ, отпечатана мелкими дешевыми брошюрами и по нимъ можно слѣдить за пѣніемъ, какъ въ оперѣ по либретто.

Изложимъ здѣсь, по возможности, вкратцѣ послѣдовательный ходъ драмы.

Первое отдѣленіе. Отъ въѣзда Христа въ Іерусалимъ до Его арестованія.

1. Въѣздъ въ Іерусалимъ.

Прологъ. Первое обращеніе хора начинается словами: «Пàдай ницъ отъ священнаго изумленія, согбенный Божьимъ проклятіемъ родъ. Не вѣчно Онъ гнѣвается, оскорбленный,—Его гнѣвъ справедливъ»... и т. д. Хоръ вспоминаетъ, что прародители были изгнаны изъ рая (живая картина изображаетъ это изгнаніе), но Богъ милосердъ: Онъ отдаетъ кровь своего Сына за человѣчество и вотъ уже блеститъ крестъ, какъ символъ спасенія (живая картина: ангелы на колѣняхъ поклоняются кресту). Хоръ приглашаетъ слѣдить за ходомъ страданій Спасителя и уходитъ. Занавѣсъ средняго театра поднимается, сцена изображаетъ улицу Іерусалима, сливаясь съ открытыми боковыми сценами. Слышенъ хоръ: «Осанна въ вышнихъ!»—медленно движется толпа народа съ пальмовыми вѣтвями, среди ея Христосъ ѣдетъ на ослѣ. Толпа проходитъ влѣво и чрезъ лѣвую арку на авансцену, въ это время занавѣсъ средняго театра опускается. Христосъ благословляетъ народъ, сходитъ съ осла; тогда занавѣсъ снова поднимается и средній театръ изображаетъ внутренность храма, съ торгующими въ немъ мѣнялами, продавцами голубей и т. п. Возникаетъ споръ между Христомъ, священниками и торговцами. Христосъ опрокидываетъ столы, выпускаетъ голубей, которые весело улетаютъ надъ головами публики, и гонитъ торговцевъ веревками. Въ спорѣ со священниками Христосъ говоритъ: «разрушьте храмъ сей и въ три дня созижду его».—Онъ уходитъ, окруженный частью толпы. Торговцы негодуютъ, требуютъ мести за убытки; священникъ Наѳанаилъ успокоиваетъ ихъ, говоря, что идетъ жаловаться въ верховный совѣтъ на самовластье и богохульство Христа. Всѣ уходятъ.

2. Замыселъ верховнаго совѣта.

Хоръ восклицаетъ: «они бѣжали, злодѣи, и требуютъ мести! это напоминаетъ намъ сѣдую древность, какъ сыновья Іакова сговорились продать своего брата» (картина). Скоро вы услышите, какъ тигрова месть будетъ кричать про Іисуса: «смерть и кровь!»—хоръ продолжаетъ заявлять, какъ злодѣи будутъ кричать противъ Христа, и восклицаетъ: «уничтожь ихъ своимъ громомъ и молніей; но нѣтъ!—прибавляетъ онъ,—Христосъ пришелъ не для погибели людской и грѣшники пускай у него научатся смиренію и любви. Хоръ уходитъ. Въ среднемъ театрѣ зала засѣданія верховнаго совѣта, который весь въ сборѣ. Перво-

40*

священникъ Каіафа заявляетъ, что собралъ экстренное засѣданіе въ виду важныхъ событій; Наѳанаилъ разсказываетъ о въѣздѣ Іисуса и о происшедшемъ въ храмѣ. Совѣтъ единодушно возмущенъ, старый священникъ Анна радуется этому единодушію. Хотятъ взять Іисуса и запереть въ темницу, но боятся народа; нельзя ли арестовать Іисуса ночью, только бы кто указалъ, гдѣ онъ проводитъ ночи? Наѳанаилъ говоритъ, что найти такихъ людей легко, только имъ надо заплатить за это. Онъ вводитъ обиженныхъ торговцевъ, имъ поручаетъ выслѣдить, гдѣ Іисусъ ночуетъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что знаетъ приверженца Іисуса, который за деньги это скажетъ, и что они ужъ многихъ изъ народа возбудили противъ назореянина. Торговцы уходятъ, прославляя синедріонъ. Заключительныя слова Каіафы типичны по наивности, съ которою авторъ хочетъ выставить его злодѣемъ: «посмотримъ,—говоритъ первосвященникъ,—что̀ побѣдитъ: любовь, которую проповѣдуетъ Іисусъ, любовь даже къ мытарямъ и грѣшникамъ, и громада (Schar) ненависти нашей къ Нему». Всѣ взываютъ къ Божьей помощи. Занавѣсъ отпускается.

3. Прощаніе въ Виѳаніи.

Хоръ поетъ, что приходитъ минута разставанья Богоматери съ Христомъ, какъ нѣкогда Товія прощался съ родителями (картина этого прощанія). Хоръ продолжаетъ пѣть нѣсколько куплетовъ, довольно примитивныхъ виршей съ восклицаніями, изображающихъ тягость разлуки, причемъ—другая живая картина показываетъ невѣсту (изъ пѣсенъ Соломона), окруженную восемью іерусалимскими дочерьми, оплакивающую уходъ жениха. Подъ невѣстой должно подразумѣвать церковь. По уходѣ хора, на авансценѣ появляется Христосъ съ учениками; онъ ведетъ ихъ проститься съ друзьями въ Виѳаніи, и на вопросъ Филиппа-апостола: «такъ наступаетъ твое царствіе?» пророчитъ, къ общему неудовольствію учениковъ, свои страданія и смерть. Является Симонъ, Лазарь, Марѳа и Марія Магдалина, зовутъ Христа къ себѣ и всѣ вмѣстѣ уходятъ; тогда поднимается занавѣсъ средняго театра, представляя внутренность комнаты, куда входитъ Христосъ и за нимъ всѣ остальные,—и садятся къ столу. Ученики просятъ Христа остаться въ милой Виѳаніи, гдѣ такъ хорошо, но онъ говоритъ: «Сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобъ ему служили, а чтобъ служить другимъ и жизнь положить на искупленіе людей». Магдалина поливаетъ драгоцѣннымъ масломъ голову Христа и его ноги и вытираетъ ихъ своими волосами. Іуда ворчитъ, что много денегъ потрачено на

масло, но Христосъ его останавливаетъ словами: «нищіе всегда съ вами, меня же скоро не будетъ». Іисусъ встаетъ, прощается съ Виѳаніей, Магдалина и Марѳа въ отчаяніи; входитъ мать Іисуса и всѣ прощаются съ нимъ, въ горѣ и слезахъ, выражая тяжелыя предчувствія.

4. Послѣдній приходъ въ Іерусалимъ.

Хоръ обращается къ Іерусалиму, чтобъ онъ обратился къ Богу, чтобъ не злодѣйствовалъ, чтобъ онъ боялся мести...: «но ахъ!—прибавляетъ хоръ,—убійца пророковъ продолжаетъ колебаться въ зломъ замыслѣ, потому Господь и отступился отъ этого народа. Такъ въ древности царь Ассуръ изгналъ гордую жену свою Васти и возвеличилъ красавицу Эсѳирь». (Живая картина представляетъ это событіе; много лицъ, дворъ Ассура). Дѣйствіе драмы все происходитъ на авансценѣ при закрытомъ среднемъ театрѣ. Іисусъ оплакиваетъ будущую судьбу Іерусалима при входѣ въ него. Ученики уговариваютъ Христа явиться во всемъ Божьемъ величіи; но онъ говоритъ, что совершитъ предназначенное, и отправляетъ Іоанна и Петра впередъ приготовить комнату для празднованія пасхи. Іуда, казначей общины, заявляетъ Христу, что всѣ деньги вышли, проситъ позаботиться объ общинѣ, которая погибнетъ, когда не будетъ учителя. Христосъ остерегаетъ его отъ послѣдствій его алчности и уходитъ съ учениками. Іуда остается одинъ: онъ недоволенъ Христомъ, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія коммерческой, хочетъ оставить Учителя и заявляетъ, какъ настоящій мелкій нѣмецкій плутъ. «Хорошо еще, что я изъ общаго мѣшка откладывалъ себѣ деньжонки. Жаль, что дура потратилась на душистое масло: эти деньги тоже можно бы было пріобщить; надо мнѣ искать новой статьи доходной». А тутъ ему на встрѣчу искусители, обиженные Христомъ торговцы; они уговариваютъ указать, гдѣ проводитъ ночь Христосъ, обѣщаютъ награду. Іуда даетъ слово придти въ синедріонъ и снова, оставшись одинъ, говоритъ, что надо наблюдать свою выгоду, что если верхъ возьметъ синедріонъ, Іуда будетъ въ почетѣ; если-же Христосъ—Іуда раскается, и Христосъ добръ, Онъ проститъ. «О, я умный человѣкъ!» прибавляетъ Іуда восклицаніе мелкаго мошенника.

5. Тайная вечеря.

Хоръ говоритъ, что приближается часъ, предсказанный пророками. Господь открылъ новую пищу. Господь добръ, Онъ своимъ сынамъ посылалъ чудотворную пищу. (Живая картина изображаетъ

народъ іудейскій, собирающій манну небесную. Это лучшая картина; толпа почти изъ 300 человѣкъ красиво группирована). Господь посылалъ народу лучшій виноградный сокъ изъ Ханаана. (Другая картина: перенесеніе ханаанской громадной виноградной кисти). Въ Новомъ Завѣтѣ святое вино будетъ кровью Его Сына. По удаленіи хора, на авансценѣ являются Петръ и Іоаннъ, встрѣчаютъ указаннаго имъ Спасителемъ хозяина дома и идутъ къ нему приготовлять пасху. Занавѣсъ въ среднемъ театрѣ поднимается. Христосъ, окруженный апостолами, за столомъ, говоритъ имъ, что это Его послѣдняя трапеза съ ними. Апостолы спрашиваютъ: кто будетъ предпочтенъ въ Его царствѣ? Христосъ въ отвѣтъ имъ, показывая примѣръ смиренія, опоясывается полотенцемъ и съ тазомъ и кувшиномъ обходитъ всѣхъ апостоловъ, омывая имъ ноги. Онъ поручаетъ имъ такъ дѣлать другъ съ другомъ. За симъ Христосъ говоритъ о Новомъ Завѣтѣ и обходитъ апостоловъ съ хлѣбомъ и виномъ, послѣ извѣстныхъ словъ: «Примите, ядите, сіе есть тѣло мое», и проч.—Кусочки хлѣба Христосъ кладетъ каждому собственноручно въ ротъ и каждому самъ даетъ пить вино изъ чаши; потомъ онъ намекаетъ на предательство Іуды, который и уходитъ. Христосъ пророчитъ отреченіе Петра; апостолы печальны: они увѣряютъ, что никогда не покинутъ своего учителя. Сцена кончается молитвой и всѣ уходятъ.

6. Предатель.

Хоръ обращается къ Іудѣ. «Ты хочешь продать кровь учителя? подумай о мести — о наказаніи неба». Онъ хочетъ сдѣлать, чтó нѣкогда свершилось въ Дотаинѣ. (Картина изображаетъ Іосифа, продаваемаго братьями). За Іосифа взяли братья 20 сребренниковъ, за Христа Іуда 30 сребренниковъ. Хоръ заканчиваетъ моралью, обращенной къ публикѣ: «Какъ часто и вы своими поступками продавали и предавали Бога. Вы проклинаете Іуду и братьевъ Іосифа; но на вашемъ пути зависть и скупость, и ненависть братьевъ уничтожаютъ человѣческій миръ, счастье и благословеніе». Средній театръ снова представляетъ верховный совѣтъ въ сборѣ. Каіафа предлагаетъ назначить награду тому, кто предастъ Іисуса; одинъ изъ священниковъ говоритъ, что цѣна рабу, по закону Моисея, 30 сребренниковъ, и оцѣнилъ Іисуса, какъ раба. Вводятъ Іуду; на разспросы онъ отвѣчаетъ, что знаетъ Іисуса хорошо, что съ нимъ теперь расходится и предаетъ его. Іудѣ приносятъ 30 сребренниковъ, которые онъ считаетъ на маленькомъ столикѣ и жадно прячетъ въ мѣшочекъ. При этомъ членъ синедріона Никодимъ его упрекаетъ въ

предательствѣ, но другіе говорятъ: «не обращай вниманія на его слова.» Іуда уходитъ, назначивъ мѣсто свиданья въ тотъ-же вечеръ. Каіафа предлагаетъ вопросъ: что дѣлать съ Іисусомъ, когда онъ будетъ въ ихъ рукахъ,—и рѣшаетъ: онъ долженъ умереть. Многіе соглашаются; но Никодимъ и Іосифъ Аримаѳейскій возражаютъ, что нельзя казнить человѣка, не выслушавъ его, и безъ суда. Возникаетъ споръ, и оба они уходятъ изъ совѣта, проклиная его рѣшеніе. Каіафа замѣчаетъ, что дѣйствительно для слабыхъ душъ надо сдѣлать подобіе суда; другіе говорятъ, что свидѣтели найдутся для чего угодно. Совѣтъ расходится со словами: «да умретъ врагъ нашего священнаго закона».

7. Іисусъ на Оливковой горѣ.

Хоръ, горюя, заявляетъ уже извѣстное поведеніе Іуды на тайной вечери и послѣ нея. (Картина изображаетъ Адама, въ потѣ лица обработывающаго поле). Хоръ довольно путанно объясняетъ примѣненіе этой картины то тѣмъ, что это наказаніе за грѣхи, то тѣмъ, что такъ Христу было жарко на Оливковой горѣ. (Другая картина представляетъ Амаза, убиваемаго Іоавомъ въ минуту дружескаго поцѣлуя). Хоръ призываетъ проклятье на этотъ поцѣлуй и сопоставляетъ его съ поцѣлуемъ Іуды въ саду Геѳсиманскомъ. Дѣйствіе драмы внутри средняго театра; декорація садъ. Христосъ печальный говоритъ ученикамъ, что закончилъ дѣло свое. Онъ идетъ молиться на гору, а ученики засыпаютъ и онъ два раза приходитъ ихъ будить. Молитва Христа по Евангелію; въ третій разъ Ему появляется ангелъ и говоритъ: «таково желаніе Твоего Отца—Онъ тебѣ это поручилъ и Ты добровольно взялся быть искупительной жертвой за человѣчество». Христосъ, укрѣпленный этимъ явленіемъ, идетъ къ ученикамъ и всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ средняго театра на авансцену. Сюда справа, изъ-подъ арки, выходитъ Іуда, окруженный стражей іерусалимскаго храма. Сцена предательства въ саду Геѳсиманскомъ происходитъ по Евангелію. Христа уводятъ къ священнику Аннѣ. Ученики разсѣяваются, кромѣ Петра и Іоанна, которые оплакиваютъ Христа и идутъ слѣдомъ за стражей.

Второе отдѣленіе. Отъ арестованія до осужденія Пилатомъ.

8. Іисусъ передъ священникомъ Анной.

Хоръ вспоминаетъ сцену въ Геѳсиманскомъ саду (картина: лжепророкъ Седекія въ глазахъ царя Ахава даетъ пощечину пророку Михею за его правдивую рѣчь). Хоръ объясняетъ кар-

тину, сопоставляя ее съ оскорбленіемъ, которое «нанесутъ Христу у Анны», и заканчиваетъ словами: «лжецы, лицемѣры, льстецы срываютъ розы и лавры безъ труда; только правда должна сгибаться, потому-что правда никогда не лжетъ». Анна появляется на балкончикѣ праваго двухъ-этажнаго дома (смотри выше описаніе декораціи). Это онъ въ своемъ домѣ ждетъ арестованнаго Христа. Къ нему входятъ священники и Іуда; Анна хвалитъ Іуду и говоритъ, что Іисусъ умретъ; Іуда протестуетъ: «я этого не хотѣлъ!» — и уходитъ въ отчаяніи. Приводятъ Христа на балконъ, стража остается внизу. Христосъ на допросы отвѣчаетъ: «спроси тѣхъ, кто Меня слышалъ», — за что одинъ изъ прислуги ударяетъ его по щекѣ. Христа отправляютъ къ первосвященнику Каіафѣ. Появляются Петръ и Іоаннъ и, узнавъ, что Христа уже увели, уходятъ снова за нимъ.

9. Іисусъ передъ Каіафой.

Хоръ оплакиваетъ участь Христа (картина: избіеніе каменьями Набота, приговореннаго къ смерти по лжесвидѣтельству). Хоръ, объясняя картину, дѣлаетъ поученіе власть имущимъ: «вы, могучіе боги міра, не забывайте, при исполненіи своихъ обязанностей, невидимаго Судію. Передъ нимъ всѣ люди равны: бѣдные и богатые, дворяне и нищіе; Онъ одинъ справедливъ». (Другая картина представляетъ многострадальца Іова, осмѣиваемаго его женой и друзьями). Хоръ горюетъ объ немъ, безпрестанно повторяя: «охъ, что за человѣкъ!» — и сопоставляетъ это съ насмѣшками предстоящими Христу. По авансценѣ стража проводитъ Христа, издѣваясь надъ нимъ; потомъ поднимается занавѣсъ средняго театра. Внутренность жилища Каіафы. Приводятъ Іисуса и лжесвидѣтели обличаютъ Его: Онъ отговаривалъ платить подати, Онъ богохульствовалъ, Онъ садился за столъ, не моя рукъ и т. п. Іисусъ молчитъ, и только на вопросъ Каіафы называетъ себя Мессіей. Общее негодованіе, угрозы смертью, по закону Моисея, за богохульство. Іисуса уводятъ; Каіафа обѣщаетъ съ наступленіемъ дня созвать верховный совѣтъ. Занавѣсъ падаетъ, Іуда проходитъ по авансценѣ, высказывая угрызенія совѣсти. Снова занавѣсъ поднимается: дворъ при домѣ Каіафы, стража грѣется, оберегая Іисуса; приходятъ Іоаннъ, потомъ Петръ, тоже желая погрѣться; среди общаго разговора Петръ три раза отрекается отъ Христа; поетъ пѣтухъ. Петръ выходитъ на авансцену, занавѣсъ падаетъ. Небольшой монологъ Петра, горюющаго о своемъ отреченіи. Онъ уходитъ; занавѣсъ снова поднимается. Іисусъ сидитъ среди стражи; надъ Нимъ издѣваются,

бьютъ его, толкаютъ такъ, что онъ падаетъ на землю. Приходитъ посланный отъ Каіафы приказать, чтобъ вели къ нему Іисуса.

10. Отчаяніе Іуды.

Хоръ поетъ про Іуду, что до тѣхъ поръ будетъ мучить его совѣсть, пока онъ не лишится жизни. (Картина: отчаяніе Каина передъ трупомъ Авеля). Хоръ приравниваетъ Іуду къ Каину и заключаетъ словами: «это—зеркало грѣха, потому-что если месть не наступитъ сегодня, то завтра на ваши главы падетъ двойное осужденіе». Іуда проходитъ по авансценѣ: монологъ злобы на себя. Затѣмъ въ среднемъ театрѣ засѣданіе синедріона; общее ликованіе. Входитъ Іуда и узнаетъ, что Іисусъ осужденъ на смерть. Іуда упрекаетъ членовъ совѣта; горячій споръ. Іуда бросаетъ деньги, говоря: «пусть разорвутъ меня десять тысячъ дьяволовъ изъ ада! На-те, кровавыя собаки, ваши проклятыя деньги крови; вы всѣ со мной въ адъ пойдете!» Онъ уходитъ; совѣтъ рѣшаетъ на брошенныя деньги купить мѣсто для кладбища. Вводятъ Іисуса, новый допросъ: Іисусъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ. Снова крики: «смерть галилеянину!»—занавѣсъ падаетъ. На авансценѣ трое посланныхъ синедріона подходятъ къ лѣвому дому (домъ Пилата). Среди разговора они заявляютъ, что торговцы возбудили народъ противъ Христа. Посланные даютъ знать Пилату черезъ его слугу, что члены синедріона къ нему явятся,—и уходятъ. Занавѣсъ поднимается: лѣсъ; входитъ Іуда, монологъ отчаянія, упрековъ себѣ въ предательствѣ, кончающійся словами: «на этомъ деревѣ я повѣшу несчастнѣйшій плодъ (снимаетъ поясъ); иди змѣя, охвати меня, уничтожь предателя!»—онъ приготовляетъ петлю; занавѣсъ падаетъ.

11. Іисусъ передъ Пилатомъ.

Хоръ осуждаетъ толпу, бѣгущую къ Пилату, и сопоставляетъ положеніе Христа съ положеніемъ Даніила во рвѣ львиномъ (картина изображаетъ Даніила со львами). Хоръ кончаетъ словами: «о зависть! сатанинское порожденіе, какого злодѣянія не совершишь ты, чтобъ успокоить свою ненависть? Горе тому, кто поддается этой страсти. Братья, будьте осторожны, не допускайте это змѣиное отродье гнѣздиться въ вашей груди!» Справа на авансцену выходитъ толпа, впереди члены синедріона, они группируются слѣва, за ними стража ведетъ Іисуса и слѣдуетъ народъ; эти всѣ остаются справа. Слуга идетъ доложить Пилату, который появляется на балкончикѣ лѣваго дома, окруженный подчиненными. Каіафа и другіе обвиняютъ Христа; они его осу-

дили на смерть, но не имѣютъ права приговоръ привести въ исполненіе безъ конфирмаціи намѣстника. Пилатъ хочетъ отклонить это, призываетъ Христа къ себѣ на балконъ, разспрашиваетъ его. Христосъ заявляетъ: «Мое царство не отъ сего міра». Слуга приходитъ сказать Пилату, что его жена видѣла дурной сонъ и проситъ не осуждать обвиненнаго. Пилатъ совѣщается съ подчиненными; всѣ они видятъ въ дѣлѣ зависть священниковъ. Пилатъ объявляетъ Іисуса невиннымъ, возбуждая крики негодованія, споръ, среди котораго выясняется, что Іисусъ—Галилеянинъ. «Въ такомъ случаѣ,—говоритъ Пилатъ,—ведите его къ царю Галилеи Ироду, который теперь пріѣхалъ на праздникъ въ Іерусалимъ». Всѣ уходятъ.

12. Іисусъ передъ Иродомъ.

Хоръ вздыхаетъ о новыхъ оскорбленіяхъ, предстоящихъ Христу, какъ нѣкогда осмѣянъ былъ Самсонъ филистимлянами. (Картина: Самсонъ среди двухъ колоннъ дворца, осмѣянный своими врагами). По уходѣ хора, въ среднемъ театрѣ богатая зала, царь Иродъ интересуется Іисусомъ Назореяниномъ, о которомъ много слышалъ. Приводятъ Іисуса; Иродъ проситъ его показать какое-нибудь чудо, но Іисусъ молчитъ. Иродъ объявляетъ его дуракомъ и царемъ дураковъ, велитъ дать ему красную мантію. Настоянія Каіафы и другихъ не ведутъ ни къ чему; Иродъ прогоняетъ ихъ, посылая дружескій поклонъ Пилату,—и наединѣ съ придворными говоритъ: «нѣтъ, это не Іоаннъ (креститель): тотъ былъ мудрецъ, а этотъ нѣмъ какъ рыба».

13. Бичеваніе и вѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ.

«Хоръ продолжаетъ осуждать мучителей Христа. (Тутъ двѣ живыхъ картины: «Іакову приносятъ платье Іосифа, запятнанное кровью»—и «Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака»). «Такъ,—поясняетъ хоръ,—будетъ растерзано тѣло Іисуса, такъ Богъ принесетъ въ жертву своего Сына: выше этой любви ничего не можетъ быть». Толпа, какъ и въ 11-мъ представленіи, строится передъ домомъ Пилата. Священники готовы скорѣй погибнуть, чѣмъ не добиться смерти Христа; выходитъ Пилатъ на балконъ, они настаиваютъ на осужденіи. Пилатъ велитъ бичевать Іисуса и его уводятъ; но толпа этимъ недовольна,—тогда Пилатъ объявляетъ, что вскорѣ долженъ собраться у его дома народъ, просить пощады ради праздника какому-нибудь преступнику; имъ предложатъ разбойника Варавву или Іисуса; пускай рѣшитъ народъ. Пилатъ уходитъ, а священники научаютъ торговцевъ бѣ-

гать по городу и подбивать народъ, чтобы онъ просилъ Варраву. Этотъ подговоръ народа врагами Христа нѣсколько разъ упоминается въ пьесѣ, и имъ авторъ довольно удачно мотивируетъ переходъ народнаго восторга въ началѣ пьесы къ ненависти въ концѣ ея. Всѣ уходятъ. Занавѣсъ поднимается, Іисусъ въ тюрьмѣ обнаженный (въ тѣлеснаго цвѣта трико, обвязанный только въ половинѣ тѣла бѣлымъ полотномъ). Онъ привязанъ къ столбу, воины его бичуютъ, потомъ сажаютъ, накидываютъ ему на плечи красную мантію, крѣпко надвигаютъ на голову терновый вѣнецъ и даютъ въ руки тростникъ. Издѣваются надъ нимъ, зовутъ его царемъ Іудейскимъ.

14. Іисусъ осужденъ на распятіе.

Хоръ пораженъ тѣмъ, что видитъ царя-Христа въ такомъ оскорбительномъ одѣяніи. (Картина: торжественный поѣздъ Іосифа, ставшаго царедворцемъ Фараона). Хоръ восхваляетъ торжество. (Другая картина: Моисей передъ алтаремъ, Ааронъ выбралъ изъ двухъ козлищъ одного и зарѣзалъ на жертвоприношеніе. Сопоставленіе Іисуса и Вараввы). Хоръ объясняетъ картину. За сценой слышны крики: «отпустить Варавву! отпустить Іисуса!!.» Хоръ пророчитъ горе Іерусалиму и уходитъ. Средній театръ открытъ; все вмѣстѣ представляетъ улицы Іерусалима, народъ сбѣгается со всѣхъ сторонъ нѣсколькими группами, съ торговцами во главѣ каждой группы. Всѣ живописно располагаются передъ домомъ Пилата. Народъ, подстрекаемый вожаками, громко заявляетъ свою преданность Моисеевой религіи, свое негодованіе на Христа и требованіе его смерти. Пилатъ выводитъ на балконъ Христа, въ терновомъ вѣнцѣ и мантіи, показываетъ его народу, который все-таки требуетъ его смерти. Пилатъ прямо спрашиваетъ: «кого хотите отпустить, Іисуса или Варавву?» Всѣ кричатъ Варавву; Іисуса выводятъ въ толпу, приводятъ Варавву, ставятъ ихъ рядомъ. Пилатъ все еще колеблется, уговариваетъ; но народъ требуетъ, грозитъ жалобой императору. Тогда Пилатъ умываетъ руки и велитъ написать приговоръ. Крики: «кровь Его на насъ» и проч. (по Евангелію). Варавву отпускаютъ, приводятъ двухъ разбойниковъ и объявляютъ имъ казнь, распятіе. Всѣ расходятся. Въ этомъ и послѣдующемъ представленіи дѣйствуютъ нѣсколько сотенъ человѣкъ.

Третье отдѣленіе. Отъ осужденія до воскресенія Христа.

15. Перенесеніе креста.

Хоръ призываетъ къ молитвѣ и объясняетъ три послѣдовательныя живыя картины, отвѣчающія перенесенію креста, распятію и спасенію отъ креста: 1) Исаакъ несетъ на гору дрова, на которыхъ его будутъ приносить въ жертву; 2) Моисей воздвигаетъ желѣзнаго змія; 3) Іудеи спасаются отъ змѣй при взглядѣ на желѣзнаго змія. Какъ и въ предъидущемъ представленіи, средняя сцена открывается и все вмѣстѣ представляетъ общій видъ Іерусалима. Изъ лѣвой улицы выходитъ Марія, мать Іисуса, окруженная другими женщинами, и Іоаннъ. Марія еще не знаетъ объ осужденіи Христа, она надѣется, что Пилатъ его помилуетъ; слышенъ шумъ; они становятся влѣво къ сторонкѣ. Въ правой улицѣ показывается толпа народа: Іисусъ и двое разбойниковъ несутъ кресты, за ними стража, священники, толпа. Іисусъ изнемогъ, остановился, Его понукаютъ. По средней сценѣ идетъ Симонъ Киринейскій, онъ торопится по своимъ дѣламъ и, выходя, наталкивается на толпу. Его заставляютъ нести крестъ Іисуса; узнавъ Учителя, онъ соглашается. Христосъ и женщины сходятся на авансценѣ, ихъ отчаяніе; Вероника подаетъ платокъ Христу утереть потъ. Стража понукаетъ идти дальше на гору Голгоѳу. Слуга Пилата призываетъ начальника стражи. Іоаннъ пытается увести мать Іисуса, но она говоритъ, что въ ней довольно силъ, чтобъ не покинуть Сына въ такую минуту. Всѣ уходятъ въ глубину средняго театра.

16. Іисусъ на Голгоѳѣ.

Хоръ появляется въ траурномъ одѣяніи; у всѣхъ черные плащи, черныя сандаліи, серебряныя діадемы. Предводитель хора, декламируя, приглашаетъ благочестивыя души быть свидѣтелями того, чтó совершается съ ихъ спасеніемъ. За сценой раздаются удары молотка, на которые съ ужасомъ обращаетъ вниманіе предводитель хора: это гвоздями прибиваютъ къ дереву святое тѣло. Декламація превращается въ хоровое пѣніе: «о, несите этой любви благочестивыя стремленія сердца!» — Хоръ уходитъ. Занавѣсъ средняго театра поднимается и видны три лежащіе креста, съ прикрѣпленными къ нимъ людьми, подножіемъ крестовъ къ публикѣ, головой въ глубину, такъ-что, когда три креста поднимаютъ, они становятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ была занавѣсъ. Распятые Христосъ и двое разбойниковъ висятъ такъ высоко, что ноги ихъ приходятся выше человѣческаго роста. Предъ поднятіемъ Іисусова креста, къ нему прибн-

ваютъ надпись. Авторъ, въ своемъ рвеніи очернить священниковъ іудейскихъ, заставляетъ ихъ даже тутъ, въ виду распятаго, радоваться и очень грубо ликовать. Возникаетъ споръ о надписи: это обида для іудеевъ. Посылаютъ къ Пилату просить измѣненія надписи, но онъ отказываетъ. Палачи кидаютъ жребій, дѣля между собой платье Іисуса. Далѣе вся сцена по Евангелію, насмѣшки: «если ты сынъ Божій, спаси себя»; слова Христа: «Господи! прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что̀ творятъ». Одинъ разбойникъ насмѣхается, другой его укоряетъ, прибавляя: «Господи, помяни меня, когда придешь въ царствіи Твоемъ». Христосъ обѣщаетъ ему рай, поручаетъ Іоанну свою мать, проситъ пить; Ему подаютъ на длинной палкѣ губку и такъ далѣе до словъ Христа: «Свершилось!.. Отче! въ руки твои предаю духъ Мой»! Іисусъ наклоняетъ голову, вдали громъ. Народъ въ ужасѣ расходится, моля Бога простить грѣхи. Служитель храма приходитъ извѣстить священниковъ, что завѣса въ храмѣ разодралась. Начальникъ стражи приказываетъ перебить колѣни распятымъ; разбойниковъ бьютъ дубиной по ногамъ. Женщины не допускаютъ, чтобы то же сдѣлали Христу; Ему воинъ протыкаетъ бокъ копьемъ, изъ раны вытекаетъ обильно кровь. Авторъ дѣлаетъ священниковъ еще отвратительнѣе; они желаютъ, чтобы тѣло Христа было разодрано звѣрями. Но Іосифъ Аримаѳейскій уже выпросилъ себѣ у Пилата тѣло Христа и приходитъ съ Никодимомъ взять его. Каіафа и Анна возмущены, запрещаютъ обоимъ входъ въ синедріонъ, священники уходятъ къ Пилату просить позволенія приставить стражу ко гробу. Разбойниковъ уже сняли съ крестовъ, Христа спускаютъ медленно на полотняныхъ полосахъ. Его кладутъ на простыню къ ногамъ его матери. Всѣ плачутъ надъ нимъ. Кресты убрали. Іисуса уносятъ погребать въ гробъ Іосифа Аримаѳейскаго. Занавѣсъ опускается.

17. Воскресеніе.

Хоръ (снова въ цвѣтныхъ плащахъ) воспѣваетъ божественную любовь и покой Господа во гробѣ. (Картина: Іона, выброшенный изъ чрева кита на землю). Хоръ сопоставляетъ съ картиной воскресеніе Христа. (Другая картина: народъ Израиля перешелъ Красное море, которое набѣгаетъ волнами на полчища Фараона). Хоръ, не объясняя довольно туманной аналогіи этой картины съ дѣйствіемъ, заканчиваетъ словами: «Торжество! кто умеръ, возстанетъ, его не покрываетъ ночь смерти; снова живой изъ гроба выйдетъ побѣдитель!» — Занавѣсъ поднимается. Въ среднемъ театрѣ, въ глубинѣ скала и посреди ея широкій вытесан-

ный проходъ; онъ заваленъ камнемъ. Стража скучаетъ, охраняя тѣло, и ворчитъ, поясняя боязнь священниковъ. Вдругъ ангелъ изнутри отваливаетъ камень и скрывается; у входа появляется Христосъ и снова исчезаетъ. Стража испуганная падаетъ; потомъ и дивясь, и ужасаясь уходитъ. Являются женщины; Магдалина заходитъ во гробъ и заявляетъ, что тѣла тамъ нѣтъ; всѣ горюютъ, но показывается ангелъ и объясняетъ, что Христосъ воскресъ, поручая женщинамъ идти разсказывать это всѣмъ. По уходѣ женщинъ, Каіафа и священники входятъ со стражей, оспориваютъ воскресеніе и подкупаютъ стражу, чтобъ говорили, что тѣло Христа украдено учениками. Послѣ священниковъ приходятъ Іоаннъ и Петръ, и также видятъ гробъ пустымъ; потомъ Магдалина одна оплакиваетъ потерю Христа; Онъ ей является, успокоиваетъ ее и она уходитъ восторженная, повторяя слова: «Аллилуія! Онъ воскресъ!!.»

Заключительное представленіе.

Хоръ воспѣваетъ и прославляетъ страдавшаго, умершаго и воскресшаго Спасителя людей, котораго царству и силѣ, и славѣ не будетъ конца. Во время этого пѣнія, заключительная живая картина въ среднемъ театрѣ показываетъ Христа-Спасителя, окруженнаго святыми.

Къ этому краткому изложенію содержанія драмы прибавимъ нѣсколько словъ объ ея исполненіи, конечно, не входя въ подробности и разборъ игры отдѣльныхъ лицъ, которыя мѣняются каждыя десять лѣтъ, какъ мѣняются и костюмы, и декораціи. Изъ вышеизложеннаго ясно видно, что ничего не было бы удивительнаго, еслибъ въ этой крестьянской средѣ явился иной разъ и болѣе талантливый актеръ; но и при худшемъ, и при лучшемъ исполненіи не измѣнятся особенности, вызванныя условіями самой драмы и мѣстнаго театра. Всѣ эти крестьяне-актеры играютъ, съ точки зрѣнія широкой декоративности, недурно, именно оттого, что они не играютъ,—они почти переживаютъ исполняемое. Въ годы представленія они зовутъ другъ друга Христосъ, Петръ, Іуда, Пилатъ и проч., забывая собственныя имена, и поддерживаютъ на сценѣ оживленную мимику толпы тѣмъ, что шопотомъ ведутъ соотвѣтствующіе дѣйствію импровизированные разговоры. Напр., Пилатъ говоритъ громко: «Я велю его бичевать!»—а толпа про себя, такъ что публика не слышитъ: «вишь ты! бичевать! велика важность! нѣтъ, этого ему мало!»—и т. п. Наконецъ, надо еще прибавить необычай-

ную реальность внѣшняго вида: эту массу людей самыхъ разнообразныхъ лѣтъ, отъ старика до младенца, безъ всякой поддѣлки подъ возрастъ, эти тоже неподдѣльныя, прямо босыя, ноги и проч. Оттого народныя сцены—не только наилучшія въ сценическомъ отношеніи, но даже на столько картинно исполняются, что имъ позавидуетъ любой режиссеръ. Сладились эти сцены сами собой. Триста-четыреста человѣкъ высыпаетъ на сцену, и каждый, до малѣйшаго ребенка, знаетъ тотъ небольшой діапазонъ ощущеній, который онъ долженъ выразить: восторгъ, негодованіе, страхъ,—и въ то же время всѣ отдаются этому исполненію всей душой. Еслибъ наемные статисты нашихъ театровъ могли быть такъ подобраны и могли такъ отдаваться своему дѣлу, постановка народныхъ сценъ была бы очень легка. Зато, чѣмъ менѣе декоративна сцена, тѣмъ актеры Обераммергау играютъ слабѣе. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лицъ вмѣстѣ всегда довольно ловко группируются, движутся, жестикулируютъ; но когда начинаютъ разговаривать поочередно, тонъ рѣчи выходитъ очень однообразный. Члены синедріона въ собраніи всѣ говорятъ рѣзкимъ, озлобленнымъ, повелительнымъ голосомъ, не исключая даже стараго Анны,—апостолы всѣ, какъ и Христосъ, говорятъ тягучимъ страдальческимъ тономъ, кромѣ Петра, изрѣдка впадающаго въ повелительный тонъ. Эти два тона преобладаютъ: всѣ актеры или страдаютъ, или сердятся и повелѣваютъ; болѣе тонкіе оттѣнки почти не существуютъ. Исполнявшій Христа въ 1880 году, Мейеръ, обладаетъ какимъ-то женоподобнымъ голосомъ и всему исполненію придалъ изнуренный колоритъ; рѣчь и движенія его медленны и слабы. Съ первой же минуты при въѣздѣ въ Іерусалимъ, онъ сидитъ на ослѣ, понуривъ голову, сложивъ руки на колѣняхъ, и только время отъ времени поднимая ихъ на благословеніе; такой же онъ печальный и въ разговорѣ съ учениками, и предъ Пилатомъ, и на крестѣ. Тутъ нѣтъ живого лица: не видно ни энергіи и силы божественнаго проповѣдника, ни какихъ-либо измѣненій тона, сообразно исходу борьбы; актеръ старается только возбудить жалость къ несчастному, забитому, и таково же стремленіе всѣхъ остальныхъ исполнителей драмы—возбудить жалость ко Христу, у друзей—посредствомъ вздоховъ и подлаживанья подъ тонъ главнаго лица, у враговъ—посредствомъ усиленныхъ рѣзкихъ нападеній на него. Въ этомъ характерѣ можно сыграть и хуже, и лучше; но основное направленіе, восхваленіе добродѣтели страданій будетъ то же, потому, что оно лежитъ въ основѣ самой драмы, ярко обличающей своего автора—священника, своихъ актеровъ—крестьянскую паству.

Потому и лица драмы не индивидуальны и сшиты на одинъ или лучше сказать, на два покроя: враги и друзья. Напротивъ, въ Каіафѣ нѣтъ и тѣни того угодника римскимъ властямъ, какимъ онъ былъ, почему и продержался первосвященникомъ долѣе другихъ; вліяніе его тестя Анны на него и синедріонъ нигдѣ незамѣтно. Оба они говорятъ совершенно одинаково злобныя рѣчи противъ Христа и восхваленія закона Моисеева, съ тою разницею, что Анна обстоятельно прибавляетъ: «довелъ меня Богъ на старости лѣтъ увидать... или не далъ мнѣ Богъ умереть, не видя...» и т. п. Еще нѣсколько выдѣляется изъ другихъ личность Іуды, сдѣланная у автора какимъ-то мелкимъ мошенникомъ и исполняемая во вкусѣ мелодраматическихъ злодѣевъ. Кромѣ сказаннаго основного характера драмы, эта декоративность и грубоватость исполненія обусловливается и самимъ зданіемъ театра, который, конечно, ни на какія акустическія достоинства претендовать не можетъ. Громадные размѣры сцены, притомъ на открытомъ воздухѣ, и нерѣдко подъ дождемъ или вѣтромъ, дѣлаютъ необходимыми большія усилія голоса, при которыхъ многіе оттѣнки тона и невозможны. Оттого женскій персоналъ драмы сведенъ на минимумъ, и тѣмъ, которыя участвуютъ, роли даны самыя маленькія, такъ какъ женщинѣ большое и долгое усиленіе голоса было бы затруднительно. Вѣроятно, тѣ же условія огромной открытой сцены выработали здѣсь совершенно своеобразное исполненіе говора массъ. Если здѣсь нѣсколькимъ лицамъ или даже цѣлой толпѣ народа приходится говорить вмѣстѣ, въ одно время, они это не дѣлаютъ такъ, какъ бываетъ въ жизни и какъ исполняютъ обыкновенные театры, то-есть говоромъ въ перемежку, образующимъ общій гулъ, среди котораго слышатся отдѣльныя отрывочныя фразы выдающихся голосовъ; при театрѣ Обераммергау трудно было бы выдаваться даже этимъ отрывочнымъ фразамъ, и потому нѣсколько лицъ вмѣстѣ говорятъ унисономъ, строго расчленяя фразу по складамъ, чтобы голоса вполнѣ совпадали каждый со всѣми остальными; толпа говоритъ какъ одинъ человѣкъ, только многоголосной рѣчью. Отдѣлкѣ внѣшней стороны исполненія вредитъ также и то обстоятельство, что представленіе освѣщается дневнымъ свѣтомъ, которымъ нельзя пользоваться по произволу. Ночь въ саду Геѳсиманскомъ свѣтила какъ любой день; регулируется это немного среднимъ театромъ, внутренность котораго, при посредствѣ боковыхъ отверстій, можетъ быть сдѣлана нѣсколько свѣтлѣе или темнѣе. Живыя картины группированы весьма недурно и дѣйствующія лица стоятъ не шелохнувшись замѣчательно долгое время—явное

доказательство крѣпкихъ мускуловъ этихъ артистовъ, но большинство картинъ значительно испорчено декоративными аксессуарами. Всѣ эти чучелы барашковъ и собачекъ и нарисованные кони или золотые лучи ангела ужасно аляповаты, уничтожаютъ всякую иллюзію и вызываютъ добродушный смѣхъ. Особенно безобразно нарисованъ китъ, выбросившій на берегъ Іону; это самая плохая картина.

V.

Если подвести итоги этому курьёзному остатку средневѣковыхъ духовныхъ спектаклей, то первымъ дѣломъ невольно возникаютъ вопросы: какая причина и цѣль ихъ существованія? какая ихъ роль и чему они отвѣчаютъ въ жизни общественной? есть ли это дѣйствительно богослужебный обычай или художественное произведеніе, или, наконецъ, это просто поблажка любопытству, желаніе перенести зрителя въ средніе вѣка, какъ переносятъ его къ старинѣ историческіе концерты и литературные вечера?—Я увѣренъ, что на всѣ эти вопросы никто категорически не отвѣтитъ. Несомнѣнно и то, и другое, но въ сущности ни то и ни это. Объ интересѣ историческаго курьёза не можетъ быть и рѣчи. Правда, появленіе хора на греческій манеръ довольно оригинально, но его древній колоритъ уже испорченъ живыми картинами, хоръ немножко превращается въ тѣхъ пояснителей, какими снабжаются представленія діорамъ и туманныхъ картинъ; притомъ же слишкомъ частое его появленіе для современной публики дѣлается подъ конецъ уже скучнымъ и утомительнымъ. Самая же драма, съ отсутствіемъ дьявола, рѣзкихъ сценъ и аллегорическихъ лицъ, потеряла совсѣмъ свой средневѣковой характеръ. Впрочемъ, устроители этихъ спектаклей и не ищутъ антикварскихъ цѣлей; ужъ одно такое предположеніе считалось бы оскорбленіемъ. Напротивъ, духовенство, не только католическое, но подъ-часъ и протестантское, старается сколько возможно отстоять прямо религіозное значеніе представленій. Одинъ парижскій католическій священникъ, видѣвшій драму нѣсколько разъ, увѣрялъ меня, что на каждомъ спектаклѣ присутствуетъ немалое число католическихъ духовныхъ лицъ, тщательно слѣдящихъ за подробностями драмы и сообщающихъ свои замѣчанія автору, старику Дойзенбергеру, который посвятилъ всю свою жизнь на постоянную подчистку и отдѣлку своего произведенія. Почтенный мой собесѣдникъ говорилъ мнѣ, что

и онъ самъ дѣлалъ замѣчанія и что, въ виду такого общаго вниманія духовенства, драма очень вѣрна Евангелію и строго католична. Вотъ, напр., въ чемъ заключаются такія замѣчанія. Мать Іисуса, по пьесѣ, въ 15-мъ представленіи (перенесеніе креста) надѣется, что Пилатъ помилуетъ ея сына, но на дѣлѣ этого не могло быть,—въ то время она должна была уже знать, что приговоръ состоялся, ибо дѣло было слишкомъ гласно. Или: стражи въ 17-мъ явленіи (у гроба) не могли говорить Каіафѣ, что боятся взысканія отъ Пилата, если объявятъ, что заснули,—такъ-какъ тутъ была стража іудейская, стража іерусалимскаго храма, подчиненная первосвященнику, а не римская, прямо подначальная Пилату. Католицизмъ видится въ томъ, что будто бы въ драмѣ прекрасно выдержанъ характеръ Петра апостола, именно его непоколебимая сильная вѣра, за которую онъ и получилъ будто бы отъ Христа первосвященство, перешедшее къ пáпамъ. «Посмотрите,—говорилъ мнѣ священникъ,—какъ это правильно и вѣрно сдѣлано: ко гробу Іисуса приходятъ Петръ и Іоаннъ; но Іоаннъ, видя гробъ открытымъ, колеблется: онъ изумленъ, не знаетъ, чтó подумать, не рѣшается войти,—Петръ прямо входитъ, въ полной вѣрѣ, что учитель воскресъ» [1]). Не мало подобнаго рода разсужденій и утвержденій можно встрѣтить въ брошюрахъ католическаго происхожденія, точка зрѣнія которыхъ выражается иногда въ своихъ рѣзкостяхъ, напримѣръ, хоть въ слѣдующихъ словахъ: «Духовныя представленія вышли изъ христіанскаго богослуженія, развились и расцвѣли; но реформація, эта гидра, наводящая ужасъ, рѣшила испортить все доброе и прекрасное; она, въ своемъ эгоизмѣ, задалась задачей уничтожить и разбить духовную поэзію и церковную жизнь». Съ другой стороны протестанты (какъ, напр., Дюбберсъ) отстаиваютъ общехристіанское значеніе представленій въ Обераммергау. Но вся эта полемика до публики, посѣщающей эти спектакли, вовсе не касается. Что бы ни говорили, въ массѣ зрителей эти спектакли спеціально-религіозныхъ чувствъ не возбуждаютъ. Вамъ разскажутъ многія брошюры или люди, бывшіе на представленіи, вы можете сами увидѣть, что драма производитъ сильное впечатлѣніе, что она у иныхъ душъ вызываетъ слёзы; но это еще не доказываетъ религіознаго настроенія публики. Не забудемъ прежде всего, что драма воспроизводитъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ, самыхъ высокихъ и гуманныхъ сюжетовъ. Можно даже не быть христіаниномъ, и только имѣть добрую честную душу, чтобъ отнестись съ самымъ теплымъ

[1]) Сравн. Aehrenlese. Jahrgang 1850. № 39—52.

сочувствіемъ къ страданіямъ Христа, отдающаго себя на истязанія во имя блага человѣческаго, — если только эти факты мало-мальски прилично передаются. Прибавьте къ этому тѣ обстоятельства, при которыхъ зрители смотрятъ эти спектакли. Авторы, работающіе для сцены, слишкомъ хорошо знаютъ, какъ такія обстоятельства дѣйствуютъ и въ пользу, и во вредъ впечатлѣнію. Въ Обераммергау пріѣзжаютъ нарочно; на эти два дня публика совсѣмъ отрѣшилась отъ своей обыденной жизни; она забыла свое горе, своихъ враговъ, свои страхи, ожиданья,—она уже цѣлый день наканунѣ готовится всецѣло къ представленію. Люди, сюда являющіеся, большею частью пріятно настроены, они вдали отъ ежедневной суеты и волненій, они здоровы тѣломъ, они обладаютъ извѣстнымъ достаткомъ, позволяющимъ сдѣлать путешествіе—дѣло происходитъ лѣтомъ, въ пріятной красивой долинѣ; все это располагаетъ къ веселому, ясному, художественному настроенію. Что удивительнаго, что тотъ или другой моментъ драмы вызываетъ слезы у мягкосердаго человѣка или нѣкоторый душевный трепетъ у нервной дамы. При такой обстановкѣ, можетъ быть, еще бо́льшее впечатлѣніе произвело бы исполненіе иной парижской мелодрамы или трагедій Коцебу. Но, за отдѣльными исключеніями, религія тутъ въ сторонѣ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно прослѣдить, какіе моменты производятъ наибольшее впечатлѣніе. Прочитайте въ книгахъ, спросите живыхъ свидѣтелей—всѣ скажутъ вамъ, что сильнѣйшее впечатлѣніе драмы есть сцена у Пилата, приговоръ и несеніе креста. Эти сцены, дѣйствительно, довольно величавы своей массой народа, его криками и этимъ необычайно симпатичнымъ положеніемъ божественнаго Учителя, одинокаго, всѣми покинутаго, избитаго и окруженнаго злобной толпой безумныхъ палачей, счастью которыхъ онъ такъ всецѣло служитъ и отдаетъ свою жизнь. Съ другой стороны—наименѣе вліяющія сцены: тайная вечеря, распятіе и воскресеніе, то-есть именно тѣ сцены, которыя должны бы наиболѣе возбуждать религіозное чувство. Тайная вечеря просто скучна; этотъ медленный обходъ Іисусомъ учениковъ 36 разъ, сперва съ омовеніемъ ногъ, потомъ съ кусочками хлѣба, потомъ съ чашей вина, однообразенъ и утомителенъ; зрители въ это время глядятъ по сторонамъ или прихлебываютъ пиво, принесенное подъ полой, въ виду долгаго сидѣнія. Во время распятія интересъ является совершенно особаго рода: обдумываютъ, какимъ способомъ артистъ прикрѣпленъ къ кресту, какъ это сдѣлано, что такъ натурально гвозди словно проходятъ сквозь руки и

ноги, и откуда является кровь при пробіеніи бока—изъ пузыря, скрытаго подъ трико актера или изъ копья. И это не есть мое личное впечатлѣніе. Крайне знаменательный, хотя, повидимому, и пустой фактъ, что всѣ эти приспособленія описаны и вы безпрестанно услышите отъ каждаго зрителя очень охотное разъясненіе, что у актера надѣтъ корсетъ, посредствомъ котораго онъ прикрѣпляется къ кресту и проч.; наоборотъ, ни въ описаніяхъ вы не прочтете и едва-ли отъ кого изъ зрителей узнаете, что крестъ, употребляемый при перенесеніи, не тотъ, на которомъ распинаютъ, ибо послѣдній нести было бы слишкомъ тяжело: я услышалъ объ этомъ случайно, отъ помянутаго священника, старавшагося сценическими условіями объяснить нѣкоторыя несовершенства драмы. Но въ томъ и дѣло, что картина перенесенія креста производитъ впечатлѣніе, и зрителю некогда отвлекаться мыслями о декоративныхъ средствахъ, а при сценѣ распятія зритель остается холоденъ и начинаетъ критизировать. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ такой холодности служитъ и то, что малѣйшее неуклюжее положеніе распятыхъ разбойниковъ, напр. когда ихъ бьютъ, или снимаютъ съ креста, уже вызываетъ дружный смѣхъ. Въ такомъ же родѣ зритель остается холоденъ и при сценѣ воскресенія. Итакъ, повторяемъ: если эти представленія иной разъ въ иномъ зрителѣ вызываютъ извѣстное нервное возбужденіе, то обыкновеннымъ гуманнымъ чувствомъ, а не религіознымъ. Я бы пошелъ далѣе: мнѣ думается, что на истинно вѣрующаго и религіознаго человѣка эти спектакли должны дѣйствовать очень непріятно. Вся поэзія Новаго Завѣта, такъ изящно рисующаяся сквозь чувство вѣры и давность факта, является въ представленіи огрубѣлою, повседневною, несмотря на всю свою искусственность и смягченіе жизненныхъ фактовъ. Еслибы драму писалъ человѣкъ, задавшійся чисто-художественными цѣлями, онъ прежде всего изгналъ бы изъ нея всѣ сцены казни, такъ какъ правда была бы здѣсь отвратительна и потому невозможна, а смягченіе и искусственность не производятъ впечатлѣнія и смѣшны. Въ Пилатѣ сказался, если можно такъ выразиться, порывъ варварской гуманности, когда онъ велѣлъ бичевать Іисуса. Римское бичеванье не оставляло живого мѣста на человѣкѣ, безобразило его до ужасающихъ размѣровъ. Пилатъ думалъ, что въ такомъ истерзанномъ видѣ Іисусъ вызоветъ жалость толпы. Казнь распятія была совсѣмъ не то, къ чему пріучили насъ изображенія церкви: то-есть Христосъ, едва прислоненный ко кресту, раскрывшій руки, какъ-бы для благословенія и объятія. Въ дѣйствительности это была самая ужас-

ная казнь, хуже чѣмъ висѣлица. Одни гвозди не могли бы поддержать тяжесть человѣка; осужденному подсовывали прикрѣпленный ко кресту обрубокъ или между ногъ или подъ пятки, тѣло крѣпко привязывали къ дереву, заставляя выносить жесточайшія мученія медленной агоніи, если только, при слабомъ тѣлосложеніи, не прекращалъ ее параличъ сердца. Выставлять этого реально нельзя, вѣрную иллюзію не выдержатъ никакіе нервы; а смотрѣть, какъ хлещутъ какими-то тесемками по актерскому трико, которое разрисовано красными піявками, и глупо, и смѣшно. Когда на представленіи бьютъ разбойниковъ гуттаперковыми дубинами по ногамъ, яко-бы перебивая ихъ колѣни, эти злодѣи ни крикомъ, ни мимикой не выражаютъ никакой боли, добродушно поглядывая на своихъ мучителей, точно здѣсь выбиваютъ пыль—и публика смѣется, какъ дѣти надъ палочными ударами марьонетокъ. Въ такихъ сценахъ не выйдешь изъ диллемы: либо отвратительно, либо шутовски,—и чутье художественное въ обыкновенномъ произведеніи ихъ избѣгаетъ. Но религіозная драма не могла и не хотѣла обойти распятія, и тѣмъ религіозной стороны не удержала, а художественную испортила, даже ту, которая дана ей необыкновенно благодарнымъ сюжетомъ.

Такимъ образомъ, драма только стремится достигнуть цѣлей исторической, религіозной и художественной, но ни одной не достигаетъ. Еслибы исполнять ее въ большихъ городахъ при обыкновенныхъ театральныхъ порядкахъ, она давно бы потеряла свой интересъ. Но тутъ совершается цѣлая веселая поѣздка въ милое мѣсто, въ среду интересной деревни, показывающей одинъ разъ въ десять лѣтъ то, чего почти нигдѣ больше не увидишь. Вотъ причина громаднаго наплыва посѣтителей и тѣхъ панегириковъ, которыми осыпаютъ Обераммергау комментаторы его драмы.

Въ рѣдкой книжкѣ, рядомъ съ описаніемъ представленія, вы не встрѣтите описанія деревни и ея жителей, дѣйствительно людей своеобразныхъ и оригинальныхъ. Я далекъ отъ того восхищенія, съ какимъ описываютъ деревню разнаго рода туристы и корреспонденты; и въ Обераммергау вы встрѣтите могущественную богатую семью Лангъ, значительно захватившую въ свои руки и власть, и почетъ, и трудъ своихъ односельчанъ, и рядомъ съ этими патриціями какого-нибудь (играющаго Варавву) несчастнаго старика, который, несмотря на свои 72 года, принужденъ заработывать свой хлѣбъ поденщиной, потому-что во французской войнѣ ему убили его двухъ сыновей. Но, хотя и тутъ нѣтъ идилліи, все-таки эта община крестьянъ-актеровъ, жизнь искусствомъ цѣлой деревни не лишена извѣстной прелести

и даетъ факты весьма курьёзные и поучительные. Когда вы видите какого-нибудь римскаго намѣстника Пилата, разодѣтаго въ богатый костюмъ, стоившій 200 марокъ, во всей его повелительной роли, вы никакъ не подумаете, что передъ открытіемъ представленій онъ развозилъ по деревнѣ тюфяки, привезенные изъ Мюнхена, заработывая по 9-ти марокъ въ недѣлю; что этотъ повелитель питается, со всей семьей, бо́льшею частью однимъ пивомъ и хлѣбомъ, позволяя себѣ только изрѣдка, по праздникамъ, кусокъ говядины. Эта роскошь душевныхъ удовольствій, эта жадность къ сценическому, музыкальному, скульптурному дѣлу, рядомъ со скромной крестьянской обстановкой, особенно поражаютъ богатаго заѣзжаго горожанина, рѣдко понимающаго радости души безъ пресыщенія или хоть довольства тѣла. Искусство видимо благотворно вліяетъ на крестьянъ, развивая въ нихъ, въ извѣстной долѣ, и нравственную, и матеріальную порядочность, которой не могутъ нахвалиться путешественники. Уже одинъ фактъ нѣкотораго равномѣрнаго распредѣленія бо́льшей части дохода съ представленій на всю деревню, посредствомъ оплаты общественныхъ нуждъ, достоинъ полнаго сочувствія. И никто изъ трудившихся на спектакляхъ, какъ бы онъ ни трудился, противъ этого не протестуетъ. Тунеядскаго попрошайничества, такъ преслѣдующаго путешественника въ Италіи и Швейцаріи, здѣсь вовсе нѣтъ; иному здѣшнему актеру-бѣдняку вы доставите большее удовольствіе, поговоривъ о представленіи, чѣмъ еслибъ вы ему дали на водку. Долго ли все это такъ продержится, сказать трудно: въ самомъ успѣхѣ представленій уже гнѣздится отчасти ихъ упадокъ; въ самомъ мирномъ довольствѣ крестьянъ можетъ родиться разладъ. Наплывъ публики приноситъ съ собой большой контингентъ тупого, празднаго, богатаго избалованнаго люда, по преимуществу англичанъ и англичанокъ, способныхъ развратить какую угодно простодушную націю. Люди, не знающіе куда дѣвать свои деньги и бросающіеся отъ скуки на всякую новинку, даже не интересуясь ею, до того подняли значеніе представленій въ Обераммергау, что въ прошломъ году по всей Баваріи проходу не было отъ этого имени. На желѣзныхъ дорогахъ висѣли афиши представленій, въ вагоны бросали спеціальныя объявленія объ нихъ, въ Мюнхенѣ на каждомъ перекресткѣ продавались фотографіи и литографіи дѣйствующихъ лицъ и цѣлыхъ сценъ, въ какомъ угодно форматѣ. Въ музыкальныхъ магазинахъ вы встрѣчали гимнъ извозчиковъ изъ Обераммергау, въ книжныхъ, сверхъ цѣлой массы комментаріевъ и описаній, увидите романъ подъ заглавіемъ: «Духъ-хранитель изъ

Обераммергау» (Der Schutzgeist von Oberammergau), въ театрѣ давали пьесу: «Рѣзчикъ священныхъ фигуръ изъ Обераммергау» (Der Hergottschnitzer von Oberammergau). Дамы, по преимуществу англичанки, гонялись за дѣйствующими лицами драмы; особенно за Мейеромъ, игравшимъ Христа, до назойливости; прибѣгали къ нему пожать его руку, просили фотографіи на память, или хоть одну подпись, или прядь волосъ, дѣлали сами наброски рисунковъ и т. п. До чего дошло это возвеличиваніе, можно судить хоть по тому, что одна изъ многихъ англійскихъ книгъ, описывающихъ представленія духовной драмы въ Обераммергау, представляетъ роскошнѣйшее изданіе (въ форматѣ большихъ кипсековъ) на плотной бристольской бумагѣ, въ великолѣпномъ сафьянномъ переплетѣ, со множествомъ большихъ фотографій, портретовъ и сценъ. Цѣна этому изданію 250 марокъ (125 р.) и были охотники платить такія деньги за эту книгу. Наивные крестьяне-артисты, въ виду такого прилива славы, разумѣется, не всегда могли относиться къ нему спокойно и возъимѣли большое мнѣніе о своихъ особахъ, сказавшееся тамъ и здѣсь въ аффектированномъ тонѣ и въ комической важности, которую иные придаютъ себѣ, разыгрывая библейскія лица и внѣ сцены. Того и ждешь, что какой-нибудь мужичокъ начнетъ тебѣ говорить проповѣди и благословлять. Въ самомъ дѣлѣ, не только вся Европа, даже Америка высылаетъ своихъ сыновъ къ нимъ; германскій кронпринцъ, императорскій наслѣдникъ, ночуетъ въ домѣ бургомистра Ланга: какъ этому Лангу не возъимѣть о себѣ очень высокаго мнѣнія. Винить за это нельзя, но можно бояться, что тутъ кроется начало нѣкоторой порчи. Если, съ одной стороны, большой доходъ представленій возбудитъ страсть къ наживѣ, съ другой—масса любопытныхъ укрѣпитъ самомнѣніе здѣшнихъ жителей и вздумаютъ они играть свою драму чаще, чѣмъ въ 10 лѣтъ разъ, да еще пройдетъ къ нимъ желѣзная дорога, сдѣлаетъ легкимъ сообщеніе и отниметъ красоту поѣздки въ экипажѣ, то все это и вредно повліяетъ на ихъ бытъ и поведетъ къ упадку самихъ спектаклей. Жаль будетъ, разумѣется, не спектаклей, которые не болѣе, какъ курьёзная аномалія, но жаль будетъ добрыхъ нравовъ этихъ деревенскихъ артистовъ, на которыхъ искусство дѣйствуетъ такъ благотворно.

Въ заключеніе, возвращаясь къ тому, чѣмъ начата статья, мы видимъ въ представленіяхъ Обераммергау яркій примѣръ того искусственнаго сближенія церкви съ театромъ, которое столько

разъ проявлялось уже въ древнія времена, постоянно кончаясь разрывомъ. Если глубже вникнуть въ дѣло, увидишь ясно, что усовершенствованія, введенныя Вейсомъ и Дойзенбергеромъ, ихъ такъ-называемое очищеніе религіозной драмы, составляютъ именно то же житейское вульгаризированіе ея, которое въ старину проявлялось мірскими шуточками дьявола и мірскими наклонностями святыхъ. Вейсъ и Дойзенбергеръ, удаляя изъ драмы, по возможности, все мистическое, тѣмъ самымъ, вопреки своей воли, стремились сдѣлать ее житейской. Авторы отняли у Христа всю небесно-поэтическую чудесную обстановку,—отняли въ виду условій театральныхъ, потому-что мысленно чувствуемыя вѣрующимъ чудеса, и безплотные духи, олицетворяясь на сценѣ, превращались въ грубые фокусы; но это улучшеніе въ то же время низвело драму изъ заоблачныхъ сферъ на землю. Сегодня изгнали изъ драмы дьявола, отчего завтра не уничтожить ангела, въ виду невозможности чистой иллюзіи и грубости этого серебреннаго костюма съ крыльями? И тогда моленіе о чашѣ будетъ обыкновеннымъ моленіемъ страдальца за идею. Мы уже видѣли, что Іисусъ драмы болѣе всего привлекателенъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ въ немъ наглядны человѣчныя страданія, и публика остается холодна въ сценахъ божественныхъ проявленій, потому-что ихъ воспроизведеніе не можетъ отвѣчать тѣмъ тонкимъ, чисто идеальнымъ представленіямъ, которыя даетъ вѣра. Еще шагъ впередъ въ этомъ направленіи, и Іисусъ драмы потеряетъ свой божественный обликъ, хотя и останется въ высшей степени привлекательнымъ лицомъ. Въ художественномъ отношеніи драма отъ этого, можетъ быть, и выиграетъ, но въ религіозномъ потеряетъ всякое значеніе; и тогда церковь неминуемо должна будетъ снова отвернуться и отъ этой послѣдней попытки сближенія съ театромъ, открещиваясь отъ него пуще прежняго.

Для интересующихся прилагаемъ, на сколько можно, библіографію представленій въ Обераммергау:

— Oken v. Lorenz (первый печатный отзывъ), Volksfreund 1830; перепечатано въ Sontagsblatt № 215 zur Augsburger Post-Zeitung 1840.

— Guido Görres, Historisch-politische Blätter 1840.

— Deutinger, 1851, собралъ до тринадцати статей въ одну книгу въ 630 страницъ.

— Ludwig Clarus, Das Passionspiel zu Oberammergau. 1860, 164 стр.

— Fr. Lompert, Das Pass. in Ober. 1870, 67 стр.

— E. Devrient, большая тетрадь съ иллюстраціями, Das Oberammergauer Passionspiel, 1851.

— H. Holland, Das Ammergauer Pas. im Jahre 1870.

— J. Försch, Das Pas. zu Ober. 1870.

— Dübbers, Das Oberammergauer Pas., обстоятельное подробное описаніе, 1872.

— E. Knorr, Entstehung und Entwickelung der geistl. Schauspiele in Deutschland und das Pas. im Ober., книга въ 151 стр., компилятивнаго содержанія, дающая меньше чѣмъ обѣщаетъ заглавіе.

— W. Wyl, Maitage in Oberammergau. 1880,—много мелкихъ фактовъ фельетоннаго и анекдотическаго характера, сильно разбавленныхъ болтовней; къ книгѣ приложенъ стенографическій текстъ драмы (безъ стихотворныхъ нумеровъ), текстъ древній 1662 года, два музыкальныхъ нумера (ноты) и портреты нѣсколькихъ актеровъ, исполнявшихъ драму въ 1880 г.

— C. A. Regnet, Nach Oberammergau, маленькая книжечка въ 90 стр., краткое и обстоятельное описаніе, съ приложеніемъ стихотворнаго текста драмы безъ прозаическаго.

Кромѣ того, нѣсколько мелкихъ брошюръ издали: Otto Frick, Nicolevius, Scheffer, Stern, Stein, Steinbrecher, S. Wild, Ulbes, Gross, и др., не считая статей, разсыпанныхъ по газетамъ. Первый отчетъ на французскомъ языкѣ былъ напечатанъ въ 1851 году въ Annales archéologiques, написанный барономъ Руазэнъ. Прошлогодній 1880 г. отчетъ А. Вольфа напечатанъ въ газетѣ Figaro №№ 139, 140, 142, 143. На англійскомъ языкѣ, нѣсколько обстоятельныхъ путеводителей и проч.

Викторъ Крыловъ.

ИЗЪ ЛОРМА.

Изъ дѣтскихъ сказокъ я охотнѣе читалъ
Всегда одну—о томъ, какъ чародѣй упорный
По свѣту бѣлому съ надеждой непокорной
Бродилъ и межъ людей умнѣйшаго искалъ.

Свои несмѣтныя богатства тщетнымъ зовомъ
Онъ обрекалъ тому изъ мудрецовъ земныхъ,
Кто безошибочно и ясно цѣну ихъ
Опредѣлить бы могъ единымъ вѣрнымъ словомъ.

Такой-же чародѣй и наша жизнь: полна
Богатствъ, невѣдомыхъ ни помыслу, ни взору,
Щедра и ласкова, всѣхъ смертныхъ безъ разбору
Къ дарамъ сокровищницъ своихъ зоветъ она.

О сердце! высшій даръ, какимъ бы ты хотѣло
Осуществить свои тревоги и мечты,
Изъ тѣхъ сокровищницъ всегда получишь ты—
Лишь назови его безхитростно и смѣло!

Но ты молчишь: твоимъ страданьямъ нѣтъ конца,
Не обрѣтается таинственное слово!
Видѣньямъ смутныхъ грезъ ты отдаешься снова—
И старый чародѣй все ищетъ мудреца...

В. Лихачевъ.

РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО

Романъ миссъ Брэддонъ

Съ англійскаго.

Глава VIII.—Деревенскій Яго.

Эдуардъ Клеръ возвратился въ свою родную деревню нѣсколько дней спустя, какъ бы немного помятый своей экскурсіей въ столицу. Онъ убѣдился, что преддверіе литературной извѣстности до такой степени переполнено новобранцами, изъ коихъ многіе также богато одарены природой, какъ онъ самъ, что мысль протолкаться впередъ, перешагнуть порогъ храма, показалась ему почти и даже совершенно неосуществимой, особенно для молодого человѣка, желавшаго успѣть въ жизни, не работая слишкомъ усиленно или, въ крайнемъ случаѣ, готоваго трудиться урывками. Стихами своими, когда ему везло, онъ зарабатывалъ около пяти фунтовъ въ мѣсяцъ; когда же счастіе ему не благопріятствовало, онъ не заработывалъ ничего. Сотрудникъ одной газеты, съ которымъ онъ познакомился въ тавернѣ, посовѣтовалъ ему изучить стенографію и попытать счастія въ качествѣ репортера; а затѣмъ, все расширяя и расширяя кругъ своей дѣятельности, дойти до издательскаго кресла. То былъ честный, но тяжелый трудъ, пригодный для заурядныхъ работниковъ; огненная душа Эдуарда Клера возмутилась противъ него.

— Я поэтъ или я ничто, — сказалъ онъ своему пріятелю: «Aut Caesar aut nullus».

— Это былъ прекрасный девизъ для Цезаря,—замѣтилъ журналистъ,—но мнѣ кажется, что людей среднихъ способностей онъ

можетъ только ввести въ заблужденіе. Въ результатѣ такъ часто получается nullus.—Мистеръ Клеръ только-что собирался-было предложить своему пріятелю выпить второй стаканъ водки съ содовой водой, но при этомъ замѣчаніи онъ *сжался*, какъ говорятъ американцы. Среднія способности, какъ бы не такъ! Легко-ли было одному изъ самыхъ бойкихъ послѣдователей Суинбёрна слышать, какъ его величали человѣкомъ среднихъ способностей.

Эдуардъ Клеръ не пожелалъ впречь свой благородный умъ въ газетный плугъ, не пожелалъ даже унизиться на столько, чтобы писать въ прозѣ. Одинъ несчастный издатель сказалъ ему, что если онъ пожелаетъ писать дѣтскія книги, то передъ нимъ откроется обширное поле дѣятельности; но Эдуардъ вышелъ изъ кабинета этого издателя задыхаясь отъ оскорбленной гордости.

— Дѣтскія книжки, вотъ какъ!—бормоталъ онъ:—удивляюсь, что онъ не просилъ меня писать баллады по полъ-пенни за штуку.

Итакъ, не проложивши себѣ дороги къ славѣ и не составивъ опредѣленнаго дохода, истративъ всѣ заработанныя деньги на перчатки и на билеты въ театръ, мистеръ Клеръ возымѣлъ сильнѣйшее отвращеніе къ столицѣ, гдѣ съ нимъ такъ скверно обошлись, и обратилъ мысли свои къ дому родительскому, къ лѣсамъ и полямъ, къ ручейкамъ и лугамъ. Онъ порѣшилъ, что поэтическій темпераментъ требуетъ сельскихъ видовъ, голубого неба, чистаго воздуха. Гейне съумѣлъ жить и писать въ Парижѣ, равно какъ и Альфредъ де-Мюссе, но Парижъ не Лондонъ. Эдуардъ рѣшилъ въ умѣ своемъ, что улицы, окружавшія его городское жилище, были враждебны поэзіи. Ни одна птица не могла пѣть въ подобной клѣткѣ. Правда, Мильтонъ сочинилъ «Потерянный Рай» среди душныхъ городскихъ улицъ, но зато Мильтонъ былъ слѣпъ, а Эдуардъ Клеръ походилъ на весьма извѣстную современную романистку, просившую, чтобы ее не сравнивали съ Диккенсомъ. Онъ бы протестовалъ, еслибъ его вздумали приравнять къ такому безстрастному барду, какимъ былъ Мильтонъ.

— Никогда не написать мнѣ въ Лондонѣ крупнаго произведенія,—говорилъ онъ себѣ:—мнѣ нужно полное спокойствіе среди лѣсовъ и полей.

Онъ окончательно рѣшилъ, что долженъ написать большую поэму, хотя ни сюжетъ ея, ни форма еще не были ему извѣстны. Онъ ждалъ, чтобы божественное дуновеніе вдохновило его. Поэма должна была быть также популярна, какъ «Королевскія

идилліи» Теннисона, но и исполнена страсти. Онъ не намѣренъ былъ писать казеннымъ тономъ, въ угоду кому бы то ни было.

Эдуардъ Клеръ почувствовалъ себя отчасти въ положеніи блуднаго сына, когда возвратился домой въ викаріатъ послѣ своего неудачнаго литературнаго похода. Если онъ не растратилъ всѣхъ своихъ средствъ къ существованію, то единственно потому, что тратить-то было нечего. Онъ истратилъ все, чтѐ присылалъ ему отецъ, и съ незначительными прибавками къ этой пенсіи изъ скуднаго кошелька матери. Онъ возвратился домой безъ гроша денегъ, въ самомъ унылмъ настроеніи духа, и почувствовалъ себя почти оскорбленнымъ, видя, что въ честь его не закололи откормленнаго теленка и что родители его приняли со всѣми признаками отчаянія.

— Право, милый Эдуардъ, надо тебѣ подумать о какой-нибудь опредѣленной карьерѣ,—началъ отецъ.—Для профессіи, можетъ быть, уже поздновато, но правительственныя должности...

— Красныя тесемки и тяжелый трудъ, при такомъ жалованьи, какого хватитъ на сухой хлѣбъ, да на чердакъ,—презрительно перебилъ его Эдуардъ.—Нѣтъ, дорогой отецъ, я возвеличусь какъ поэтъ или паду.

— Мнѣ очень прискорбно это слышать,—сказалъ со вздохомъ викарій,—въ настоящее время, что-то похоже на паденіе.

Эдуардъ собственно хотѣлъ сказать, что онъ будетъ жить на средства отца, покуда публика и критики, или критики и публика не будутъ вынуждены признать его однимъ изъ новыхъ свѣтилъ поэтическаго небосклона. Мистеръ Клеръ это понялъ, и, какъ человѣкъ съ ограниченными средствами, почувствовалъ всю тягость подобнаго положенія вещей.

Эдуардъ прибылъ въ Газельгѐрстъ только наканунѣ званаго обѣда мистриссъ Тревертонъ.

— Да, я поѣду,—сказалъ онъ Селіи, когда она спросила его, принялъ ли онъ приглашеніе Лоры.—Я хочу видѣть, какъ этотъ Тревертонъ разыгрываетъ роль деревенскаго сквайра.

— Точно родился въ ней,—отвѣтила Селія. — Роль совершенно по немъ. Я не хочу оскорблять твоихъ чувствъ, дорогой Недъ, но мистеръ Тревертонъ и Лора самая счастливая чета, какую я когда-либо видала.

— Я не намѣренъ завидовать ихъ счастію, милая моя,—промолвилъ Эдуардъ.—Какое бы чувство я нѣкогда ни питалъ къ Лорѣ, оно умерло и погребено. Женщина, которая могла продаться, какъ продалась она...

— Продаться! О Недъ, какъ можешь ты говорить такія

ужасныя вещи? Говорю тебѣ, что она сильно привязана къ Джону Тревертону.

— И онъ, въ награду за ея привязанность, убѣжалъ отъ нея до истеченія ихъ медоваго мѣсяца, а когда снова появился, послѣ промежутка мѣсяцевъ въ шесть или около того, причемъ никому не было извѣстно, чтó онъ дѣлалъ все это время, она встрѣтила его съ распростертыми объятіями. Оригинальная чета, слова нѣтъ. Но имѣніе, приносящее четырнадцать тысячъ фунтовъ ежегоднаго доходу, можетъ заставить забыть всякую эксцентричность; и я прекрасно понимаю, что мистеръ и мистриссъ Тревертонъ пользуются, среди своихъ сосѣдей, громадной популярностью.

— Пользуются,—горячо проговорила Селія,—и по заслугамъ. Еслибъ ты зналъ, какъ они добры къ своимъ фермерамъ, къ прислугѣ, къ бѣднякамъ.

— Доброта такого рода очень разумное помѣщеніе капитала, мое простодушное дитя. Она можетъ обходиться человѣку процентовъ въ пять съ его дохода и покупаетъ ему всеобщее уваженіе.

— Не будь раздражителенъ, Эдуардъ.

— Я свѣтскій человѣкъ, Селія: меня не одурачишь призраками.

— Такъ никогда не быть тебѣ поэтомъ,—протестовала сестра его.—Человѣкъ, который не вѣритъ, чтобы добрыя дѣла исходили изъ сердца человѣческаго; человѣкъ, который каждый великодушный поступокъ объясняетъ недостойнымъ побужденіемъ, такой человѣкъ никогда не будетъ великимъ поэтомъ. Ужасно слышать все, чтó ты говоришь, Эдуардъ. Этотъ отвратительный Лондонъ развратилъ тебя.

Эдуардъ, на другой день, отправился на обѣдъ, но не со своими. Онъ явился одинъ, довольно поздно, съ тѣмъ, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ его появленіе на Лору Тревертонъ. Увы, для его оскорбленнаго тщеславія! Она привѣтствовала его откровенной улыбкой и дружескимъ рукопожатіемъ.

— Я такъ рада, что вы возвратились вò-время, чтобы провести съ нами нынѣшній вечеръ,—сказала она.

— Я нарочно пріѣхалъ къ нынѣшнему вечеру,—отвѣтилъ онъ, причемъ и въ этихъ простыхъ словахъ зазвучала такая нѣжность, на какую онъ только былъ способенъ.

— Я думаю, что вы всѣхъ здѣсь присутствующихъ знаете; мнѣ не придется васъ представлять.

— Я, разумѣется, знаю мѣстныхъ магнатовъ, но, полагаю,

что встрѣчу у васъ и друзей вашего мужа, съ которыми я незнакомъ.

— Друзей моего мужа нѣтъ,—отвѣтила Лора:—мы строго придерживаемся мѣстнаго общества.

— Въ такомъ случаѣ я боюсь, что вечеръ вамъ покажется скучненекъ.

— Надѣюсь, что ваша блестящая бесѣда поможетъ мнѣ пережить его,—небрежно отвѣтила Лора, и Эдуардъ отошелъ отъ нея, чтобы дать дорогу вновь прибывшимъ.

Ему удалось вызвать въ душѣ ея минутную тревогу, такъ какъ слова его заставили ее задать себѣ вопросъ: почему нѣтъ у мужа ея достойныхъ друзей, которыхъ онъ могъ бы собрать вокругъ себя теперь, когда фортуна ему улыбнулась.

Обѣдъ не былъ особенно веселымъ празднествомъ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ почувствовали, что, съ общественной точки зрѣнія, онъ былъ очень удаченъ. Лэди Паркеръ, въ красномъ бархатномъ платьѣ и брильянтахъ, и лэди Баркеръ въ черномъ атласномъ и рубинахъ, изображали два свѣтила, вокругъ коихъ вращались менѣе крупныя планеты. Разговоръ велся обычный, мѣстный; искренно, горячо одобряли судью, засадившаго девятилѣтняго мальчишку въ тюрьму за кражу трехъ рѣпъ, судью, котораго радикальныя газеты подняли на смѣхъ за эту необходимую поддержку правъ собственности; много разсуждали о надеждахъ на охотничій сезонъ, много толковали о лошадяхъ и собакахъ, слегка коснулись и внѣшняго міра, его надеждъ на миръ или на войну, на голодъ или на обильную жатву. Общество было слишкомъ многочисленно для общаго разговора, и по временамъ бесѣда, то здѣсь, то тамъ сосредоточивалась словно въ фокусѣ, и молчаніе нисходило на нѣсколькихъ избранныхъ, усердно внимавшихъ одному говоруну. Всего чаще случалось это на той сторонѣ стола, съ которой сидѣлъ Эдуардъ Клеръ, черезъ одного отъ Джона Тревертона. Мистеръ и мистриссъ Тревертонъ возсѣдали другъ противъ друга, по срединѣ длиннаго стола; наиболѣе значительные гости группировались вокругъ нихъ, образуя созвѣздіе, состоявшее изъ блестящихъ представителей мѣстнаго общества, а концы стола были предоставлены молодежи и личностямъ мало-извѣстнымъ. Эдуардъ Клеръ случайно попалъ въ составъ созвѣздія: тучный мировой судья неожиданно заболѣлъ подагрой, и въ самую послѣднюю минуту прислалъ письмо съ извиненіями; тогда Лора отправила Селію съ порученіемъ къ дворецкому, произошло перемѣщеніе карточекъ съ надписанными

на нихъ именами гостей, и Эдуардъ Клеръ занялъ, оставшееся свободнымъ, почетное мѣсто.

Она такъ поступила изъ желанія успокоить его взволнованныя чувства, подозрѣвая, что ему, можетъ быть, нѣсколько тяжела эта первая встрѣча съ нею, въ ея новой роли, и зная, что въ чувствительности этого молодого человѣка больше, чѣмъ на половину — тщеславія.

Эдуардъ, въ вознагражденіе, говорилъ прекрасно. Онъ только-что возвратился изъ Лондона и былъ посвященъ во все, что есть самого интереснаго въ кратковременной жизни лондонскаго сезона. Онъ говорилъ о картинахъ, выставленныхъ въ нынѣшнемъ году, пустилъ нѣсколькими острыми стрѣлами сарказма въ новую школу живописи, описалъ первую красавицу сезона и открылъ своимъ слушателямъ тайну ея популярности.

— Самое замѣчательное, — сказалъ онъ въ заключеніе, — это что никто никогда не считалъ ее хорошенькой, пока она, совсѣмъ неожиданно, не появилась въ обществѣ, въ качествѣ единственнаго совершеннаго существа, видѣннаго міромъ со временъ Венеры, открытой на островѣ Милосѣ. Никто больше ея семейства не удивился, когда ее признали царицей красоты, развѣ, можетъ быть, она сама. Мать ея никогда ничего подобнаго не подозрѣвала. Въ школѣ ее скорѣй считали дурнушкой, чѣмъ красивой. Говорятъ, что ее рано выдали замужъ, потому что она въ семействѣ считалась замарашкой, а теперь она не можетъ прокатиться по парку безъ того, чтобы «весь Лондонъ» не вытягивалъ шеи и не напрягалъ зрѣнія, чтобы только увидать ее. Когда она появляется въ обществѣ, женщины влѣзаютъ на стулья, чтобы смотрѣть на нее черезъ плечи сосѣдей. Я думаю, что онѣ хотятъ узнать, какъ это дѣлается. Подобнаго рода популярность можетъ казаться очень пріятной, въ отвлеченномъ смыслѣ, но я полагаю, что барынѣ отъ нея приходится тяжело.

— Почему тяжело? — спросилъ Джонъ Тревертонъ.

— Потому, что съ этимъ положеніемъ не связано никакое жалованье. Первая красавица сезона должна получать что-нибудь, чтобы облегчало ей расходы, сопряженные съ ея годичнымъ срокомъ службы, какъ получаетъ лордъ-мэръ. Посмотрите, чего отъ нея ожидаютъ! Всѣ глаза устремлены на нее. Каждая женщина въ Лондонѣ смотритъ на нее, какъ на образецъ вкуса и элегантности, и усерднѣйшимъ образомъ старается подражать ея туалетамъ. Какъ прикажете ей положить предѣлъ фантазіямъ и счетамъ своей модистки, когда она знаетъ, что всѣ великосвѣтскіе журналы только того и ждутъ, чтобы описать ея послѣднее

платье, расхвалить ея новую шляпку, написать эпиграмму на ея зонтикъ, придти въ восторгъ отъ ея ботинокъ. Можетъ она ѣздить въ наемномъ экипажѣ? Нѣтъ. Можетъ она не явиться на скачки? Нѣтъ. Она и умереть-то должна на ногахъ. По-моему, разъ она занимаетъ и забавляетъ публику,—гораздо больше, чѣмъ лордъ-мэръ: въ скобкахъ будь замѣчено,—она должна получать значительную субсидію изъ общественной кассы.

Покончивъ съ картинами, красавицами и лошадьми, взявшими призы на скачкахъ, Эдуардъ заговорилъ о преступленіяхъ.

— Лондонскіе жители обладаютъ способностью до одуренія толковать объ одномъ и томъ же,—сказалъ онъ.—Мнѣ казалось, что ни газетамъ, ни публикѣ никогда не надоѣстъ бесѣдовать объ убійствѣ Шико.

— Убійство Шико? Ахъ, это балетная танцовщица, не правда-ли?—освѣдомилась лэди Баркеръ, которую такъ заинтересовалъ веселый молодой человѣкъ, сидѣвшій по правую ея руку, что она едва-ли обращала должное вниманіе на мистера Тревертона, помѣщавшагося по лѣвую.—Я помню, что меня сильно заинтересовала эта тайна. Ужасное преступленіе! И какъ глупа полиція—убійцу розыскать не могла.

— Или какъ уменъ убійца, съумѣвшій ускользнуть изъ рукъ полиціи, подъ чужой оболочкой,—проговорилъ Эдуардъ.

— О, онъ навѣрное уѣхалъ въ колоніи или куда-нибудь, —воскликнула лэди Баркеръ. — Изъ Англіи, въ наше время, столько уходитъ кораблей. Неужели вы думаете, что убійца этой несчастной женщины остался въ Англіи?

— Весьма вѣроятно, что остался, скромно притаившись подъ внѣшней оболочкой величайшей добропорядочности,—отвѣтилъ Эдуардъ.

— Вы, значитъ, полагаете, что это сдѣлалъ мужъ?—вмѣшался въ разговоръ сэръ Джошуа Паркеръ, съ своего мѣста по правую руку Лоры.

— Не вижу основанія въ томъ сомнѣваться,—возразилъ Эдуардъ.—Если мужъ не виновенъ, то почему-же онъ исчезъ, какъ только обнаружилось преступленіе?

— Онъ могъ имѣть на то свои причины, причины, не имѣющія ничего общаго со смертью жены,—промолвилъ Джонъ Тревертонъ.

— Какія достаточно-сильныя причины могъ онъ имѣть, чтобы подвергнуться риску быть принятымъ за убійцу?—съ недовѣріемъ спросилъ Эдуардъ.—Ни одинъ невинный человѣкъ не поставилъ бы себя въ подобное положеніе.

— Сознательно, нѣтъ,—сказалъ Джонъ;—но человѣкъ этотъ могъ дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, не обдумавъ послѣдствій своего поступка.

— Допустить это значило-бы счесть его за дурака,—возразилъ Эдуардъ,—а судя по всему, что я о немъ слышалъ, онъ принадлежитъ къ другой половинѣ рода человѣческаго.

— Вы хотите сказать, что онъ негодяй?

— Я хочу сказать, что онъ человѣкъ смышленый. Не таковъ онъ, чтобы, найдя жену съ перерѣзаннымъ горломъ, убѣжать, предоставивъ всѣмъ лондонскимъ газетамъ право клеймить его, какъ труса и убійцу,—рѣшительно проговорилъ Эдуардъ.

Джонъ Тревертонъ разговора этого не сталъ продолжать. Лэди Паркеръ, сидѣвшая по лѣвую его руку, только-что начала разспрашивать его о ввезенныхъ, лишь нѣсколько времени тому назадъ, въ предѣлы Англіи джерсейскихъ коровахъ, сильно ее занимавшихъ, и ему пришлось подробно описать ей ихъ красоты и достоинства. Лора случайно взглянула на Эдуарда Клера, когда онъ пересталъ говорить, и выраженіе его лица поразило и испугало ее. Никогда не видывала она подобнаго злобнаго взгляда на лицѣ человѣческомъ. Только на лицѣ Іуды, на картинѣ одного изъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ, видѣла она такое хитрое и ядовитое выраженіе. И этотъ злобный взглядъ—мимолетный какъ молнія — былъ устремленъ на ея ничего не подозрѣвавшаго мужа, лицо котораго сохраняло серьёзно-вѣжливое выраженіе въ то время, какъ онъ, нѣсколько наклонивъ свою красивую голову, повѣствовалъ лэди Паркеръ о джерсейскихъ коровахъ.

— Господи!—со страхомъ въ душѣ думала Лора.—Неужели этотъ молодой человѣкъ такъ ненавидитъ моего мужа за то, что я его ему предпочла? Что-же это была за любовь, если могла породить подобную злобу!

Позже вечеромъ, когда Эдуардъ подошелъ и склонился надъ оттоманкой, на которой сидѣла Лора, она невольнымъ движеніемъ, выражавшимъ отвращеніе, отвернулась отъ него.

— Я оскорбилъ васъ?—тихимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да. Я за обѣдомъ уловила на лицѣ вашемъ взглядъ, сказавшій мнѣ, что вы не любите моего мужа.

— Неужели вы думаете, что я могу полюбить его очень нѣжно сразу? Вы должны, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ время свыкнуться съ мыслью, что онъ вашъ мужъ. Время заживляетъ большую часть ранъ. Дайте срокъ, Лора, и не судите обо мнѣ слишкомъ строго. На мнѣ лежитъ проклятіе, тяготѣющее надъ

поэтами: я одаренъ душой болѣе впечатлительной, чѣмъ души обыкновенныхъ людей, и люблю, и ненавижу, и презираю, но не такъ какъ они.

— Надѣюсь, что вы будете оставлять эти драгоцѣнные дары природы за дверью, когда вздумаете переступить этотъ порогъ, — сказала Лора съ улыбкой скорѣй презрительной, чѣмъ смягченной. — Я не могу быть дружна съ тѣмъ, кто не любитъ моего мужа.

— Въ такомъ случаѣ, я буду бороться съ собою и постараюсь полюбить Джона Тревертона. Повѣрьте мнѣ, Лора, я хочу быть вашимъ другомъ, предлагаю вамъ честную и не двусмысленную дружбу.

— Такого рода дружбы я и ожидаю отъ сына вашего отца, — проговорила Лора болѣе мягкимъ тономъ.

Она была слишкомъ счастлива, слишкомъ увѣрена въ своемъ счастіи, чтобы не умѣть прощать. Она пыталась переубѣдить себя, разсуждая, вопреки своему инстинкту и внутреннему убѣжденію, и говоря себѣ, что недоброжелательный взглядъ Эдуарда Клера въ сущности не имѣлъ того значенія, какое ей померещилось.

Эдуардъ наблюдалъ, и видѣлъ, что Джонъ Тревертонъ играетъ свою роль хозяина и господина такъ, что даже онъ вынужденъ признать его манеру держать себя безукоризненной. Новый сквайръ не выказывалъ никакого самодовольства, не кичился своей обстановкой, чего можно было ожидать отъ человѣка, нежданно-негаданно получившаго большое состояніе. Онъ не хвасталъ своими винами, своими лошадьми, своими картинами или своей фермой. Онъ относился къ своему новому положенію такъ спокойно, игралъ свою роль такъ естественно, точно родился наслѣдникомъ значительнаго помѣстья.

— Честное слово, они прелестная парочка, — проговорилъ сэръ Джошуа Паркеръ, своимъ самодовольнымъ тономъ, — и настоящее пріобрѣтеніе для общества нашего графства. — Сэръ Джошуа очень любилъ толковать объ *обществѣ нашего графства*, хотя самъ лишь въ недавнее время занялъ мѣсто въ рядахъ его, благодаря тому обстоятельству, что отецъ и дѣдъ его составили себѣ состояніе мыловареніемъ.

Послѣ выше описаннаго маленькаго проблеска гнѣва въ день званаго обѣда, Эдуардъ Клеръ казался олицетвореннымъ дружелюбіемъ. Селія проводила бóльшую часть своего времени въ зáмкѣ, гдѣ ей всегда бывали рады; вполнѣ естественнымъ казалось, что братъ ея Эдуардъ частенько заглядывалъ туда, почти также

часто, какъ въ оные дни, при жизни Джаспера Тревертона. Появленіе его объяснялось столькими причинами. Библіотека замка была гораздо обширнѣе и лучше скромной коллекціи старыхъ книгъ, принадлежавшей викарію. Сады замка были источникомъ истинныхъ наслажденій для поэтической души молодого человѣка. Джонъ Тревертонъ не обнаруживалъ къ нему антипатіи. Онъ, повидимому, смотрѣлъ на поэта какъ на жалкое существо, появленіе или исчезновеніе котораго ни для кого разницы составить не могло.

— Признаться, я съ презрѣніемъ отношусь къ подобнаго рода людямъ,—откровенно сказалъ онъ женѣ.—Изнѣженное существо, бѣлоручка, человѣкъ, открывшій лавочку въ качествѣ острослова и поэта, съ самымъ ограниченнымъ запасомъ товаровъ, причемъ все лучшее выставлено на окнахъ, а въ самой лавкѣ нѣтъ ничего, кромѣ пустыхъ полокъ. Но, разумѣется, пока онъ симпатиченъ тебѣ, Лора, онъ будетъ здѣсь желаннымъ гостемъ.

— Онъ мнѣ симпатиченъ ради его отца и матери, моихъ самыхъ старыхъ и лучшихъ друзей,—отвѣчала Лора.

— Что, въ переводѣ на простой языкъ, значитъ, что ты только выносишь его?—небрежно замѣтилъ Джонъ.

— Чтожъ, онъ безвреденъ, и подчасъ забавенъ. Пусть его ходитъ.

Эдуардъ приходилъ и, казалось, чувствовалъ себя какъ дома и былъ совершенно счастливъ въ небольшомъ семейномъ кружкѣ. Онъ помѣщался у камина въ уютной книжной комнатѣ, принималъ участіе въ непринужденномъ семейномъ разговорѣ, когда осеннія сумерки начинали сгущаться и Лора разливала чай за своимъ хорошенькимъ столикомъ, мужъ сидѣлъ подлѣ нея, тогда какъ Селія, великая охотница до эксцентрическихъ позъ, возсѣдала на коврѣ, разостланномъ передъ каминомъ.

Въ одинъ ноябрьскій вечеръ, съ мѣсяцъ послѣ званаго обѣда, разговоръ случайно коснулся мѣстныхъ магнатовъ, украсившихъ банкетъ этотъ своимъ присутствіемъ.

— Видалъ-ли кто-нибудь когда-нибудь такую смѣшную фигурку, какъ лэди Баркеръ, въ своемъ парикѣ?—воскликнула Селія.—Я право думаю, что ея портниха должна быть очень искусной, чтобы сшить платье, которое бы не расползлось на ней. Я не на толщину ея жалуюсь. Женщина можетъ быть полновѣсной и смотрѣть героиней. Но фигура лэди Баркеръ такая неуклюжая. Когда она опустится на диванъ, такъ и ждешь, что она развалится, словно форма желе, не успѣвшая хорошенько за-

стыть. О, Эдуардъ, ты долженъ видѣть ея портретъ, сдѣланный мистеромъ Тревертономъ, что за прелестная каррикатура!

— Каррикатура! повторилъ Эдуардъ.—Еще новый талантъ: только на прошлой недѣлѣ узналъ я, что Тревертонъ пишетъ масляными красками, а теперь ты говоришь, что онъ и каррикатуристъ. Дальше что будетъ?

— Полагаю, что вы дошли до конца моего небольшого запаса талантовъ,—смѣясь замѣтилъ Джонъ Тревертонъ.—Я нѣкогда забавлялся, пытаясь набрасывать карандашомъ иллюстраціи къ нелѣпымъ свойствамъ людскимъ. Это нравилось моимъ товарищамъ-офицерамъ, и помогало намъ иногда не умереть съ тоски на скучныхъ деревенскихъ стоянкахъ.

— Кстати о каррикатурахъ,—лѣниво проговорилъ Эдуардъ, медленно размѣшивая ложечкой свой чай:—видали-ли вы когда «Шутку-летунью?»

— Юмористическую газету? Да, часто.

— Въ такомъ случаѣ, вы непремѣнно замѣтили произведенія Шикò—того самаго, чтò убилъ свою жену. Онѣ были необыкновенно остроумны, положительно лучшія каррикатуры, какія я когда-либо видалъ со временъ Гаварни; можетъ быть, слишкомъ во французскомъ вкусѣ, но замѣчательно хороши.

— Очень естественно, что онѣ были во французскомъ вкусѣ, если художникъ французъ.

— Извините,—сказалъ Эдуардъ,—онъ такой-же англичанинъ, какъ мы съ вами.—Селія поднялась съ полу и зажгла двѣ свѣчки на бюро Лоры, возлѣ котораго сидѣлъ Эдуардъ. Она выбрала листокъ бумаги изъ груды лежавшихъ на немъ летучихъ листковъ и показала его брату, держа свѣчу въ рукѣ.

— Не прелесть-ли? спросила она.

Эдуардъ разсматривалъ набросокъ съ миной компетентнаго критика.

— Я не хочу, чтобы вы думали, что я стараюсь вамъ льстить, —проговорилъ онъ наконецъ,—но, честное слово, этотъ набросокъ также хорошъ, какъ любая изъ вещей Шико, и совершенно въ его родѣ.

— Это единственный талантъ моего мужа, котораго я хвалить не могу,—съ кроткимъ упрекомъ замѣтила Лора: — его нельзя упражнять безъ недоброжелательства къ тому, чью каррикатуру рисуешь.

— «Если тотъ, кого обокрали, не нуждался въ украденномъ, пусть его не знаетъ о кражѣ и онъ все равно, что не обокраденъ», цитировала Селія, снова занявшая свое смиренное мѣ-

сечко у ногъ Лоры.—Безграничной мудрости Шекспира обязаны мы этимъ открытіемъ; почему не приложить того-же правила и къ каррикатурамъ? Если лэди Баркеръ никогда не узнаетъ, какой живой портретъ ея вы нарисовали, нацарапавъ нѣсколько черточекъ перомъ, то вѣрность изображенія не можетъ повредить ей.

— Но развѣ не въ обычаѣ показывать такого рода вещи всѣмъ близкимъ друзьямъ данной особы, до тѣхъ поръ, покуда она сама не узнаетъ объ этомъ?—спросилъ Эдуардъ, съ своей лѣнивой усмѣшкой.

— Я бы охотнѣе отрубила себѣ правую руку, чѣмъ огорчить безвредную, добродушную старушку,—горячо проговорила Лора.

— Отверните манжету, мистеръ Тревертонъ, подставьте руку подъ топоръ,—воскликнула Селія.—Ну право-же, если фигура лэди Баркеръ напоминаетъ развалившуюся форму желе, она должна это знать. Развѣ одинъ изъ этихъ несносныхъ семи греческихъ старикашекъ, именъ которыхъ никто никогда запомнить не могъ, не выразилъ всей житейской мудрости въ одномъ правилѣ гласящемъ: «Познай самого себя?»

Селія продолжала трещать, Лора и Эдуардъ болтали съ нею, но Джонъ Тревертонъ сидѣлъ серьёзный и безмолвный, задумчиво глядя въ огонь.

Глава IX. — Тѣмъ временемъ по небу прокатился громъ.

Послѣ портрета лэди Баркеръ, Джонъ Тревертонъ не рисовалъ больше карикатуръ. Онъ, повидимому, отложилъ въ сторону карандашъ каррикатуриста въ угоду антипатіи жены къ этому несовмѣстимому съ добродушіемъ искусству. Но высшія сферы искусства имъ оставлены не были, онъ устроилъ себѣ студію въ одной изъ запасныхъ спаленъ, выходившихъ окнами на сѣверъ, и писалъ портретъ жены, правда, сильно идеализированный, надъ которымъ ежедневно съ невыразимымъ наслажденіемъ работалъ часа два. Въ этотъ періодъ его жизни у него было много пріятныхъ занятій. Ферма, охота, управленіе значительнымъ имѣніемъ, которое онъ желалъ держать въ полномъ порядкѣ, не завертывая своихъ талантовъ въ платокъ, подобно евангельскому лѣнивому рабу, но улучшая помѣстье, которое Джасперъ Тревертонъ, въ теченіи своей долгой жизни, значительно расширилъ, но на которое старикъ не совсѣмъ-то охотно тратилъ деньги,—все это, вмѣстѣ взятое, занимало его. Полной счастливой жизнью

жилъ Джонъ Тревертонъ съ женою въ этотъ первый годъ ихъ супружества; обоимъ казалось, что для ихъ совершеннаго счастія больше ничего не требовалось. А, между тѣмъ, со временемъ, когда явилась надежда на рожденіе ребенка въ суровомъ старомъ домѣ, молчаніе котораго такъ давно не нарушалось шумомъ дѣтскихъ шаговъ, осуществленіе этой сладостной надежды показалось супругамъ единственнымъ событіемъ, могущимъ наполнить до краевъ чашу ихъ радостей.

Пока въ замкѣ все дышало блаженствомъ, жизнь проходила довольно пріятно и въ викаріатѣ, гдѣ добрый, благодушный труженикъ-викарій началъ мириться съ мыслью, что его единственный сынъ всю жизнь свою останется праздколюбцемъ, если только на этомъ, повидимому, безплодномъ растеніи когда-нибудь не распустится роскошный цвѣтокъ — геніяльности. Тогда терпѣніе отца, любовь матери, будутъ сразу вознаграждены за томительные дни ожиданія.

Эдуардъ, со времени возвращенія своего подъ кровъ родительскій, съумѣлъ подладиться ко всѣмъ его окружавшимъ. Онъ былъ менѣе циниченъ, чѣмъ въ прежнее время, менѣе склоненъ проклинать судьбу за то, что жизнь его не сложилась болѣе пріятнымъ для него образомъ.

Даже Селія повѣрила, что братъ ея вполнѣ излечился отъ своей привязанности къ Лорѣ.

— Я думаю, что его страсть похожа на страсть бѣднаго, сентиментальнаго старичка Петрарки, — размышляла Селія, прочитавшая съ полъ-дюжины сонетовъ знаменитаго итальянца въ теченіи всей своей жизни: — онъ будетъ еще двадцать лѣтъ писать стихи о предметѣ своей страсти, не ощущая ровно никакого страданія отъ своей платонической привязанности. Ему, кажется, нравится бывать въ замкѣ, они съ Джономъ Тревертономъ отлично ладятъ, принимая во вниманіе различіе ихъ характеровъ.

Эдуардъ очень уютно устроился въ своемъ сельскомъ жилищѣ. Онъ вкусилъ лондонской жизни и искреннѣйшимъ образомъ возненавидѣлъ ее; теперь онъ менѣе прежняго былъ расположенъ ворчать на скуку, царившую въ Девонширской деревнѣ. Что же изъ того, что онъ видѣлъ ежедневно тѣ же неподвижныя, чуть не животныя лица? Не пріятнѣе-ли было смотрѣть на нихъ, чѣмъ на толпу незнакомыхъ лицъ съ такимъ напряженнымъ выраженіемъ, какъ будто ихъ погоня за наживой превратилась въ положительный физическій голодъ, толпу, какая проходила мимо него по дымнымъ улицамъ Лондона? Здѣшнія лица его знали. Здѣсь шляпы приподнимались, когда онъ про-

ходилъ мимо. Люди замѣчали, здоровый ли у него видъ или болѣзненный. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе, былъ важной цифрой въ общей суммѣ деревенской жизни. Его смерть произвела бы сильное впечатлѣніе, его отсутствіе было бы замѣчено. Эдуардъ не чувствовалъ никакой привязанности къ простодушнымъ деревенскимъ жителямъ, но ему пріятно было сознавать, что они къ нему не вполнѣ равнодушны. Онъ поселился въ своемъ прежнемъ гнѣздѣ въ солидномъ, старомъ викаріатѣ, обширномъ домѣ съ каменными стѣнами и массивными дымовыми трубами, отдѣленномъ отъ дороги росвошной, столѣтней изгородью изъ дикаго терновника, съ выходившими на волнистые луга и отдаленные лѣса окнами фасада.

Здѣсь Эдуардъ устроилъ себѣ кабинетъ, въ которомъ могъ работать надъ своимъ великимъ твореніемъ, и гдѣ одиночества его не нарушало ничье вторженіе. Считалось дѣломъ рѣшеннымъ, что труды, которымъ онъ предавался въ этомъ убѣжищѣ, были нелегкіе. Здѣсь онъ, подобно Пиѳіи на ея треножникѣ, отдавалъ душу свою на жертву жестокимъ страданіямъ. Комната находилась на концѣ длиннаго корридора, окно ея выходило въ поле. Здѣсь курить не воспрещалось, хотя самъ викарій не курилъ и питалъ, свойственную людямъ стараго покроя, ненависть къ сигарамъ. Эдуардъ, во время писанія своей поэмы, чувствовалъ потребность въ значительномъ количествѣ табачнаго дыма, чтобы хоть нѣсколько дать отдохнуть своимъ напряженнымъ нервамъ. Если Селія или мистриссъ Клеръ неожиданно отворяли дверь, онѣ заставали поэта откинувшимся на спинку своей качалки, съ сигарой въ зубахъ, съ глазами, задумчиво устремленными на видиѣвшійся изъ окна пейзажъ. Въ такія минуты онъ увѣрялъ мать и сестру, что работаетъ головой. Перечеркнутая и закапанная чернилами рукопись, лежавшая на его письменномъ столѣ, свидѣтельствовала о его усиленныхъ трудахъ; но быстроглазая Селія замѣчала, что работа подвигалась медленно. Для выполненія ея требовалось много размышленій и немало табачнаго дыма. Раза два Эдуарда заставали за чтеніемъ французскаго романа.

— Такъ легко позабыть языкъ, если отъ времени до времени не будешь читать чего-нибудь на этомъ языкѣ, — сказалъ онъ, желая выяснить имъ причину этого кажущагося легкомыслія.

Онъ поддерживалъ сношенія съ наиболѣе извѣстными журналами, посылая имъ такое количество бездѣлокъ во вкусѣ гостиныхъ, какого они только могли ожидать отъ него; благодаря

этому подспорью, онъ могъ хорошо одѣваться и имѣть карманныя деньги, не разоряя отца.

— Все, что мнѣ нужно, это — столъ въ теченіи года или около того, покуда я не составилъ себѣ имени, — сказалъ онъ матери:—невелико, кажется, требованіе единственнаго сына отъ отца.

Викарій согласился, что требованіе скромное. Онъ бы предпочелъ имѣть сына съ болѣе дѣятельнымъ, болѣе живымъ характеромъ, сына—священника, юриста, медика, даже солдата. Но ему не подобало жаловаться, если небо послало ему генія вмѣсто зауряднаго работника. Это была, безъ сомнѣнія, старая исторія некрасиваго утёнка. Со временемъ, бѣлоснѣжныя крылья развернутся для величаваго полета, и восхищенный міръ признаетъ красоту лебедя. Мистриссъ Клеръ, обожавшая своего единственнаго сына, какъ всѣ безхарактерныя матери, радовалась при мысли, что онъ дома, *навсегда дома,* какъ съ восторгомъ объявляла она. Она убрала его комнату съ такой роскошью, какую только позволяли ея незначительныя средства; прибила полки всюду, гдѣ онѣ ему требовались, покрыла каминную доску его бархатомъ, драпировала ее кружевомъ собственной работы, накупила ему пепельницъ, вазъ для табаку, спичечницъ, бюваровъ, туфель, пуховыхъ подушекъ для отдохновенія, мягкихъ пушистыхъ одѣялъ, которыми онъ могъ бы покрывать себѣ ноги, когда опускался на свою удобную кушетку измученный продолжительной борьбой съ неблагосклонной музой. Все, чѣмъ любящая мать можетъ баловать своего сына, было сдѣлано для Эдуарда; но несчастію онъ не былъ созданъ изъ того крѣпкаго вещества, котораго не испортитъ сладкой лести любви.

Бывали часы, когда поэтъ былъ доступенъ. Въ тѣ дни, когда братъ и сестра не бывали въ замкѣ, Селія въ пять часовъ приносила ему чашку кофе, вмѣстѣ съ небольшимъ запасомъ сплетень, какой ей удавалось собрать въ теченіи дня. Она садилась на полъ у камина и весело болтала въ то время, какъ Эдуардъ лежалъ въ креслѣ, прихлебывая кофе и слушая сестру съ видомъ благосклонной снисходительности.

Бо́льшая часть разговоровъ Селіи имѣла, естественно, своимъ предметомъ ея друзей въ замкѣ. Она не была болѣе предубѣждена противъ Джона Тревертона и даже расточала ему восторженныя похвалы. Онъ—прелесть. Какъ мужъ, онъ—совершенство. Она желала, чтобы небо послало на ея долю подобнаго человѣка.

— Я право, думаю, что Лора самая счастливая дѣвушка на свѣтѣ — воскликнула она однажды. — Какой мужъ, какой

домъ, какая конюшня, какіе сады, какое состояніе! Почти досадно видѣть, какъ она все спокойно принимаетъ. Я полагаю, что она признательна Провидѣнію, такъ какъ она страшно богомольна. Но ея хладнокровіе почти бѣситъ меня. Еслибъ я хоть на-половину была такъ счастлива, я бы прыгнула на луну.

— Лора вполнѣ прилична, милая моя: хорошо воспитанные люди никогда не стремятся прыгнуть на луну,—безучастно замѣтилъ Эдуардъ.

— Чисто-братское замѣчаніе!—воскликнула Селія, пожимая плечами.

— Мнѣ очень пріятно слышать, что она такъ счастлива,—продолжалъ Эдуардъ, съ самымъ добродушнымъ видомъ.—Благодаря Бога, я совершенно побѣдилъ мою старую къ ней слабость и могу смотрѣть на ея счастіе безъ ревнивыхъ терзаній. Но меня все же нѣсколько удивляетъ, какъ она можетъ быть такъ беззавѣтно счастлива съ человѣкомъ, о прошломъ котораго ничего не знаетъ.

— Какъ можешь ты это говорить, Недъ? Она знаетъ, кто онъ, чтó онъ, знаетъ, что онъ былъ лейтенантомъ въ одномъ изъ блестящихъ полковъ и вышелъ въ отставку потому, что прожилъ свое состояніе.

— Вышелъ въ отставку ровно семь лѣтъ тому назадъ,—прервалъ Эдуардъ.—Что же онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ?

— Слонялся по Лондону.

— Это крайне-неопредѣленная фраза; подумай только: семь лѣтъ! Онъ долженъ былъ, такъ или иначе, заработывать себѣ средства къ жизни, въ теченіи этого времени; онъ долженъ былъ имѣть свой собственный кругъ знакомства. Почему никто изъ его знакомыхъ глазъ не кажетъ? Почему онъ такъ упорно молчитъ обо всемъ, имъ изведанномъ въ теченіи этихъ семи лѣтъ? Мужчина—себялюбивое животное, моя милая Селія. Будь увѣрена, что если человѣкъ о самомъ себѣ хранитъ молчаніе, значитъ, ему есть чего-нибудь стыдиться.

— Во всемъ этомъ, конечно, есть что-то странное, — соглашалась Селія.—Джонъ Тревертонъ никогда не говоритъ о своемъ прошломъ или, вѣрнѣе, о томъ времени, какое протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ полка. Я думаю, что онъ все это время провелъ въ Лондонѣ, такъ какъ, судя по его разговорамъ, ему страшно опротивѣла лондонская жизнь. Будь я на мѣстѣ Лоры, я бы настояла на томъ, чтобы онъ мнѣ все разсказалъ.

— Между мужемъ и женою не можетъ быть счастія безъ

полнаго довѣрія, — замѣтилъ Эдуардъ.—Прочнаго счастія, по крайней мѣрѣ.

— Бѣдная, милая Лора,—вздохнула Селія.—Я всегда говорила, что бракъ этотъ совершился при дурныхъ предзнаменованіяхъ, но за послѣднее время думаю, что окажусь лжепророкомъ.

— Говорила она тебѣ когда-нибудь, что̀ заставило ея мужа уѣхать вскорѣ послѣ свадьбы?

— Нѣтъ, на этотъ счетъ она была молчалива, какъ могила. Разъ только она мнѣ сказала, что онъ ѣздилъ въ Буэносъ-Айресъ, куда былъ вызванъ по дѣламъ. Больше я отъ нея никогда и ничего добиться не могла.

— Странныя, должно быть, это были дѣла, ради которыхъ человѣкъ оставилъ только-что обвѣнчанную съ нимъ жену,— проговорилъ Эдуардъ.

Селія многозначительно кивнула и, не отрываясь, смотрѣла въ огонь. Она любила Лору, но еще больше любила сплетни.

Эдуардъ испустилъ короткій, нетерпѣливый вздохъ, и капризно повернулъ голову на подушкѣ, сработанной материнскими руками изъ мягчайшей шерсти. Это движеніе, выражавшее отвращеніе къ жизни вообще, не ускользнуло отъ проницательныхъ глазъ сестры его.

— Недъ, милый, я боюсь, что у тебя еще не прошла тоска по Лорѣ,—сочувственно прошептала она.

— Я тоскую по ней только тогда, когда думаю, что она жена негодяя.

— О, Недъ, какъ можешь ты говорить подобныя вещи?

— Селія, человѣкъ, не имѣющій возможности дать отчетъ въ семи годахъ своей жизни, долженъ быть негодяемъ,—рѣшительно проговорилъ Эдуардъ Клеръ.—Пожалуйста, не говори ничего Лорѣ, не пугай ее. Я сегодня толкую съ тобой, точно ты мужчина, и тебѣ можно довѣрять. Жди и наблюдай, какъ буду ждать и наблюдать я.

— Эдуардъ, какъ ты меня пугаешь! Ты заставляешь меня испытывать такое чувство, какъ еслибъ мы жили въ одной изъ деревень у подножія Везувія и ждали, что вотъ-вотъ произойдетъ изверженіе и уничтожитъ насъ всѣхъ.

— Когда-нибудь да произойдетъ взрывъ, повѣрь мнѣ, Селія: взрывъ этотъ разрушитъ за̀мокъ, это также вѣрно, какъ то, что жилище Дарнлея было взорвано на воздухъ въ ту ночь, когда онъ былъ убитъ.

Болѣе онъ ни слова не прибавилъ, хотя Селія охотно бы

продолжала разговоръ. Ему даже было нѣсколько досадно на себя за то, что онъ и это-то высказалъ, хотя онъ не безъ достаточной на то причины подарилъ сестру своимъ довѣріемъ. Онъ желалъ знать все, что только можно было узнать о Джонѣ Тревертонѣ, а Селія могла развѣдать многое, до чего онъ самъ никогда бы не добрался.

— Я, право, думала, что ты начинаешь привязываться къ мистеру Тревертону,—вскорѣ замѣтила дѣвушка.—Вы съ нимъ, повидимому, такъ отлично ладите.

— Я съ нимъ вѣжливъ, ради Лоры. Я бы и не на такое лицемѣріе пошелъ, еслибъ думалъ, что этимъ послужу ей.

Эдуардъ вздохнулъ и снова сердито метнулся головой по подушкѣ. Онъ желалъ причинить Джону Тревертону смертельный вредъ, а между тѣмъ зналъ, что сколько бы зла онъ ни сдѣлалъ своему сопернику, это не будетъ имѣть для него самого никакихъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Выиграть онъ ничего не могъ. Вредъ, причиненный врагу, будетъ непоправимый, смертельный, его имя будетъ опозорено, легко могло быть, что его ждетъ каторга; едва ли можетъ любящая жена пережить подобный ударъ. Все это представлялось уму Эдуарда Клера, какъ не невозможная месть. Къ несчастью месть въ меньшихъ размѣрахъ была для него немыслима. Онъ чувствовалъ, что одаренъ смертоносной силой, но ранить, не убивая, онъ не могъ. Онъ былъ похожъ на змѣю кобру, жало которой снабжено такимъ хитрымъ механизмомъ, что оно остается въ резервѣ до тѣхъ поръ, пока змѣя не пожелаетъ пустить его въ ходъ. Два зуба запрятаны подъ нёбомъ. Когда змѣя нападаетъ на свою жертву, зубы высовываются, ядовитая гланда нажимается, смертельный ядъ стекаетъ по желобку, находящемуся въ зубѣ, и попадаетъ куда слѣдуетъ. Спѣшите тотчасъ же отнять пораженный членъ, или ядъ сдѣлаетъ свое дѣло. Медицина еще не открыла противоядія, могущаго спасти жизнь жертвы.

Глава X.—Всѣхъ пригрѣла.

Рождество приближалось: это былъ первый рождественскій праздникъ въ брачной жизни Лоры, и ея радостно-настроенному воображенію онъ представлялся чѣмъ-то вполнѣ чудеснымъ. Какъ могли они съ Джономъ быть достаточно признательны Провидѣнію за всѣ милости, имъ ниспосланныя? Что могли они сдѣлать, чтобы въ достаточной мѣрѣ осчастливить другихъ людей? Недѣля

за двѣ до праздника, Лора повезла Селію въ Бичамптонъ въ шарабанѣ, запряженномъ парой пони, закупать громадный запасъ одѣялъ, фланелевыхъ юбокъ для старушекъ и теплыхъ сюртуковъ изъ домашняго сукна для стариковъ, страдающихъ ревматизмомъ.

— Имѣешь ли ты понятіе о томъ, сколько ты тратишь, Лора?—спросила практичная Селія.

— Нѣтъ, дорогая; но у меня одна мысль сидитъ въ головѣ, это—чтобы ни одна душа въ окрестностяхъ Газльгёрста не страдала отъ холода и не чувствовала себя несчастной въ нынѣшній праздникъ, если только въ моихъ силахъ пособить горю.

— Боюсь, что ты поощряешь нищенство?—замѣтила Селія.

— Нѣтъ, Селія, я веду войну съ ревматизмомъ.

— Надѣюсь, что ты не ожидаешь благодарности?

— Я ожидаю только, что мои одѣяла защитятъ бѣдняковъ отъ мороза. Теперь ѣдемъ въ колоніальную лавку.

Она весело тряхнула возжами и подъѣхала къ лучшей лавкѣ съ колоніальными товарами въ цѣломъ Бичамптонѣ, на окнахъ которой, за зеркальными стеклами, красовалась пара высокихъ, японскихъ кувшиновъ, говорившая всѣмъ и каждому о значительныхъ размѣрахъ, въ какихъ велась торговля этого магазина. Здѣсь мистриссъ Тревертонъ заказала сто пакетовъ, изъ которыхъ въ каждомъ заключалось достаточное количество чернослову, коринки, сахару, пряностей и цукатовъ, для приготовленія семейнаго рождественскаго пуддинга. Купецъ радовался, занося въ книгу заказъ, и расточалъ краснорѣчивыя похвалы своимъ запасамъ. Изъ магазина колоніальныхъ товаровъ онѣ проѣхали въ кандитерскую, гдѣ Лора заказала такое количество пироговъ, булочекъ и пирожковъ, имѣющихъ быть доставленными въ зàмокъ въ рождественскій сочельникъ, что Селія начала серьёзно опасаться за цѣлость умственныхъ способностей своей пріятельницы.

— На чтò тебѣ вся эта неудобоваримая дрянь?—воскликнула она.—Ты намѣрена торговать пирожнымъ?

— Нѣтъ, милая моя. Всѣ эти вещи мнѣ нужны для моего дѣтскаго вечера.

— Дѣтскій вечеръ—уже! Понять не могу твоихъ побужденій, развѣ только, что ты хлопочешь о будущемъ. Кого же ты пригласишь? Разумѣется всѣхъ дѣтей лэди Паркеръ, внуковъ лэди Баркеръ, мальчиковъ мистриссъ Пендарвисъ, Бригсовъ, Дромпоровъ, Сеймуровъ. Тебѣ необходимы туманныя картины и фокусникъ; можно бы даже устроить живыя картины, такъ-какъ

тебѣ, кажется, дѣла нѣтъ до того, сколько денегъ ты просадишь. Люди въ наше время такъ требовательны, что и отъ дѣтскаго вечера ждутъ многаго.

— Я думаю, что мои гости чувствуютъ себя совершенно счастливыми безъ живыхъ картинъ и даже безъ фокусника.

— Сомнѣваюсь. Эти маленькіе Барвэры страшно стары для своихъ лѣтъ.

— Маленькихъ Баркеровъ не будетъ на моемъ вечерѣ.

— А мальчики Пендарвиси ломаются не хуже студентовъ, перешедшихъ на второй курсъ.

— Я не приглашала мальчиковъ Пендарвисовъ.

— Какія же дѣти, скажи на милость, уничтожать всѣ эти пирожки?—воскликнула Селія.

— Я даю вечеръ дѣтямъ фермеровъ. Все малолѣтнее отдѣленіе школы, находящейся въ завѣдываніи твоего отца, будетъ на лицо.

— Въ такомъ случаѣ, могу только выразить надежду, что ты позаботилась о вентиляціи твоихъ комнатъ; если ты воображаешь, что я соглашусь провести рождественскій сочельникъ въ атмосферѣ, хоть сколько-нибудь напоминающей атмосферу нашей классной комнаты въ малолѣтнемъ отдѣленіи, то ты сильно ошибаешься.

— Я не ошибусь въ своихъ разсчетахъ на добродушіе Селіи Клеръ. Надѣюсь, что ты отъ всего сердца, отъ всей души будешь помогать мнѣ. Даже братъ твой могъ бы быть намъ полезенъ. Онъ могъ бы прочесть что-нибудь смѣшное: «мистриссъ Броунъ въ театрѣ», напримѣръ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Представь себѣ только Альджернона Суинбёрна, читающаго «мистриссъ Броунъ» толпѣ бѣдныхъ ребятишекъ,—со смѣхомъ воскликнула Селія:—увѣряю тебя, что мой братъ Эдуардъ считаетъ себя не менѣе важной особой, чѣмъ мистеръ Суинбёрнъ. Неужели ему отложить въ сторону свое великое твореніе, чтобы изучать «мистриссъ Броунъ. въ театрѣ»?

— Я увѣрена, что онъ охотно поможетъ намъ,—замѣтила Лора.—У меня будетъ ёлка, увѣшанная подарками, по бо́льшей части полезными. Я выпишу изъ Лондона волшебный фонарь, а затѣмъ у насъ будутъ всевозможныя старомодныя игры: жмурки, кошки-мышки, всѣ самыя шумныя, самыя веселыя потѣхи, какія мы только съумѣемъ придумать. Я прикажу очистить и прибрать надлежащимъ для этого случая образомъ залу на половинѣ прислуги, тогда намъ нечего будетъ опасаться за цѣлость милой старой мебели.

— Еслибъ бѣдный старый мистеръ Тревертонъ могъ ожить и видѣть что здѣсь происходитъ!—воскликнула Селія.

— Я увѣрена, что онъ бы обрадовался, узнавъ, что его состояніе употребляютъ на то, чтобы сдѣлать другихъ счастливыми. Подумай обо всѣхъ этихъ бѣдныхъ дѣткахъ, Селія, которымъ почти неизвѣстно значеніе слова *удовольствіе*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его богатые люди.

— Тѣмъ лучше для нихъ,—философски замѣтила Селія.—Удовольствія богатыхъ страшно безсодержательны. Чтожъ, Лора, ты добрая душа, и я всѣми силами буду помогать тебѣ управиться съ твоимъ дѣтскимъ праздникомъ. Желала бы я знать, неужели четырнадцать тысячъ фунтовъ въ годъ развили бы во мнѣ наклонность къ благотворительности? Боюсь, что мои расходы возрасли бы въ такой пропорціи, что на дѣла благотворенія у меня бы просто средствъ не хватило.

До наступленія рождественскаго сочельника жизнь Лоры омрачилась; полное счастіе стало невозможнымъ даже для нея, стремившейся радовать другихъ. Джонъ Тревертонъ заболѣлъ лихорадкой. Онъ не былъ опасно боленъ. Мистеръ Мортонъ, мѣстный докторъ, лечившій Джаспера Тревертона въ теченіи двадцати лѣтъ, искусный и опытный врачъ, очень легко относился къ его болѣзни. Паціентъ простудился, возвращаясь издалека домой, по дождю, на усталой лошади, послѣ охоты; послѣдствіемъ простуды были лихорадочные симптомы, и мистеръ Тревертонъ нѣсколько ослабъ, вотъ и все. Единственныя необходимыя лекарства были покой и хорошій уходъ, а для человѣка, въ условіяхъ Джона Тревертона, оба были доступны.

— Должна ли я отложить свой дѣтскій праздникъ?—тревожно спрашивала Лора за день до рождественскаго сочельника.—Мнѣ было бы очень жаль огорчить бѣдняжекъ, но,—здѣсь голосъ ея дрогнулъ,—еслибъ я только могла думать, что Джону будетъ хуже.

— Дорогая мистриссъ Тревертонъ, ему не будетъ хуже, онъ быстро поправляется. Развѣ я не говорилъ вамъ, что нынче утромъ пульсъ былъ значительно сильнѣе? Надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней онъ будетъ здоровъ, но я продержу его въ его комнатѣ до конца недѣли и не позволю ему принимать участіе ни въ какихъ рождественскихъ торжествахъ. Что касается до вашего дѣтскаго праздника, то если вы можете устроить дѣло такъ, чтобы шумъ до него не доходилъ, то вамъ нѣтъ рѣшительно никакой причины его откладывать.

— Зала на половинѣ прислуги находится на совершенно

противоположномъ концѣ дома,—промолвила Лора.—Не думаю, чтобы шумъ могъ доноситься до его комнаты.

Разговоръ этотъ между мистриссъ Тревертонъ и докторомъ происходилъ въ кабинетѣ Джона Тревертона, рядомъ съ его спальней, въ той именно комнатѣ, въ которой они съ Лорой впервые встрѣтились.

— Это все, о чемъ вы должны позаботиться,—замѣтилъ мистеръ Мортонъ.

Лора была единственной сидѣлкой своего мужа въ теченіи всей его болѣзни. Она проводила съ нимъ цѣлые дни, просиживала надъ нимъ ночи, засыпая, по временамъ, на удобномъ старомъ диванѣ, стоявшемъ въ ногахъ большой старомодной кровати. Тщетно говорилъ ей Джонъ объ опасности, угрожавшей ея собственному здоровью отъ утомленія, соединеннаго съ этимъ нѣжнымъ за нимъ уходомъ. Она увѣряла его, что никогда не чувствовала себя лучше и крѣпче, и никогда не спала болѣе освѣжающимъ сномъ, чѣмъ теперь на широкомъ старомъ диванѣ.

Они были счастливы, даже въ это тревожное время. Лора съ восторгомъ читала больному вслухъ, писала его письма, наливала ему лекарство, всячески прислуживала ему въ болѣзни, въ худшія минуты производившей въ немъ лишь чувство слабости и безпомощности. Объ одномъ сожалѣла она, думая о дѣтскомъ праздникѣ, это—что большую часть этого вечера она принуждена будетъ провести внѣ комнаты больного. Вмѣсто того, чтобы читать мужу вслухъ, она должна будетъ всѣ свои помышленія сосредоточить на игрѣ въ жмурки.

Тихо спустились на землю зимнія сумерки; шелъ небольшой снѣгъ; было четыре часа. Лора сидѣла за маленькимъ столикомъ у кровати мужа и пила съ нимъ чай въ первый разъ съ самаго начала его болѣзни. Онъ провелъ нѣсколько часовъ, среди дня, въ креслѣ, и теперь лежалъ поверхъ постели, тепло укутанный въ свой длинный, мѣхомъ опушенный халатъ. Его сильно занималъ дѣтскій праздникъ; онъ разспрашивалъ Лору, желая узнать, что́ именно она устроила для забавы своихъ гостей.

— По-моему самое важное, это—дать имъ всласть покушать,—задумчиво говорилъ онъ.—Никогда не случалось мнѣ видѣть ничего ближе подходящаго къ полному счастью, какъ ребенка, который ѣстъ что-нибудь, что́ считаетъ вкуснымъ. Душа этого младенца, въ данную минуту, испытываетъ полное блаженство. Онъ живетъ въ настоящемъ, и только въ настоящемъ. Его ма-

ленькая жизнь замкнута въ тѣсный кругъ, обозначаемый словомъ: *теперь*. Медленно, вдумчиво причмокиваетъ онъ губами и упивается вкусомъ любимаго яства. Едва-ли можетъ землятресеніе оторвать его отъ этого глубокаго и спокойнаго наслажденія. Съ послѣднимъ вкусомъ радость исчезаетъ, и ребенокъ узнаётъ, что земныя удовольствія скоропреходящи. Предоставь твоимъ маленькимъ гостямъ право набивать себѣ желудки въ теченіи цѣлаго вечера и набить себѣ карманы передъ возвращеніемъ домой, Лора, и они будутъ совершенно счастливы.

— А на другой день бѣдняжки будутъ больны и несчастны. Нѣтъ, Джэкъ, они будутъ веселиться нѣсколько разумнѣе, чѣмъ ты предлагаешь: каждый отнесетъ что-нибудь тому изъ домашнихъ, кого больше любитъ, такъ что даже въ дѣтскомъ представленіи *веселье* не будетъ вполнѣ эгоистическимъ понятіемъ. Но мнѣ такъ жаль будетъ оставить тебя на цѣлый вечеръ, Джекъ.

— А мнѣ еще жальче будетъ разстаться съ тобой, голубка. Я постараюсь проспать часы твоего отсутствія. Не дашь-ли ты мнѣ теперь хорошенькую дозу опіума, Лора?

— Ни за что, милый! я ненавижу всякія снотворныя средства и прибѣгаю къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Я постараюсь забѣжать къ тебѣ раза два въ теченіе вечера, на полъчасика. Селія замѣнитъ меня.

— Надѣюсь, что ты предоставишь ей бо̀льшую часть твоей работы, и что я очень часто буду видѣть милое личико, которое такъ люблю. Кто приглашонъ, кромѣ дѣтей?

— Только мистеръ Сампсонъ съ сестрою и Эдуардъ Клеръ. Эдуардъ прочтетъ дѣтямъ легенду; я предлагала: *мистриссъ Броунъ въ театрѣ*, но онъ и слышать о ней не хочетъ. Боюсь, что дѣти легенды не поймутъ.

— Вамъ съ Селіей придется смѣяться первымъ.

— Не думаю, чтобы я могла смѣяться, покуда ты здѣсь заточенъ.

— Заточеніе это было самое кратковременное, и твое милое общество сдѣлало его очень пріятнымъ.

Глава XI.—Дѣтскій праздникъ.

Зала на половинѣ прислуги была одна изъ лучшихъ комнатъ въ за̀мкѣ. Находилась она на задахъ дома, вдали отъ всѣхъ пріемныхъ покоевъ, и составляла нѣкогда часть гораздо болѣе стараго зданія, чѣмъ за̀мокъ, къ которому нынѣ принад-

лежала. Освѣщалась она двумя четырехъ-угольными рѣшетчатыми окнами, выходившими на конюшенный дворъ. Въ залѣ имѣлась также дверь, выходившая прямо на тотъ же дворъ и представлявшая удобный входъ для бродягъ и цыганъ, смѣло бросавшихъ вызовъ дворовымъ собакамъ и твердо знавшихъ, что самый грозный песъ, когда-либо выражавшій своимъ лаемъ ненависть къ лохмотьямъ и нищенству, страшенъ только въ предѣлахъ описываемаго его длинной цѣпью круга.

Въ этотъ рождественскій сочельникъ зала смотрѣла такой веселой комнатой, какую только можно было выбрать для вечерняго праздника. Громадныя полѣна пылали и трещали въ широкомъ, старинномъ каминѣ; свѣтъ, отъ нихъ падавшій, переливался по выбѣленнымъ стѣнамъ, украшеннымъ вѣнками изъ терновника и плюща и освѣщеннымъ многочисленными свѣчами въ жестяныхъ канделябрахъ, сдѣланныхъ нарочно для этого случая деревенскимъ кузнецомъ. На двухъ длинныхъ столахъ было разставлено такое угощеніе, какое деревенскій ребенокъ можетъ увидать въ счастливомъ сновидѣніи, но едва-ли можетъ надѣяться встрѣтить въ дѣйствительности. Тутъ были горы нарѣзаннаго кусками сладкаго пирога, цѣлыя пирамиды изъ булочекъ и поджареннаго хлѣба съ масломъ, хрустальные кувшины, полные желе рубиноваго цвѣта, груды мармалада. Гости были приглашены къ шести часамъ; когда часы начали бить, они ввалили цѣлой толпой, съ сіяющими лицами и красными, какъ вишни, щеками и носами, послѣ своей прогулки по снѣгу.

Не часто шелъ снѣгъ въ этомъ краю; снѣжокъ на Рождествѣ почитался явленіемъ пріятнымъ и своевременнымъ, составлялъ событіе, которому радовались дѣти. Лора принимала своихъ молодыхъ гостей съ помощью мистера Сампсона, его сестры, Селіи Клеръ и всѣхъ слугъ. Эдуардъ обѣщалъ зайти попозже. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы выказать свой талантъ комическаго чтеца, но и не думалъ раздѣлять утомленіе, сопряженное съ подобнаго рода праздникомъ. Мистеръ и мистриссъ Клеръ хотѣли заглянуть въ теченіе вечера, чтобы посмотрѣть на веселье своихъ маленькихъ прихожанъ.

Чаепитіе было вполнѣ удачно. Селія работала на славу. Пока мистриссъ Тревертонъ и миссъ Сампсонъ разливали чай, живая барышня летала въ разныя стороны съ тарелками пирожковъ, намазывала варенье на безчисленное множество кусковъ хлѣба, завязывала тесемки у двадцати передниковъ, наполняла каждую тарелку, въ ту минуту, когда она оказывалась пустой, и ежеминутно заботилась объ удовольствіи пировавшихъ,

сидѣвшихъ въ счастливомъ молчаніи, съ серьёзными, но подвижными лицами, и механически набивавшихъ себѣ рты.

— Неправда-ли, трудно повѣрить, что имъ страшно весело? шепнула Селія, подходя къ Лорѣ за свѣжимъ запасомъ чая:— а я знаю, что оно такъ, они всѣ такъ тяжело дышатъ. Будь это собраніе аристократіи графства, ты бы могла почесть его неудавшимся, но въ данномъ случаѣ, молчаніе означаетъ восторгъ.

Когда пробило семь, столы убрали. Началась веселая игра въ жмурки, и молчаливые гости подняли такой шумъ, какимъ сопровождается полетъ стаи грачей въ часъ солнечнаго заката. Въ восемь часовъ прибыли мистеръ и мистриссъ Клеръ, а немного позже Эдуардъ, который вошелъ въ комнату съ нѣсколько кислымъ видомъ, точно будто онъ не окончательно рѣшилъ въ умѣ своемъ,—долженъ-ли онъ собственно быть здѣсь.

Онъ прямо подошелъ къ Лорѣ, которая только что возвратилась отъ мужа, у изголовья котораго провела полъ-часа.

— Что за гамъ!—сказалъ онъ.—Я пришелъ исполнить свое обѣщаніе, но неужели вы думаете, что этихъ маленькихъ животныхъ займетъ легенда о «Реймской Галкѣ»?

— Я думаю, что они будутъ рады посидѣть нѣсколько времени смирно, послѣ своей бѣготни, и не сомнѣваюсь въ томъ, что галка насмѣшитъ ихъ. Съ вашей стороны очень мило, что вы пришли.

— Право? Еслибъ вы знали, какъ я ненавижу малолѣтнихъ школьниковъ, вы бы могли это сказать, но еслибъ вы знали какъ я... онъ не докончилъ своей фразы.

— Каковъ Тревертонъ?—спросилъ онъ.

— Ему гораздо лучше. Мистеръ Мортонъ говоритъ, что черезъ день или два онъ будетъ совсѣмъ здоровъ.

— Я сейчасъ, на дорогѣ, у самыхъ вашихъ воротъ обогналъ личность довольно страннаго вида, настоящаго лондонскаго богему, человѣка, самая походка котораго напомнила мнѣ худшіе кварталы этого необыкновеннаго города. Понятія не имѣю, кто онъ такой, но готовъ поклясться, что онъ лондонскій житель, мошенникъ и авантюристъ; мнѣ смутно помнится, что я его прежде видалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Вы, вѣроятно, оттого и обратили на него вниманіе?

— Нѣтъ, меня поразила его фигура, вся его манера. Онъ, какъ-бы преднамѣренно, похаживалъ у воротъ; можетъ быть, намѣреніе его было не изъ самыхъ лучшихъ. Вы, вѣроятно, слы-

хали объ особомъ видѣ воровства, извѣстнаго подъ именемъ *галлерейнаго*.

— Нѣтъ, я въ подобныхъ тонкостяхъ ничего не понимаю.

— Это очень обыкновенное преступленіе въ наше время. Деревенскій домъ съ галлерей представляетъ отличное поле для обнаруженія геніальности разбойниковъ. Одинъ изъ шайки, по наступленіи сумерекъ, влѣзаетъ на галлерею, выбирая преимущественно тотъ часъ, когда семейство обѣдаетъ, съ крыши галлереи спускается въ окно и затѣмъ преспокойно впускаетъ въ домъ своихъ сообщниковъ. Обыкновенно въ подобныхъ грабежахъ, одинъ изъ членовъ шайки, самый умный и образованный, не принимаетъ въ фактѣ преступленія никакого дѣятельнаго участія. Ему принадлежитъ вся умственная работа, онъ задумываетъ предпріятіе и руководитъ имъ; но, хотя полиція его знаетъ и отдала бы все на свѣтѣ, чтобы поймать его на мѣстѣ преступленія, онъ никогда не попадается въ разставленныя ею ловушки. Индивидуумъ, котораго я нынче вечеромъ видѣлъ у вашихъ воротъ, показался мнѣ именно такого рода человѣкомъ.

Лора сдѣлалась очень серьёзной, ее какъ будто испугала мысль о грабежѣ.

— Человѣкъ этотъ былъ молодъ или старъ?—задумчиво спросила она.

— Ни то, ни другое. Онъ среднихъ лѣтъ, можетъ быть, даже пожилой, но, конечно, не старый. Онъ прямъ какъ копье, худощавъ, но широкоплечъ и имѣетъ военную осанку.

— Что заставило васъ думать, что онъ питаетъ дурныя намѣренія относительно этого дома?—спросила Лора, причемъ лицо ея отуманилось, подъ вліяніемъ тревожныхъ думъ.

— Мнѣ не понравилась его манера расхаживать у воротъ. Онъ, казалось, сторожилъ кого-то или что-то, выжидалъ удобной минуты. Я не хочу пугать васъ, Лора. Я хочу только предостеречь васъ, чтобы вы приказали людямъ нынче вечеромъ, съ особеннымъ тщаніемъ осмотрѣть всѣ двери и всѣ ставни. Человѣкъ этотъ можетъ быть и совершенно безвредный, какой-нибудь ободранный знакомый вашего мужа. Нельзя молодому человѣку жить въ Лондонѣ безъ того, чтобы подобнаго рода грязь не пристала къ его одеждѣ.

— Подобное предположеніе, съ вашей стороны, не лестно для моего мужа,—съ обиженнымъ взглядомъ проговорила Лора.

— Моя дорогая, Лора, неужели вы думаете, что мужчина можетъ прожить вѣкъ свой, не сведя знакомства съ такими личностями, которыхъ онъ не желалъ бы выставить всѣмъ на показъ,

при яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца. Вамъ извѣстна старинная поговорка на счетъ бѣдности и странныхъ товарищей, доставляемыхъ ею. Надѣюсь, что съ моей стороны не будетъ дерзостью напомнить вамъ, что мистеръ Тревертонъ не всегда былъ богатъ.

— Нѣтъ. Я не стыжусь его прошлой бѣдности, но мнѣ было бы стыдно, если-бъ я думала, что у него, во времена его крайности, были знакомые, которыхъ онъ устыдился бы теперь, когда сталъ богатъ. Не начнете-ли вы ваше чтеніе? Дѣти готовы.

Ребятишки, раскраснѣвшіеся отъ своихъ игръ, были разсажены по скамейкамъ соединенными усиліями Тома Сампсона, его сестры и Селіи Клеръ и теперь угощались сладкимъ пирогомъ, запивая его подогрѣтымъ виномъ. Селія поставила маленькій столикъ, съ двумя свѣчами и стаканомъ воды, на концѣ комнаты, для бо́льшаго удобства чтеца.

— Молчать!—скомандовалъ мистеръ Сампсонъ, когда Эдуардъ подошелъ къ своему мѣсту, слегка кашлянулъ и раскрылъ книгу.—Молчать и слушать «Реймскую Галку».

The Jackdaw sat on the Cardinal chair,
Bishop, and abbot, and prior were there,
Many a monk and many a friar,
Many a knight and many a squire [1].

началъ Эдуардъ.

Громкій звонокъ, раздавшійся у входной двери, заставилъ его вздрогнуть. Онъ остановился на минуту и взглянулъ на Лору, сидѣвшую съ викаріемъ и его женой у камина на противоположномъ концѣ комнаты. При звукѣ звонка, она быстро вскинула глазами и, съ взволнованнымъ видомъ, устремила ихъ на дверь, точно ожидая, что кто-нибудь войдетъ.

Онъ не могъ найти никакого предлога, чтобы пріостановить свое чтеніе, хотя любопытство его и было сильно возбуждено этимъ звонкомъ и очевиднымъ смущеніемъ Лоры. Онъ машинально продолжалъ читать, думая о томъ, что́ теперь происходило въ залѣ нижняго этажа, ненавидя ребятишекъ, жадно ловившихъ каждое его слово и сидѣвшихъ передъ нимъ съ разинутыми ртами и широко-раскрытыми глазами, тогда какъ Селія, сидѣвшая въ концѣ перваго ряда, первая смѣялась и апплодировала.

— Гдѣ встрѣчалъ я этого человѣка?—снова и снова спрашивалъ онъ себя, продолжая читать.

---

[1]) Галка сидѣла на стулѣ кардинала; епископъ, аббатъ и пріоръ, всѣ были на лицо, много тутъ было монаховъ, рыцарей и сквайровъ.

Отвѣтъ блеснулъ въ умѣ его, среди какой-то фразы.

— Это человѣкъ, котораго я видѣлъ съ Шико въ Друрилевѣ; человѣкъ, съ которымъ я разговаривалъ въ тавернѣ.

Дверь отворилась, торжественный и полновѣсный Триммеръ вошелъ и тихонько пробрался къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла его госпожа. Онъ что-то шепнулъ ей, затѣмъ она шопотомъ сказала мистрисъ Клеръ нѣсколько словъ,—вѣроятно просила извиненія въ томъ, что оставляетъ ее, и послѣдовала за Триммеромъ изъ комнаты.

«Чтó этому человѣку,—если только это звонилъ онъ,—можетъ быть нужно *отъ нея*», недоумѣвалъ Эдуардъ; онъ былъ до такой степени взволнованъ, что лишь съ большимъ трудомъ могъ продолжать чтеніе. «Неужели тайна будетъ обнаружена нынче вечеромъ? Неужели козыри будутъ вырваны у меня изъ рукъ?»

Глава XII.—Безкорыстный папенька.

— Какой-то господинъ желаетъ васъ видѣть, сударыня. Онъ проситъ извиненія, что явился такъ поздно, но онъ прибылъ издалека и будетъ очень благодаренъ, если вы примете его.

Эти именно слова прошепталъ дворецкій на ухо мистриссъ Тревертонъ, подавая ей въ то же время карточку, на которой было написано: *Полковникъ Мансфильдъ.*

Прочитавъ это имя, Лора встала, извинилась передъ мистриссъ Клеръ и спокойно выскользнула изъ комнаты.

— Гдѣ оставили вы этого джентльмена?—спросила она у дворецкаго.

— Я оставилъ его въ залѣ, сударыня. Я не былъ увѣренъ, что вы пожелаете видѣть его.

— Онъ въ родствѣ съ моимъ семействомъ,—проговорила Лора, слегка запинаясь;—я не могу не принять его.

Этотъ короткій разговоръ происходилъ въ корридорѣ, соединявшемъ залу на половинѣ прислуги съ лицевыми комнатами.

Высокій человѣкъ, укутанный въ широкое пальто изъ грубаго сукна, стоялъ у самаго порога залы нижняго этажа, тогда какъ подчиненный Триммера, деревенскій малый въ темно-коричневой ливреѣ, помѣщался въ непринужденной позѣ у камина, очевидно, поставленный тутъ для защиты зáмка отъ всякихъ злоумышленныхъ покушеній, со стороны неизвѣстнаго посѣтителя.

Лора подошла къ незнакомцу и подала ему руку, не говоря ни слова. Она была очень блѣдна, очевидно было, что гость

былъ ей также непріятенъ, какъ посѣщеніе его было для нея неожиданно.

— Вамъ всего лучше пройти въ мой кабинетъ,—сказала она.—Тамъ въ каминѣ разведенъ хорошій огонь. Триммеръ, подайте въ кабинетъ свѣчи и вина.

— Мнѣ бы лучше водки,—сказалъ незнакомецъ.—Я продрогъ до костей. Восьмичасовое путешествіе въ такомъ вагонѣ, въ какомъ возятъ скотъ, можетъ заморозить и молодую кровь. Для человѣка моихъ лѣтъ, страдающаго хронической невралгіей, оно составляетъ настоящее мученіе.

— Мнѣ очень жаль,—прошептала Лора, устремляя на него взглядъ, въ которомъ состраданіе боролось съ отвращеніемъ.— Пожалуйте сюда. Мы можемъ спокойно потолковать въ моей комнатѣ.

Она поднялась по лѣстницѣ—незнакомецъ шелъ за нею по пятамъ—и повернула въ галлерею, на которую выходила дверь изъ кабинета Джона Тревертона, бывшаго также ея собственной любимой гостиной. Въ этой комнатѣ они съ мужемъ впервые встрѣтились, два года тому назадъ, въ совершенно такую же ночь. Рядомъ съ кабинетомъ была спальня, въ которой теперь лежалъ Джонъ Тревертонъ. Она не желала, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ ея разговора съ сегодняшнимъ посѣтителемъ; но она чувствовала себя подъ нѣкоторой защитой, зная, что мужъ близко и что она каждую минуту можетъ позвать его. До сихъ поръ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она бывала вынуждена встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ, и являлась передъ нимъ одна, безо всякой защиты, никогда не ощущала она своего одиночества такъ живо, какъ въ подобныя минуты.

— Мнѣ бы слѣдовало сказать Джону всю правду,—говорила она себѣ;—но какъ могла я, какъ могла я сознаться.

Она, слегка вздрогнувъ, оглянулась на человѣка шедшаго за нею. Тѣмъ временемъ, они уже дошли до двери кабинета, она отворила ее, онъ вошелъ вслѣдъ за нею и заперъ за собою дверь.

Весело пылалъ огонь въ красивомъ, разукрашенномъ каминѣ. На столѣ стояли свѣчи и стариннаго фасона бутылка на серебряномъ подносѣ, одинъ видъ которой привелъ въ восторгъ душу путника. Онъ налилъ себѣ стаканъ водки и опорожнилъ его, не говоря ни слова.

Онъ испустилъ глубокій вздохъ удовольствія или облегченія, ставя стаканъ на столъ.

— Теперь немножко лучше,—сказалъ онъ, а затѣмъ сбро-

силъ пальто, шарфъ, и повернулся спиной къ камину. Лицо, которое онъ обратилъ къ свѣту, было лицо мистера Дерроля.

Онъ постарѣлъ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Морщины его стали глубже, щеки ввалились, глаза были дикіе, налитые кровью. Жизнь быстро уходитъ отъ человѣка, единственную пищу котораго составляетъ водка.

— Чтожъ,—воскликнулъ онъ рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ.— Вы не слишкомъ горячо меня привѣтствуете, дитя мое.

— Я васъ не ожидала.

— Тѣмъ пріятнѣе долженъ быть сюрпризъ. Представьте себѣ только нашу встрѣчу въ томъ видѣ, въ какомъ бы ее описали въ романѣ или драмѣ. Вы бы непремѣнно широко разставляли руки, вскрикивали и кидались ко мнѣ на грудь. Помните-ли вы Юлію въ «Горбунѣ»? Съ какимъ восторженнымъ воемъ бросается она въ объятія Вальтера!

— А помните-ли вы, чѣмъ Вальтеръ былъ для Юліи?— спросила Лора, пристально глядя на его дико-блуждавшіе глаза, избѣгавшіе ея взора.

— Дѣйствительная жизнь вяла и безцвѣтна въ сравненіи съ драмой, — замѣтилъ Дерроль. — Что до меня, то она мнѣ искреннѣйшимъ образомъ надоѣла.

— Мнѣ очень грустно, что у васъ такой болѣзненный видъ.

— Я—ходячее страданіе. Во всемъ тѣлѣ моемъ нѣтъ ни одного мускула, который бы не болѣлъ своей особенной болью.

— Не можете-ли вы найти облегченія отъ этой болѣзни? Неужели въ Германіи не существуетъ минеральныхъ водъ, могущихъ излѣчить васъ?

— Понимаю,—прервалъ Дерроль.—Вы были бы очень рады отдѣлаться отъ меня.

— Я была бы рада уменьшить ваши страданія. Когда я въ послѣдній разъ писала къ вамъ, я послала вамъ гораздо болѣе значительное пособіе, чѣмъ когда-либо прежде, и сказала, что буду выдавать вамъ шестьсотъ фунтовъ въ годъ, по полтораста черезъ каждые три мѣсяца. Я думала, что этихъ денегъ хватитъ на удовлетвореніе всѣхъ вашихъ потребностей. Мнѣ очень жаль было слышать, что вы были вынуждены путешествовать въ вагонѣ третьяго класса въ такую холодную погоду.

— Мнѣ не повезло, — отвѣчалъ Дерроль.—Я былъ въ Булони: пріятный городъ, но населенный мошенниками. Я попался въ руки ворамъ, и меня обчистили. Вы должны нынче вечеромъ дать мнѣ пятьдесятъ или сто фунтовъ и не вычитать этой суммы изъ вашего ближайшаго взноса. Вы теперь богатая женщина и

могли бы дѣлать для меня втрое больше, чѣмъ дѣлаете. Почему не сказали вы мнѣ, что вы замужемъ? Хорошее обращеніе со стороны дочери, нечего сказать.

— Отецъ, — воскликнула Лора, глядя на него все тѣмъ-же спокойнымъ взоромъ: — хотите-ли вы, чтобы я сказала вамъ правду?

— Разумѣется. Чего же я и добиваюсь?

— Даже, если она покажется вамъ суровой и жестокой, какой правда часто бываетъ?

— Говори смѣло, дитя. Мои бѣдныя старыя кости слишкомъ долго мотались по свѣту, чтобы имъ разсыпаться отъ нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ.

— Какъ можете вы требовать отъ меня дочерней любви? — спросила Лора тихимъ, серьёзнымъ тономъ.—Какъ можете вы ожидать ея отъ меня? Какую родительскую любовь, какую родительскую заботу видала я отъ васъ когда-нибудь? Что́ я знаю о вашей жизни, кромѣ того, что въ ней все обманъ и тайна? Подходили ли вы когда ко мнѣ не тайкомъ и не съ цѣлью просить денегъ?

— Вѣрный счетъ!—воскликнулъ Дерроль со смѣхомъ, перешедшимъ въ стонъ.

— Когда я была маленькимъ ребенкомъ, уже лишившимся матери, вы отдали меня единственному вѣрному другу вашей молодости. Онъ взялъ меня къ себѣ въ качествѣ пріемной дочери, оставивъ васъ при смерти, какъ полагалъ. Прошли годы, и вы позволили ему считать васъ умершимъ. Въ теченіи десяти лѣтъ о васъ ничего не было слышно. Ваша дочь, ваше единственное дитя, воспитывалась въ домѣ посторонняго человѣка, и вы ни разу не потрудились справиться о томъ, какъ ей живется.

— Прямо, можетъ быть. Но почему ты знаешь, какія мѣры могъ я принимать, чтобы получать свѣдѣнія косвеннымъ путемъ, не ставя твоей будущности на карту? Для твоей пользы оставался я въ тѣни, Лора; ради тебя позволялъ моему старому другу считать меня умершимъ. Въ качествѣ его пріемной дочери твое благосостояніе было обезпечено. Чѣмъ была бы твоя жизнь со мною? Чтобы спасти тебя, я не побоялся солгать.

— Мнѣ это очень прискорбно,—холодно замѣтила Лора.— По моимъ понятіямъ всякая ложь ненавистна. Не могу себѣ представить, чтобы она могла имѣть благія послѣдствія.

— Въ данномъ случаѣ мой невинный обманъ имѣлъ благія послѣдствія. Ты—владѣлица великолѣпнаго помѣстья, жена человѣка, котораго, какъ я слышалъ, ты любишь.

— Всѣмъ сердцемъ, всей душой.

— Неужели я прошу слишкомъ многаго, желая, чтобы хотя одинъ лучъ озаряющаго твой путь солнца упалъ на меня, чтобы мнѣ имѣть, хотя бы маленькую, выгоду отъ твоего большого состоянія?

— Я сдѣлаю все, чтó только въ предѣлахъ благоразумія,— отвѣчала Лора,—но даже для моего родного отца—хотя бы вы были всѣмъ, чѣмъ отецъ долженъ быть для своего ребенка—не допустила бы я, чтобы состояніе Джаспера Тревертона пошло на дурныя дѣла. Вы говорили мнѣ, что вы—одни на свѣтѣ, что отъ васъ никто не зависитъ. Право, доходъ въ шестьсотъ фунтовъ можетъ дать вамъ возможность жить удобно и добропорядочно.

— Такъ и будетъ, когда я освобожусь отъ прошлыхъ обязательствъ. Вспомни, что только шесть мѣсяцевъ тому назадъ помощь твоя стала значительнѣе; до тѣхъ поръ ты мнѣ давала только сто фунтовъ въ годъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда я обращался къ тебѣ, побуждаемый къ тому обстоятельствами, за какой-нибудь лишней бездѣлицей. А на сто фунтовъ въ годъ, въ Лондонѣ, человѣкъ съ плохимъ здоровьемъ едва-едва можетъ свести концы съ концами. У меня были долги. Я былъ несчастливъ въ спекуляціяхъ, обѣщавшихъ хорошій барышъ.

— Отнынѣ вамъ не будетъ никакой надобности заниматься спекуляціями.

— Правда,—со вздохомъ замѣтилъ Дерроль, наливая себѣ новый стаканъ водки.

Лора слѣдила за нимъ съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Какъ ей признать этого человѣка отцомъ своимъ передъ любимымъ ею мужемъ? Лишь съ чувствомъ глубочайшаго стыда могла она сознаться въ своемъ близкомъ родствѣ съ существомъ, до такой степени падшимъ.

Дерроль выпилъ водку залпомъ и бросился въ кресло, стоявшее у камина.

— А позвольте спросить, сколько времени вы замужемъ?— освѣдомился онъ.

Яркій румянецъ залилъ лицо Лоры при этомъ вопросѣ. То былъ единственный вопросъ, могущій причинить ей жгучее страданіе, такъ какъ онъ напоминалъ ей все, чтó было тяжелаго въ обстоятельствахъ, которыми сопровождался ея бракъ.

— Мы обвѣнчались въ послѣдній день минувшаго года,— сказала она.

— Вы годъ замужемъ, а я узналъ объ этомъ только нынче вечеромъ отъ деревенскихъ болтуновъ, въ гостинницѣ, въ кото-

рой остановился, чтобы съѣсть кусокъ хлѣба съ сыромъ на пути моемъ сюда.

— Вы могли бы видѣть объявленіе въ «Times».

— Могъ бы, но не видалъ. Чтожъ, я, вѣроятно, отказался отъ отцовскихъ правъ, когда ввѣрилъ своего ребенка попеченіямъ другого человѣка; но все оно какъ-то тяжело.

— Къ чему мучить себя и меня безполезными упреками. Я готова сдѣлать все, что́ можетъ предписать мнѣ долгъ. Я горячо желаю, чтобы ваша жизнь была окружена удобствами и всеобщимъ уваженіемъ. Скажите мнѣ, гдѣ вы намѣрены жить, и чѣмъ я могу обезпечить ваше счастіе?

— Счастіе!—воскликнулъ Дерроль, пожимая плечами.—Я никогда не зналъ его съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ было двадцать пять лѣтъ. Гдѣ я буду жить, спрашиваешь ты? Кто знаетъ? Можешь быть увѣрена, что мнѣ это неизвѣстно. Я странникъ по привычкѣ и по своимъ наклонностямъ. Неужели ты думаешь, что я запрусь въ каменную коробку, выстроенную строителемъ-спекулянтомъ, въ какую-нибудь виллу въ Излингтонѣ и заживу однообразной жизнью почтеннаго пенсіонера. Такого рода прозябаніе можетъ придтись по вкусу удалившемуся отъ дѣлъ торговцу, который провелъ бо́льшую часть жизни за однимъ и тѣмъ же прилавкомъ. Но это была бы смерть за-живо для человѣка съ умомъ, человѣка, который путешествовалъ и жилъ среди себѣ подобныхъ. Нѣтъ, милая моя, ты не должна пытаться стѣснять мои дѣйствія, прикладывая къ нимъ мѣрку добропорядочности, какъ ее понимаетъ среднiй классъ. Выдавай мнѣ мою пенсію безъ всякихъ условій. Позволь мнѣ получать его каждые три мѣсяца отъ твоего лондонскаго повѣреннаго, и такъ какъ ты отрицаешь мои права на твою привязанность, то я обязуюсь никогда болѣе не безпокоить тебя моимъ присутствіемъ.

— Я этого не требую,—задумчиво проговорила Лора.—Намъ слѣдуетъ иногда видаться. Въ силу обмана, къ какому вы прибѣгли по отношенію къ моему благодѣтелю, вы отняли у меня всякую возможность когда-либо признать васъ моимъ отцомъ передъ свѣтомъ. Всѣ въ Газльгёрстѣ думаютъ, что отецъ мой умеръ, когда Джасперъ Тревертонъ усыновилъ меня. Но мужу своему я, по крайней мѣрѣ, могу сказать всю правду; до сей минуты я отъ этого уклонялась, но нынче, пока мы здѣсь сидѣли, я думала, что поступала до сихъ поръ глупо и малодушно. Джонъ Тревертонъ сохранитъ вашу тайну ради меня, но узнать ее онъ долженъ.

— Постой,—воскликнулъ Дерроль, вскочивъ на ноги и го-

воря громче, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ.—Я запрещаю тебѣ говорить обо мнѣ и дѣлахъ моихъ твоему мужу. Когда я открылся тебѣ, я взялъ съ тебя слово хранить все въ тайнѣ. Я требую.—Сказавши это, онъ обернулся лицомъ къ двери, раздѣлявшей обѣ комнаты, и остановился съ вытаращенными глазами, пораженный ужасомъ, словно увидѣлъ привидѣніе.

— Господи!—воскликнулъ онъ,—чтó привело васъ сюда?

Джонъ Тревертонъ стоялъ въ дверяхъ, въ видѣ высокой, темной фигуры въ длинномъ бархатномъ халатѣ. Лора бросилась къ нему.

— Милый, зачѣмъ было вставать?—воскликнула она.—Какая неосторожность!

— Я услыхалъ громкій, какъ будто угрожающій голосъ. Что привело этого человѣка сюда къ тебѣ?

— Онъ—тотъ родственникъ, о которомъ ты когда-то разспрашивалъ меня, Джонъ,—запинаясь отвѣтила Лора.—Ты не забылъ?

— Этотъ человѣкъ—твой родственникъ?—воскликнулъ Тревертонъ.—Этотъ человѣкъ?

— Да. Вы другъ друга знаете?

— Мы прежде встрѣчались,—отвѣчалъ Тревертонъ, не сводившій глазъ съ лица Дерроля. — Послѣдняя наша встрѣча произошла при очень печальныхъ обстоятельствахъ. Для меня сюрпризъ видѣть твоего родственника въ лицѣ мистера...

— Мансфильда,—прервалъ Дерроль.—Я перемѣнилъ фамилію Малькольма на фамилію Мансфильда, встрѣчавшуюся въ роду моей матери, ради Лоры. Для нея могло бы быть невыгодно признать родство свое съ человѣкомъ, къ которому свѣтъ относился не безъ презрѣнія въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ.

Дерроль страшно поблѣднѣлъ со времени появленія мужа Лоры, и рука, которой онъ налилъ себѣ третій стаканъ водки, дрожала какъ листъ.

— Это въ высшей степени любезно съ вашей стороны, мистеръ Мансфильдъ,—возразилъ Джонъ Тревертонъ.—Могу я спросить, по какой причинѣ вы удостоили жену мою этимъ позднимъ посѣщеніемъ?

— По обыкновенной причинѣ, какая приводитъ бѣднаго родственника въ домъ богатаго человѣка. Мнѣ нужны деньги; Лора можетъ мнѣ ихъ дать. Къ чему лишнія фразы?

— Ровно ни къ чему. Въ данномъ случаѣ гораздо лучше дѣйствовать на чистоту. Я полагаю, такъ какъ это чисто дѣловой вопросъ, то вамъ всего лучше позволить мнѣ уладить его съ вами. Лора, дозволишь ли ты мнѣ опредѣлить права твоего

родственника? Можешь быть увѣрена, что я притѣснять его не стану.

— Я готова довѣриться тебѣ, милый, теперь и всегда,—отвѣчала жена, подавая ему руку. Затѣмъ, она подошла къ Дерролю, протянула и ему руку и поглядѣла на него съ нѣжной заботливостью.—Покойной ночи,—сказала она, — прощайте. Прошу васъ довѣриться моему мужу, какъ довѣряюсь ему я. Повѣрьте мнѣ, такъ будетъ лучше для всѣхъ насъ. Онъ съ такой же готовностью признаетъ права ваши, съ какой признаю ихъ я, если вы только довѣритесь ему. Если я довѣрила ему мою жизнь, неужели вы не можете довѣрить ему вашей тайны?

— Покойной ночи,—отрывисто проговорилъ Дерроль.—Я еще не могъ преодолѣть своего удивленія.

— Чему же вы удивляетесь?

— Тому, что вы замужемъ.

— Покойной ночи,—снова повторила она, стоя на порогѣ, а затѣмъ вернулась, чтобы попросить мужа не утомляться и не волноваться.

— Я могу дать вамъ только четверть часа,—сказала она Дерролю.—Прошу васъ помнить, что мой мужъ болѣнъ и долженъ лежать въ постели.

— Ступай къ своимъ школьникамъ, милая,—проговорилъ Тревертонъ, улыбаясь при видѣ ея тревоги.—Я буду остороженъ.

Дверь затворилась за Лорой, и двое мужчинъ, жившихъ годъ тому назадъ въ одномъ домѣ въ улицѣ Сибберъ, остались лицомъ къ лицу.

— Итакъ, вы Джонъ Тревертонъ?—проговорилъ Дерроль, утирая губы дрожащей рукой и глядя жадными глазами на опорожненную до половины бутылку съ водкой, блуждая взоромъ по всѣмъ окружающимъ предметамъ, лишь бы не смотрѣть прямо въ глаза своему собесѣднику.

— А вы имѣете претензію на родство съ моей женой?

— На болѣе близкое, можетъ быть, чѣмъ бы вамъ хотѣлось; на такое близкое, что я имѣю, нѣкоторымъ образомъ, право знать какъ вы, Джэкъ Шико, могли сдѣлаться ея мужемъ, какъ могли вы жениться на ней годъ тому назадъ, въ каковое время прекрасная и талантливая m-me Шико, которую я имѣлъ честь знать, была еще жива? Или эта прелестная женщина не была вашей женой, или бракъ вашъ съ Лорой Малькольмъ недѣйствителенъ.

— Лора—моя жена, и бракъ ея настолько дѣйствителенъ, насколько можетъ сдѣлать его законъ,—отвѣчалъ Джонъ Тре-

вертонъ:—это все, чтó вамъ нужно знать. А теперь будьте такъ добры, объясните степень вашего родства съ мистриссъ Тревертонъ. Вы говорите, что ваше настоящее имя *Малькольмъ*. Въ какомъ родствѣ были вы съ отцомъ Лоры?

— Лора просила меня довѣрить вамъ мою тайну,—пробормоталъ Дерроль, снова бросаясь въ кресло у камина и говоря, какъ человѣкъ, взвѣшивающій выгоды, какія представляетъ для него извѣстная политическая программа. — Почему мнѣ и не быть откровеннымъ съ вами, Джэкъ—Тревертонъ? Старое-то имя само на языкъ просится! Будь вы тѣмъ чопорнымъ образцомъ добропорядочности, какого я думалъ встрѣтить въ лицѣ наслѣдника моего стараго друга Джаспера Тревертона, я, можетъ быть, и затруднился бы открыть вамъ тайну, едва ли служащую къ чести моей, съ точки зрѣнія человѣка, усердно посѣщающаго церковь и исправно платящаго налоги. Но вамъ, Джэку, — артисту и богемѣ, человѣку участвовавшему во всѣхъ представленіяхъ на ярмаркѣ свѣта—вамъ я, не краснѣя, могу довѣрить мою тайну. Будьте добрымъ малымъ, налейте-ка мнѣ еще стаканчикъ; рука моя дрожитъ, точно у меня параличъ. Вамъ извѣстна исторія пріемной дочери Джаспера Тревертона?

— Я, конечно, слыхалъ о ней.

— Вы слышали, что Тревертонъ, поссорившійся со своимъ другомъ Стефеномъ Малькольмомъ изъ-за глупой любовной исторіи, былъ много лѣтъ спустя призванъ къ одру болѣзни этого друга, засталъ его при смерти, какъ всѣ полагали, сейчасъ же усыновилъ единственнаго ребенка Малькольма и увезъ съ собою его дочь, оставивъ банковый билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ на услажденіе послѣднихъ минутъ своего стараго друга и на уплату гробовщику?

— Все это я слышалъ.

— Но вы не слыхали того, чтó затѣмъ слѣдуетъ. Когда докторъ отказывается отъ своего паціента, почитая его все равно что мертвымъ, тотъ иной разъ находится на пути къ выздоровленію. Стефену Малькольму удалось обмануть доктора. Можетъ быть, благодаря удобствамъ доставленнымъ ему на деньги друга, можетъ быть, благодаря сознанію, что будущность его единственнаго ребенка обезпечена,—какъ бы тамъ ни было, но съ плечъ больного словно была снята тяжелая ноша; съ той минуты, какъ Джасперъ Тревертонъ его оставилъ, онъ сталъ поправляться, ожилъ и снова вышелъ на житейскую дорогу одинокимъ странникомъ, счастливый сознаніемъ, что судьба его дочери уже бо-

льѣе не связана съ его собственной судьбой, что какія бы бѣдствія ни постигали его самого, но ей предстоитъ счастливая жизнь.

— Неужели вы хотите сказать, что Стефенъ Малькольмъ выздоровѣлъ, прожилъ цѣлые годы и позволилъ дочери своей считать себя сиротой, а другу своему почитать его умершимъ?

— Сказать правду значило бы рискнуть благополучіемъ дочери. Въ качествѣ сироты и пріемыша богатаго холостяка, участь ея была обезпечена. Что́ бы это было, еслибъ ее возвратили ея настоящему отцу и заставили раздѣлять его убогое существованіе? Я все это взвѣсилъ и взглянулъ на вопросъ не съ эгоистической точки зрѣнія. Я могъ бы требовать, чтобы мнѣ возвратили дочь, я могъ бы высасывать изъ Джаспера деньги. Я ни того ни другого не сдѣлалъ,—я пошелъ своей одинокой дорогой, по каменистому жизненному пути, безъ ласки, безъ любви.

— Вы!—воскликнулъ Джонъ Тревертонъ,—вы!

— Да. Вы видите во мнѣ развалину Стефена Малькольма.

— Вы—отецъ Лоры! Боже милосердый! Но вы ни единой чертой, ни единымъ взглядомъ не напоминаете ее. И вы ея отецъ? Это точно открытіе.

— Ваше удивленіе не лестно для меня. Моя дочь похожа на мать свою, которая была одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ, какихъ я когда-либо видалъ. Но могу васъ увѣрить, мистеръ—Тревертонъ, что въ ваши годы Стефенъ Малькольмъ имѣлъ претензію на красоту.

— Я этого не оспориваю. Вы могли быть красивы, какъ Адонисъ; но отецъ моей Лоры долженъ бы былъ хоть сколько-нибудь походить на нее взглядомъ и осанкой, ну хоть улыбкой, поворотомъ головы, чѣмъ-нибудь, что́ могло бы обнаружить таинственную связь, существующую между отцомъ и ребенкомъ. Знаетъ она объ этомъ? Признаѐтъ васъ своимъ отцомъ?

— Признаѐтъ, бѣдняжка. По ея желанію я и вамъ-то открылся.

— Какъ давно она знаетъ?

— Прошло съ небольшимъ пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я ей все сказалъ. Я только-что возвратился съ континента, гдѣ провелъ семь лѣтъ своей жизни въ добровольной ссылкѣ. Мной внезапно овладѣло свойственное изгнанникамъ страстное желаніе снова побывать на родной землѣ, взглянуть еще разъ на мѣста, въ которыхъ провелъ молодость,—прежде чѣмъ смерть на-вѣки закроетъ мнѣ глаза. Я возвратился—не могъ воспротивиться стремленію, какое влекло меня къ дочери, однажды сталъ

на ея пути и разсказалъ ей свою исторію. Съ этого дня я, отъ времени до времени, видалъ ее.

— И получали отъ нея деньги, — вставилъ Джонъ Тревертонъ.

— Она богата, а я бѣденъ. Она помогала мнѣ.

— Вы бы могли жить на деньги, которыя она вамъ давала, нѣсколько по-приличнѣе и по-порядочнѣе, чѣмъ жили въ улицѣ Сибберъ.

— Въ чемъ же меня можно обвинить? Жизнь моя была самая безобидная.

— Въ безалаберномъ образѣ жизни и въ пристрастіи къ водкѣ, губящей тѣло и душу.

— У меня хроническая болѣзнь, дѣлающая водку необходимостью для меня.

— Не правильнѣе ли было бы сказать, что *водка* ваша хроническая болѣзнь. Ну, мистеръ Мансфильдъ, я хочу сдѣлать вамъ предложеніе въ качествѣ вашего зятя.

— Я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ вы его сдѣлаете. Я открылъ вамъ мою тайну, которую и весь свѣтъ можетъ безпрепятственно узнать. Я не совершилъ никакого преступленія, дозволивъ моему старому другу считать меня мертвымъ. Я только пожертвовалъ собственными интересами для пользы дочери моей; но у васъ, мистеръ Тревертонъ, есть своя тайна, и эту тайну вамъ едва ли было бы пріятно обнажить передъ цѣлымъ свѣтомъ, въ которомъ вы теперь разыгрываете такую важную роль. Владѣлецъ газльгёрстскаго зáмка наврядъ ли можетъ желать, чтобы было доказано его тождество съ Джекомъ Шикó, каррикатуристомъ и мужемъ — по крайней мѣрѣ согласно общей молвѣ — танцовщицы, имя которой красовалось на всѣхъ лондонскихъ стѣнахъ.

— Нѣтъ, — замѣтилъ Тревертонъ, — это темная страница въ моей жизни, которую я бы охотно вырвалъ изъ книги; но я всегда считалъ вѣроятнымъ, что рано или поздно тождество мое будетъ доказано. Этотъ свѣтъ нашъ безобразно великъ, когда человѣкъ пытается играть въ немъ роль, но очень малъ, когда онъ хочетъ спрятаться отъ своихъ собратій. Я сказалъ женѣ все, чтó могу сказать ей, не срывая покрывала съ своего прошедшаго. Открыть ей больше того, значило бы сдѣлать ее несчастной. Вы не можете имѣть никакой причины высказать ей больше, чѣмъ сказалъ я. Могу я, въ этомъ дѣлѣ, положиться на вашу честь?

— Можете, — отвѣчалъ Дерроль, какъ-то странно глядя на

него;—но я надѣюсь, что вы отнесетесь ко мнѣ со щедростью и великодушіемъ, какъ долженъ зять, получившій состояніе, благодаря своему браку, относиться къ отцу жены.

— Чтó бы вы назвали щедростью?—спросилъ Тревертонъ.

— Сейчасъ скажу. Дочь моя, имѣющая чисто-женскія понятія о деньгахъ, предлагала мнѣ шестьсотъ фунтовъ въ годъ. Я хочу тысячу.

— Да?—замѣтилъ Тревертонъ, съ худо-скрытымъ презрѣніемъ. — Чтожъ, живите добропорядочной жизнью, и ни дочь ваша, ни я не пожалѣемъ для васъ тысячи фунтовъ въ годъ.

— Я заживу жизнью джентльмена,—не въ Англіи, дочь моя хочетъ выпроводить меня отсюда; она сейчасъ это говорила, или, по крайней мѣрѣ, въ ея словахъ заключался намекъ на это. Жизнь на материкѣ была бы мнѣ по вкусу, а можетъ быть, исправила бы и мое здоровье. Пенсіонеры долговѣчны.

— Не тогда, когда они выпиваютъ бутылку водки въ день.

— Въ болѣе мягкомъ климатѣ я могу уменьшить порцію. Дайте мнѣ, для начала, сто фунтовъ чистыми деньгами, и я возвращусь въ Лондонъ завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ, а вечеромъ выѣду въ Парижъ. Я не требую своего отцовскаго мѣста за вашимъ рождественскимъ столомъ. Мнѣ не нужно, чтобы вы для меня закалывали откормленнаго теленка.

— Понимаю,—проговорилъ Тревертонъ, съ невольной насмѣшкой:—вамъ нужны только деньги. Вы ихъ получите.

Онъ вынулъ изъ кармана связку ключей и открылъ ящикъ, въ которомъ имѣлъ привычку держать деньги, полученныя имъ отъ управляющаго, до отсылки ихъ въ банкъ. Въ ящикѣ было съ небольшимъ сто фунтовъ банковыми билетами и золотомъ. Джонъ Тревертонъ отсчиталъ сто фунтовъ; новенькіе билеты, блестящее золото, лежали соблазнительной грудой передъ нимъ на столѣ, но онъ продержалъ руку на деньгахъ минуты съ двѣ, а самъ сидѣлъ и смотрѣлъ на нихъ съ задумчивымъ выраженіемъ лица:

— Кстати, мистеръ Мансфильдъ,—началъ онъ:—когда вы, послѣ стольких лѣтъ, явились предъ вашей дочерью, какія удостовѣренія принесли вы съ собой?

— Удостовѣренія?

— Да. Другими словами, какъ доказали вы ей, что вы—вы? Вы разстались съ нею, когда она была шестилѣтнимъ ребенкомъ. Припомнила она васъ, когда встрѣтилась съ вами семнадцатилѣтней дѣвушкой, или повѣрила вамъ на-слово въ томъ, что вы и есть тотъ отецъ, котораго она считала въ могилѣ?

— Она вспомнила меня, когда я ей себя напомнилъ; сначала памяти ея все представлялось смутно. Она помнила, какъ сквозь сонъ, мое лицо, но достовѣрно сказать не могла, когда и гдѣ въ послѣдній разъ видѣла его, пока я не напомнилъ ей различныхъ обстоятельствъ ея дѣтства, послѣднихъ дней, проведенныхъ нами вмѣстѣ передъ моей серьёзной болѣзнью, не заговорилъ съ ней о матери, о маленькомъ братѣ, который умеръ, когда ей было три года. Джонъ Тревертонъ, вы клевещете на природу, если полагаете, что инстинктъ дочери можетъ измѣнить ей, когда къ нему взываетъ отецъ. Еслибъ понадобились матеріальныя доказательства, чтобы убѣдить дочь мою въ томъ, что передъ нею стоялъ отецъ ея, эти доказательства у меня были, и я показалъ ихъ ей,— старыя письма, ея метрическое свидѣтельство, портретъ ея матери. Портретъ я отдалъ Лорѣ. Документы и теперь при мнѣ. Я никогда съ ними не разставался.

Онъ вытащилъ изъ кармана старый портфель, кожа котораго вся лоснилась отъ долгаго употребленія, а шелковая подкладка истрепалась, и вынулъ изъ этого вмѣстилища штукъ шесть пожелтѣвшихъ отъ времени бумагъ. Одна изъ нихъ была метрическое свидѣтельство Лоры Малькольмъ, остальныя пять были письма, адресованныя на имя Стефена Малькольма, эсквайра, Плющевый-коттеджъ, Чисвикъ. Одно изъ этихъ писемъ, послѣднее, судя по выставленному на немъ числу, было отъ Джаспера Тревертона.

«Глубоко огорчило меня извѣстіе о твоей серьёзной болѣзни, мой бѣдный другъ,— писалъ онъ; — твое письмо послѣдовало за мной въ Германію, гдѣ я проводилъ осень на знаменитыхъ минеральныхъ водахъ. Я тотчасъ-же выѣхалъ въ Англію и вышелъ здѣсь на берегъ полъ-часа тому назадъ. Пріѣду такъ скоро, какъ смогутъ доставить меня желѣзно-дорожный поѣздъ и кэбы, и надѣюсь быть съ тобою до полученія настоящаго письма.

Твой искренній
Джасперъ Тревертонъ.

Корабельный-Отель.
Дувръ.
Октября 15-го, 185*».

Другія письма были отъ старыхъ друзей, подобныхъ Джасперу. Въ одномъ заключалась помощь въ видѣ чека. Въ другихъ сочувственные и исполненные сожалѣній отказы. Писавшіе осыпали своего недостаточнаго друга всякими добрыми пожела-

ніями и благодушно препоручали его Провидѣнію. Въ обоихъ случаяхъ добропорядочность и почтительный тонъ корреспондентовъ Стефена Малькольма доказывали, что онъ нѣкогда былъ джентльменомъ. Значительное разстояніе отдѣляло положеніе человѣка, къ которому были писаны всѣ эти письма, отъ положенія мистера Дерроля, занимавшаго комнаты второго этажа въ улицѣ Сибберъ.

Невозможно было отрицать значеніе представленныхъ имъ удостовѣреній. Лора признала его своимъ отцомъ. На какомъ основаніи могъ Джонъ Тревертонъ отказаться отъ признанія его правъ? До денегъ, которыхъ тотъ требовалъ, ему не было никакого дѣла, но ему было невыразимо больно признать этого развращеннаго бродягу, пропитаннаго алькоголемъ,—отцомъ любимой имъ женщины.

— Вотъ ваши сто фунтовъ, мистеръ Мансфильдъ,—сказалъ онъ, — а такъ какъ, благодаря вамъ, маленькій газльгёрстскій міровъ считаетъ жену мою сиротой, то позвольте вамъ замѣтить, что чѣмъ рѣже вы будете здѣсь показываться, тѣмъ лучше будетъ для насъ всѣхъ. Въ деревняхъ любятъ сплетни. Еслибъ васъ увидали въ этомъ домѣ, люди пожелали бы узнать, кто вы такой и все, что до васъ касается.

— Я сказалъ вамъ, что выѣду въ Парижъ завтра вечеромъ, —отвѣчалъ Дерроль, стягивая ремешки своего бумажника, раздувшагося до-нельзя отъ банковыхъ билетовъ и золота.—Я намѣренія своего не измѣню. Я люблю Парижъ и парижскіе обычаи и знаю этотъ чудный городъ почти также хорошо, какъ вы, хотя никогда на француженкѣ женатъ не былъ.

Джонъ Тревертонъ сидѣлъ молча, устремивъ задумчивый взоръ на огонь и, повидимому, не замѣчая насмѣшки своего собесѣдника.

— Да, да, Джэкъ: будутъ какія порученія къ вашимъ старымъ друзьямъ изъ Латинскаго квартала? Нѣтъ? Ахъ да, вѣроятно, газльгёрстскій сквайръ повернулся спиной къ товарищамъ Джэка Шико; точно также какъ король Генрихъ Пятый отступился отъ веселыхъ товарищей принца Валлійскаго. Это пренебреженіе разбило сердце бѣднаго старика Фальстафа; но это не болѣе какъ подробность. Доброй ночи, Джэкъ.

Лора вошла въ комнату въ эту самую минуту и подалась назадъ, пораженная тѣмъ, что отецъ ея относился къ мужу съ такой дружеской короткостью.

— Я все сказалъ мистеру Тревертону, дорогая, — проговорилъ Дерроль.

— Я такъ этому рада,—отвѣчала Лора; затѣмъ она положила руку на плечо старика и продолжала съ серьёзной ласковостью:—постарайтесь вести хорошую жизнь, милый отецъ, и давайте намъ иногда о себѣ вѣсточку, будемъ съ любовью думать другъ о другѣ, хотя судьба и разлучила насъ.

— Хорошую жизнь,—пробормоталъ онъ, остановивъ на ней, на минуту, свои налитые кровью глаза и поглядѣвъ на нее такъ, что внезапный ужасъ овладѣлъ ею.—Деньгамъ слѣдовало бы придти раньше, дѣвочка моя. Я слишкомъ далеко зашелъ по дурной дорогѣ. Ну, прощай, дорогая. Не тревожься о такомъ старомъ кутилѣ, каковъ я. Джэкъ, посылайте мнѣ мои деньги каждые три мѣсяца по этому адресу, — онъ бросилъ на столъ грязную карточку,—и я никогда болѣе безпокоить васъ не стану. Можете, коли пожелаете, вычеркнуть меня изъ своей памяти; вамъ нечего бояться, чтобы мой языкъ сказалъ о васъ дурное слово, куда-бы судьба меня ни забросила.

— Я въ этомъ готовъ на васъ положиться,—отвѣчалъ Джонъ Тревертонъ, протягивая ему руку.

Дерролъ либо не видалъ этого движенія, либо не пожелалъ взять протянутую руку. Онъ схватилъ свою засаленную шляпу и быстро вышелъ изъ комнаты.

— Милый, неужели ты не худшаго обо мнѣ мнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ знаешь, что этотъ человѣкъ мой отецъ?—спросила Лора, когда дверь затворилась за Дерролемъ, и раздался звонокъ, извѣщавшій Триммера объ уходѣ гостя.

— Худшаго-ли я мнѣнія о жемчужинѣ, потому что ее извлекаютъ изъ устрицы,—проговорилъ мужъ, улыбаясь ей.—Голубка, еслибъ приходскій рабочій домъ былъ весь населенъ твоими родственниками, моя любовь и мое уваженіе къ тебѣ не умалились бы ни на волосъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты не вѣришь въ преемственность дарованій. Ты не думаешь, чтобы наши характеры находились въ исключительной зависимости отъ характеровъ нашихъ отцовъ и матерей.

— Еслибъ я этому вѣрилъ, я бы думалъ, что твоя мать была ангелъ, и что ты наслѣдовала ея характеръ.

— Бѣдный отецъ мой, — проговорила Лора съ тяжкимъ вздохомъ.—Онъ нѣкогда былъ джентльменомъ.

— Несомнѣнно, милая. Трудно опредѣлить, какъ низко можетъ пасть человѣкъ, разъ споткнувшись.

— Не будь онъ джентльменомъ, мой пріемный отецъ не могъ бы быть его другомъ,—размышляла Лора.—Для Джаспера

Тревертона было совершенной невозможностью имѣть дѣло съ чѣмъ-либо низкимъ.

— Да, милая. А теперь скажи мнѣ, когда отецъ твой впервые явился предъ тобой, очень тебя удивило, сильно взволновало его признаніе?

— Конечно, да.

— Разскажи мнѣ, милая, какъ все это случилось. Сообщи мнѣ всѣ обстоятельства, если тебѣ это не тяжело.

— Нѣтъ, дорогой мой. Мнѣ было тяжело за тебя знать, что отецъ мой палъ такъ низко, но теперь, когда ты знаешь худшее, у меня легче на душѣ. Для меня уже составляетъ облегченіе возможность говорить о немъ свободно. Вспомни, Джэкъ, что онъ торжественно обязалъ меня молчать. Я не хотѣла нарушить своего обѣщанія, даже для тебя.

— Я все понимаю, дорогая.

— Въ первый разъ, когда я увидѣла отца моего,—запинаясь, начала Лора, словно ей тяжело было называть его этимъ священнымъ именемъ,—было лѣто, прелестный августовскій вечеръ, и я послѣ обѣда вышла въ фруктовый садъ. Ты знаешь калитку, выходящую изъ этого сада въ поле. Я увидала мужчину, стоявшаго по ту сторону забора и курившаго, опершись руками о калитку. Замѣтивъ незнакомца, я отвернулась, желая уйти отъ него, но прежде чѣмъ я сдѣлала три шага, онъ остановилъ меня. Миссъ Малькольмъ, ради Бога, позвольте мнѣ говорить съ вами,—сказалъ онъ. Я старый другъ, котораго вы должны помнить. Я подошла къ нему и взглянула ему прямо въ лицо; въ его обращеніи замѣтна была такая горячность, что мнѣ и въ голову не пришло, чтобы онъ могъ быть обманщикомъ.— Право, я васъ не помню,—сказала я,—когда же видѣла я васъ? Тогда онъ назвалъ меня по имени.—Лора,—сказалъ онъ,—вамъ было шесть лѣтъ, когда мистеръ Тревертонъ привезъ васъ сюда. Неужели вы совершенно позабыли жизнь, которую вели до того?

Она остановилась; мужъ усадилъ ее на низенькій стулъ у камина, самъ сѣлъ подлѣ нея, такъ, чтобы голова ея могла покоиться на его плечѣ.

— Продолжай, голубка, — тихо сказалъ онъ, — но только если эти воспоминанія не волнуютъ тебя.

— Нѣтъ, милый. Для меня облегченіе—довѣриться тебѣ. Я сказала ему, что помню свою жизнь до пріѣзда въ зáмокъ. Нѣкоторыя событія я помнила ясно, другія смутно, точно видѣла ихъ во снѣ. Я помнила, что была во Франціи, на берегу моря,

въ такомъ мѣстѣ, гдѣ жены рыбаковъ носили яркія юбки и высокіе чепцы, гдѣ я играла съ дѣтьми однихъ со мною лѣтъ и гдѣ солнце, казалось, всегда свѣтило. Потомъ жизнь измѣнилась; пошли скучные сѣрые дни гдѣ-то у рѣки, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были узенькія дорожки и поля, и между тѣмъ по близости былъ городъ съ высокими дымовыми трубами и шумными улицами. Я помнила, что здѣсь мать моя была больна, лежала нѣсколько недѣль въ темной комнатѣ; потомъ отецъ повезъ меня въ Лондонъ въ омнибусѣ и оставилъ въ большомъ, холодномъ съ виду домѣ, на одномъ изъ большихъ скверовъ; всѣ комнаты въ этомъ домѣ были огромныя, высокія и смотрѣли какъ-то страшно послѣ нашей маленькой пріемной; я цѣлый день сидѣла въ гостиной въ обществѣ старушки въ черномъ атласномъ платьѣ, позволявшей мнѣ забавляться, какъ и чѣмъ мнѣ угодно. Отецъ сказалъ мнѣ, что старушка его тётка, и что я должна называть ее тётей; но я слишкомъ ее боялась, чтобы давать ей какія бы то ни было названія. Я думаю, что прожила тамъ съ недѣлю, показавшуюся мнѣ вѣками, такъ какъ я чувствовала себя очень несчастной и всякій вечеръ засыпала въ слезахъ послѣ того, какъ горничная, бывало, уложитъ меня въ постель въ большой, мрачной комнатѣ въ верхнемъ этажѣ дома; потомъ отецъ пріѣхалъ и снова повезъ меня домой въ красномъ омнибусѣ. Я видѣла, что онъ очень несчастливъ, а пока мы шли по дорогѣ, ведшей къ нашему дому, онъ сказалъ мнѣ, что моя милая мама ушла отъ насъ, и что я никогда болѣе не увижу ее въ этомъ мірѣ. Я страстно любила ее, Джэкъ, и потеря эта почти разбила мое сердце. Я говорю тебѣ гораздо больше, чѣмъ сказала незнакомцу. Ему я сказала столько, сколько было нужно, чтобы доказать, что я помню свою старую жизнь.

— Что же онъ отвѣчалъ?

— Онъ вынулъ изъ кармана сафьянный футляръ и подалъ его мнѣ, попросивъ меня взглянуть на портретъ, заключающійся въ немъ. О, какъ хорошо я помнила это милое лицо. Воспоминаніе о немъ блеснуло въ умѣ моемъ точно сонъ, который позабудешь и тщетно стараешься припомнить, до тѣхъ поръ, пока онъ вдругъ, въ одно мгновеніе, не вспомнится. Да, то было лицо моей матери. Точно такою помнила я ее, когда она сидѣла съ работой на прибрежныхъ скалахъ, а я играла на пескѣ съ другими дѣтьми въ этомъ счастливомъ мѣстечкѣ во Франціи. Я помнила, что она сидѣла у моей постельки каждый вечеръ, пока я не засну. Я спросила незнакомца, какимъ образомъ достался ему этотъ портретъ. — Я готова была бы отдать за него всѣ

деньги, какія имѣю, сказала я.—Ничего подобнаго вамъ дѣлать не надо,—отвѣчалъ онъ,—я вамъ его дарю, но я бы этого не сдѣлалъ, еслибъ вы не вспомнили лица вашей матери. А теперь, Лора, взгляните на меня и скажите: видали ли вы меня когда-нибудь прежде?

— Ты взглянула и припомнить его не могла,—проговорилъ Джонъ Тревертонъ.

— Нѣтъ. А между тѣмъ, въ лицѣ этомъ было нѣчто, казавшееся мнѣ знакомымъ. Когда онъ говорилъ, я знала, что прежде слышала этотъ голосъ. Онъ звучалъ ласково, дружески, какъ голосъ кого-то, кого я знала давнымъ-давно. Онъ просилъ меня постараться понять, какую перемѣну десять лѣтъ несчастій могутъ произвести въ наружности человѣка. Не одно время измѣнило его,—сказалъ онъ мнѣ,—но пренебреженіе свѣта, плохое здоровье, тяжелая работа, разъѣдающее горе.—Примите все это во вниманіе,—сказалъ онъ,—взгляните на меня снисходительными глазами, постарайтесь обратить мысли ваши назадъ, къ прежней жизни въ Чизвикѣ, и скажите, какую роль игралъ я въ ней. Я посмотрѣла на него очень серьёзно, и чѣмъ болѣе я смотрѣла, тѣмъ знакомѣе становилось его лицо.—Я думаю, что вы должны быть другомъ моего отца,—сказала я наконецъ. — Бѣдняки не имѣютъ друзей,—отвѣчалъ онъ:—въ то время, какое вы помнить можете, отецъ вашъ ихъ не имѣлъ. О, дитя, дитя, неужели десять лѣтъ могутъ изгладить изъ памяти образъ отца? Я твой отецъ!

Лора остановилась, тяжело дыша, переживая съизнова волненія этой минуты.

— Я не могу выразить тебѣ, что́ я почувствовала, когда онъ это сказалъ,—вскорѣ продолжала она. Мнѣ казалось, что я упаду въ обморокъ къ его ногамъ. Мозгъ мой отуманился; я ничего не могла понять; потомъ, когда сознаніе медленно возвратилось ко мнѣ, я спросила его: какъ могло это быть справедливо? Развѣ отецъ мой не умеръ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Джасперъ Тревертонъ увезъ меня? Мой пріемный отецъ говорилъ мнѣ, что оно такъ и было. Тогда онъ—отецъ мой—сказалъ, что онъ дозволилъ Джасперу Тревертону считать его мертвымъ, ради меня, съ тою цѣлью, чтобы я могла быть пріемышемъ богатаго человѣка, и хорошо поставлена въ жизни, тогда какъ онъ—мой настоящій отецъ—былъ странникомъ и нищимъ. Мистеръ Тревертонъ получилъ письмо, извѣщавшее его о смерти его стараго друга,—письмо, написанное подъ чужую руку самимъ отцомъ моимъ, и никогда не далъ себѣ труда освѣдомиться о подробностяхъ смерти

и погребенія. Онъ чувствовалъ, что сдѣлалъ достаточно, оставивъ денегъ на удовлетвореніе потребностей больного, и освободивъ его отъ всякихъ заботъ относительно дочери. Вотъ что сказалъ мнѣ отецъ. Какъ могла я упрекать его, Джэкъ, какъ могла я презирать его за этотъ обманъ, за ложь, до такой крайности унизившую его. Онъ согрѣшилъ ради меня.

— И ты не усомнилась въ немъ? Ты твердо повѣрила, что онъ тотъ самый отецъ, котораго ты почитала умершимъ и погребеннымъ десять лѣтъ тому назадъ?

— Какъ могла я сомнѣваться? Онъ показалъ мнѣ бумаги,— письма,—которыя никому не могли принадлежать, кромѣ моего отца; онъ далъ мнѣ портретъ матери, и потомъ лицо его вспоминалось мнѣ какъ лицо, мнѣ нѣкогда очень знакомое; голосъ его также былъ мнѣ памятенъ.

— Дала ты ему денегъ при этой первой встрѣчѣ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что онъ бѣденъ, что онъ раззорившійся джентльмэнъ, безъ занятій, съ плохимъ здоровьемъ, и лишенъ всякой возможности заработать себѣ средства къ жизни. Могла ли я, дочь его, жившая въ роскоши, не предложить ему всей помощи, какая только была въ моей власти. Я просила его открыться мистеру Тревертону—папá, какъ я всегда называла его,—но ему не хотѣлось, чтó весьма понятно, сознаться въ обманѣ, поставившемъ его въ такое ложное положеніе.—Нѣтъ,—сказалъ онъ, — я солгалъ ради тебя и долженъ держаться за эту ложь ради самого себя.—Я не могла настаивать на томъ, чтобы онъ измѣнилъ свое намѣреніе по этому вопросу; я чувствовала, какъ тяжело ему будетъ стать лицомъ къ лицу съ своимъ старымъ другомъ при такихъ унизительныхъ условіяхъ. Я обѣщала сохранить его тайну, и сказала ему, что буду посылать ему все, чтó смогу удѣлить изъ своего дохода, если только онъ дастъ мнѣ адресъ, по которому я могла бы пересылать деньги.

— Какъ часто видала ты его послѣ этого?—спросилъ Джонъ Тревертонъ.

— До сегодняшняго вечера, только три раза. Одно изъ этихъ свиданій происходило въ тотъ вечеръ, въ который я на глазахъ твоихъ впустила его въ садовую дверь.

— Такъ,—проговорилъ Тревертонъ, краснѣя при воспоминаніи о жестокихъ подозрѣніяхъ, пробудившихся въ умѣ его вслѣдствіе этого тайнаго свиданія.—И ты никогда не говорила моему двоюродному брату о твоемъ отцѣ?

— Никогда. Онъ взялъ съ меня слово хранить его существованіе въ тайнѣ отъ всего свѣта; и даже, еслибъ я не была

связана этимъ обѣщаніемъ, я бы не рѣшалась разсказать мистеру Тревертону о томъ, какъ его обманули; я чувствовала, что это былъ обманъ, какъ бы безкорыстны и великодушны ни были причины, которыя его породили.

— Обманъ-то безцѣльный, мнѣ кажется,—задумчиво проговорилъ Джонъ,—разъ обѣщавъ заботиться о тебѣ, едва ли бы мой двоюродный братъ, Джасперъ, бросилъ тебя опять на жертву бѣдности и тоскѣ. Нѣтъ, голубка, разъ узнавъ твою кротость, твою правдивую, любящую душу, безчеловѣчно было бы отказаться отъ тебя.

— Къ несчастію, бѣдный отецъ мой думалъ иначе.

— Дорогая моя, не дозволяй этому заблужденію отца твоего омрачать твою жизнь. Я, знакомый съ ухищреніями и затрудненіями, до которыхъ бѣдность можетъ довести человѣка, сожалѣю о немъ и, до нѣкоторой степени, понимаю его. Мы сдѣлаемъ все, что̀ можетъ сдѣлать щедрость, чтобы остатокъ дней своихъ онъ провелъ въ счастіи и приличной обстановкѣ.

Глава XIII.—Дерроль несообщителенъ.

Мистеръ Дерроль вышелъ изъ за̀мка новымъ человѣкомъ. Онъ несъ голову высоко, держалъ себя крайне величественно, даже передъ провожавшимъ его дворецкимъ. Полный кошелекъ облагородилъ его. Въ немъ ничего не оставалось отъ плохо-одѣтаго, приниженнаго незнакомца, приближавшагося къ дому съ таинственнымъ и, вмѣстѣ, боязливымъ видомъ. Триммеръ съ трудомъ узналъ его. Потертый плащъ его былъ наброшенъ съ небрежной граціей, свойственной артисту, равнодушному къ своему костюму, а не висѣлъ унылыми складками, какими виситъ нищенская одежда; шляпа была надѣта на бекрень. Онъ смотрѣлъ богемой, живописцемъ, актеромъ, прокутившимся пасторомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, но никакъ не зауряднымъ нищимъ. Онъ бросилъ Триммеру полъ-кроны, съ величавымъ изяществомъ герцога Лозёна или Ришельё, благосклонно кивнулъ на прощаніе и медленно пошелъ по дорогѣ, напѣвая «La donna è mobile» и довольно удачно подражая тому [1]), кто, одинъ изъ всѣхъ пѣвцовъ, когда-либо появлявшихся на сценѣ Ковентгарденскаго театра, наружностью и движеніями напоминалъ принцевъ королевской крови, тогда какъ слабый звукъ его увядающаго

[1]) Маріо.

голоса заставлялъ трепетать всѣ сердца въ обширной оперной залѣ.

Снѣгъ пересталъ. Звѣзды сіяли на темно-голубомъ небѣ, спокойномъ и ясномъ, какъ въ срединѣ лѣта. Луна поднималась изъ-за темныхъ горъ. Картина эта могла заставить биться сердце человѣка, только-что оторвавшагося отъ городской жизни; но мысли Дерроля были заняты соображеніями касательно новаго вида, какой принимали дѣла вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія, что молодой газльгёрстскій сквайръ есть Джэкъ Шико, и разсчетами, клонившимися къ тому, какъ-бы половчѣе извлечь для самого себя пользу изъ этого факта.

— Добрый, душевный малый,—размышлялъ онъ,—и, повидимому, склоненъ къ щедрости. Но если танцовщица была его законная жена, а онъ женился на Лорѣ годъ тому назадъ, то эта бѣдная дѣвушка такая же жена его, какъ я. Не совсѣмъ-то мнѣ ловко, въ качествѣ родителя, смотрѣть сквозь пальцы на подобныя вещи; но вмѣшательство мое могло-бы быть опасно и для меня.

— Добрый вечеръ, мистеръ Дерроль,—проговорилъ голосъ за его спиной.

Онъ такъ былъ погруженъ въ свои дѣловыя соображенія, что не слыхалъ шума шаговъ по дорогѣ. Онъ быстро обернулся, удивленный тѣмъ, что его назвали по имени, и увидалъ Эдуарда Клера. При слабомъ свѣтѣ онъ не узналъ человѣка, котораго встрѣтилъ на улицѣ и съ которымъ минутъ десять разговаривалъ около года тому назадъ.

— Вы, кажется, забыли меня, — привѣтливо проговорилъ Клеръ; — а между тѣмъ мы встрѣчались. Помните ли вы нашу встрѣчу въ Long-Acre, однажды подъ вечеръ, и нашъ разговоръ о вашемъ сожителѣ, мистерѣ Шико?

— Ваше лицо и голосъ мнѣ знакомы,—задумчиво промолвилъ Дерроль.—Да, вы джентльменъ, съ которымъ я разговаривалъ нѣсколько минутъ въ тавернѣ «Розы». Мнѣ помнится, что вы говорили о Газльгёрстѣ. Вы здѣшній житель, вѣроятно?

— Да, но я нѣсколько удивленъ встрѣчей съ вами въ такомъ отдаленномъ уголкѣ міра и въ-добавокъ въ рождественскій сочельникъ.

— Когда я долженъ бы былъ украшать стѣны зáмка моихъ предковъ вѣнками изъ дикаго терновника, и цѣловать моихъ внуковъ,—прервалъ Дерроль съ рѣзкимъ смѣхомъ. — Сэръ, я трава, носимая по волнамъ житейской рѣки, и вы никогда не должны удивляться гдѣ бы меня ни встрѣтили. У меня нѣтъ каната,

привязывающаго меня къ какому-либо порту; мой докъ — больница, моя гавань—могила.

Дерроль проговорилъ эту печальную рѣчь съ положительнымъ самоуслажденіемъ. У него было сто фунтовъ въ карманѣ, весь міръ былъ передъ нимъ открытъ. Къ чему послужили бы ему докъ или гавань? Онъ отъ природы былъ бродяга.

— Я очень радъ что мы встрѣтились,—серьёзно проговорилъ Эдуардъ: — я имѣю сообщить вамъ нѣчто важное — настолько важное, что желалъ бы поговорить въ четырехъ стѣнахъ. Не зайдете-ли вы ко мнѣ на полчасика, и не потолкуемъ ли мы съ вами сидя за стаканомъ сладкаго грога?

Сладкій грогъ не представлялъ особаго соблазна для любителя водки; это было почти равносильно тому, какъ еслибъ ему предложили молока съ водой.

— Я хочу уѣхать съ первымъ поѣздомъ, — нерѣшительно проговорилъ Дерроль,—и кой-чортъ можете вы сообщить мнѣ?

— Нѣчто крайне-важное. Нѣчто такое, что̀ можетъ наполнить кошелекъ вашъ деньгами.

— Намекъ вашъ возбуждаетъ мое любопытство. Что, если я откажусь отъ мысли попасть на этотъ поѣздъ? Ночь холодная, а я съ утра проѣхалъ порядочное разстояніе. Имѣется въ вашей деревнѣ гостинница, въ которой человѣкъ могъ бы найти приличную постель?

— Да, вамъ будетъ очень покойно въ гостинницѣ Георга. Пойдемте-ка со мной и выслушайте, что̀ я имѣю вамъ сказать. Теперь четверть десятаго, поѣздъ отходитъ въ половинѣ одиннадцатаго. Вы едва ли попадете на него, какъ бы вы ни торопились.

— Такъ и быть, пусть поѣздъ ѣдетъ безъ меня, я выслушаю, что̀ вы имѣете сказать.

Они вмѣстѣ отправились въ викаріатъ. Мистеръ Клеръ, жена его и Селія еще оставались въ за̀мкѣ, гдѣ дѣти, съ криками восторга, обрывали елку. Эдуардъ ускользнулъ сейчасъ-же по окончаніи чтенія, подъ предлогомъ выкурить сигару, обогнулъ домъ и остановился передъ фасадомъ въ ожиданіи отъѣзда неизвѣстнаго посѣтителя.

Викаріатъ былъ окутанъ мракомъ; свѣтъ былъ только на половинѣ прислуги, гдѣ происходило скромное празднество. Эдуардъ отворилъ дверь залы своимъ ключомъ и прошелъ въ свою комнату. Мистеръ Дерроль слѣдовалъ за нимъ. Огонь едва мерцалъ, но у камина стояла корзинка съ дровами. Эдуардъ бросилъ на тлѣвшіе уголья новое полѣно, и зажегъ свѣчи на столѣ. Потомъ

онъ отворилъ уютный угловой шкапикъ, досталъ черную бутылку, пару стакановъ и сахарницу.

— Если вашъ виски хорошъ, не трудитесь разводить его, —проговорилъ Дерроль,—я предпочитаю пить его безъ всякихъ примѣсей.

Онъ усѣлся очень удобно на стулѣ у камина, на собственной качалкѣ поэта, на которой онъ убаюкивалъ свои возвышенныя мечты и иногда дозволялъ своему генію вкусить спокойный сонъ.

— Уютный уголокъ,—сказалъ Дерроль, съ любопытствомъ оглядывая комнату.—Удивляюсь, что вы такъ неодобрительно отзываетесь о деревнѣ, въ которой имѣете такое прекрасное помѣщеніе.

— И червяку уютно въ его куколкѣ,—возразилъ Эдуардъ, —но это не жизнь.

— Нѣтъ. Жить—значитъ быть бабочкой и находиться во власти всякаго вѣтра, какой подуетъ. По-моему, если все взвѣсить, участь червяка завиднѣе.

— Неугодно-ли?—проговорилъ Эдуардъ, подвигая къ своему гостю, черезъ столъ, бутылку виски.

Дерроль налилъ себѣ стаканъ и залпомъ выпилъ его.—Молодой,—неодобрительно проговорилъ онъ.

— Что-жъ, мистеръ, кстати вы не удостоили дать мнѣ вашу карточку при нашей послѣдней встрѣчѣ.

— Мое имя—Клеръ.

— Ну-съ, мистеръ Клеръ, я къ вашимъ услугамъ. Я свернулъ съ своей дороги, чтобы отдаться въ ваше распоряженіе. Чтò такого удивительнаго имѣете вы сообщить мнѣ?

— Прежде всего, обсудите ваше собственное положеніе.

— Прошу васъ извинить меня,—воскликнулъ Дерроль, вставая и взявшись за шляпу.—Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы толковать объ этомъ. Если вы мнѣ разставили западню, то не на таковскаго напали. Я принадлежу къ породѣ хорьковъ и какую угодно сѣть перегрызу.

— Не торопитесь, голубчикъ мой,—промолвилъ Эдуардъ, поднимая, въ знакъ мольбы, свою бѣлую, точно женскую руку,— —въ видѣ предисловія къ тому, чтó я имѣю сказать вамъ, я вынужденъ говорить о вашихъ отношеніяхъ къ Лорѣ Тревертонъ, и мужу ея, Джону Тревертону, иначе Джэку Шикó.

— Что вы хотите сказать?

— Не болѣе того, чтó говорю. Джонъ Тревертонъ, газльгёрстскій сквайръ, и Джэкъ Шико—богема, авантюристъ, рисо-

вальщикъ, неудавшійся живописецъ, назовите какъ хотите—одно и то же лицо. Мистеру Тревертону можетъ быть угодно позабыть, что онъ когда-либо назывался Джекомъ Шико; но воспоминаніе о его прошлой жизни не можетъ быть вполнѣ изглажено, единственно потому, что онъ ея стыдится. Вы знаете, и я знаю, что настоящій владѣлецъ газльгёрстскаго замка—прежній жилецъ мистриссъ Эвитъ.

— Вы, должно быть, съ ума сошли, что говорите такія вещи,— сказалъ Дерроль, вопросительно и изумленно глядя на него, какъ на человѣка, въ которомъ онъ дѣйствительно замѣчалъ признаки безумія.—У этихъ двухъ людей нѣтъ ровно ничего общаго.

— Если человѣкъ, котораго я видѣлъ разговаривающимъ съ вами въ улицѣ Long-Acre, былъ каррикатуристъ Шикó, тогда Шикó и Тревертонъ одно и то же лицо.

— Голубчикъ мой, глаза ваши обманули васъ. Можетъ быть, и существуетъ какое-нибудь сходство, въ ростѣ, въ фигурѣ, пожалуй въ цвѣтѣ лица.

— Я видѣлъ лицо Шикó въ редакціи, и готовъ поклясться, что то было лицо Тревертона.

Дерроль пожалъ плечами, какъ-бы желая сказать,—вотъ бѣдный полу-помѣшанный человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ безвредной мечты. Мнѣ приходится ему вторить.

— Ну, дорогой сэръ,—вскорѣ проговорилъ онъ, протягивая къ огню свои ноги въ сильно поношенныхъ сапогахъ, и наслаждаясь тепломъ, распространяемымъ пылавшими дровами,—если это все, чтó вы имѣете сказать, то вы могли бы давеча позволить мнѣ уѣхать.

— Вы отрицаете тождество Джона Тревертона и каррикатуриста Шико?

— Самымъ торжественнымъ образомъ. Я имѣю честь знать того и другого, и возможность заявить, что они—совершенно разныя лица, имѣющія другъ съ другомъ нѣкоторое сходство въ общихъ чертахъ, какъ-то въ ростѣ, фигурѣ и проч., сходство, могущее ввести въ обманъ человѣка, который бы видѣлъ одного изъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, какъ видѣли вы Шикó.

— Почемъ вы знаете, какъ часто видалъ я Шикó?

— Я вывожу свое заключеніе изъ вашего собственнаго образа дѣйствій. Еслибъ вы видали его часто, еслибъ вы видѣли его болѣе одного раза—вы бы не могли принять его за мистера Тревертона, ни мистера Тревертона за него.

Эдуардъ Клеръ пожалъ плечами, и просидѣлъ нѣсколько

минуть насупившись и глядя въ огонь. Чего бы ни зналъ этотъ Дерроль, что бы онъ ни думалъ,—очевидно было, что изъ него ничего не вытянешь.

— Вы выражаетесь очень категорически,—вскорѣ замѣтилъ Эдуардъ:—я полагаю, что вы правы. Что до меня, то не могу же я желать, чтобы мужъ женщины, которую я глубоко уважаю, оказался такимъ человѣкомъ, каковъ этотъ Шикó. Я хотѣлъ бы только оберечь ея интересы. Еслибъ ей случилось быть женой негодяя, какая была бы ея участь? Можетъ быть, столь же ужасная, какъ участь танцовщицы!

Дерроль ничего не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ откинувшись на спинку качалки, и отдыхалъ съ полузакрытыми глазами.

— Видѣли вы Шикó со времени убійства жены его?—спросилъ Эдуардъ, послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Никто не видалъ его. Я полагаю, что онъ прямо отправился на одинъ изъ мостовъ и утопился.

— Въ такомъ случаѣ тѣло его было бы найдено, а смерть доведена до свѣдѣнія полиціи.

— Вы бы этого не сказали, еслибъ были лондонскимъ жителемъ. Вы не знаете, сколько безъимянныхъ тѣлъ еженедѣльно вытаскивается изъ Темзы, сколько непризнанныхъ тѣлъ лежитъ въ нарочно для того устроенныхъ домахъ, въ ожиданіи того, чтобы кто-нибудь ихъ потребовалъ, причемъ никто никогда выдачи ихъ не требуетъ, и онѣ отправляются на нищенское кладбище безъ имени. Полиція не знала Шикó. Она, для своего руководства при поискахъ за нимъ, имѣла только описаніе его личности. Я убѣжденъ, что бѣдняга ушелъ отъ нея самымъ дѣйствительнымъ способомъ.

— Вы думаете, что онъ убилъ жену свою?

Дерроль пожалъ плечами.

— Я ничего не думаю,—отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ такъ дурно думать о человѣкѣ, который былъ моимъ другомъ? Но я знаю, что онъ скрылся, изъ чего можно вывести заключеніе противъ его невинности.

— Если онъ живъ, мое дѣло—найти его,—гнѣвно проговорилъ Эдуардъ.—Преступленіе было звѣрское, ничѣмъ не вызванное, не оправдываемое, и если въ моей власти обличить его, то онъ за него отвѣтитъ.

— Вы говорите такъ, какъ еслибъ питали къ нему личную ненависть,—замѣтилъ Дерроль.—Я понимаю, что сыщики бѣсились на него; онъ задалъ имъ славную пляску, и ихъ къ тому же осмѣяли за то, что имъ не удалось поймать его. Но отчего бы

вамъ, джентльмену, живущему здѣсь въ свое удовольствіе, чувствовать такъ сильно подобное желаніе?

— Я имѣю на то свои причины.

— Позвольте пожелать вамъ спокойной ночи. Становится поздно, а въ гостинницѣ Георга вѣроятно ложатся рано. До свиданія, мистеръ Клеръ. Кстати, когда вы давеча сказали мнѣ свое имя, я забылъ спросить васъ, откуда вы узнали мое?

— Я видѣлъ его въ газетахъ, въ отчетѣ о слѣдствіи, произведенномъ по поводу убійства m-me Шикó.

— Правда. Я тогда сказалъ вамъ, что живу въ одномъ домѣ съ Джекомъ Шикó. Я объ этомъ позабылъ. Доброй ночи.

— Вы по прежнему живете въ улицѣ Сибберъ?

— Нѣтъ, домъ этотъ сталъ мнѣ ненавистенъ послѣ того ужаснаго событія. Мистриссъ Эвитъ лишилась обоихъ своихъ жильцовъ. Мистриссъ Рауберъ, трагическая актриса, переѣхала черезъ два дома. Мой адресъ: *до востребованія въ Европѣ*. Но въ теченіе будущей недѣли я буду въ Парижѣ.

— Доброй ночи,—сказалъ Эдуардъ.—Я долженъ сойти внизъ и выпустить васъ. Мои домашніе вѣроятно уже вернулись, и вамъ можетъ быть непріятно было бы встрѣтиться съ ними.

— Мнѣ это безразлично,—величаво отвѣчалъ Дерроль. На лѣстницѣ они не встрѣтили ни викарія, ни жены его. Дѣтскій праздникъ окончился очень поздно, въ половинѣ одиннадцатаго, и мистеръ и мистриссъ Клеръ теперь возвращались домой, оставивъ Селію на первый день Рождества у Тревертоновъ.

О. П.

ДРЕВНОСТИ
ВАВИЛОНО-АССИРІЙСКІЯ
ПО НОВѢЙШИМЪ ОТКРЫТІЯМЪ.

Три публичныхъ лекціи.

I.

Открытіе развалинъ Ниневіи.—Дворцы ассирійскихъ царей.—Клинообразныя письмена и исторія чтенія ихъ.—Ассиріологія.

Въ ряду замѣчательныхъ открытій нашего времени видное мѣсто занимаетъ открытіе развалинъ *Ниневіи* съ ихъ барельефами и надписями: оно составило эпоху для изученія древнѣйшей исторіи передней Азіи и представляетъ вмѣстѣ высокій современный интересъ, бросая неожиданный свѣтъ на библейскій разсказъ о первыхъ временахъ человѣчества.

«Великая» Ниневія, нѣкогда гроза всей передней Азіи, которую она держала подъ своимъ желѣзнымъ игомъ, сама, въ свою очередь, разрушена была возставшими противъ нея народами, за шесть вѣковъ до Р. Х.

Такъ исполнилось надъ Ниневіею пророческое слово Софоніи (II, 13—15): «и простретъ Онъ (Господь) руку Свою на сѣверъ и уничтожитъ Ассура (т.-е. Ассиріянъ) и обратитъ Ниневію въ развалины, въ мѣсто сухое, какъ пустыня. И покоиться будутъ среди нея стада и всякаго рода животныя... Вотъ чѣмъ будетъ городъ торжествующій, живущій безпечно, говорящій въ сердцѣ

своемъ: я—и нѣтъ иного, кромѣ меня! Какъ онъ сталъ развалиною и логовищемъ для дикихъ звѣрей!»

Скоро и самыя развалины Ниневіи, занесенныя землею, скрылись отъ взора. Мѣсто, гдѣ былъ «великій городъ», стало холмистымъ полемъ, поросшимъ травою и кустарникомъ. Спустя двѣсти лѣтъ послѣ раззоренія Ниневіи, Ксенофонтъ, ведшій греческую армію, послѣ битвы при Кунаксѣ, вверхъ по Тигру, вдоль лѣваго его берега, и съ большимъ тщаніемъ отмѣчавшій всѣ города, мимо которыхъ проходилъ онъ, даже тѣ, которые лежали уже въ развалинахъ, не упоминаетъ о Ниневіи [1]), хотя, очевидно, проходилъ чрезъ мѣстность, нѣкогда ею занимаемую;—такъ исчезъ самый слѣдъ ея. Забыли даже мѣсто, гдѣ она находилась. Лукіанъ, писатель второго вѣка по Р. Х., въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, въ отвѣтъ на просьбу Харона показать ему славнѣйшие города, какъ Ниневія, Вавилонъ, и др. влагаетъ въ уста Меркурія слѣдующія слова: «Ниневія, о кормчій, уже разрушена; отъ нея не осталось теперь и слѣда; да и не сказать тебѣ, гдѣ она нѣкогда была» [2]).

Честь открытія Ниневіи принадлежитъ бывшему французскому консулу въ г. Мосулѣ, Эмилю Боттá. Мѣстныя преданія давно уже указывали на окрестности Мосула, какъ на мѣстность, гдѣ должно было искать остатковъ древней Ниневіи. Такъ, въ 1766 г. жители Мосула, показывая путешественнику Карстену Нибуру рядъ холмовъ, возвышавшихся на противоположномъ (лѣвомъ) берегу Тигра, называли ихъ «валами Ниневійскими». Одинъ изъ этихъ холмовъ занимаетъ деревня съ знаменательнымъ названіемъ «Нуніа» или «Ниніуа» и съ мечетью Наби-Іунесъ, заключающею въ себѣ, по преданію, гробницу пророка Іоны, ходившаго нѣкогда по стогнамъ Ниневіи, «города великаго», возвѣщая близкую кару божію за злодѣянія его.

«Когда я отправлялся къ мѣсту моего назначенія (въ Мосулъ) въ началѣ 1842 г.,—говоритъ Ботта,—то г. Моль, ученый переводчикъ Фирдуси, обратилъ мое вниманіе на археологическій интересъ этой мѣстности и убѣждалъ меня произвести раскопки въ окрестностяхъ моей будущей резиденціи».

Вскорѣ по прибытіи на мѣсто, Ботта приступилъ къ дѣлу. Прежде всего, онъ весьма естественно обратилъ вниманіе на холмъ, занятый деревнею Ниніуа, самымъ названіемъ своимъ напоми-

[1]) Это подало поводъ покойному оріенталисту Сенковскому усумниться даже въ существованіи ея.

[2]) Lucian. in Charon. p. 23 (ed. Didot).

нающею древнюю Ниневію; но значительность деревни и ея построекъ не позволила производить здѣсь раскопокъ. Ботта избралъ тогда мѣстомъ своихъ первыхъ изысканій сосѣдній холмъ *Куюнджикъ*, лежащій на сѣверъ отъ дер. Ниніуа, съ которою онъ соединялся остатками древней кирпичной стѣны, и началъ здѣсь раскопки въ декабрѣ 1842 года. Онъ продолжалъ ихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ особенныхъ результатовъ. Между тѣмъ работы его привлекли на себя вниманіе мѣстныхъ жителей. Однажды (въ декабрѣ 1842 г.) приходитъ къ Ботта житель сосѣдней деревни Хорсабада, верстахъ въ 15 къ сѣверу отъ Мосула, показываетъ ему два большихъ кирпича съ клинообразными надписями и предлагаетъ ему доставить ихъ, сколько угодно; онъ добывалъ эти кирпичи изъ холма, на которомъ стояла его деревня, употребляя ихъ для кладки печей. Занятый раскопкою Куюнджика, Ботта не обратилъ сначала вниманія на это указаніе; но потомъ, при малоуспѣшности своихъ раскопокъ въ Куюнджикѣ, онъ вспомнилъ о хорсабадскихъ кирпичахъ и послалъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ испытать эту мѣстность. Это было въ концѣ марта 1843 г.

«Такимъ образомъ,—говоритъ Ботта,—я приведенъ былъ къ открытію, которое превзошло мои ожиданія и вполнѣ оправдало догадки г. Моля, истиннаго виновника моихъ изысканій». Первыя же раскопки хорсабадскаго холма обнаружили значительность скрывавшихся въ немъ развалинъ: отрыты были стѣны, покрытыя барельефами и надписями. Когда извѣстіе объ этомъ открытіи достигло Парижа, французское правительство ассигновало извѣстную сумму на продолженіе раскопокъ и послало въ помощь Ботта́ опытнаго и искуснаго рисовальщика Е. Фландена, чтобы снимать планы и виды открываемыхъ развалинъ. Самъ Ботта, между тѣмъ, тщательно копировалъ многочисленныя клинообразныя надписи, которыми были покрыты стѣны отрытаго зданія. Такъ найдены были, какъ оказалось, развалины *Дурсаркина*—дворца ассирійскаго царя Саркина или Саргона, отца Сеннахиримова, жившаго въ VIII-мъ вѣкѣ до Р. X. [1]).

Вскорѣ затѣмъ на мѣстѣ раскопокъ появился человѣкъ, трудамъ котораго мы обязаны многочисленнѣйшими и интереснѣйшими открытіями. Это былъ Генри Лейярдъ [2]). Прибывъ въ Мосулъ въ октябрѣ 1845 г., онъ началъ свои раскопки въ холмѣ,

[1]) Изысканія Ботта и Фландена описаны въ изданіи: Monument de Ninive, découvert et décrit par Botta, mesuré et dessiné par Flandin. Paris, 1846—50.

[2]) Столь извѣстный потомъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ въ послѣднюю турецкую войну.

близъ деревни *Нимрудъ*, верстъ на 60 южнѣе Хорсабада по лѣвому берегу Тигра. Изысканія его увѣнчались великолѣпнымъ успѣхомъ. Онъ открылъ развалины двухъ дворцовъ библейскаго города *Калаха*, прежней резиденціи ассирійскихъ царей, какъ дознано было потомъ. Стѣны дворцовъ тоже покрыты были надписями и барельефами, изображавшими военныя сцены, охоту, процессіи... мѣстами можно было еще отличить цвѣтъ волосъ, глазъ, сандалій. Слѣды огня весьма были замѣтны. Посреди развалинъ найдено было множество интересныхъ вещей: остатки латъ и оружія, шлемы разной формы, жертвенники, саркофаги со скелетами, разсыпавшимися, впрочемъ, въ прахъ при соприкосновеніи съ свѣжимъ воздухомъ; сосуды глиняные, алебастровые, лампы, небольшія мѣдныя зеркала, ожерелья, браслеты, украшенія изъ слоновой кости, на которыхъ замѣтны еще были слѣды живописи и позолоты и т. п. Найдены были также колоссальныя изваянія крылатыхъ быковъ и львовъ съ человѣческими головами и статуи людей.

Къ неменѣе замѣчательнымъ результатамъ привели изслѣдованія холма Куюнджика (противъ Мосула). Не касаясь работъ, начатыхъ здѣсь Боттою, Лейярдъ повелъ свои раскопки въ другомъ направленіи, и открылъ, какъ оказалось впослѣдствіи, развалины *дворца Сеннахирима*, оконченнаго внукомъ его, *Сарданапаломъ*, въ VII столѣтіи до Р. Х. Раскопаны были также и другіе холмы въ окрестностяхъ Мосула, причемъ найдены были, между Калахомъ и Ниневіею, развалины еще одного древняго города, вѣроятно библейскаго *Ресена*, о которомъ сказано въ книгѣ Бытія (X, 12): «Ресенъ между Ниневіею и Калахомъ; это городъ великій» [1]).

Открытія Ботта́ и Лейярда возбудили въ ученомъ мірѣ живѣйшій интересъ; по слѣдамъ ихъ другіе, какъ Оппертъ, Пласъ, Ролинсонъ, Смитъ, продолжали изысканія на почвѣ древней Ассиріи, обогащая науку новыми открытіями; такъ найдены были развалины Элассура, библейскаго *Эллaсара*, древнѣйшей столицы ассирійскихъ царей.

Открыты развалины собственно *дворцовъ* ассирійскихъ царей какъ въ самой Ниневіи, такъ и въ другихъ сосѣднихъ резиденціяхъ ихъ по берегу Тигра, — а именно, въ Калахѣ и Дурсаркинѣ; мѣстами сохранились также слѣды стѣнъ городскихъ. Дворцами царскими «покрыта была» территорія Ассиріи, по

---

[1]) Описаніе сдѣланныхъ имъ открытій Лейярдъ издалъ подъ заглавіемъ: Nineveh and its remains; первое изданіе 1848.

свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ царей ея (Туклатпаласара древняго).

По найденнымъ развалинамъ ассирійскихъ дворцовъ, можно составить себѣ понятіе объ этихъ своеобразныхъ сооруженіяхъ. Строились дворцы на высокихъ искусственныхъ террасахъ, окруженныхъ стѣною. Возведеніе одной подобной террасы потребовало, конечно, тысячъ рукъ и нѣсколькихъ лѣтъ работы. Такъ какъ не хотѣли отдаляться отъ Тигра, то этими насыпями поднимали дворцы выше наводненія и болотныхъ испареній, порождавшихъ лихорадки и мошекъ, роями носящихся по берегамъ рѣки. На террасу вели широкія ступени; у входа, какъ колоссальные стражи, виднѣлись фигуры львовъ и быковъ съ человѣческими головами и многими рогами—символомъ силы у семитическихъ народовъ. Сооружавшійся на такомъ искусственномъ холмѣ дворецъ, своею громадностью и формою представлялъ подобіе новаго холма, въ нѣдрахъ котораго вырыты были залы и перистили. Подобный способъ постройки обусловливался, повидимому, какъ необходимостью имѣть прохладное жилище въ столь знойномъ климатѣ, такъ и качествомъ самого строительнаго матеріала. Стѣны и своды ассирійскихъ зданій складывались изъ сырыхъ кирпичей особеннаго состава, такъ что они плотно прилегали другъ къ другу, образуя сплошную массу. Камни, въ видѣ большихъ плитъ, покрытыхъ барельефами, употреблялись лишь для украшенія внутреннихъ стѣнъ зданія или наружной стороны стѣны, окружавшей террасу.

Строя лишь изъ сырыхъ кирпичей, ассиріяне, по необходимости, должны были дѣлать зданія одноэтажными съ чрезвычайно толстыми и сравнительно низкими стѣнами и узкими сводами, что сообщало форму и самымъ заламъ—длиннымъ и узкимъ, на подобіе галлерей. Потолокъ покрывался также глубокимъ слоемъ земли для защиты какъ отъ дождя, такъ и отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Ассирійскіе дворцы выстроены всѣ по одному и тому же плану. Это рядъ огромныхъ квадратныхъ дворовъ, а вокругъ ихъ въ нѣсколько рядовъ анфилады длинныхъ залъ, на подобіе галлерей (100—180 фут. длины, при 30—60 ф. ширины). Дворецъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ, хотя и соединенныхъ между собою частей, соотвѣтствующихъ тремъ подраздѣленіямъ, какія имѣетъ всякое богатое жилище еще и нынѣ въ Багдадѣ или Бассорѣ: *сераль* или собственно дворецъ, обитаемый мужчинами, гдѣ находятся и парадные пріемные покои; далѣе, женская половина—*гаремъ*, и *ханъ*, то-есть, службы. Стѣны парадныхъ залъ, назначавшихся для большихъ собраній, покрыты

были до извѣстной высоты каменными плитами съ барельефами, а выше — изразцами. Прочія комнаты, менѣе парадныя, украшены были одними изразцами или покрыты цвѣтною штукатуркою, иногда съ фресковою живописью. При этомъ нѣкоторыя комнаты имѣли квадратную форму съ куполомъ; у другихъ потолокъ выведенъ былъ сводомъ или былъ плоскій, сложенный изъ крѣпкихъ бревенъ, поддерживавшихъ земляную насыпь, какъ свидѣтельствуютъ надписи. Выступавшіе концы бревенъ обиты были листовою бронзою, вѣроятно тоже съ украшеніями. Изъ надписей также узнаемъ мы еще, что нѣкоторые покои обложены были сплошь драгоцѣннымъ деревомъ — кипарисомъ, кедромъ, морскою сосною, чернымъ, сандальнымъ или фисташковымъ деревомъ. Слѣдовъ этой внутренней отдѣлки, конечно, не могло сохраниться, потому что всѣ доселѣ открытые дворцы очевидно были опустошены огнемъ во время послѣднихъ катастрофъ, положившихъ конецъ ассирійской монархіи. Для собраній болѣе значительныхъ, для которыхъ большія залы оказывались недостаточными, служили внутренніе дворы — первообразы римскихъ атріумовъ. По сторонамъ они украшены были барельефными изображеніями, а отъ солнечныхъ лучей, вѣроятно, защищены были растянутымъ поверхъ ихъ полотномъ (какъ римскій velum). Тонкія колонны, каменныя, а еще чаще деревянныя, обложенныя металломъ, образовывали вокругъ этихъ внутреннихъ дворовъ портики, раскрашенные яркими красками. Колонны представляли подобіе пальмъ или иныхъ деревъ, всего же чаще оканчивались капителью въ завиткахъ — прототипъ іоническаго ордена; иногда же, на верху колонны красовалась металлическая фигура какого-нибудь дѣйствительнаго или фантастическаго животнаго. У всѣхъ главныхъ входовъ дворца, какъ наружныхъ, такъ внутреннихъ, какъ-бы охраняя ихъ, стояли колоссальныя фигуры крылатыхъ быковъ и львовъ, съ человѣческими головами — первообразъ греческихъ сфинксовъ.

Иногда эти символическія существа замѣнялись просто колоссальными фигурами львовъ въ положеніи бдительныхъ и грозныхъ стражей. Плоскія крыши окаймлены были зубцами со ступенями, обращенными внутрь, что̀ принято было потомъ и арабскою архитектурою для украшенія наружныхъ стѣнъ зданія, какъ и теперь еще можно видѣть это на каирскихъ мечетяхъ. Покои освѣщались сверху отверстіями, сдѣланными въ потолкѣ и замѣнявшими наши окна; и доселѣ еще жилища Арменіи получаютъ свѣтъ подобнымъ способомъ. Отъ дождя и палящихъ солнечныхъ лучей эти отверстія защищались листами китовой

кожи, выдѣланной на подобіе пергамена, какъ и теперь еще датскіе колонисты въ Гренландіи, вмѣсто стеколъ въ окнахъ, употребляютъ кожу одной породы кита. Полъ какъ въ залахъ, такъ и во дворахъ, вымощенъ былъ большими обожжеными кирпичами. Внутреннія стѣны дворцовъ, особенно въ большихъ залахъ, украшены барельефами по алебастру, которымъ выложенъ низъ стѣнъ въ видѣ большихъ плитъ до семи футовъ высоты. Барельефы разрисованы были яркими красками, слѣды которыхъ видны и понынѣ. Поверхъ барельефовъ стѣна покрыта была фресками, мѣстами еще сохранившимися; клинообразныя надписи покрываютъ промежутки между барельефами, а иногда и самый полъ. Эти вдавленные клинообразные знаки, въ видѣ украшенія, мѣстами выложены мѣдью. Барельефы, живопись, надписи прославляли подвиги царствующаго государя—это было ихъ назначеніе. Построенные руками плѣнниковъ, дворцы были какъ-бы памятниками побѣдъ. Каждый почти царь строилъ себѣ новый дворецъ или расширялъ дворецъ своего предшественника, чтобы украсить его изображеніемъ собственныхъ подвиговъ. Въ богатой одеждѣ, съ тіарой на головѣ, съ длинными, тщательно завитыми волосами и такою же бородой, виднѣется вездѣ величественная фигура царя, возвышающаяся надъ окружающею его свитою; можно еще различить узоры богатой ткани, покрывающей его плечи, цвѣтъ его волосъ и глазъ. Сопровождающіе его евнухи держатъ надъ головой его зонтикъ—отличіе царя. Кромѣ евнуховъ, при царѣ еще одинъ только сановникъ, отличающійся отъ прочихъ своимъ одѣяніемъ; онъ повидимому единственный посредникъ между царемъ и народомъ: онъ передаетъ повелѣнія царя. Всѣ украшенія—рукояти мечей, конская сбруя, домашняя утварь—сдѣланы съ такимъ вкусомъ, что и теперь еще могли бы служить образцомъ. Военныя сцены составляютъ главный предметъ изображеній: битвы, осады крѣпостей, казни возставшихъ, пріемъ добычи и плѣнниковъ. Здѣсь ассирійскіе воины, коренастыя, мускулистыя фигуры — въ остроконечныхъ шапкахъ, въ кольчугахъ поверхъ узкихъ туникъ, съ короткимъ мечомъ въ одной рукѣ и круглымъ щитомъ въ другой, идутъ на приступъ крѣпости; по приставленнымъ лѣстницамъ они лѣзутъ на стѣну; осажденные пускаютъ въ нихъ стрѣлы и камни или стараются поджечь придвинутую къ стѣнѣ стѣнобитную машину—прототипъ греческой гелеполы; между тѣмъ какъ вдали, на кровлѣ портика, виднѣется фигура женщины съ простертою впередъ рукою, какъ-бы умоляя о пощадѣ. Тамъ евнухи, стоя у воротъ взятаго города, считаютъ провозимую мимо ихъ добычу—барановъ, быковъ и другихъ живот-

ныхъ, и записываютъ на свиткахъ количество ея или считаютъ отрубленныя головы враговъ, грудою лежащія у ихъ ногъ. Вотъ царь, окруженный воинами, даетъ битву подъ стѣнами укрѣпленнаго города. Стоя на колесницѣ, запряженной тройкою богато убранныхъ коней, онъ пускаетъ стрѣлу въ непріятеля; служитель, стоящій рядомъ, прикрываетъ его щитомъ, между тѣмъ какъ другой возжами погоняетъ коней. На двухъ сосѣднихъ плитахъ представлено возвращеніе послѣ побѣды. Впереди процессіи воины несутъ отрубленныя головы побѣжденныхъ. За ними слѣдуютъ музыканты со струнными инструментами; далѣе несутъ знамена, а за ними самъ царь, держа въ рукахъ лукъ и стрѣлы; надъ головою его зонтикъ, поддерживаемый евнухомъ, а сзади его боевая колесница. *Войско* очевидно составляло главный предметъ заботливости царя.

Какъ видно по барельефамъ разныхъ эпохъ, оно безпрестанно реформируется: каждый воинственный царь придумываетъ ему новое одѣяніе и оружіе. Можно по барельефамъ прослѣдить постепенное развитіе военнаго искусства у ассиріянъ. Сначала главную силу арміи составляютъ военныя колесницы. На колесницѣ находился стрѣлокъ, возница и иногда еще щитоносецъ, прикрывавшій стрѣлка щитомъ; но въ войнахъ съ горными народами, всего чаще бывавшихъ, колесница становилась почти безполезною; ее стараются замѣнить конницею, которая сначала является въ жалкомъ видѣ: на голой спинѣ лошади сидитъ стрѣлокъ, высоко поднявъ голыя колѣни, которыми онъ держится за шею лошади; у него прислужникъ, тоже конный, держащій его коня, пока онъ стрѣляетъ. Съ теченіемъ времени верховая ѣзда совершенствуется: на спинѣ лошади является попона, у всадника высокіе сапоги и кожаные штаны; прислужникъ его исчезаетъ; стремянъ, впрочемъ, не было. По мѣрѣ усовершенствованія конницы, военная колесница выходитъ изъ употребленія; ею пользуются только вожди, а подъ конецъ — одинъ царь. Пѣхота является вооруженною разнообразнымъ оружіемъ, часто мѣнявшимся: лукомъ и стрѣлами, мечомъ, копьемъ, пращею, булавою, или топоромъ; оборонительное вооруженіе составляли шлемы различной формы, панцыри, щиты и т. п. Черезъ рѣки переправлялись съ помощью лодокъ, плотовъ или надутыхъ мѣховъ, что̀ и досел̀ѣ еще въ той странѣ въ употребленіи. Осадное искусство получило у ассиріянъ раннее развитіе. Осажденную крѣпость окружали валомъ, устроивали подвижныя башни на колесахъ, съ таранами, которыми разбивали стѣну, между тѣмъ какъ сверху башни стрѣлки, прикрытые щитами, метали стрѣлы въ осажденныхъ;

самыя же башни защищены были отъ огня осажденныхъ толстыми кожами; стараются отрѣзать у осажденныхъ воду, подкопать его стѣны.—Послѣ военныхъ сценъ, болѣе всего мѣста занимаютъ изображенія *охоты*, любимаго, повидимому, развлеченія ассирійскихъ царей. Стѣны Сарданапалова дворца покрыты изображеніями разныхъ эпизодовъ его охоты съ пояснительными надписями. Такъ, на барельефѣ, хранящемся въ Луврѣ, читается: «Въ одну изъ моихъ охотъ левъ приблизился во мнѣ, я схватилъ его за гриву, надъ ушами, и призвавъ на помощь Ассура и Истару, распорядительницу боевъ, пронзилъ внутренности его копьемъ». На барельефѣ британскаго музея начертано: «Въ одну изъ охотъ моего величества, я схватилъ льва за хвостъ; призвавъ на помощь боговъ Адара и Нергала, я раздробилъ ему черепъ моею булавою» [1]).

Другіе барельефы изображаютъ царя въ пышномъ одѣяніи на походѣ, во главѣ арміи, или на пиршествѣ съ бокаломъ вина: множество слугъ несутъ яства и напитки,—куропатокъ, зайцевъ, саранчу, нанизанныхъ на длинныя палки.

Страшными сценами казней любили также ассирійскіе цари украшать стѣны своихъ дворцовъ. Съ ужасающею точностію представлено тамъ, какъ сажаютъ на колъ, сдираютъ кожу, отрѣзываютъ члены возставшихъ; царь собственною рукою ослѣпляетъ ихъ. Въ другихъ покояхъ, повидимому, принадлежавшихъ къ гарему, царь представленъ прогуливающимся въ саду, между деревьями котораго прохаживаются ручные львы; или въ тѣни бесѣдки изъ виноградныхъ лозъ онъ лежитъ, распростершись на ложѣ, съ полнымъ бокаломъ вина въ рукѣ; а возлѣ него—царица, на высокомъ стулѣ, въ богатомъ платьѣ, съ закрытымъ лицомъ и тоже съ полнымъ кубкомъ въ рукѣ, пьющая повидимому за здоровье царя; евнухи опахалами отгоняютъ мухъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторомъ отдаленіи играетъ многочисленный оркестръ. Иногда барельефы представляютъ сооруженіе самаго дворца; устройство кирпичныхъ террасъ подъ дворецъ, перевозку огромныхъ колоссовъ, которые должны украшать его входъ. Всѣ эти работы производятся плѣнниками, отчасти въ оковахъ,—при нихъ всегда надсмотрщикъ съ поднятою палкою. Всѣ передвиженія тяжестей дѣлаются самими рабочими; царь смотритъ на работы съ колесницы, влекомой тоже людьми.

Такъ разнообразны и оригинальны эти неожиданно извлеченные изъ земли барельефы, наглядно знакомящіе насъ съ куль-

---

[1]) Annales des rois d'Assyrie, trad. par Menant, 1874, p. 290.

турою, бытомъ и нравами древнихъ ассиріянъ, доселѣ намъ неизвѣстными. Но еще обильнѣйшій и несравненно важнѣйшій историческій матеріалъ представляютъ надписи, какъ на самыхъ барельефахъ и на стѣнахъ дворцовъ, такъ равно и на отдѣльныхъ плиткахъ, глиняныхъ призмахъ, цилиндрахъ, кирпичахъ, во множествѣ находимыхъ въ мусорѣ развалинъ ассирійскихъ дворцовъ. Надписи эти состоятъ изъ знаковъ клинообразной формы, расположенныхъ параллельно, перпендикулярно или наклонно. *Клинопись*, подобно іероглифамъ, есть образное письмо, но еще болѣе сокращенное, такъ что изрѣдка только въ клинообразномъ знакѣ можно узнать изображаемый предметъ.

Исторія чтенія клинообразнаго письма представляетъ высокій научный интересъ,—по необычайнымъ трудностямъ, какія пришлось при этомъ преодолѣть.

Извѣстно, что персидскіе цари, чтобы увѣковѣчить память о своихъ подвигахъ, имѣли обыкновеніе начертывать повѣствованіе о нихъ на каменныхъ столбахъ, даже на скалахъ, и притомъ на главныхъ языкахъ подвластныхъ имъ народовъ. Такъ, между прочимъ, Геродотъ [1]) говоритъ, что Дарій Истаспъ, отправляясь въ походъ на скиѳовъ, воздвигъ на берегу Босфора двѣ колонны изъ бѣлаго мрамора, и велѣлъ начертать на одной изъ нихъ по-ассирійски, а на другой по-гречески имена народовъ, составлявшихъ его армію. Геродотъ самъ еще видѣлъ обломокъ одной изъ нихъ, «весь покрытый ассирійскими письменами». Если бы эти колонны съ надписями сохранились, то оказали бы для чтенія клинообразнаго письма ту же услугу, какъ и знаменитый розеттскій камень для чтенія іероглифовъ: по собственнымъ именамъ этихъ надписей, съ помощію греческаго текста, можно было бы найти буквы клинообразнаго алфавита.

Ключъ къ чтенію вавилоно-ассирійскихъ письменъ найденъ былъ инымъ путемъ, болѣе труднымъ, но за то доставившимъ случай человѣческому уму одержать одну изъ его величайшихъ побѣдъ.

Задолго до открытія, въ такомъ обиліи, ассирійскихъ надписей, подобныя же клинообразныя надписи видѣли европейскіе путешественники въ разныхъ мѣстахъ древней персидской монархіи: на развалинахъ дворцовъ Персеполя и Сузъ, на Бегистанской скалѣ (близъ г. Керманшаха), въ ущельи Эльвендъ (близъ Гамадана, — древней Экватаны), на Ванскихъ утесахъ. *Персепольскія надписи* первыя обратили на себя вниманіе уче-

[1]) Кн. IV, 87.

ныхъ путешественниковъ, поразивъ ихъ своею странною формою, столь не похожею на всѣ дотолѣ извѣстныя письмена.

Еще въ началѣ XVII ст. итальянецъ Пьетро-делла-Валле, посѣтивъ персепольскія развалины, указалъ на эти надписи, скопировалъ, для образца, пять этихъ невѣдомыхъ письменныхъ знаковъ, и высказалъ при этомъ предположеніе, впослѣдствіи подтвердившееся, что клинообразное письмо писалось слѣва на право. «Но никто не можетъ сказать,—замѣчаетъ онъ,—что́ это за письменные знаки и на какомъ они языкѣ». Извѣстный тогдашній оріенталистъ Гейдъ (Hyde) не призналъ ихъ даже за надписи, но счелъ ихъ просто за скульптурныя украшенія.

Въ 1765 г. посѣтилъ развалины Персеполя датскій путешественникъ Карстенъ Нибуръ, отецъ знаменитаго историка, и съ величайшимъ тщаніемъ скопировалъ клинообразные знаки, вырѣзанные на трехъ плитахъ, вдѣланныхъ въ косяки дверей одного изъ разрушенныхъ зданій. Теперь не могло уже быть сомнѣнія, что это—*надписи*, а не скульптурныя украшенія. Нибуръ могъ даже замѣтить, что здѣсь собственно три надписи, написанныя тремя различными клинообразными шрифтами; причемъ легко было увидѣть, что текстъ первой плиты представлялъ систему знаковъ болѣе простую, на второй плитѣ она представлялась болѣе сложною, и самою сложною на третьей плитѣ. Обратясь къ первой, какъ болѣе простой изъ трехъ системъ, Нибуръ пытался опредѣлить отдѣльные клинообразные знаки, которые могли быть буквами азбуки невѣдомаго пока языка. Подобныя тройственныя надписи найдены были Нибуромъ и въ другихъ мѣстахъ персепольскихъ развалинъ.

Въ 1798 г. ученый оріенталистъ Тихсенъ сдѣлалъ важное дополненіе къ замѣчаніямъ Нибура. Онъ понялъ, что встрѣчаемый въ текстѣ первой системы надписей діагональный клинъ могъ служить для отдѣленія словъ, такъ какъ число знаковъ между двумя такими клиньями никогда не превышало десяти; такимъ образомъ эти группы знаковъ могли означать *слова*, а самые знаки—представлять *буквы*.

Два года спустя, датчанинъ Мюнтеръ подтвердилъ это предположеніе, присоединивъ къ нему еще замѣчаніе, что между діагональными клиньями не только повторяются иногда тѣ же самыя группы знаковъ, но что они представляютъ и нѣкоторыя варіаціи въ окончаніяхъ, что́ указываетъ, повидимому, на грамматическія флексіи, причемъ, предполагая, что языкъ надписей древне-персидскій, онъ при помощи флексій родственныхъ язы-

ковъ Зенда и Пегльви [1]), пытался опредѣлить произношеніе нѣкоторыхъ буквъ клинообразнаго письма, хотя и малоуспѣшно: изъ двѣнадцати его буквъ двѣ только (А и В) оказались опредѣленными правильно.

Первый рѣшительный и вѣрный шагъ сдѣлало чтеніе клинописи въ 1802 г., благодаря геніальной, по своему остроумію и смѣлости, догадкѣ нѣмецкаго филолога Гротефенда. Чего предшественники его тщетно добивались, въ теченіе полустолѣтія неутомимо изучая отдѣльные знаки первой системы клинообразныхъ надписей, а именно—*найти алфавитъ языка этихъ надписей*, то Гротефендъ нашелъ сразу, прямо приступивъ къ чтенію, или точнѣе къ переводу цѣлой фразы. Переводить съ языка вовсе неизвѣстнаго, при помощи лишь археологическихъ и историческихъ соображеній, могло бы показаться попыткою сумасбродною, если бы послѣдствія не оправдали геніальной ипотезы Гротефенда. Онъ предположилъ, во-первыхъ, что тройственныя надписи персепольскія, скопированныя Нибуромъ, заключаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же текстъ, но на трехъ различныхъ языкахъ, а именно на древне-персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ; предположилъ далѣе, вмѣстѣ съ Тихсеномъ и Мюнтеромъ, что группа изъ семи знаковъ, часто повторяющаяся, заключаетъ въ себѣ *царскій титулъ*, а именно весьма обыкновенный титулъ иранскій, употребляемый и понынѣ: шахеншахъ—«царь царей»; и признавая весьма вѣроятнымъ присутствіе въ клинообразныхъ древне-персидскихъ надписяхъ и другихъ подобныхъ формулъ, встрѣчаемыхъ въ позднѣйшихъ персидскихъ надписяхъ, а именно въ сассанидскихъ (III и IV вѣка по Р. Х.), какъ, напримѣръ: «такой-то царь царей, *сынъ* такого-то *царя*», Гротефендъ сталъ сличать начала двухъ нибуровскихъ надписей первой системы и обозначивъ неизвѣстныя группы знаковъ (предполагаемыя слова) буквами *A*, *B*, *C*, онъ прочелъ начальныя слова этихъ двухъ надписей такъ:

A, царь царей, сынъ *B* царя. *B*, царь царей, сынъ *C*.

Необходимо было такимъ образомъ предположить, что группы клинообразныхъ знаковъ, обозначенныхъ буквами А, В, С выражаютъ *имена царей*, конечно, *персидскихъ*, такъ какъ изысканіями предшествовавшихъ ученыхъ доказано уже было, что персепольскія сооруженія, лежащія теперь въ развалинахъ, должны быть отнесены ко времени царей Ахеменидовъ. Оставалось найти, имена какихъ именно царей соотвѣтствовали даннымъ проблемы.

[1]) Литературный персидскій языкъ при Сассанидахъ.

Такъ какъ за именемъ *C* второй надписи не стоитъ слово «царь», стоящее за именемъ *B* первой надписи, то слѣдовательно *C* есть имя лица *не* царствовавшаго [1]). Между Ахеменидами встрѣчаемъ мы двухъ основателей династіи—Кира и Дарія. Имя Кира для группы знаковъ, обозначенныхъ буквою *B*, очевидно, не подходило: эта группа знаковъ представлялась слишкомъ длинною для выраженія такого короткаго имени; а съ другой стороны извѣстно, что отецъ и сынъ Кира носили одно и то же имя — Камбизъ, и такимъ образомъ группы *A* и *C* должны бы быть одинаковы, а они состояли изъ различныхъ знаковъ. Оставалось теперь только предположить, что группа *B* выражала имя *Дарія*.

Такимъ образомъ, путемъ почти математически точнаго изслѣдованія, Гротефендъ пришелъ къ убѣжденію, что начало первой надписи должно читать такъ:

Ксерксъ, царь царей, сынъ *Дарія* царя.

А начало второй:

Дарій, царь царей, сынъ *Гистаспа*.

Но этимъ не все еще было сдѣлано. Чтобы по найденнымъ именамъ опредѣлить нѣсколько буквъ клинообразнаго древне-персидскаго письма, необходимо было узнать, какъ произносились имена эти древними персами.

Для опредѣленія въ именахъ «Ксерксъ», «Дарій» и «Гистаспъ» звуковъ древне-персидскаго языка, Гротефендъ обратился къ родственному языку зендскому, и при помощи книгъ Зендавесты, незадолго передъ тѣмъ найденныхъ и изданныхъ (1771 г.), рядомъ остроумныхъ соображеній пришелъ къ заключенію, что имена эти по древне-персидски произносились такъ: *Хшарша*, *Дархейшъ*, *Гоштаспъ*. Послѣдующія изслѣдованія, съ незначительными лишь поправками [2]), подтвердили правильность предложеннаго Гротефендомъ чтенія вышеозначенныхъ трехъ именъ.

Такимъ образомъ, благодаря остроумнымъ соображеніямъ Гротефенда, найдены были 12 буквъ клинообразнаго письма первой системы. Первый, самый трудный шагъ былъ сдѣланъ; затѣмъ помощію этихъ 12 буквъ, постепенно найдены были всѣ 34 буквы алфавита первой системы клинописи, т. е. древне-персидскаго языка. Примѣненіе найденнаго алфавита къ другимъ клинообразнымъ надписямъ первой системы доказало правильность его, подтвердившуюся, замѣчательнымъ образомъ, также на

---

[1]) Итакъ *B*, сынъ *C*, есть—*основатель династіи*.

[2]) *Виштаспъ* вмѣсто Гоштаспъ, *Кхіарша* вмѣсто Хшарша и *Даріейшъ* вмѣсто Дархейшъ.

имени «Ксеркса» въ четыре-язычной надписи на одной египетской вазѣ (принадлежащей графу Келюсу), гдѣ рядомъ съ извѣстными намъ треязычными клинообразными надписями, заключающими въ себѣ имя этого царя, стоитъ того же содержанія надпись іероглифическая: въ ней имя Ксерксъ прочитано *Кшхарша*, что̀ очень близко къ чтенію клинописи *Кхіарша*.

Въ то самое время, какъ въ Европѣ производились эти изслѣдованія нибуровскихъ надписей, англійскій путешественникъ, Генри Ролинсонъ, на мѣстѣ изучалъ клинообразное письмо. Слѣдуя способу Гротефенда, о которомъ онъ только слышалъ, онъ самъ прочелъ въ скопированныхъ имъ треязычныхъ надписяхъ (гамаданскихъ) имена Дарія, Ксеркса, Гистаспа, а затѣмъ въ другихъ надписяхъ (бегистанскихъ) нѣсколько новыхъ именъ, такъ что могъ самостоятельно опредѣлить 18 буквъ алфавита первой системы клинописи.

Теперь окончательно убѣдились, что языкъ первой системы клинописи есть *арійскій*, именно *древне-персидскій*,—нарѣчіе, родственное Зенду, Санскриту, и первообразъ нынѣшняго персидскаго языка.

Какъ скоро древне-персидскій текстъ былъ прочитанъ, онъ сдѣлался для остальныхъ двухъ системъ треязычныхъ надписей тѣмъ же, чѣмъ былъ греческій текстъ извѣстнаго розеттскаго камня для чтенія іероглифовъ. Не трудно было найти во второмъ и третьемъ столбцѣ этихъ надписей группы знаковъ, соотвѣтствующія собственнымъ именамъ арійскаго текста,—тѣмъ болѣе, что они обозначались перпендикулярными клиньями.

Предстояло опредѣлить произношеніе этихъ знаковъ и языкъ самыхъ надписей. Занялись сначала второю системою, какъ менѣе сложною. Изслѣдованіями цѣлаго ряда спеціалистовъ было дознано, что: 1) знаки этой системы представляютъ не буквы, но слоги, и иногда и цѣлыя понятія (идеограммы) и 2) языкъ этихъ надписей принадлежитъ къ семейству *татаро-финскихъ* нарѣчій, на которыхъ говорили народы, извѣстные въ древности подъ общимъ названіемъ туранцевъ или скиѳовъ.

Чтеніе первой и второй системъ треязычныхъ надписей было только необходимымъ подготовленіемъ къ чтенію третьей системы, несравненно важнѣйшей для исторической науки, ибо треязычныхъ клинообразныхъ надписей найдено очень мало, тогда какъ письмомъ третьей системы написаны всѣ надписи, въ такомъ обиліи находимыя въ развалинахъ Вавилона, Ниневіи и другихъ ассирійскихъ городовъ. Прежде всего, надобно было найти элементы вавилоно-ассирійскаго письма. Персидскій текстъ треязыч-

ныхъ надписей и здѣсь оказалъ существенную услугу: помощію его легко были найдены въ ассирійскомъ текстѣ группы знаковъ, соотвѣтствовавшихъ именамъ Кхіарша, Даріейшъ и пр., тѣмъ болѣе, что здѣсь, какъ и въ туранскомъ письмѣ, начало именъ собственныхъ обозначено перпендикулярнымъ клиномъ; далѣе найдены были группы знаковъ, соотвѣтствующія титуламъ персидскимъ: «царь», «царь царей», «великій» и пр.

Когда опредѣлены были группы, соотвѣтствующія именамъ и титуламъ, то затѣмъ могли быть опредѣлены и остальныя группы знаковъ, соотвѣтствующія промежуточнымъ словамъ персидскаго текста; наконецъ, чрезъ сличеніе всѣхъ извѣстныхъ треязычныхъ надписей тожественныя имена и слова ассирійскихъ текстовъ взаимно повѣрялись.

Таковъ былъ простой и дѣйствительный *методъ*, принятый для разбора ассирійскаго текста треязычныхъ надписей.

Особенно важную услугу въ этомъ отношеніи оказала большая бегистанская треязычная надпись [1]), заключающая въ себѣ болѣе ста собственныхъ именъ—лицъ, странъ, городовъ, крѣпостей. Помощію извѣстнаго уже персидскаго текста найдены были въ ассирійскомъ текстѣ группы знаковъ, соотвѣтствующія собственнымъ именамъ персидскаго текста; продолжая затѣмъ работу по знакомому уже методу, открыли, наконецъ, элементы ассирійскаго письма.

Изъ всѣхъ системъ клинописи, ассирійская оказалась самою сложною и трудною. Послѣ долгихъ изслѣдованій и колебаній дознано, наконецъ, что ассирійское письмо есть силлабическое, что звуки его выражаются не буквами, а слогами, напримѣръ, слово «царь» по ассирійски пишется:

са—ар—ру

а произносится: сар.

Чтеніе весьма затрудняется еще тѣмъ, что иныя слова нерѣдко написаны *идеографически*, т.-е. имѣютъ условное значеніе, а не то, которое выражено письменными знаками — очевидные слѣды іероглифическаго происхожденія клинообразнаго письма. Кромѣ того замѣченъ былъ *полифонизмъ* нѣкоторыхъ знаковъ, т.-е. что одинъ и тотъ же знакъ надо было произносить иногда такъ, а иногда иначе. Эти обстоятельства, пока онѣ не выяснились, ставили часто въ тупикъ изслѣдователей клинописи, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ въ ученомъ мірѣ недовѣріе къ ихъ искусству.

Не меньше затрудненій представляло опредѣленіе невѣдомаго

---

[1]) Близь г. Керманшаха, въ персидскомъ Курдистанѣ.

языка этихъ надписей. Мнѣнія ассиріологовъ объ этомъ предметѣ долго раздѣлялись, пока, наконецъ, не пришли къ убѣжденію, что большая часть вавилоно-ассирійскихъ надписей—на семитическомъ нарѣчіи, нѣкоторыя же (древнѣйшія)—на халдейскомъ языкѣ, принадлежащемъ къ группѣ туранскихъ, т.-е. финскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ, помощію родственныхъ нарѣчій (семитическихъ, какъ арабскаго) и финскихъ открылась возможность понимать самый смыслъ вавилоно-ассирійскихъ клинообразныхъ надписей. Первыя попытки въ этомъ отношеніи, при чрезвычайныхъ затрудненіяхъ, какія представляло самое чтеніе надписей, были шатки, иногда гадательны: одну и ту же надпись одинъ объяснялъ такъ, другой иначе. Иной, послѣ болѣе тщательнаго изученія текста, самъ отказывался отъ собственнаго своего первоначальнаго толкованія.

Подобныя противорѣчія и шаткость переводовъ естественно внушали къ нимъ недовѣріе, которое стало распространяться и на всю науку ассиріологовъ; но послѣдніе продолжали свою работу съ неослабѣвающимъ рвеніемъ, побуждаемые высокимъ интересомъ своей задачи,—и истолкованіе клинообразныхъ надписей, шагъ за шагомъ, стало дѣлать дѣйствительные успѣхи, какъ это блистательно было обнаружено двумя сдѣланными опытами.

Въ мартѣ 1857 года, Фоксъ Тальботъ, занимавшійся разборомъ клинообразныхъ надписей, получилъ отъ Британскаго Музея литографическій снимокъ длинной надписи съ одного изъ ниневійскихъ цилиндровъ, хранившихся въ Музеѣ; переведя эту надпись, онъ послалъ свой переводъ въ запечатанномъ конвертѣ въ лондонское королевское азіатское общество съ предложеніемъ вызвать другіе самостоятельные переводы этой надписи, чтобы затѣмъ, чрезъ сличеніе нѣсколькихъ, независимо другъ отъ друга сдѣланныхъ переводовъ опредѣлить состояніе новой науки — ассиріологіи. Общество охотно приняло это предложеніе и разослало литографическія копіи съ надписи, находившейся тогда въ Лондонѣ, ассиріологамъ Генри Ролинсону, Гинксу и Опперту, изъявившимъ готовность принять участіе въ этомъ интересномъ конкурсѣ. Чрезъ мѣсяцъ переводы ихъ были окончены и, согласно условію, въ запечатанныхъ конвертахъ присланы въ общество. 25 мая вскрыты были конверты и переводы сличены: въ цѣломъ и существенномъ они оказались сходными, многія мѣста всѣми четырьмя переводчиками переведены тожественно,— разница заключалась, лишь мѣстами, въ оттѣнкахъ выраженій и въ переводѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ. Разобранная надпись оказалась лѣтописью первыхъ годовъ царствованія ассирійскаго

царя Туклатпаласара I [1]), царствовавшаго въ половинѣ XII столѣтія.

Второй опытъ былъ еще убѣдительнѣе. Въ анналахъ Сарданапала (VII ст.) Ролинсонъ вычиталъ, что у истока восточнаго Тигра Сарданапалъ велѣлъ высѣчь въ скалѣ свое изображеніе, рядомъ съ бывшимъ уже тамъ изображеніемъ древняго царя Туклатпаласара. Случилось, что въ той мѣстности (въ Арменіи) находился тогда англійскій путешественникъ Джонъ Тэлоръ; Ролинсонъ попросилъ его отыскать названныя изображенія,—и дѣйствительно, въ пещерѣ, изъ коей вытекаетъ восточный Тигръ, Тэлоръ нашелъ изображеніе царя Туклатпаласара, какъ удостовѣряла въ томъ надпись съ боку, а рядомъ—изображеніе Сарданапала [2]).

Замѣтимъ кстати, что въ началѣ 1876 года извѣстный авторъ исторіи Египта по іероглифическимъ надписямъ, Генрихъ Бругшъ, долго не довѣрявшій успѣхамъ ассиріологіи, отдалъ имъ наконецъ справедливость: «Откровенно, хотя неохотно сознаюсь, —говоритъ онъ,—что долго питалъ я тайное недовѣріе къ изслѣдованіямъ въ области ассирійскихъ клинообразныхъ письменъ. Мнѣ все казалось, что нужно еще продолжительное изученіе этого предмета, прежде, чѣмъ будетъ возможно представить вполнѣ достовѣрные переводы надписей, — когда попалась мнѣ на глаза статья извѣстнаго ассиріолога Даніила Гэ (Haigh), напечатанная въ одномъ изъ выпусковъ «Журнала для ассиріологіи» за 1871 годъ, гдѣ разбирался отрывокъ изъ Ассурбаниналовой (Сарданапаловой) лѣтописи: дѣло шло о походахъ этого ассирійскаго царя на Египетъ, причемъ приводились названія египетскихъ вассальныхъ царей и городовъ. Г. Гэ пробовалъ сравнивать эти имена съ соотвѣтственными египетскими именами. Это возбудило мое любопытство и, повѣряя и продолжая сравненіе, я, къ изумленію моему, нашелъ всѣ почти египетскія имена (37 изъ 45) ассирійскаго текста въ соотвѣтствующей имъ египетской формѣ и въ той же исторической связи». Такое очевидное согласіе въ чтеніи 37 именъ въ іероглифическихъ и клинообразныхъ надписяхъ, заключаетъ Бругшъ, «вполнѣ убѣдило меня въ вѣрности принятаго метода для разбора послѣднихъ» [3]).

Такъ возникла новая наука — *ассиріологія*, раскрывающая предъ нами новый міръ — вавилоно-ассирійскую цивилизацію,

[1]) Ménant, 2-e éd. 240—42.

[2]) Wattenbach, Ninivie u. Babylon. Zwei Vorträge. 1868, p. 10—11.

[3]) См. его библіографическую статью по поводу 2-го изд. его Исторіи Египта въ Göttingische gelehrte Anzeigen, 5 Januar 1876, стр. 19—22.

предшественницу эллинской цивилизаціи, о чемъ мы доселѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія.

«Наука объ Ассиріи», несмотря на молодость свою, имѣетъ уже богатую литературу, — какъ доказательство важности ея. Дѣйствительно, она отодвигаетъ далеко назадъ предѣлы древняго историческаго міра, она подводитъ насъ къ самой колыбели человѣчества, волею-неволею подтверждая достовѣрность Библіи, въ той именно ея части, которая подвергалась доселѣ наибольшимъ нападкамъ критики,—явленіе многознаменательное въ нашъ невѣрующій вѣкъ.

II.

Сарданапалова библіотека и ея значеніе для ассиріологіи (вавилоно-ассирійская литература). — Вавилоно-ассирійскія преданія о первыхъ временахъ человѣчества, по клинообразнымъ надписямъ: сотвореніе міра, первоначальное блаженное состояніе человѣка и его грѣхопаденіе, потопъ, вавилонское столпотвореніе.

Настоящую эпоху въ чтеніи клинообразныхъ письменъ составило открытіе цѣлой библіотеки ниневійской, давшей не только богатый письменный матеріалъ, но и средства къ чтенію его.

Какъ извѣстно, были отрыты Лейярдомъ, въ холмѣ Куюнджикъ, на мѣстѣ древней Ниневіи, остатки дворца Ассурбанипала (Сарданапала) IV, послѣдняго изъ завоевателей ассирійскихъ (съ 667 г. до Р. X.). Въ одной изъ залъ найдена была цѣлая библіотека, состоявшая изъ квадратныхъ глиняныхъ или кирпичныхъ плитокъ, въ дюймъ толщиною и покрытыхъ съ обѣихъ сторонъ мелкимъ и сжатымъ клинообразнымъ письмомъ. Онѣ находились, вѣроятно, въ верхнемъ этажѣ дворца, при разрушеніи котораго, упавъ, разбились на части.

Какъ видно изъ надписей, плитки эти лежали нѣкогда столбиками на полкахъ библіотеки, составляя такимъ образомъ «листы книгъ». Текстъ, начатый на одной плиткѣ, продолжался на другой, той же величины и формы. Число такихъ плитокъ, принадлежащихъ къ одной серіи, простирается иногда за сотню. Каждая серія озаглавливалась первыми словами первой плитки. Такъ серія астрологическихъ плитокъ, числомъ свыше семидесяти, носитъ заглавіе: «*когда боги Ану, Илу*». Внизу каждой плитки серій выставлялся нумеръ ея. Напр.: «I-я плитка *когда боги Ану, Илу*, II-я плитка *когда боги Ану, Илу*», и т. д. Для лучшаго

указанія порядка слѣдованія плитокъ одной серіи, въ концѣ текста каждой изъ нихъ (кромѣ послѣдней, конечно) ставился такъ называемый «custos», т.-е. первая строка слѣдующей плитки. Найдены также каталоги этихъ плитокъ и небольшія овальной формы плиточки съ надписями—очевидно «ярлычки» для каждаго столбика плитокъ. Это царское книгохранилище поручалось вѣдѣнію «главнаго библіотекаря» [1]) и назначалось для всеобщаго пользованія, какъ видно по надписи одной изъ плитокъ. Судя по найденнымъ обломкамъ, можно предполагать, что эта «публичная библіотека» заключала въ себѣ до 10,000 плитокъ. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ плитокъ найдены разбитыми; къ тому же рабочіе Лейярда, бывшіе въ то время одни, свалили эти обломки въ большія корзины; и въ такомъ-то безпорядочномъ видѣ доставлены они были въ Британскій Музей.

Нужно было теперь, по возможности, возстановить разбитыя плитки и привести ихъ въ первоначальный порядокъ. Два молодыхъ ассиріолога, Коксъ и Смитъ, одинъ за другимъ, съ энергіею занялись этимъ въ высшей степени труднымъ узломъ, требовавшимъ столько же знанія, сколько и терпѣнія. За то труды ихъ вознаграждены были блистательнымъ результатомъ. По приведеніи части плитокъ въ порядокъ, оказалось, что они заключали въ себѣ,—къ сожалѣнію въ фрагментахъ (такъ какъ далеко не всѣ плитки библіотеки были найдены) цѣлую литературу ассирійскую изъ разнаго рода сочиненій—по грамматикѣ, исторіи, законовѣдѣнію, миѳологіи, естествознанію, математикѣ, астрономіи, астрологіи; благодаря трудамъ ассиріологовъ, мы ближе можемъ познакомиться съ этою интересною библіотекою, дающею намъ понятіе о степени образованности древнихъ ассиріянъ.

Большинство плитокъ заключаютъ въ себѣ фрагменты обширной грамматической энциклопедіи, разрѣшающей трудности какъ чтенія, такъ и пониманія клинообразнаго письма,—трудности даже для самихъ ассиріянъ!

Эта грамматическая энциклопедія состоитъ изъ семи частей:

1. *Словарь халдео-туранскій*, съ объясненіемъ словъ по-ассирійски. Онъ долженъ былъ служить пособіемъ при чтеніи ученыхъ и религіозныхъ трактатовъ халдейскихъ, а равно и коренныхъ законовъ гражданскихъ, писавшихся въ оригиналѣ также по-халдейски.

2. *Словарь синонимовъ* ассирійскаго языка.

---

[1]) Найдено имя одного изъ такихъ библіотекарей.

3. *Ассирійская грамматика*, съ примѣрами спряженій.

4. *Таблица знаковъ* клинообразнаго письма, съ обозначеніемъ ихъ идеографическаго и фонетическаго значеній.

5. *Другая таблица* тѣхъ же знаковъ, съ указаніемъ іероглифовъ, отъ которыхъ они произошли.

6. *Словарь* особенныхъ *выраженій*, большею частью идеографическихъ, встрѣчаемыхъ *въ древнѣйшихъ надписяхъ*. Эти надписи представляли, такимъ образомъ, для ассиріянъ археологическій интересъ. Цари ниневійскіе, и вавилонскіе позднѣйшаго времени, какъ извѣстно, при возобновленіи храмовъ, тщательно отыскивали надписи ихъ древнихъ основателей и списывали ихъ. Въ подобныхъ спискахъ съ древнѣйшихъ надписей встрѣчаются иногда *пробѣлы*, обозначающіе неразобранныя слова оригинала.

7. *Таблицы примѣровъ* грамматическихъ конструкцій и *равнозначущихъ выраженій* — идеографическихъ и фонетическихъ.

Новѣйшіе ученые воспользовались этими драгоцѣнными пособіями, точно такъ же, какъ пользовались ими нѣкогда ассирійскіе ученые, — и чтеніе клинообразныхъ письменъ пошло съ этого времени быстрыми шагами впередъ.

Послѣ филологіи второе мѣсто въ Сарданапаловой библіотекѣ отведено математикѣ и астрономіи. Попадаются математическія задачи, фигуры, вычисленія. Судя по фрагментамъ нѣкоторыхъ ариѳметическихъ трактатовъ, можно подумать, что Пиѳагоръ изъ Месопотаміи заимствовалъ свою знаменитую таблицу умноженія.

Многія плитки заключаютъ въ себѣ астрономическія наблюденія: таблицы восходовъ Венеры, Юпитера, Марса, фазовъ луны; вычисленіе суточнаго движенія луны, предсказаніе лунныхъ и солнечныхъ затмѣній. Оказывается, что многое въ современной астрономіи имѣетъ свое начало въ халдео-ассирійской цивилизаціи: напримѣръ, раздѣленіе эклиптики на 12 равныхъ частей и, повидимому, самые знаки зодіака; раздѣленіе круга на 360 градусовъ, градуса на 60 минутъ, минуты на 60 секундъ. Вообще у ассиріянъ единицею счисленія принята была цифра 12, съ ея дѣленіями и умноженіями. Ассиріянамъ принадлежитъ изобрѣтеніе «гномона» (солнечныхъ часовъ). Отъ нихъ ведетъ свое начало посвященіе семи дней недѣли семи планетамъ, которымъ поклонялись какъ божествамъ. Бо́льшая часть мѣръ изъ Месопотаміи перешла въ переднюю Азію, а оттуда и къ грекамъ, съ сохраненіемъ даже самыхъ названій, конечно въ измѣненной формѣ; такъ греческіе *мина* (μνά) и *обонъ* (ὀβολός) суть эллинизированныя ассирійскія названія.

Иныя плитки заключаютъ въ себѣ фрагменты *законовъ*, административныя распоряженія, договоры между частными лицами, тяжебныя дѣла, списки имуществъ, должностей, ремеслъ, податей.

Найдены обломки плитокъ съ таблицами «лимму», ежегодно избираемыхъ сановниковъ, на подобіе аѳинскихъ архонтовъ и римскихъ консуловъ, по именамъ которыхъ считались годы. Они заключаютъ, почти безъ перерыва, пространство времени въ два съ половиною столѣтія, а именно отъ 889 до 664 года до Р. X. Эти таблицы эпонимовъ найдены въ четырехъ экземплярахъ: въ двухъ изъ нихъ выставлены лишь имена Лимму каждаго царствованія; въ другихъ же двухъ экземплярахъ прибавленъ и драгоцѣнный для насъ перечень главныхъ событій каждаго года. Одна плитка, притомъ нѣсколько попорченная, представляетъ единственный уцѣлѣвшій обломокъ краткой исторіи Ниневіи и Вавилона,—настоящаго *руководства*, въ которомъ событія Ниневіи и Вавилона, ихъ политическія и дипломатическія сношенія, въ разныя эпохи, помѣщены параллельно.

Найдены драгоцѣнные отрывки какъ-бы *географическаго словаря*, гдѣ перечислены страны, города, горы, рѣки, извѣстные ассиріянамъ, собственныя имена, бывшія у нихъ въ употребленіи, и наконецъ статистическія свѣдѣнія объ административной іерархіи, о различныхъ провинціяхъ, входившихъ въ составъ монархіи, съ обозначеніемъ ихъ естественныхъ произведеній и доходовъ. Многія плитки заключаютъ въ себѣ уцѣлѣвшіе списки завоеванныхъ городовъ Малой Азіи, Сиріи, Палестины, Аравіи, Египта, съ указаніемъ платимыхъ ими податей—деньгами или натурою, преимущественно хлѣбомъ. Найденъ еще любопытный списокъ важнѣйшихъ вооруженій въ Вавилоніи, какъ-то храмовъ, пирамидъ и крѣпостей.

И *естественная исторія* была ассиріянамъ не безъизвѣстна. Въ Сарданапаловой библіотекѣ встрѣчаются плитки со списками извѣстныхъ растеній и минераловъ, деревъ, употреблявшихся для постройки или меблировки зданій, металловъ и камней, нужныхъ для архитектора или скульптора. Особенно интересенъ списокъ извѣстныхъ ассиріянамъ разныхъ животныхъ, расположенный по родамъ и семействамъ, причемъ каждое животное обозначено двумя названіями—общенароднымъ и ученымъ.

Только *медицины*, какъ науки, не найдено въ Сарданапаловой библіотекѣ никакихъ слѣдовъ. Эта наука, повидимому, чужда была халдео-ассирійской цивилизаціи. Дѣйствительно, Геродотъ, описывая обычаи и нравы вавилонянъ, отмѣчаетъ какъ

особенность то, что у нихъ не было врачей, но что больныхъ выносили на площадь, гдѣ каждый прохожій обязанъ былъ подойти къ больному, разспросить его, и если онъ самъ имѣлъ или видѣлъ подобную болѣзнь, то подавалъ совѣтъ, какое средство употребить противъ болѣзни.

Впрочемъ, медицина здѣсь смѣшивалась съ *магіею*, столь распространенною у халдео-ассиріянъ. Бо́льшею частью они, повидимому, не употребляли иныхъ средствъ, кромѣ заклинаній и причитаній, такъ какъ болѣзни приписывались вліянію злыхъ духовъ. Не мало найдено было плитокъ и амулетовъ съ подобными заклинаніями, среди коихъ съ удивленіемъ прочитаны столь употребительныя въ средневѣковой магіи восклицанія при заклинаніяхъ: *гилка, гилка! беша, беша!* смыслъ которыхъ былъ доселѣ неизвѣстенъ. Оказывается, что это слова чисто ассирійскія и означаютъ: «прочь, прочь! злой, злой!» Вмѣстѣ съ халдейскими магами они проникли въ Римскую имперію, въ эпоху ея упадка, и затѣмъ передавались адептами магіи изъ рода въ родъ, какъ таинственныя слова, имѣющія могущественное вліяніе на духовъ тьмы.

Наконецъ, встрѣчаются фрагменты *миѳологическаго* содержанія, эпитеты и аттрибуты боговъ, мѣстонахожденія главныхъ храмовъ, свѣдѣнія о чужихъ божествахъ, отрывки изъ сборника священныхъ гимновъ.

Но самая замѣчательная, конечно, находка, сдѣланная въ Сарданапаловой библіотекѣ—это фрагменты записанныхъ преданій вавилоно-ассирійскихъ о *первыхъ временахъ*, а именно: о мірозданіи, о первобытномъ состояніи людей и ихъ грѣхопаденіи, о всемірномъ потопѣ, о вавилонскомъ столпотвореніи, о Нимродѣ. Честь этой находки принадлежитъ англійскому ассиріологу Джорджу Смиту (Smith).

Разбирая плитки Сарданапаловой библіотеки, сложенныя въ Британскомъ Музеѣ, Смитъ нашелъ нѣкоторыя, содержаніе коихъ относилось ко временамъ до-историческимъ. Онъ составилъ изъ нихъ одинъ изъ шести отдѣловъ, на которые раздѣлилъ плитки, назвавъ ихъ «миѳологическими плитками». Внимательно разсматривая эти плитки, Смитъ на одной изъ нихъ прочелъ о кораблѣ, остановившемся на горахъ Низиръ (въ Арменіи) и о выпущенномъ затѣмъ голубѣ, нигдѣ не нашедшемъ для себя мѣста отдыха. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что имѣетъ здѣсь дѣло съ вавилонскою легендою о потопѣ, и постепенно отыскалъ прочіе фрагменты ея, и притомъ въ трехъ экземплярахъ, такъ что пробѣлы перваго экземпляра отчасти пополнялись текстомъ двухъ

другихъ. Легенда о потопѣ представлена была здѣсь въ видѣ рѣчи главнаго дѣйствующаго лица въ потопѣ, старца Хасисандры (Ноя?), обращенной къ герою эпопеи, въ которую разсказъ о потопѣ входитъ какъ эпизодъ; имя этого героя, написанное, вѣроятно, идеографически, пока еще не прочитано,—фонетически же читается оно: *Издубаръ*. Эпопея, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Издубаръ, занимала по крайней мѣрѣ 12 плитокъ, изъ которыхъ 11-я заключала разсказъ о потопѣ. Свое открытіе Смитъ впервые сообщилъ въ засѣданіи общества библейской археологіи въ Лондонѣ, 3 декабря 1872 года, прибавивъ, что, по его мнѣнію, въ клинообразныхъ надписяхъ ассирійскихъ должны заключаться еще и другіе разсказы, соотвѣтствующіе повѣствованію книги Бытія. Вслѣдъ затѣмъ редакція газеты «Daily Telegraph» предложила Смиту предпринять, на ея счетъ, раскопки въ Ассиріи для отысканія другихъ надписей, относящихся къ событіямъ библейскимъ. Предложеніе охотно было принято, и Смитъ дважды дѣлалъ поѣздку въ Ассирію. Свои раскопки онъ производилъ въ холмѣ Куюнджикъ, на мѣстѣ древней Ниневіи, въ развалинахъ Сарданапалова дворца. Онъ нашелъ здѣсь нѣсколько фрагментовъ, пополнявшихъ разсказъ *о потопѣ* и вообще эпопею объ Издубарѣ. Тутъ же нашелъ онъ и другіе фрагменты съ содержаніемъ въ высшей степени интереснымъ: разсказывалось *о сотвореніи міра, о первобытномъ безгрѣшномъ состояніи людей и ихъ грѣхопаденіи (о борьбѣ съ великимъ зміемъ), о Вавилонскомъ столпотвореніи*. Повидимому Смитъ напалъ на мѣсто, гдѣ собраны были надписи, касавшіяся первобытныхъ временъ человѣчества.

По даннымъ, представляемымъ клинообразными надписями, слѣдуетъ заключить, что преданія эти, заимствованныя, по сознанію самихъ ассиріянъ, у вавилонянъ впервые собраны и записаны были ими между 2000 и 1650 годами до Р. Х. [1]), т.-е. современно Аврааму, когда такимъ образомъ вавилоняне имѣли уже свою литературу; были даже книгохранилища въ эту отдаленную эпоху, а именно въ халдейскихъ городахъ: Вавилонѣ, Борсиппѣ, Кутхѣ, Аккадѣ, Урѣ, Эрехѣ, Ларсѣ, Нипурѣ, какъ свидѣтельствуютъ клинообразныя надписи.

Когда вмѣстѣ съ могуществомъ и литературная дѣятельность

---

[1]) Вотъ, между прочимъ, одно изъ доказательствъ древности этихъ записей. Англійскій ученый Лофтусъ нашелъ коллекцію плитокъ, относившихся, судя по именамъ царей, встрѣчающимся на нихъ, къ началу XVI столѣтія до Р. Х. Между этими плитками одна заключаетъ въ себѣ часть древне-вавилонскаго текста означенныхъ преданій.

стала переходить въ Ассирію, то и здѣсь заведены были библіотеки — древнѣйшая въ Элассурѣ (библ. Элласарѣ), затѣмъ въ Калахѣ и, наконецъ, въ Ниневіи, библіотека которой послѣдовательно умножалась Саргономъ, Сеннахирибомъ, Ассаргадономъ и Сарданапаломъ IV. Послѣднимъ (жившимъ въ VII вѣкѣ до Р. X.) сдѣлано было распоряженіе снять копіи со всѣхъ древнихъ текстовъ, попорченныхъ временемъ, чтобы сохранить ихъ для потомства. Его агенты всюду отыскивали плитки съ надписями, привозили ихъ въ Ниневію и тамъ списывали ихъ для царской библіотеки. Такъ списаны были и преданія о первобытныхъ временахъ съ древнѣйшихъ вавилонскихъ текстовъ — XX-го и XIX-го столѣтій до Р. X., какъ прежде было сказано.

Результаты своихъ интересныхъ изысканій Дж. Смитъ издалъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ: «Халдейское повѣствованіе о первобытныхъ временахъ, заключающее въ себѣ описаніе сотворенія міра, грѣхопаденія человѣка, потопа, вавилонскаго столпотворенія и пр. по клинообразнымъ надписямъ».

Къ сожалѣнію, въ сентябрѣ того же 1876 г. на обратномъ пути изъ второго путешествія его на востокъ, смерть похитила этого молодого и много обѣщавшаго ученаго [1]).

Перейдемъ теперь къ самому содержанію вавилоно-ассирійскихъ преданій о первобытныхъ временахъ человѣчества. Къ сожалѣнію, плитки, заключающія ихъ, привезены въ Европу въ очень испорченномъ видѣ — это собственно обломки плитокъ, и притомъ не всѣ. Позже, когда добыты будутъ всѣ находящіеся еще въ мусорѣ развалинъ Сарданапалова дворца фрагменты (Смитъ полагалъ, что ихъ тамъ еще по крайней мѣрѣ 20,000 штукъ), когда найдены будутъ дублеты этихъ записанныхъ вавилоно-ассирійскихъ преданій, тогда откроется возможность установить ихъ болѣе или менѣе полный текстъ. Впрочемъ, и въ настоящемъ ихъ отрывочномъ видѣ, въ связи съ нѣкоторыми замѣчательными барельефными изображеніями, найденными на стѣнахъ ассирійскихъ дворцовъ и служащими прекрасною иллюстраціею къ клинообразному тексту, эти халдейскія преданія представляютъ высокій интересъ, если сопоставить ихъ съ библейскимъ разсказомъ, съ которымъ онѣ сходны въ общихъ чертахъ. Припомнимъ, что преданія эти записаны были халдеями задолго до Моисея и, слѣдовательно, не были заимствованы изъ его книги

[1]) The Chaldean Account of Genesis, containing the description of the creation, the fall of man, the deluge, the tower of Babel etc. from the cuneiform inscriptions. Въ нѣмецкомъ переводѣ Герм. *Делича*, съ примѣчаніями, подъ заглавіемъ: «Chaldäische Genesis» etc. 1876.

Бытія — какъ можно было бы подумать, напр., во время вавилонскаго плѣненія іудеевъ—но имѣютъ туземное происхожденіе, скрывающееся во мракѣ глубочайшей древности. Тѣмъ замѣчательнѣе, для безпристрастнаго мыслителя, ихъ аналогія съ библейскимъ повѣствованіемъ...

Итакъ, разсмотримъ эти вавилоно-ассирійскія преданія въ связи съ библейскимъ разсказомъ.

а) Сотвореніе міра и человѣка.

Сначала описывается хаосъ: «когда вверху небо еще не было распростерто, а внизу на землѣ не взошло еще ни одно растеніе и не было еще порядка—Мумму-Тіаматъ была родильницею всѣхъ ихъ».

«Мумму-Тіаматъ» значитъ «морская вода», «морская бездна» или «хаотическія воды». По вавилонскому воззрѣнію, такимъ образомъ, океанъ былъ источникомъ всего существующаго, что́ согласуется и съ кн. Бытія I, 2, гдѣ хаотическія воды названы тоже «бездною», по еврейски «tehôm»—слово, созвучное съ вавилонскимъ «tiamat». Слово же «мумму» клинообразнаго текста имѣетъ въ еврейскомъ языкѣ соотвѣтствующее слово «mehûma» — «смѣшеніе». Рядомъ съ «tehôm», какъ названіемъ хаотической бездны, въ книгѣ Бытія стоитъ, впрочемъ, не «mehûma», а одновначащее съ нимъ «tohû»—«пустыня», безвидное, безформенное пространство,—также, какъ названіе хаоса; этому слову соотвѣтствуетъ ассирійское «tihuta», одно изъ названій морскихъ водъ.

Такимъ образомъ, книга Бытія и клинообразныя надписи совершенно согласуются въ томъ, что творенію міровъ предшествовалъ *водный хаосъ*, бывшій источникомъ и основаніемъ вселенной. Книга Бытія и клинообразныя надписи даютъ даже этому хаосу одно и то же названіе: «tehôm», «tiamat».

Далѣе текстъ весьма испорченъ. Болѣе сохранился разсказъ о твореніи 4-го дня—свѣтилъ небесныхъ:

«Прекрасно было все, что́ создано было великими богами».

«Появленіе звѣздъ устроилъ онъ (Богъ) въ образѣ звѣрей» (здѣсь разумѣются созвѣздія), «для опредѣленія года, наблюдая ихъ созвѣздія»... «Бога Уру (луну) вывелъ онъ (Богъ) для охраненія ночи, опредѣливъ ему быть свѣтиломъ ночи, до начала дня»... «Когда Богъ Самасъ (солнце) на горизонтѣ неба, на востокѣ... прекрасно устроенный... для совершенія своего бѣга по небосклону, былъ готовъ»...

Приведемъ, для сравненія, разсказъ книги Бытія о четвертомъ днѣ творенія (I, 14—19):

«И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для отдѣленія дня отъ ночи и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ... И создалъ Богъ два свѣтила великія: свѣтило бóльшее, для управленія днемъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды... И увидѣлъ Богъ, что это хорошо».

«Прекрасно было все» и т. д. соотвѣтствуетъ библейскому: «и увидѣлъ Богъ, что это хорошо»,—съ тою только разницею, что въ книгѣ Бытія это говорится *въ концѣ* творенія каждаго дня, а въ вавилонскомъ текстѣ—*въ началѣ* творенія дня.

Разсказъ о каждомъ днѣ творенія начертанъ былъ, повидимому, на особой плиткѣ, начиная со 2-й; на 1-й же было вступленіе.

7-я плитка соотвѣтствуетъ шестому дню творенія:

Кн. Быт. I, 24. 25:	*Клинообразная надпись*:
«И сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живую, по роду ея, скотовъ и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ... и увидѣлъ Богъ, что это хорошо».	«Когда боги... создали... живыхъ существъ... полевой скотъ, полевыхъ звѣрей и гадовъ полевыхъ... и богъ (Хеа) [1]) создалъ двоихъ... (людей? Ср. Быт. 1, 27).

b) Первобытное безгрѣшное состояніе людей и ихъ грѣхопаденіе.

Далѣе говорится о сотворенномъ человѣкѣ, который «введенъ былъ въ общество боговъ и радовалъ ихъ сердце», а потомъ «возбудилъ гнѣвъ бога Хеа, повредивъ свою чистоту».—Затѣмъ слѣдуетъ проклятіе на павшаго человѣка: «да будетъ онъ побѣжденъ и сразу отсѣченъ, мудрость и познаніе да послужатъ ему во вредъ, да будетъ вражда между отцомъ и сыномъ... желаніе его да останется неисполненнымъ; когда онъ откроетъ уста (для молитвы), ни одинъ богъ да не обратитъ на это вниманіе; да сокрушится хребетъ его и не исцѣлится; въ великой нуждѣ его ни одинъ богъ да не сжалится надъ нимъ; сердце его прольется, и духъ его не будетъ имѣть покоя; ко грѣху и беззаконію обратится лицо его»...

Виновникомъ грѣхопаденія человѣка вавилонскій текстъ называетъ дракона *Тіаматъ* или морского дракона, представляющагося иногда мужскимъ, а иногда женскимъ божествомъ. Тіаматъ—олицетвореніе хаоса, божество хаоса и безпорядка, враждебное добрымъ богамъ. На геммахъ существо это изображается въ видѣ грифона или дракона, обыкновенно съ головою хищной птицы, съ чешуйчатымъ тѣломъ, съ орлиными когтями и съ крыльями на спинѣ. Геральдическіе грифоны феодальнаго дво-

---

[1]) Иначе называемый Нинсику (Господь свѣтлаго лика)—царь боговъ.

рянства такъ похожи на эти изображенія, что можно бы подумать, что они отсюда заимствованы.

Найденные доселѣ вавилонскіе фрагменты о грѣхопаденіи поясняются нѣкоторыми, въ высшей степени замѣчательными, барельефными изображеніями. Одинъ изъ такихъ барельефовъ, на древне-вавилонскомъ цилиндрѣ, находящемся въ Британскомъ Музеѣ, представляетъ двѣ человѣческія фигуры, изъ которыхъ у одной на головѣ рога—символъ силы, а у другой—лишь головной уборъ; первая фигура изображаетъ, очевидно, мужчину, а вторая—женщину. Они сидятъ по обѣимъ сторонамъ дерева, протягивая руку къ плодамъ его; сзади одной изъ фигуръ, а именно женской, поднимается змѣй...

Барельефъ этотъ представляетъ прекрасную иллюстрацію къ библейскому разсказу о грѣхопаденіи.

Другой барельефъ изображаетъ дерево со множествомъ плодовъ, и по обѣимъ сторонамъ его двѣ крылатыя фигуры человѣческаго вида. Это изображеніе, часто встрѣчающееся на геммахъ, на стѣнахъ ассирійскихъ дворцовъ и храмовъ и даже, какъ украшеніе, на платьяхъ барельефныхъ фигуръ, представляетъ *дерево жизни* или садъ эдемскій, охраняемый херувимами, какъ сказано въ книгѣ Бытія (III, 24): «и изгналъ (Господь) Адама, и поставилъ на востокѣ у сада эдемскаго херувима и пламенный мечъ, обращающійся, чтобы охранять путь къ дереву жизни». Объ этомъ «деревѣ жизни» или «рощѣ боговъ» (эдемскій садъ) часто упоминается въ вавилонскихъ легендахъ о первыхъ временахъ. Въ одномъ фрагментѣ сказано (согласно кн. Быт. III, 24), что эта священная роща охраняема была вращающимся на всѣ четыре стороны мечомъ.

Какъ дополненіе къ преданію о грѣхопаденіи приводимъ отрывки изъ *покаяннаго гимна* ассиріянъ, въ замѣчательной степени обнаруживающаго ясное сознаніе глубокаго поврежденія человѣческой природы грѣхомъ и необходимости искупленія свыше.

«Господь мой, гнѣвъ его сердца да уляжется!
. . . .
Богъ, знающій сокровенное, да умилостивится!
. . . .
Я вкушаю пищу гнѣва,
Я пью воду страданія сердца.
Преступленіемъ противъ моего бога
Я питаюсь безсознательно.
Въ преступленіи противъ моего бога
Я безсознательно иду впередъ.
Господь, беззаконія мои весьма велики,

Весьма велики грѣхи мои.

. . . .

Боже, ты, который знаешь сокрытое,
Беззаконія мои весьма велики, весьма велики грѣхи мои,
Я совершаю беззаконіе
Безсознательно.
Я совершаю грѣхъ
Безсознательно.
Я питаюсь преступленіями
Безсознательно.
Богъ, во гнѣвѣ своего сердца,—
Онъ поражаетъ меня разстройствомъ.

. . . .

Я склоняюсь въ смиреніи —
И никто не подаетъ мнѣ руки.
Я исхожу слезами —
И никто не беретъ меня за руку.
Я молюсь возвышеннымъ голосомъ,—
И никто не внимаетъ мнѣ.
Я обезсиленъ, стѣсненъ —
И никто не искупляетъ меня,
Я приближаюсь къ богу, который произвелъ меня:
И жалуюсь горючими словами.

. . . .

Господь, будь милостивъ.

. . . .

Какъ долго еще, о мой богъ!

. . . .

Господь, не отталкивай твоего раба,
Среди бурныхъ волнъ поспѣши ему на помощь:
Ухвати его за руки!
Я совершаю грѣхъ,—
Преврати его въ благочестіе!
Я совершаю грѣхъ,—
Развѣй его вѣтромъ!
Мои хуленія весьма велики,—
Разорви ихъ какъ покрывало!
О, мой богъ, моихъ грѣховъ седмижды семь,—
Прости мои грѣхи.

. . . .

Богъ, ты, который знаешь сокровенное,
Моихъ грѣховъ седмижды семь,—
Прости мои грѣхи!

. . . .

Прости мои беззаконія!»

Такова *жалоба покаяннаго сердца* древняго ассирійца [1]).

---

[1]) Ср. очерки халдейской культуры—Никольскаго въ „Рус. Вѣстникѣ“, ноябрь 1879 г.

c) Борьба съ великимъ змѣемъ.

За разсказомъ о грѣхопаденіи слѣдуетъ разсказъ о борьбѣ съ морскимъ дракономъ Тіаматомъ, виновникомъ грѣха. Борьба кончилась побѣдою боговъ и наказаніемъ Тіамата «великаго змія»; вотъ описаніе пораженія и наказанія Тіамата:

«Выступилъ Тіаматъ противъ праведнаго князя боговъ, Меродаха... Они распустили знамена, какъ на полѣ битвы. Белъ также вынулъ мечъ свой и нанесъ ему (Тіамату) рану. Подулъ пагубный вѣтеръ ему (Тіамату) въ лицо. Тіаматъ открылъ свою пасть, чтобы поглотить его, но пагубный вѣтеръ вошелъ въ него прежде, чѣмъ онъ могъ сомкнуть свою пасть; сила вѣтра наполнила и растерзала его внутренность, сердце его затрепетало и лицо исказилось. Его соумышленники съ изумленіемъ взирали на пораженіе вождя своего. Ряды ихъ разстроились... Они обратились въ бѣгство... Поверженный ницъ, сидя во тмѣ, въ заключеніи, полный печали (Тіаматъ) лишенъ своей силы, окованъ узами».

Драконъ Тіаматъ, соблазняющій людей ко грѣху, воюющій противъ боговъ, наконецъ, побѣжденный въ этой борьбѣ, напоминаетъ апокалипсическаго дракона, «великаго дракона», «древняго змія», низложеннаго архангеломъ Михаиломъ (Апок. XII. 7—9).

d) Потопъ.

Между разными произведеніями вавилоно-ассирійской литературы, найденными въ Сарданапаловой библіотекѣ, одно обращаетъ на себя особенное вниманіе. Это—эпопея о приключеніяхъ древняго національнаго героя Издубара, подъ заглавіемъ: «Злосчастіе, постигшее Издубара»—настоящая халдейская Одиссея, въ концѣ которой помѣщенъ разсказъ о потопѣ, слышанный Издубаромъ отъ главнаго дѣйствующаго лица въ этомъ событіи, безсмертнаго старца Хасисадры.

Герой легенды, Издубаръ, представляется сильнымъ звѣроловомъ, слава котораго далеко распространена; на барельефахъ онъ изображается великаномъ съ крупными чертами лица, скорѣе эѳіопскаго, чѣмъ вавилонскаго типа, съ густыми волосами, ниспускающимися на плечи длинными локонами; въ правой рукѣ у него какое-то оружіе, а лѣвою—онъ прижимаетъ къ груди молодого льва, поднявъ его съ земли и крѣпко держа его за лапу. Не есть-ли это библейскій Нимродъ, преданіе о которомъ входило, какъ теперь извѣстно, въ циклъ вавилоно-ассирійскихъ

легендъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ нѣкоторые ассиріологи и въ главѣ ихъ Дж. Смитъ [1]).

Вотъ содержаніе легенды, какъ можно ее прочесть въ найденныхъ фрагментахъ. Издубаръ, князь вавилонскаго города Эреха (упоминаемаго и въ книгѣ Бытія X, 8—10, въ числѣ четырехъ городовъ, составлявшихъ въ началѣ царство Нимрода), видитъ необыкновенный сонъ, поразившій его, и тщетно обращается къ мудрецамъ за разъясненіемъ его; наконецъ, отыскиваетъ отшельника Хеабани, жившаго въ пещерѣ, посреди лѣсныхъ животныхъ, «ѣвшаго вмѣстѣ съ дикими козами и пившаго воду вмѣстѣ съ звѣрями» и славившагося знаніемъ какъ природы, такъ и людей (на барельефахъ и печатяхъ онъ изображался въ видѣ сатира или фавна съ рогами, хвостомъ и раздвоенными копытами). Съ большими почестями принятый въ Эрехѣ, Хеабани растолковываетъ Издубару его сонъ; а чтобы испытать силу и мужество Издубара, наслышавшись о его подвигахъ, онъ приводитъ съ собою тигра, котораго тотъ и убиваетъ, заключивъ съ этого времени тѣснѣйшую дружбу съ мудрымъ отшельникомъ. Вмѣстѣ отправляются они затѣмъ противъ тиранна Хумбабы, властвовавшаго надъ Вавилоніею [2]), и убиваютъ его въ его собственномъ дворцѣ, расположенномъ посреди лѣса; послѣ чего освобожденная Вавилонія признаетъ своимъ царемъ Издубара.

Далѣе слѣдуетъ описаніе вражды къ Издубару богини-покровительницы Эреха, Истары [3]) (Венера), любовь которой онъ отвергъ. Мстя Издубару за пренебреженную любовь, Истара, поднявшись на небо, испрашиваетъ у отца своего, бога Ану, какъ орудіе мести, чудовищнаго быка; но Издубаръ, при помощи Хеабани, умерщвляетъ его [4]); въ безсильномъ раздраженіи богиня изрекаетъ на него проклятіе и рѣшается сойти въ адъ, чтобы поднять противъ Издубара адскія силы.

«Нисхожу,—говоритъ Истара,—къ дому тьмы, къ жилищу

---

1) „Издубаръ“ есть имя героя, прочитанное пока лишь фонетически; тогда какъ оно, вѣроятно, написано идеографически; надѣются, что когда разобранъ будетъ идеографъ этого имени, то окажется вавилонская форма имени „Нимродъ“.

2) Дж. Смитъ почитаетъ Хумбабу историческимъ лицомъ, а именно, царемъ Эламскимъ, и приводитъ въ пользу своей гипотезы довольно правдоподобные доводы (Chald. Genesis, стр. 147—167).

3) На мѣстѣ древ. Эреха, гдѣ теперь м. Варка, видны еще слѣды развалинъ храма богини Истары.

4) На одномъ барельефѣ представленъ Хеабани держащимъ быка, ставшаго на дыбы, сзади за рога и за хвостъ, между тѣмъ какъ Издубаръ поражаетъ его спереди.

бога Иркаллы, къ дому безъ выхода, жители котораго тоскуютъ по свѣту, къ мѣсту, гдѣ пищею служитъ прахъ и грязь».

Раздраженная тѣмъ, что при входѣ въ адъ съ нея сняли ея корону и все ея облаченіе, и встрѣченная гнѣвнымъ взглядомъ богини ада, Нинкигалы, недовольной ея присутствіемъ, Истара не удержалась и изрекла проклятіе въ лицо Нинкигалы, за что постигло ее наказаніе: пораженная болѣзнями, она заключена была въ аду. Люди и животныя тоскуютъ по Истарѣ; богъ Самасъ (богъ солнца) идетъ къ царю боговъ, Хеа, и со слезами ходатайствуетъ объ Истарѣ. Богиня возвращена изъ ада, но планы мщенія ея не удались. Мать ея, богиня Анату, дѣлается теперь мстительницею за дочь: она поражаетъ Издубара проказою; онъ лишается, въ то же время, и друга своего, Хеабани, погибшаго, повидимому, въ борьбѣ со звѣремъ (текстъ въ этомъ мѣстѣ попорченъ).

Тяжко больной и скорбя о потерѣ друга, оставляетъ Издубаръ свое царство и отправляется въ дальнюю страну повидаться и посовѣтоваться съ предкомъ своимъ, Хасисадрою, за благочестіе свое принятому въ общество боговъ. Направляясь къ западу, сначала попадаетъ онъ въ страну, наполненную чудовищами: полу-людьми, полу-скорпіонами, ноги которыхъ стояли въ аду, а головы поднимались къ небу [1]); обязанность ихъ была «стеречь солнце, при восходѣ его и при закатѣ его». Со страхомъ взираетъ на нихъ Издубаръ. Далѣе путь его лежитъ черезъ песчаную пустыню, за предѣлами коей вступаетъ онъ въ страну съ чудными деревьями, на которыхъ, вмѣсто плодовъ, висѣли драгоцѣнные камни. Продолжая путь, Издубаръ достигаетъ морского берега; здѣсь встрѣчаетъ онъ двухъ женщинъ, Сидури и Сабиту, пытающихся остановить его, но безуспѣшно. Наконецъ, Издубаръ находитъ перевозчика Урхамси, предлагающаго перевезти его черезъ воды, отдѣляющія жилища смертныхъ отъ селеній блаженныхъ, гдѣ ожидаетъ его Хасисадра. Полтора мѣсяца продолжается ихъ плаваніе по «водамъ смерти», пока достигаютъ они страны безсмертныхъ. Здѣсь Издубаръ находитъ, наконецъ, предка своего, Хасисадру, сына Убаратуту; предлагаетъ ему разные вопросы и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ сдѣлался безсмертнымъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Хасисадра (Ной) разсказываетъ исторію *потопа*, въ которомъ онъ спасся за свое благочестіе [2]):

---

[1]) Найдены барельефы, изображающіе этихъ чудовищъ.

[2]) Мы приведемъ лишь то, что болѣе понятно и для насъ интересно.

Да будетъ тебѣ вѣдома, Издубаръ, тайна прошедшаго
И судъ боговъ да будетъ тебѣ возвѣщенъ.

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько строкъ попорченнаго текста, общій смыслъ которыхъ тотъ, что однажды, когда Хасисадра находился въ родномъ своемъ городѣ, древнемъ Сурипаккѣ (въ Вавилоніи), ему возвѣщена была воля божества въ такихъ словахъ:

«Сурипакіецъ, сынъ Убаратуту [1])
... Сдѣлай корабль. . . . .
Я уничтожу (?) грѣшниковъ и все живущее.
Помѣсти (?) всякое сѣмя живое внутри корабля.
Кораблю, который ты долженъ сдѣлать,
600 (?) локтей да будетъ мѣра его длины.
60 (?) локтей—мѣра его ширины и вышины.
„Я понялъ (продолжалъ Хасисадра) и сказалъ Хеѣ, Господу моему:
Корабль, который повелѣваешь ты мнѣ сдѣлать,
Когда (?) я сдѣлаю его,
(Посмѣется надо мною) старъ и младъ.
Хеа открылъ уста свои и сказалъ мнѣ, рабу своему:
. . . Скажи имъ. . . (текстъ попорченъ)
. . . Онъ отвратился отъ меня и
. . . Поставленъ былъ выше меня. . .
. . . (Опять нѣсколько строкъ попорченнаго текста).

Далѣе слѣдуетъ продолженіе рѣчи бога Хеа къ Хасисадрѣ:

. . . «Потопъ, который я нашлю на васъ;
Войди и запри двери корабля.
Внутри его—твой хлѣбъ, твою посуду, твое имущество,
Твое богатство, твоихъ служанокъ, твоихъ отроковъ,
Полевой скотъ и всѣхъ звѣрей полевыхъ я соберу и
Пошлю къ тебѣ, чтобы они сохранились у тебя".

Разсказавъ затѣмъ, какъ онъ законопатилъ и осмолилъ ковчегъ и обезопасилъ его отъ воды, Хасисадра-Ной продолжаетъ:

„Все, что было у меня, я собралъ, все, что было у меня серебра, я собралъ.
Все, что было у меня золота, я собралъ;
Все, что было у меня живаго сѣмени, я собралъ; все,
Все помѣстилъ я въ кораблѣ, всѣхъ слугъ моихъ и служанокъ моихъ,
Скотъ полевой, звѣрей полевыхъ. . .
Потопъ приготовилъ *Самасъ* [2]), и
Сказалъ, говоря вечеромъ: великій дождь пошлю съ неба;
Войди въ корабль и запри дверь.
Открылся потопъ, (о которомъ)
Онъ сказалъ, говоря вечеромъ: пошлю дождь великій съ неба.

---

[1]) У Бероза, Отіартесъ или Обартесъ.

[2]) Богъ солнца.

Въ день, когда я праздновалъ его праздникъ,
Въ день бодрствованія я устрашился.
Я вошелъ въ корабль и заперъ за собою дверь. . . .
Утромъ поднялась яростная буря, широко простираясь отъ края горизонта
Вулъ [1]) загремѣлъ посреди неба.
. . . .
Духи-разрушители понеслись по горамъ и долинамъ, опустошая землю.
Наводненіе Вуля достигло неба.
Блестящая земля обратилась въ пустыню.
Смыло поверхность земли,
Истребило все живущее съ лица земли;
Братъ не увидѣлъ болѣе брата. . .
. . . .
Все погибло.
. . . .
Я видѣлъ море въ сильномъ волненіи
И весь родъ человѣческій—погибшимъ:
Какъ тростникъ плавали трупы.
. . . .
На двѣнадцать локтей поднялся (корабль) надъ поверхностью земли.
На горѣ *Низиръ* [2]) остановился корабль.
На седьмой день я выпустилъ голубя: голубь полетѣлъ,
Не нашелъ мѣста покоя и возвратился.
Я выпустилъ ласточку. Ласточка полетѣла,
Не нашла мѣста покоя и возвратилась.
Я выпустилъ ворона. Воронъ отлетѣлъ,
Воронъ леталъ и видѣлъ уменьшеніе водъ и
. . . . Не вернулся назадъ.
Я выпустилъ животныхъ на всѣ четыре вѣтра, я совершилъ благодарственное возліяніе.
Я воздвигъ жертвенникъ на вершинѣ горы. . . .
Боги собрались, (обоняя) его благоуханіе.
. . . .
Богъ Хеа отверзъ уста свои и сказалъ:
. . . .
„Творящій грѣхъ свой грѣхъ творитъ, творящій зло свое зло творитъ.
Праведный князь не будетъ погубленъ, вѣрующій не будетъ уничтоженъ".
. . . .
. . . (Богъ) *Белъ* вошелъ въ корабль,
Взялъ за руку меня и поднялъ меня.
Онъ велѣлъ мнѣ встать вмѣстѣ съ женою моею.
Онъ заключилъ союзъ (или завѣтъ) и далъ это благословеніе,
Въ присутствіи Хасисадры и народа (потомства его?):
„Когда Хасисадра и жена его, и народъ восхищены будутъ, чтобы приравняться богамъ,
Тогда Хасисадра долженъ быть поселенъ въ отдаленной странѣ у устья потоковъ".
Они взяли меня и поселили въ отдаленной странѣ у устья потоковъ.

[1]) Богъ бури, по другому чтенію: *Бинъ*.
[2]) Горы Низиръ—въ Арменіи, какъ видно изъ другихъ надписей (Lenormant, Pr. civ. II, 40).

Удовлетворивъ любопытство Издубара, Хасисадра исцѣляетъ его затѣмъ отъ его болѣзни. Съ радостью возвращается Издубаръ въ свой городъ Эрехъ; не можетъ только утѣшиться въ потерѣ друга своего Хеабани и изливаетъ свою скорбь въ длинныхъ жалобахъ, призывая и подвластные ему города, Вавилонъ (Бабилу), Куту, Нипуръ, принять участіе въ его скорби. Этимъ и заключается эпопея о «злосчастіи Издубара», въ концѣ текста которой помѣщена помѣтка: «точная и ясная копія съ подлинника» [1]).

Найдены барельефы, изображающіе сцены этой эпопеи, въ томъ числѣ и Хасисадру-Ноя въ ковчегѣ [2]).

Важное значеніе для насъ халдейской легенды о потопѣ, столь сходной, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ съ библейскимъ разсказомъ о потопѣ, очевидно само собою.

е) Вавилонское столпотвореніе.

«На всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе. Двинувшись съ востока, они нашли въ землѣ Сеннааръ равнину и поселились тамъ. И сказали другъ другу: надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ; и стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести. И сказали они: построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели разсѣемся по лицу всей земли. И сошелъ Господь посмотрѣть городъ и башню, которые строили сыны человѣческіе. И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что́ начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что́ задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ, чтобы одинъ не понималъ рѣчи другого. И разсѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ (и башню). По сему дано ему имя *Вавилонъ*, ибо тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли, и оттуда разсѣялъ ихъ Господь по всей землѣ» [3]). Такъ повѣствуетъ священная лѣтопись міра о вавилонскомъ столпотвореніи. Вавилона въ настоящее время не существуетъ,—онъ подвергся несравненно бо́льшему еще разрушенію, нежели Ниневія, такъ какъ, со времени запустѣнія его, полуразрушенныя кирпичныя зданія его разобраны были по частямъ, чтобы послужить матеріаломъ для

---

[1]) См. G. Smith's Chaldäische Genesis, ubers. v. H. Delitzsch. 1876, стр. 143—243. Ср. Lenormant, Premières Civilisations, 1874. II, 3—146.

[2]) См. Chald. Genesis, стр. 168, 194, 195, 211, 218, 222.

[3]) Кн. Бытія, XI, 1—9.

постройки Селевкіи, Ктезифона и другихъ сосѣднихъ городовъ по Тигру и Евфрату. Отъ знаменитаго Вавилона, этой столицы древняго востока, съ его высокими стѣнами, остались лишь груды мусора и жалкихъ развалинъ. Посреди ихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя холмообразная масса мусора съ подобіемъ замка на вершинѣ; мѣстные бедуины даютъ этой развалинѣ знаменательное названіе *Бирсъ-Нимрудъ*, т.-е. башня Нимрода. Ассиріологи, съ Ролинсономъ во главѣ, признаютъ Бирсъ-Нимрудъ остаткомъ *Вавилонской башни*. Первое, что̀ навело на эту мысль, была замѣчательная надпись, найденная Ролинсономъ въ развалинахъ Бирсъ-Нимруда [1]. Ученый Оппертъ первый перевелъ и издалъ ее въ «Journal Asiatique», въ 1857 году.

Надпись принадлежитъ царю Навуходоносору («Nabukudurrusur sar Babilu»—т.-е. царь Вавилона: такъ начинается она); въ ней говорится о возобновленіи имъ двухъ монументальныхъ сооруженій въ Вавилонѣ. Одно изъ нихъ названо *Борсиппскою башнею* [2]; развалины ея и теперь, какъ сказано выше, у мѣстныхъ жителей слывутъ подъ именемъ *Бирсъ-Нимруда*, т.-е. «башни Нимрода», что̀ замѣчательно еще и въ томъ отношеніи, что построеніе этой башни, имъ возобновленной, Навуходоносоръ приписывалъ «древнему царю».

Вотъ содержаніе самой надписи, такъ, какъ перевелъ ее Оппертъ:

«Мы (Навуходоносоръ) говоримъ такъ: башню семи свѣтилъ земли (т.-е. семи планетъ), древнѣйшій памятникъ Борсиппы построилъ древній царь (42 человѣческія жизни тому назадъ), но вершины ея не возвелъ: люди оставили ее послѣ потопа, когда у нихъ смѣшался языкъ (собственно: „когда стали произносить слова безпорядочно“). Землетрясеніе и громъ разрушили глину ея, расщелили кирпичную одежду ея. . . Великій богъ Меродахъ вложилъ мнѣ въ сердце построить ее вновь. Я не перемѣнилъ мѣста, я не тронулъ его основаній; въ мирный мѣсяцъ, въ день счастливый, я прорѣзалъ портиками какъ внутреннюю глину, такъ и наружную кирпичную одежду; я возобновилъ ея своды, начерталъ имя мое на фризѣ портиковъ. Я простеръ руку для возстановленія башни и для возведенія вершины ея. Какою прежде была она, утвердилъ я ее и соорудилъ; какъ въ древнее время она должна была быть, такъ возвелъ я ея вершину».

Эта замѣчательная надпись естественно сдѣлалась предме-

[1]) Она найдена въ двухъ экземплярахъ на двухъ глиняныхъ многогранныхъ цилиндрахъ.

[2]) *Борсиппа*—близъ Вавилона къ западу, вѣроятнѣе даже—западный лишь кварталъ Вавилона. *Борсиппа* значитъ: „мѣсто разсѣянія голосовъ“ или „мѣсто невнятнаго лепета“, слѣдовательно то же, что *Вавилонъ*—„смѣшеніе“.

томъ изученія ассиріологовъ—Ролинсона, Фокса Тальбота и въ недавнее время Шрадера: сдѣланы были измѣненія, поправки нѣкоторыхъ частностей въ переводѣ Опперта; общій смыслъ надписи остался однако неизмѣннымъ—тотъ именно, что царь Навуходоносоръ обновилъ и довершилъ башню семи планетъ, построенную «древнимъ царемъ» въ Борсиппѣ, возстановивъ ее въ ея первоначальномъ видѣ [1]). Ассиріологи согласны также и въ томъ, что остатки именно этой башни извѣстны туземцамъ подъ названіемъ «башни Нимрода», и что ее можно принимать за Вавилонскую башню Библіи [2]).

Ролинсонъ, находчикъ Борсиппской надписи, подвергъ теперь развалины Бирсъ-Нимруда тщательнѣйшему изслѣдованію и пришелъ къ заключенію, что сооруженіе это состояло первоначально изъ семи этажей кирпичныхъ на земляной платформѣ. Этажи квадратной формы къ верху съуживались, такъ что вся постройка имѣла видъ пирамиды, этажи коей представлялись гигантскими уступами ея. Первый этажъ представлялъ четыреугольникъ въ 272 фута въ длину и ширину, и 26 ф. въ высоту; высоту же всего этого пирамидальнаго зданія Ролинсонъ опредѣляетъ приблизительно въ 138 футовъ. Семь этажей посвящены были, вѣроятно, семи планетамъ и имѣли присвоенные имъ цвѣта. Такъ 1-й этажъ, посвященный, какъ полагаетъ Ролинсонъ, Сатурну, окрашенъ былъ въ черный цвѣтъ; 2-й этажъ—въ оранжевый; 3-й—въ красный; 4-й, посвященный солнцу, обложенъ золотыми пластинками; 5-й—блѣдно-палеваго цвѣта; 6-й—синяго и 7-й, посвященный лунѣ, обложенъ серебряными пластинками [3]).

Въ началѣ 1875 года, Дж. Смитъ между плитками Сарданапаловой библіотеки нашелъ фрагментъ легенды о Вавилонскомъ столпотвореніи. Начала легенды (1-й плитки) къ сожалѣнію недостаетъ; она, вѣроятно, заключала въ себѣ описаніе сооруженія Вавилонской башни. Изъ фрагмента 2-й плитки ясны только слѣдующія строки, не лишенныя значенія:

---

[1]) См. Schrader, Die Keilinschriften und das Alte Testament, 1872, стр. 35—38.

[2]) Іосифъ Флавій, по преданіямъ еврейскимъ, называетъ главнымъ виновникомъ построенія Вавилонской башни—*Нимрода*, жившаго приблизительно за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до Р. Х., что соотвѣтствуетъ словамъ надписи Навуходоносора о древнемъ царѣ, строителѣ башни, жившемъ „42 человѣческія жизни тому назадъ".

[3]) Окрашивать стѣны въ разные цвѣта было въ обычаѣ на востокѣ. Такъ, по свидѣтельству Геродота (I, 98), зубцы семи концентрическихъ стѣнъ Экватаны окрашены были въ разные цвѣта: бѣлый, черный, пурпуровый, синій, оранжевый; зубцы же двухъ внутреннихъ стѣнъ были одни посеребрены, а другіе позолочены.

„(Малыхъ) и большихъ смѣшалъ онъ (отецъ боговъ) языкъ [1]) ихъ,
Повергнувъ Вавилонъ подъ свою руку,
(Малыхъ) и большихъ смѣшалъ онъ языкъ (?) ихъ,
Громадное сооруженіе свое воздвигли они днемъ,
Ихъ громадное сооруженіе ночью онъ разрушилъ".

Изображеніе квадратной пирамидальной башни съ этажами, постепенно съуживающимися къ верху, въ видѣ уступовъ, нерѣдко встрѣчается какъ на вавилонскихъ, такъ и на ассирійскихъ барельефахъ. Такъ на одномъ древнемъ барельефѣ, найденномъ въ Ниневіи, изображенъ Вавилонъ и въ немъ вавилонская башня, но лишь изъ 4 этажей, на высокомъ основаніи, что служитъ хорошей иллюстраціей къ выше приведенной надписи Навуходоносора, говорящей, что вершина башни достроена была лишь этимъ царемъ.

Таковы замѣчательныя преданія вавилонскія о первыхъ временахъ человѣчества, столь сходныя съ библейскимъ разсказомъ въ общихъ своихъ чертахъ.

Подобныя легенды о первыхъ временахъ находятся у всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ стараго и новаго свѣта [2]). Это подтверждаетъ лишь ту несомнѣнную истину, что свѣдѣнія о первыхъ судьбахъ человѣчества хранились въ народныхъ преданіяхъ, приближаясь, болѣе или менѣе, къ своему прототипу, нашедшему полное богодухновенное выраженіе свое въ священной книгѣ еврейскаго народа,—въ книгѣ Бытія.

Н. Астафьевъ.

---

[1]) Ассирійское слово переведено здѣсь словомъ „языкъ" лишь по предположенію, такъ какъ въ этомъ смыслѣ это слово Смиту прежде не встрѣчалось.

[2]) См. Die Traditionen des Menschengeschlechts, oder die Uroffenbarung Gottes unter den Heiden. Von Dr. H. *Lüken*, 1869.

ПОРУЧИКЪ ПОСПѢЛОВЪ

Изъ записной книжки молодого офицера.

Городъ Т. праздновалъ взятіе Ардагана. Городской садъ пестрѣлъ флагами, цвѣтными фонарями и транспаранами; надъ воротами, у главнаго входа, красовалась размалеванная декорація, представлявшая маленькаго кривоногаго солдатика въ угрожающей и непристойной позѣ, и передъ нимъ на колѣняхъ огромнаго толстаго турка, умоляющаго о пощадѣ; около этой патріотической картины стояла кучка восточныхъ зѣвакъ и что-то сплетничала на своемъ гортанномъ нарѣчіи. Садъ былъ биткомъ набитъ: говоръ, суетня, давка; въ бесѣдкѣ, напротивъ ресторана, визжалъ оркестръ струнной музыки; подъ навѣсомъ, у буфета, за маленькими столиками шумѣла разноязычная толпа русскихъ, грузинъ, армянъ и жидовъ, единодушно праздновавшихъ побѣду нашего оружія, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали раскраснѣвшіяся физіономіи и безсвязныя рѣчи. Отъ нечего дѣлать, я помѣстился за однимъ изъ столиковъ, потребовалъ бутылку пива и тоже началъ «праздновать». Несмотря однако на видимое ликованіе, я находился въ наисквернѣйшемъ расположеніи духа; чтó иначе и быть не могло при тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ меня застало помянутое 21-го мая 1877 года. Назначенный въ дѣйствующій отрядъ, я долженъ былъ получить изъ т—аго окружного управленія предписаніе о дальнѣйшемъ слѣдованіи, жалованье и прогоны; прошло двѣ слишкомъ недѣли, а я все сидѣлъ въ Т., не получая ни предписанія, ни денегъ, прозябая въ долгъ въ вонючемъ нумерѣ провинціальной гостинницы и испытывая всѣ пріятности пыльнаго и грязнаго захолустья. Исторія, знакомая, впрочемъ, не

мнѣ одному въ то смутное время. Праздничное настроеніе толпы, весьма умѣстное во всякую другую минуту, теперь только досадно раздражало мои нервы.

Я уже допивалъ послѣдній стаканъ и готовился расплатиться, когда позади себя услышалъ шумъ пододвигаемыхъ стульевъ и отрывокъ бесѣды, невольно остановившій мое вниманіе: кто-то горячо и въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ передавалъ своему собесѣднику исторію, совершенно подобную той, которая случилась со мною, съ тѣмъ однако счастливымъ различіемъ, что интересный незнакомецъ сидѣлъ въ Т. уже цѣлый мѣсяцъ. Заживо затронутый всѣмъ услышаннымъ, я немного отодвинулся и помѣстился такъ, чтобы мнѣ было видно разговаривающихъ, не давая въ то же время нескромнаго повода заподозрить себя въ подслушиваніи. Напротивъ юнаго и франтоватаго капитана «изъ штабныхъ», съ блѣднымъ усталымъ лицомъ, тусклымъ, равнодушнымъ взглядомъ и жидкими, но щегольски расчесанными бакенбардами,—сидѣлъ скромный артиллерійскій поручикъ, средняго роста, въ коротенькомъ потертомъ пальто и фуражкѣ съ порыжѣлымъ бархатомъ. На видъ ему было лѣтъ двадцать-пять, двадцать-семь. Мнѣ сразу бросилось въ глаза его смуглое, честное лицо, большія жилистыя рабочія руки и вдумчивый, пристальный взглядъ его карихъ глазъ. Говорилъ онъ глухо, но съ какой-то пріятной, если такъ можно выразиться, задушевной сипотой и постоянно пощипывалъ свою маленькую темнорусую бородку.

— Нѣтъ, вы представьте мое положеніе,—говорилъ волнуясь артиллерійскій поручикъ;—цѣлый мѣсяцъ сижу въ этомъ проклятомъ городѣ, что называется безъ гроша денегъ; заложилъ, все что могъ... Вы только поймите, зачѣмъ я послѣ этого бросилъ бригаду: тамъ у меня было все-таки какое-нибудь дѣло, а здѣсь влачишь какое-то безцѣльное существованіе и, что̀ всего хуже, не знаешь даже, когда оно кончится... Послушайте, неужто-же нѣтъ никакой возможности уломать К. отпустить меня въ отрядъ?

Адъютантъ скептически чмокнулъ губами.

— Пусть въ такомъ случаѣ выдадутъ мнѣ впередъ жалованье,—не унимался поручикъ.—Не пойду-же я просить Христа ради, разсудите вы на милость!

— Попросите, чтобы васъ прикомандировали къ арсеналу,—процѣдилъ утомленно адъютантъ; онъ говорилъ небрежно, точно швырялъ словами.

Поручикъ окончательно разгорячился.

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Я далъ зарокъ больше не

показываться въ управленіе. Помилуйте, каждый разъ одно и то же: «Не будете-ли любезны сообщить, куда меня наконецъ назначутъ?» —Вѣроятно въ подвижной паркъ.—«Какой паркъ?» —Онъ еще не формировался.—«Когда-же онъ будетъ формироваться?»—Неизвѣстно.—«Кто командиръ?»—Неизвѣстно.—«Долго-ли мнѣ придется еще прожить въ Т.?»—Неизвѣстно.—Однимъ словомъ, никому и ничего неизвѣстно!!

— Не вы одинъ!—Адъютантъ полунасмѣшливо подмигнулъ въ мою сторону и подлилъ себѣ изъ стоявшей передъ нимъ бутылки кахетинскаго. Тотъ съ любопытствомъ оглянулся. Собесѣдники шопотомъ обмѣнялись нѣсколькими словами, послѣ чего разговоръ продолжался уже въ болѣе покойномъ тонѣ. Поручикъ жаловался на скуку, которая его начинаетъ одолѣвать. Адъютантъ тономъ житейскаго мудреца совѣтовалъ «не напускать на себя», развлекаться и не сѣтовать на всемогущаго К.—«Почемъ знать,—добавилъ онъ слабо улыбаясь,—можетъ быть Провидѣніе хочетъ избавить васъ отъ безвременной смерти!» Наконецъ адъютантъ всталъ, расплатился, закурилъ папироску, небрежно сунулъ руку поручику и, пуская изящныя кольца дыму, направился къ выходу. По уходѣ адъютанта, поручикъ поглядѣлъ внимательно въ мою сторону, всталъ и рѣшительно подошелъ ко мнѣ. Признаться, я только этого и хотѣлъ.

— Вы меня простите,—началъ онъ:—что я къ вамъ такъ прямо подошелъ. Мы въ одинаковыхъ съ вами обстоятельствахъ и это должно насъ немножко сблизить... Поручикъ Поспѣловъ!— Я назвалъ себя, подалъ руку и почувствовалъ энергическое, хорошее пожатіе. Я думаю, никогда такъ легко не знакомятся и такъ близко не сходятся, какъ во время войны и въ особенности молодые артиллерійскіе офицеры. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что не прошло и четверти часа, какъ мы бесѣдовали уже безъ всякаго стѣсненія. Поспѣловъ сообщилъ мнѣ, что когда отъ —ой артиллерійской бригады потребовали офицера въ дѣйствующую кавказскую армію, онъ, находившійся не въ ладахъ съ батарейнымъ командиромъ, вызвался ѣхать и попалъ, что́ называется, изъ огня да въ полымя. Я въ свою очередь разсказалъ ему о себѣ. Оказалось, что мы одного выпуска, только изъ разныхъ училищъ; нашлись нѣкоторые общіе знакомые, наконецъ насъ связывали одинакія симпатіи къ генералу К. Все это сдѣлало то, что за второй бутылкой пива мы уже чувствовали себя на половину друзьями.

Что особенно поражало въ Поспѣловѣ—это безъискуственность манеры, съ которой онъ обращалъ къ вамъ свою рѣчь;

чуть-ли не съ первыхъ же словъ онъ началъ мнѣ говорить «голубчикъ», и въ его устахъ это скороспѣлое признаніе не только не отзывалось нахальствомъ или пошлостью, но было такъ тепло и просто, какъ будто бы иначе и быть не могло; кромѣ того, отсутствіе фразы и своеобразная простота языка придавали его рѣчи необыкновенную силу убѣжденности. Все это вмѣстѣ производило прочное и оригинальное впечатлѣніе.

— Вы знакомы съ С—скимъ?—Онъ назвалъ франтоватаго капитана.

Я отвѣчалъ ему, что теперь вспоминаю, что я однажды съ нимъ встрѣтился въ канцеляріи управленія, и что онъ произвелъ на меня далеко не благопріятное впечатлѣніе своимъ покровительственнымъ тономъ и пошловатою внѣшностью.

— Молодчикъ, нечего сказать!—усмѣхнулся Поспѣловъ.— Вѣдь онъ мой товарищъ по училищу, какъ же-съ; всего лишь годомъ раньше выпущенъ. Юнкеромъ былъ славный малый, хотя признаться, фатоватъ маленько, а теперь полюбуйтесь, какъ себя обработалъ—и на человѣка не похожъ сталъ... Въ глазахъ какъ по писанному прочесть можно: «у меня казенная квартира, казенное отопленіе и освѣщеніе и мнѣ до васъ, господа, дѣла нѣтъ!» И вѣдь, пари держу, взятки беретъ, не деньгами, конечно, а какъ истый джентльменъ—лошадьми... Безобразно!!

Подошелъ слуга: мы расплатились, но покидать своихъ мѣстъ и не думали.

— Удивительный право нынче народъ,—продолжалъ Поспѣловъ:—или хищникъ или ужъ навѣрное «дѣлецъ». Напримѣръ, у насъ въ бригадѣ,—защищать не буду,—все по большей части «хищники»; а ежели и есть кто подобропорядочнѣе—прослужитъ годъ въ строю и ужъ непремѣнно полѣзетъ въ академію.

— Вы что-то ужъ очень враждебно настроены противъ академіи,—я не могъ не улыбнуться:—по-моему, это самый естественный исходъ.

— То-есть, чтó вы подразумѣваете подъ естественнымъ исходомъ?

— А то, что строевая служба не можетъ долго удовлетворять развитой умъ: человѣкъ начинаетъ скучать, искать дѣла и натурально стремится въ академію, въ Петербургъ.

— Гдѣ, по окончаніи курса, и находитъ «дѣло», то-есть получаетъ теплое мѣстечко, заводится казенной квартирой, «обезпеченной» женой, и живетъ себѣ въ свое удовольствіе. Совершенно естественный исходъ!

— Да, за неимѣніемъ лучшаго. Я самъ думаю впослѣдствіи

пристроиться въ академію. Потому что, дѣйствительно, какое же «дѣло» можетъ быть въ бригадѣ!

По губамъ Поспѣлова скользнула иронія:

— Какъ нѣтъ-съ дѣла, помилуйте!

— Я хотѣлъ сказать: серьёзнаго, общечеловѣческаго дѣла.

— Есть и такое дѣло, и не только серьёзное—государственное-съ дѣло.

— Напримѣръ?

— А, напримѣръ-съ: школа, батарейная солдатская школа?!

— Ну, ей у насъ не придаютъ особеннаго значенія!

— Вотъ то-то-съ и жалко, что не придаютъ. А, по-моему, она стóитъ всѣхъ вашихъ академій... Нѣтъ, вы мнѣ только скажите,—перебилъ онъ меня, видя, что я намѣревался протестовать:—чтó по-вашему важнѣе: приготовить ли себѣ теплый уголъ, вольготное житье,—будемъ говорить прямо,—«сдѣлать карьеру», или же приготовить сотню-другую образованныхъ солдатъ, которые, возвратясь къ себѣ на родину, внесутъ въ свои деревни свѣжую струю свѣта и такимъ образомъ подвинутъ дѣло народнаго просвѣщенія... Я вижу, вы мнѣ хотите возразить: а спеціальное образованіе, а кто же будетъ разработывать ежегодно усложняющіеся вопросы военнаго дѣла; но вѣдь это меньшинство-съ, на это нужны люди болѣе или менѣе талантливые; разрѣшать хитрый вопросъ, какъ лучше и дешевле истреблять людей —на это тоже-съ надо призваніе, какъ и на болѣе полезный трудъ, какъ быть химикомъ, ботаникомъ или медикомъ. Нѣтъ, а вы представьте себѣ молодого, честнаго и неглупаго офицера, но безъ особеннаго призванія вѣдать тайны военной науки:—пробывъ года два въ строю, онъ непремѣнно начнетъ «искать дѣла» —теперь вѣдь это у насъ въ модѣ... Дѣло, кажется, передъ самымъ носомъ, а онъ его не видитъ; онъ пожираетъ въ газетахъ фельетонную болтовню о «народной школѣ», а въ свою собственную школу даже и не заглянетъ, а ежели и заглянетъ, такъ или спустя рукава, или не съ той стороны, откуда слѣдуетъ заглядывать... Вы, голубчикъ, только поймите, какое бы громадное значеніе получила рекрутская школа, если-бъ каждый офицеръ иначе взглянулъ на свои обязанности. Такъ нѣтъ—куда: этой дѣятельности намъ, видите, мало, подымай выше;—а это пресловутое «выше» обыкновенно далѣе выгоднаго мѣстечка нейдетъ—ей-Богу такъ!.. Смѣются надъ нѣмцами, что будто они ужасные педанты, что у нихъ какой-нибудь жалкій почтмейстеръ корчитъ изъ себя персону, воображаетъ, что онъ дѣлаетъ нѣчто

важное. Надъ этимъ смѣются, а по-моему, право, тутъ есть чему поучиться.

— Чему же поучиться?

— А поучиться дѣлать честно и скромно свое маленькое прямое дѣло и не ловить журавля въ небѣ.

Я былъ очень заинтересованъ. То, чтò проповѣдовалъ Поспѣловъ, было такъ просто и, въ то же время, такъ здраво и ново, что я не могъ не пожелать познакомиться съ этимъ взглядомъ пообстоятельнѣе. Все это я высказалъ Поспѣлову.

— Вотъ за это спасибо, — обрадовался онъ: — охотно разскажу. Вы искренни и я вижу, васъ это серьёзно интересуетъ. —Онъ стиснулъ мнѣ крѣпко руку и весь оживился. Видно было, что я затронулъ его завѣтныя мысли. — Только пойдемте,—добавилъ онъ, порывисто вставая со стула:—здѣсь тѣсно и шумно!

Мы вышли въ садъ, съ трудомъ протиснулись сквозь толпу и углубились въ темную, липовую аллею. Поспѣловъ шелъ около меня широкимъ порывистымъ шагомъ, съ маленькой чуть-чуть замѣтной развалкой, пощипывая свою рѣденькую бородку.

— Я не знаю: удастся ли мнѣ попасть въ отрядъ и если удастся, вернусь ли я опять къ своей бригадѣ,—знаю одно, что воспоминаніе о школѣ, объ отрадныхъ дняхъ, проведенныхъ среди простодушной семьи моихъ взрослыхъ школьниковъ, останется навсегда самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ и самымъ честнымъ воспоминаніемъ всей моей жизни... Ахъ, хорошее было время!..—По лицу Поспѣлова пробѣжалъ свѣтлый лучъ счастливаго воспоминанія, глаза его разгорѣлись, онъ даже похорошѣлъ, какъ это часто бываетъ съ человѣкомъ, когда вдругъ ударятъ по самымъ нѣжнымъ струнамъ его сердца. — Вы, можетъ быть, будете смѣяться надо мной,—продолжалъ онъ немного погодя:— если я вамъ скажу, что когда я въ первый разъ вошелъ въ школу —я робѣлъ, волновался, не могъ долго совладать съ собой отъ воодушевлявшаго меня высокаго чувства. Увидѣвъ молодыя и открытыя лица солдатъ, душевно и довѣрчиво встрѣтившія меня, я мысленно сказалъ себѣ: «тебѣ вручена судьба этой горсточки русскаго народа и ты обязанъ образовать ихъ, быть ихъ другомъ и совѣтникомъ и отпустить ихъ домой зрѣлыми и честными — это твой гражданскій, человѣческій долгъ!»... И, могу сказать, принялся я за это дѣло горячо: тщательно готовился къ каждому уроку, повыписывалъ разныхъ популярныхъ книженокъ, изучилъ до мелочей характеръ каждаго ученика; ну, словомъ сказать, привязался всей душой къ моимъ школьникамъ—и чтó же? Въ какіе-нибудь полгода, и того меньше, они у меня научились не

только толково читать, четко писать, начатки ариѳметики и географіи прошли, мало того-съ: «мыслить» научились... Смѣло могу сказать, что ежели и не сто, а ужъ тридцать, сорокъ человѣкъ сдѣлалъ «людьми», — а развѣ это не дѣло-съ? Да, ежели-бъ каждый офицеръ положилъ себѣ за правило образовать десять человѣкъ—я говорю «образовать» не въ смыслѣ шагистики, разумѣется,—да вѣдь тогда бы народное образованіе на половину подвинулось. Оно, конечно-съ, не весело получать за ваше самоотверженіе какіе-нибудь тридцать рублей, жить въ захолустьи и возиться съ какимъ-нибудь вонючимъ Лихопаемъ или объяснять букву П по звуковому методу Ѳедору Бородавкѣ; въ Петербургѣ, въ академіи дебатировать о разныхъ вопросахъ несравненно веселѣе. Но за-то, ежелибъ вы знали, какое золотое сердце у этого Лихопая, и какимъ сердечнымъ спасибо отплатитъ вамъ за вашу добросовѣстность Ѳедоръ Бородавка, вы бросили бы и вашъ Петербургъ и вашу академію и ваши своекорыстныя мечты и всѣ непрочныя и мишурныя блага и пошли бы въ темную глушь, къ этимъ бѣднымъ и простодушнымъ дѣтямъ... И вѣдь, что это за народъ—любо посмотрѣть! Былъ, напримѣръ, у меня въ школѣ одинъ малороссъ—Андрей Свѣченко: изъ себя славный такой, правдивый, а какая сметка во всемъ, просто удивительно; повѣрите ли, въ одинъ мѣсяцъ выучился грамотѣ... Да какъ читалъ-съ: съ чувствомъ-съ, со всѣми необходимыми интонаціями—въ классической гимназіи такъ красиво не декламируютъ! А Батракъ, а Шемякинъ, а Иванъ Клименко? Сколько пытливости, сколько здраваго смыслу, сколько теплоты и тонкости чувства — и вѣдь обо всемъ толкуютъ, всѣмъ интересуются, газеты почитываютъ-съ... Теперь, дорогой мой, и солдатъ ужъ не тотъ,—реформы сдѣлали свое дѣло!—Прежняго Николаевскаго солдата и слѣдъ простылъ. Новый солдатъ и говоритъ свободнѣе, и смотритъ смѣлѣе и мыслить умѣетъ! Только надо понять его, знать, какъ подойти къ нему, чтобы онъ вамъ повѣрилъ; а повѣритъ—полюбитъ; а полюбитъ—такъ вы съ нимъ великія дѣла совершите... Ну, а не повѣритъ, такъ будетъ грубить и пьянствовать, и дурнымъ и тупымъ вамъ покажется. Нынѣшній солдатъ — совсѣмъ другая статья и уже не въ ласковомъ словѣ дѣло-съ теперь, а чтобы онъ въ васъ дѣйствительно призналъ честнаго работника, такого же, какъ онъ самъ, въ потѣ лица трудящагося, только на другой нивѣ...—Поспѣловъ перевелъ духъ.—Я вамъ не надоѣлъ съ моей школой?—добавилъ онъ добродушно улыбаясь.

— Помилуйте, совсѣмъ напротивъ... Мнѣ только одно странно... отчего вы не посвятили себя...

— Болѣе широкой дѣятельности, хотите вы сказать?

— Да, вы угадали.

— А просто оттого-съ, что способности мои неважныя: какъ разъ въ аккуратъ для этой дѣятельности, а не для какой другой — ни больше, ни меньше. Надо, голубчикъ, имѣть настолько мужества, чтобы сказать себѣ искренно: вотъ дескать, есть у тебя такія-то способности, пригодныя на такую-то, вотъ именно, работу — не больше того; въ этомъ самопознаніи или, если хотите, самосознаніи, вся загадка... Какъ я исполнилъ мой долгъ — не мнѣ судить; скажу одно, что когда я уѣзжалъ въ отрядъ, всѣ бывшіе мои школьники пришли меня проводить... Ежели-бъ только видѣли, съ какой неподдѣльной грустью они со мной разставались: «Останьтесь съ нами, ваше благородіе... а то возьмите насъ съ собой... намъ такого не найти». Я не выдержалъ и расплакался какъ ребенокъ. Вдругъ стало такъ жутко, точно семью родную покидалъ. Какого-нибудь Батрака или Трофима Шепидьку во снѣ потомъ видѣлъ, ей-Богу. Недавно отъ нихъ письмо благодарственное получилъ, — когда-нибудь покажу вамъ, — такъ вѣрите-ли, читалъ его, перечитывалъ, глядѣлъ, не могъ наглядѣться, цѣловалъ какъ святыню это теплое, душевное письмо... Скажу безъ лести — я награжденъ свыше моихъ ожиданій... Да-съ, школа великая вещь! Она знакомитъ и сближаетъ насъ съ народомъ, она будитъ въ насъ гражданское чувство и облагороживаетъ наше грубое и печальное ремесло военнаго! — Онъ увлекся и я его не останавливалъ, покоренный его восторженной рѣчью. Уже совсѣмъ стемнѣло, садъ опустѣлъ, а мы продолжали ходить по аллеѣ и говорить о значеніи школы, о народѣ, о братствѣ и любви; голосъ Поспѣлова звучалъ сильно и страстно, его душа переливалась въ мою и я уже чувствовалъ въ своей груди звенѣвшія струны нарождавшейся дружбы.

Было далеко за полночь, когда мы разстались, давши другу другу обѣщаніе видѣться какъ можно чаще. Я торопливо пробирался по узкимъ переулкамъ къ гостинницѣ, взволнованный, освѣженный, счастливый, что мое офицерское бытьё, казавшееся мнѣ всегда такимъ безцѣльнымъ и безсодержательнымъ, вдругъ получило содержаніе, вѣсъ, цѣну, новое и прекрасное значеніе.

Вернувшись въ нумеръ, я никакъ не могъ заснуть. Я открылъ окно и долго сидѣлъ задумчиво, всматриваясь въ мерцающее небо. Я уже теперь не негодовалъ, что меня задержали въ Т. и даже хотѣлъ пробыть въ немъ какъ можно дольше, чтобы тѣснѣе сблизиться съ поручикомъ Поспѣловымъ.

Рано утромъ меня разбудилъ необычайный стукъ въ дверь.

Явился писарь изъ Управленія и съ очаровательной улыбкой вручилъ мнѣ такъ давно ожидаемое предписаніе о немедленномъ отправленіи къ дѣйствующему отряду. Разсчитывавшій на добрый полтинникъ, онъ былъ крайне удивленъ, когда я чуть не вытолкалъ его изъ нумера... О, странное, непонятное поведеніе судьбы, думалось мнѣ: не я-ли умолялъ ее помочь мнѣ поскорѣе выбраться изъ Т. и теперь, когда она смиловалась, самъ первый проклинаю ея неожиданное покровительство?!... Я поспѣшно одѣлся и отправился по всѣмъ мытарствамъ: въ комендантское управленіе, въ казначейство, въ интендантство и проч. Возвратившись въ гостинницу, я распорядился приготовить къ вечеру лошадей, насворо пообѣдалъ и отправился навѣстить Поспѣлова. Онъ жилъ на краю города, въ глухомъ и грязномъ переулкѣ, у какой-то Анны Ивановны. Анна Ивановна, владѣтельница двухъ-этажнаго кривого домика, оказалась толстой, приземистой старухой съ жидовскимъ лицомъ, армянскимъ носомъ и хищными, заплывшими глазками. Она сидѣла на скамейкѣ у воротъ и что-то сосредоточенно жевала; на мой вопросъ: «здѣсь-ли живетъ поручикъ Поспѣловъ?» она ткнула жирнымъ пальцемъ въ сосѣднюю калитку, не прекращая ни на минуту своего благороднаго занятія. На лѣстницѣ меня встрѣтилъ самъ Поспѣловъ, видимо обрадовавшійся моему приходу. «Милости просимъ въ мою конурку», пригласилъ онъ меня, когда мы по христіанско-артиллерійскому обычаю поцѣловались. Мы поднялись на верхъ въ низенькій, узкій корридоръ, гдѣ царствовала кромѣшная тьма; что-то непріятно скрыпнуло и я очутился въ комнатѣ Поспѣлова. Дѣйствительно, это была конурка: крошечная, темненькая, съ полинявшими обоями и слабымъ просвѣтомъ узенькаго оконца; передъ окномъ стоялъ небольшой столикъ съ книгами и бумагами, у стѣны складная походная кровать, въ углу чемоданъ, два стула, словомъ обычный комфортъ русскаго армейскаго офицера. На столикѣ я замѣтилъ пузырекъ чернилъ и мелкоисписанный листъ бумаги.

— Вы занимались? я, кажется, вамъ помѣшалъ?

— Помилуйте, нисколько, я такъ радъ!—Онъ засуетился, бросился къ чемодану и вытащилъ свертокъ съ чаемъ и двѣ серебряныя ложечки: — Простите, я сейчасъ, только распоряжусь на счетъ самовара.—Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Я заглянулъ въ лежавшую передо мной рукопись и прочелъ слѣдующее:

«*Мысль объ изданіи солдатской газеты*».

«Беру смѣлость высказать одну мысль, современность и не-

обходимость которой очевидна. Я говорю объ изданіи солдатской газеты. Реформы послѣдняго царствованія, такъ глубоко повліявшія на нашъ общественный строй, не могли не отразиться и на нашемъ солдатѣ, котораго онѣ поставили въ условія какъ нельзя болѣе благопріятныя для образованія и тѣмъ сообщили ему совершенно новый складъ, болѣе или менѣе согласный съ тѣми идеями гуманности и всесословнаго равенства, которыя реформы проповѣдывали. Новая обстановка, новый солдатъ, новыя потребности. Вотъ объ одной-то изъ нихъ, громко заявившей себя въ послѣднее время, я и хочу высказаться. Эта все болѣе и болѣе усиливающаяся потребность—есть потребность принимать посильное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, потребность постоянно знакомиться со всѣмъ, что̀ происходитъ вокругъ, другими словами—потребность читать газету; потребность эта даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу — о чемъ, я думаю, могутъ засвидѣтельствовать въ послѣднее время всѣ образованные офицеры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ себя чувствовать и непримѣнимость такого матеріала чтенія, какъ наши газеты: матеріалъ такого рода, предоставленный умственному питанію солдата, только спутываетъ понятія, ослабляетъ жажду просвѣщенія и, если хотите, нѣкоторымъ образомъ даже закармливаетъ его, однимъ словомъ, приноситъ вредъ, а не желательную пользу. Сами солдаты не разъ выражали мнѣ желаніе имѣть газету «по-проще»... Это доказываетъ необходимость...» Но тутъ вошелъ Поспѣловъ и я долженъ былъ прекратить мое чтеніе. Онъ поспѣшно прибралъ со стола, а убирая въ ящикъ рукопись, прибавилъ: «это, помните, я, кажется, вамъ вчера говорилъ, о солдатской газетѣ... набросалъ вотъ начерно... думаю послать въ какой-нибудь военный журнальчикъ... Да вѣдь вотъ горе-то—не примутъ»... Онъ вздохнулъ.

— Отчего-же вы такъ думаете?

— Опытомъ наученъ. Въ прошломъ году послалъ-было одну статеечку: «маленькое слово по поводу громаднаго значенія рекрутской школы» — ну, и вернули: иллюзіи, молъ, проповѣдуете!.. Ну, да объ этомъ послѣ; скажите, что—вы? нѣтъ-ли чего новенькаго?

Я объяснилъ ему быструю перемѣну, происшедшую въ моемъ положеніи. Лицо Поспѣлова замѣтно потемнѣло... «Досадно, право,—забормоталъ онъ взволнованно,—вотъ нашелъ человѣка, который наконецъ понялъ меня, могъ бы продолжать дѣло, залучить еще кого-нибудь, а тутъ вдругъ гонятъ на эту глупую войну»...

— Помилуйте, Поспѣловъ, да развѣ можно не сочувствовать вашимъ идеямъ?

— Значитъ можно, когда батарейный командиръ мнѣ прямо заявлялъ, «что школа вещь не суть важная; бросьте могъ, займитесь лучше обливкой снарядовъ, а школу предоставьте господамъ прапорщикамъ»! А товарищи, вы думаете, не подсмѣивались надо мной?.. Чудакомъ прозвали: «чего-дескать возится со своей школой, точно съ писанной торбой»!.. Да, да — было всего... А вы?—добавилъ онъ, поднимая на меня свои свѣтлые глаза, какъ будто бы совѣстясь своей вчерашней откровенности: —вы вѣдь не смѣетесь надо мной, не правда-ли?

Я поспѣшилъ отвѣтить горячимъ рукопожатіемъ.

Въ комнату ввалилась хромая, грязная дѣвчонка съ кипящимъ самоваромъ. Поспѣловъ началъ хлопотать около самовара. «Жаль, жаль, о многомъ бы хотѣлось съ вами столковаться!» изрѣдка повторялъ онъ, прерывая наступившее молчаніе. Разговоръ какъ-то не вязался. Каждый чувствовалъ, что въ виду скорой и, можетъ быть, вѣчной, разлуки, бесѣда наша утратила свой прежній сближающій смыслъ.

Я рѣшился напомнить Поспѣлову его обѣщаніе, показать мнѣ письмо, присланное ему его бывшими «школьниками». Поспѣловъ покраснѣлъ. «Ахъ да, то письмо,—забормоталъ онъ смущенно:—да стоитъ-ли показывать... впрочемъ вотъ—прочтите, если хотите». Порывшись въ ящикѣ, онъ досталъ тщательно завернутый въ бумагу небольшой сѣрый конвертъ. Я принялся съ жадностью поглощать интересныя строки, а Поспѣловъ, откинувшись на спину стула, погрузился въ грустную, сосредоточенную задумчивость...

Письмо начиналось обычными многочисленными пожеланіями русскаго человѣка; затѣмъ сообщались нѣкоторыя новости дня: что ихъ батарея переведена изъ города «въ очень скучливое мѣсто», что Трофимъ Шепидька произведенъ въ фейерверкеры и что у нихъ теперь новый взводный; «очень жалѣемъ объ васъ, ваше благородіе—некому намъ дать почитать газету, а ужъ не поминая объ иллюстраціи, которую вы были столь добродушны предоставлять намъ: нашъ новый поручикъ не выписуетъ никакихъ вѣдомостей, и мы въ настоящее время ничего не знаемъ». Далѣе слѣдовалъ рядъ дѣтски-наивныхъ вопросовъ въ родѣ: «очень-ли свирѣпы турки?», «правда-ли, что англичанъ идетъ на насъ?», «не слышно-ли миру, ваше благородіе?» и т. п. Заканчивалось письмо особенно трогательно: «всѣ школьники, ваше благородіе, сочувствуютъ вамъ

свою искреннюю привязанность, каждодневно просятъ Бога о вашемъ здравіи и благодарятъ душевно за ваше человѣколюбіе, за вашу прошлую дорогую къ намъ улыбку, за все, чему вы насъ отъ чистаго сердца обучали, за что желаемъ вамъ всего лучшаго въ жизни и повышеніе вашего чина. Прощайте, ваше благородіе»!

Слѣдовали подписи солдатъ ввода, которымъ командовалъ Поспѣловъ.

Я молча передалъ письмо Поспѣлову. Онъ тотчасъ замѣтилъ глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня чтеніемъ письма.

— Вы теперь меня понимаете?—обрадовался онъ.

Я протянулъ ему руку.

— И не забудете нашего разговора?

— Никогда.

— Вѣрю... Спасибо вамъ!

Мы помолчали. Поспѣловъ опять нахмурился и задумчиво смотрѣлъ въ окно; я медленно и нехотя прихлебывалъ остывшій чай.

— Какъ вы думаете,—нерѣшительно вдругъ заговорилъ Поспѣловъ:—скоро мнѣ удастся выбраться изъ Т.?

У меня не хватило духу его разочаровывать.

— Дай-то Богъ! А то, чего добраго, одурѣешь, сидя на одномъ мѣстѣ, въ пошломъ бездѣйствіи. И потомъ эти вѣчныя безтолковыя жертвы, это преждевременное ликованіе и повальное воровство, сведутъ хоть кого съ ума... Вы слыхали исторію съ П—ъ?

— Знаю. Возмутительно!

— Нѣтъ, вы только подумайте, голубчикъ: молодежь начала воровать. Вѣдь это что-жъ такое!!

Начался обычный въ то время разговоръ о различныхъ случаяхъ взяточничества, которые въ —ой арміи приняли гомерическіе размѣры.

Наконецъ мы встали: мнѣ было пора ѣхать. Поспѣловъ захотѣлъ непремѣнно меня проводить. Мы дошли молча до гостинницы. Офицерскіе сборы не велики: маленькій чемоданъ, бурка, азіятская шашка, если у кого таковая имѣется—вотъ и все. Передъ отъѣздомъ роспили неизмѣнную въ такихъ случаяхъ бутылку «донского». Рѣшено было, что въ виду различныхъ затрудненій переписываться мы не будемъ, но Поспѣловъ оставитъ свой адресъ Аннѣ Ивановнѣ, а я по окончаніи войны заѣду въ Т. Вошелъ слуга и доложилъ, что лошади готовы.

Я хотѣлъ-было распроститься, но Поспѣловъ настоялъ, чтобъ проводить меня за городъ, и сѣлъ со мною въ почтовую телѣжку. Когда городъ остался далеко за нами, Поспѣловъ уныло оглянулся и, обнявъ меня три раза крѣпко на крѣпко, глубоко вздохнулъ: «дай Богъ *тебѣ* всего хорошаго», тихо и отрывисто произнесъ онъ; въ его голосѣ дрожала слеза. Онъ вылѣзъ изъ телѣжки и взглянулъ на меня въ послѣдній разъ своими влажными глазами.

— Прощай, голубчикъ!

— Прощай, Поспѣловъ!

Ямщикъ взмахнулъ плеткой, тряхнулъ возжами, и телѣжка запрыгала по кочкамъ и ухабамъ... Я обернулся — вдали, на заворотѣ дороги, кто-то усиленно махалъ платкомъ. Я снялъ фуражку и поднялъ ее высоко надъ головой...

Война окончилась. Я долженъ былъ ѣхать обратно въ Б—ъ къ своей бригадѣ. Остановившись въ Т., я первымъ дѣломъ бросился въ знакомый переулокъ, къ Аннѣ Ивановнѣ. Анна Ивановна сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ и по прежнему что-то жевала; она меня встрѣтила нѣсколько удивленно, и на мой вопросъ о Поспѣловѣ отрицательно закачала головой: «Нэтъ Поспѣловъ, умерла Поспѣловъ!..» Какъ умеръ? когда? гдѣ? отчего?—Я былъ какъ громомъ пораженъ.

— Задъ іохтуръ—ничего не знаю!—отрѣзала старуха.

Я бросился въ Т—кое управленіе, въ военный клубъ, всюду, гдѣ могъ что-нибудь узнать о Поспѣловѣ. Извѣстіе оказалось вѣрнымъ. Незадолго до окончанія войны, Поспѣловъ былъ назначенъ въ паркъ, формировавшійся въ Александрополѣ. Какъ разъ въ то время тамъ свирѣпствовалъ тифъ. Поспѣловъ сдѣлался одной изъ его безчисленныхъ жертвъ. Въ «Инвалидѣ» объяснялось это такъ: «исключается изъ списковъ: умершій въ александропольскомъ военномъ госпиталѣ такого-то летучаго парка поручикъ Поспѣловъ». И только—больше ничего нельзя было узнать... Я вернулся въ гостинницу, заперся въ нумерѣ и далъ волю моимъ слезамъ. Только теперь, когда его не стало, я понялъ вдругъ всю силу привязанности къ этому человѣку. Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ изъ Т.

Но эта случайная и недолгая встрѣча опредѣлила всю мою жизнь: я отказался отъ честолюбивыхъ замысловъ на академическій значекъ и горячо принялся за образованіе солдата, котораго я всегда любилъ, а во время войны научился и уважать.

И теперь, сидя въ б—скомъ захолустьи, поглощенный скром-

ной и кропотливой дѣятельностью офицера и педагога, въ тяжелыя минуты тоски, разочарованія и завистливыхъ сожалѣній, я бужу въ себѣ недавнія воспоминанія, и тогда передо мной возникаетъ живымъ упрекомъ дорогой и свѣтлый образъ поручика Поспѣлова.

Ив. Щегловъ.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ МАЛОРУССКАГО СЛОВА.

„Московскимъ Вѣдомостямъ".

Едва въ прошломъ нумерѣ „Вѣстника Европы" напечатанъ былъ нашъ отвѣтъ „Современнымъ Извѣстіямъ" по вопросу о малорусскомъ словѣ, какъ появляется статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", написанная какимъ-то г. Соловьевымъ и озаглавленная: „Голосъ изъ глухой провинціи по поводу украинофильства". Авторъ вооружается противъ взглядовъ, выраженныхъ мною и гг. Южаниномъ и профессоромъ Тарасовымъ, о полезности допущенія малорусскаго нарѣчія въ сельскія школы. Г. Соловьевъ недоволенъ особенно Южаниномъ за то, что тотъ съ увѣренностью, устраняющей всякое возраженіе, утверждаетъ, что у украинофиловъ даже идеи сепаратистскихъ не только нѣтъ, но и не было, и что въ 1863 году г. Катковъ со Страстного бульвара провозгласилъ измышленный кіевскими сикофантами малороссійскій сепаратизмъ, а школьные урядники (т.-е. инспекторы народныхъ училищъ) рьяно принялись розыскивать и доносить о сепаратизмѣ. Я незнакомъ ни съ личностью профессора Тарасова, ни съ его сочиненіями; я не читалъ также Южанина и не знаю, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ, но достаточно и того мѣста, которое приводитъ г. Соловьевъ, чтобъ видѣть, что этотъ г. Южанинъ говоритъ сущую правду. „Голосъ изъ глухой провинціи" хочетъ насъ увѣрить, что сепаратизмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово, по отношенію къ малоруссамъ, принималось г. Катковымъ, измышленъ вовсе не кіевскими сикофантами, а польскими революціонерами. „Голосъ изъ глухой провинціи" думаетъ доказать это выхваченными мѣстами изъ добытыхъ во время слѣдствій надъ поль-

скими повстанцами и вообще соучастниками повстанья 1863 писемъ послѣднихъ, какія они пересылали другъ къ другу ранѣе. Всѣ эти отрывки почерпаются изъ единственнаго источника, изъ книжки, составленной въ Вильнѣ Гогелемъ: „Іосафатъ Огрызко" [1]). Изъ этой-то книжки глухая провинція извлекла три мѣста, которыми хочетъ подтвердить мнѣніе, что малорусскій сепаратизмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово теперь употребляется, измышлено поляками; но онъ показываетъ собственное свое непониманіе или желаніе не понимать настоящаго смысла того, на чемъ основывается, какъ на источникѣ. Такимъ образомъ приводится мѣсто изъ письма какого-то Горшковскаго къ Огрызкѣ, съ такимъ отзывомъ о пишущемъ настоящія строки: „Костомаровъ при всемъ талантѣ погибнетъ (разумѣется для польскаго дѣла), измельчаетъ... если онъ, проникнутый сепаратизмомъ съ ненавистью къ міру польскому, подниметъ вѣковую гробовую крышку прошедшаго народовъ". Въ этомъ мѣстѣ говорится о сепаратизмѣ по отношенію къ Польшѣ, а не по отношенію къ Россіи, и сепаратизмъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, совсѣмъ не то, что сепаратизмъ московскихъ газетъ и ихъ кіевскихъ сикофантовъ: сходство только въ имени. Поляки смотрѣли на малорусскую народность, какъ на вѣтвь польской и малорусское нарѣчіе выставляли какъ простонародный жаргонъ одной части Польши, а всякія попытки писать на этомъ нарѣчіи, считали враждебными польской національности выходками: вотъ, что̀ у нихъ называлось сепаратизмомъ и вотъ въ какомъ смыслѣ обвинялъ Горшковскій Костомарова! По воззрѣнію польскому всякій, кто занимается исторіею южной Руси, составлявшей нѣкогда часть польскаго государства, долженъ подчиняться польскимъ патріотическимъ взглядамъ, а кто относится къ исторіи борьбы казачества съ Польшею не такъ, какъ имъ хочется, того они обвиняютъ въ сепаратизмѣ. На такихъ же основаніяхъ въ Галичинѣ поляки смотрѣли, и до сихъ поръ продолжаютъ смотрѣть недружелюбно на всякія проявленія историческихъ взглядовъ, свободныхъ отъ привязанности къ шляхетскому строю „Рѣчи Посполитой", и на всякіе проблески южно-русскаго литературнаго развитія, увѣряя, будто въ Галичинѣ нѣтъ другого народа, кромѣ польскаго, и не должно быть иного національнаго языка, какъ только польскій! Все южно-русское писательство въ этомъ краѣ есть *сепаратизмъ* въ глазахъ поляковъ, потому что имѣетъ главною своею задачею *обособленіе* отъ *нихъ* южно-русской народ-

---

[1]) Наполненной самою нелѣпою ложью, такъ какъ авторъ безъ всякой критики относился съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что̀ находилъ въ письмахъ поляковъ, привлеченныхъ къ слѣдствію и суду, называя пренаивно такія письма „оффиціальными источниками".

ности, которую *они*, поляки, хотятъ заставить считать не болѣе, какъ польскимъ провинціализмомъ.

Въ такомъ же смыслѣ является сепаратизмъ и въ другой выпискѣ, извлеченной изъ письма какого-то президента с.-петербургскаго польскаго революціоннаго кружка, офицера Варацкаго, почерпнутой изъ той же книжки „Іосафатъ Огрызко": „Антоновичъ первый написалъ статью въ Основѣ въ январѣ 1861 г. противъ польскаго движенія, но изъ централизаціи писали (докторъ Лабудзинскій), что Антоновичъ отдѣлился только съ нѣкоторыми членами, что партія хлопомановъ дѣйствуетъ все-таки за-одно съ централизаціей, т.-е. съ польскими революціонерами". И здѣсь, очевидно, идетъ дѣло объ отдѣленіи малорусской народности отъ польской, какъ и въ предыдущей выпискѣ. Хлопоманами у поляковъ называлась та фракція польскихъ патріотовъ, которая играла изъ себя народолюбцевъ и показывала наклонность къ мужикамъ или хлопамъ. Естественно, что тѣ изъ этой фракціи, которые жили въ краѣ, заселенномъ южно-русскимъ простонародіемъ, должны были показывать любовь къ мужику южно-русскому, но они все-таки оставались по кореннымъ убѣжденіямъ поляками и еще болѣе, чѣмъ всѣ остальные поляки, становились въ разрѣзъ съ украинофилами, которые, дорожа историческими народными преданіями, скорѣе могли показывать ненависть къ польскому элементу, чѣмъ соединяться съ нимъ. Объ этихъ-то хлопоманахъ говоритъ въ приведенномъ письмѣ офицеръ Варацкій, увѣряя (и совершенно справедливо), что ихъ полякамъ бояться нечего, потому что они дѣйствуютъ за-одно съ централизаціей, т.-е. съ польскими революціонерами; исключеніе составляетъ Антоновичъ съ нѣсколькими, которые точно отдѣлились отъ поляковъ. Здѣсь идетъ рѣчь о Владимірѣ Вонифатьевичѣ Антоновичѣ, нынѣ достопочтенномъ профессорѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, который въ оное время возбудилъ противъ себя остервенѣніе у поляковъ за то, что, на основаніи своихъ убѣжденій и сознанія необходимости жить одною духовною жизнью съ южно-русскимъ народомъ, отрекся не только отъ польской національности, но и отъ католической вѣры. Вотъ онъ-то съ нѣкоторыми, весьма немногими, былъ истымъ *сепаратистомъ* по воззрѣнію поляковъ!

Третье мѣсто, заимствованное изъ той же книжки „Іосафатъ Огрызко", извлечено изъ письма какого-то члена с.-петербургскаго польскаго революціоннаго комитета и касается малорусскаго поэта Т. Г. Шевченка: „онъ (Шевченко) убѣдился, что между поляками есть личности, сочувствующія малороссамъ и раздѣляющія его (т.-е. Шевченка) сепаратистскія мнѣнія". И здѣсь, безъ самой крайней натяжки и самаго безцеремоннаго кривотолкованія, нельзя искать

того сепаратизма, о которомъ уже гораздо позже, черезъ два года послѣ смерти Шевченка, провозглашать начали „Московскія Вѣдомости“. Напротивъ, очень ясно, что одинъ изъ членовъ с.-петербургскаго польскаго революціоннаго комитета, говоря о Шевченкѣ, разумѣлъ подъ его сепаратистскими мнѣніями идеи обособленія южноруссовъ отъ поляковъ. Шевченко своими сочиненіями озлобилъ противъ себя польскихъ критиковъ за то, что выводилъ угнетенія, какія терпѣлъ южно-русскій народъ отъ поляковъ и вспоминалъ кровавую расправу этого народа надъ своими угнетателями, и, какъ обвиняли его польскіе критики, вооружалъ своихъ читателей противъ польской націи. Въ письмѣ, которое привелъ „Голосъ изъ глухой провинціи“, выписавъ его изъ книги „Іосафатъ Огрызко“, смыслъ тотъ, что Шевченко находилъ между поляками личности, сочувствовавшія справедливости малорусскихъ стремленій поставить свою южно-русскую народность въ самостоятельное обособленіе отъ польской, вопреки большинству поляковъ, не хотѣвшихъ видѣть въ этой народности ничего болѣе, какъ провинціальную отмѣну польской. Вотъ о какихъ сепаратистскихъ стремленіяхъ Шевченка тамъ говорилось.

Все показываетъ, что голосъ изъ глухой провинціи недостаточно изучилъ предметъ, о которомъ взялся разсуждать, и потому составилъ себѣ неясное представленіе о словѣ *сепаратизмъ*. Такъ какъ это слово одинаково употреблялось и поляками и „Московскими Вѣдомостями, съ ихъ корреспондентами, то онъ изъ того вообразилъ, что и у тѣхъ и у другихъ слово это значило одно и то же. Въ томъ-то и ошибка глухой провинціи! Она напоминаетъ нѣмца, который, знавши нѣсколько русскихъ, путешествовавшихъ по нѣмецкой землѣ, которыхъ по имени звали случайно Иванами Ивановичами, воображалъ, что всѣ русскіе непремѣнно Иваны Ивановичи! Такое же незнакомство съ предметомъ, о которомъ глухая провинція принялась судить, видно въ томъ, что, по ея приговору, допускать въ сельскія школы малорусской рѣчи не слѣдуетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глухая провинція себѣ самой противорѣчитъ, говоря такъ: „Само собою разумѣется, учителямъ сельскихъ школъ никто не возбранялъ и не возбраняетъ иногда прибѣгать къ разговорнымъ мѣстнымъ выраженіямъ для объясненія нѣкоторыхъ реченій, не совсѣмъ понятныхъ дѣтямъ, но въ подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ мѣстному языку и говору оказывается необходимымъ не только на югѣ, но и на сѣверѣ“. Если-бъ глухая провинція знала, что народное нарѣчіе на югѣ Россіи до того много заключаетъ особенностей, что право, допускаемое ею для сельскихъ учителей, прибѣгать къ разговорнымъ мѣстнымъ выраженіямъ съ цѣлью объясненія реченій, непонятныхъ дѣтямъ, равняется праву излагать предметъ по-малорусски; если-бъ глухая провинція знала это

обстоятельство, то, можетъ быть, иначе отнеслась бы къ моему предположенію издавать учебныя книги для сельскихъ школъ на двухъ нарѣчіяхъ, съ цѣлью скорѣйшаго и правильнѣйшаго ознакомленія съ *общерусскимъ* литературнымъ языкомъ.

Глухая провинція показываетъ претензію на остроты, но, увы! неудачно. Она сравниваетъ желаніе писать по-малорусски съ хлопотами Шишкова и его послѣдователей удержать въ русскомъ языкѣ такія слова, какъ доилица, мокроступы и т. п. Но всякій пойметъ ту разницу, что Шишковъ и его послѣдователи хотѣли вводить въ живую рѣчь слова, или выдуманныя и никогда не употреблявшіяся, или старыя, давно забытыя; украинофилы же хотятъ существующими въ живомъ народномъ языкѣ словами и оборотами рѣчи выражать, для ясности, передаваемыя народнымъ дѣтямъ научныя понятія.

Глухая провинція, впадая въ ошибочные взгляды по своему невѣдѣнію обсуждаемаго предмета, доходитъ, однако, до чистѣйшаго сикофантства и хочетъ взвести на украинофильство самыя дикія клеветы. Глухая провинція сообщаетъ намъ, будто на югѣ есть „меньшая, но самая многочисленная братія, полуграмотная, полуобразованная, которая съ заботами о введеніи мѣстнаго языка въ школѣ и съ изученіемъ малороссійской народной поэзіи соединяетъ недоброжелательство къ московщинѣ и, ради противодѣйствія москалямъ, идетъ очертя голову въ первый попавшійся подъ руку антиправительственный лагерь, хотя бы соціалистическій или террористическій. Не въ силу ли этой искусственной, развиваемой и извнѣ подогрѣваемой ненависти къ москалямъ отчасти и обогатился юго-западный край процессами о такъ называемыхъ соціалистахъ"?

Никто, надѣемся, кромѣ этого голоса изъ глухой провинціи, не скажетъ, чтобъ ему была извѣстна на югѣ между малоруссами какая-то меньшая, полуграмотная, полуобразованная, но многочисленная братія, которая, изъ любви къ мѣстному языку и народной поэзіи съ одной стороны, и изъ ненависти къ москалямъ съ другой, поступала въ антиправительственный соціалистическій или террористическій лагерь. Процессы, на которые намекаетъ глухая провинція, показали, что по всей Россіи между молодежью бродили превратныя идеи, доводившія до преступныхъ дѣйствій; но тѣ же процессы свидѣтельствуютъ, что такими превратными идеями охватывались головы равно всѣхъ—и великороссіянъ, и малороссіянъ, и поляковъ, и литвиновъ, и нѣмцевъ, и евреевъ, и грузиновъ, и армянъ и т. п., но чтобы въ юго-западномъ краѣ онѣ исходили изъ недовольства къ москалямъ какой-то меньшей, но многочисленной братіи, и чтобы съ такою ненавистью двигала къ преступленію любовь къ мѣстной рѣчи и народной поэзіи, на это никакіе процессы не указываютъ,—

это есть недобросовѣстная низкая ложь, не дѣлающая чести глухой провинціи, которая ее измышляетъ. Конечно, очень можетъ быть, что въ такихъ процессахъ впутаны были личности, занимавшіяся прежде малорусскою рѣчью и народною поэзіею, но виновный преступникъ за свое преступленіе и отвѣчаетъ, а занятія, которымъ онъ преданъ былъ прежде, не могутъ быть преслѣдуемы, иначе—мало ли изъ такихъ преступниковъ занимались, напримѣръ, какими-нибудь ремеслами; неужели, осудивши преступниковъ, открыть гоненіе на ремесло, которымъ преступникъ занимался?

Далѣе, глухая провинція вотъ какъ расходилась: „эта-то меньшая братія, начиная съ языка и съ народной малороссійской пѣсни, ради ненависти къ москалямъ, стремится провести какъ можно болѣе рѣзкую, хотя бы даже и искусственную грань между великороссами и малоруссами и въ стремленіи своемъ доходитъ до мелочнаго, комическаго пристрастія къ бараньей шапкѣ, красующейся на фотографіяхъ Шевченка, и до необходимости на маевкѣ варить галушки и кулешъ съ бараньимъ бокомъ".

Прежде всего, замѣтимъ мимоходомъ, что глухая провинція и въ этой тирадѣ, какъ-бы случайно, высказала незнаніе того предмета, о которомъ взялась писать и судить. Маевокъ у малоруссовъ нѣтъ; это обычай польскій. Если-бъ глухая провинція сколько-нибудь постаралась познакомиться съ тѣмъ, о чемъ начала толковать, то ей было бы извѣстно, что у малоруссовъ всякіе обычаи обозначаются не мѣсяцами, но праздниками. Малоруссъ не знаетъ іюня, августа, октября, декабря, января и т. д.; а знаетъ Петра, Спаса, Покрова, Риздво, Водохрещи и т. д. Но это мы замѣтили, какъ говоримъ, только мимоходомъ! Обратимся къ сути. Чтó, казалось бы, за дѣло глухой провинціи до бараньихъ шапокъ, до галушекъ, до кулиша (а не кулеша) съ бараньимъ бокомъ? Развѣ кто принуждаетъ глухую провинцію надѣвать бараньи шапки, ѣсть галушки и кулишъ? Нѣтъ. Но тутъ замѣчается историческое свойство — не Руси, но собственно Москвы, нетерпимость къ народнымъ особенностямъ племенъ, находящихся подъ одною державою съ московскимъ народомъ. Это историческое свойство сообщилось повсюду и оно-то отзывается въ такихъ голосахъ, которые выставляютъ себя идущими изъ глухой провинціи. Оно-то произвело недовольство къ малорусскому слову и всѣ инсинуаціи, которыя повлекли къ ограниченіямъ его свободнаго развитія. Хотѣлось бы этимъ господамъ все простонародіе подвести подъ одинъ ранжиръ, одѣть бы всѣхъ мужиковъ въ имперіи въ рубахи съ косыми воротами, заставить бы всѣхъ ѣсть и пить то, чтò ѣстъ и пьетъ великороссійскій мужикъ, живущій въ окрестности Москвы, и всякое развитіе въ интеллигент-

ной средѣ общества сковать въ измышленные нарочно обручи. Во всемъ, что̀ не хочетъ укладываться въ эти обручи, они находятъ вредъ для цѣлости государства, выдумываютъ разныя клеветы и возбуждаютъ власти, не знающія въ тонкости подробностей того, что̀ выставляется передъ ними въ дурномъ свѣтѣ. Такая злокачественная нота слышится и въ голосѣ изъ глухой провинціи! Мы скажемъ разъ навсегда всѣмъ голосамъ, которые готовы раздаться не только изъ глухихъ провинцій, но изъ обѣихъ столицъ и изъ большихъ городовъ, что всѣ мѣры стѣснить свободу малерусскаго слова и всякое недружелюбное отношеніе къ малорусской народности, выражающееся въ недопущеніи преподаванія въ сельскихъ школахъ по-малорусски, словоговоренія въ церквахъ, представленія въ театрахъ малорусскихъ пьесъ—не приноситъ ничего, кромѣ вреда. Ревнители объединенія Россіи, можетъ быть, побаиваются за малороссійскій народъ, чтобъ онъ, сознавши свою народную личность, не затѣялъ, при удобныхъ для того обстоятельствахъ, отложенія отъ русской державы; но такое опасеніе болѣе, чѣмъ неосновательно; оно безумно послѣ того, какъ исторія ясно указываетъ намъ на древнюю политическую связь этихъ вѣтвей русскаго народа: отторгнутая отъ этой связи малорусская вѣтвь постоянно рвалась къ возобновленію этой связи, достигла своей цѣли въ половинѣ XVII вѣка и съ тѣхъ поръ не только твердо стояла въ единствѣ съ русскою державою, но оказала ей спасительную помощь въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ,—кто, напримѣръ, выручилъ дѣло Петра съ Карломъ, какъ не малороссійскій народъ, не поддавшійся искусительнымъ обольщеніямъ Мазепы? Но, можетъ быть, уже отложенія малороссійскаго края теперь и не боятся, видя невозможность такого явленія, за то безпокоитъ ревнителей единства то, что у малоруссовъ есть свое особое нарѣчіе и свои жизненные пріемы отличные отъ великорусскихъ? Хотятъ (и это ясно видно), чтобы русскій литературный языкъ сталъ единымъ языкомъ и для великоруссовъ и для малоруссовъ! Но и это съ теченіемъ времени достигнется, только малоруссы желаютъ, чтобъ имъ дозволили достигнуть этого постепенно и совершенно свободно, чтобъ не запрещали малоруссамъ быть тѣмъ, чѣмъ ихъ природа и прежняя исторія устроили, и главное, чтобъ не держали надъ головою у нихъ палки, потому что чрезвычайно бьется эта проклятая палка (по выраженію Гоголя).

Н. Костомаровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1881.

Катастрофа 1-го марта.—Условія, при которыхъ начинается новая эпоха.—Недоконченныя и новыя задачи. — Громадность предстоящаго труда и его удобоосуществимость.—Циркулярная депеша 4-го марта и предложенія нашей реакціонной печати.

Перваго марта, разнеслась по городу ужасающая вѣсть, а за нею первый бюллетень:

„Сегодня, 1 марта, въ $1^3/_4$ дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго зáмка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно".

Почти вслѣдъ за этимъ первымъ бюллетенемъ, подписаннымъ врачами, г. министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ роковую вѣсть о кончинѣ Государя Императора, въ 3 часа 35 минутъ пополудни.

Трудно прибавить что-нибудь къ выраженіямъ той глубокой скорби, которая объяла въ эти тяжелые дни всѣхъ и каждаго,—и долго, долго будетъ трудно, смотря впередъ, не оглядываться назадъ, къ этому ужасному прошедшему,—такъ глубоко врѣзались черты впечатлѣнія того недоброй памяти дня.

Годъ тому назадъ, говоря о взрывѣ въ зимнемъ дворцѣ, мы указали на то, что эпоха политическихъ убійствъ началась въ Россіи именно тогда, когда не удались попытки распространенія революціонныхъ стремленій въ средѣ народа, другими словами—когда агитаторы убѣдились въ отсутствіи горючихъ матеріаловъ для насильственнаго переворота. „Какимъ же образомъ", спрашивали мы, „они могутъ думать, что условія, которыхъ имъ не удалось создать цѣлыми годами пропаганды, возникнутъ сами собою отъ выстрѣла или

взрыва? Лицомъ къ лицу съ ними стоитъ все тотъ же обманувшій ожиданія ихъ народъ, котораго не сдвинуть съ мѣста порохомъ или динамитомъ". Новымъ доказательствомъ этому послужили тяжелые дни, послѣдовавшіе за катастрофой 1-го марта. Несмотря на страшное потрясеніе умовъ и сердецъ, несмотря на тревогу, вызванную ужаснымъ преступленіемъ, общественное спокойствіе не было сколько-нибудь серьёзно нарушено ничѣмъ. Нѣтъ, политическимъ убійствамъ не суждено вліять на ходъ событій, взрывчатымъ снарядамъ не суждено сдѣлаться руководителями исторіи. Они могутъ, къ несчастію, устранить лицо, но не могутъ измѣнить положенія, никогда не обусловливаемаго *только* лицомъ, *однимъ* лицомъ. Не стоило бы жить на свѣтѣ, если бы отъ преступнаго замысла немногихъ лицъ, отъ случайнаго его исполненія зависѣла судьба общества и государства. Взлетѣть на воздухъ можетъ цѣлый совѣтъ министровъ, цѣлый парламентъ—для этого нужно только достаточное количество динамита и такое отсутствіе всякаго человѣческаго чувства, о которомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, мина на Малой Садовой; но порядокъ вещей, имѣющій тысячи корней и точекъ опоры, не можетъ быть ни подкопанъ, ни взорванъ—его можетъ только преобразовать упорная, энергическая работа многихъ соединенныхъ силъ, принимающая въ разсчетъ всѣ существующія условія и поддерживаемая, по крайней мѣрѣ пассивно, большинствомъ народа.

Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, въ Швейцаріи кто-то сравнилъ Рысакова съ Вильгельмомъ Теллемъ. Не въ историческихъ примѣрахъ, конечно, коренится главная причина политическихъ убійствъ послѣдняго времени; ссылка на В. Телля, вдобавокъ, не можетъ даже считаться историческимъ примѣромъ, потому что самое существованіе Телля болѣе чѣмъ сомнительно. Благодаря трагедіи Шиллера и отчасти, можетъ быть, оперѣ Россини, фигура Телля имѣетъ, однако, такую жизненную силу, какою обладаютъ немногія несомнѣнно историческія лица. Мы привыкли, съ самаго дѣтства, видѣть ее въ яркомъ, поэтическомъ свѣтѣ, привыкли сочувствовать легендарному герою лѣсныхъ кантоновъ или, по крайней мѣрѣ, оправдывать его самосудъ надъ Гесслеромъ. Въ этомъ сочувствіи, въ этомъ оправданіи можно найти нѣкоторую долю фальши, незамѣтную именно въ силу привычки; но есть ли въ немъ что-либо такое, что могли бы эксплуатировать въ свою пользу современные политическіе убійцы? По нашему мнѣнію—рѣшительно ничего. Не говоря уже о томъ, что стрѣла Телля была направлена въ одного Гесслера, не говоря уже о сверхчеловѣческомъ испытаніи, которому передъ тѣмъ подвергся самъ Телль, достаточно припомнить, что выстрѣлъ Телля предупредилъ лишь нѣсколькими днями или часами общее возстаніе швейцарцевъ

противъ иностранной тиранніи, что частная драма 1308-го года, если она дѣйствительно существовала, была прелюдіей къ несомнѣнно исторической моргартенской битвѣ 1314-го года. Когда владычество, чуждое народу, навязанное ему исключительно грубой силой, виситъ на волоскѣ, разрывающемся отъ одного удара, когда въ дѣйствіи отдѣльнаго лица воплощается намѣреніе или желаніе массы, тогда возможенъ прочный результатъ этого дѣйствія—возможенъ, повторяемъ, лишь потому, что онъ и безъ того былъ бы достигнутъ, что наступленіе его было только вопросомъ времени. Этихъ простыхъ соображеній, вполнѣ примѣнимыхъ и къ другому любимому примѣру революціонныхъ прокламацій—къ убійству Олоферна Юдиѳью,—достаточно, чтобы показать всю колоссальную, возмутительную нелѣпость сравненія, приведеннаго нами выше. Безцѣльность, безплодность политическихъ убійствъ остается общимъ правиломъ, за которое говоритъ вся исторія, и котораго не могутъ поколебать ссылки на преданія еврейской и швейцарской старины.

Память покойнаго Государя не нуждается въ похвальномъ словѣ, оно слагается само собою изъ воспоминаній о томъ, чѣмъ была Россія въ началѣ 1855 года. Характеристика перемѣны, происшедшей съ тѣхъ поръ въ положеніи народа и государства, была сдѣлана нами еще недавно, по поводу 19-го февраля 1880 года [1]). Когда двадцать шесть лѣтъ тому назадъ начиналось новое царствованіе, оно имѣло передъ собою порядокъ вещей одряхлѣвшій, насквозь проникнутый внутренней порчей, безсильный даже для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, къ которой онъ преимущественно былъ принаровленъ. Необходимость коренныхъ, всестороннихъ реформъ бросалась въ глаза—но для осуществленія ихъ нужно было все создать вновь: конечныя цѣли, планы, обстановку, орудія и средства. Заключившаяся тогда эпоха не завѣщала новой ни программы преобразованій, ни государственныхъ людей, способныхъ немедленно приступить къ преобразовательной работѣ. Общественная жизнь почти не существовала; политическій элементъ не находилъ себѣ мѣста даже въ журналистикѣ и литературѣ. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, періодъ преобразованій открылся вслѣдъ за окончаніемъ войны, истощившей и разорившей Россію. Правда, лучшая его пора продолжалась недолго; правда, во время реакціи, то усиливавшейся, то ослабѣвавшей, но никогда не прекращавшейся вполнѣ съ 1862-го по 1880-й годъ, часть достигнутаго утрачена вновь, часть исправленнаго—вновь испорчена; тѣмъ не менѣе многое, весьма многое, пріобрѣтено безповоротно—и благодаря этимъ пріобрѣтеніямъ, задачи,

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1880 г., № 3, „Внутреннее Обозрѣніе".

теперь стоящія на очереди, при всей своей громадности и сложности легче тѣхъ, разрѣшеніемъ которыхъ обусловливался первоначальный переходъ отъ застоя къ движенію.

Существенное значеніе имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, прежде всего тотъ фактъ, что вопросъ о возобновленіи преобразовательной работы былъ рѣшенъ утвердительно еще въ предъидущее царствованіе, въ тотъ послѣдній, короткій его періодъ, который обѣщалъ сдѣлаться наиболѣе сходнымъ съ блестящимъ его началомъ. Традиція реформъ передается новому царствованію не затемненною продолжительнымъ перерывомъ, а обновленною, живою. Дѣло, за которое слѣдуетъ взяться, въ главныхъ чертахъ уже намѣчено; требуется только расширеніе, дополненіе составленнаго плана и ускореніе мѣръ, направленныхъ къ его осуществленію. Въ разрывѣ съ прошедшимъ не предстоитъ надобности; онъ совершился уже въ минувшемъ году, когда обстоятельства, грозившія усиленіемъ реакціи, привели, на оборотъ къ ея прекращенію. Опытъ искорененія зла одними репрессивными мѣрами сдѣланъ былъ, въ 1879 г., въ такихъ размѣрахъ, дальше которыхъ идти нельзя; его исходъ устраняетъ всякую мысль о его повтореніи. Повороту назадъ, даже остановкѣ на одномъ мѣстѣ, противодѣйствуетъ, такимъ образомъ, весь смыслъ недавнихъ событій, все значеніе историческаго момента, переживаемаго Россіей. Непрочнымъ можетъ быть только то движеніе впередъ, которое предпринимается случайно, подъ вліяніемъ мимолетнаго порыва, въ направленіи, еще неизвѣданномъ и потому заманчивомъ—но не то, которое является возвращеніемъ на знакомую дорогу, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ отъ нея уклоненій. Заключая въ себѣ сознаніе сдѣланной ошибки, такое возвращеніе нелегко и рѣдко бываетъ произвольно; въ основаніи его лежитъ почти всегда настоятельная необходимость. Понятая въ февралѣ 1880 года, вслѣдъ за взрывомъ въ зимнемъ дворцѣ, эта необходимость остается очевидной, несмотря на несчастный день 1-го марта. Всего труднѣе, въ подобныхъ случаяхъ, первый шагъ; новая эпоха застаетъ его уже сдѣланнымъ—и въ этомъ несомнѣнное преимущество ея, сравнительно съ обстановкой, при которой открывался предшествовавшій періодъ.

Еще болѣе важнымъ преимуществомъ начинающейся эпохи слѣдуетъ признать количество силъ, которыми она можетъ располагать, на которыя она можетъ разсчитывать при всякой преобразовательной работѣ. Русское общество не представляется больше той безсловесной, безформенной массой, какою оно было или, по крайней мѣрѣ, казалось въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ его средѣ нѣтъ больше людей и сословій совершенно безправныхъ; крѣпостное право не стоитъ болѣе поперегъ всякаго движенія, всякой разумной и спра-

ведливой мѣры. Міръ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ перестал быть запретнымъ для русскаго образованнаго человѣка; полу-освобожденная печать, полу-организованное самоуправленіе, почти вполнѣ организованный новый судъ пріучили его мыслить и даже говорить объ общественныхъ интересахъ, позволили ему заботиться о нихъ на самомъ дѣлѣ, хотя и въ узкихъ рамкахъ, при крайне стѣснительныхъ условіяхъ. Число образованныхъ людей значительно возрасло, благодаря широкому развитію высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; въ глубь народа проникли первые лучи не только грамотности, но и просвѣщенія. Отсюда возможность, съ одной стороны, такихъ пріемовъ разработки и подготовки реформъ, съ другой стороны—такихъ размѣровъ самаго преобразованія, о которыхъ трудно было даже мечтать четверть вѣка тому назадъ. Не лишено, наконецъ, значенія и то, что послѣдняя восточная война уничтожила слѣды неудачи, понесенной нами въ 1854—56 гг., и надолго,—нужно надѣяться,—устранила всякій поводъ къ новому вмѣшательству Россіи въ турецко-славянскій вопросъ. „Внѣшняя политика Его Величества",—сказано въ циркулярной депешѣ нашего правительства отъ 4-го марта,—„будетъ вполнѣ миролюбивою... На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ; только долгъ защищать честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы".

Не перевѣшиваетъ ли, однако, всѣхъ указанныхъ нами выгодъ настоящаго положенія одна капитальная его невыгода—существованіе небольшой, но ни передъ чѣмъ не останавливающейся горсти людей, виновниковъ катастрофы 1-го марта? Возможно ли правильное, непрерывное движеніе впередъ, пока не побѣждены окончательно эти враги всякаго мирнаго прогресса? Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится уже отчасти во всемъ сказанномъ нами выше. Соціально-революціонная агитація, въ той формѣ, какую она съ нѣкоторыхъ поръ приняла у насъ въ Россіи, затрудняетъ ходъ преобразовательнаго процесса—это несомнѣнно; но въ самыхъ затрудненіяхъ заключается иногда стимулъ къ настойчивости—и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ случаевъ этого рода. Силою можно подавить возстаніе, можно положить конецъ открытому сопротивленію, — но нельзя предупредить преступленій, готовящихся въ тайнѣ и совершаемыхъ немногими отдѣльными лицами. *Одной* полиціи, *одному* суду эта задача не по силамъ, какъ бы бдительна ни была первая, какъ бы строгъ ни былъ послѣдній. Прочный результатъ можетъ быть достигнутъ только измѣненіемъ условій, при которыхъ появилась и развилась болѣзнь, не уступающая леченью огнемъ и желѣзомъ. Старинная медицинская поговорка: quod medicamentum non sanat, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis sanat—настолько же непри-

мѣнима къ данному случаю, насколько устарѣла воплотившаяся въ ней научная или, вѣрнѣе, мнимо-научная теорія. Усилить зло, увеличить его интенсивность, реформы не могутъ уже потому, что оно безъ того достигло крайняго своего выраженія; распространить его, увеличить его экстенсивность онѣ не могутъ потому, что съ умноженіемъ и расширеніемъ законныхъ путей развитія остается все меньше и меньше мѣста для подпольной работы. Лучшій противовѣсъ разрушенію—созиданіе. Скажемъ болѣе: если бы надежда на устраненіе зла путемъ реформъ и была лишена всякаго основанія, это не было бы аргументомъ противъ реформъ, разъ что доказана ихъ необходимость. Безуміе ничтожнаго меньшинства не можетъ и не должно останавливать поступательное движеніе цѣлаго народа. Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, существуетъ ли потребность въ преобразованіяхъ, и есть ли на лицо нужныя для нихъ условія и силы? Отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ, значитъ признать неотложность преобразованій, какъ бы удушлива ни была атмосфера, среди которой имъ суждено совершаться.

Первой задачей движенія, слѣдующаго за продолжительною реакціею, всегда бываетъ возстановленіе уничтоженнаго, исправленіе поврежденнаго, довершеніе недодѣланнаго. Кое-что въ этомъ направленіи сдѣлано уже въ прошедшемъ году, но остается сдѣлать еще чрезвычайно много. Изъ массы вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, выдѣляется прежде всего вопросъ крестьянскій, сохраняющій до сихъ поръ то господствующее значеніе, которое онъ имѣлъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Слабыя стороны системы, восторжествовавшей вслѣдъ за изданіемъ Положеній 19-го февраля 1861 г., нигдѣ не чувствуются такъ сильно, наслѣдство ея нигдѣ не оказывается столь тяжелымъ. Составляя одинъ изъ самыхъ лучшихъ законодательныхъ памятниковъ прошедшаго царствованія, Положеніе 19-го февраля не было однако чуждо недостатковъ, зависѣвшихъ отчасти отъ новизны и громадности дѣла, отчасти отъ тѣхъ препятствій, которыя оно встрѣтило съ самаго начала, отъ того упорнаго, отчаяннаго сопротивленія, которое ему пришлось преодолѣть. Если бы примѣненіе Положенія осталось въ тѣхъ же рукахъ, которыми оно было выработано, недостатки его были бы замѣчены, сознаны и по возможности устранены, прежде чѣмъ вредъ, вызываемый ими, успѣлъ бы достигнуть большихъ размѣровъ. Къ сожалѣнію, между составителями и исполнителями Положенія было слишкомъ мало общаго. Необходимыхъ поправокъ сдѣлано не было; заявленія о недостаточности надѣловъ, объ обременительности платежей были систематически игнорируемы или даже преслѣдуемы, какъ признакъ политической неблагонадежности; къ поддержанію экономическаго благосостоянія крестьянъ не

было принято никакихъ мѣръ; вліяніямъ, ему враждебнымъ, былъ предоставленъ полный просторъ или даже оказано, безъ намѣренія, нѣкоторое покровительство. Институтъ мировыхъ посредниковъ, созданный для разумнаго охраненія крестьянскихъ интересовъ и сначала, въ короткій медовый мѣсяцъ реформы, хорошо достигавшій своей цѣли, былъ сбитъ съ дороги, обезсиленъ, низведенъ на степень полицейскаго учрежденія. Когда несостоятельность его стала очевидной, онъ былъ замѣненъ мертворожденнымъ учрежденіемъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій—учрежденіемъ, единственнымъ властнымъ дѣятелемъ котораго является исправникъ, единственной реальной функціей — взысканіе недоимокъ. Къ этой послѣдней задачѣ пріурочивалось все больше и больше крестьянское самоуправленіе, пріурочивался даже крестьянскій судъ, цѣною постоянно возраставшихъ уклоненій отъ первоначальнаго ихъ призванія. Таково положеніе дѣлъ, изъ котораго требуется какъ можно скорѣе найти выходъ—какъ можно скорѣе потому, что къ основнымъ, давнишнимъ причинамъ обѣднѣнія крестьянъ послѣдніе неурожайные годы присоединили цѣлый рядъ другихъ, чрезвычайныхъ. Устраненіе малоземелья, облегченіе выкупныхъ платежей, очищеніе крестьянскаго самоуправленія отъ всѣхъ вредныхъ примѣсей и наростовъ, правильная организація крестьянскаго суда, передѣлки закона 27 іюня 1874 г.—все это можетъ быть выражено однимъ словомъ: возвращеніе къ Положеніямъ 19-го февраля, т.-е. не къ буквѣ ихъ, а къ духу и внутреннему смыслу. Этимъ не исчерпывается еще, однако, все содержаніе крестьянскаго вопроса, какимъ его ставитъ настоящая минута. Настало время опредѣлить, должно ли крестьянское населеніе оставаться *сословіемъ*, управляющимся и управляемымъ отдѣльно отъ другихъ слоевъ общества, должна ли сохраниться или пасть, вполнѣ или отчасти, окружающая его теперь перегородка? Настало время уменьшить не только выкупные платежи, но и вообще податную тягость, лежащую на крестьянствѣ. Настало время оградить крестьянъ отъ развивающагося въ ихъ собственной средѣ и тяготѣющаго надъ ними извнѣ кулачества, отъ эксплуатаціи ихъ труда, облеченной въ законную форму. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, крестьянскій вопросъ касается общаго экономическаго положенія Россіи, затрогиваетъ всю дѣйствующую систему налоговъ и кредита, напоминаетъ о несовершенствахъ нашего гражданскаго законодательства, сливается, однимъ словомъ, съ вопросомъ о будущемъ Россіи.

Судебная реформа пострадала въ эпоху реакціи, меньше, чѣмъ крестьянская—можетъ быть потому, что она сразу вылилась въ болѣе совершенную форму и меньше требовала поправокъ и дополненій. Возможно скорое примѣненіе ея къ окраинамъ Россіи, возста-

новленіе тѣхъ, сравнительно немногихъ ея положеній, которыя подверглись существенному нарушенію, призывъ къ жизни тѣхъ, также немногихъ, но крайне важныхъ ея сторонъ, которыя съ самаго начала оставались мертвою буквой—вотъ desiderata, сами собою приходящія на мысль при взглядѣ на судебные уставы 1864 года. Всего важнѣе, конечно, реализація великаго принципа, въ силу котораго лишеніе свободы или вообще, ограниченіе правъ немыслимо безъ приговора, произнесеннаго компетентнымъ судомъ, съ соблюденіемъ гарантирующихъ личность подсудимаго формъ и обрядовъ; но нетрудно замѣтить, что препятствія къ достиженію этой цѣли лежатъ внѣ круга дѣйствія судебныхъ уставовъ, что устранить ихъ можетъ реформа не въ области суда, а въ области администраціи, или лучше сказать въ области коренныхъ основъ государственнаго управленія. Радикальной перемѣны судебные уставы требуютъ только въ одномъ направленіи: правосудіе должно быть сдѣлано болѣе доступнымъ для массы населенія, путемъ приближенія къ ней суда и въ особенности путемъ упрощенія формъ судопроизводства.

Земскому дѣлу во всѣхъ отношеніяхъ посчастливилось у насъ гораздо меньше, чѣмъ судебному. Крайне несовершенное само по себѣ, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ потерпѣло чрезвычайно сильно отъ законовъ 1866 и 1867 г., изъ которыхъ первый положилъ предѣлъ нормальному возрастанію земскаго бюджета, а второй отдалъ гласность земской дѣятельности—въ руки губернатора, ея свободу—въ руки предсѣдателя, не избираемаго собраніемъ и часто даже не принадлежащаго къ его составу. Многолѣтній тяжелый опытъ доказалъ земству тщету его ходатайствъ, непрочность его самостоятельныхъ начинаній. И здѣсь, какъ въ крестьянскомъ вопросѣ, первымъ шагомъ впередъ должно быть возвращеніе къ первоначально изданному закону,—но остановиться на этомъ значило бы сдѣлать очень мало. Пересмотра и передѣлки требуетъ больше всего избирательная система, лежащая въ основаніи земскихъ учрежденій и устраняющая отъ участія въ нихъ цѣлые классы населенія, сравнительно богатые умственною силой; необходимо, затѣмъ, расширеніе круга дѣятельности земства и обезпеченіе этой дѣятельности, устраненіе препятствій, которыя она до сихъ поръ на каждомъ шагу встрѣчала. Въ городахъ избирательная система еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ въ уѣздахъ; она парализуетъ всѣ хорошія стороны Городоваго Положенія,—ею объясняется тотъ прискорбный, но несомнѣнный фактъ, что городское самоуправленіе принесло многимъ городамъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Съ вопросомъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи тѣсно связанъ вопросъ о народной школѣ. Можно сказать безъ преувели-

ченія, что она создана минувшимъ царствованіемъ,—такъ ничтожны были до тѣхъ поръ ея зачатки; но какими тормазами задерживалось ея развитіе въ продолженіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Устраненіе этихъ тормазовъ уже началось, но едва-ли оно приведетъ къ желанной цѣли, пока основой для существованія народной школы будетъ служить Положеніе 1874 года, вызванное недовѣріемъ къ земству, т.-е. къ той силѣ, которая одна только потрудилась серьёзно и плодотворно для дѣла начальнаго обученія. И здѣсь, слѣдовательно, рѣчь идетъ о чемъ-то гораздо бо̀льшемъ, чѣмъ простое возстановленіе дѣйствія закона, затемненнаго и извращеннаго административными инструкціями и „мѣропріятіями". То же самое слѣдуетъ сказать и о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищахъ. Менѣе настоятельна реформа въ положеніи университетовъ; уставъ 1863 г., опять получившій полную силу, представляетъ такую почву, на которой легко могутъ быть возведены всѣ дополнительныя постройки, требуемыя временемъ и отчасти уже предпринятыя въ продолженіе истекшаго года.

Изъ всѣхъ преобразовательныхъ мѣръ послѣдняго двадцатипятилѣтія ни одна, можетъ быть, не подвергалась столь частымъ и глубоко идущимъ ограниченіямъ и урѣзкамъ, какъ законъ 1865 года о печати. Наше мнѣніе о немъ извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы" [1]); напомнимъ только, что minimum необходимыхъ реформъ и здѣсь идетъ гораздо дальше возвращенія къ тексту закона. Узаконеніе произвола, въ формѣ административныхъ взысканій, очевидно отжило свой вѣкъ, и мы не теряемъ надежды, что предостереженія и запрещенія, на которыя слишкомъ щедръ былъ истекшій мѣсяцъ, заключатъ собою длинный мартирологъ подневольной русской печати. Весьма знаменательно, въ этомъ отношеніи, возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", т.-е. обращеніе къ суду въ такомъ дѣлѣ, для котораго цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ не существовало другого исхода, кромѣ административной расправы.

Итакъ, всѣ главные вопросы, надъ которыми трудилось, по которымъ многаго достигло минувшее царствованіе, опять стоятъ на очереди, опять требуютъ безотлагательнаго разрѣшенія. Не менѣе настоятельными представляются тѣ вопросы, которые намѣчены уже давно, но все еще не вышли изъ фазиса предварительной разработки. Сюда относятся реформы административная и податная, слишкомъ двадцать лѣтъ не двигающіяся съ мѣста; пересмотръ уголов-

---

[1]) См. іюньскую книгу 1880 г., „Внутреннее Обозрѣніе".

наго законодательства, остановившійся на крайне неполныхъ и неопредѣленныхъ основныхъ положеніяхъ 1879 года; пересмотръ узаконеній о расколѣ, до сихъ поръ не имѣющихъ ничего общаго даже съ вѣротерпимостью. Если прибавить къ этому вопросы, еще не поднятые оффиціально, но ежедневно поднимаемые жизнью (наприм., вопросъ о пересмотрѣ гражданскихъ законовъ); второстепенные, но далеко не маловажные вопросы внутренняго управленія (напр., вопросъ питейный, теперь, какъ и до отмѣны откуповъ, составляющій больное мѣсто въ нашемъ государственномъ и народномъ организмѣ); вопросъ объ окончательномъ устройствѣ нашихъ окраинъ, отодвинутый на второй планъ событіями послѣднихъ лѣтъ, но сохранившій свое глубокое жизненное значеніе,—то мы получимъ такую массу работы, которая съ перваго взгляда можетъ показаться непосильной для самаго энергическаго правительства. Затруднительность положенія увеличивается тѣмъ, что многіе—и притомъ важнѣйшіе—вопросы, тѣсно связанные между собою, требуютъ совокупнаго, одновременнаго рѣшенія. Таковы, напримѣръ, вопросы крестьянскій, земскій и административный. Нельзя организовать крестьянское управленіе и самоуправленіе, пока не будетъ извѣстно, какъ размежуются между собою—или въ какой степени сольются—администрація и земство, пока не будетъ установленъ новый или обновленный типъ наиболѣе мелкой территоріальной единицы.—Стóитъ, однако, только присмотрѣться поближе къ условіямъ задачи, чтобы убѣдиться въ возможности исполнить ее вполнѣ, и притомъ въ короткое, сравнительно, время.

Успѣхъ законодательной работы зависитъ отъ достаточно полнаго и хорошо провѣреннаго запаса матеріаловъ,—отъ наличности силъ, способныхъ творчески отнестись къ этимъ матеріаламъ, создать изъ нихъ нѣчто цѣльное, живое, и затѣмъ критически оцѣнить созданное, — отъ умѣнья устранить искусственныя преграды, задерживающія свободное движеніе предпринятаго дѣла. Надъ первымъ изъ этихъ условій трудилась, можно сказать, вся предшествовавшая эпоха; одна изъ главныхъ заслугъ ея—именно накопленіе и разработка фактическихъ данныхъ, прежде остававшихся неизвѣстными или попадавшихъ случайно и кое-какъ въ одни оффиціальные отчеты. Наука, литература, періодическая печать, судебныя рѣчи, пренія земскихъ собраній, работы земскихъ управъ и коммиссій—все способствовало изученію дѣйствительности, дѣйствительности будничной, реальной, ничѣмъ не прикрашенной и не прикрытой. По тому же пути шли, конечно не всегда, но довольно часто правительственные óрганы; къ той же цѣли направлены неоконченныя еще, но близкія къ окончанію, сенаторскія ревизіи. Мы имѣли уже случай замѣтить, что если онѣ и не раскроютъ ничего новаго, то непремѣнно подтвердятъ и закрѣ-

пять многое, раскрытое прежде, дадутъ оффиціальную санкцію выводамъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, и этимъ самымъ сильно подвинутъ впередъ пониманіе настоящаго, составляющее первый шагъ къ лучшему будущему. Въ силахъ для подготовки преобразованій также не можетъ оказаться недостатка, если только эта работа не будетъ предоставлена однѣмъ канцеляріямъ, если къ участію въ ней будетъ призвано общество. Двадцать лѣтъ тому назадъ изъ среды общества, только-что пробужденнаго къ жизни и не испытавшаго еще своихъ силъ на новой дорогѣ, вышли главные дѣятели крестьянской реформы; теперь, послѣ долгаго, тяжелаго искуса, отъ него можно и должно ожидать гораздо бóльшаго. Многое, конечно, будетъ зависѣть отъ способа обращенія къ обществу. Мѣсяца два тому назадъ министерство внутреннихъ дѣлъ, поставивъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ закона 27 іюня 1874 г., предложило его на обсужденіе земскихъ собраній; прецедентомъ для такого образа дѣйствій послужило, по всей вѣроятности, разсмотрѣніе земскими собраніями, въ 1870 или 1871 г., вопроса о податной реформѣ. Цѣлесообразнымъ его назвать никакъ нельзя. Не говоря уже о медленности, которую онъ неизбѣжно вноситъ въ движеніе вопроса, онъ влечетъ за собою напрасную трату силъ, ведетъ къ неполнотѣ, односторонности, раздробленности высказываемыхъ мнѣній, дѣлаетъ необходимымъ кропотливый трудъ группировки и классификаціи этихъ мнѣній, трудъ, совершаемый за кулисами и заглушающій собою живое слово общества. Дѣйствуя отдѣльно другъ отъ друга, земскія собранія могутъ или придти къ одностороннимъ заключеніямъ, непроизводительно повторивъ нѣсколько десятковъ разъ, съ начала до конца, одну и ту же работу, или—чтó гораздо вѣроятнѣе,—впасть въ разнорѣчіе между собою, обусловливаемое преимущественно невозможностью взаимной повѣрки взглядовъ и взаимнаго ихъ соглашенія. Можно сказать утвердительно, что мнѣніе, высказанное отдѣльнымъ земскимъ собраніемъ, не есть его окончательное мнѣніе, что оно существенно измѣнилось бы при соприкосновеніи съ другими, въ свою очередь существенно повліявъ на нихъ. Все сказанное нами въ особенности примѣнимо къ тѣмъ случаямъ, когда вопросъ предлагается на обсужденіе не одних только губернскихъ, но и уѣздныхъ земскихъ собраній; нѣсколько сотенъ мнѣній, очевидно, образуютъ лабиринтъ еще менѣе удобообозримый, чѣмъ нѣсколько десятковъ. А между тѣмъ, обратиться съ вопросомъ къ однимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, значило бы отказаться отъ возможности узнать взглядъ крестьянства, почти вовсе, какъ извѣстно, не имѣющаго представителей въ губернскихъ собраніяхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что совѣщаніе съ земствомъ должно быть облечено

въ другую форму, болѣе удобную и простую, въ такую форму, которая допускала бы свободный обмѣнъ мыслей и замѣняла бы массу безконечно разнообразныхъ заключеній мнѣніями большинства и меньшинства, основанными на всестороннемъ обсужденіи предмета. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ голосомъ земства долженъ быть выслушанъ голосъ тѣхъ мѣстностей Россіи, въ которыхъ еще не введены въ дѣйствіе земскія учрежденія. Гласность совѣщаній должна привлечь къ участію въ нихъ, черезъ посредство печати, все образованное общество, всѣхъ мыслящихъ людей, способныхъ имѣть и высказать свой взглядъ на дебатируемые вопросы. При такой постановкѣ дѣла, при такомъ способѣ работы, достаточно было бы устранить нѣкоторые, указанные нами прежде [1]) техническіе недостатки нашего законодательнаго механизма, чтобы достигнуть скораго и возможно-удовлетворительнаго результата.

Преобразовательная работа, совершенная съ участіемъ общества —если только участіе это перестанетъ быть чѣмъ-то экстраординарнымъ, случайнымъ,—представляетъ еще одно, существенно важное преимущество: преимущество прочности, устойчивости. Мы видѣли уже, что въ минувшемъ періодѣ нашей исторіи каждому шагу впередъ соотвѣтствуетъ шагъ назадъ, что ни одна реформа (за исключеніемъ развѣ военной) не была доведена послѣдовательно до конца, ни одна не уцѣлѣла даже въ первоначальномъ своемъ видѣ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что опасеніе такой же участи для новыхъ реформъ парализуетъ, въ значительной степени, возлагаемыя на нихъ надежды и мѣшаетъ общему подъему духа, столь важному въ переживаемыя нами критическія минуты. Параллельно съ потребностью въ реформахъ растетъ потребность въ гарантіяхъ, въ гарантіяхъ для лицъ и для учрежденій. Гарантія—это увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимая въ общественной жизни не меньше, чѣмъ въ частной; это залогъ правильнаго, безповоротнаго развитія, это ручательство въ томъ, что обществу не придется, какъ Сизифу, постоянно повторять одну и ту же работу, и какъ Танталу—никогда не пользоваться ея плодами.

Въ циркулярной депешѣ 4-го марта, на которую мы уже одинъ разъ ссылались, выражено намѣреніе Государя Императора „посвятить себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами *экономическими* и *соціальными*, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ". Эти знаменательныя слова объ-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1880 г., № 11, „Внутреннее Обозрѣніе".

щаютъ чрезвычайно много. Признавать существованіе соціальныхъ вопросовъ, заниматься ими не только для того, чтобы отрицать ихъ, значило, по господствовавшему до сихъ поръ или, по крайней мѣрѣ, сильно распространенному взгляду, приближаться или примыкать къ соціализму и, слѣдовательно, рисковать причисленіемъ къ врагамъ общественнаго строя. Въ основаніи недоразумѣній, иногда сознательныхъ, иногда невольныхъ, лежала эластичность самого понятія о соціализмѣ, примѣнимаго къ взглядамъ, имѣющимъ весьма мало общаго между собою. Попытки насильственной ломки всего существующаго смѣшивались, подъ прикрытіемъ неопредѣленнаго слова, съ стремленіями къ мирному, постепенному измѣненію тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній. Такому смѣшенію долженъ наступить конецъ, разъ что провозглашена оффиціально неотложность соціальныхъ вопросовъ, неотложность ихъ у насъ, какъ и во всей Западной Европѣ. Естественный выводъ отсюда—свобода изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ, въ широкихъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Этой свободой не пользовалась у насъ даже наука, указанія которой—единственное надежное руководство для дѣятельности правительства и общества. Пора перенести борьбу на ту почву, которая до сихъ поръ почти всецѣло была предоставлена подпольной агитаціи; пора извлечь изъ ея рукъ и обратить противъ нея одно изъ главныхъ ея орудій. Ея утопическимъ планамъ и преступнымъ средствамъ должна быть противупоставлена широкая практическая программа, исполнимая путемъ реформъ, безъ замѣшательствъ и потрясеній.

Съ высоты, на которую поднимаетъ насъ депеша 4-го марта, тяжело спуститься въ область нашей реакціонной печати, опять повысившей тонъ послѣ недавней катастрофы и нашедшей себѣ, къ сожалѣнію, союзниковъ въ такихъ органахъ какъ „Русь", какъ „Современныя Извѣстія". Мы коснемся этого мало привлекательнаго предмета только для того, чтобы показать, какъ мелко плаваютъ фанатики репрессивныхъ мѣръ, ничему не наученные опытомъ 1878-го и 1879-го годовъ. Единственная новая мысль, пущенная ими въ оборотъ —это перенесеніе столицы изъ Петербурга въ Москву. Она была бы, до извѣстной степени, понятна, если бы въ Петербургѣ произошло открытое возстаніе или, по крайней мѣрѣ, явное нарушеніе порядка, если бы спокойствію правительства грозила здѣсь такая опасность, какая побудила Тьера и національное собраніе промѣнять Парижъ на Версаль. Ничего подобнаго не было и нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Къ событію 1-го марта Петербургъ отнесся съ тѣмъ же чувствомъ негодованія и скорби, какъ и Москва; спокойствіемъ и порядкомъ онъ

не уступалъ и не уступаетъ другимъ городамъ Россіи. Что касается до минъ или бомбъ, то напрасно было бы искать противъ нихъ гарантіи въ перемѣнѣ мѣста пребыванія правительства; припомнимъ взрывъ 19-го ноября, происшедшій именно въ Москвѣ, припомнимъ приготовленія къ взрывамъ въ Николаевѣ, въ Александровскомъ уѣздѣ. Само собою разумѣется, что будущее Россіи не зависитъ отъ того, останется ли столица въ Петербургѣ или будетъ перенесена въ Москву. Этотъ вопросъ имѣлъ жизненное значеніе полтораста лѣтъ тому назадъ, когда возвращеніе въ Москву могло сдѣлаться равносильнымъ возвращенію къ до-петровскимъ преданіямъ; теперь Москва почти столь же близка къ Европѣ, какъ и Петербургъ, и съ закрытіемъ „прорубленнаго окна" можно было бы легко помириться, разъ что настежъ раскрыты двери. Возражая противъ предложенія, сдѣланнаго „Русью" и поддержаннаго всею реакціонной печатью, мы имѣемъ въ виду не опасность предлагаемой мѣры, а безсиліе мысли, которое въ ней отразилось. Немного хорошаго можно ожидать отъ тѣхъ совѣтниковъ, которые думаютъ устранить дисгармонію пересадкой съ мѣста на мѣсто. Къ той же категоріи мѣръ, скользящихъ по поверхности и бьющихъ мимо цѣли, слѣдуетъ отнести проектъ раздѣленія жителей столицы на группы, съ взаимнымъ ручательствомъ и взаимною отвѣтственностью членовъ группы и съ удаленіемъ всѣхъ тѣхъ, за которыхъ никто не захочетъ поручиться. Чтобы доказать несостоятельность этого проекта, стóитъ только спросить себя: нашлись ли бы поручители за Рысакова, разумѣется наканунѣ 1-го марта? Безъ сомнѣнія, нашлись бы, и притомъ изъ числа людей столь же благонадежныхъ, какъ и тѣ, которые способствовали опредѣленію Рысакова въ горный институтъ. Какимъ взысканіямъ—спросимъ дальше—слѣдовало бы подвергать членовъ группы, къ которой принадлежалъ преступникъ? Денежнымъ? Практика политическихъ процессовъ доказала ихъ безцѣльность. Личнымъ? Они возмутили бы чувство справедливости, упадая на людей, виновныхъ только въ неумѣньѣ угадывать будущее. Чтó стали бы дѣлать тѣ тысячи лицъ всѣхъ сословій, которыя пріѣзжаютъ въ столицу, никого тамъ не зная? Какимъ образомъ система взаимныхъ ручательствъ могла бы предупредить появленіе въ столицѣ на короткое время людей, дѣйствительно опасныхъ? Если бы эта система была распространена на всю Россію, то куда слѣдовало бы удалять людей, не принимаемыхъ ни одною группой? Кто отвѣчалъ бы за члена группы во время его отлучекъ изъ мѣста жительства? Такихъ вопросовъ можно было бы сдѣлать еще очень много, но едва ли въ этомъ предстоитъ надобность: слабость измышленія, противъ котораго мы возражаемъ,

слишкомъ очевидна. Ошибочно было бы думать, однако, что подобныя измышленія на столько же безвредны, на сколько неудобоисполнимы. Они отводятъ глаза отъ настоящихъ вопросовъ минуты, пріучаютъ искать спасенія въ лекарствахъ, могущихъ только усилить болѣзнь. Послѣднее слово на этомъ пути—*терроръ*, и оно было уже произнесено во всеуслышаніе. Репрессія, безъ сомнѣнія, необходима; но разница между репрессіей и терроромъ заключается въ томъ, что первая поражаетъ только виновныхъ, а послѣдній не разбираетъ правыхъ и виноватыхъ. Репрессія вполнѣ совмѣстима съ самыми широкими реформами; терроръ исключаетъ ихъ возможность. Чѣмъ сильнѣе закипитъ преобразовательная работа, тѣмъ скорѣе исчезнутъ послѣдніе слѣды гнета, подъ которымъ стараются держать Россію террористы обоихъ крайнихъ направленій.

Судя по смыслу высочайшаго повелѣнія, 18-го марта, судя по первымъ мѣрамъ, направленнымъ къ его исполненію, можно сказать утвердительно, что правительство, несмотря на возгласы реакціонной печати, не намѣрено идти дальше репрессіи, въ ея законныхъ, необходимыхъ предѣлахъ. „Его Императорское Величество—сказалъ градоначальникъ, предъ избраніемъ совѣта выборныхъ, выражая твердую волю свою, рядомъ энергическихъ и послѣдовательныхъ мѣръ, положить конечный предѣлъ нарушенію покоя въ столицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ изволилъ повелѣть, чтобы сказанныя крутыя мѣры, будучи безпощадными, въ то же время *ничѣмъ не стѣсняли честныхъ людей*". Въ строгомъ различеніи правыхъ отъ виноватыхъ лежитъ, какъ мы уже сказали, демаркаціонная линія между репрессіей и терроромъ. Въ соединеніи „людей опыта" съ „людьми исполненія, совѣщательнаго элемента съ административнымъ, можно видѣть хорошее предзнаменованіе для общаго направленія преобразованій: то, что понадобилось теперь для репрессіи, окажется еще болѣе необходимымъ для всякой организаціонной работы.

АѲИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Итоги новаго Парижа.

„Die Welt geht auseinander, wie ein fauler Fisch;—
„Wir wollen sie nicht balsamiren".

Göthe, Faust.

Любите ли вы Францію? Не смѣйтесь надъ этимъ вопросомъ. Намъ русскимъ сдѣлали за-границей репутацію полуфранцузовъ, культурныхъ людей, говорящихъ по-французски „comme des anges", проникнутыхъ симпатіей ко всему французскому, чуть ли не въ мигъ влѣзающихъ въ кожу истыхъ парижанъ. Но правда ли это? Я прямо говорю—неправда. Тотъ классъ общества, который усвоилъ себѣ, со временъ императрицы Елизаветы Петровны, привычку говорить по-французски, совсѣмъ не любитъ Франціи, ея высокихъ качествъ и заслугъ передъ всѣмъ человѣчествомъ. Этотъ классъ не можетъ до сихъ поръ понимать, настоящимъ образомъ, исторію французскаго народа, его творческій геній, его двигательную неумирающую силу. Этотъ классъ, если онъ желаетъ быть послѣдовательнымъ, обязанъ, напротивъ, относиться пренебрежительно и высокомѣрно ко всему, что̀ Франція выработала съ эпохи революціи; а не забудемъ, что этотъ-то классъ и считается *офранцуженнымъ*, въ немъ дѣйствительно и слышится обязательный французскій языкъ. Но и самый этотъ языкъ—условный жаргонъ, то, что̀ парижане называютъ „baragouin". Иначе оно и быть не можетъ. Масса болтающихъ русскихъ и въ столицахъ, и въ губернскихъ городахъ, и въ усадьбахъ, употребляютъ смѣшной, совершенно дѣланный „argot", гдѣ, что ни слово, то плохое произношеніе звуковъ, что ни фраза, то ошибка отъ смѣшенія русскихъ оборотовъ съ французскими. Сообразите, какое лживое и смѣшное зрѣлище представляетъ это столѣтнее упражненіе во французскомъ языкѣ. Говоримъ мы все-таки плохо, и вся наша французоманія не сказалась до сихъ поръ (въ томъ обществѣ, которое употребляетъ французскій языкъ) никакими серьёзными симпатіями къ французскому народу, его борьбѣ, двигательнымъ идеямъ.

А Парижъ? Онъ привлекалъ и привлекаетъ всякаго русскаго шалопая, каждаго отставного крѣпостника, генерала не у дѣлъ, желѣзно-дорожника, дамочку, всѣхъ безъ исключенія хищниковъ и паразитовъ русской земли. Но сто̀итъ вамъ только поговорить съ какимъ-

нибудь молодымъ дипломатомъ или солиднымъ администраторомъ „изъ новыхъ" о Парижѣ и Франціи, и вы сейчасъ увидите, что эти господа смотрятъ на Парижъ только какъ на полу-приличное мѣсто своей игривости, серьёзно-же относиться къ французскому народу не могутъ. У нихъ всегда явится презрительная усмѣшка, а потомъ пойдутъ и свѣтски-ругательные эпитеты. Такіе господа обыкновенно выставляютъ на показъ свои нѣмецкіе и англійскіе идеалы. Это было и во времена второй имперіи (я лично имѣлъ нѣсколько такихъ разговоровъ), не измѣнилось и теперь, а напротивъ, еще усилилось съ тѣхъ поръ, какъ Франція управляется простыми смертными, и президентъ республики, по части честолюбивыхъ страстей, имѣетъ только страсть къ бильярду.

Но въ русской интеллигенціи бывало и другое. Лѣтъ тридцать слишкомъ тому назадъ пріѣхалъ въ Парижъ прямо изъ Москвы русскій писатель, истое дитя нашей старой столицы, вобравшій въ себя и впечатлѣнія богатаго барства, и вкусъ къ университетской наукѣ, и ширь дружескихъ бесѣдъ и порываній. Парижъ былъ для него лучезарной звѣздой, въ немъ онъ почувствовалъ себя человѣкомъ и гражданиномъ послѣ домашней духоты. Но даровитый москвичъ не палъ ницъ передъ всѣмъ, чѣмъ были тогда Франція и Парижъ; ему скоро сдѣлалось горько при видѣ торжествующей, разжившейся буржуазіи съ доктринерами во главѣ, онъ чутче всякаго француза предвидѣлъ близость катастрофы. Послѣ поѣздки въ Италію, гдѣ римское движеніе исполнило его высокой гражданственной поэзіи, гдѣ онъ жилъ такъ, какъ никогда и нигдѣ не жилъ, вѣсть о февральской революціи заставила его сангвиническое сердце еще сильнѣе забиться. Это былъ моментъ, когда онъ вѣрилъ въ движеніе, потокомъ охватившее всю Европу,—вѣрилъ въ возможность гармоническаго рѣшенія страшнаго соціальнаго вопроса. Перечтите страницы, гдѣ онъ вылилъ свои упованія и радости; вотъ вамъ и русскій баринъ, москвичъ, воспитанный на гувернерахъ, въ средѣ патріархальнаго крѣпостничества, а какое видно въ немъ родство со всѣми тѣми людьми, въ комъ сказалась высшая доблесть Франціи.

Парижъ именно такой городъ, къ которому нельзя отнестись сразу цѣльнымъ безповоротнымъ отношеніемъ. Онъ точно прекрасная собой, даровитая и обаятельная женщина, нервная, полная недостатковъ, способная иногда на возмущающія выходки! Прежде чѣмъ у васъ установится гармоническая связь, вы будете навѣрно проходить черезъ минуты и полосы возмущенія, горечи, гнѣва и даже презрительнаго чувства. У русскаго, попавшаго въ Парижъ въ 1847 году, не могла еще выясниться такая гармоническая связь; онъ разстался на-долго съ Франціей, отдавшейся Бонапарту, а пріѣхалъ умирать

въ Парижъ, опять-таки, въ концѣ второй имперіи. Подъ натискомъ событій, въ тревогахъ и работѣ публициста-эмигранта, подъ извѣстнымъ только угломъ зрѣнія, онъ былъ оттиснутъ отъ Франціи и Парижа, не могъ наблюдать прямо своими глазами, остановился, быть можетъ, слишкомъ скоро, на нѣкоторыхъ выводахъ, увлекался, кромѣ того, всегда, до конца дней, своимъ собственнымъ блескомъ, способностью на игривыя и мѣткія сближенія, афоризмы и приговоры. Поживи онъ еще лишній десятокъ лѣтъ, и навѣрно изъ-подъ пера его вышла бы другая характеристика націи, создавшей громадный городъ на берегахъ Сены.

Недавно молодой, чрезвычайно даровитый, итальянскій писатель-реалистъ напечаталъ книгу на двухъ языкахъ о Парижѣ и парижанахъ. Ея содержаніе было передано русскимъ читателямъ и въ газетныхъ извлеченіяхъ. Характеристика Парижа и парижанъ, сдѣланная итальянскимъ писателемъ, написана съ завлекательнымъ мастерствомъ, горячо, живо, óбразно. Онъ уходитъ въ болѣе детальный разборъ, ничего не замазываетъ, ни съ чѣмъ не мирится, чтó само по себѣ мелко, лживо, отстало или возмутительно, но кончаетъ все-таки выводами, проникнутыми теплымъ *пониманіемъ*. Вотъ его заключительныя страницы:

„Чѣмъ болѣе изучаете вы этотъ городъ, тѣмъ сильнѣе поражаетъ васъ та громадная работа, которая идетъ здѣсь, подъ этой веселой, фривольной внѣшностью; сколько людей трудится, не щадя силъ, въ уединеніи, въ неизвѣстности, готовясь выступить на борьбу; какъ не только каждый родъ ума, но даже каждая особенная способность, какъ бы она ни была посредственна, находитъ себѣ поприще, на которомъ она можетъ изощряться на пользу себѣ и другимъ; какъ всякій обнаружившійся талантъ тотчасъ же бываетъ окруженъ симпатіями интеллигентнаго, дружескаго кружка, помогающаго ему идти далѣе и развиваться; какъ малѣйшіе задатки успѣха въ области интеллигенціи возбуждаютъ во всѣхъ классахъ чувство любопытства и уваженія, и преждевременная почесть, воздаваемая нарождающейся славѣ, помогаетъ ей сдѣлаться дѣйствительной славой. Удивляешься, какой могущественный импульсъ даетъ человѣческимъ силамъ увѣренность въ томъ, что успѣхъ ведетъ за собой немедленную радикальную перемѣну въ матеріальномъ положеніи, потому что торжество интеллигенціи такъ велико и упоительно въ этомъ городѣ, что не успѣлъ онъ привѣтствовать ее, какъ она уже получаетъ привѣтствія неизвѣстныхъ почитателей и предложенія изъ всѣхъ частей свѣта. Человѣку, потерпѣвшему неудачу на какомъ-нибудь поприщѣ, остается открытой сотня другихъ путей, если только онъ согласится хотя на одинъ градусъ сократить свою претензію на славу. Забыв-

чивая натура великаго города не даетъ никому успокоиться на одномъ тріумфѣ и заставляетъ всѣхъ непрестанно являться на состязаніе. Вотъ причина, почему мы видимъ тамъ столько плодотворныхъ жизней, столько воинствующихъ стариковъ, примѣръ которыхъ возбуждаетъ страсть къ труду въ послѣдующихъ поколѣніяхъ; и нигдѣ, наконецъ, вы не найдете столько неоконченныхъ трудовъ, опытовъ, плановъ весьма почтенныхъ произведеній, но осужденныхъ безслѣдно погибнуть тамъ, гдѣ они родились, потому что они задавлены изобиліемъ лучшаго.

„Когда вы присмотритесь ко всему этому, пребываніе въ Парижѣ становится вамъ дорого и полезно, и дорого уже тѣмъ, что вы видите, какъ работаетъ эта колоссальная машина, какъ она вбираетъ въ себя, давитъ, сжимаетъ, совершенствуетъ, преображаетъ неисчерпаемый матеріалъ таланта, богатства, молодости, честолюбія, мужества, который вся Франція и весь міръ безпрерывно бросаетъ подъ ея ужасныя колеса, какъ она выбрасываетъ съ противоположной стороны великія имена, разрушенныя знаменитости, высокія произведенія, безсмертныя слова, переломанныя кости, оружіе, драгоцѣнности и увеселенія, которые вся Франція и весь міръ не устаютъ подбирать и комментировать. Извольте быть цензоромъ этого колосса! Нападайте на нихъ за то, что они пьютъ абсентъ, поютъ фальцетомъ и что ихъ жены дожидаются у дверей кафе. Какой педантизмъ!

„Но и это еще не окончательное впечатлѣніе, произведенное Парижемъ. Проживъ тамъ долгое время, пройдешь еще черезъ другіе восторги и разочарованія. Не разъ вы будете возвращаться къ себѣ домой между этими безконечными рядами огней, всѣмъ пресыщенные, съ смертельной тоской и неостылой любовью къ отечеству въ сердцѣ. Потомъ, въ одинъ прекрасный осенній день вы помиритесь съ городомъ, присутствуя на какомъ-нибудь изъ его радостныхъ порывовъ, способныхъ развеселить самую мрачную душу. Въ другой разъ маленькое униженіе, нелѣпый каламбуръ, повторяемый милліономъ устъ, какая-нибудь возмутительно-грязная, скабрёзная сцена, тяжелое свинцовое небо, измѣняющее видъ всѣхъ предметовъ, съ такой силой пробудятъ въ васъ всѣ ваши антипатіи, что вы пожелаете, чтобы ураганъ смелъ съ лица земли этотъ городъ. Но вскорѣ вамъ станетъ стыдно за это желаніе; вы раскаетесь въ немъ, когда подумаете о той пустотѣ, которая бы сдѣлалась въ вашемъ умѣ, если бы вдругъ изъ него вышло все, что̀ этотъ городъ далъ ему, начиная съ вашего дѣтства и до сего дня. До послѣдней минуты Парижъ будетъ причинять вамъ тысячу неудовольствій и тысячу радостей, какъ нервная хорошенькая женщина; и вы испытаете всѣ приливы и отливы страсти. Сегодня вы у ногъ ея, завтра вы въ

припадкѣ бѣшенства готовы нанести ей самое грубое оскорбленіе, и потомъ опять, подъ вліяніемъ ея чаръ, просите у ней прощенія. Но вы чувствуете, что связь между вами и ей становится все тѣснѣе. Болѣе чѣмъ когда-либо это чувствуется при отъѣздѣ, когда вы въ послѣдній разъ проходите быстро посреди всей этой необычайной роскоши бульваровъ и видите унылую полутьму желѣзно-дорожной станціи, громадной и съ голыми стѣнами. Въ эти минуты какъ бы вы ни желали увидѣть свое отечество, но вами овладѣваетъ глубокая печаль при мысли, что вы возвращаетесь въ этотъ мизерный, величиной съ дортуаръ, городъ, откуда вы пріѣхали, и вы прислушиваетесь въ послѣдній разъ къ парижскому гулу, съ желаніемъ, съ сожалѣніемъ, съ мучительной, невыразимой тоской... И изъ глубины вагона, въ темнотѣ, вы видите этотъ городъ такимъ, какимъ вы видѣли его въ прекрасное іюльское утро съ высоты Notre-Dame, перерѣзаннымъ голубой, извилистой Сеной, съ его далекимъ фіолетовымъ горизонтомъ, необъятнымъ и дымящимся. „О! прекрасная и страшная грѣшница! восклицаете вы тогда: я все отпускаю тебѣ, и хотя бы мнѣ пришлось погубить свою душу—люблю тебя“.

Я привелъ слова итальянца въ чужомъ, хорошемъ изложеніи.

Такого детальнаго пониманія ждутъ Парижъ и Франція и отъ насъ, русскихъ. Пора намъ сбросить съ себя старое салонное обезьянство. Надо рѣзко разграничить два стана русскихъ людей: одинъ, гдѣ говорятъ по-французски, но не любятъ и не понимаютъ Франціи, и другой, гдѣ не кичатся своимъ произношеніемъ, гдѣ, можетъ быть, и совсѣмъ не умѣютъ говорить по-французски, но гдѣ не переставали, даже изъ далека, изъ какой-нибудь русской глуши и трущобы, вбирать въ себя то, что̀ геній Франціи далъ человѣчеству прекраснаго. Франко-прусская война произвела временный расколъ и въ нашемъ обществѣ, по этой части. Я лично убѣдился въ томъ, быть можетъ, болѣе другихъ. А позднѣе развѣ вы не читали, въ послѣднія десять лѣтъ, въ очеркахъ Парижа, вышедшихъ изъ-подъ пера писателей, не славянофиловъ (но считающихъ свой взглядъ самымъ народнымъ), страницъ, гдѣ вы находите, подъ мягкой формой, уничтожающіе приговоры, гдѣ авторъ желаетъ вамъ показать, какъ эта хваленая цивилизація подъѣдена, дать вамъ почувствовать, что у него-то и у его соотечественниковъ и хранится живая вода, способная все это возродить?

Да, къ Парижу надо присмотрѣться! Когда пройдетъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ и начинаешь припоминать рядъ впечатлѣній отъ этого города, цѣлыхъ полосъ жизни, длившихся годами, обозрѣвать въ умѣ, что̀ было писано самимъ, разумѣется, повинишься въ личномъ

чувствѣ, въ недостаточной выдержкѣ, какую бы слѣдовало всегда имѣть, подводя итоги, обобщая.

И вотъ, по прошествіи пятнадцати лѣтъ знакомства съ Франціей, послѣ смѣны впечатлѣній отъ этого Парижа, послѣ второй имперіи, войны, коммуны, Тьера и Макъ-Магона, говоришь „спасибо" французскому народу, чувствуешь, что нигдѣ во всемъ мірѣ иностранецъ не можетъ быть такъ у себя дома, какъ въ Парижѣ, нигдѣ онъ не въ состояніи такъ сливаться съ жизнью цѣлаго двухъ-милліоннаго города. Пріѣхали вы домой, хоть и усталый и недовольный многимъ, а, припоминаешь, и вмѣсто ворчанья, брезгливыхъ возгласовъ и придирокъ является цѣльное воспоминаніе, полное сочувствія. И сдѣлается это само собой, безъ всякаго подговариванья и натяжки.

И вамъ хочется опять туда, посмотрѣть: дѣйствительно-ли закрѣпились новые порядки? Какова-то послѣ двухъ-лѣтней свободной практики эта *аѳинская республика?* Вотъ кличка, данная теперешнему Парижу и Франціи всѣми врагами свободы и равенства. Удачна она или нѣтъ, я не стану разбирать. Лучше разскажу: что̀ показалъ мнѣ, чуть ли не въ двѣнадцатый пріѣздъ, главный городъ этой аѳинской республики.

I.

Парижъ установившейся республики. — Его первый человѣкъ. — Нѣсколько личныхъ воспоминаній. — Какъ судить о Гамбеттѣ. — Толки, пересуды и факты. — Гамбетта съ друзьями и въ палатѣ.

Фіакръ, все съ тѣмъ же лѣнивымъ, толстымъ и грубымъ кучеромъ, въ красномъ жилетѣ и клеенчатой шляпѣ, покатилъ труской по знакомымъ улицамъ. Пришлось въ воскресенье, въ послѣ-обѣденную пору. Улицы для Парижа пустоваты; день сѣренькій, скоро навѣрно пойдетъ дождь. Дома еще больше закоптѣли; лавочки пестрятъ мелкой торговлей, тѣ, которыя не заперты. Дорожная усталость послѣ нелѣпаго запиранья пассажировъ, точно рогатаго скота (это еще одинъ изъ самыхъ злобныхъ видовъ парижской рутины), не располагала къ веселому возбужденію. Въ улицѣ Lepelletier не нашлось отельчика, гдѣ было прожито цѣлыхъ двѣ зимы. Его ломали. Домъ принадлежитъ великому Эмилю де-Жирардену. Отель переѣхалъ въ улицу рядомъ и только-что устроивался. Надо было гдѣ-нибудь пріютиться. Собиралась гроза. Вотъ-вотъ грянетъ ливень. Нѣсколько подальше, въ глубь улицы, есть давнишній маленькій гарни. Сотни разъ прохаживалъ я мимо и всегда думалъ одно и то же: какъ, вѣроятно, въ немъ душно, тѣсно и грязновато. Старыя двѣ

вывѣски по бокамъ входа, крошечная конурка для бонны, темный чуланчикъ, гдѣ вѣшаютъ ключи и ставятъ мѣдные шандалы, каменный пестрый полъ и узенькая, крутая, обитая лѣстница. Кто этого не знаетъ, кто живалъ въ Парижѣ? Я приказалъ фіакру остановиться, разсчитывая провести тутъ ночь и на другой день начать поиски квартиры на мѣсяцъ. Выплыла толстая хозяйка съ высокимъ, жирнымъ голосомъ; собаченка ея залаяла; показалось личико маленькой дочки; гарсонъ зашлепалъ туфлями, въ синемъ фартукѣ и, разумѣется, безъ сюртука. Все, какъ и быть слѣдуетъ. Площадки темныя, воздухъ далеко не перваго сорта и, чѣмъ выше, тѣмъ хуже. Показываютъ мнѣ комнату съ маленькой умывальной и альковомъ, классическую комнату дешевыхъ гарни, съ пыльной триковой мебелью, ковромъ, зеркальнымъ шкафомъ, часами на каминѣ. Часы, къ изумленію моему, шли. Все это маленькое, старое, но на видъ какъ будто бы похоже и на салонъ, и на кабинетъ, и на спальню.

И вдругъ, очутившись въ этой комнатѣ дешеваго гарни, послѣ утомленнаго и равнодушнаго чувства, съ которымъ ѣхалъ отъ дебардера сѣверной дороги, я почти мгновенно испыталъ наплывъ новой, свѣжей симпатіи. Критика, барская или демократическая, была немыслима въ эту минуту или, лучше сказать, не нужна. Все это уже оцѣнено и окритиковано и дойдено. Я глубоко обрадовался не увлеченію, за-ново охватившему меня, а именно вкусу къ Парижу и парижанамъ. Это чувство сравнить можно только съ душевнымъ возбужденіемъ любителей какихъ-нибудь рѣдкостей, произведеній искусства и природы. Я былъ радъ этому внезапному ощущенію, точно будто мнѣ возвратили что-то такое дорогое, единственное въ своемъ родѣ, возвратили его пониманіе и чувство охотника и друга, утраченное на время.

Прошу скептическаго читателя не смѣяться надъ мною. Я истинно желаю каждому изъ моихъ соотечественниковъ вернуться къ такому же чувству. Парижъ и Франція—совершенно „hors concours", какъ говорятъ на художественныхъ и промышленныхъ выставкахъ. Чтобы наслаждаться ими, надо ихъ на время выдѣлить, не сравнивать ни съ чѣмъ, смаковать ихъ своеобразность въ малѣйшихъ мелочахъ, пользоваться высокими культурными качествами, и націи, и города, гдѣ выработался ея душевный складъ. Помните ли вы то мѣсто изъ писемъ Гейне о Парижѣ, гдѣ онъ говоритъ, что первые дни нарочно ходилъ по бульварамъ и сталкивался съ французами, чтобы слышать, какъ они просятъ извиненія. Слова „pardon, monsieur" были для него сладкой музыкой, невозможной въ Германіи. Прибавимъ, что эта музыка и до сихъ поръ осталась той же для каждаго нѣмца, спо-

собнаго понимать и чувствовать, какъ Гейне. Но много ли такихъ нѣмцевъ?

Мнѣ кажется, что только при такомъ внутреннемъ чувствѣ послѣ долголѣтнихъ наблюденій, личныхъ испытаній, критики и возможна настоящая объективность. Примѣнять къ тому, что̀ видишь во Франціи и теперешнемъ Парижѣ, общеевропейскую точку зрѣнія можно допустить въ нѣкоторыхъ, слишкомъ общихъ вопросахъ. Остальное надо изображать и строго воздерживаться отъ нашего русскаго обличительнаго тона, отъ несноснаго ворчанья, подъ которымъ кроется всегда ничѣмъ не оправдываемое высокомѣріе.

Да, надо любить эту аѳинскую республику, употребляя терминъ враговъ ея. Кличка въ сущности чрезвычайно удачна. Парижане—это давно было сказано—аѳиняне нашей эпохи. Имъ отъ такого прозванія отказываться нечего. Этимъ они и милы каждому живому человѣку. Сравненіе можно было завершить и въ другомъ смыслѣ. Я пріѣхалъ въ Парижъ какъ разъ въ такую минуту, когда современныхъ аѳинянъ дразнили тѣмъ, что они попали подъ всепоглощающее вліяніе новаго Перикла. Какъ только вы взяли любой листъ газеты, пошли утромъ на бульваръ, втянули парижскаго воздуха, отовсюду выдѣлялся образъ одного человѣка. Въ первомъ попавшемся кіоскѣ на пять каррикатуръ пять навѣрно изображали все его же, обрюзглаго, разжирѣвшаго и поссѣдѣвшаго экс-диктатора Франціи, Леона Гамбетту. Что дѣлать: складъ Франціи до сихъ поръ таковъ, что безъ центральной фигуры французамъ еще долго не обойтись. Если президентъ будетъ на швейцарскій манеръ, умнымъ, честнымъ и скромнымъ представителемъ администраціи, то непремѣнно очутится другой настоящій вожакъ, дѣйствующій тайно или явно. Вотъ это-то тайное дѣйствіе и было въ концѣ мая 1880 года такъ интенсивно, что заслонило собой все остальное во внутренней политикѣ; а во внѣшней уже нѣсколько лѣтъ считалось вещью установившейся. То-и-дѣло читали вы въ городскихъ новостяхъ, что такой-то король, такой-то наслѣдный принцъ, такой-то первый министръ конституціонной державы, одинъ завтракалъ, другой обѣдалъ, третій просилъ аудіенціи у Перикла.

Снова говорить о Гамбеттѣ—рискованно. Кто же не знаетъ про него всего того, что пущено въ ходъ прессой, кинуто алчному политическому любопытству всего свѣта? Но небольшіе итоги и тутъ не мѣшаютъ. Тѣмъ болѣе, что я попалъ въ разгаръ недовольства Гамбеттой не въ реакціонномъ лагерѣ, а напротивъ, въ средѣ убѣжденныхъ республиканцевъ, пошедшихъ дальше его. Развѣ только во время переселенія его въ С.-Себастьянъ доставалось ему больше брани, и устной, и печатной. Въ томъ избирательномъ парижскомъ округѣ, гдѣ еще не такъ давно съ великимъ торжествомъ выбрали

его въ депутаты, на публичныхъ сходкахъ, на конференціяхъ и клубные ораторы по профессіи, и простые работники въ блузахъ честили его кто во что гораздъ. И нельзя сказать, чтобы всѣ эти нападки и обличенія были дѣломъ одной крайности партій. Его *оппортюнизмъ* дошелъ въ эту минуту до послѣдней степени. Чтобы удержать популярность, ему необходимо было повернуть. Не испугался онъ также и срамиться фактами частной жизни, въ родѣ, напримѣръ, дружбы съ генераломъ Галифе. На весь Парижъ разгласили, какъ онъ былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ дочери генерала и какъ пріѣхалъ въ церковь въ одной каретѣ съ генераломъ, выказывая ему самое теплое пріятельство. Въ Бельвилѣ и Лавилеттѣ такіе факты трудно истолковать въ свою пользу. Тамъ любятъ прямолинейность и не захотятъ сообразить, что пріобрѣсти такого корпуснаго командира, какъ маркизъ Галифе, на службу республики, не плохая вещь, требующая, конечно, нѣсколькихъ крупныхъ клочковъ своей популярности. И въ Бельвилѣ, и въ Лавилеттѣ знали и тогда, то-есть въ половинѣ мая, что весь почти персоналъ генераловъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ бонапартистовъ) въ рукахъ Гамбетты, что онъ подобралъ республиканскій генералитетъ, что онъ добился положительнаго преобладанія демократическихъ идей среди крупнаго офицерства. Но блуза и народный кварталъ законно подозрительны. Такое негласное вліяніе—обоюдоострый мечъ. Какъ люди, знакомые съ церковно-католическими дѣлами, обыкновенно говорятъ, что церковь есть не что иное, какъ соборъ епископовъ, такъ точно и въ арміи. Имѣть въ рукахъ пятьдесятъ дивизіонныхъ генераловъ значитъ командовать арміей, устремлять ее въ ту или иную сторону, въ случаѣ настоящей междоусобной войны. И все это сдѣлано ожирѣлымъ, одноглазымъ „Леономъ“ въ какихъ-нибудь девять лѣтъ, изъ которыхъ онъ цѣлыхъ шесть-семь былъ въ опалѣ, сдѣлано это при реакціонныхъ военныхъ министрахъ, приспѣшникахъ и единомышленникахъ Макъ-Магона. На это нужно имѣть способности „флорентинца“, какъ язвительно называютъ Гамбетту всѣ, кто любитъ во Франціи клеймить француза за иностранное происхожденіе. А такихъ французовъ конечно множество!

Кто же онъ такой,—спрашиваютъ и газетные критики, и наивные обыватели, и моралисты, любящіе допытываться до самой сути:—патріотъ или бездушный честолюбецъ? Человѣкъ свободы и движенія или рутинный доктринеръ республиканскаго оппортюнизма? Я думаю, еслибы ему самому предложить этотъ вопросъ, онъ затруднился бы отвѣчать, разумѣется, еслибы бесѣда шла откровенная, съ пріятелемъ, а не на трибунѣ или банкетѣ, гдѣ у него сейчасъ явятся готовыя фразы, стереотипные возгласы. Такая натура не можетъ не

идти за событіями, даже когда и служитъ по-своему честно двумъ, тремъ руководящимъ началамъ. Укорять Гамбетту его оппортюнизмомъ — дѣтская забава. Предсказывать навѣрно, что онъ будетъ диктаторомъ во вкусѣ перваго Бонапарта, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Быть можетъ, и будетъ. Честолюбіе, при большомъ успѣхѣ, сдерживается только честностью, доходящей до религіознаго чувства. Есть ли она въ уроженцѣ города Кагора или нѣтъ, мы про то не знаемъ и не можемъ знать. Да и самъ онъ знаетъ еще менѣе, потому что въ нашихъ рукахъ есть объективный анализъ, котораго онъ, да еще въ постоянной тревогѣ и лихорадкѣ борьбы, имѣть не въ силахъ. А если придетъ ему такое вожделѣніе, то стало быть, онъ почувствуетъ, что французы способны опять кинуться въ объятія честолюбца, какъ это было передъ выборами Наполеона III въ президенты, а потомъ въ императоры.

Если прослѣдить умственную карьеру Гамбетты, то не трудно сказать, чего отъ него нельзя требовать. Умственное развитіе, его характеръ, способности и традиціи—первое дѣло; темпераментъ или служитъ имъ, или беретъ ихъ въ услуженіе. Когда же есть извѣстная гармонія (у Гамбетты она еще держится), то опять-таки умственный строй важнѣе всего. А для того, чтобы не блуждать въ общихъ мѣстахъ политики, государственной интриги, газетныхъ опредѣленій и толковъ, удобнѣе всего взять,—напримѣръ въ такую минуту, когда я пріѣхалъ въ Парижъ,—что-нибудь сказанное Гамбеттой не на политическую тэму. Случился банкетъ въ окрестности Парижа, въ годовщину памяти артиста: Гамбетта говорилъ; рѣчь его была напечатана, но прошла за-границей безъ особеннаго шума. Забудьте, что это говорилъ тайный диктаторъ Франціи; прочтите ее и вы найдете въ ней цѣлую кучу общихъ мѣстъ чисто романтическаго склада, отзывающихся эстетикой Кузена и компаніи. Даже ббразы, выраженія, то, что̀ французы называютъ „mots“, весьма не перваго сорта. Въ обществѣ тонко развитыхъ людей въ литературномъ и художественномъ отношеніи, первоклассныхъ писателей, критиковъ искусства, ученыхъ, дилеттантовъ, такой спичъ отзывался бы весьма и весьма прекраснодушіемъ commis voyageur'а. Это и неудивительно. Припомните только быструю до обморока карьеру президента палаты депутатовъ. Южанинъ съ сильнымъ и живымъ темпераментомъ, явившійся въ Парижъ на добычу успѣха, студентъ юридической школы, готовившій себя прямо въ адвокаты, въ трибуны, съ перваго года проводившій дни и ночи въ спорахъ, разныхъ импровизаціяхъ въ кафе или пивныхъ, съ начитанностью, быть можетъ, разнообразнѣе, чѣмъ у товарищей, но все-таки условной, односторонней. Ему не было времени выработать себѣ настоящее научное, философское міро-

воззрѣніе. Республиканскіе идеалы, мораль романтиковъ и эклектиковъ, общія мѣста въ видѣ афоризмовъ, постоянныя упражненія въ томъ, что́ Бѣлинскій называлъ (уже язвительно въ концѣ своей жизни) *прекраснодушіемъ*, вотъ вамъ Гамбетта по выходѣ изъ школы и въ года безвѣстной адвокатской практики. Онъ всюду *искалъ*, подчиняясь своему политическому инстинкту: искалъ и въ товарищеской средѣ слушателей и сторонниковъ, искалъ и въ журнализмѣ, искалъ и въ тогдашней оппозиціи, съ которой сошелся, когда ходилъ въ палату простымъ репортеромъ отъ журнала „Temps". Вотъ въ эту-то эпоху я съ нимъ и познакомился. Это было въ 1868 году. Нечего и повторять, что Гамбетта тогда былъ совершенно безвѣстный въ печати, но довольно уже извѣстный молодой либералъ въ литературныхъ и политическихъ кружкахъ. Адвокатскихъ успѣховъ онъ до своей рѣчи по поводу Бодена не имѣлъ. Жилъ онъ отчасти небольшой адвокатской практикой, отчасти работой въ газетахъ. Я помню, что, когда я, познакомившись съ нимъ у Сарсэ, зашелъ къ нему, то попалъ въ крошечную квартиру въ шестомъ этажѣ въ улицѣ Бонапартъ и, не заставъ его дома, бесѣдовалъ со старушкой, которую принялъ за бонну. Это была его тетка. Старушка сказала мнѣ, что Леонъ пошелъ въ судъ и прибавила:

— Какъ же иначе. Надо зарабо́тывать свой кусокъ хлѣба!..

Оппортюнистомъ былъ онъ и тогда въ полной мѣрѣ, хоть и послѣ его диктаторство испугало какъ-бы прямолинейностью якобинскаго радикализма. Но, говоря такъ, я вовсе не хочу нападать на него, особенно заднимъ числомъ. Тогдашній его оппортюнизмъ былъ очень уменъ и прямо служилъ республиканскому дѣлу. Помню, мы шли отъ квартиры Сарсэ въ улицѣ Tour-d'Auvergne (въ кварталѣ Montmartre) до законодательнаго собранія пѣшкомъ. Сначала онъ меня разспрашивалъ про Милютина и Каткова, собираясь, кажется, писать о русскихъ дѣлахъ, и потомъ бесѣда зашла, разумѣется, о тогдашней оппозиціи. Я и привелъ ему доводы радикаловъ, попадавшіеся и въ печати, о разношерстности этой оппозиціи, гдѣ рядомъ засѣдали и доктринеръ Тьеръ, и республиканецъ Жюль-Фавръ, и двойственный честолюбецъ Эмиль Олливье, и буржуазный болтунъ Пикаръ. Онъ соглашался со мною, но постоянно тономъ дѣлового политическаго человѣка повторялъ:

— Что за нужда. Все-таки надо ее поддерживать, эту оппозицію, какова бы она ни была. Если требовать настоящей сплоченной группы, то мы будемъ играть въ руку бонапартистамъ.

Въ этихъ словахъ вы узнаете и теперешняго тайнаго диктатора, у котораго былъ только пароксизмъ якобинства. А якобинство, пропущенное черезъ его темпераментъ и его флорентинскій умъ, прида-

вало ему физіономію и до сихъ поръ придаетъ ее. Своего оригинальнаго политическаго profession de foi у Гамбетты никогда не было, да и теперь нѣтъ. Говоря такъ, я опять нисколько не умаляю его заслугъ. У истинныхъ политическихъ людей, за исключеніемъ геніевъ, дѣйствующихъ внезапно или облеченныхъ авторитетомъ настоящихъ избранниковъ цивилизаціи, иначе и быть не можетъ. Зачѣмъ быть оригинальнымъ, когда многоопытная исторія народа дала извѣстные идеалы, изъ которыхъ восемь десятыхъ еще совсѣмъ не примѣнены къ жизни націи? Сначала надо осуществить ихъ, измѣняя сообразно обстоятельствамъ. Такъ и поступаетъ Гамбетта, а остальное —дѣло его личнаго самолюбія, тщеславія или болѣе глубокаго и обширнаго властолюбія, чтб обстоятельства и покажутъ. Но не забудемъ путей его умственнаго развитія. Какъ только онъ произнесъ свою знаменитую адвокатскую рѣчь и попалъ въ депутаты города Парижа, онъ почти застылъ въ извѣстныхъ идеяхъ. Французы и вообще имѣютъ къ этому наклонность: что въ тридцать лѣтъ пріобрѣтутъ, тѣмъ и пробавляются до смерти, остальное—только фіоритуры, варіаціи. Да и когда же ему было идти далѣе въ научномъ, философскомъ и критическомъ смыслѣ? Онъ попалъ въ свою стихію. Не прошло двухъ лѣтъ и онъ уже въ Турѣ диктаторомъ, единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ, быть можетъ, вопреки оппортюнизму, сливать идею съ дѣломъ. И вотъ въ эту-то полосу, когда онъ всего менѣе былъ флорентинцемъ, лукавымъ грекомъ и политиканомъ, онъ и возбудилъ противъ себя всего болѣе ненависти, злобной зависти и всякаго рода нелѣпыхъ и оскорбительныхъ предубѣжденій. Тутъ всплыла и разъигралась другая сторона его души, сильный темпераментъ, способный доходить до конца въ томъ, чтб онъ считаетъ вѣрнымъ. Романская раса сказалась тутъ въ своемъ упорствѣ и въ своей нервности, доходившей, дѣйствительно, до поражающихъ размѣровъ, какъ я лично видѣлъ это въ Турѣ. Но идеи, афоризмы республиканства — все это осталось въ томъ же видѣ, когда Гамбетта перелетѣлъ на шарѣ въ Туръ. Своего онъ ничего не выдумалъ, но онъ многое переработалъ въ себѣ подъ конецъ своего диктаторства. Другіе бы на его мѣстѣ гордились тѣмъ, что сохранили въ чистотѣ свою нетерпимость, неподатливость, картонное якобинство. А онъ, продолжая напрягать усилія Франціи на защиту территоріи, пользовался каждымъ дипломатомъ, всякимъ фактомъ изъ своихъ сношеній для пріобрѣтенія политической мудрости. Могу даже привести подлинное показаніе самого Гамбетты изъ разговора, который переданъ въ одномъ изъ моихъ писемъ „На развалинахъ Парижа“.

Полезна была для него эта полоса политическихъ испытаній. Въ С.-Себастьянѣ онъ, вѣроятно, впервые почувствовалъ, что такое

значитъ, когда взлетишь такъ быстро на верхъ государственной пирамиды. Нѣтъ надобности повторять здѣсь, какъ доставалось Гамбеттѣ отъ всѣхъ партій. Слова—предательство, воровство, грабежъ, трусость, подлость пересыпали то, что̀ говорилось о немъ въ печати и устно. Быть можетъ, другой на его мѣстѣ повелъ бы себя иначе и не поѣхалъ бы въ этотъ С.-Себастьянъ. Но тогда мы имѣли бы дѣло съ совсѣмъ другимъ типомъ: „флорентинца" не было бы передъ нами. И въ Парижѣ, въ августѣ 1871 года, послѣ этихъ передрягъ, Гамбетта чувствовалъ себя по прежнему бойцомъ и „первымъ нумеромъ". Такія натуры и не могутъ иначе себя чувствовать, какъ довлѣя самимъ себѣ. Въ его словахъ, планахъ, комбинаціяхъ, какіе довелось мнѣ нѣкогда слышать въ маленькой квартирѣ въ улицѣ Монтеня, не было и тѣни колебанія, приниженности передъ событіями, сомнѣнія въ правотѣ своего дѣла, и надежда на окончательное торжество. Когда онъ затѣвалъ журналъ „République Française", ему нужна была своя домашняя трибуна. Онъ не задумался надъ тѣмъ, что званіе редактора крупной политической газеты требовало, быть можетъ, бо́льшаго образованія. Онъ шелъ въ журналисты, собирался создать о́рганъ чисто политическій и безсознательно подчинялся рутинѣ, съ какой издавались въ то время, да и теперь издаются французскія газеты. Но тутъ я подмѣтилъ одну черту, которая показываетъ, что въ Гамбеттѣ, несмотря на поглощавшія его политическія интриги, все-таки жилъ любитель литературы, бывшій студентъ, проводившій цѣлые вечера въ café Procope за спорами на литературныя и ходожественныя тэмы. Онъ желалъ—такъ по крайней мѣрѣ говорилъ онъ — обставить литературный отдѣлъ газеты какъ можно лучше и разнообразнѣе, давать не одни фельетонные романы обычныхъ поставщиковъ, а знакомить французскую публику съ произведеніями иностранныхъ литературъ. Тогда онъ стоялъ безусловно за дружество съ Россіей, называлъ безпрестанно русскихъ и Россію „естественными союзниками" Франціи, основывалъ всѣ свои комбинаціи въ будущемъ, когда дѣло дойдетъ до новой расправы съ Пруссіей, на этомъ союзѣ или, по крайней мѣрѣ, на этомъ дружествѣ. Минута была самая благопріятная для нашей дипломатіи, еслибы эта дипломатія представляла дѣйствительно русское національное чувство. Тогда-то и слѣдовало бы проницательнымъ дипломатамъ (да и проницательности особой не требовалось) предвидѣть, что̀ выйдетъ опять изъ этого человѣка, не смущаться его временныхъ неуспѣхомъ, слѣдить за нимъ, завязывать съ нимъ пріятельскія связи. Не мудрено было распознать, что, какъ бы реакція временно ни захватывала власть въ свои руки, этотъ человѣкъ непремѣнно всплыветъ не нынче, такъ завтра, не черезъ три года, такъ

черезъ шесть, семь, восемь лѣтъ, что́ и случилось. Мы ладили съ Тьеромъ, но какъ разъ въ тотъ періодъ, когда политика Гамбетты и политика Тьера были совсѣмъ не одно и то же. Мы упустили моментъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Англія въ лицѣ принца Уэльскаго и многихъ политическихъ дѣятелей съумѣла поставить себя иначе съ будущимъ тайнымъ руководителемъ внутренней и внѣшней политики Франціи. Мы прозѣвали усиленіе фактической власти Гамбетты во всѣхъ минахъ и контрминахъ. Онъ охладѣлъ къ Россіи. Разумѣется, и прежде чувства его были чисто политическаго свойства. Такъ оно и должно быть. Чтобы имѣть симпатію къ народу русскому, надо знать черезчуръ много, а такого знанія у него не было, да и теперь нѣтъ. Но повторяю, ничего не стоило поддержать это интенсивное сознаніе пользы русскаго союза и общее, но вѣрное чувство близости, какая есть между французской и русской интеллигенціей. Эту близость Гамбетта, какъ чуткій человѣкъ, могъ подмѣтить очень давно и его личныя сношенія съ простыми смертными изъ русскихъ, конечно, укрѣпили его въ этомъ. Но простые смертные у насъ могутъ резонировать про свой обиходъ. Ихъ никто не слушаетъ и ошибки, безтактности, творятся на каждомъ шагу помимо ихъ контроля и участія. Это, конечно, плохое утѣшеніе, но все-таки утѣшеніе.

Шесть, семь лѣтъ провелъ Гамбетта въ такой усиленной, и никому не видной, и явной работѣ: рядомъ съ дѣятельностью трибуна, члена палаты, вожака и центра извѣстныхъ кружковъ, онъ каждый вечеръ засаживался за редакціонный столъ, читалъ корректуры, писалъ что́ нужно, не пропускалъ ни одной строчки политическаго содержанія, дѣлая все это анонимно. Сколько мнѣ извѣстно, Гамбетта не подписывалъ своихъ статей въ „République Française“. Физіономія этой газеты можетъ служить также пособіемъ для характеристики человѣка, какъ цѣльнаго типа. Газета пріобрѣла вліяніе, сдѣлалась какъ-бы Монитёромъ гамбеттовскаго республиканства, но была и осталась *рутинной* въ томъ, какъ ведется, по своему тону и литературному колориту. Гамбетта, быть можетъ, и искренно желалъ придать ей другой тонъ, сдѣлать ее гораздо свѣжѣе, моложе, но ему не удалось этого, потому что въ немъ все-таки недоставало, и до сихъ поръ недостаетъ, настоящаго пониманія того переворота, который нужно произвести въ литературныхъ сферахъ, въ вопросахъ искусства, реальнаго изображенія жизни. Характеристика, сдѣланная когда-то въ одномъ изъ писемъ Зола́ органу Гамбетты, безусловно вѣрна съ точки зрѣнія литературнаго революціонера. „République Française“ постоянно *священнодѣйствуетъ*, все въ ней пропущено сквозь кубъ извѣстной програмы,

все носитъ на себѣ печать политическаго мундира, слогъ, отдѣльныя слова, пріемы, распредѣленіе статей. Даже и въ содержаніи отдѣловъ листка видна односторонность чисто-французскаго политиканства. Иностранный отдѣлъ бѣдный, корреспонденцій изъ-за границы почти никакихъ, все сосредоточено на политической минутѣ, на борьбѣ въ парламентѣ, въ газетахъ и въ эпохи выборовъ—на политическихъ сходкахъ. Вмѣстѣ съ газетной трибуной Гамбетта завелъ и свой салонъ, не у себя дома—онъ жилъ тогда очень скромно, а у своего товарища по парламенту, депутата Эдмона Адана, богатаго человѣка, женатаго на женщинѣ, чрезвычайно характерной для теперешней французской жизни. Объ этой личности я буду говорить дальше, а здѣсь напомню только, что въ салонѣ г-жи Аданъ Гамбетта принималъ своихъ друзей и сторонниковъ и расширялъ кругъ ихъ все больше и больше, захватывая нити внутренней политики, вліяніе на администрацію, армію, судъ, прессу, иностранныхъ дипломатовъ, корреспондентовъ и агентовъ. Въ этомъ салонѣ велся самый энергическій подкопъ подъ правительство „нравственнаго порядка“ и лично подъ Макъ-Магона. Сторонникомъ Гамбетты въ прессѣ сдѣлался ветеранъ французскаго журнализма, Эмиль де-Жирарденъ, основавшій новый органъ, газету „La France“. Если въ редакціи гамбеттовскаго журнала и въ салонѣ г-жи Эдмонъ Аданъ давался mot d'ordre, лозунгъ, толчокъ каждой политической интригѣ или открытой кампаніи, то перо Эмиля де-Жирардена, изумительно-энергичнаго старика, сослужило дѣлу не малую службу. Забывать этого не слѣдуетъ. Гамбетта, быть можетъ, и писалъ часто передовыя статьи, но литературная форма въ „République Française“ была всегда ординарной, казенной, между тѣмъ, какъ у Эмиля де-Жирардена, несмотря на его семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, сохранилась необычайная бойкость, правда, иногда смѣшная немного по формѣ, но все-таки чрезвычайно полезная въ полемическихъ схваткахъ, полезная по тому упорству, съ какимъ этотъ травленый волкъ французскаго журнализма бьетъ въ одну точку до тѣхъ поръ, пока не выяснитъ несостоятельность своего противника. Связующимъ звеномъ между двумя газетами-трибунами явился салонъ г-жи Аданъ и она сама лично. Какъ Гамбетта считался въ послѣднее время другомъ этой женщины, такъ и объ Эмилѣ де-Жирарденѣ говорили въ Парижѣ, какъ объ ея пріятелѣ и нѣкоторымъ образомъ трубадурѣ. Салонъ г-жи Аданъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ типу Гамбетты, какъ человѣка, какъ сына своей среды и эпохи. Салонъ этотъ сдѣлался центромъ всей интеллигенціи, стоявшей за республику, крупной буржуазіи, прессы, міра искусствъ, высшей администраціи. Въ немъ-то Гамбетта и пріобрѣлъ оболочку тайнаго руководителя судебъ Франціи.

Тамъ, вѣроятно, развилось и его неизбѣжное „генеральство“, какъ у насъ любятъ выражаться. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ потерялъ нѣкоторое чутье такта и свѣтской внимательности, что̀ доказываетъ, напримѣръ, извѣстный русской публикѣ случай въ салонѣ г-жи Аданъ. Кажется, впервые поведеніе Гамбетты, какъ свѣтскаго человѣка и какъ представителя политической интеллигенціи было такъ разобрано по косточкамъ по поводу этого именно случая, и осуждали его справедливо. Надо знать Парижъ и тамошнюю политическую жизнь, чтобы вполнѣ понять, какъ скоро можетъ у человѣка закружиться голова. Человѣкъ этотъ живетъ исключительно въ теплицѣ, создаваемой партіей. Все, что̀ онъ говоритъ, принимается какъ законъ или, по крайней мѣрѣ, комментируется какъ нѣчто вліятельное, крупное. Объ немъ уже послѣ паденія Макъ-Магона въ этомъ салонѣ и всюду, гдѣ онъ ни появлялся (а появлялся онъ только въ сочувственной средѣ), иначе не говорили, какъ „lui“. Всякій долженъ былъ знать, кто этотъ „lui“. Парижу нужно еще кипѣть въ семи котлахъ прежде, чѣмъ выведется это скорое подчиненіе личности. Прежній дворъ, лесть и заискиванье, духъ интриги и хапанье мѣстъ и отличій—все это передалось отъ поколѣнія къ поколѣнію, несмотря на цѣлый рядъ революцій. Мы, русскіе, при всемъ отсутствіи у насъ подобныхъ политическихъ формъ, бываемъ часто возмущены, глядя на то, какъ во Франціи добровольно преклоняются передъ ловкими людьми, передъ какой нибудь полу-кокоткой, успѣвшей создать около себя искусственную атмосферу вліянія и авторитета. Старые люди съ сѣдинами на головѣ, съ красной ленточкой почетнаго легіона, высшихъ степеней генералы, сенаторы, академики гнутъ шею и спину передъ выскочкой и часто безъ всякой надобности.

Послѣ выставки 1878 года, послѣ паденія Макъ-Магона, когда Гамбетта сдѣлался президентомъ палаты депутатовъ, не одни простые смертные, не одни французскіе генералы, сенаторы, депутаты, журналисты, но и принцы крови, всѣ почти вѣнценосцы средней руки, первые министры первоклассныхъ державъ признали Гамбетту главой внѣшней политики Франціи...

За нѣсколько недѣль до объявленія амнистіи коммунарамъ, Гамбетту начали отдѣлывать не въ однихъ монархическихъ и ультрарадикальныхъ газетахъ, но и на сходкахъ рабочихъ кварталовъ. Всего больше повредила ему новоустроенная дружба съ генераломъ Галифе. Всякій иностранецъ, вновь прибывшій въ Парижъ, могъ быть сбитъ съ толку всевозможными пересудами, сплетнями, нареканіями, предметомъ которыхъ сдѣлался президентъ палаты депутатовъ. А между тѣмъ, у каждаго желающаго добраться до настоящихъ фактовъ, есть возможность узнать, какъ этотъ вожакъ внутренней и

внѣшней политики живетъ. Во-первыхъ, Гамбетта гораздо доступнѣе, чѣмъ объ этомъ говорятъ и пишутъ. Во-вторыхъ, множество всякихъ дѣлъ и отношеній, самое званіе президента палаты депутатовъ, прежнія пріятельскія связи, воспріимчивость къ литературнымъ и художественнымъ впечатлѣніямъ—все это вызываетъ необходимость столковываться съ людьми, показывать имъ себя самого со всѣхъ сторонъ.

— Какіе у него замыслы,—говорилъ мнѣ одинъ изъ депутатовъ лѣвой, далеко не сторонникъ Гамбетты,—это трудно рѣшить въ настоящую минуту; но что честолюбіе у него совсѣмъ не суетное—для меня это несомнѣнно. Онъ тяготится оффиціальными пріемами, обѣдами, вечерами. Онъ любитъ проводить досуги въ пріятельской компаніи. Дворецъ, гдѣ онъ живетъ, его не тѣшитъ. Вы находите хозяйство холостяка съ дежурными парламентскими служителями, все равно какъ у какого-нибудь генерала или директора департамента, къ которому обязаны являться въ переднюю дежурные huissiers.

Кто вглядится въ фигуру Гамбетты, оцѣнитъ складъ его натуры, припомнитъ, какъ онъ провелъ молодость—тотъ увидитъ, что иначе и быть не можетъ. Такой человѣкъ не станетъ тѣшиться чопорной обрядностью свѣтской жизни или ритуаломъ оффиціальныхъ пріемовъ. Онъ любитъ фактическую власть, его нервы щекочетъ одобреніе или энтузіазмъ цѣлыхъ массъ и всей страны. Но ему гораздо пріятнѣе пообѣдать на распашку, съ двумя, тремя друзьями, въ обществѣ бойкихъ, веселыхъ женщинъ. И вотъ, злоязычники разсказываютъ, какъ одинъ изъ его не-политическихъ друзей всего больше компромметтируетъ президента палаты. Этотъ компрометтирующій другъ есть не кто иной, какъ даровитый актеръ французской комедіи, Кокленъ. Кокленовъ два, старшій и младшій, оба они принадлежатъ ко двору Гамбетты, но пріятель его—старшій братъ. Типъ этого актера весьма курьёзный. Кокленъ старшій не довольствуется своими сценическими успѣхами. Онъ честолюбивъ, не такъ какъ остальные его товарищи по профессіи. Съ Гамбеттой онъ давно водилъ пріятельство, когда тотъ былъ еще простымъ смертнымъ. Кокленъ и тогда уже держался республиканскихъ идей. Теперь дружба съ первымъ человѣкомъ Франціи вселила ему честолюбіе до такой степени, что онъ серьёзно помышляетъ о депутатствѣ, хочетъ бросить сцену и баллотироваться на ближайшихъ выборахъ. Но политическіе замыслы не освободили Коклена старшаго отъ замашекъ истаго актера, того, чтó французы называютъ „un cabotine". Онъ не умѣетъ соблюдать должную позицію. Вездѣ, гдѣ онъ является вмѣстѣ съ Гамбеттой, не только на пріятельскихъ вечеринкахъ и обѣдахъ, но и на большихъ собраніяхъ, Кокленъ выставляетъ на показъ свою близость съ Гамбет-

той, съ особеннымъ подчеркиваніемъ говоритъ ему „ты“ и называетъ по-просту Леономъ. Вотъ эта-то фамильярность съ актеромъ, хотя и такимъ даровитымъ, какъ Кокленъ, вредитъ Гамбеттѣ. Да и онъ, какъ разсказываютъ люди, знакомые съ его частной жизнью, начинаетъ тяготиться этой актерской безцеремонностью. Можетъ быть, не безъ задней мысли поддерживаетъ Гамбетта въ Кокленѣ политическое честолюбіе. Когда этотъ актеръ попадетъ въ депутаты, президенту палаты все-таки удобнѣе будетъ поддерживать съ нимъ пріятельскія отношенія передъ публикой. Но и помимо этого въ Гамбеттѣ до сихъ поръ сидитъ все-таки литературно-политическая „богема“ Латинскаго квартала. А привычка искать популярности вмѣстѣ съ его темпераментомъ дѣлаютъ то, что онъ способенъ съ каждымъ человѣкомъ обойтись привѣтливо и просто, когда хочетъ. Поэтому-то очень часто можно услышать его защиту отъ людей самыхъ разнообразныхъ профессій.

Одинъ такой собесѣдникъ проводилъ мнѣ параллель между Гамбеттой и президентомъ республики.

— Какъ же можно сравнить,—горячо говорилъ онъ,—Гамбетта человѣкъ душевный, какъ бы онъ ни былъ тайно честолюбивъ. Онъ всегда съ вами обойдется умѣючи, скажетъ вамъ то, чего вы отъ него ждете, почти пріятельскимъ тономъ. А Греви тяжелъ, сухъ и даже по-своему надутъ. Вы отъ него не услышите ничего, кромѣ общихъ, банальныхъ фразъ. Онъ, дѣйствительно, честный и, можетъ быть, скромный человѣкъ, но обходиться такъ не умѣетъ и на одну десятую, какъ президентъ палаты. Да и наконецъ, онъ человѣкъ совсѣмъ другой эпохи, у него ни въ мозгу, ни въ сердцѣ не было множества идей, желаній, если хотите слабостей, страстей, какія перебывали и до сихъ поръ гнѣздятся въ душѣ нашего диктатора.

Съ палатой Гамбетта обращается своеобразно. Если хотите, въ его манерѣ есть что-то, говорящее немного о выскочкѣ. Важности онъ на себя не напускаетъ, но имѣетъ видъ человѣка, которому вся процедура надоѣла и онъ нисколько не преклоняется передъ парламентскимъ режимомъ, знаетъ прекрасно, изъ кого состоитъ большинство депутатовъ и какъ съ ними обращаться. Когда вы припомните такихъ президентовъ, какъ Морни, Валевскій и даже Шнейдеръ, то толстое обрюзглое туловище Гамбетты, его неизящный фракъ, вся посадка тѣла—покажутся вамъ чрезвычайно ненарядными, даже вульгарными. Въ началѣ засѣданія онъ стоитъ довольно долго. Успокоивать шумъ и гамъ ударами большого колокола онъ не любитъ. Какъ будто, онъ для этого слишкомъ лѣнивъ. Онъ выдумалъ свой способъ водворенія порядка: безпрестанно стучитъ деревяннымъ ножомъ и только изрѣдка, когда уже расходится вся

палата, звонитъ отрывисто и какъ-бы нѐ-хотя. Свои замѣчанія, призывы къ порядку, напоминанія дѣлаетъ онъ довольно небрежно, но искреннимъ, дѣловымъ тономъ. Въ звукахъ его фразъ сквозитъ что-то преподавательское, точно, будто онъ обращается къ аудиторіи очень молодыхъ людей и, не прибѣгая къ мѣрамъ строгости, старается одной своей интонаціей показать, какъ надо вести себя прилично и дѣлать дѣло, а не кричать. Во Франціи, во всякомъ многолюдномъ собраніи, гдѣ есть власть, вы всегда услышите начальническій и учительскій тонъ. Не то что президентъ палаты, а какой-нибудь приставъ (huissier), и тотъ кричитъ на депутатовъ, какъ на мальчиковъ: „Silence, messieurs, silence, s'il vous plait". Какъ было при второй имперіи, такъ и теперь: тѣ же звуки и та же оффиціальная безцеремонность.

Голосъ Гамбетты въ эти десять лѣтъ сдѣлался неизлечимо хрипымъ. Только въ рѣчахъ, куда онъ вкладываетъ весь свой пылъ, голосовыя его средства поднимаются въ силѣ и натискѣ, а обыкновенныя обращенія къ палатѣ произноситъ онъ хрипло и глухо. Его южный акцентъ значительно смягчился съ годами житья въ Парижѣ, но слышится, какъ только онъ начнетъ произносить рѣчь съ большими тирадами. Когда вы побудете въ палатѣ часъ, другой, вы почувствуете, что онъ дѣйствительный хозяинъ этого дома, что ему власть и вліяніе даются не за внѣшній декорумъ, не аристократическими манерами, наконецъ, не мелкими комбинаціями и подходами, а натурой и дѣятельнымъ, послѣдовательнымъ умомъ и дѣловитостью. Но для васъ также ясно будетъ, что этотъ республиканецъ ничего не съумѣлъ измѣнить въ порядкахъ самой палаты, потому что онъ не въ состояніи высвободиться изъ-подъ рутины, давящей разныя стороны французской жизни. Порядки прежніе—до мелочей. Тотъ же выходъ президента съ двумя офицерами по бокамъ и конвоемъ, такое же обиліе прислуги въ такихъ же ливрейныхъ фракахъ, та же процедура вызыванія депутатовъ, тѣ же билеты всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ. Мнѣ помнится даже, что при второй имперіи, къ концу шестидесятыхъ годовъ, можно было постороннимъ людямъ гораздо легче проникнуть, напримѣръ, въ залу des pas perdus. Сдѣлать весь обиходъ палаты вполнѣ демократическимъ или республиканскимъ Гамбетта не можетъ. Онъ еще самъ слишкомъ цѣнитъ всякую декоративность, если не для себя, то для той власти, которую онъ олицетворяетъ собой.

Его вмѣшательство въ вопросъ объ амнистіи объясняли при мнѣ чисто себялюбивыми соображеніями. Онъ испугался за свою популярность, его могло ожидать забаллотированіе въ своемъ округѣ. Потому онъ и явился прямо, точно генералъ Бонапартъ, въ совѣтъ

министровъ и настоялъ на амнистіи. Можетъ быть, тутъ и есть доля правды, но, разумѣется, не вся правда. Такъ или иначе, даже личные разсчеты такого политическаго дѣятеля всегда должны совпадать съ чѣмъ-нибудь нужнымъ для данной минуты. Во всякомъ случаѣ его поведеніе оказалось гораздо благовиднѣе, чѣмъ поведеніе прогрессивнаго министра, Жюля Ферри, который упорно ратовалъ противъ амнистіи изъ-за личной мстительности, направленной, главнымъ образомъ, на Рошфора. А рѣчь Гамбетты, увлекшая всю страну—одно изъ проявленій той удачи, какая досталась ему на долю. Врядъ-ли онъ даже вошелъ на свое президентское возвышеніе съ желаніемъ въ это засѣданіе произносить что-нибудь. Ему помогла выходка Поля-де-Кассаньяка. Но прочтите эту рѣчь теперь,—въ ней, какъ и почти всегда въ рѣчахъ Гамбетты, готовыя формы политическаго прекраснословія, два-три дѣйствительно удачныхъ обобщенія, остальное—общія мѣста. Безъ цѣльности натуры, силы, съ какой онъ выпаливаетъ отдѣльныя тирады, безъ жестикуляціи и мимики, эта рѣчь не была бы событіемъ. Но всякій буржуа, обращенный къ республикѣ тѣмъ же самымъ Гамбеттой, находитъ въ ней что-то успокоивающее. Снаружи очень громко и смѣло, а внутри есть тотъ оппортюнизмъ, то приспособленіе къ обстоятельствамъ минуты, которые пріобрѣли въ ряды республиканцевъ цѣлую массу очень богатыхъ людей. Гамбетта съумѣлъ давно увѣрить ихъ, что республика есть собственность.

Президентство Гамбетты—и уже не въ палатѣ, а надъ цѣлой республикой,—даже не вопросъ, если только внутренняя борьба не подготовитъ взрыва второй коммуны или, по крайней мѣрѣ, фактическаго торжества болѣе радикальныхъ идей.

II.

Будущій Гамбетта.—Клемансо́. — Его политическая физіономія. — Наке́ и его законъ.

Радикализмъ, и тотъ уже доставилъ особенную личность, втораго Гамбетту en herbe.

Политическіе салоны еще недавно считали возможнымъ игнорировать Клемансо́, а онъ начинаетъ уже сильно выдвигаться, и многіе предсказываютъ ему карьеру второго Гамбетты.

Будетъ онъ или не будетъ президентомъ палаты, или президентомъ республики, во всякомъ случаѣ Клемансо́—человѣкъ совсѣмъ другого типа и развитія. Гамбетта хотя и не старый еще человѣкъ (ему съ небольшимъ сорокъ лѣтъ), но, какъ я говорилъ уже, умствен-

ная его физіономія—смѣсь романтическаго якобинства съ образованіемъ адвоката и парижскаго журналиста. Онъ могъ много читать въ молодости, но грунтъ, заложенный въ его образованіе — литературно-идеалистическій. Онъ воспиталъ свой умъ на готовыхъ фразахъ и формулахъ права, краснорѣчія, литературы. Съ Клемансо выступаетъ на первый планъ гораздо бо́льшая трезвость. Клемансо — медикъ, теперь не практикующій. Стало-быть, онъ учился совсѣмъ другому и воспиталъ свой умъ на иныхъ фактахъ и обобщеніяхъ. Давно пора бы разнообразить представителей Франціи такимъ элементомъ. До сихъ поръ, кто выдвигался впередъ краснорѣчіемъ или политическими способностями, принадлежали къ адвокатскому сословію, изрѣдка къ людямъ обще-литературной образованности. Кого ни возьмите, вездѣ вы наталкиваетесь на адвоката. Тьеръ, Дюфоръ, Греви, Жюль Фавръ, Пикаръ, Олливье—все это адвокаты. И во французскомъ обществѣ, въ его скептической долѣ, давно уже зрѣлъ протестъ, обращенный на говоруновъ. Каждый бывалый французъ, видѣвшій не одну революцію на своемъ вѣку, сейчасъ же вамъ скажетъ съ горькой усмѣшкой.

— Извѣстное дѣло, адвокаты захватятъ въ руки правительство, и начнутъ болтать.

А другіе, даже и не изъ коммунаровъ, прибавятъ:

— Прежде всего надо выбросить всѣхъ болтуновъ-адвокатовъ въ окно.

Въ этомъ сказывается нелюбовь хорошихъ французовъ, то-есть толковыхъ, положительныхъ, съ логическимъ умомъ,—къ фразѣ, къ раздуванью общихъ мѣстъ, къ метафизикѣ. То же самое повторялъ весь свой вѣкъ и Прудонъ; и ему въ 1848 году было сильно не по себѣ между всѣми тогдашними краснобаями, съумѣвшими захватить власть въ свои руки.

И вотъ въ Клемансо, въ этомъ „естественникѣ“ и докторѣ, тѣ, кто возлагаетъ на него большія надежды, видятъ выраженіе болѣе свѣжей и новой французской интеллигенціи. Ему не нужно было, попавъ въ депутаты, передѣлывать своихъ идей и стремленій, онъ выступалъ съ гораздо болѣе опредѣленной программой. Онъ не пользовался, какъ Гамбетта, бонапартовымъ режимомъ, чтобы дешевыми средствами пріобрѣсти быструю и эффектную популярность. Онъ—французскій радикалъ, но не соціалистъ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. не защитникъ полной ликвидаціи теперешняго общественнаго строя въ интересахъ четвертаго сословія, онъ—только поборникъ общаго соціальнаго движенія. По тѣмъ пунктамъ, гдѣ Гамбетта долженъ вилять, болѣе новый человѣкъ, Клемансо, не затрудняется ставить ребромъ требованія, назрѣвшія въ его партіи или, лучше сказать

въ самыхъ передовыхъ, политически развитыхъ французахъ. Онъ идетъ вплоть до необходимости революціи, и въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе якобинецъ, чѣмъ его естественный соперникъ.

Но все это общіе выводы. Какое же впечатлѣніе производитъ самъ человѣкъ?

Я познакомился съ нимъ въ палатѣ. Меня подвели къ человѣку еще молодому, никакъ не болѣе, какъ подъ сорокъ лѣтъ, средняго роста — для французовъ, то-есть, по нашему, небольшого роста. Весь складъ его тѣла крѣпкій, сухощавый, нервный. Можно бы принять его за военнаго въ штатскомъ платьѣ. Небольшая голова съ красивыми очертаніями, коротко стриженные темные волосы, немного уже сѣдѣющіе, черные глаза съ нѣсколько рѣзкимъ, всматривающимся взглядомъ, бритое лицо и усы. Движенія быстрыя, рѣчь скорая, не отзывающаяся ни манерой адвоката, ни болтовней бульварнаго литератора, ни торжественностью какого-нибудь статсъ-секретаря изъ молодыхъ. Звукъ голоса немного суховатый, и сразу замѣтно отсутствіе ораторской рисовки. Такого француза можно принять скорѣй за уроженца Америки, принявшаго дѣловую складку или за военнаго спеціалиста: инженера, офицера артиллеріи, вообще техника, но съ пріемами бойкаго, впечатлительнаго человѣка. Въ Клемансо нѣтъ никакой сладости и даже той внимательности, къ которой французы пріучили всѣхъ. Онъ можетъ показаться суховатымъ и какъ-бы разсѣяннымъ въ своемъ обхожденіи. Но то, что́ онъ говоритъ на опредѣленную серьёзную тэму, гораздо точнѣе, реальнѣе, чѣмъ обыкновенный разговоръ депутатовъ, журналистовъ и литераторовъ. Не трудно почувствовать въ немъ настоящее политическое честолюбіе, хотя онъ и не позволяетъ себѣ хвастливыхъ фразъ. О своихъ неуспѣхахъ или ошибкахъ говоритъ онъ тономъ умнаго человѣка, съ нѣкоторой даже веселостью въ глазахъ.

Наше знакомство случилось какъ разъ тотчасъ послѣ его осѣчки въ палатѣ депутатовъ, послѣ рѣчи объ амнистіи, не имѣвшей успѣха. Даже друзья находили, что онъ затянулъ ее и пустилъ не въ надлежащемъ тонѣ. Вообще, какъ ораторъ, Клемансо многими не признается: я слышалъ даже пренебрежительные отзывы. За то есть не мало людей, смыслящихъ въ политическомъ краснорѣчіи, которые считаютъ Клемансо своеобразнымъ трибуномъ. Они находятъ, что онъ вводитъ новую манеру говорить, гораздо болѣе простую и вѣскую. Онъ желаетъ всегда подѣйствовать не возгласами, не метафорами, не игрой въ чувствительность, не ловкими парадоксами, а рядомъ фактовъ, вѣскихъ доводовъ; онъ демонстрируетъ, какъ профессоръ въ клиникѣ, но дѣлаетъ это совсѣмъ не безцвѣтно, не читаетъ сухую лекцію, а произноситъ убѣжденную рѣчь. Онъ доби-

вался бы гораздо большихъ успѣховъ, если бы имѣлъ нѣсколько иной органъ, посильнѣе и потеплѣе. И рѣчь въ защиту амнистіи была совсѣмъ не плоха, но попала не въ должную минуту и была, быть можетъ, длиннѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

— Да,—сказалъ мнѣ прямо Клемансо,—я провалился. Но все равно, правительство должно уступить, иначе оно полетитъ.

И оно уступило. Въ ночь, когда собирался совѣтъ министровъ, и Гамбетта не произвелъ еще своей descente, я зашелъ въ редакцію газеты „Justice", издаваемой Клемансо. Онъ мнѣ повторилъ ту же фразу:

— Если правительство упрется, оно полетитъ завтра.

Такія вещи говоритъ онъ, не разражаясь ни бранью, ни революціонными междометіями, сжато и рѣшительно. Въ каждомъ словѣ сквозитъ темпераментъ, чувствуется нервная сила.

Остряки подшучиваютъ надъ Клемансо, указывая на то, какъ онъ во всемъ подражаетъ Гамбеттѣ: тотъ завелъ свою газету и сдѣлался журналистомъ, и этотъ также. Но такая подражательность неизбѣжна: безъ газеты въ настоящую минуту нельзя ни сгруппировать партіи, ни пріобрѣсти большого вліянія. Клемансо и не скрываетъ, что онъ желаетъ добиться виднаго положенія, сдѣлаться вожакомъ цѣлой фракціи палаты, попасть въ правительство. Его газета до сихъ поръ еще не очень распространена; я не думаю, чтобы она давала какой-нибудь дивидендъ своимъ пайщикамъ. Весной 1880 года, она печаталась не больше, какъ въ десяти тысячахъ экземпляровъ, что̀ теперь для Парижа и для большой газеты въ два су не особенно блестяще. Но не нужно забывать, что это газета новая. Если же взять ее, какъ политическо-литературный органъ, она свѣжѣе, оригинальнѣе, лучше редактируется, чѣмъ гамбеттовская „République Française". Кто держится радикальныхъ воззрѣній и любитъ бойкость формъ, тому нужно покупать „Justice". Клемансо, бросивъ рецепты и чтеніе медицинскихъ книгъ и журналовъ, и сдѣлавшись редакторомъ газеты, выказываетъ, въ сущности, больше таланта, чѣмъ Гамбетта. Такъ оно и должно быть. Онъ, какъ человѣкъ, новѣе. Онъ и его сотрудники менѣе священнодѣйствуютъ, стыдятся уже разныхъ коньковъ фразистаго якобинства, смотрятъ на вещи смѣлѣе, всякій вопросъ ставятъ глубже и послѣдовательнѣе. И вмѣстѣ съ тѣмъ Клемансо, какъ руководитель журнала, способенъ на великодушное признаніе заслугъ своего главнаго соперника. Не далѣе, какъ послѣ рѣчи Гамбетты въ защиту амнистіи, Клемансо первый сказалъ въ печати, что Гамбеттѣ и не слѣдовало бы опять подниматься на свое президентское мѣсто, то-есть призывалъ его прямо къ участію въ правительствѣ, къ мѣсту перваго министра.

Если даже это и была ловкая политическая штука, то и тогда она дѣлаетъ честь его уму. Такихъ представителей, какъ Клемансо, Франція должна желать въ тройномъ, въ четверномъ количествѣ противъ теперешняго. Французскій умъ заблудился въ идеализмѣ и романтическихъ общихъ мѣстахъ, но онъ призванъ къ точному знанію; логика—прямая сфера французской интеллигенціи. Естествознаніе, точные факты, положительное міровоззрѣніе—вотъ широкій путь французскаго ума. Этотъ складъ развитія воспринимаетъ быстрѣе, основательнѣе, шире, полнѣе, и политическій строй понятій. Предразсудки, мистицизмъ, кузеновскій эклектизмъ и всякое старье уже переработаны и отброшены каждымъ, кто получилъ такое образованіе, какъ Клемансо. И стóитъ только разсмотрѣть, изъ кого состоитъ радикальная партія палаты, чтобы убѣдиться въ тѣсной связи между научно-философскимъ развитіемъ и радикальными идеями. Кто ближайшіе пріятели и единомышленники Клемансо въ палатѣ? Это все депутаты, вышедшіе совсѣмъ не изъ сферы идеализма и адвокатскаго прекраснословія. Это—или бывшій профессоръ химіи, или писатель съ соціологическимъ образованіемъ, или дарвинистъ, или педагогъ, давно преданный научнымъ принципамъ.

Клемансо работаетъ каждый вечеръ въ редакціи своей газеты, точно также, какъ дѣлалъ это Гамбетта въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Редакція „Justice" помѣщается въ одномъ изъ первыхъ отъ бульвара домовъ „Faubourg Montmartre". Эта мѣстность—самое пекло газетной производительности. Тутъ, чтó ни домъ, то нѣсколько редакцій. Дома старые, долгіе года не передѣлываются ни снаружи, ни внутри. Вы входите въ большія ворота и васъ охватываетъ особый воздухъ помѣщеній, гдѣ находятся типографіи, переплетныя, экспедиціи газетъ. До поздней ночи слышенъ шумъ машинъ, горятъ газовые рожки надъ реалами, шныряютъ наборщики и метранпажи въ блузахъ, съ бумажными колпаками на головахъ или съ волосами, перевязанными тесемкой. Лѣстница почти всегда идетъ прямо изъ-подъ воротъ, какъ во многихъ варшавскихъ и берлинскихъ домахъ, плохо освѣщенная, грязная, деревянная. Въ каждомъ этажѣ по нѣскольку конторъ. Въ иныхъ домахъ помѣщенія такъ тѣсны, что вмѣсто комнатъ, къ какимъ мы привыкли въ нашихъ редакціяхъ, вы находите конурки. Въ редакцію „Justice" входишь также по темной лѣстницѣ. Пріемная—маленькій закоулочекъ, комната сотрудниковъ тѣсная, какъ и вездѣ, у редактора большой кабинетъ, гдѣ столько же говорятъ, сколько и пишутъ. Этимъ отличаются всѣ парижскія редакціи; на нихъ смотрятъ вовсе не такъ, какъ у насъ. Не одни репортеры, корреспонденты иностранныхъ журналовъ, но и пріятели, знакомые, депутаты заходятъ въ редакцію, какъ въ клубъ: узнать

новости, потолковать, приготовить что-нибудь на завтра, прочесть депешу. Такіе журналы, какъ „Figaro“, „Gaulois“ или скабрёзный „Gil Blas“, устроили цѣлые отели или завели магазины на бульварахъ, куда каждый можетъ войти съ улицы. Въ серьёзныхъ политическихъ газетахъ этого нѣтъ; туда заходятъ только знакомые люди. Чтобъ не мѣшать горячей работѣ въ концѣ вечера, надо приходить позднѣе, около часу ночи; тутъ все уже просмотрѣно, редакторы и главные сотрудники дѣлаютъ передышку. Но у всѣхъ французскихъ журналистовъ есть замѣчательная способность работать на міру, когда кругомъ ходятъ, разговариваютъ, курятъ, смѣются. Въ „Justice“ гораздо тише и строже, насколько я могъ замѣтить. Клемансо держится въ своемъ кабинетѣ простого тона, нисколько не рисуется, производитъ впечатлѣніе работника, одинаково способнаго и къ парламентской роли, и къ роли журналиста; да при бойкой политической жизни эти обѣ роли сливаются. Это въ сущности одна трибуна: утромъ говорятъ, вечеромъ пишутъ. Всякій французъ способенъ на обѣ спеціальности. Сидя въ редакторскомъ кабинетѣ Клемансо, можно видѣть, что тутъ производится то же самое, что и въ „République Française“ Гамбетты: ведется своя линія, защищаются энергически интересы партіи. Видите вы, что хозяинъ этой газеты составилъ себѣ програму и не черезъ годъ, такъ черезъ два попадетъ во власть. Эта рамка неизбѣжна. Но подъ ней есть уже иное содержаніе. И хозяинъ не тотъ, и его сотрудники принадлежатъ, если не къ другой генераціи, то къ другому интеллигентному слою. Все проще, можетъ быть, посуше, но гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе.

Жизнь соперника Гамбетты вставлена уже теперь въ тиски политическаго человѣка. Отъ двухъ часовъ до шести палата, тамъ обѣдъ, вечеромъ вплоть до поздней ночи редакція, утромъ пріемъ посѣтителей и засѣданіе въ коммиссіяхъ, послѣ часу завтракъ передъ началомъ парламентскаго засѣданія. Вырваться изъ этого невозможно.

Какъ же живетъ Клемансо, въ какой обстановкѣ? Судьбѣ угодно было, чтобы онъ даже и квартиру нашелъ въ той улицѣ, гдѣ Гамбетта жилъ послѣ коммуны. Квартира его не въ томъ самомъ домѣ, но по близости и входъ чрезвычайно похожъ: также небольшой чистый дворикъ, дверь налѣво и въ томъ же этажѣ. Живетъ онъ, сколько я замѣтилъ, съ обстановкой, отзывающейся докторомъ съ порядочной практикой: тѣсный кабинетъ, заставленный книгами, скромный, приличный салончикъ. Въ такой же обстановкѣ жилъ и Гамбетта въ той Rue Montaigne, только у него, сколько помню, было меньше книгъ. Но уже и тогда при немъ состоялъ секретарь, какимъ Клемансо еще не обзаводился. Утромъ у себя Клемансо

такой же, какъ и въ редакціи, только повеселѣе и свободнѣе. Вызвать его на всякій общественный и политическій разговоръ очень легко. Онъ говоритъ много и скоро, но не болтливъ. Изъ его квартиры, съ двумя депутатами радикальной партіи, мы отправились завтракать въ Елисейскія поля, къ Дойену, гдѣ помѣстились подъ навѣсомъ, на воздухѣ. Тутъ было очень много народу, дамъ, иностранцевъ и депутатовъ, такъ какъ ресторанъ въ пяти минутахъ ходьбы отъ палаты. Клемансо уже обращаетъ на себя вниманіе. Сейчасъ около насъ стали переглядываться и называть его имя. Въ публикѣ его манера держать себя для француза, уже играющаго роль, безупречна. Онъ говорилъ съ нами горячо, но не шумно, говорилъ такъ, что всѣ его фразы были слышны. Мнѣ нравится то, когда политическій человѣкъ не держитъ себя авгуромъ, не напускаетъ на себя чопорности и большей сдержанности при „людяхъ", чѣмъ у себя въ кабинетѣ, или на трибунѣ. Разумѣется, онъ не станетъ вдаваться въ интимныя вещи тамъ, гдѣ его можетъ слышать каждый проходящій. Этимъ и привлекательна французская жизнь, что вы видите, какъ все течетъ волной, съ улицы попадаетъ въ палату, изъ палаты въ интимные кружки; всякій вопросъ, слухъ, даже сплетня, если въ нихъ есть общественный интересъ, дѣлаются всеобщимъ достояніемъ.

Не знаю, есть ли въ Клемансо та ширина образованія, какая дается долгими годами начитанности, путешествій, столкновеній съ лучшими людьми эпохи. И онъ, сколько я замѣтилъ, отдаетъ дань недостаткамъ французскаго развитія; и въ немъ сидятъ готовыя формулы, не такія, какъ въ Гамбеттѣ, поновѣе и глубже, но все-таки уже обратившіяся въ афоризмы. И то сказать, безъ нихъ не пробьешь бреши и не пролѣзешь туда, гдѣ желаетъ стоять каждый французъ съ талантомъ и темпераментомъ, т.-е. на мѣсто вожака и администратора.

Наплывъ новыхъ идей и требованій дѣлаетъ то, что въ республиканской „лѣвой" вы находите депутатовъ, которые держатся мирныхъ отношеній и съ Гамбеттой, и съ Клемансо, а между тѣмъ, по многимъ своимъ взглядамъ и симпатіямъ стоятъ особо, идутъ гораздо дальше. Таковъ, напримѣръ, хоть Накѐ. Это личность едва ли не болѣе своеобразная, чѣмъ оба вожака республиканской фракціи. Русскіе читатели знаютъ его по имени, немного ознакомились въ послѣдніе годы съ его ролью въ палатѣ, но едва ли имѣютъ объ немъ отчетливое представленіе. Одинъ изъ депутатовъ, съ которымъ мы завтракали въ Елисейскихъ поляхъ, и былъ Накѐ. Онъ часто видится съ Клемансо, но въ то же время его отношенія къ Гамбеттѣ значительно смягчились противъ прежняго; онъ охотно обращается

къ нему по разнымъ дѣламъ, какъ къ президенту палаты, и бесѣдуетъ въ антрактахъ; но онъ остался горячимъ сторонникомъ многихъ соціальныхъ вопросовъ, какіе для Клемансо и особенно Гамбетты стоятъ на заднемъ планѣ. Въ послѣдніе годы надъ Накè много потѣшалась реакціонная пресса, „Figaro" и „Gaulois"; сатирическіе листки печатали его каррикатуры. Его наружность даетъ обильную пищу комическимъ изображеніямъ. Накè—французскій еврей съ юга Франціи, изъ города Карпантраса, имя котораго употребляется такъ, какъ у насъ какой-нибудь Царево-Кокшайскъ. Типъ лица у него еврейскій, но пріятный. Маленькій ростъ и большой горбъ дѣлаютъ его фигуру чрезвычайно удобной для каррикатурныхъ изображеній. Теперь Накé уже подъ пятьдесятъ лѣтъ. Волосы его посѣдѣли, но глаза сохранили все тотъ же блескъ. Онъ сталъ говорить лучше, чѣмъ прежде, т.-е. превратился изъ лектора въ политическаго оратора. Это—воспріимчивая, мягкая, чрезвычайно добродушная и многосторонняя натура, конечно, не безъ слабостей; но его слабости всѣ частнаго характера. Про него можно сказать то же, что́ и про Клемансо, но еще въ сильнѣйшей степени. Это человѣкъ, вышедшій изъ сферы научной. Накè—ученый, давно уже воспріимчивый къ политическимъ и соціальнымъ интересамъ. Его головѣ и сердцу было нѣсколько суховато въ лабораторіи и въ научныхъ книгахъ. До половины 60-хъ годовъ, Накè, дѣлая себѣ имя хорошаго химика, состоялъ адъюнктомъ медицинской школы въ Парижѣ. Передъ тѣмъ онъ преподавалъ химію въ палермскомъ университетѣ, въ Италіи. Кромѣ спеціальныхъ химическихъ знаній онъ, какъ всякій преподаватель медицинской школы, долженъ былъ получить и степень доктора медицины. Знаніе языковъ, интересъ къ литературѣ и общественнымъ вопросамъ, легкость пріобрѣтенія всякаго рода свѣдѣній, сдѣлали изъ Накè большого энциклопедиста. Въ половинѣ 60-хъ годовъ онъ уже успѣлъ серьёзно скомпрометировать себя, попавши членомъ въ одинъ маленькій „заговоръ", какіе въ бонапартово время полиція открывала очень часто, въ родѣ тайнаго общества изъ романа Зола̀ „Ventre de Paris". Въ этомъ обществѣ, сколько я помню, было человѣкъ двѣнадцать членовъ. Изъ нихъ во время слѣдствія и процесса оказалось два или три шпіона, такъ-называемыхъ agents provocateurs. Найденъ былъ даже и уставъ въ какомъ-то укромномъ мѣстѣ, закупоренный въ жестянку. Накè былъ осужденъ къ восьмнадцатимѣсячному тюремному заключенію. Онъ высидѣлъ этотъ срокъ не въ тюрьмѣ, а въ муниципальной больницѣ, въ извѣстномъ домѣ Dubois, гдѣ писалъ химическія статьи для разныхъ журналовъ и написалъ свою книгу подъ названіемъ: „Семейство, религія, собственность". Эта книга показала, до какой степени онъ уже

развилъ и укрѣпилъ въ себѣ антиконсервативныя воззрѣнія. Отсидѣвши въ больницѣ, Накѐ опять былъ присужденъ къ тюремному заключенію за этотъ трудъ, признанный судебной властью развращающимъ и подрывающимъ общественныя основы. Накѐ находился въ отсутствіи, потомъ былъ корреспондентомъ въ Испаніи, жилъ на югѣ и такъ и не попалъ снова въ тюрьму, дождался революціи 4-го сентября, имѣлъ порученіе научнаго характера по артиллерійскому вѣдомству отъ правительства въ Турѣ, а при созваніи палаты попалъ въ депутаты отъ своего Карпантраса. Многіе, знавшіе его лично, въ томъ числѣ не мало русскихъ, жалѣли всегда, что онъ не пошелъ дальше по ученой дорогѣ, промѣнялъ свое довольно извѣстное имя на роль непризваннаго защитника радикальныхъ и соціалистическихъ идей. Тѣмъ временемъ Накѐ нѣсколько измѣнилъ свои соціальные взгляды, но остался все-таки приверженцемъ самой широкой эмансипаціи двухъ существъ, на которыхъ тяготитъ современный строй общества: пролетарія и женщины. Его книжка „Радикальная республика" показываетъ также высокій уровень его чисто политическихъ идеаловъ. Накѐ пишетъ языкомъ ученаго, ясно, но суховато, почти съ полнымъ отсутствіемъ литературной живости. Кромѣ этихъ книжекъ онъ постоянно сотрудничалъ, какъ корреспондентъ, въ разныхъ провинціальныхъ и заграничныхъ журналахъ и писалъ передовыя статьи и научные фельетоны во многихъ парижскихъ изданіяхъ. Прежняя палата вплоть до паденія Макъ-Магона не хотѣла его слушать, подтрунивала надъ нимъ, а иногда разражалась въ самыхъ вызывающихъ выходкахъ и доставляла еще новую пищу травлѣ реакціонныхъ и даже умѣренно-либеральныхъ ѳрлгановъ печати.

— Мое положеніе,—разсказывалъ мнѣ самъ Наке,—было очень некрасивое, не говоря уже о томъ, что и самая жизнь депутата, когда надо было ѣздить каждый день въ Версаль, порядочная каторга! Она отнимала у меня досугъ, какой я могъ бы употребить на литературные труды. Я перемѣнилъ тактику. Когда наступила благопріятная минута, я сказалъ себѣ: надо предлагать законы, надо заставить себя слушать этимъ именно путемъ, а не произнесеніемъ рѣчи только въ поддержку или въ оппозицію того, что̀ другіе предлагаютъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Замѣтимъ, что Накѐ не ораторъ во вкусѣ Гамбетты или другого наметаннаго адвоката. Въ немъ до сихъ поръ чувствуется хорошій лекторъ, бесѣдующій складно, чрезвычайно отчетливо, искреннимъ тономъ, изящнымъ языкомъ, но съ южнымъ акцентомъ. Бесѣда Накѐ и его рѣчи показываютъ человѣка очень односторонняго образованія и большія логическія способности. Его примѣры, доводы, наведенія,

доказательства разработаны въ школѣ положительной науки и преподаванія точныхъ знаній. А давнишняя симпатія въ общественныхъ вопросахъ подсказала ему и мотивы законопроектовъ. Поэтому онъ и выступилъ защитникомъ необходимости развода. Онъ представилъ и еще нѣсколько проектовъ, но законопроектъ о разводѣ возвелъ его въ парламентскую личность. Въ защитѣ этого проекта Накè выказалъ очень большую энергію и дѣйствовалъ на англо-американскій манеръ. Вопросу о разводѣ и положенію женщины онъ посвятилъ нѣсколько публичныхъ лекцій или, какъ ихъ называютъ въ Парижѣ, conférences въ извѣстной залѣ, помѣщающейся на бульварѣ Капуциновъ. Эти лекціи имѣли успѣхъ. Накè сдѣлался обычнымъ лекторомъ этой залы. Антрепренеръ предложилъ ему, видя интересъ, возбуждаемый имъ, объѣздить всю Францію и читать на тэму развода и близкихъ къ тому общественныхъ вопросовъ. Этотъ объѣздъ, во-первыхъ, поднялъ популярность Накè, сдѣлалъ его извѣстнымъ во всѣхъ углахъ Франціи, а во-вторыхъ, далъ ему и очень немалый матеріальный заработокъ, тысячъ до пяти рублей по нашему теперешнему курсу. Въ палатѣ законъ Накè сначала тормазили, но все-таки слушали его. Въ литературѣ онъ нашелъ себѣ такого вліятельнаго пособника, какъ Дюма-сынъ, напечатавшаго о разводѣ цѣлую книгу. Между міровоззрѣніемъ Накè и умственнымъ кругозоромъ и складомъ многихъ убѣжденій Дюма, разстояніе очень большое, но въ этомъ вопросѣ академикъ, дѣйствующій больше парадоксами, чѣмъ научно-философскими принципами, сошелся съ радикаломъ. Множество читателей, которые до тѣхъ поръ произносили имя Накè чуть не съ омерзѣніемъ, но благоволили къ Дюма, нашли въ книгѣ драматурга почтительное обращеніе къ депутату-химику, признательность за его пропаганду того дѣла, какое и Дюма считаетъ благимъ и настоятельнымъ.

Но нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ депутатствѣ, научили Накè практической мудрости. Онъ долженъ былъ сдѣлать уступки. Въ первоначальномъ видѣ, съ расторженіемъ брака по взаимному соглашенію, законъ не пройдетъ, по крайней мѣрѣ въ теперешней палатѣ. Это Накè прекрасно знаетъ и мирится съ очень существенными поправками.

— Могу васъ увѣрить,—говорилъ онъ мнѣ, — что президентъ республики, несмотря на свои 72 года и умѣренный образъ мыслей, безусловно сторонникъ моего первоначальнаго проекта. Онъ стоитъ за расторженіе брака по взаимному соглашенію. Но президентъ не палата.

Палата окажется, конечно, консервативнѣе не только стараго президента, отличающагося строгими семейными нравами, но и та-

кого академика, какъ Дюма, совсѣмъ уже не радикально мыслящаго въ общихъ политическихъ вопросахъ, за исключеніемъ, однако, вопроса о политическихъ правахъ женщины, гдѣ этотъ академикъ сходится съ радикаломъ-химикомъ.

Когда „законъ Наке" пройдетъ, то при слѣдующемъ составѣ палаты этому защитнику женщины и пролетарія навѣрно удастся провести и другіе проекты и связать съ своимъ именемъ побѣду новыхъ общественныхъ идеаловъ. Его также можно упрекнуть въ извѣстномъ оппортюнизмѣ, зная, напримѣръ, что онъ въ личныхъ сношеніяхъ ладитъ съ Гамбеттой. Многіе не прощаютъ ему и уступокъ, сдѣланныхъ имъ въ коммиссіяхъ по разсмотрѣнію проекта закона о разводѣ. Но такая уступчивость, въ правильной парламентской жизни, неизбѣжна. Горячая преданность вопросу, личная пропаганда словомъ и въ печати, серьёзность и дѣльность, выказанныя въ борьбѣ, сдѣлали то, что личность Наке перестала уже возбуждать дешевое глумленіе. Разводъ во Франціи будетъ, хотя на первыхъ порахъ и ограниченный, а остальное—дѣло времени.

Не будетъ нескромностью прибавить, что Наке и по личной судьбѣ долженъ былъ выстрадать тяжесть и неосмысленность теперешняго законодательства. Его брачная жизнь давно не задалась, а цѣпи все-таки нужно носить, потому-что судебное séparation de corps не даетъ ни мужу, ни женѣ права вступать въ новый бракъ или, по крайней мѣрѣ, считать себя вполнѣ свободными отъ всякаго обязательства. Злые языки прибавляютъ, что этотъ провансалецъ такъ стоитъ за женскій вопросъ по своему женолюбію. Если бы даже это было вѣрно, то нѣжное сердце сослужило въ данномъ случаѣ добрую службу уму и чувству общественной правды. Но женолюбцевъ во Франціи много: въ ихъ-то средѣ и держатся упорно самыя закоренѣлыя понятія, самые эгоистическіе инстинкты чуть не рабовладѣльцевъ въ воззрѣніяхъ на женщину. Безъ продолжительнаго умственнаго труда, безъ воспріимчивости къ идеѣ общественнаго блага нельзя было бы разработать вопроса во всѣхъ его частяхъ, найти въ себѣ столько доводовъ, такой потокъ рѣчей, конференцій, бесѣдъ, статей, какъ это сдѣлалъ Наке.

Его пріятельскія отношенія съ Клемансо и съ депутатами различныхъ фракцій республиканской лѣвой—хорошій признакъ времени. Будь онъ „непримиримый", не умѣй онъ ладить, не поступайся своими коренными принципами, не происходило бы постояннаго общенія идей между разными оттѣнками французскаго демократизма. Только такимъ путемъ, оказывается, что къ концу сессіи республиканецъ сдѣлался значительно рѣшительнѣе, политическій радикалъ пріобрѣтетъ гораздо больше сочувствія къ общественнымъ реформамъ.

Такая взаимная уступчивость и связь въ результатѣ весьма и весьма полезна.

Не знаю, добьется ли Накè мѣста въ одномъ изъ будущихъ министерствъ, вообще попадетъ ли во власть. Но для поддержки коренныхъ реформъ въ народномъ образованіи и въ экономическомъ строѣ общества онъ бы оказался, конечно, искренне убѣжденнымъ человѣкомъ. Все, чтó онъ сталъ бы проводить въ жизнь, было имъ уже воспринято и обработано десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда теперешніе реформаторы, въ родѣ министра Ферри, только лепетали азбуку буржуазнаго либерализма. Люди, какъ Накè, оказались бы въ такомъ дѣлѣ не самоучками, не случайными дѣятелями, не адвокатами или журналистами, не имѣвшими съ наукой, знаніемъ, съ педагогической дѣятельностью никакого прямого соприкосновенія до тѣхъ поръ, пока не попали во власть. Другой вопросъ, достанетъ ли у Накè характера для административной дѣятельности. Можетъ быть, онъ окажется слишкомъ мягкимъ по своей добродушной натурѣ; но умъ у него, какъ я уже сказалъ, отличается логической ясностью и способностью провѣрять всѣ свои увлеченія и, гдѣ нужно, замѣнять ихъ болѣе прочными воззрѣніями. Въ людяхъ, какъ Накè (а ихъ въ республиканской лѣвой чрезвычайно мало), хорошо и то, что они вовсе не священнодѣйствуютъ, у нихъ есть всегда большой запасъ здраваго смысла и даже мягко юмористическаго отношенія къ тому, чтó еще держится по традиціи, къ людямъ, къ извѣстнымъ формуламъ, къ внѣшности республиканства. Они и на противниковъ смотрятъ трезво, несмотря на свою репутацію хищныхъ демагоговъ. Накè одинъ изъ первыхъ, предсказывалъ въ бесѣдахъ съ пріятелями, что болѣе талантливые бонапартисты непремѣнно кончатъ тѣмъ, что перейдутъ въ республиканскій лагерь.

— Ихъ положеніе,—говорилъ онъ мнѣ,—очень незавидно. Всѣмъ хочется что-нибудь получить, а имъ нѣтъ никакого ходу. Они не бездарнѣе другихъ; нѣкоторые, напримѣръ, Митчель, даже весьма умные малые, отлично понимающіе, что ихъ пѣсенка спѣта.

Такъ оно и начинаетъ сбываться.

Мнѣ кажется, что Гамбетта, Клемансо и Накè представляютъ собой три выдающихся *творческихъ* элемента французскаго движенія: республиканскій темпераментъ съ консервативной подкладкой, политическій радикализмъ, общественно-экономическіе идеалы и запросы, просвѣтленные и умѣренные точнымъ знаніемъ.

П. Боборыкинъ.

Москва, декабрь 1880.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 марта, 1881.

Столица и имперскій канцлеръ.

Въ пасмурный, осенній день 1847 г. я, тогда еще юноша, въ первый разъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Въ теченіе трехъ семестровъ я изучалъ права въ Бреславлѣ, и намѣревался окончить свое образованіе въ здѣшнемъ университетѣ. И теперь еще я живо помню этотъ день. Пріѣхавъ утромъ въ Берлинъ, я остановился въ маленькой, отвѣчавшей моимъ финансовымъ обстоятельствамъ, гостинницѣ въ Кёнигштатѣ, томъ самомъ восточномъ кварталѣ Берлина, который нѣкогда считался главною частью города; да и теперь еще занимаетъ довольно важное мѣсто въ торговомъ отношеніи, по своимъ значительнымъ оборотамъ и оживленной жизни. Наскоро переодѣвшись, я отправился осматривать городъ. Пройдя Королевскую улицу, главную улицу этой части города, вы сразу натыкаетесь на первый и, можетъ быть, прекраснѣйшій памятникъ Берлина,—великолѣпную статую великаго курфюрста на такъ-называемомъ мосту курфюрста, перекинутомъ черезъ Шпре, и соединяющемъ „Königstadt" съ дворцовой площадью. Стоя на мосту, вы видите передъ собою обширную дворцовую площадь, направо возвышается почтенный, старинный, неуклюже-массивный, но весьма внушительный королевскій зàмокъ, омываемый Шпре, — а дальше, по ту сторону площади... Да, въ то время глазамъ представлялся нѣсколько иной видъ, чѣмъ теперь. Именно, по ту сторону площади тянулась въ то время постройка въ видѣ колоннады, называвшаяся „Stechbahn" (ристалище), и судя по названію,—впрочемъ, не утверждаю, чтобы эта этимологія была правильна,—служившая еще въ отдаленныя времена мѣстомъ для турнировъ. Такія постройки и теперь еще очень часто встрѣчаются въ болѣе древнихъ, а также въ южныхъ городахъ, и называются иногда бесѣдками (Lauben). Это рядъ зданій, нижній этажъ которыхъ выходитъ на огороженную арену. Дворцовая площадь весьма обширна, хотя, конечно, не можетъ быть и сравниваема съ петербургскими площадями; однако, я и теперь еще отчетливо помню, какой безконечно длинной показалась она мнѣ въ то время; я даже почти усталъ, переходя черезъ нее.

Вотъ, что значитъ воображеніе; сколько разъ я переходилъ потомъ эту площадь, почти безъ всякаго напряженія силъ; но съ пер-

ваго взгляда многое всегда кажется или труднѣе, или легче, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Я привыкъ къ студенческой свободѣ въ Бреславлѣ, и выйдя изъ дому, закурилъ по привычкѣ сигару. Прогуливаясь такимъ образомъ въ сознаніи своего счастья и благополучія, я замѣтилъ, что прохожіе внимательно и съ удивленіемъ оглядываютъ меня; хотя, тщательно осмотрѣвъ свою особу, я убѣдился, что въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго и узнать во мнѣ провинціала невозможно. Тѣмъ не менѣе этотъ осмотръ не прекращался, а напротивъ усиливался, пока наконецъ какой-то прохожій не подошелъ ко мнѣ и, хлопнувъ меня по плечу, шепнулъ на ухо (притомъ на чистомъ берлинскомъ діалектѣ, котораго я не могу здѣсь передразнить): „Развѣ вы не знаете, что курить запрещено?“ Признаюсь, это запрещеніе мнѣ было совершенно неизвѣстно; но вѣдь незнаніе закона нигдѣ никого не оправдываетъ, такъ, что еслибы я попался въ руки какого-нибудь стража закона, то, безъ сомнѣнія, былъ бы приговоренъ къ штрафу, впрочемъ, не особенно значительному. Я упомянулъ объ этомъ маленькомъ происшествіи только для того, чтобы указать, что я засталъ еще старый Берлинъ. Правда, есть люди, которые помнятъ Берлинъ еще съ гораздо болѣе отдаленныхъ временъ, именно съ тѣхъ временъ, когда въ немъ еще не было газоваго освѣщенія. Впрочемъ, разница во времени тутъ, сравнительно говоря, не велика; такъ что я имѣю полное право утверждать, что засталъ послѣднюю картину стараго Берлина. Въ то время это былъ городъ, насчитывавшій едва 300,000 жителей, хотя въ то время такой городъ былъ равенъ по значенію теперешнему городу съ вдвое бо̀льшимъ числомъ жителей. Когда на склонѣ жизни оглянешься, такимъ образомъ, назадъ и постараешься прослѣдить міровое развитіе въ сравнительно небольшой промежутокъ времени, то право удивляешься его размѣрамъ. Какими смѣшными, ничтожными кажутся теперь цифры сельскаго и городского,—въ особенности городского,—населенія, которыя намъ приходилось заучивать въ школахъ. Хотя я и не помню того времени, когда Европа впервые познакомилась съ газомъ; но въ моемъ родномъ городкѣ онъ былъ впервые введенъ на моихъ глазахъ, и распространился съ такою быстротою, какая незамѣтна для болѣе молодого поколѣнія, такъ какъ оно застало его уже вполнѣ утвердившимся. Въ тридцатыхъ годахъ, маленькіе и средней величины города просто гонялись въ запуски за газовымъ освѣщеніемъ. Свѣтъ имѣетъ необыкновенную привлекательность и побѣда надъ темнотой ночи удивительно пріятна, и вотъ вскорѣ то здѣсь, то тамъ въ городахъ и въ городкахъ замелькали газовые рожки и совершенно вытѣснили тусклые масляные фонари, плохо освѣщавшіе ночную тьму. Потомъ я увидѣлъ на своей родинѣ пер-

выя желѣзныя дороги; и тотъ, кто не пережилъ этой эпохи, не можетъ и представить себѣ, какое огромное впечатлѣніе производили на людей невидимыя силы этихъ машинъ, летящихъ по гладкимъ рельсамъ. При мирномъ развитіи невозможно найти рѣзкую грань между старымъ и новымъ временемъ. Историки легко выпутываются изъ этого затрудненія; они просто дѣлятъ исторію на древнюю, среднюю, новую и новѣйшую; но все-таки это раздѣленіе оказывается чисто внѣшнимъ: одинъ томъ оконченъ, другой начинается. На самомъ дѣлѣ каждый живетъ среди движенія, среди катящагося потока, который ежеминутно измѣняетъ свой видъ и все-таки остается однимъ и тѣмъ же. Но для Берлина можно считать революцію 18-го марта 1848 г. гранью между старымъ и новымъ періодомъ. Предвѣстниками этого новаго періода явились еще до революціи два фактора, о которыхъ я только что упомянулъ, — газъ и желѣзныя дороги. Но, вообще говоря, Берлинъ въ то время былъ небольшимъ городомъ, имѣвшимъ значеніе только благодаря двору. Мнѣ кажется, что въ то время, люди, жившіе въ одномъ домѣ или по сосѣдству, знавали другъ друга, чего теперь, какъ извѣстно, больше не бываетъ и можно прожить долгіе годы рядомъ, не зная даже имени одинъ другого. Дворъ накладывалъ свой отпечатокъ на Берлинъ, роскошь и блескъ королевской власти играли въ этомъ сравнительно небольшомъ городкѣ огромную роль и занимали гораздо болѣе замѣтное мѣсто, чѣмъ теперь. Точно также и военные гораздо болѣе бросались въ глаза, чѣмъ теперь,—хотя и въ настоящее время въ нихъ нѣтъ недостатка,—уже потому, что казармы находились въ то время въ центрѣ города,—тогда какъ теперь онѣ перенесены въ самые отдаленные кварталы,—и военныя упражненія гораздо чаще совершались внутри города. Офицеры также играли въ то время болѣе видную роль въ городѣ, чѣмъ теперь; это явленіе прежде всего бросалось въ глаза пріѣзжимъ. Многочисленные гвардейскіе офицеры собирались въ кондитерской Кранцлера, на углу Linden и Фридрихштрассе, усаживались на стулья передъ кондитерской и вытягивали свои длинныя ноги на рѣшетку, что вовсе не было ни интересно, ни назидательно для прохожихъ. Вскорѣ послѣ революціи этотъ обычай былъ уничтоженъ по высочайшему указу. Вообще въ то время офицеръ велъ себя съ публикой гораздо нахальнѣе, чѣмъ теперь; нравы съ теченіемъ времени совершенно измѣнились, сословія чрезвычайно сблизились, по крайней мѣрѣ, по наружности; а благодаря послѣдней войнѣ, когда, собственно говоря, впервые была примѣнена всеобщая воинская повинность, пропасть, отдѣлявшая военнаго отъ штатскаго, значительно уменьшилась, если еще не уничтожилась совершенно. Въ то время у офицеровъ было гораздо меньше дѣла,

чѣмъ теперь. Особеннаго образованія отъ нихъ не требовалось; и на обученіе солдатъ тратилось несравненно менѣе времени и силъ, чѣмъ нынѣ. Другую особенность той эпохи, теперь совершенно исчезнувшую, представляли жандармы, полицейская стража города.

Жандармы, конечно, существуютъ еще и теперь, но только въ провинціи они составляютъ особый военный корпусъ, какъ и во Франціи, но прежній жандармъ представлялъ изъ себя какое-то привилегированное лицо, проникнутое строго военнымъ духомъ, и въ которомъ берлинцы усматривали до нѣкоторой степени враждебный элементъ. Конечно, этотъ взглядъ не исчезъ безслѣдно; и, можетъ быть, еще и теперь проявляется въ враждебномъ настроеніи относительно полиціи, на которую многіе классы населенія, и притомъ не только мошенники и пьяницы, но и добрые граждане, смотрятъ какъ на элементъ, съ которымъ нужно бороться; въ противность англичанамъ, которые видятъ въ полиціи одно изъ средствъ своей безопасности, и если даже испытываютъ отъ нея кое-какія неудобства, то гораздо живѣе, чѣмъ здѣсь, ощущаютъ ея выгоды. Въ 1849 г. жандармерію замѣнилъ теперешній охранительный отрядъ, мѣстное городское учрежденіе, основанное тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Кюльветтеромъ, по образцу англійской полиціи, какъ это ясно видно изъ того, что первоначально новые охранители получили названіе констеблей.

Однако, я перешелъ уже къ событіямъ послѣ 1848 г.; возвращусь опять на ту сторону великой стѣны, раздѣляющей обѣ эпохи, и буду описывать жизнь стараго города. Послѣ двора и военнаго сословія, самую главную роль играло разумѣется сословіе чиновниковъ, какъ это и естественно въ городѣ, служащемъ центромъ администраціи. Однако, сословіе чиновниковъ до 1848 г. относилось къ военному сословію и къ государству совершенно иначе, чѣмъ послѣ 1848. Какъ послѣ 1866 г. повсюду повторяли, что Пруссія обязана побѣдой школьному учителю, такъ въ эпоху между 1815 и 1848 гг. повсемѣстно царило убѣденіе, по крайней мѣрѣ среди самихъ чиновниковъ, что они, чиновники, составляютъ сильнѣйшую и вѣрнѣйшую опору прусскаго государства, и даже военное сословіе играетъ только подчиненную роль, сравнительно съ ними. Это явленіе достаточно объясняется тѣмъ, что по окончаніи, въ 1815 г., великихъ войнъ, военное сословіе почти или даже вовсе не имѣло случаевъ оказать услугу странѣ. Я очень живо помню, какъ въ ранніе годы моего дѣтства, почтенные чиновники бранили празднаго военнаго, подобно демократамъ худшаго сорта, которые послѣ 1848 г. и до настоящаго времени желаютъ совсѣмъ упразднить военнаго не сегодня такъ завтра. Конечно, сословіе чиновниковъ оказало странѣ огромныя

услуги. Оно было либерально, какъ это вообще свойственно образованнымъ чиновникамъ, стремилось къ улучшеніямъ, и вовсе не отказывалось отъ нихъ, хотя въ правленіе Фридриха-Вильгельма III, когда онъ въ концѣ вполнѣ отдался реакціоннымъ стремленіямъ, именно, высшіе чиновники относились антипатично и враждебно къ этому общему тогдашнему направленію. Затѣмъ идетъ старое нѣмецкое бюргерство, широкимъ слоемъ охватывавшее весь Берлинъ; теперь оно совершенно исчезло; или, если сохранилось, то только въ немногихъ экземплярахъ, число которыхъ уменьшается со дня на день. Старый берлинскій бюргеръ былъ, относительно говоря, осѣдлый человѣкъ, хотя Берлинъ принадлежалъ къ числу молодыхъ городовъ и ему недоставало знатности древняго происхожденія, на которую могли претендовать многіе другіе города и въ томъ числѣ нѣкоторые сѣверные. Но та эпоха, когда свободы переселенія вовсе не существовало, была, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, безконечно консервативнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Дома переходили отъ дѣда къ сыну и внуку, торговля передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе и велась на одномъ и томъ же мѣстѣ; связи были прочнѣе и интимнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда разрушены были всѣ узаконенныя границы и началось сильное движеніе въ жизни города. Тѣ самые бюргеры, которые до 1848 г. пользовались извѣстной автономіей въ управленіи городскими дѣлами въ собраніи городскихъ представителей, были строгими монархистами и скорѣе высказывались противъ либеральныхъ идей того времени, нежели за нихъ. Собранія городскихъ представителей не были прежде публичными; но уже въ первые годы правленія Фридриха-Вильгельма IV онѣ сдѣлались публичными, не возбуждая впрочемъ особаго интереса въ публикѣ. Имъ часто приходилось вести борьбу и отстаивать свои права передъ министромъ, который тогда, какъ и теперь, пользовался исполнительной властью, а на счетъ ея границъ естественно возникають столкновенія между совѣщательными и исполнительными корпораціями. Однако уже и тогда исполнительная власть отчасти перешла къ такъ-называемымъ депутаціямъ, комитетамъ изъ городскихъ представителей, которые формально зависѣли отъ магистрата, но на самомъ дѣлѣ часто дѣйствовали самостоятельно, причемъ это отношеніе смягчалось тѣмъ, что въ депутаціяхъ всегда принимали участіе также члены магистрата. Впрочемъ, это собраніе отличалось мелочностью; бережливость, которая сама по себѣ, конечно, не составляетъ порока, была его главнымъ принципомъ и въ такой степени, что городъ отставалъ въ своемъ развитіи отъ другихъ большихъ городовъ. Предпріятіе, служившее предвѣстникомъ новаго времени, введеніе газоваго освѣщенія, послѣдовало не по иниціативѣ

городскихъ представителей, но было поручено англійской компаніи; черезъ это берлинская община избавилась отъ всякаго риска, но за то и до сихъ поръ платитъ дань этой компаніи. Разумѣется, впослѣдствіи устроился городской газовый заводъ, снабжающій теперь газомъ бо́льшую часть города; но англійское общество продолжаетъ существовать на ряду съ нимъ и за этотъ періодъ уплатило своимъ первоначальнымъ акціонерамъ огромныя суммы денегъ. Нужно отдать справедливость англичанамъ: они умѣютъ прекрасно вести свои предпріятія. Они обдумываютъ дѣло, прежде чѣмъ взяться за него, но разъ взявшись, смѣло рискуютъ тамъ, гдѣ нужно рисковать, и ведутъ дѣло честно, добросовѣстно и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Три предпріятія, основанныя ими въ Берлинѣ, газовое общество, первая конно-желѣзная дорога и водопроводъ, служатъ самымъ похвальнымъ свидѣтельствомъ ихъ дѣловымъ способностямъ и могутъ быть поставлены въ примѣръ нѣмцамъ, которымъ въ значительной степени недостаетъ тѣхъ качествъ, благодаря которымъ англичане являются такимъ могущественнымъ и богатымъ народомъ.

Въ томъ же 1847 г. появились первые ясные признаки великаго движенія, которое вскорѣ потрясло всю Европу. Первыя волны этого движенія застали меня еще въ Бреславскомъ университетѣ. Бреславль, незадолго до того времени, когда я поступилъ въ университетъ, былъ мѣстомъ процвѣтанія стараго студенчества. Тамъ процвѣтала дикая жизнь, хотя отчасти и смягченная, но все же непонятная для современнаго человѣка; жизнь, которая составляла неотъемлемую принадлежность студенчества въ болѣе отдаленныя времена. Студенты раздѣлялись на общества, на извѣстныя областныя корпораціи, жившія по своимъ собственнымъ уставамъ; внѣ этихъ обществъ для студента не было никакого спасенія; потому что тотъ, кто не принадлежалъ къ нимъ, оказывался почти въ положеніи паріи, не находилъ нигдѣ защиты и покровительства и былъ даже презираемъ. Общество „буршей“ отличалось нѣсколько болѣе возвышеннымъ характеромъ, но за свой національный образъ мыслей они уже вскорѣ послѣ войны за освобожденіе подверглись преслѣдованіямъ, въ качествѣ демагоговъ, и могли влачить свое существованіе только въ тайнѣ. Но мало-по-малу тяготѣвшій надъ ними гнетъ ослабѣлъ, и какъ разъ въ то время, о которомъ я говорю, „бурши“ начали пріобрѣтать вліяніе и силу. Главнымъ пунктомъ ихъ программы была борьба противъ дуэлей, бывшихъ въ то время душою всѣхъ студентскихъ „союзовъ“; въ Бреславлѣ борьба приняла обширные размѣры. Общества „буршей“, отвергавшія всѣ внѣшнія формы прежнихъ „союзовъ“, добивались всеобщаго единства; они отбрасывали всѣ прежнія формы, замѣняли прежнее *ты*, бывшее въ ходу у студен-

товъ, мѣстоименіемъ *вы*, стремились къ болѣе высокимъ умственнымъ занятіямъ, къ политической жизни, къ ознакомленію съ политическими движеніями, въ которыхъ прежде студенты не принимали никакого участія, опасаясь возбудить подозрѣніе. Это движеніе постоянно росло вплоть до революціи; и, какъ извѣстно, эта послѣдняя, въ особенности въ Берлинѣ и Вѣнѣ, охватила по преимуществу студенческіе кружки. Тотъ, кто не пережилъ такой эпохи, не можетъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, какъ такія движенія постепенно проявляются все сильнѣе и сильнѣе. Весною 1848 г. почва какъ будто постоянно колебалась, какъ это всегда бываетъ передъ сильными вулканическими изверженіями. Движеніе охватило всѣхъ; какъ это почти всегда бываетъ при великихъ движеніяхъ, въ нихъ всегда выдѣляются двѣ партіи, одна обороняется, другая нападаетъ, одна консервативна, другая либеральна; но когда движеніе пріобрѣтаетъ силу, въ лагерѣ обороняющихся консерваторовъ происходятъ превращенія и они дѣлаютъ большія уступки прогрессивной партіи.

Впрочемъ, всѣ эти вещи не относятся къ моей задачѣ, я упоминаю о нихъ только для того, чтобы указать на элементы, которые вошли въ составъ новаго Берлина.

Революція 18 марта 1848 г. встрѣтила живое сочувствіе среди бюргерства, въ особенности въ Берлинѣ. Спеціальный органъ этого класса населенія, еще и теперь существующая Фоссова газета, на другой день послѣ революціи издала дополнительный листъ, привѣтствовавшій это событіе, и въ теченіи цѣлаго лѣта стояла на сторонѣ движенія, пока, наконецъ, постепенно не обратилась вспять, именно съ того момента, когда реакція стала очевидной.

Бюргерство разсчитывало на большую роль при новомъ порядкѣ или безпорядкѣ вещей; первымъ его дѣломъ было образовать особую милицію, такъ называемую „Bürgerwehr“, которая была обязана охранять порядокъ, но исполняла свою задачу какъ нельзя хуже, такъ какъ была совершенно безсильна противъ анархическаго движенія. Но вообще говоря, бюргеры и ихъ представители, члены городского собранія, шли рука объ руку съ національнымъ собраніемъ, и именно съ демократическимъ большинствомъ, которое постоянно усиливалось и отстаивало свою програму въ планѣ прусской конституціи, положенномъ въ основаніе и нынѣ дѣйствующей конституціи. Конституція, составленная, главнымъ образомъ, по образцу бельгійской, въ главныхъ своихъ чертахъ соотвѣтствовала тому понятію, которое вообще имѣютъ образованные классы общества о конституціонномъ государствѣ и о своемъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ; не нужно однако думать, что тутъ играло роль осно-

вательное знаніе государственныхъ отношеній,—главнымъ образомъ, тутъ дѣйствовала идея свободы, которая опьяняетъ и возбуждаетъ людей, и которую они осуществляютъ то въ той, то въ другой формѣ. Въ знойное лѣто 1848 г., послѣдовавшее за первымъ взрывомъ революціи, проявилась дѣятельность консервативной, или правильнѣе — реакціонной, или, пожалуй, еще правильнѣе — анти-революціонной партіи. Эта партія, вожди которой имѣли преобладающее значеніе въ государствѣ передъ революціей, собралась съ силами послѣ перваго испуга съ твердымъ намѣреніемъ уничтожить все, чтò создала революція. Для нихъ была ненавистна не только сущность, но даже самое имя конституціи; она была подражаніемъ, чуждымъ учрежденіемъ, которое по ихъ мнѣнію совершенно не подходило къ Пруссія; они стремились къ возстановленію неограниченной королевской власти, причемъ, конечно, разсчитывали въ тишинѣ пользоваться преобладающимъ вліяніемъ. Королевская власть должна сдѣлаться независимою и воспользоваться ихъ поддержкой, причемъ, разумѣется, она будетъ дѣлать то, чтò они пожелаютъ, и дѣйствовать въ ихъ интересахъ. Такимъ образомъ, эта партія выступила противъ бюргеровъ: отсюда и беретъ свое начало борьба между такъ называемымъ бюргерствомъ и консервативною партіей, или реакціей. Мы постоянно слышимъ и теперь, какъ либеральная партія утверждаетъ, что образованное бюргерство на ея сторонѣ, и въ этомъ утвержденіи есть доля правда. Дѣйствительно, образованное бюргерство стремится къ той мѣрѣ либерализма, которая совмѣстима съ порядкомъ и спокойствіемъ, и чтобы обезпечить себѣ оба эти блага, соглашается допустить извѣстную степень монархическаго и военнаго авторитета; но оно само желаетъ судить, насколько оба эти фактора служатъ къ его пользѣ, и гдѣ они посягаютъ на его права, и не признаетъ за правительствомъ права на самостоятельное сужденіе объ этомъ предметѣ, называя это реакціонернымъ стремленіемъ. Это выраженіе получило полное право гражданства въ 1848 г. Въ это время было положено начало пустымъ спорамъ, въ которыхъ не обращалось вниманія на сущность вещей, но просто, по шаблону партій, на одной сторонѣ видѣли либерализмъ, на другой—реакцію, и такимъ образомъ безъ долгихъ разсужденій рѣшали каждый спорный вопросъ. Когда, въ ноябрѣ 1848 г., было назначено министерство Мантейфеля, и генералъ Врангель съ войскомъ вступилъ въ Берлинъ, чтобы возстановить порядокъ, собраніе городскихъ представителей присоединилось къ большинству національнаго собранія и вѣроятно шло при этомъ за-одно съ большинствомъ горожанъ. Когда національное собраніе было распущено, оно, какъ извѣстно, признало указъ о распущеніи непра-

вильнымъ и потому продолжало свои засѣданія; при этомъ городское собраніе не разъ давало ему убѣжище въ общественныхъ зданіяхъ; далѣе, городское собраніе постоянно отказывалось исполнять приказанія министерства и составило оппозицію противъ правительства.

Правительство нисколько не пугалось этого, по крайней мѣрѣ, оно не сдѣлало ни шага, чтобы лишить городское управленіе его правъ или хотя бы ограничить ихъ. Но, конечно, вскорѣ началась довольно энергическая борьба полиціи, во главѣ коей находился въ то время Гинкельдей, противъ того, что она считала превышеніемъ власти со стороны городского управленія. Впрочемъ, Гинкельдей, человѣкъ весьма талантливый, не ограничивался одними только репрессивными мѣрами; мы обязаны ему цѣлымъ рядомъ превосходныхъ нововведеній, которыя онъ долженъ былъ вводить отчасти наперекоръ собранію городскихъ представителей; таковы, напримѣръ, пожарныя орудія и водопроводы. Въ то время, когда я прибылъ въ Берлинъ, пожарные инструменты находились въ самомъ первобытномъ состояніи; на улицахъ и площадяхъ стояли большія бочки на чемъ-то въ родѣ полозьевъ, и доставлялись на мѣсто пожара солдатами. Онѣ были наполнены водою, покрыты мохомъ, и уличные мальчишки, время отъ времени, доставляли себѣ удовольствіе опрокидывать ихъ. Обязанности пожарныхъ лежали на горожанахъ, между которыми установлялась очередь; при отправленіи этой службы повсюду можно было видѣть пожарныя ведра, съ которыми являлись на пожаръ и вереницей носили воду къ насосамъ. Гинкельдей принялся за это дѣло энергически и даже геніально. Пожарная служба перешла цѣликомъ къ особенному корпусу людей, достигшихъ въ этомъ отношеніи почти безпримѣрнаго совершенства и составляющихъ нынѣ гордость всякаго берлинца. И на этомъ примѣрѣ видно, что принципы не всегда примѣнимы, и что даже самоуправленіе и самодѣятельность имѣютъ свои границы. Равнымъ образомъ невозможно было добиться отъ городского собранія согласія на проектъ водопровода, такъ что Гинкельдей заключилъ контрактъ съ англійскимъ обществомъ, разумѣется, не безъ самоволія и превышенія власти съ своей стороны, за что впослѣдствіи были ему очень благодарны. Реакція, наступившая осенью 1848 г., постепенно давала себя чувствовать собранію городскихъ представителей. На слѣдующихъ выборахъ консервативный элементъ одержалъ верхъ; президентомъ собранія оказался консерваторъ, выборы президента принадлежали собранію, и въ теченіе почти десяти лѣтъ консерваторы весьма энергически заправляли дѣлами въ собраніи. Старый принципъ бережливости соблюдался по прежнему, и управленіе велось также добросовѣстно и честно. Иногда проявлялись признаки сервилизма, но они не глу-

боко захватывали собраніе и не долго длились; вообще собраніе держалось умѣренной политики, отказываясь отъ всего чисто политическаго и по возможности воздерживаясь отъ всякихъ демонстрацій.

Опытъ давно уже доказалъ, что никто не долженъ успокоиваться на лаврахъ, если только онъ не хочетъ потерять плоды своихъ трудовъ. Притомъ всякая борьба, если даже ея первыя послѣдствія кажутся дурными, мало-по-малу оказывается полезной и, хотя я не желаю прослыть защитникомъ необходимости войны,—воззрѣніе, за которое недавно со всѣхъ сторонъ съ жаромъ напали на генерала Мольтке,—однако не могу отрицать и того, что въ послѣднее время война влекла за собой огромныя улучшенія въ жизни народовъ, что какъ побѣдители, такъ и побѣжденные становились послѣ войны гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ до войны. Такъ, уже во времена самаго сильнаго упадка Пруссіи, ея силы начали мало-по-малу развиваться, и она снова поднялась на огромную высоту.

Точно также и Франція, послѣ столь несчастной для нея послѣдней войны, достигла замѣчательной степени производительности. Такимъ образомъ, вслѣдъ за періодомъ реакціи отъ 1848 до 1858 гг. оказалось, что въ борьбѣ съ государствомъ развились огромныя силы, которыя теперь вышли на волю. Впрочемъ, правительство вовсе не относилось враждебно къ Берлину, и даже деспотичный Гинкельдей принесъ ему много пользы. Между тѣмъ, прогрессъ спокойно шелъ своимъ путемъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ въ Берлинъ, увеличивалась, торговля расширялась, развивались многочисленныя отрасли промышленности, и городъ принималъ все болѣе и болѣе величественный видъ. Когда нынѣ царствующій императоръ принялъ въ свои руки правленіе, сначала въ качествѣ принца-регента, новая жизнь началась въ государствѣ и въ городѣ. Это было чрезвычайно счастливое и плодотворное время, къ сожалѣнію, продолжавшееся недолго. Снова наступилъ періодъ реакціи, и на этотъ разъ берлинское собраніе городскихъ представителей приняло гораздо болѣе оппозиціонный характеръ, чѣмъ прежде. Въ половинѣ 60-хъ годовъ, еще до австрійской войны, внезапно начался періодъ либерализма въ политическихъ дѣлахъ, и свободной торговли въ экономическихъ, окончаніе котораго переживаетъ теперь Германія и въ частности Пруссія. Отличительною чертою этого періода является принципъ полнаго освобожденія личности отъ всякихъ стѣснительныхъ ограниченій: онъ поставленъ въ основу политики и государственнаго хозяйства. Прежде всего была уничтожена паспортная система; затѣмъ, послѣдовалъ законъ о свободѣ переселенія, по которому всякій нѣмецъ могъ поселяться, гдѣ ему угодно и гдѣ онъ надѣялся заработать свой хлѣбъ. Затѣмъ, однимъ изъ главныхъ принциповъ

національно-экономической школы было уничтоженіе косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямыми. Одною изъ первыхъ и величайшихъ жертвъ въ пользу этого принципа было уничтоженіе налоговъ на мясо, муку и хлѣбъ, служившихъ главнымъ источникомъ дохода для городовъ. Такъ напримѣръ, Берлину они доставляли около 12 милл. марокъ, которые теперь естественно приходилось добывать изъ другихъ источниковъ. Нельзя отрицать того, что эти либеральные законы оказали огромное вліяніе на возвышеніе города Берлина; населеніе возросло въ такой степени, какъ это рѣдко бываетъ въ Европѣ, и Берлинъ переросъ соперничающія съ нимъ столицы. Въ особенности свобода переселенія привлекла въ Берлинъ огромную массу народа, большинство котораго были люди очень дѣльные, сдѣлавшіеся добрыми и полезными гражданами. Нищета, возбуждавшая опасеніе, не увеличилась въ такой степени, какъ предсказывали пессимисты, такъ какъ, благодаря современному законодательству, для каждаго чрезвычайно легко въ короткое время получить право на поддержку со стороны общины въ случаѣ обѣднѣнія, а многіе изъ переселившихся въ Берлинъ людей должны были обѣднѣть. На ряду съ экономической свободой развивались и гуманныя стремленія; достойное удивленія развитіе школьнаго дѣла составило гордость берлинскаго собранія городскихъ представителей. Бережливость, бывшая прежде однимъ изъ основныхъ принциповъ собранія, теперь была почти совершенно забыта; зданія школъ, можно сказать, выростали, какъ грибы. Многимъ, конечно, не нравилось, что эти зданія—я говорю не только о гимназіяхъ, но и о простыхъ народныхъ школахъ—выстроены на подобіе дворцовъ; но вѣдь еще небольшая бѣда, если въ этомъ отношеніи сдѣлано скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Были удовлетворены также и многія другія потребности, благодаря вліянію прогрессивныхъ людей, которые все въ бòльшемъ и бòльшемъ числѣ попадали въ собраніе городскихъ представителей; таковъ, напримѣръ, Вирховъ, который добился устройства огромной больницы и дома умалишенныхъ, а также и другихъ учрежденій въ этомъ родѣ, потребовавшихъ огромныхъ затратъ. Вообще говоря, управленіе велось добросовѣстно и честно; нѣмецкое чиновничество—нужно отдать ему справедливость — отличается добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и самоуправленіе также, вообще говоря, находится въ рукахъ честныхъ людей. Что единичныя погрѣшности случаются—это несомнѣнно, но такъ же и неизбѣжно; говорить противное можетъ только человѣкъ, ослѣпленный духомъ партіи. За то существуетъ другое обстоятельство, котораго нельзя отрицать. Весьма естественно, что люди, работающіе сообща въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣютъ нѣкоторые общіе интересы; отсюда рождается

извѣстный непотизмъ или покровительство единомыслящимъ людямъ. Въ Англіи, какъ извѣстно, члены парламента не получаютъ никакого вознагражденія и, несмотря на то, мѣста въ парламентѣ служатъ предметомъ ревностныхъ домогательствъ; кандидаты истрачиваютъ огромныя суммы, чтобы добиться чести прибавлять къ своему имени двѣ буквы m. p., member of Parliament. Но вознагражденіемъ имъ за это служитъ то, что они могутъ доставлять родственникамъ мѣста недоступныя для остальной массы, и никто не приходитъ въ ужасъ отъ этого. Такимъ образомъ, въ Англіи всѣ важныя и выгодныя мѣста находятся въ рукахъ небольшого кружка парламентской аристократіи. Это обстоятельство выгодно для лицъ, входящихъ въ число кружка, въ томъ отношеніи, что среди единомыслящихъ и имѣющихъ одни и тѣ же интересы лицъ гораздо легче работается. То, что въ Англіи совершается въ крупныхъ размѣрахъ, совершается въ маленькихъ, или по крайней мѣрѣ въ меньшихъ размѣрахъ въ городскомъ управленіи. Такимъ образомъ мало-по-малу, въ Берлинѣ оплачиваемая часть городского управленія перешла въ руки лицъ, принадлежащихъ къ партіи господствующей въ собраніи, т.-е. къ партіи прогрессистовъ, которая съ 1859 г., т.-е. въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, пользуется преобладающимъ значеніемъ въ Берлинѣ. Извѣстный путешественникъ Александръ Гюбнеръ говоритъ въ своей весьма интересной и популярной книгѣ „Прогулка вокругъ свѣта": „такова человѣческая природа; если на минуту установилась хорошая погода, то многіе думаютъ, что дождь уже никогда больше не пойдетъ". Точно также многіе вообразили, что если прогрессивная партія господствовала въ Берлинѣ въ теченіи 20 лѣтъ, или строго говоря, полтора десятилѣтія, такъ, стало быть, она должна господствовать вѣчно; и во враждебномъ лагерѣ есть люди, которые считаютъ глупостью всякую попытку одолѣть прогрессивную партію въ Берлинѣ, такъ какъ Берлинъ, какъ всѣ большіе города, держится направленія либеральнаго и демократическаго. Я всегда спорилъ съ этимъ воззрѣніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ. Массы, къ которымъ при этомъ обращаются, не обладаютъ достаточнымъ пониманіемъ политическихъ идей даже въ государствахъ, гдѣ образованіе находится на такой высокой степени развитія, какъ Пруссія. Міръ вообще не можетъ двигаться постоянно въ одномъ и томъ же направленіи; онъ, какъ и все существующее, долженъ испытывать перемѣны; поэтому консервативныя и либеральныя стремленія или направленія всегда будутъ перемежаться; а малообразованныя массы будутъ дѣйствовать гораздо менѣе подъ вліяніемъ политическихъ идей, чѣмъ подъ вліяніемъ своихъ личныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, прогрессивная партія въ Берлинѣ глубоко заблуждается, и заблуждаясь,

думаетъ, что рабочее сословіе всегда будетъ на ея сторонѣ, что оно насквозь проникнуто ученіемъ прогрессистовъ, и никогда не откажется отъ него. Я уже раньше указывалъ, какъ эти предположенія оказались на самомъ дѣлѣ ошибочными. Хотя соціаль-демократическая партія, вслѣдствіе исключительныхъ законовъ 1878 года, не успѣла вполнѣ окрѣпнуть, однако весною 1878 г. ея побѣда надъ прогрессистами въ Берлинѣ сдѣлалась очевидною и неоспоримою. Обѣщанія, которыя партія прогрессистовъ надавала своимъ приверженцамъ изъ рабочихъ, оказались совершенно призрачными; рабочіе начали дѣйствовать независимо отъ нея уже въ то время, и катедеръ-соціалисты и, безъ сомнѣнія, князь Бисмаркъ ясно видѣли, что привлечь на свою сторону рабочихъ можно только признавши справедливость нѣкоторыхъ требованій соціально-демократической партіи, и попытавшись осуществить ихъ. Безпристрастный обзоръ того, что̀ Бисмаркъ сдѣлалъ до сихъ поръ, доказываетъ, что онъ рѣшился разрушить только чисто-революціонныя, анти-монархическія и антинаціональныя стремленія соціально-демократической партіи, и разъ это удастся, приступить къ реформамъ. До сихъ поръ его усилія имѣли мало успѣха. Въ характерѣ нѣмецкаго народа есть сильная космополитическая черта, которая обнаруживается въ нѣмецкомъ соціальномъ движеніи. Нѣмецкая соціальная демократія не имѣетъ того національнаго характера, какимъ, напримѣръ, отличается, несмотря на свои принципы, французская. Французскій соціаль-демократъ всегда остается французомъ и мечтаетъ о славѣ своей націи; напротивъ, нѣмецъ способенъ вполнѣ освободиться отъ этихъ, какъ онъ ихъ называетъ, предразсудковъ. Государственному человѣку естественно приходится считаться съ реальными силами; такая реальная сила теперь—соціальная демократія, тогда какъ прогрессивная партія перестала быть такой силой съ тѣхъ поръ, какъ рабочее сословіе отвернулось отъ нея. Но весьма понятно, что внѣшняя форма этой партіи все еще держится и долго будетъ служить препятствіемъ всякому движенію впередъ. Князь Бисмаркъ задумалъ уничтожить эту партію и на развалинахъ ея начать великое дѣло—пріобрѣсть на сторону правительства рабочихъ, которые теперь или примкнули къ соціально-демократической партіи, или готовы послѣдовать за тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, станетъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ. Великую борьбу ведетъ теперь канцлеръ; немногіе понимаютъ его, и съ горечью сознавая, что только немногіе понимаютъ и поддерживаютъ его, канцлеръ въ свою очередь становится все болѣе и болѣе необщительнымъ и желчнымъ, такъ что даже тѣ, кто высоко цѣнитъ его геній, часто спрашиваютъ себя, въ состояніи ли онъ одолѣть весь свѣтъ. Но, конечно, все что̀ движется—на его сто-

ронѣ, все что̀ остановилось—на противоположной. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что прогрессивная партія уже давно сдѣлалась партіей застоя. То, что̀ я выше замѣтилъ относительно развитія государствъ вслѣдствіе войнъ, можно примѣнить и къ партіямъ. Аристократы либерализма, выдвинувшіеся въ 1848 г.—я говорю о выдающихся молодыхъ людяхъ и исключаю тѣхъ, которые погибли или принуждены были бѣжать изъ отечества—окрѣпли въ борьбѣ и мало-по-малу, превратились въ консервативную аристократію, которая не отреклась отъ прежнихъ принциповъ, но разбавила свое вино водой и мало-по-малу заняла пріятное и прочное положеніе. Эти люди, подобно тому какъ это часто бывало съ французскими буржуа въ болѣе отдаленныя конституціонныя времена, вполнѣ довольны своимъ настоящимъ положеніемъ; они желаютъ дальнѣйшаго развитія политическихъ правъ, но въ тишинѣ и лишь настолько, насколько эти права выгодны имъ самимъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что прогрессивная партія въ Германіи, и въ частности въ Пруссіи, постоянно выставляя всеобщее избирательное право однимъ изъ пунктовъ своей программы, не сдѣлало ни шага, чтобы примѣнить это право къ городскому управленію. По мѣрѣ того, какъ отдѣльныя лица обезпечиваютъ за собой пріятное положеніе, является желаніе сохранить все въ такомъ видѣ, какъ оно есть; и потому прогрессивная партія совершенно права, называя себя партіей консервативной по существу, такъ какъ другіе стремятся подкопаться подъ нее; но если они желаютъ поступить честно, то не должны смотрѣть на вполнѣ оправдываемыя политической жизнью нападенія противоположной партіи, какъ на святотатство или варварство, а просто какъ на естественный ходъ вещей, вслѣдствіе котораго всякій старается занять то мѣсто, которое занимаетъ его политическій противникъ. Они сами поступаютъ точно также, восклицая: долой Бисмарка!—восклицаніе, которое все больше и больше дѣлается общимъ лозунгомъ. Но и тѣ, которые преданы политикѣ Бисмарка, поступаютъ несправедливо, не признавая всеобщей вражды противъ человѣка, находящагося во главѣ государства. Дѣло только въ томъ, что удаленіе Бисмарка весьма опасно въ политическомъ отношеніи, такъ какъ и внутри страны и за-границей онъ считается однимъ изъ самыхъ главныхъ двигателей европейской политики, котораго никто не можетъ замѣнить въ Германіи, и такъ какъ нѣмецкій народъ можетъ навлечь на себя упреки въ неблагодарности, удаливъ канцлера, такъ много сдѣлавшаго для возвышенія германскаго могущества. Въ остальномъ прогрессивная партія вполнѣ права, добиваясь отставки министерства и дѣйствуя противъ того, что̀ не соотвѣтствуетъ ея политическимъ принципамъ.

Надо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Когда я говорю объ ослабленіи прогрессивной партіи, мнѣ могутъ указать на послѣдніе выборы, повидимому, доказавшіе противное, такъ какъ они повсюду доставили блистательную побѣду прогрессивной партіи. Но не слѣдуетъ забывать, что болѣе крайняя лѣвая партія, такъ называемая народная партія, въ сущности почти республиканская, и соціаль-демократы присоединились на этотъ разъ къ прогрессивной партіи, хотя вовсе не сходятся съ нею во взглядахъ. Далѣе, при этихъ отдѣльныхъ выборахъ прогрессивная партія могла сконцентрировать всѣ свои силы; часто 3—4 ихъ ея лучшихъ ораторовъ объѣзжали избирательный округъ по всѣмъ направленіямъ и повсюду говорили рѣчи, и это конечно оказало огромное вліяніе на жителей селъ и маленькихъ городковъ, не привыкшихъ къ подобнымъ вещамъ. Иное дѣло на общихъ выборахъ, при которыхъ невозможно такъ тщательно подготовить каждый отдѣльный округъ. Но еслибы даже въ самомъ дѣлѣ настроеніе страны оказалось болѣе въ пользу прогрессистовъ, чѣмъ прежде,—это вовсе не опровергало бы моего мнѣнія, потому что настроеніе страны — вещь весьма ненадежная. Передъ 1878 г. мы имѣли значительное либеральное большинство, но въ 1878 г. настроеніе приняло другое направленіе и дало консервативное большинство. Такъ что дѣйствительно прочныхъ партій въ странѣ не существуетъ; такими партіями можно считать только ультрамонтановъ и старую прогрессивную партію въ Берлинѣ, которую я уже описалъ и которая вслѣдствіе единства интересовъ у руководителей тѣсно сплотилась. Поэтому вовсе нельзя считать безцѣльными и неразумными нападенія канцлера на прогрессивную берлинскую партію, на крѣпость прогресса, какъ она съ удовольствіемъ называетъ сама себя.

Образъ дѣйствій канцлера въ этомъ случаѣ, также какъ и вообще его образъ дѣйствій за послѣднее время встрѣчаетъ весьма мало или даже совершенно не встрѣчаетъ одобренія. Вы знаете три великіе акта, если можно такъ выразиться, его послѣдней политической импровизаціи. Первый, это—нападеніе на своего бывшаго товарища Кампгаузена въ палатѣ господъ. Кампгаузенъ не хотѣлъ упустить случай напасть на систему налоговъ Бисмарка; за это Бисмаркъ самымъ безжалостнымъ образомъ обрушился на своего бывшаго товарища, столь прославленнаго финансиста, отрицалъ у него всякую творческую мысль, видѣлъ его единственную заслугу въ томъ, что во времена изобилія министръ честно велъ дѣла, не думая однако о томъ, что могутъ наступить времена бѣдственныя. Въ сущности говоря, Бисмаркъ, по всей вѣроятности, правъ; Кампгаузенъ былъ выдвинутъ прогрессивной партіей, которая вполнѣ сочувство-

вала его принципу laisser-aller; но Бисмарка упрекаютъ за то, что онъ, безъ особенной нужды, такъ жестоко напалъ на своего стараго товарища, ибо Кампгаузенъ никогда не получилъ бы большинства палаты, дѣйствуя противъ канцлера, хотя, конечно, незадолго до того какъ Бисмаркъ вступилъ въ борьбу, часто говорили, что большинство палаты всѣми силами постарается отвергнуть уменьшеніе налоговъ на 14 милл., о которомъ и шла рѣчь. Порицали его также за то, что онъ, если только онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ вредности этой системы, ничего не говорилъ противъ нея, пока Кампгаузенъ былъ министромъ, и взялъ на себя отвѣтственность за нее. Читатели уже знаютъ, что̀ возражалъ на это Бисмаркъ; но я долженъ сознаться, что насколько я могъ замѣтить, общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ противъ Бисмарка.

Гораздо хуже было то, что нѣсколько дней спустя онъ принудилъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Эйленбурга подать въ отставку. Какъ бы ни старались выставить это дѣло въ относительно невинномъ свѣтѣ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что канцлеръ вполнѣ обдуманно и хладнокровно готовилъ министру внутреннихъ дѣлъ ударъ, заставившій его подать въ отставку. До сихъ поръ еще неизвѣстны въ подробности мотивы этого поступка; вообще надо думать, что возроставшее вліяніе графа Эйленбурга, который пользовался большимъ вліяніемъ у императора и кронпринца, оскорбляло канцлера. Разсказываютъ, что въ одномъ спеціальномъ случаѣ особенно сильно обнаружилось это вліяніе; дѣло шло объ одномъ важномъ административномъ постѣ въ провинціи, причемъ канцлеръ и графъ Эйленбургъ протежировали двумъ различнымъ кандидатамъ, и кандидатъ Эйленбурга одержалъ побѣду. Но, очевидно, это только внѣшняя сторона дѣла; навѣрно были какія-нибудь другія болѣе глубокія причины, и Бисмаркъ считалъ Эйленбурга рѣшительнымъ противникомъ своей системы. Это подтверждается также относительной быстротой, съ которой императоръ согласился принять отставку министра внутреннихъ дѣлъ; тогда какъ, напримѣръ, раньше, когда Бисмаркъ поссорился со Стошемъ, теперешнимъ главою морского департамента, онъ не могъ добиться отставки Стоша; а между тѣмъ, этотъ послѣдній сдѣлалъ и допустилъ въ морскомъ вѣдомствѣ многое, что̀ должно было бы возбудить противъ него сильную оппозицію. Разумѣется, либеральная и, слѣдовательно, прогрессивная печать, забывъ принципы, что́ впрочемъ съ нею часто бываетъ, тотчасъ же приняла сторону графа Эйленбурга противъ Бисмарка, и его превознесли до небесъ, между тѣмъ какъ раньше постоянно нападали на него за консерватизмъ. Во всякомъ случаѣ, было бы совершенно ошибочно искать причину раздора между Бисмаркомъ и

графомъ Эйленбургомъ въ либеральномъ или консервативномъ оттѣнкѣ; Бисмаркъ не обращаетъ никакого вниманія на эти пустые термины партій, но всегда преслѣдовалъ только политическія цѣли, въ достиженіи которыхъ ему одинаково помогали (и вредили) какъ консерваторы, такъ и либералы.

Какъ извѣстно, Бисмаркъ заставилъ графа Эйленбурга подать въ отставку, оскорбивъ его. Неизвѣстный до этого времени, тайный совѣтникъ Роммель, явившійся въ палату въ качествѣ правительственнаго коммиссара, тотчасъ послѣ того какъ Эйленбургъ перешелъ къ провинціальнымъ дѣламъ, прочелъ объясненіе князя Бисмарка, совершенно противорѣчившее тому, что̀ высказалъ министръ. Потомъ говорили, что Роммель не былъ уполномоченъ прочесть это объясненіе, а долженъ былъ только принять его къ свѣдѣнію; но это такое формальное объясненіе, что наилучшею критикою его можетъ служить слѣдующій разсказъ: Бисмаркъ призвалъ къ себѣ Роммеля и сказалъ ему, что неосторожность, въ которой онъ провинился, такъ велика, что можетъ сдѣлать его министромъ. Правда это или ложь, не знаю, но разсказъ этотъ характеризуетъ намѣренія Бисмарка.

Шумъ, вызванный этимъ происшествіемъ, еще не улегся, когда канцлеръ нанесъ новый ударъ, и на этотъ разъ магистрату и городскимъ представителямъ Берлина. Именно, при обсужденіи вопроса о бюджетѣ въ рейхстагѣ, онъ сдѣлалъ заявленіе насчетъ налога на квартиры въ Берлинѣ; по этому поводу онъ уже раньше жаловался на слишкомъ высокое обложеніе своихъ служебныхъ помѣщеній и внесъ законопроектъ, по которому служебныя помѣщенія должны были облагаться какъ-нибудь иначе. Канцлеръ дошелъ до того, что утверждалъ, будто его помѣщеніе оцѣнено такъ высоко потому, что магистратскіе чиновники, или магистратъ придираются къ нему, какъ къ своему политическому противнику. Разумѣется, это обвиненіе возбудило страшный шумъ. Далѣе канцлеръ перешелъ къ существующей ситемѣ обложенія квартиръ, заклеймилъ ее въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ въ высшей степени несправедливую, и упрекалъ либеральныхъ городскихъ представителей за то, что они не думаютъ уничтожить или измѣнить эти неправильные налоги. Какъ извѣстно, налогъ на квартиры состоитъ въ томъ, что съ каждой квартиры берется въ пользу городской податной кассы извѣстный процентъ съ наемной платы—въ настоящее время $6^2/_3\%$. Недостатки этой системы очевидны. Бѣдные люди гораздо болѣе терпятъ отъ этого налога, чѣмъ богатые, такъ какъ бѣдный человѣкъ, какой-нибудь мелкій чиновникъ, истрачиваетъ на наѐмъ квартиры гораздо бо̀льшую часть своего дохода, чѣмъ богатый. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, обладающій огромнымъ имуществомъ, ускользающимъ отъ оцѣнки,

если оно состоитъ изъ движимыхъ капиталовъ, можетъ занимать сравнительно очень небольшую квартиру, особенно если у него нѣтъ семьи; тогда какъ бѣдный чиновникъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, вынужденъ тратить, можетъ быть, четвертую часть своего дохода на наемъ квартиры; послѣднее обстоятельство вовсе не рѣдкость въ Берлинѣ, напротивъ, его скорѣе можно считать за общее правило въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о маленькихъ квартирахъ. Еще тяжелѣе приходится отъ этого налога лавочникамъ, которыхъ въ Берлинѣ очень много, и которые съ большимъ трудомъ выносятъ тяжесть этихъ налоговъ, чтобы влачить довольно шаткое существованіе. За эти лавки, которыя въ лучшихъ частяхъ города стоятъ чрезвычайно дорого, платится такъ же и квартирный налогъ. Но если даже на эти упреки весьма трудно возражать, то не нужно забывать, что налогъ на квартиры уже въ теченіе 50 лѣтъ постоянно увеличивается въ Берлинѣ, и притомъ при управленіи самыхъ различныхъ партій. Онъ всегда казался для нихъ удобнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, его легко было собирать, во-вторыхъ, по общему мнѣнію расходы на квартиру находятся въ извѣстномъ правильномъ отношеніи съ доходами человѣка или семейства; и это мнѣніе, несмотря на многочисленныя исключенія, всегда считалось правильнымъ. Но прежде всего этотъ налогъ поддерживало то обстоятельство, что его нечѣмъ было замѣнить; по крайней мѣрѣ, послѣ того какъ налоги на муку, мясо и хлѣбъ были замѣнены прямыми налогами; такъ какъ увеличивать прямые налоги больше не могли, а косвенныхъ не хотѣли, то очевидно должны были сохранять налогъ на квартиры. Поэтому Бисмаркъ привелъ въ примѣръ налоги на муку, мясо и хлѣбъ, и пустилъ въ ходъ извѣстный аргументъ, что уничтоженіе этихъ налоговъ вовсе не сдѣлало хлѣбъ и мясо дешевле, какъ увѣряли защитники свободы; напротивъ, по уничтоженіи ихъ все сдѣлалось дороже и хуже.—Это значило хватить слишкомъ далеко, потому что увеличились всѣ вообще цѣны, и если мясо не сдѣлалось дороже по уничтоженіи налога, то это уже слѣдуетъ считать хорошимъ результатомъ, такъ какъ при существованіи налога оно непремѣнно вздорожало бы какъ и всѣ другіе продукты. Противъ уничтоженія налоговъ на мясо и хлѣбъ можно сдѣлать только одно возраженіе, именно, что уменьшеніе цѣны на небольшія количества мяса и хлѣба, которыя играютъ главную роль въ обычной жизни и мелкихъ оборотахъ, слишкомъ незначительно, чтобы принести пользу мелкимъ потребителямъ; и это возраженіе неоспоримо. Мясники и булочники, торговля которыхъ уже и прежде была наиболѣе доходная, получили наибольшую выгоду отъ уничтоженія налоговъ.

Сильное нападеніе князя Бисмарка привело берлинскую общину въ крайнее смятеніе. Замышляли ни болѣе ни менѣе какъ призвать князя Бисмарка къ суду за оскорбленіе городскихъ чиновниковъ; но въ концѣ-концовъ магистратъ нашелъ это слишкомъ рискованнымъ и рѣшился обратиться въ рейхстагъ съ петиціей, которая, если только она будетъ читаться, не преминетъ еще разъ объединить противниковъ канцлера. Тѣ, кто не соприкасается такъ непосредственно съ сферой коммунальной аристократіи, во всякомъ случаѣ отнесутся ко всему этому спокойнѣе. Со времени знаменитой рѣчи Форкенбека въ зоологическомъ саду при основаніи городского сейма, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы вооружить бюргерство всѣхъ городовъ противъ правительства, связь между Форкенбекомъ и канцлеромъ имперіи порвалась навсегда; и канцлеръ будетъ считать обербургомистра столицы своимъ врагомъ и бороться съ нимъ. При этомъ онъ, конечно, не будетъ разборчивъ въ средствахъ для борьбы, но утѣшится пословицей: „Pour faire une omelette il faut casser des oeufs". У насъ до того вошло въ моду думать, что господствуетъ реакція, что почти невозможно или весьма трудно сдѣлать оцѣнку фактовъ, опровергающихъ это нелѣпое мнѣніе о реакціи и доказывающихъ, наоборотъ, огромный политическій и общественный прогрессъ Пруссіи. Во главѣ городского управленія стоитъ Форкенбекъ, человѣкъ, который, вступая въ политическую жизнь, принадлежалъ къ демократической партіи, и притомъ къ крайней фракціи ея; который въ періодъ реакціи 50-хъ гг. находился подъ надзоромъ полиціи, какъ опасный агитаторъ. Во главѣ собранія городскихъ представителей стоитъ д-ръ Штрассманнъ, сражавшійся въ 1848 г. на баррикадахъ, принадлежавшій къ крайней демократической, республиканской, партіи, и къ тому же еврей. Оба эти человѣка были представителями берлинскаго бюргерства, на что имѣли полное право. Императоръ, императрица и новая брачная чета приняли отъ нихъ поздравленіе, благодарили ихъ письменно и устно, и на придворныхъ празднествахъ они находились на подобающихъ имъ мѣстахъ. Я не думаю порицать то, что произошло; я хочу только указать, какъ измѣнились времена сравнительно съ эпохой патріархальнаго абсолютизма, когда прусскій король не стѣснялся шельмовать городское собраніе, оказывавшее весьма слабую оппозицію; когда самое имя бывшаго демократа и борца на баррикадахъ—впрочемъ, говорятъ, что Штрассманнъ выказалъ не болѣе храбрости чѣмъ покойный Горацій при Филиппахъ, и спрятался за мѣшокъ съ соломой—возбуждало панику. Слѣдуетъ оцѣнить по достоинству такія измѣненія, и не повторять безпрестанно, особенно передъ иностранцами, что Германія и въ особенности Пруссія остановилась въ своемъ

естественномъ соціально-политическомъ движеніи. Непосредственно вслѣдъ за этими послѣдними событіями канцлеръ серьёзно заболѣлъ и, такимъ образомъ, опять наступила нѣкоторая тишина; но безъ всякаго сомнѣнія канцлеръ въ ближайшее время опять начнетъ войну, потому что онъ долженъ привести ее къ концу и не имѣть противъ себя сильной оппозиціи на слѣдующихъ выборахъ.

До сихъ поръ его смѣлый планъ не имѣлъ рѣшительныхъ результатовъ; самый важный результатъ,—это разумѣется законъ о страхованіи рабочихъ, который хотя и не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго и неосуществимаго, однако, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу самыхъ смѣлыхъ шаговъ, какія только совершали когда-нибудь государственные люди; привести его въ исполненіе значитъ впервые осуществить соціально-демократическія идеи въ нашемъ общественномъ организмѣ. Либеральная партія представляетъ цѣлую кучу возраженій противъ этого закона, противъ его практической осуществимости и противъ его пользы. Все бы это ничего не значило, если бы было возможно привлечь рабочіе классы на сторону этого закона; но, повидимому, дѣло подвигается впередъ весьма туго. Это можетъ быть потому, что здѣсь идетъ дѣло объ очень незначительномъ матеріальномъ успѣхѣ. Люди, которые подобно соціаль-демократамъ въ теченіе многихъ лѣтъ питались утопическими надеждами на блестящую будущность, которымъ, можно сказать, „искуситель" показалъ всѣ богатства міра и сказалъ, что все это по божескому и человѣческому праву принадлежитъ имъ, но несправедливо отнято у нихъ немногими,—эти люди, естественно не будутъ особенно обрадованы надеждой получить послѣ многихъ лѣтъ труда пенсію, достаточную для того, чтобы избавить ихъ отъ нужды и нищеты, но не для того, чтобы доставить имъ тѣ блага міра сего, на которыя они съ завистью смотрѣли до сихъ поръ. Однако же очевидно,—работники и даже соціаль-демократы не рѣшаются просто отвергнуть проектъ Бисмарка, очевидно, опасаясь, что рабочее сословіе въ своемъ цѣломъ, понявъ значеніе и цѣль этого закона, можетъ пристать къ правительству. Такимъ образомъ, вопросъ остается все еще открытымъ. Повидимому, выборы будутъ происходить только осенью, такъ что Бисмаркъ можетъ воспользоваться этимъ временемъ, если онъ желаетъ повліять на рабочее сословіе и привлечь его на свою сторону. Еще не выяснилось, на какую поддержку онъ можетъ разсчитывать. Правда, крайняя консервативная партія находится въ настоящую минуту въ мирѣ съ Бисмаркомъ, и во всякомъ случаѣ, на выборахъ будетъ дѣйствовать въ дружественномъ смыслѣ по отношенію къ нему; она пользуется большимъ вліяніемъ въ странѣ, и вѣроятно, если только можно напередъ угадывать эти

вещи, на ближайшихъ выборахъ усилится насчетъ среднихъ партій; эти послѣднія, по крайней мѣрѣ, столько же преданы Бисмарку, но вѣроятно, еще преданнѣе и полезнѣе для него, чѣмъ крайніе консерваторы. Союзниковъ князю Бисмарку доставитъ и „христіанско-соціалистическое“ движеніе, возбужденное придворнымъ проповѣдникомъ Штёкеромъ и проявляющееся въ различныхъ формахъ; причемъ не слѣдуетъ пренебрегать его значеніемъ. Штёкеръ называетъ свои стремленія христіанско-соціалистическими; рядомъ съ ними появляется движеніе чисто анти-семитическое, движеніе національно-религіозное, просто религіозное, либерально-анти-семитическое, и можетъ быть, еще другіе мелкіе оттѣнки, но вообще направленные къ одной цѣли—уничтоженію манчестерской либеральной системы, доселѣ господствующей въ государствѣ и государственномъ хозяйствѣ. Эти общества ведутъ довольно обширную пропаганду. Въ Берлинѣ было уже нѣсколько собраній такого рода, привлекавшихъ отъ 5—6000 чел., и если не всѣ собиравшіеся раздѣляютъ убѣжденія партіи, то могутъ явиться новые приверженцы, такъ что нельзя отрицать, что число этихъ противниковъ современнаго либерализма весьма значительно и постоянно растетъ.

Но какъ велики въ дѣйствительности ихъ силы, и могутъ ли они имѣть вліяніе на выборы—это, конечно, вопросъ, на который нельзя отвѣтить съ увѣренностью. Подождемъ—увидимъ, какія силы окажутся въ этомъ движеніи, когда оно переживетъ первый періодъ возбужденія и затѣмъ станетъ развиваться мирно и серьёзно. Въ настоящую минуту почти всѣ эти общества соединяются подъ однимъ знаменемъ, такъ-называемымъ анти-семитическимъ. Евреи раздѣляютъ и раздѣляли тѣ либеральныя идеи въ государствѣ и политикѣ, противъ которыхъ возстаетъ національная партія. Сцены, происходившія въ анти-семитическихъ собраніяхъ, уже много разъ были описаны, такъ что я не буду пересказывать ихъ. Человѣкъ, который въ состояніи разсуждать спокойно, пойметъ, что движеніе въ этомъ направленіи необходимо должно поздно или рано прекратиться, какъ безплодное. Объ изгнаніи евреевъ нечего и думать; объ уменьшеніи ихъ законныхъ правъ также нечего думать; короче сказать, все это движеніе не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого успѣха, пока оно не заставитъ христіанское населеніе опереться въ борьбѣ съ еврействомъ на моральныя средства; а, я думаю, можно съ увѣренностью сказать, что общество слишкомъ безпечно для того, чтобы принять подобное рѣшеніе. Несомнѣннымъ послѣдствіемъ всего этого будетъ усиленное возростаніе богатства евреевъ и ихъ финансоваго, политическаго и хозяйственнаго вліянія. Это можетъ продолжаться цѣлые годы, цѣлыя десятилѣтія; но затѣмъ послѣдуетъ опасная ка-

тастрофа; прежде всего, по моему мнѣнію, въ судебной области, такъ какъ опытъ показываетъ, что самое сильное отвращеніе въ населеніи вызываетъ постоянно возростающее число евреевъ-судей. Это отвращеніе существуетъ среди всѣхъ партій, какъ прогрессивной, такъ и консервативной. Всего хуже то, что, когда обнаружилось это анти-семитическое движеніе, евреи, крещеные и некрещеные, всѣ, какъ одинъ человѣкъ перешли на сторону прогрессивной партіи. Они снабдили прогрессивную партію огромными денежными средствами, на время избирательной агитаціи; поэтому партія прогрессистовъ должна будетъ со временемъ вознаградить ихъ за то, что̀ они сдѣлали для нея теперь. Развязка крайне печальная, и нельзя представить себѣ, какимъ образомъ дѣло можетъ улучшиться. Положеніе Германіи въ этомъ случаѣ совершенно ненормальное, такъ какъ у нашихъ западныхъ сосѣдей евреи богаты и образованы, но число ихъ не велико; а у нашихъ восточныхъ сосѣдей, число евреевъ велико, но богатство и образованіе ихъ развито далеко не въ такой степени, какъ въ Германіи. Не буду умалчивать о томъ—такъ какъ это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ—что кронпринцъ рѣшительно не сочувствуетъ этому анти-семитическому движенію, тогда какъ императоръ сохраняетъ полный нейтралитетъ, и даже недавно выразилъ горячую благодарность въ отвѣтъ на телеграмму, въ которой одно анти-семитическое народное собраніе выражало ему свое сочувствіе и сожалѣніе по поводу смерти его племянника, императора Александра.

Говоря выше объ анти-семитическихъ обществахъ, я забылъ упомянуть о дѣятельности студентовъ, которые также присоединились къ этому движенію. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что число студентовъ, раздѣляющихъ эти стремленія, составляетъ сравнительно небольшую часть учащейся молодежи; такъ какъ во всякомъ движеніи принимаетъ участіе только, относительно говоря, небольшое число лицъ; масса остается равнодушной и слѣдуетъ за ними. Тотъ, кто постарается уяснить себѣ эти явленія, найдетъ одну общую черту у всѣхъ этихъ отдѣльныхъ явленій; именно, насколько дѣло касается молодежи, борьба за внутреннюю свободу, собственно говоря, прекратилась, и мысль, одушевляющая теперь молодое поколѣніе, чисто національная, т.-е. оно желаетъ продолжать развитіе Германіи на почвѣ единства и силы, пріобрѣтенныхъ ею съ такими усиліями, утвердить эту почву и упрочить положеніе Германіи среди другихъ націй. Безъ сомнѣнія, такой взглядъ во многихъ отношеніяхъ вѣренъ. Выше и въ своихъ прежнихъ письмахъ я старался доказать, что экономическое и политическое развитіе Германіи не сдѣлали ни одного шага назадъ. То, чего либеральная партія добивалась начи-

ная съ 1848 г., вообще говоря, достигнуто; и можно вполнѣ надѣяться, что то, чего еще недостаетъ германской конституціи сравнительно съ Англіей и Бельгіей, по отношенію къ избирательнымъ правамъ народа, достигнется само собой. Столкновенія, происходившія во время обоихъ реакціонныхъ періодовъ 50-хъ и начала 60-хъ гг. указали правительству предѣлы его власти, и, хотя оно вышло побѣдителемъ изъ этой борьбы, но либеральная партія извлекла изъ нея всю выгоду. Вильгельмъ Оранскій считался и считается однимъ изъ величайшихъ полководцевъ, а между тѣмъ, онъ врядъ ли выигралъ хотя одно сраженіе въ жизни; но о немъ говорили, что изъ проиграннаго сраженія онъ умѣлъ извлечь бо̀льшія выгоды, чѣмъ другіе полководцы изъ побѣдъ. То же самое можно сказать и объ этихъ внутреннихъ битвахъ: эти битвы не повторятся, если не разразится революція, отъ которой не безопасно ни одно государство; конечно, за революціей послѣдуетъ реакція, но она не помѣшаетъ дальнѣйшему развитію. Все, чего можно достигнуть на конституціонной почвѣ, достигнуто будетъ въ Пруссіи мирнымъ путемъ, и если даже высшимъ идеаломъ либеральной партіи является отвѣтственность министровъ,—хотя я и многіе другіе убѣждены, что отвѣтственность министровъ нигдѣ не имѣетъ важнаго значенія, — то и это желаніе ихъ исполнится, также какъ и всѣ другія. Остается еще только одинъ сомнительный вопросъ, именно, военный вопросъ. Нѣмецкій либерализмъ никогда не рѣшится по собственной инициативѣ увеличить силы арміи; напротивъ, онъ скорѣе будетъ добиваться разныхъ ограниченій подъ предлогомъ бережливости, считая военныхъ опасными людьми; подобно тому какъ онъ хлопоталъ о свободѣ торговли, совершенно не обращая вниманія, дѣлаютъ ли то же самое другія государства, или нѣтъ, такъ будетъ требовать мирной политики, опять совершенно не обращая вниманія на то, дѣлаютъ ли то же самое другія государства. На этомъ пунктѣ всегда будетъ раздоръ между монархіей, которая держится за старыя традиціи и дѣйствуетъ на совершенно иныхъ соображеніяхъ, и либеральной партіей. Здѣсь лежитъ основа стремленій молодежи, которая совершенно иначе относится къ національному призванію, чѣмъ управлявшая до сихъ поръ общественнымъ мнѣніемъ либеральная партія. Какъ это движеніе будетъ развиваться дальше, какіе объемы оно приметъ — это, конечно, укажетъ только будущность и дальнѣйшій ходъ событій въ Европѣ. Если, какъ можно надѣяться, событія будутъ имѣть мирный характеръ, — то и движеніе не приметъ угрожающаго характера; если же событія примутъ неблагопріятное направленіе, то, конечно, никакой гороскопъ не можетъ предсказать того, что̀ будетъ. Обстоятельства будутъ сильнѣе людей.

Впрочемъ, я разсуждаю обо всемъ этомъ вовсе не въ пессимистическомъ смыслѣ, какъ будто мы неизбѣжно стремимся къ войнѣ. Весь вопросъ теперь заключается въ колоніальной политикѣ, которая мало-по-малу привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, и наконецъ, должна будетъ играть важную роль, потому что переселеніе изъ Германіи принимаетъ огромные размѣры; и его нельзя больше игнорировать. Остроумный защитникъ этой политики, Гюббе-Шлейденъ, уже раньше издалъ книгу о колоніальной политикѣ, возбудившую общее вниманіе, и въ которой онъ доказываетъ самыми внушительными цифрами, какой огромный источникъ богатства и благосостоянія можетъ найти нація, имѣющая значеніе и силу на морѣ, въ торговлѣ съ своими колоніями; на-дняхъ онъ издалъ новое сочиненіе, посвященное полемикѣ противъ извѣстнаго либеральнаго защитника свободы торговли, д-ра Каппа, и энергически возстающее за колоніальную политику. Этотъ писатель также указалъ на національную черту въ характерѣ современной молодежи, о которой я говорилъ выше; онъ защищаетъ молодежь отъ упрековъ въ реакціонномъ образѣ мыслей; я уже раньше постоянно дѣлалъ то же, такъ какъ нахожу невозможнымъ, чтобы молодежь дѣйствительно могла быть реакціонною; особенно молодежь, получившая такое свободное воспитаніе, какъ въ Германіи. Только католическое духовенство въ своихъ монастырскихъ школахъ и семинаріяхъ, и именно въ школахъ, которыми управляютъ іезуиты, умѣетъ такъ опутывать молодежь посредствомъ своей хитрой системы, что молодые люди, которые при иныхъ условіяхъ стояли бы во главѣ либеральныхъ стремленій, дѣлаются орудіями мрачной силы. Отсюда же происходитъ глубокій разладъ между духомъ времени и силами, которыя дѣйствуютъ противъ него, разладъ, сильнѣе всего обнаруживающійся во Франціи, гдѣ въ настоящую минуту республика, повидимому, вполнѣ утвердилась, но клерикализмъ и легитимизмъ все-таки выжидаютъ случая и неожиданно могутъ имѣть огромный успѣхъ. Клерикальная партія въ Германіи также въ сущности враждебна свободѣ и всѣмъ современнымъ стремленіямъ. Говоря о свободѣ, она самымъ грубымъ образомъ играетъ словами, и только истинность поговорки, что міръ любитъ быть обманутымъ, причиною того, что глупые люди все еще попадаются въ эту ловушку. Зная объ этихъ тенденціяхъ и цѣляхъ клерикальной партіи, которая еще сильна въ Германіи, очень печально видѣть, что либералы все еще не оставляютъ надежды заключить союзъ съ центромъ. Разъ, этотъ послѣдній покажется въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, онъ долженъ стать на сторону самой рѣшительной реакціи, реакціи, которая далеко превзойдетъ все, о чемъ скорѣе

мечтаетъ, нежели на что надѣется самый отчаянный реакціонеръ-протестантъ.

Такъ какъ я уже началъ говорить о книгахъ, то позволю себѣ упомянуть объ одной недавно вышедшей, и возбудившей большое вниманіе. Это—всемірная исторія Леопольда Ранке. Этотъ величайшій изъ живущихъ еще историковъ въ глубокой старости совершилъ исполинскій трудъ; пока появились первые два тома, древнѣйшая исторія Греціи и Востока. Критики отнеслись къ этому сочиненію съ осторожностью, какая и подобаетъ при сужденіи о такомъ великомъ историкѣ; но должно упомянуть, что многіе отнеслись къ книгѣ неодобрительно. Можетъ быть, этому причиной самый предметъ книги, такъ какъ невозможно написать всемірную исторію, которая удовлетворила бы современную публику, въ такомъ небольшомъ объемѣ, какъ это сдѣлалъ Ранке. Разумѣется, блестящее изложеніе великаго историка сохранилось и здѣсь; нѣкоторыя части его труда принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній. Напротивъ, другіе предметы затронуты только бѣгло и при этомъ нѣтъ вовсе ссылокъ на оригинальные источники и историческіе труды; спеціалисты утверждаютъ даже, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ обнаруживаетъ незнакомство съ новѣйшими изслѣдованіями. Иначе и не могло быть при такомъ обширномъ трудѣ, такъ какъ, очевидно, престарѣлый писатель хотѣлъ изложить въ этой исторіи только сущность своего историческаго міросозерцанія, показать, какъ ему представляется въ общихъ чертахъ историческое развитіе человѣчества, и эта картина нарисована имъ съ обычнымъ мастерствомъ.

Небольшое событіе въ области искусства, которое теперь сильно занимаетъ публику, тоже заслуживаетъ быть упомянутымъ. Управленіе музеевъ купило изъ одной вѣнской галлереи картину Рубенса за 200,000 марокъ; и когда она была уже повѣшена въ здѣшней картинной галлереѣ, знатоки и критики начали высказывать сомнѣніе въ подлинности картины. Одни утверждали, что она вовсе не принадлежитъ Рубенсу; другіе говорили, что Рубенсъ набросилъ только общій очеркъ, а подробности были исполнены учениками; тѣ, которые говорятъ, что картина цѣликомъ принадлежитъ Рубенсу, до сихъ поръ никого не убѣдили, и еще менѣе тѣ, которые говорятъ, что картина прекрасна. Здѣшніе оффиціальные знатоки, т.-е. тѣ господа, которымъ порученъ надзоръ за произведеніями искусства, вообще имѣютъ мало удачи. Самое великолѣпное изъ всѣхъ сокровищъ нашихъ музеевъ: гигантская фреска, относящаяся къ пергамскимъ древностямъ, найдена простымъ смертнымъ и оффиціальные знатоки тутъ не причемъ. Вообще же пріобрѣтенія ихъ весьма сомнительнаго свойства. Моавитскія древности, пріобрѣтенныя однимъ

ученымъ профессоромъ, были объявлены внѣ всякаго сомнѣнія поддѣльными; объ античномъ золотомъ украшеніи, купленномъ за огромную цѣну, перестали говорить послѣ того какъ одинъ остроумный критикъ, понесшій за то справедливое наказаніе, осмѣлился выразить сомнѣніе въ его подлинности и цѣнности. Рубенсъ дополнилъ счетъ, и послѣ того какъ Бисмаркъ, жалуясь на дурную постройку своего дворца, самымъ рѣзкимъ образомъ порицалъ городского архитектора, всѣ еще разъ могли убѣдиться, что искусство ничего не выигрываетъ отъ опеки.

К.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Право убѣжища въ теоріи и практикѣ.

Трагическое петербургское событіе 1-го марта выдвинуло на очередь вопросъ, который давно не возбуждался въ Европѣ и которому, всякій разъ, когда ему случалось выдвигаться впередъ обстоятельствами, суждено возбуждать страсти и волновать умы на Западѣ. Вопросъ этотъ, тѣсно связанный съ государственнымъ правомъ многихъ европейскихъ государствъ, обыкновенно влечетъ за собою длинный рядъ другихъ теоретическихъ и практическихъ соображеній, естественно вызываемыхъ притязаніемъ каждаго государства на полную независимость и на безусловную неприкосновенность своихъ внутреннихъ дѣлъ, своихъ правъ и учрежденій. Оттого вопросъ о правѣ убѣжища всегда является пробнымъ камнемъ относительной силы и крѣпости государствъ, отвѣтственность которыхъ имъ затрогивалась.

Извѣстно, что̀ такое право убѣжища. Оно можетъ быть примѣняемо каждымъ государствомъ въ отношеніи къ подданнымъ или гражданамъ каждаго другого, совершившимъ не такъ-называемое простое, обыкновенное преступленіе (грабежъ, воровство, поддѣлку, убійство и пр.), но преступленіе политическое или религіозное. Въ такомъ положеніи находились иногда, напр., турецкіе или австрійскіе славяне относительно Россіи. Россія могла давать имъ убѣжище, когда правительства Турціи или Австріи преслѣдовали ихъ за національныя стремленія, за образъ мыслей, за все то, что̀ считалось въ то время въ Турціи и Австріи враждебнымъ существующему порядку.

Въ такомъ положеніи были во времена-оны гусситы, находившіе убѣжище въ Саксоніи; протестанты, спасавшіеся въ Англію и Германію отъ преслѣдованій Филиппа II; гугеноты, гонимые Людовикомъ XIV. Въ подобныхъ случаяхъ, когда изгнанники не имѣли въ виду возвратиться на родину и дѣйствовать противъ непріязненнаго имъ правительства, защита и безопасность, которыми они пользовались въ другой странѣ, обыкновенно не возбуждали серьёзныхъ международныхъ споровъ и столкновеній. Но дѣло всегда принимало совсѣмъ иной оборотъ, когда изгнанники пользовались защитой и безопасностью въ другомъ государствѣ, чтобы предпринимать что-нибудь противъ правительства той страны, откуда они бѣжали или были изгнаны. Такъ было, напр., во время французской революціи, когда эмигрировавшее дворянство нашло убѣжище въ Германіи и тамъ стало собирать силы и организоваться, чтобы начать борьбу противъ новаго порядка вещей во Франціи. Новѣйшая исторія Европы богата подобными случаями, въ которыхъ международныя отношенія обострялись до крайней степени, но изъ которыхъ право убѣжища, въ концѣ-концовъ, выходило или невредимымъ, или мало и только временно поврежденнымъ.

Вопросъ о правѣ убѣжища—одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ международнаго права, принимаемый къ сердцу не только правительствами, но и общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ странъ—такъ близко онъ соприкасается со всѣмъ строемъ политической жизни отдѣльныхъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждому государству и обществу очень важно знать, въ какой мѣрѣ оно имѣетъ право давать пріютъ и защиту людямъ, преслѣдуемымъ политически въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, и обязаны ли они выдавать ихъ, изгонять или дѣлать безвредными для того государства, изъ котораго переселились эти люди. Въ 50-мъ году, послѣ венгерскаго возстанія, Австрія долго и съ ожесточеніемъ спорила объ этомъ съ Турціей; восемь лѣтъ спустя, послѣ покушенія Орсини, вторая французская имперія столкнулась въ этомъ вопросѣ съ своею недавней союзницей—Англіей, и въ разное время различныя государства заявляли, по такому же поводу, свое неудовольствіе Швейцаріи.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ международныхъ споровъ и столкновеній, съ безпрерывнымъ развитіемъ идей и политической жизни въ Европѣ, въ международной практикѣ сложилось правило, что люди, обвиняемые въ политическихъ преступленіяхъ, не подлежатъ выдачѣ, такъ какъ они легко могутъ дѣлаться жертвой непріязненныхъ партій и подвергнуться наказаніямъ, не допускаемымъ законами того государства, гдѣ они ищутъ убѣжища. Еслибы, напр., при существованіи въ Россіи крѣпостного права, какой-нибудь

крѣпостной человѣкъ скрылся въ другое государство, не признающее права собственности на людей, то оно не могло бы признавать его дѣяніе наказуемымъ. То же самое случилось бы и по отношенію къ русскому раскольнику, во время гоненій на расколъ. Установившаяся практика подкрѣплялась и основными положеніями государственнаго права, по которымъ, въ принципѣ, государственная власть всякой данной страны простирается только на территорію послѣдней. На чужой территоріи правомѣрно дѣйствуетъ уже государственная власть другой страны. Въ принципѣ государства равноправны, хотя бы одни изъ нихъ были много разъ слабѣе или сильнѣе другихъ. Государственная власть одного государства можетъ дѣйствовать на территоріи другого только въ силу особаго договора между ними или равносильнаго международнаго соглашенія. Каждое государство имѣетъ свои нравы, свою степень культуры, свои политическія учрежденія, гражданскіе и уголовные законы, и относится по-своему ко всякому опредѣленному дѣянію. Есть дѣянія, позволительныя въ Англіи и, въ то же время, составляющія проступокъ или преступленіе въ другой странѣ. Разумѣется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ это не можетъ относиться къ общимъ или обыкновеннымъ преступленіямъ противъ общепризнанныхъ основаній права и гражданскаго общежитія, и относится только къ политическимъ и религіознымъ дѣяніямъ, признаннымъ преступными въ одномъ государствѣ и законными въ другомъ.

Политическими проступками и преступленіями обыкновенно признаются дѣянія, составляющія противозаконное посягательство на общественный и политическій порядокъ, установленный въ данномъ государствѣ. Эти дѣянія такъ разнообразны, что предусмотрѣть и опредѣлить ихъ заранѣе нѣтъ никакой возможности. Въ то время, какъ общія, обыкновенныя преступленія обстоятельно перечисляются въ международныхъ договорахъ о выдачѣ преступниковъ, политическія ускользаютъ отъ точнаго опредѣленія по крайнему разнообразію политическихъ и соціальныхъ явленій и тѣхъ противозаконныхъ средствъ, которыми могутъ дѣйствовать противъ нихъ люди, стремящіеся къ ихъ измѣненію или уничтоженію.

Международная практика и европейскіе нравы, въ принципѣ, не допускаютъ теперь выдачи политическихъ преступниковъ. Европа привыкла къ такому разнообразію партій и мнѣній, что принадлежность къ какой-нибудь политической партіи, исповѣданіе тѣхъ или другихъ политическихъ мнѣній не считаются въ ней, сами по себѣ, ни проступкомъ, ни преступленіемъ. Если эти партіи имѣютъ своихъ противниковъ, то у нихъ всегда есть и свои сторонники. Въ странѣ, гдѣ ищетъ убѣжища иностранецъ, какъ политическій изгнанникъ,

въ немъ видятъ больше побѣжденнаго, чѣмъ преступника. Монархическое государство всегда сочувствовало людямъ монархическихъ партій, замышлявшимъ ниспровергнуть республику, и, наоборотъ, республики сочувствовали людямъ республиканской партіи, стремившимся замѣнить монархическое правленіе республиканскимъ. Независимыя націи часто смотрѣли съ уваженіемъ на націи завоеванныя и подвластныя другому государству, когда дѣятели послѣднихъ пытались возвратить утраченную независимость. Вся Европа рукоплескала Италіи, приносившей еще недавно такъ много жертвъ своему освобожденію и сліянію въ единое государство.

Понятно, что при большой подвижности самаго понятія о политическомъ преступленіи, свойства такого преступленія опредѣляются международными договорами въ самыхъ общихъ чертахъ, оставляющихъ широкое поле для дипломатическихъ сношеній по всякому отдѣльному случаю, вновь представляемому практикой. Эта практика есть созданіе исключительно новѣйшаго времени. Не дальше какъ въ началѣ текущаго вѣка, Англія, та самая Англія, которая служитъ теперь надежнѣйшимъ убѣжищемъ для политическихъ изгнанниковъ, требовала отъ вольнаго города Гамбурга выдачи трехъ ирландцевъ, замѣшанныхъ въ одномъ мѣстномъ возстаніи. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся почти цѣлый годъ, Гамбургъ, уступивъ давленію Англіи, выдалъ изгнанниковъ и тѣмъ навлекъ себѣ слѣдующую рѣзкую депешу Наполеона I-го: „Ваше письмо (депеша была адресована къ гамбургскому сенату) не оправдываетъ вашего поведенія. Доблесть и мужество—опоры государства; рабская угодливость и низость губятъ ихъ. Вы такъ грубо нарушили законы гостепріимства, что отъ такого нарушенія ихъ покраснѣли бы кочевыя племена пустыни!“ А двадцать лѣтъ спустя, та же самая Англія отказалась выдать Россіи одного декабриста, искавшаго въ ней убѣжища и безопасности. Въ тридцатыхъ годахъ Пруссія, Австрія и Россія взаимно обязались выдавать другъ другу людей, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. Гораздо позднѣе, въ 1849 году, Австрія и Россія потребовали у Турціи выдачи Кошута. Поддерживаемое Англіею, турецкое правительство отказало въ этомъ требованіи, и лордъ Пальмерстонъ написалъ англійскимъ министрамъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ депешу, въ которой говорилъ, между прочимъ: „Если, въ новѣйшее время, какой-нибудь законъ исполнялся независимыми государствами строже, чѣмъ всякіе другіе, то это былъ законъ, запрещающій выдачу политическихъ изгнанниковъ. Всякое независимое правительство, которое согласилось бы на подобную выдачу, не будучи къ тому вынуждено формальными постановленіями международной конвенціи, по справедливости навлекло бы себѣ по-

стыдное презрѣніе всего свѣта". Франція и Швейцарія, обязавшіяся, договоромъ 1828 года, выдавать другъ другу лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ противъ безопасности государства, пять лѣтъ спустя отмѣнили это условіе по взаимному соглашенію, и въ 1841 году министръ юстиціи Мартенъ (du Nord) циркулярно писалъ генеральнымъ прокурорамъ: „Выдача по дѣламъ политическимъ не допускается... Политическія преступленія совершаются въ условіяхъ, такъ трудно поддающихся оцѣнкѣ, они порождаются такими жгучими страстями, которыя часто служатъ имъ объясненіемъ, что Франція остается при своемъ принципѣ: выдачи по дѣламъ политическимъ быть не должно. Франція считаетъ для себя дѣломъ чести поддерживать это правило. Съ 1830 года она всегда отказывала въ подобныхъ выдачахъ, и сама никогда ихъ не потребуетъ. Всякій разъ, когда французъ, выданный другимъ государствомъ, какъ виновный въ обыкновенномъ преступленіи, обвиняется одновременно и въ преступленіи политическомъ, онъ можетъ быть судимъ только за обыкновенное преступленіе. Тотчасъ послѣ судебнаго засѣданія, если онъ будетъ оправданъ, или по истеченіи срока наказанію, если онъ будетъ осужденъ, королевское правительство назначаетъ ему срокъ для выѣзда изъ Франціи; если, по прошествіи этого срока, онъ все еще окажется на французской территоріи, то подвергается суду и за политическое преступленіе".

Такова современная международная практика, допускающая въ то же время, чтобы государство, давая у себя убѣжище политическимъ изгнанникамъ другихъ національностей, налагало на нихъ обязанность не предпринимать ничего враждебнаго или преступнаго относительно своего отечественнаго или какого-нибудь иного правительства. Во избѣжаніе столкновеній, нерѣдко вытекающихъ изъ подобныхъ предпріятій, дающая убѣжище страна прибѣгаетъ въ крайнихъ случаяхъ къ разнообразнымъ мѣрамъ: запрещаетъ изгнанникамъ жить на границѣ, назначаетъ имъ опредѣленное мѣстопребываніе внутри страны, отдаетъ ихъ подъ надзоръ высшей полиціи или совсѣмъ удаляетъ ихъ изъ своихъ предѣловъ, не выдавая ихъ, однако-же, тому государству, къ которому они принадлежатъ и изъ котораго спаслись. Но всегда предполагается, что государство, дающее убѣжище изгнанникамъ, пользуясь верховными правами и полною независимостью, поступаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ по своему усмотрѣнію, сообразуясь каждый разъ съ данными обстоятельствами, и юридически не обязанное исполнять требованія другихъ, равноправныхъ съ нимъ государствъ. Эта юридическая фикція, очень важная въ принципѣ, на дѣлѣ можетъ подвергаться большимъ превратностямъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ и географиче-

скихъ условій. Слабому государству трудно вполнѣ отстаивать свою самостоятельность противъ сильнаго, и то̀, что возможно въ этомъ отношеніи, напримѣръ, для Англіи, гораздо труднѣе для Швейцаріи, на которую всегда можетъ навести страхъ такая мо̀гущественная сосѣдка, какова напр. Германія.

Къ тому же, есть разрядъ политическихъ преступленій, который не перестаетъ возбуждать горячіе споры всякій разъ, когда обстоятельства ярко выдвигаютъ на первый планъ подобныя дѣянія. Мы разумѣемъ покушенія, направленныя лично противъ главы государства или правительства, все равно—остаются ли они только на степени приготовленій къ дѣянію, или уже исполнены. Въ обоихъ случаяхъ, политическое преступленіе обыкновенно разсматривается, какъ дѣяніе сложное, соединяющее сторону политическую съ преступленіемъ противъ лица, т.-е. преступленіемъ общаго, не-политическаго свойства, преступленіемъ очень важнымъ, даже и независимо отъ сана, въ какой облечена его жертва. Такъ какъ международная практика и договоры рѣзко различаютъ эти два рода преступленій, то въ отношеніи къ такому сложному, двойственному преступленію вопросъ, естественно, сводится къ вопросу о томъ, которая сторона, политическая или общая, въ немъ преобладаетъ?

Мнѣнія юристовъ въ этомъ вопросѣ расходятся самымъ серьёзнымъ и существеннымъ образомъ. Одни признаютъ такое преступленіе, по преимуществу, общимъ, а не политическимъ. Человѣческая жизнь неприкосновенна, какое бы положеніе ни занимало лицо, ставшее жертвою убійства. Другіе, ссылаясь на огромную важность политическихъ и соціальныхъ интересовъ, сосредоточенныхъ въ лицѣ главы государства, утверждаютъ, что общая сторона такого преступленія есть сторона второстепенная, придаточная, что главный преобладающій характеръ его—политическій. Отсюда и различные отвѣты международнаго права на вопросъ о томъ, подлежатъ ли выдачѣ преступники, обвиняемые въ подобномъ преступленіи, какъ подлежатъ ей вообще убійцы, или они не должны быть выдаваемы, какъ не выдаются люди, совершившіе политическое преступленіе или политическій проступокъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, какой характеръ приписываетъ дѣянію изгнанника то государство, куда онъ скрылся и отъ котораго заинтересованная сторона требовала его выдачи.

Въ 1835 году Франція добилась отъ Пруссіи выдачи Барду, который обвинялся въ томъ, что былъ сообщникомъ покушенія Фіески, и десять лѣтъ спустя—такой же выдачи со стороны Швейцаріи, куда скрылся человѣкъ, покусившійся на цареубійство. Въ сентябрѣ 1854 года, на сѣверной желѣзной дорогѣ, во Франціи, меж-

ду Лиллемъ и Калэ, была найдена адская машина, поставленная съ цѣлью взорвать поѣздъ, въ которомъ императоръ Наполеонъ III долженъ былъ отправиться въ Турнэ. Французскія власти начали, по этому поводу, формальное преслѣдованіе противъ двухъ французовъ, бѣжавшихъ въ Бельгію, и потребовали ихъ выдачи. По обстоятельствамъ дѣла, этимъ двумъ требованіямъ пришлось дать, какъ говорится у насъ, различное движеніе въ смыслѣ формальномъ, и мы остановимся только на ходѣ того изъ нихъ, которое относилось къ изгнаннику Селестену Жакену. Обвиняемый былъ подвергнутъ въ Бельгіи предварительному аресту по предъявленіи приказа объ арестѣ, состоявшагося во Франціи по дѣлу о покушеніи на жизнь императора французовъ и лицъ, которыя должны были находиться въ императорскомъ поѣздѣ. Совѣтъ брюссельскаго суда первой инстанціи призналъ исполненіе этого приказа обязательнымъ, такъ какъ преступленіе, въ которомъ обвинялся Жакенъ, было, въ глазахъ суда, не политическаго, а общаго свойства. Но обвиняемый потребовалъ освобожденія, основываясь на томъ, что приписываемое ему дѣяніе не предусмотрѣно дѣйствующею конвенціей между Франціей и Бельгіей, что оно исключительно политическое. Судебная палата, рѣшающая вопросъ о преданіи суду или освобожденіи арестованныхъ, дѣйствительно признала дѣяніе Жакена политическимъ и постановила освободить заключеннаго изъ-подъ ареста. Дѣло было перенесено въ бельгійскій кассаціонной судъ, который нашелъ, что какова бы ни была цѣль обвиняемаго Жакена, при совершеніи приписываемаго ему дѣянія, и какова бы ни была форма правленія въ странѣ, гдѣ совершено это дѣяніе, послѣднее безнравственно и подлежитъ уголовной карѣ по законамъ всѣхъ временъ и народовъ. Признавая невозможнымъ видѣть въ немъ преступленіе исключительно политическое, судъ отмѣнилъ постановленіе судебной палаты, какъ основанное на неправильномъ толкованіи закона. Между тѣмъ, французское правительство, соображаясь съ требованіемъ франко-бельгійской конвенціи, предъявило постановленіе своей судебной палаты о преданіи Жакена суду, юридически необходимое для выдачи преступника. Бельгійское правительство, придерживаясь бельгійскаго закона, обратилось съ запросомъ, по этому предмету, къ брюссельской судебной палатѣ, которая вторично заявила, что нѣтъ юридическихъ основаній къ выдачѣ Жакена. Дѣло это получило большую огласку и произвело много шуму. Общественное мнѣніе было на сторонѣ Жакена. Рѣшеніе бельгійскаго правительства, не обязаннаго безусловно сообразоваться съ отзывомъ судебной палаты, могло имѣть крупныя политическія послѣдствія, въ виду тогдашняго положенія дѣлъ во Франціи и относительной слабости бельгійскаго

королевства; но само французское правительство нашло нужнымъ прекратить это тяжелое положеніе и отказалось отъ своего требованія. На запросъ, сдѣланный въ то время бельгійскому правительству въ палатѣ депутатовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что правительство, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній относительно смысла закона о выдачѣ преступниковъ, внесетъ въ парламентъ проектъ закона, прямо приравнивающій убіеніе иностраннаго государя убійству вообще. По этому проекту, утвержденному палатами въ мартѣ 1855 года, „не считается ни политическимъ проступкомъ, ни соприкасающимся съ политическимъ, покушеніе на жизнь главы иностраннаго правительства или одного изъ членовъ его семейства, когда это покушеніе носитъ всѣ признаки убійства или отравленія".

Проектъ этотъ вызвалъ оживленныя пренія въ обѣихъ палатахъ; противъ него было высказано много возраженій. Противники закона возставали противъ слова *покушеніе*, смыслъ котораго представлялся имъ слишкомъ неопредѣленнымъ. Они доказывали, что убіеніе главы государства есть преступленіе сложное, почти всегда предпринимаемое съ политическою цѣлью, и что министерскій проектъ положитъ начало выдачѣ политическихъ преступниковъ. Защитники проекта утверждали, напротивъ, что отнынѣ цареубійство должно быть сравнено въ Бельгіи съ убійствомъ вообще; что жизнь главы государства должна быть ограждена наравнѣ съ жизнію всякаго иностранца, безъ различія общественныхъ положеній; что пойти дальше значило бы присвоить цареубійству печальное преимущество, возвести его на степень политическаго преступленія и допустить выдачу политическихъ преступниковъ; а сдѣлать еще меньше значило бы исключить главу иностраннаго государства изъ общаго права и узаконить несправедливость.

Мнѣніе большинства бельгійскаго парламента было принято нѣсколькими европейскими державами. Французское правительство, внушившее и, быть можетъ, вызвавшее новый бельгійскій законъ, въ томъ же году заключило съ брюссельскимъ кабинетомъ дополнительную конвенцію, текстъ которой былъ одинаковъ съ текстомъ бельгійскаго законопроекта, приведеннымъ нами выше. То же постановленіе было потомъ воспроизведено и въ конвенціи, заключенной между Франціей и Бельгіей въ апрѣлѣ 1869 года, и въ договорахъ Франціи съ другими государствами о выдачѣ преступниковъ, кромѣ договора 1870 года съ Швейцаріей и Испаніей.

Намъ хотѣлось напомнить, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе и исторію одного изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ международнаго права—вопроса о правѣ убѣжища и выдачѣ преступниковъ, возбужденнаго въ настоящее время въ Европѣ, гдѣ и теперь,

какъ прежде, голоса рѣзко раздѣлились въ этомъ щекотливомъ вопросѣ, такъ быстро и легко воспламеняющемъ умы. Совсѣмъ не желая вносить страсть и запальчивость въ наше изложеніе, мы постараемся передать, со всѣмъ возможнымъ для насъ спокойствіемъ, отношеніе западной печати къ этому вопросу въ настоящую минуту.

Откровенно сознаемся: все, что мы читали въ послѣднее время въ европейскихъ газетахъ о необходимости ограничить право убѣжища, чтобы сдѣлать его безопаснымъ для иностранныхъ правительствъ, производитъ очень странное впечатлѣніе какой-то разсчитанной горячности, за которою скрываются крупная задняя мысль и плохо скрытый разсчетъ. Консервативные члены и центръ германскаго рейхстага вносятъ, напр., въ это почтенное собраніе докладъ, предлагающій потребовать отъ имперскаго канцлера международныхъ мѣръ противъ злоупотребленія разрывными веществами и въ пользу выдачи людей, покушающихся на жизнь иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ. Намѣреніе прекрасное; но можно ли не остановиться на толкованіяхъ, которыми сопровождаютъ это намѣреніе, напримѣръ, органы національ-либеральной партіи въ рейхстагѣ, какъ извѣстно, одной изъ достаточно консервативныхъ партій германскаго парламента? Эти органы, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, заявляютъ свое сочувствіе къ Россіи и свое участіе къ постигшей ее катастрофѣ; по ихъ словамъ, Германія была и остается „идеальнымъ" сосѣдомъ для Россіи. Но предложенія, изготовляемыя для рейхстага, говорятъ они, выходятъ далеко за предѣлы обязанностей сосѣдства; они выступаютъ на поприще международной политики, они требуютъ отъ имперскаго канцлера такого почина, всей важности котораго нельзя и сообразить въ настоящее время. Правда, прибавляютъ тѣ же органы, самъ имперскій канцлеръ дѣятельно участвуетъ въ этихъ предложеніяхъ рейхстагу; но парламенту и общественному мнѣнію слѣдовало бы выждать, пока обозначится съ большею ясностью, какія цѣли преслѣдуются при этомъ, и каковы виды на будущее. „Всѣ, безъ сомнѣнія, готовы поддерживать внѣшнюю политику имперскаго канцлера; но объясненія, которыя, конечно, еще впереди, покажутъ, въ какой степени предлагаемыя рейхстагу мѣры связаны съ нею и только съ нею".

Это туманно, если хотите, но все же достаточно прозрачно, чтобъ можно было разглядѣть въ туманѣ нѣмецкой политической рѣчи проблески полной готовности идти за предпріимчивымъ германскимъ канцлеромъ на поприще внѣшней политики, хотя и не обозначились еще ни преслѣдуемыя цѣли, ни наличные виды на будущее... Что это, если не политиканство „идеальнаго сосѣда" по поводу раз-

развившагося надъ Петербургомъ кризиса, изъ котораго, однако, при всей идеальности сосѣдственныхъ отношеній, быть можетъ, окажется удобнымъ извлечь какія-нибудь выгоды?

Это одинъ голосъ, голосъ политиканства. Прислушаемся къ другому, въ которомъ не звучитъ нота политической корысти, а, скорѣе, обще-европейская нота недовѣрія къ нынѣшнему уровню русской культуры, и съ которымъ мы также должны познакомиться какъ можно ближе. Этотъ послѣдній голосъ исходитъ уже не изъ берлинскаго національ-либеральнаго лагеря: онъ исходитъ изъ нѣмецкаго культурнаго лагеря вообще и раздается въ органѣ серьёзномъ, соединяющемъ на своихъ страницахъ науку и гуманизмъ съ политикой. Мы позволимъ себѣ на немъ остановиться.

Нигилизмъ, говоритъ этотъ органъ, есть явленіе мѣстное, исключительное русское, вызванное русской исторіей и условіями русской жизни. Западные народы не знаютъ этой болѣзни и было бы ни съ чѣмъ несообразно примѣнять къ нимъ мѣры, быть можетъ, необходимыя въ Россіи. Европа не нуждается ни въ какихъ кордонахъ отъ русской эпидеміи. Разрушеніе для разрушенія, точно искусство для искусства, никогда не можетъ сдѣлаться лозунгомъ западнаго европейца. Россія—государство количественное, не качественное, не культурное. Двѣсти лѣтъ, со смерти Петра Великаго, въ ней одной не были употреблены на постепенное образованіе народа. Она одна и платится теперь за эту ошибку. „Немножко культуры, сказалъ еще Бэконъ, ведетъ къ неистовой дикости; много культуры укрощаетъ и варвара". Тутъ не помогутъ никакія внѣшнія мѣры. Универсальныя средства вредятъ только тому, кто ими лечитъ, не принося никакой пользы нуждающемуся въ помощи. Россіи необходимо уйти въ себя, но не для того только, чтобы сосредоточиться для новыхъ внѣшнихъ предпріятій, а для того, чтобы заняться подъемомъ собственнаго уровня. Въ этомъ одномъ ея спасеніе и будущность, а не въ распространеніи осаднаго положенія на Европу. Да это и не легко. Ни Англія, ни Франція, ни Италія не примутъ случайнаго сходства за тожество и не смѣшаютъ своихъ феніевъ, своихъ непримиримыхъ, своихъ сторонниковъ неискупленной Италіи съ русскими нигилистами. Остаются только Австрія и Германія. Въ Австріи нѣтъ ни одной выдающейся крайней партіи; ея спокойствіе обезпечено; ея политическіе споры, столкновенія между ея національностями остаются конституціонными вопросами, разрѣшаемыми путемъ мирныхъ соглашеній, при которыхъ нѣтъ и рѣчи о покушеніяхъ. Нѣмецкій культурный органъ доказываетъ, что и Германіи нѣтъ причинъ и надобности опасаться у себя нигилистическихъ покушеній. По его мнѣнію, всѣ приготовленія къ преступленіямъ производятся

въ самой Россіи, и если имъ предшествуетъ что-нибудь въ Швейцаріи, то развѣ только разговоры на языкѣ, извѣстномъ только самимъ участникамъ этихъ разговоровъ. Швейцаріи, говоритъ онъ, тѣмъ не менѣе, придется выслать нѣсколькихъ нигилистовъ, которые пойдутъ искать убѣжища въ Италіи, Франціи и Англіи. Настоящее гнѣздо нигилистической болѣзни — въ Россіи, и не Европа можетъ избавить ее отъ эпидеміи, а собственная внутренняя работа, тѣ реформы, которыя въ ней назрѣли и стоятъ теперь на очереди. Нигилисты должны быть побѣждены не внѣшними только средствами, а нравственно и политически.

Какъ ни рѣзокъ этотъ голосъ для насъ, русскихъ, въ немъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, того меркантильно-политическаго разсчета подъ маской участія и безпредѣльнаго благочинія, который такъ поражаетъ въ политиканствующихъ органахъ нѣкоторыхъ берлинскихъ кружковъ. Но, каковъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ, хорошъ или дуренъ, вѣренъ или невѣренъ, надо прослушать и его въ нынѣшнемъ европейскомъ концертѣ.

Но если нѣмецкіе органы общественнаго мнѣнія, обыкновенно такъ сильно довѣряющіе внѣшней политикѣ германскаго канцлера, задумываются надъ послѣдствіями происходящихъ теперь переговоровъ о правѣ убѣжища, то тѣмъ болѣе понятно это со стороны русскихъ органовъ, недавно обрадованныхъ рѣшительно миролюбивыми заявленіями русскаго правительства. Германія, какъ всѣмъ извѣстно, вотъ уже пятнадцать лѣтъ находится, такъ сказать, на военномъ положеніи. Всѣ силы и средства ея давно направлены исключительно въ эту сторону, и одного такого факта уже достаточно для того, чтобы съ полнымъ основаніемъ приписывать ей далеко не миролюбивыя политическія цѣли. Ошибка, сдѣланная ею въ 1871 году—присоединеніе французскихъ провинцій—не перестаетъ и не перестанетъ отзываться на всей ея внѣшней политикѣ. Ей нужны союзники во что бы то ни стало, ей нуженъ, по крайней мѣрѣ, надежный нейтралитетъ такихъ державъ, какъ Россія, Австрія, или Италія. Но всего важнѣе для нея отношенія къ Россіи. Увлечь Россію въ международное предпріятіе, выгодное для Германіи, поселить въ ней недовѣріе къ политикѣ другихъ державъ, особенно Франціи, отвѣчаетъ ея интересамъ и цѣлямъ.

Вотъ сторона, которую необходимо имѣть въ виду Россіи, нуждающейся въ долгомъ періодѣ мира и поставившей себѣ задачей предаться своимъ кровнымъ внутреннимъ дѣламъ, пока не будутъ затронуты ея честь и достоинство. Между тѣмъ, вопросъ о правѣ убѣжища, затронутый Германіей, можетъ повести къ усложненію международныхъ отношеній, не принося Россіи никакихъ существенныхъ выгодъ.

Убійцы, конечно, подлежатъ преслѣдованію во всѣхъ государствахъ; но ни одно государство и не считаетъ ихъ неприкосновенными. Не только сами убійцы, но и апологисты ихъ подверглись судебному преслѣдованію во Франціи и въ Англіи. Примѣръ парижскихъ непримиримыхъ газетъ и лондонской газеты нѣмецкаго эмигранта Моста, „Свобода", доказали это неоспоримо. Но дальше въ этомъ направленіи не могутъ идти ни Франція, ни Англія, по самому характеру своего законодательства. Во Франціи уже раздаются оффиціальные голоса, высказывающіеся въ этомъ смыслѣ. Нѣтъ ничего естественнѣе и понятнѣе заботъ о безопасности; но можетъ-ли быть достигнута эта цѣль такими мѣрами, которыя способны возстановить одну часть Европы противъ другой—вотъ вопросъ, которымъ задаются теперь многіе. Дѣло не въ усердіи только, но въ благоразумномъ отношеніи къ дѣлу, до крайности щекотливому и которому, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ международныхъ интересовъ, можетъ быть приданъ угловатый, односторонній, вызывающій характеръ.

Надо отдать справедливость русской дипломатіи: она до сихъ поръ держала себя съ большимъ тактомъ въ этомъ трудномъ международномъ вопросѣ и, сколько извѣстно въ ту минуту, когда мы кончаемъ эти строки, не предъявляла никакихъ одностороннихъ требованій. Въ Европѣ больше говорятъ о видахъ и намѣреніяхъ Германіи, чѣмъ о притязаніяхъ Россіи. Надо надѣяться и ожидать, что русская политика, поставившая себѣ теперь совершенно мирныя цѣли, и на будущее время не выйдетъ изъ своей благоразумной сдержанности. Если кому нибудь и выгодно что̀-нибудь другое, то ужъ никакъ не Россіи.

АВСТРІЯ, ГЕРМАНІЯ И СЛАВЯНЕ.

Политическія замѣтки.

I.

Съ самыхъ первыхъ нумеровъ „Руси", въ политическомъ обозрѣніи, авторъ этихъ обозрѣній распространяется на счетъ отношенія западной Европы вообще и нѣмцевъ въ особенности къ Россіи и славянамъ и о замыслахъ Австріи и Германіи создать новый панславизмъ—панславизмъ австрійскій, въ каковыхъ замыслахъ имъ дѣятельно помогаютъ римская курія и католическое духовенство.

Я весьма недавно оставилъ Австрію, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ, и въ славянскихъ земляхъ, вообще, мнѣ случалось бывать по долгу и не разъ, такъ что предметъ, занимающій политическаго обозрѣвателя „Руси", мнѣ нѣсколько знакомъ.

По словамъ „Руси" затѣвается „цѣлая система объединенія славянскихъ племенъ въ лонѣ католической церкви и подъ верховной властію Габсбурговъ", въ чемъ „пособниками ей (Австріи) является не одинъ Бисмаркъ, но и вся западная Европа, за исключеніемъ только, пребывающей пока во власти, либеральной партіи въ Англіи". Съ этой именно цѣлію папа Левъ XII недавно „издалъ энциклику о беатификаціи славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія" и предполагаетъ разрѣшить „по ходатайству и по плану своего бывшаго нунція въ Вѣнѣ, монсиньора Якобини, славянамъ-католикамъ Австріи богослуженіе на славянскомъ же языкѣ. Надъ этимъ проектомъ работаютъ теперь въ Ватиканѣ. Неизвѣстно еще, допущенъ ли будетъ для литургіи нашъ же церковно-славянскій языкъ, или же каждому племени будетъ предоставлено служить Богу на своемъ племенномъ нарѣчіи". (Я могу сообщить автору, что это почти рѣшено уже: богослуженіе будетъ вѣроятно допущено на народномъ языкѣ каждаго племени; по крайней мѣрѣ, таково желаніе австрійскаго правительства и къ этому же стремится и Ватиканъ, чтó, впрочемъ, весьма понятно; такое богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ прямо противорѣчило бы цѣлямъ „австрійскаго панславизма", только усиливая связь славянъ между собою и съ Россіей, между тѣмъ, какъ Австріи желательно именно порвать эти связи). „Это планъ новой гигантской *уніи*. Такъ какъ народнымъ массамъ въ славян-

скомъ православномъ мірѣ пуще всего претитъ употребленіе латинскаго языка, такъ какъ именно этотъ языкъ представляется видимою преградою и видимымъ, самымъ понятнымъ и осязательнымъ отличіемъ католицизма отъ православія, то съ отмѣною этой преграды и этого отличія упраздняются существенныя затрудненія для перехода въ унію и признаніе папы главою церкви, — особенно же, если переходъ сопровождается выгодою и могучимъ покровительствомъ всей западной Европы".

Такъ говоритъ „Русь" и говоритъ, замѣчу отъ себя, совершенно вѣрно,—т.-е. вѣрно въ общихъ чертахъ; въ деталяхъ—невѣрно, но объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Да, несомнѣнно: Австрія замышляетъ объединить нѣкоторыя славянскія племена подъ верховною властію Габсбурговъ; несомнѣнно и то, что ей помогаетъ въ этомъ Бисмаркъ. Мало того, самая иниціатива замысла принадлежитъ именно Бисмарку, который почти насильно навязалъ его Австріи, насильно толкнулъ ее на эту дорогу и теперь продолжаетъ увлекать по ней все дальше и дальше. Несомнѣнно, наконецъ, и то, что западная Европа весьма благосклонно смотритъ на этотъ замыселъ, и исполненіе его, если таковое когда-либо произойдетъ, она встрѣтитъ какъ самое счастливое, самое благодѣтельное событіе. Все это вѣрно, какъ вѣрно и то, что это—дѣло, небезопасное для Россіи и весьма опасное для славянства вообще. Но, спрашивается, кто же въ этомъ виноватъ?

Бисмаркъ ли, который старается воспользоваться плодами нашихъ побѣдъ надъ Турціей и разрѣшить восточный вопросъ въ пользу не славянъ, а нѣмцевъ? Не думаю, чтобъ его можно было винить. Онъ —руководящій министръ германской имперіи, онъ создатель этой имперіи, творецъ не вполнѣ еще законченнаго, но имѣющаго несомнѣнно закончиться въ будущемъ германскаго единства; онъ—повелитель и кумиръ нѣмцевъ—естественно, что онъ, прежде всего, и исключительно заботится объ интересахъ германской имперіи и нѣмецкаго племени. Подобная заботливость составляетъ не вину, а заслугу всякаго государственнаго человѣка для *своего* народа. Страна и народъ,—руководящіе политики которыхъ поступаютъ иначе, жертвуютъ ихъ интересами (и часто ближайшими, самыми кровными) цѣлямъ постороннимъ,—могутъ глубоко скорбѣть о такомъ порядкѣ вещей, но они, очевидно, не въ правѣ ставить въ вину своимъ сосѣдямъ того обстоятельства, что ихъ министры не слѣдуютъ этому пагубному примѣру.

Не виновата ли Австрія? У насъ столько было говорено и писано объ ея шаткости и гнилости, о томъ, что она вотъ-вотъ рухнетъ совсѣмъ и что толчкомъ къ этому неизбѣжному разрушенію послужитъ

ничто иное, какъ возрожденіе славянства; знаменитая фраза: „путь въ Константинополь лежитъ черезъ Вѣну", такъ часто повторялась и сопровождалась такими вовсе недвусмысленными комментаріями, что было бы по меньшей мѣрѣ странно—чтобъ не сказать недобросовѣстно—обвинять Австрію за то, что она и руками и ногами отбивается отъ этой, по нашимъ собственнымъ словамъ, грозящей ей жизненной опасности. Какая тамъ она ни есть расшатанная и гнилая, а все же вѣдь она живая еще, не умерла, дышетъ еще, а покуда въ организмѣ сохранилось хоть легкое дыханіе, хоть призракъ жизни, онъ не можетъ ни примириться съ мыслію о смерти, ни перестать бороться съ нею. Неразборчивость въ средствахъ борьбы тоже не можетъ быть поставлена въ вину въ такихъ случаяхъ, какъ не можетъ быть поставлено въ вину утопающему, если онъ, стараясь спастись отъ поглощающихъ его волнъ, ухватится за другого утопающаго и увлечетъ его за собою въ бездну, хотя, можетъ быть, этотъ другой и могъ бы выплыть безъ этого. Можетъ ли быть рѣчь объ обвиненіи или оправданіи тамъ, гдѣ живой организмъ, будетъ ли это отдѣльное человѣческое существо или государство, все равно, борется съ смертельной опасностію. Онъ гибнетъ и старается спастись отъ погибели — вотъ его оправданіе, оправданіе, передъ которымъ должно умолкнуть всякое обвиненіе, которое исключаетъ даже возможность обвиненія.

Не виновата ли западная Европа? Но ее если и можно винить, такъ развѣ въ сочувствіи, такъ какъ она, за исключеніемъ лишь папы, безъ содѣйствія котораго нѣмцы не могли обойдтись, къ планамъ „австрійскаго панславизма" относится вполнѣ пассивно. Она имъ не мѣшаетъ, даже можетъ быть одобряетъ их, но дѣятельнаго участія не принимаетъ, слѣдовательно и вины ея тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

Итакъ, не виноваты—т.-е. ихъ дѣйствія не могутъ *быть вмѣнены въ вину имъ*—ни Бисмаркъ, ни Австрія, ни западная Европа. Такъ кто же?—По моему крайнему разумѣнію, виноватъ тотъ, кто вложилъ въ руки нашихъ политическихъ враговъ страшное оружіе религіозной распри, которымъ они теперь собираются поразить славянство въ самое сердце. Виноватъ тотъ, кто первый провозгласилъ принципъ якобы тождества славянства съ православіемъ; виноваты тѣ, которые, подхвативъ этотъ удивительный принципъ, усиленно и неустанно, десятки лѣтъ старались вбивать въ голову неправославнымъ славянамъ, что нѣтъ имъ мѣста въ славянской семьѣ, что не признаютъ ихъ „славяне"(?) за братьевъ и не хотятъ ихъ знать, покуда они не откажутся отъ вѣры своихъ отцевъ, что славянинъ только тотъ, кто православный;—старались такъ долго и такъ успѣшно, что

вбили, наконецъ, и раздѣлили славянство на два лагеря, на два противуположные и притомъ, по необходимости, органически враждебные другъ-другу лагеря. Никогда не только ни одному изъ австрійскихъ государственныхъ людей, между которыми давно уже не появлялось сколько-нибудь выдающагося государственнаго ума, но даже и такому великому генію, какъ Бисмаркъ, не могло бы придти въ голову создавать какой-то „австрійскій панславизмъ"; никогда ни одному славянскому племени, ни даже отдѣльному человѣку славянскаго происхожденія не пригрезилась бы во снѣ возможность помогать такому, очевидно гибельному для славянъ созданію, если бы не былъ поставленъ этотъ злополучный принципъ тождества славянства и православія. А этотъ принципъ, къ сожалѣнію, поставили сами мы, русскіе, и именно та русская партія, къ которой принадлежитъ и среди которой играетъ такую видную роль извѣстный редакторъ-издатель „Руси". Они, конечно, не желали и даже вѣроятно не думали, что наносятъ тяжкій ударъ славянству и славянской идеѣ, когда кричали на всѣхъ славянскихъ перекресткахъ о томъ, что православіе есть необходимый аттрибутъ славянства и нѣтъ славянства безъ православія; но, не желая того, они этотъ ударъ нанесли, и теперь имъ не на кого пенять, кромѣ какъ на самихъ себя. Имъ не остается даже утѣшенія ругать нѣмцевъ, потому что „австрійскій панславизмъ" выдумали не нѣмцы, его выдумали сами неправославные славяне, а нѣмцы только ухватились за эту выгодную для нихъ мысль, разработали, развили ее и теперь стараются воплотить въ жизнь.

Разъ только тотъ—настоящій славянинъ и тому только должны выпасть на долю всѣ тѣ великія и богатыя милости, какія сулитъ славянамъ осуществленіе великой славянской идеи, кто православный, то, спрашивается, чтó оставалось дѣлать славянамъ неправославнымъ? Съ одной стороны, они не могутъ перестать быть славянами—это не въ ихъ власти, что тамъ ни говори наши глашатаи православія; съ другой—не могутъ и огуломъ, всей народной массой, перемѣнить религіи. Время такихъ массовыхъ обращеній прошло безвозвратно; да и какой бы смыслъ имѣло, чего бы стоило въ нравственномъ отношеніи подобное обращеніе цѣлаго народа изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое? Отвергнутые руководящимъ славянскимъ народомъ, отрѣзанные отъ славянства, затерянные среди неизмѣримо превосходящихъ ихъ численностію и культурой враждебныхъ племенъ, неправославные славяне очевидно обрекались на погибель; имъ предстояло умереть медленной смертью подъ гнетомъ давленія германизма. Но они вѣдь тоже живые организмы и умирать не согласны. Поставленные нами—и это необходимо помнить—нами

самими поставленные передъ той же мрачной перспективой смертельной опасности, какъ и Австрія, они, также какъ она, стали всѣми силами и не разбирая средствъ, отбиваться отъ опасности. При этомъ мысль о соединеніи съ Австріей явилась роковымъ образомъ, сама собою. И это соединеніе, хотя бы и съ недругомъ своимъ, но недругомъ сильнымъ для общей борьбы съ общей опасностью, такъ естественно, такъ даже логически необходимо, что, думаю, было бы совершенно излишне пріискивать дальнѣйшія оправданія для неправославныхъ славянъ. Безъ всякихъ подобныхъ оправданій ни у одного сколько-нибудь добросовѣстнаго русскаго не повернется языкъ обвинить ихъ.

И вотъ такимъ-то образомъ зародилась идея объ „австрійскомъ панславизмѣ", который, впрочемъ, гораздо вѣрнѣе было бы называть „габсбургскимъ панславизмомъ", потому что, дѣйствительно, приманкой для неправославныхъ славянъ, центромъ, около котораго они группируются уже и желаютъ сгруппироваться еще тѣснѣе, служитъ отнюдь не Австрія сама по себѣ, а габсбургская династія и въ особенности нынѣшній ея высоко честный представитель.

Какъ роковымъ, почти, можно сказать, насильственнымъ образомъ зародилась среди неправославныхъ славянъ первая мысль о соединеніи съ Австріей, точно также роковымъ образомъ принуждены они были искать опоры для этой мысли въ Ватиканѣ и помощниковъ въ католическомъ духовенствѣ. И опять: что̀ могло быть естественнѣй, и они ли въ этомъ виноваты? Ихъ изгоняла изъ славянской семьи религіозная нетерпимость: за то, что они не такъ крестятся, не на томъ языкѣ Богу молятся, какъ крестится и молится могущественнѣйшее изъ славянскихъ племенъ, передъ ними захлопывались двери всего славянства — они невольно и спасенія и орудія для борьбы должны были искать въ религіи же, строить свою будущность именно на томъ различіи исповѣданій, изъ-за котораго имъ въ этой будущности отказывали. И, разумѣется, всегда воинствующій, всегда съ страстной горячностью сильнаго убѣжденія стремящійся къ прозелитизму католицизмъ не могъ не воспользоваться этимъ расположеніемъ неправославныхъ славянъ. Ватиканъ и прежде всегда поддерживалъ и разжигалъ въ нихъ такое расположеніе, а теперь, когда развитіе его въ обширныхъ размѣрахъ стало существенно необходимо для Австріи, уже не какъ удобная зацѣпка для вліянія на дѣла Балканскаго полуострова, а для прочнаго распространенія своего владычества тамъ, Ватиканъ, по просьбѣ и по указаніямъ австрійскаго правительства, выступаетъ на арену въ качествѣ активнаго дѣятеля. Политическій обозрѣватель „Руси" говоритъ, между прочимъ, что „цѣлыя тучи латинскихъ миссіонеровъ опустились на по-

луостровъ"... Это сильно преувеличено. „Тучъ" собственно не опустилось и даже густыми облаками нельзя назвать тѣхъ миссіонеровъ, которые разбрелись не „по полуострову" вообще, а по Босніи и отчасти по Герцеговинѣ. Но тѣмъ не менѣе миссіонеры бродятъ и пропаганда ведется дѣятельно. Только почтенный авторъ жестоко ошибается, если думаетъ, что Австрія стремится, главнымъ образомъ, къ окатоличенію восточныхъ славянъ и что именно окатоличеніе составляетъ основу ея плановъ. Далеко нѣтъ. Настолько нѣтъ, что, не будь совершенно неизбѣжной необходимости въ помощи Ватикана, австрійское правительство охотно не допустило бы совсѣмъ пропаганды или, по крайней мѣрѣ, сократило бы ее до минимума, дозволивъ миссіонерамъ маневрировать лишь съ крайней осторожностью и медленностью, не выставляясь на видъ. Въ чемъ другомъ, а въ невѣжествѣ нѣмцевъ упрекнуть нельзя. Они не кричатъ безъ толку и дѣйствуютъ осмотрительно, сознательно относятся и къ дѣлу и къ сферѣ, въ которой имѣютъ дѣло, и умѣютъ выбирать орудія и время борьбы. Имъ не нужно было указанія извнѣ, чтобы понять, что, какъ справедливо замѣчаетъ „Русь", „попытка Льва XIII,—замышленная имъ унія,—можетъ оказать свои плоды лишь медленно, лишь со временемъ, хотя бы и не столь отдаленнымъ, но все же не такъ скоро, какъ это было бы нужно Австріи, въ виду предначертаннаго ей Бисмаркомъ плана". Еслибъ въ ихъ рукахъ только это одно оружіе и было, они, по всѣмъ вѣроятіямъ, вовсе и не стали бы строить своего плана, сознавая хорошо, какую непрочную почву представляетъ для него „гигантская унія" и какъ легко было бы тѣмъ, въ чьихъ интересахъ помѣшать имъ, вырвать у нихъ изъ-подъ ногъ эту почву. Кромѣ того, не будучи невѣжественными, нѣмцы понимаютъ, что если религія не составляетъ и не можетъ никогда составлять одного органически неразрывнаго цѣлаго съ національностью, но для охраненія національности, для возбужденія ея силъ и энергіи, религія представляетъ самое могущественное изъ всѣхъ средствъ. Холодные и методическіе даже въ фанатизмѣ своемъ, они никогда не рѣшились бы сами и не позволили бы горячимъ мадьярамъ напасть открыто на религіозное чувство славянскихъ племенъ, предлагая имъ ни съ того, ни съ сего унію, если бы у нихъ не было въ запасѣ средства заставить эти племена посмотрѣть на унію, какъ на дѣло чисто формальное и второстепенное, мало того — заставить ихъ съ любовью отнестись къ этой уніи, убѣдивъ ихъ въ неоцѣнимой выгодности ея для нихъ самихъ. Но въ томъ и бѣда, что такое средство у нѣмцевъ есть, въ томъ-то и опасность настоящая, что планы Австріи гораздо шире, гораздо умнѣй и, на взглядъ по крайней мѣрѣ, либеральнѣй, чѣмъ простое обращеніе изъ одной религіи

въ другую ради житейскихъ выгодъ сливокъ населенія. Эта широта и либеральность таковы, что они весьма могутъ соблазнить не только сливки, но и самое жидкое молоко даже и православныхъ славянскихъ племенъ, и именно доставить Австріи то, что по словамъ „Руси", князю Бисмарку никогда не удается придать ей: „ту крѣпость мышцъ, ту цѣльность, ту стройность, какая нужна для исполненія его широкихъ замысловъ,—и вызвать въ сердцахъ разнообразныхъ, другъ другу враждебныхъ австрійскихъ племенъ — ту общую *національную* идею, которая бы всѣхъ соединила въ одну душу и въ одно крѣпкое тѣло". Подчеркивая слово *національную*, обозрѣватель „Руси" видимо полагалъ, что это нѣчто совсѣмъ невозможное для Австріи, но, кажется, и не подозрѣвая, что именно *идея національности* и составляетъ краеугольный камень всѣхъ плановъ „австрійскаго панславизма". Почему это такъ и какимъ образомъ могло случиться, что всегда подавлявшая, всегда отдававшая на съѣденіе нѣмцамъ различныя національности въ своемъ государствѣ, Австрія получила вдругъ возможность явиться передъ ними въ роли оплота національной свободы и самобытнаго національнаго развитія, и кто виноватъ въ такомъ дѣйствительно ненормальномъ явленіи, выяснится ниже, когда придется говорить о второмъ моментѣ развитія идеи „австрійскаго панславизма"; теперь же надо кончить о религіозномъ вопросѣ.

Что высказанныя положенія взяты мною не изъ собственной головы, а являются прямыми результатами личнаго знакомства со славянами, въ ихъ современномъ состояніи, можно доказать массою фактовъ, но, чтобъ не удлиннять безполезно статью, я остановлюсь на одномъ, особенно выдающемся явленіи, которое тѣмъ еще рельефнѣй, что произошло весьма недавно у всѣхъ на глазахъ. Я говорю о коренномъ измѣненіи во взглядахъ и въ образѣ дѣйствій чеховъ. Это славянское племя географическими условіями своей страны поставлено въ положеніе худшее, чѣмъ всѣ остальныя. У другихъ все-таки есть выходъ, они вездѣ соприкасаются съ славянскими же племенами и вмѣстѣ съ ними могутъ представить серьёзную преграду напору нѣмцевъ. Чехи съ трехъ сторонъ заперты напирающими на нихъ и давящими ихъ нѣмцами, съ которыми имъ, крошечной горсти славянства, бороться приходилось не подъ силу. Естественно, что, при возрожденіи своемъ, они силою вещей вынуждены были искать себѣ опоры внѣ нѣмецкой Австріи, и еще естественнѣй, что взоры и надежды ихъ обратились на Россію. Ихъ многочисленныя и, въ началѣ, несомнѣнно искреннія заявленія братской любви къ Россіи и русскимъ слишкомъ извѣстны—повторять все это тутъ безполезно. Но есть одна сторона, о которой необходимо напомнить, потому что на причины ея мало кто обращалъ вниманіе, а говорили о нихъ еще

менѣе. Понимая, что, каковы бы ни были симпатіи къ нимъ русскихъ, а если они будутъ географически отрѣзаны отъ славянства, которому покровительствуетъ Россія, имъ все равно не сдобровать, чехи всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ старались возбудить мысль и, если возможно, то ввести въ жизнь примиреніе русскихъ съ поляками. Объ этомъ писали ихъ ученые и журналисты, объ этомъ же заговаривали ихъ представители каждый разъ, какъ имъ случалось приходить въ общеніе съ русскими. И это не было только теоретическимъ разсужденіемъ съ ихъ стороны, нѣтъ—въ эту же сторону обращено было и вниманіе всего общественнаго мнѣнія страны, которой здоровый народный инстинктъ подсказывалъ, что чехи для славянства и славянство для чеховъ не потеряны только тогда, когда въ него вступитъ опять, въ качествѣ хоть и не самостоятельнаго, но все же живаго и дѣятельнаго организма, а не растерзаннаго трупа, какъ теперь, и то единственное славянское племя, съ которымъ соприкасаются чехи, т.-е.—поляки. Нѣтъ поляковъ, не будетъ и географической непрерывности славянства, но прежде всего, —а для чеховъ, разумѣется, и главнѣе всего,—не будетъ и чеховъ. Вотъ это они понимали хорошо и потому не переставали заговаривать о примиреніи двухъ главныхъ славянскихъ народностей. Нужно ли напоминать, какъ встрѣчены были ихъ рѣчи? Кому неизвѣстенъ знаменитый отвѣтъ кн. Черкасскаго на слова Ригера на славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ? Это значительно охладило чеховъ, но не уменьшило ихъ симпатій къ Россіи и ихъ надеждъ на нее. Сознавая, какъ трудно уничтожить сразу слѣды сложившейся вѣками исторической вражды, чехи небезосновательно разсчитывали, что древняя исторія должна будетъ уступить, наконецъ, мѣсто живымъ и жизненнымъ интересамъ настоящаго времени и что если Россія дѣйствительно стремится къ возрожденію *славянства*, а не преслѣдуетъ только мертворожденныя мечты о наслѣдствѣ Византіи, то ей придется рано или поздно дать мѣсто и полякамъ, безъ которыхъ немыслимо объединеніе славянства, въ какой бы тамъ ни было формѣ. Однако эти надежды стали мало-по-малу разсѣяваться и разсѣявались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большее число русскихъ, въ особенности ученыхъ людей, стало пріѣзжать въ Прагу для изліянія своихъ нѣжныхъ чувствъ къ дорогимъ братьямъ чехамъ. Съ неподражаемой,—для меня, простого, не ученаго человѣка просто необъяснимой—наивностію, наши господа ученые, пріѣзжая въ несомнѣнно славянскую, но католическую страну, больше всего упирали на тождественность славянства съ православіемъ. Велись рѣчи, по истинѣ поразительныя. Одинъ профессоръ международнаго права, наприм., будучи въ гостяхъ у чешскаго профессора и воспылавъ негодованіемъ

на скромное замѣчаніе одного изъ присутствующихъ на счетъ любимой мечты чеховъ—примиренія русскихъ съ поляками, произнесъ длинную рѣчь, въ которой доказывалъ, что мы „должны задавить поляковъ", между прочимъ, потому, что они римско-католики, а такъ какъ Римъ никогда не понималъ настоящаго духа христіанства, который понимается и осуществляется единственно православіемъ, то между этимъ послѣднимъ и Римомъ ни примиренія, ни сдѣлокъ быть не можетъ. Другой профессоръ, только ужъ не права, а русской словесности въ одномъ нерусскомъ университетѣ, человѣкъ очень добрый, выражалъ, говоря о томъ же предметѣ, глубокое сожалѣніе свое о полякахъ, которыхъ онъ, по его словамъ, очень любитъ, ибо они славный народъ, но все-таки настаивалъ на совершенной необходимости „задушить" ихъ, какъ римско-католиковъ. Тутъ, какъ видите, идея славянства совсѣмъ исчезала даже—оставалось одно православіе! Я не буду останавливать вниманіе читателя на возмутительности и даже, несмотря на возмутительность, комичности подобныхъ рѣчей о „задушеніи" цѣлаго народа въ устахъ профессоровъ, изъ которыхъ, въ довершеніе всего, одинъ профессоръ *права;* но представьте себѣ эффектъ этихъ рѣчей на римско-католиковъ и притомъ весьма ревностныхъ католиковъ. Не упускайте, при этомъ, изъ виду то обстоятельство, что въ Прагѣ, гдѣ сосредоточивается почти вся чешская интеллигенція, по крайней мѣрѣ, вліятельная и дѣятельная, всѣ знакомы другъ съ другомъ, находятся другъ съ другомъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ, такъ что нѣтъ возможности говорить съ кѣмъ-либо по секрету: что̀ сказано въ одномъ домѣ, или одному лицу, то немедленно становится извѣстно всѣмъ. И если бы еще говорили въ этомъ удивительномъ тонѣ 3—4—10 русскихъ, а то вѣдь всѣ, почти безъ исключеній, и притомъ такіе и среди такихъ обстоятельствъ, которыя заставляли чеховъ невольно думать, что эти господа являются выразителями не только настоящаго общественнаго мнѣнія, но и политики Россіи. Въ это же самое время было задумано и немедленно же, съ необыкновенной поспѣшностію приведено въ исполненіе сооруженіе православнаго храма въ Прагѣ, съ водвореніемъ при немъ русскаго священника и русскаго клира. Такъ какъ въ Прагѣ никогда не жило болѣе человѣкъ пяти русскихъ за разъ, а кромѣ русскихъ, иныхъ православныхъ тамъ нѣтъ, то чехи натурально должны были принять это сооруженіе храма за первый шагъ къ обращенію ихъ въ православіе, къ „вѣрѣ ихъ отцовъ", какъ почему-то выражались часто у насъ. Впрочемъ, если-бъ они сами и не пожелали принять этого именно въ такомъ смыслѣ, то любящіе друзья и братья позаботились не допустить ихъ до такого печальнаго заблужденія. Редакторъ-издатель „Руси" прямо, безъ за-

тѣй, въ формѣ письма къ Ригеру, воззвалъ къ чехамъ о принятіи ими православія...

Это знаменитое письмо было какъ-бы ушатомъ холодной воды, вылитой на голову бѣдныхъ чеховъ. Оно сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ ихъ политикѣ. До тѣхъ поръ чешская интеллигенція, не питая больше никакихъ серьёзныхъ надеждъ на Россію, поддерживала однако же очень оживленныя сношенія съ нею или, употребляя излюбленное и, въ данномъ случаѣ, вѣрное выраженіе нѣмцевъ, „кокетничала съ Москвою". Дѣлалось это съ весьма понятной цѣлью напугать нѣмцевъ, которые, впрочемъ, замѣчу мимоходомъ, пугались очень мало, хотя, на всякій случай, и присматривали за чехами. Послѣ письма г. Аксакова, даже кокетство стало невозможнымъ болѣе. Общественное мнѣніе даже въ средѣ простого чешскаго народа поняло, наконецъ, что чехамъ нечего ждать отъ Россіи, и рѣшительно повернуло въ сторону сближенія съ нѣмцами. Усилія самаго вліятельнаго человѣка во всей Чехіи, Ригера, которому стоило въ былое время сказать слово, чтобы заставить всѣхъ повиноваться безъ возраженій, не привели ни къ чему. Чтобы не потерять окончательно свою популярность, онъ вынужденъ былъ уступить требованію общества, которое поддерживалъ народъ, отказаться отъ своего обожаемаго дѣтища — пассивной политики и идти въ рейхсратъ. Мало того, онъ, страстный ненавистникъ нѣмцевъ, долженъ былъ нѣсколько разъ говорить въ публичныхъ собраніяхъ сладкозвучныя рѣчи о примиреніи съ ними на почвѣ интересовъ общаго отечества —Богеміи. И девять-десятыхъ этихъ, можетъ быть (я лично думаю даже положительно), и не несчастныхъ для чеховъ, но во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, безполезныхъ для славянства результатовъ, достигнуты именно письмомъ И. С. Аксакова, въ чемъ ему легко убѣдиться, если онъ, дорожа истиной, а не громкими, но пустыми фразами, вздумаетъ лично, или посредствомъ довѣренныхъ лицъ, добросовѣстно и безпристрастно изслѣдовать дѣло на мѣстѣ.

А хорваты! Кто, какъ не мы, мы съ нашими вѣчными проповѣдями о православіи, толкнулъ хорватовъ на путь противоестественнаго, такъ сказать, „австрійскаго панславизма". А было время и весьма недалекое, когда они думали опереться, подобно прочимъ славянамъ, на Россію. И стремленіе это было въ нихъ такъ сильно, что они, уже пожертвовавъ многими вошедшими во всенародное употребленіе особенностями своего языка, чтобы возстановить его тождество съ болѣе чистымъ славянскимъ языкомъ сербскимъ, вели между собою пренія и о томъ, не замѣнить-ли имъ кириллицей свой, чуждый большинству славянъ, латинскій шрифтъ. Это былъ бы весьма важный шагъ, и они его несомнѣнно сдѣлали бы, еслибъ встрѣтили

хоть малѣйшее поощреніе съ нашей стороны; но, къ сожалѣнію, имъ въ этомъ поощреніи было отказано. Статья „Руси“ указываетъ на епископа Штросмайера, какъ на одного изъ главныхъ дѣятелей въ образованіи „австрійскаго панславизма“. И это совершенно справедливо. Но знаетъ-ли почтенный авторъ статьи, что этотъ самый епископъ Штросмайеръ, во времена своей молодости, когда онъ только еще выступилъ на поприще общественной и народной дѣятельности, искалъ союза ни съ кѣмъ инымъ, какъ именно съ русскими и притомъ еще съ славянофильской партіей, въ лицѣ ея представителя, нашего протоіерея при вѣнскомъ посольствѣ, отца Раевскаго въ то время тоже молодого еще человѣка и энергическаго дѣятеля возрожденія славянства въ Австріи? Какой же отвѣтъ получилъ онъ въ концѣ-концовъ отъ отца Раевскаго?—„Нѣтъ, мы видно другъ другу не пара. По нашему, славяне всѣ должны быть православными, нѣтъ славянства внѣ православія, а вы тянете къ римской куріи“. И прошу васъ, не думайте, что я повторяю здѣсь слова епископа Штросмайера или кого-нибудь изъ близкихъ ему соотечественниковъ. Отнюдь нѣтъ—мнѣ разсказывалъ это, напротивъ, нашъ соотечественникъ, и именно, самъ отецъ Раевскій. Когда я выразилъ ему свое удивленіе по поводу такого, по моему крайнему убѣжденію, вовсе не тактичнаго и даже прямо противнаго интересамъ славянства поступка, преподобный отецъ и мнѣ повторилъ то же самое: „тянетъ къ римской куріи, не думаетъ о славянствѣ“. Это Штросмайеръ-то не думаетъ о славянствѣ, человѣкъ, который всю жизнь свою положилъ на народное дѣло, который создалъ своими усиліями, и отчасти на собственныя средства, все національное учебное дѣло въ Хорватіи, начиная отъ народныхъ школъ до университета въ Загребѣ, создалъ музей, разныя общества и даже до сихъ поръ отдаетъ на все это восемь-десятыхъ своего огромнаго дохода! „Не думаетъ о славянствѣ“, онъ, спасшій Хорватію отъ грозившей ей германизаціи и вызвавшій горячую струю національной жизни даже въ средѣ почти ужъ совсѣмъ онѣмечившейся или омадьярившейся аристократіи. Что касается до „тянетъ къ римской куріи“, то именно отецъ Раевскій, въ лицѣ мадьярскаго духовенства, имѣлъ передъ глазами такой блистательный примѣръ того, что католическая духовная іерархія можетъ оставаться глубоко преданной католицизму и въ то же время не тянуть къ куріи и не допускать ни малѣйшаго вмѣшательства съ ея стороны, какъ скоро дѣло касается интересовъ національности,—что ему, казалось бы, менѣе всѣхъ слѣдовало повторять эту фразу. И однако, онъ ее повторялъ и теперь повторяетъ и продолжаетъ отталкивать отъ себя и отъ Россіи все неправославное славянство, разумѣется, безсознательно помогая тѣмъ Австріи. Ав-

стрійское правительство, въ то время еще не понимавшее своихъ настоящихъ интересовъ, было весьма взволновано его дѣятельностію и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ требовало-было отозванія его изъ Вѣны. Теперь оно, конечно, не сдѣлало бы этого, напротивъ, пожалуй, радо было бы, еслибъ почтенный отецъ возобновилъ съ прежней энергіей свою проповѣдь о православіи...

И на хорватовъ знаменитое письмо г. Аксакова произвело также свое дѣйствіе. Мнѣ какъ разъ случилось быть въ Пештѣ вскорѣ послѣ появленія этого письма, гдѣ въ то же время находились и хорватскіе депутаты венгерскаго парламента. Мнѣ часто приходилось видѣться и говорить съ ними, и не было почти ни одного, который не указалъ бы мнѣ на это письмо и не выразилъ своего скорбнаго удивленія по поводу его. „А мы-то, неправославные славяне,—говорили мнѣ, напримѣръ, гг. Мишкатовичъ и Мразовичъ, двое изъ самыхъ вліятельныхъ дѣятелей Хорватіи (первый редакторъ-издатель газеты „Obzor“, второй нынѣшній бургомистръ города Загреба),—мы-то куда же должны дѣваться, какая насъ ждетъ судьба? Для насъ, значитъ, объединеніе славянства было бы гибелью, такъ какъ мы не можемъ же и не хотимъ мѣнять свою вѣру?“—„Мы любимъ Россію,—говорилъ съ своей стороны и извѣстный маститый славистъ г. Кукульевичъ,—любимъ славянство и не можемъ не любить его, потому что, чтò тамъ ни говори г. Аксаковъ, а мы славяне и славянами останемся, хотя мы и католики; но вѣдь чтò же намъ дѣлать, когда сама Россія не хочетъ знать насъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ мы сдѣлались измѣнниками вѣры? Это невозможно, слѣдовательно... Грустно это, очень грустно. Точно у славянъ мало всякихъ другихъ предметовъ раздора, что понадобилось еще возобновлять опять, такъ странно звучащій въ наше время вѣроисповѣдный вопросъ“.

Даже словаки, ужъ на что несчастное, почти лишенное интеллигенціи племя, и тѣ знаютъ о нашей теоріи православія и о письмѣ г. Аксакова. Даже отъ нихъ мнѣ приходилось слышать не разъ: „Славяне-то мы славяне, да только вѣдь мы не православные, намъ русскіе не помогутъ“. Эти, пожалуй, даже не изъ книгъ и газетъ, которыхъ не читаютъ, познакомились со всѣмъ этимъ,—имъ могли сказать сами тѣ, въ чьихъ интересахъ убить въ нихъ всякій слѣдъ симпатіи къ Россіи; но можно ли удивляться этому или негодовать на это? Чтó можетъ быть естественнѣй того, что враги наши, которымъ мы сами сковали и благодушно вложили въ руки оружіе, пользуются имъ противъ насъ! Мы сдѣлали бы то же самое на ихъ мѣстѣ.

Но чехи, поляки, хорваты, словаки это все племена неправославныя, а есть племя и несомнѣнно славянское, даже пользующееся,

почему-то, совершенно особенными симпатіями у насъ, и православное,—которому тоже противна наша теорія тождества славянства съ православіемъ. Это племя—болгары. Имъ никогда, въ теченіи всей ихъ исторіи, не случалось приходить въ столкновеніе съ нѣмцами и не по наслышкѣ только, а по собственному опыту узнать, что̀ такое нѣмецъ; поэтому они довольно равнодушно и даже дружелюбно относятся къ этимъ неправославнымъ врагамъ славянства. Но за то они очень хорошо знаютъ, что̀ такое православные греки, эти жестокіе и коварные враги болгаръ, гнетъ которыхъ тяготѣетъ надъ ними съ перваго момента появленія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ и даже во времена турецкаго владычества давилъ ихъ безъ всякаго сравненія сильнѣе, чѣмъ турецкое иго. Ужели кому-нибудь можетъ придти въ голову фантастическая мысль, что болгары въ состояніи когда-либо повѣрить, будто та религія, къ которой принадлежатъ ихъ заклятые враги греки, составляетъ единственный признакъ славянства и, что сами они, болгары, потому только славяне, что православные! Толерантные и даже равнодушные въ вопросахъ вѣры, по натурѣ и по привычкѣ, которая образовалась мало-по-малу у всѣхъ народовъ, находившихся подъ турецкимъ владычествомъ, болгары такъ мало видятъ особенной для себя важности въ православіи, что нисколько не заботятся о „печальномъ положеніи православной церкви на Востокѣ и отнюдь не стремятся ни къ тому, чтобы ихъ болгарская церковь была принята въ полноту общенія съ прочими мѣстными православными церквами“, ни къ тому, чтобы „возстановить внутренній миръ въ нѣдрахъ православной церкви и пріобщить къ ней болгарскую церковь“, что̀ съ такимъ жаромъ совѣтуетъ имъ г. Аксаковъ въ томъ же № 4 „Руси“, въ статьѣ „Недоразумѣніе между церковною властію и министромъ исповѣданій въ болгарскомъ княжествѣ“. Не стремятся же къ этому болгары собственно потому, что „полнота общенія съ прочими мѣстными церквами“ означаетъ духовную связь съ греками и подчиненіе гегемоніи вселенскаго патріархата, а этого-то именно болгары и не хотятъ. И напрасно редакторъ „Руси“ думаетъ, будто „все это произошло отъ того, что г. Цанковъ (бывшій министръ), воспитывавшійся въ Европѣ, утратившій духовное единство съ своимъ народомъ, вздумалъ дѣйствовать на основаніи отвлеченныхъ „теорій“ и „принциповъ“ “, и будто бы никакой „клерикальной партіи въ православномъ мірѣ не существуетъ“. Во-первыхъ, въ православномъ мірѣ несомнѣнно существуетъ, по крайней мѣрѣ, одна клерикальная партія, потому что какъ же иначе назвать константинопольскій Фанаръ, который ненавидятъ даже сами греки, живущіе въ королевствѣ, а ужъ болгары, которые такъ страшно много вытерпѣли отъ фанаріотовъ, и подавно не мо-

гутъ сомнѣваться въ существованіи этой весьма сильной и не хуже іезуитовъ организованной партіи. Во-вторыхъ, поступокъ г. Цанкова отнюдь не доказываетъ отсутствія въ немъ духовнаго единства съ своимъ народомъ. Напротивъ, можно было бы сказать, что въ этомъ случаѣ онъ именно явился исполнителемъ стремленій и желаній самого народа болгарскаго. Народъ этотъ не любитъ своего духовенства и не хочетъ допускать его вмѣшательства въ дѣла государственныя и общественныя, а оно, между тѣмъ, при выборахъ въ національное собраніе и общинныхъ дѣлахъ, очень ясно, и притомъ чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе выказываетъ стремленіе къ такому вмѣшательству. Еслибъ предметомъ моей статьи служили спеціально болгары, я могъ бы доказать это фактами, но теперь въ этомъ нѣтъ надобности. Достаточно повторить, что болгары, по существу вещей, по историческимъ причинамъ и по личнымъ склонностямъ своимъ не видятъ и никогда не могутъ увидать въ православіи нѣчто органически и неразрывно связанное со славянствомъ. Что касается до „восточной культуры", которая будто бы обусловливается православіемъ, то это опять—понятіе, совершенно чуждое болгарамъ, да и не имъ однимъ, а и сербамъ также. Оба эти православные славянскіе народа, въ особенности болгары, имѣютъ сильное стремленіе къ культурѣ, но къ культурѣ вообще, а не къ спеціально восточной, самое существованіе которой для нихъ не вполнѣ еще выяснено. У нихъ простой народъ не имѣетъ на этотъ счетъ никакого понятія, а въ сферѣ немногочисленной интеллигенціи болѣе распространено такое мнѣніе, что культура есть на свѣтѣ одна обще-человѣческая, что на западѣ такая культура есть, а на востокѣ ея нѣтъ и поэтому надо стараться какъ можно скорѣе пріобрѣсти ее, употребляя народныя силы именно на такое пріобрѣтеніе, а не на выдумываніе новыхъ, нигдѣ невиданныхъ и ни на что существующее не похожихъ формъ культуры. И такого мнѣнія придерживаются не одни только воспитавшіеся въ западной Европѣ; оно особенно распространено среди тѣхъ, которые получили воспитаніе и образованіе у насъ, въ Россіи. Почему это такъ, здѣсь не мѣсто объяснять, но только это такъ.

Остаются босняки и герцеговинцы. Эти народы совсѣмъ еще первобытны, интеллигенціи у нихъ вовсе нѣтъ, ни воспитавшейся на западѣ, никакой иной. Для нихъ, какъ и для всѣхъ первобытныхъ народовъ, религія дѣйствительно представляетъ главный, пожалуй даже, въ ихъ глазахъ, единственно важный предметъ въ жизни народной. И они въ самомъ дѣлѣ до такой степени отождествляютъ, въ своемъ понятіи, представленіе о религіи съ представленіемъ о національности, что глубоко убѣждены, что всѣ ихъ бѣды происходятъ главнымъ образомъ оттого, что у нихъ въ Босніи три „націо-

нальности": сербы, мусульмане и католики. Но можно ли, однако, разсчитывать, что это очевидно оставшееся отъ старины представленіе такъ и останется въ народѣ навсегда? Я думаю—нельзя; и думаю, нашимъ глашатаямъ исключительности надо теперь же примириться съ мыслію, что просвѣщеніе разсѣетъ это представленіе, тѣмъ скорѣе, что этому будетъ способствовать взаимный интересъ исповѣдующаго разныя вѣры населенія. Даже и теперь мы имѣли уже передъ глазами примѣръ такого забвенія религіозныхъ распрей ради общихъ цѣлей національности, и именно когда всѣ босняки, безъ различія исповѣданій, ожесточенно дрались, часто даже вмѣстѣ, противъ австрійской оккупаціи. Наши газеты увѣряли впослѣдствіи, будто въ этой дракѣ не принимали участія православные босняки, а австрійскія, съ своей стороны, утверждали, будто въ ней не участвовали босняки-католики, но австрійское правительство и австрійская армія знаютъ очень хорошо, что и то и другое неправда, что противъ нихъ сражались всѣ. Въ боснійскихъ депутаціяхъ, являвшихся два раза къ императору жаловаться на тяжелое положеніе, въ какое повергла страну оккупація, участвовали также всѣ исповѣданія и католики являлись даже инициаторами этихъ депутацій. Все это вовсе не такія явленія, чтобъ давать право предполагать, будто религіозный вопросъ вѣчно будетъ служить яблокомъ раздора между босняками и сдѣлаетъ ихъ навсегда легкой добычей разныхъ интригъ. Наконецъ, не надо забывать, что въ будущемъ Босніи можетъ предстоять великая миссія, которую уже и теперь начинаютъ предчувствовать немногіе выдающіеся умы въ этой странѣ и которая не только отодвинетъ на задній планъ религіозный вопросъ, но сдѣлаетъ даже весьма выгодной смѣшанность вѣроисповѣданій въ этой славянской странѣ. Эта миссія—послужить центральнымъ пунктомъ соединенія всего сербо-хорватскаго племени, тѣмъ политическимъ и культурнымъ центромъ, которымъ тщетно стараются сдѣлаться съ одной стороны Загребъ, съ другой Бѣлградъ. Оба эти города, какъ и оба племени, представителями которыхъ они служатъ, слишкомъ сильны, чтобъ добровольно уступить одинъ другому, и слишкомъ слабы, чтобъ побороть другъ друга. При этихъ условіяхъ, они вѣчно останутся врагами, если ихъ не примирятъ между собою географически лежащіе между ними Цетинье и Рагуза и всѣмъ имъ одинаково родственная этнографически Боснія. Ни Бѣлградъ Загребу, ни Загребъ Бѣлграду никогда не уступятъ гегемоніи надъ сербизмомъ, но оба одинаково могутъ довольно легко уступить Сераеву и именно потому, что Сераево во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ религіозномъ, представляетъ середину между стремленіями того и другого. Эта возможная и даже логически необходимая роль Сераева не мо-

жетъ не поразить боснійскую интеллигенцію, какъ только таковая начнетъ образовываться, и конечно интеллигенція эта устремитъ все свое вниманіе и всѣ свои силы въ эту чисто политическую сторону, а не въ сторону религіознаго вопроса, который сдѣлалъ бы недостижимой политическую цѣль. Въ этомъ отношеніи Австрія, провозглашающая принципъ равноправности религіи и языка (пробѣгите хоть по газетнымъ отчетамъ рѣчи герцога Виртембергскаго, вы увидите, что въ нихъ всегда упоминается о равноправности религій, а въ школахъ дѣти всѣхъ исповѣданій учатся вмѣстѣ и пользуются учебниками, напечатанными на половину кириллицей, на половину латинскимъ шрифтомъ), будетъ несомнѣнно имѣть преимущество передъ Россіей, если послѣдняя будетъ настаивать на тождествѣ славянства съ православіемъ и отвергать всякія сдѣлки съ католицизмомъ. Да и какъ это можетъ быть иначе? Съ одной имѣется въ виду безконечная, междоусобная распря, внутренняя борьба и вслѣдствіе того прозябаніе, съ другой—великая историческая роль. Можетъ ли тутъ быть колебаніе, можно ли сохранять хоть малѣйшее сомнѣніе, въ какую сторону станетъ тяготѣть будущая боснійская интеллигенція! А матеріальный интересъ! Боснія и Герцеговина получатъ совсѣмъ иное противъ теперешняго значеніе, и иначе сложатся интересы ихъ населенія, какъ скоро будутъ административно соединены съ Далмаціей, которая до сихъ поръ отрѣзывала ихъ отъ моря, а Далмація, между тѣмъ, страна преимущественно католическая, хотя тамъ и есть небольшая часть православныхъ. Въ виду всего этого, мнѣ кажется, по меньшей мѣрѣ странно ожидать, что босняки и за ними и герцеговинцы никогда не примирятся съ „австрійскимъ панславизмомъ". Правда, католическая пропаганда въ первое время должна возбудить сильное негодованіе въ населеніи, но не надо забывать, что католическая церковь—церковь весьма ловкая и умная. Мы видимъ уже, что она умѣючи, осторожно берется за дѣло и сама старается не пугать и не оскорблять безъ нужды религіозное чувство народа: она подходитъ къ нему покуда съ дозволеніемъ употреблять въ церквахъ народный языкъ, а потомъ уже, и все-таки осторожно, мало-по-малу заговоритъ и объ уніи. Пропаганда ведется, но пропаганда въ мягкихъ формахъ, убѣждающая народъ, а не нагайками загоняющая его въ чуждый ему храмъ. Она отъ этого не становится честнѣе, конечно, но мягкія формы тѣмъ и опасны для тѣхъ, противъ кого ихъ употребляютъ, что онѣ усыпляютъ вниманіе народа, уменьшаютъ въ немъ силу сопротивленія.

Эта опасная ловкость римской церкви должна, казалось бы, внушить намъ желаніе бороться съ нею ея же оружіемъ, рѣшимость отвѣтить на проповѣдь объ уніи, съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ,

провозглашеніемъ полнаго и безусловнаго равенства всѣхъ исповѣданій, на какомъ бы языкѣ ни служили Богу, и заявленіемъ о безразличіи религіознаго вопроса въ дѣлѣ національномъ и племенномъ; а мы, между тѣмъ, продолжаемъ тянуть все ту же пѣсню, все толкуемъ о тождествѣ славянства съ православіемъ. Кто же, спросимъ опять, будетъ виноватъ, если „австрійскій панславизмъ" дѣйствительно восторжествуетъ? Австрія ли, хватающаяся за него, какъ за якорь спасенія, или мы, упорно нежелающіе признать ошибочность теоріи, которая вредна, главнымъ образомъ, намъ самимъ и несостоятельность которой на каждомъ шагу доказывается жизнію?

Но я уже сказалъ выше, что религіозный вопросъ составляетъ только первый моментъ развитія идеи „австрійскаго панславизма", ея исходный пунктъ, а второй моментъ заключается въ идеѣ національной самобытности. Къ разсмотрѣнію этого второго момента и причинъ, по которымъ и онъ также, въ видѣ оружія противъ насъ, перешелъ въ руки Австріи, я перейду въ слѣдующей статьѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е апрѣля, 1881.

I.

— Русскіе диссиденты. — Староввѣры и духовные христіане. *I. Юзова.* Спб. 1881.

Читатели „Вѣстника Европы“ знакомы съ трудами г. Юзова. Настоящее изданіе даетъ намъ случай возвратиться къ вопросу, имѣющему великое значеніе для нашей церковной и общественной жизни.

Расколъ есть вообще явленіе, въ высокой степени и въ разныхъ отношеніяхъ любопытное, и въ наше время требующее особеннаго вниманія общества и правительства. Исторически, расколъ доводитъ до нашего времени церковный раздоръ XVII-го вѣка. Раздоръ былъ знаменательный, — потому что это было столкновеніе, въ области религіозной, народа и центральной власти, столкновеніе народной традиціонной религіозности и церкви оффиціальной. Новѣйшія изслѣдованія больше и больше выясняютъ этотъ фактъ, именно, что вовсе не одно исправленіе книгъ и невѣжество массы, не понявшей этого исправленія и упорно ставшей за старую *букву*, было виной спора; но что, напротивъ, споръ шелъ гораздо глубже и дальше, потому что въ сущности расколъ защищалъ не простую букву, а вмѣстѣ старый обычай, бóльшее участіе народа въ церковномъ бытѣ и уваженіе къ преданію, защищалъ ихъ противъ захватовъ высшей іерархіи. Собственно въ „исправленіи книгъ“ расколъ былъ менѣе правъ, хотя и „исправленіе“ было не безошибочно; съ другой стороны, совсѣмъ не права была іерархія, перенося въ церковно-народное дѣло пріемъ полицейскаго преслѣдованія, вскорѣ уже потерявшаго всякое чувство мѣры. Іерархія ставила тотъ же вопросъ полнаго, безконтрольнаго абсолютизма, который въ то же время установлялся государствомъ; церковь и государство шли параллельно къ одинаковой цѣли; а

послѣ Никона, который искалъ для іерархіи равенства съ свѣтской властью, если не первенства надъ ней, и затѣмъ окончательно послѣ уничтоженія патріаршества, свѣтская власть получила полный перевѣсъ, и церковная іерархія стала одною изъ вѣтвей государственнаго абсолютизма. Расколъ почувствовалъ это и отождествилъ то и другое, Никона и Петра Великаго, съ антихристомъ, врагомъ христіанства.

Государство и іерархія оффиціальной церкви, съ ревностью, достойной лучшаго дѣла, преслѣдовали расколъ въ теченіе двухъ столѣтій; своимъ единодушіемъ въ этомъ преслѣдованіи они еще болѣе утверждали расколъ въ его понятіи объ ихъ союзѣ въ служеніи „антихристу". До нашихъ дней гоненіе раскола сосредоточивалось въ епархіальныхъ властяхъ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, чиновники котораго были „свѣтской рукой". Гоненію расколъ противопоставилъ страшную стойкость, свойственную религіозному убѣжденію,—расколъ не шелъ на возмущеніе, бунтъ; сопротивленіе его было пассивное, но оно доходило до бѣгства изъ отечества и до послѣдней ужасной мѣры—самосожженія.

Чьи воспоминанія идутъ лѣтъ за двадцать-пять, за тридцать, тѣ еще застали періодъ безпощаднаго, бездушно-канцелярскаго преслѣдованія. Послѣднія двадцать-пять лѣтъ, занятыя иными вопросами, для раскола были періодомъ болѣе мирнымъ, хотя и до послѣдняго времени приходится читать и слышать, что старая ненависть іерархіи къ расколу ни мало не угасла, хотя въ народѣ, не-раскольничьемъ, нѣтъ и не было вражды къ „старообрядцу", и хотя въ обществѣ образованномъ давно уже сказывалась разумная вѣротерпимость, а въ послѣднее время (какъ только дозволили условія печати) эта вѣротерпимость вызвала даже прямую защиту гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ раскола. Напомнимъ особенно замѣчательные примѣры этого въ газетѣ „Страна".

Въ чемъ же состоитъ настоящее положеніе раскола?

Въ собственно-русскомъ населеніи имперіи, т.-е. въ самомъ зернѣ русской національности и государства, расколъ составляетъ огромную долю, исчисляемую въ 11, даже иными въ 15 милліоновъ. Этотъ большой процентъ донынѣ не имѣетъ полныхъ гражданскихъ правъ, не имѣетъ свободы богослуженія, какая дана въ имперіи не только всѣмъ христіанскимъ иновѣрцамъ, но даже магометанамъ и язычникамъ. Такимъ образомъ, самый подлинный русскій отдѣлъ населенія не имѣетъ положенія, какое дано иноплеменнымъ и иновѣрнымъ подданнымъ имперіи. Это не можетъ казаться естественнымъ въ политическомъ отношеніи, потому что отталкиваетъ огромную долю населенія отъ обще-гражданской жизни и образованности, и

не можетъ не тяготить, какъ несправедливость, всѣхъ, въ глазахъ которыхъ старовѣры все-таки остаются соотечественниками. Расколъ, вѣроятно, не представляетъ никакой опасности въ политическомъ отношеніи,—какъ это считали многда въ прежнее время,—хотя въ возстаніи Пугачева онъ имѣлъ свою роль, хотя былъ и есть извѣстный процентъ раскольниковъ, которые отказываются „молиться за царя“: преданіе раскола есть, напротивъ, одно терпѣливое перенесеніе тѣхъ преслѣдованій и стѣсненій, какихъ стоило и еще стòитъ ему сохраненіе „старой вѣры“ (къ которой присоединилось много и очень новыхъ варіантовъ, удалившихся отъ нея совсѣмъ въ иное направленіе). Но вредно для государства иное: во-первыхъ, вообще не говоритъ въ пользу государства бѣгство въ чужія земли, къ которому расколъ былъ нерѣдко вынуждаемъ, и основаніе въ чужой землѣ іерархіи, которая, несмотря на всѣ преслѣдованія, успѣла найти прозелитовъ въ самòмъ государствѣ; и еще вреднѣе то, что раскольничья масса населенія обречена на самую скудную долю архаическаго образованія, и въ этомъ отношеніи не даетъ ничего для общихъ цѣлей государства. Наконецъ, систематическое преслѣдованіе, въ прежнія времена доходившее до настоящей жестокости, да и недавно безжалостное, безъ сомнѣнія, внесло немало деморализаціи въ тотъ классъ оффиціально-православный, который былъ орудіемъ или и возбудителемъ преслѣдованій—въ іерархію и чиновничество. Очень извѣстно, къ сожалѣнію, что расколъ былъ доходной статьей для низшаго духовенства, за деньги прикрывавшаго расколъ въ оффиціальныхъ отчетахъ, и былъ источникомъ грабительскихъ поборовъ для чиновничества... Это была богатая практика оффиціальнаго бюрократическаго обмана, отъ котораго никогда не могло освободиться высшее правительство и который составляетъ величайшее, все еще очень мало-сознаваемое, зло нашей внутренней политической и административной жизни. Напримѣръ, вслѣдствіе этого обмана, численность раскола, на дѣлѣ доходящая до 11 милліоновъ, въ оффиціальныхъ отчетахъ не составляла и *одного* милліона.

Присутствіе раскола въ народной жизни, собственно говоря, должно бы очень видоизмѣнить обычное представленіе о русской національности. Извѣстныя теоріи представляютъ обыкновенно „русскій народъ“ какъ нѣчто единое, безразличное, одновѣрное и одномышленное; но чтò же дѣлать съ этими 11—15 милліонами, которые не могутъ же быть внесены въ массу господствующаго православія? Многіе свѣдущіе люди думаютъ (и оффиціальные наблюдатели, вѣроятно, также нѣсколько опасаются), что еслибы расколу (конечно, за исключеніемъ завѣдомо вредныхъ сектъ) дана была свобода исповѣданія, то къ нему перешла бы большая масса народа, въ сію

минуту принадлежащаго къ православію. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Къ чему же свелась бы тогда формула русской „національной идеи", какъ ее излагаютъ, напримѣръ, славянофилы? Если ставить исповѣданіе необходимѣйшимъ качествомъ національности, очевидно, что относительно его должны быть сдѣланы большія оговорки и разъясненія: куда дѣвать старовѣра, несомнѣнно самаго русскаго человѣка и, однако, упорно (хотя, по условіямъ жизни, и пассивно) и цѣлые вѣка отвергающаго господствующее православіе?

Въ этомъ отношеніи встрѣчается и еще затрудненіе, которое нужно выяснить славянофильской теоріи. Какъ извѣстно, въ своемъ чистомъ видѣ, а частію и въ нынѣшнемъ путаномъ видѣ, эта теорія настоятельно обвиняла „петербургскій періодъ" въ измѣнѣ основнымъ національнымъ началамъ, считала его періодомъ отступничества, нанесшимъ великій вредъ правильному національному развитію. Расколъ, съ его сейчасъ упомянутымъ отношеніемъ къ оффиціальной церкви, начался еще въ „московскій періодъ" (на что слѣдовало бы обратить вниманіе); относительно петербургскаго періода онъ, правда, держится того же мнѣнія, но выдерживаетъ его гораздо послѣдовательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вся его исторія состоитъ въ полномъ, практически выполняемомъ отрицаніи „петербургскаго періода" во всѣхъ его сторонахъ, не только въ дѣлѣ внутренней политики, нравовъ и образованія, но и въ церковной жизни. Славянофилы отвергали, напр., внутреннюю политику „петербургскаго періода", но довольно спокойно принимали созданныя ею условія быта; отвергали образованіе, пришедшее съ гнилого запада, но самую теорію свою строили на философскихъ основаніяхъ этого гнило-западнаго образованія; они мечтали объ идеальномъ православіи, болѣе совершенномъ чѣмъ господствующія его формы, но не имѣли духу ни прямо отвергнуть то, что́ имъ не нравится въ этихъ формахъ, ни прямо признать ту старину, испорченную „петербургскимъ періодомъ", на которую ссылались...

Свою точку зрѣнія расколъ высказывалъ издавна, хотя по недостатку образованныхъ людей не могъ высказать ея съ достаточной исторической ясностью и полнотой. Но въ послѣднее время мы встрѣчаемся съ такими изложеніями этой точки зрѣнія, которыя ставятъ ее уже далеко не въ прежнихъ тѣсныхъ рамкахъ обрядовой исключительности и не лишены теоретической послѣдовательности, требующей вниманія. Такова одна „челобитная", написанная отъ имени поповцевъ, присоединившихся къ единовѣрію, и чрезвычайно своеобразно выясняющая ихъ отношеніе къ православію. Беремъ въ примѣръ нѣсколько отрывковъ этой челобитной, подробно изложенной въ книгѣ г. Юзова (стр. 51 и слѣд.).

По словамъ челобитной, православіе (господствующее въ Россіи) не есть православіе каѳолическое, но есть „наше русское, никоновское, московское, синодальное, оффиціальное, казенное, состоящее въ троеперстіи, противосолоніи и проч.“. Такое православіе „служитъ оскорбленіемъ апостольскому православію, потому что оно есть ничто иное какъ „поправлено-обрядство“ или своего рода обрядовѣріе, невѣжественное осужденіе старинной, отечественной обрядовой практики церкви, греко-обрядство“... „Православіе, какъ противоположность старообрядству, прежде всего есть общее всему русскому народу обрядовѣріе, т.-е. вѣрованіе въ догматическую важность извѣстныхъ обрядовыхъ подробностей, и отсюда берущая начало обрядовая исключительность, или усвоеніе православной мысли исключительно извѣстнымъ обрядовымъ подробностямъ; потомъ невѣжественное осужденіе архипастырствомъ вѣками выработанныхъ подробностей отечественной обрядовой практики; и наконецъ, возведеніе въ достоинство догматовъ отличительныхъ особенностей его грекообрядства; православіе есть одинъ изъ толковъ, на кои распалась россійская церковь; толкъ обязательности для россійской церкви греческаго обрядства, грекообрядство“... „Расколъ (подъ этимъ названіемъ раскольники подразумѣваютъ православную церковь) есть отступничество архипастырства отъ обычаевъ и обрядовъ, выработанныхъ отечественною церковью; есть противное духу и преданіямъ св. апостольской церкви и тираннически присвоенное право распоряжаться обрядомъ и обычаемъ своей церкви; есть обрядовая нетерпимость, неправедное изгнаніе изъ церкви и преслѣдованіе старообрядства и старообрядцевъ“... Православная церковь, по словамъ челобитной, „не есть святая, соборная и апостольская церковь, о которой говорится въ символѣ вѣры, — и даже не россійская, а просто одно, незаконно-дѣйствующее архипастырство, заключающееся въ синодѣ, лица котораго указываются самимъ правительствомъ“. „Что́ сказать о церкви, — продолжаютъ поповцы,—которая неодолимость свою думаетъ утвердить на покровительствѣ и мечѣ владыкъ земныхъ? Что это за истина, которая прибѣгаетъ не къ убѣжденіямъ въ духѣ евангельской кротости, а къ законамъ гражданской, тѣлесно ощущаемой власти, къ кандаламъ и острогамъ, и т. д.? Вѣчная истина гнушается такими аргументами, отвергаетъ покореніе себѣ такими площадными, кровопролитными средствами. *Истина* сама собою властна покорять все мыслящее; *ложь*, напротивъ, для поддержанія своего авторитета и насиліемъ пріобрѣтеннаго господства, нуждается во внѣшней силѣ и одобряетъ всѣ средства“... „То́ ли расколъ,—спрашиваютъ челобитчики,—что̀ стоитъ на мѣстѣ, а если и идетъ, то путемъ *совокупныхъ изслѣдованій* и соглашеній, или же

то, что̀, поколебавъ вѣковыя рѣшенія своей церкви, обозвало ихъ разными порицательными именами, обстановило ихъ выдумками и напраслинами, изрыгнуло на нихъ клятвы и анаѳемы, попрало свободу убѣжденій, оскорбило народъ въ священнѣйшихъ его чувствахъ привязанности и благоговѣнія ко всему церковному и святоотеческому, и всѣмъ этимъ произвело распаденіе?"... „Старообрядство въ самомъ себѣ, въ чистомъ его смыслѣ, не есть ни ересь, ни расколъ, а прежде всего вѣрность своему староотечественному и святоотеческому благочестію; а потомъ — законный и справедливый протестъ народа, самаго тѣла церкви и хранителя отеческаго благочестія, противу пристрастій россійскаго архипастырства къ обряду и обычаю чужеземному, въ обиду отечественнымъ,—протестъ противъ его самоуправства, противу притязаній повелѣвать убѣжденіями совѣстей и противу стремленій архипастырства въ практику россійской церкви ввести дисциплину папизма". Старообрядство же есть, по словамъ челобитной, именно „народное православіе".

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы указать, какія права выставляются расколомъ относительно древне-русскаго преданія: именно себя онъ и считаетъ вѣрнѣйшимъ продолжателемъ этого преданія, не только въ обрядѣ, но и вообще въ церковномъ быту. Въ правѣ отрицать „петербургскій періодъ" расколъ, очевидно, сильнѣе, чѣмъ славянофильство, сильнѣе и въ послѣдовательности; и если бы славянофильство захотѣло, наконецъ, когда-нибудь высказать свою теорію во всей полнотѣ и безъ противорѣчій и фальши, какими его теорія исполнена теперь, ему слѣдовало бы принять въ соображеніе взглядъ раскола и опредѣлить свое къ нему отношеніе.

Чрезвычайно любопытная сторона раскола, теперь уже замѣченная, но еще мало выясненная, состоитъ въ томъ историческомъ развитіи, какое получили его первыя основанія въ его послѣдующихъ судьбахъ до нашего времени. Въ прежнее время, [redacted] расколъ почти не былъ изучаемъ научно и былъ изслѣдуемъ только въ видахъ церковно-полемическаго и бюрократическо-полицейскаго преслѣдованія, расколъ считался вообще фактомъ грубаго заблужденія, происходящаго отъ невѣжества и злонамѣреннаго упорства и непокоренія; его разнообразные толки считались чистымъ произволомъ грубыхъ сужденій и выдумокъ безпастушной и невѣжественной массы; никому не приходило въ голову взглянуть на него спокойно какъ на историческое явленіе народной жизни, имѣвшее свои и серьёзные источники и преданія, взглянуть на дальнѣйшую судьбу его какъ на явленіе, имѣвшее свой процессъ развитія, на его разныя подраздѣленія какъ на проявленіе этого развитія. Между тѣмъ, только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть понято движеніе раскола, взя-

тое въ цѣломъ. Понятно, что это развитіе не могло быть правильнымъ; если и вообще исторія всякаго широкаго историческаго принципа бываетъ исполнена неровностей, скачковъ, отступленій, крайностей, то тѣмъ больше все это должно было явиться здѣсь, когда историческій принципъ представлялся народной массой, которая была дѣйствительно лишена образованія, помогающаго сознавать свои цѣли и стремленія, которая въ теченіе двухъ вѣковъ была лишена гражданскихъ правъ, испытывала всяческія притѣсненія, могла вести свои дѣла только въ тайнѣ, съ величайшею скрытностью. Но при всѣхъ этихъ препятствіяхъ народная мысль продолжала работать; нерѣдко она высказывалась въ теоріяхъ, крайне грубыхъ, въ заблужденіяхъ ребяческихъ или даже отвратительныхъ; но за этими извращеніями и наростами, которыя должны быть отнесены къ невѣжеству и неестественному гражданскому положенію раскола, народный инстинктъ, предоставленный самому себѣ, все-таки вырабатывалъ замѣчательные результаты, какъ въ своихъ религіозныхъ, такъ и въ общественныхъ понятіяхъ, хранилъ духъ старой общинности, развивалъ большую нравственную крѣпость быта, стойкость убѣжденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при всей силѣ преданія, развивалъ и свои религіозныя представленія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, одинъ изъ спеціальныхъ изслѣдователей раскола (Н. Поповъ) находилъ возможнымъ утверждать, что, собственно говоря, „*старообрядства* теперь нѣтъ въ Россіи, ни гдѣ-либо въ другихъ странахъ“— до того оно покинуло прежніе узко-церковные взгляды и стремится къ болѣе свободному и широкому ихъ опредѣленію. Выше мы привели образчикъ разсужденій у „поповцевъ“; „безпоповцы“ даже избѣгаютъ названія старовѣровъ и больше любятъ называть себя „христіанами“; у тѣхъ и другихъ религіозность становится чище отъ обрядоваго формализма, и у послѣднихъ пріобрѣтаетъ сильную наклонность къ раціонализму. Такимъ образомъ, народная религіозность, даже при тѣхъ скудныхъ средствахъ образованія, какія доставались у насъ народу, пріобрѣтала собственной мыслью народа новыя стороны, далеко уже непохожія на собственное преданіе XVII-го вѣка, которое славянофильской школѣ представляется какъ будто обреченнымъ на неподвижность. Во всякомъ случаѣ, *народная* жизнь, въ новѣйшихъ явленіяхъ раскола, выдвигаетъ мысли и начала, очень непохожія на теорію школы, претендующей столь самонадѣянно на исключительное разумѣніе народа...

Возвратимся къ книжкѣ г. Юзова. Въ ней нѣтъ какихъ-нибудь новыхъ свѣдѣній и самостоятельныхъ изслѣдованій о расколѣ; матеріалъ книжки взятъ изъ существующей литературы по этому предмету; но авторъ сдѣлалъ другую работу, не менѣе цѣнную. На ос-

нованіи хорошо изученнаго литературнаго матеріала, онъ старается свести массу отдѣльныхъ фактовъ старой и новой исторіи раскола къ общимъ явленіямъ, отыскать видоизмѣненія раскольничьей религіозности отъ старыхъ преданій до новѣйшихъ ея формъ и пытается вообще опредѣлить внутренній бытовой смыслъ раскола относительно господствующей общественной жизни и церковности.

На основаніи отзывовъ свѣдущихъ людей, авторъ видитъ, что расколъ „усиливается несмотря ни на суровое, ни на снисходительное отношеніе къ нему государства. Этотъ фактъ,—говоритъ онъ,—можетъ намъ указать, что расколъ порожденъ не временными, мимолетными причинами, а имѣетъ въ своемъ основаніи неудовлетвореніе насущныхъ потребностей личности.

„А между тѣмъ (по словамъ Мельникова) ни администрація, ни общество обстоятельно не знаетъ, что такое расколъ. Это незнаніе раскола происходитъ не отъ малаго количества фактовъ, собранныхъ изслѣдователями его, а отъ односторонности этихъ фактовъ. По преимуществу обращали вниманіе на обрядовую разницу раскола отъ православія и не замѣчали или, скорѣе, не хотѣли замѣчать, что раскольническое міросозерцаніе построено на совершенно *иныхъ началахъ*, нежели то, которое положено въ основаніе нашего нынѣшняго общественнаго строя.

„Мы думаемъ, что періодъ соціальныхъ опытовъ подъ безгласными массами проходитъ, и что мы, наконецъ, додумались до того, что улучшенія въ общественномъ строѣ должны быть основаны на глубокомъ изученіи природы тѣхъ личностей, которыя входятъ въ составъ даннаго общества, такъ какъ только въ этомъ случаѣ эти реформы будутъ имѣть успѣхъ.

„Умственныя и нравственныя особенности нашего народа проявились по преимуществу въ расколѣ; поэтому изученіе раскола необходимо для всякаго общественнаго дѣятеля, который захотѣлъ бы идти не ощупью и не наугадъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ“.

Это совершенно справедливо. Свою книжку авторъ посвящаетъ объясненію источниковъ и особенностей раскольничьяго міросозерцанія. Быть можетъ, свои обобщенія авторъ дѣлаетъ иногда нѣсколько смѣло, но вообще книга его есть трудъ весьма почтенный и заслуживающій вниманіе серьёзнаго читателя.

— *Историческая подготовка.* Pro domo sua, профессора Петрова. Харьковъ. 1881.

Имя харьковскаго профессора Петрова рѣдко являлось въ литературѣ, но еще въ 1861 г. вышла его книга о „Новѣйшей національной исторіографіи въ Германіи, Франціи и Англіи", которая показала въ немъ хорошаго знатока своего дѣла. Это былъ трудъ, очень полезный и прекрасно написанный. Небольшая нынѣшняя брошюра г. Петрова есть отдѣльное изданіе статьи, явившейся въ концѣ прошлаго года въ газетѣ „Южный Край". Но, небольшая по объему, эта брошюра заслуживаетъ серьёзнаго вниманія. Она говоритъ о крайней недостаточности исторической подготовки въ нашемъ образованномъ классѣ, хотя въ среднихъ заведеніяхъ тратится множество труда и времени на прохожденіе учебниковъ. Авторъ объясняетъ, какое однако значеніе могла бы имѣть исторія, преподаваемая разумно, для воспитанія и приготовленія молодыхъ поколѣній къ жизни, для предохраненія ихъ отъ превратнаго пониманія общественныхъ явленій, — непониманія, которое такъ часто имѣетъ прямо гибельныя послѣдствія. Объясненія г. Петрова не новы, иногда элементарны, но несмотря на то, могли бы быть чрезвычайно полезны не только для нынѣшнихъ гимназическихъ преподавателей этого предмета, но и для многихъ другихъ читателей въ средѣ общества.

Преподаваніе всеобщей, да и русской исторіи никогда не было сильной стороной нашего гимназическаго обученія: довольно вспомнить Кайданова, Смарагдова, Устрялова и проч. (Единственный хорошій учебникъ, кіевскаго Шульгина, былъ распространенъ сравнительно мало). Но особенно слабо было оно въ минувшее министерство просвѣщенія, когда вся гуманическая сторона обученія (кромѣ исторіи, въ особенности преподаваніе русскаго языка и литературы) была въ крайнемъ упадкѣ, принесенная въ жертву классическому долбленію. Въ нашей печати было высказано не разъ печальное убѣжденіе, что въ превратныхъ направленіяхъ новыхъ молодыхъ поколѣній много была виновата превратная постановка школы, изъ которой изгнано было всякое живое нравственное вліяніе и въ которой господствовала мертвая выучка, потраченная на непроизводительные предметы. Преподаваніе исторіи, которая могла бы быть однимъ изъ наиболѣе сильно дѣйствующихъ воспитательныхъ предметовъ, поставлено было такъ, что предметъ оставался безплоднымъ, не научалъ тому, что̀ могло бы быть для юноши благотворнымъ наставленіемъ.

Г. Петровъ, указавши, какъ недостатокъ историческаго знанія оставляетъ и въ самомъ обществѣ много тумана относительно со-

временныхъ событій и въ нашей собственной исторіи, указываетъ безпомощное положеніе человѣка, который захотѣлъ бы искать въ учебникахъ помощи своему незнанію, а также и безпомощное положеніе ученика.

„Прежде всего, поразитъ масса учебнаго матеріала. Посудите: четыре книжки—древняя, средняя, новая, русская исторіи. Если въ каждой только по 250 страницъ,—а ихъ больше, — вотъ уже 1000 страницъ. Если на каждой страницѣ только по пяти именъ,—а ихъ иногда гораздо больше,—вотъ ужъ 5000 именъ; да годовъ—тысячи двѣ-три. Такого подавляющаго количества данныхъ, большею частью неосмысленныхъ, не въ состояніи, думаю, усвоить прочно не только дѣтскія, но и никакія человѣческія способности кромѣ исключительныхъ"...

Что же въ результатѣ? „Дѣти,—говоритъ авторъ,—просто выучиваютъ свои уроки *на память* съ тѣмъ, чтобы, черезъ нѣсколько времени, *забыть* ихъ; если же и удерживаютъ въ ней кое-что дольше обыкновеннаго, то лишь такія вещи, которыя почему-нибудь поразили ихъ *воображеніе*—какой-нибудь анекдотъ, сказаніе, оригинальное изреченіе и т. п.,—словомъ подробности, мелочи; существенное же уходитъ изъ нея все, и потомъ уже періодически возобновляется для разныхъ экзаменовъ и особенно для полученія аттестата незрѣлости, — то, бишь, зрѣлости. Впрочемъ, они большею частью едва ли знаютъ, что̀ существенно и что̀ менѣе важно въ пройденномъ изложеніи, такъ какъ *разсудокъ* ихъ почти не участвовалъ въ его изученіи. А ужъ о причинной связи между явленіями, тѣмъ болѣе между цѣлыми отдѣлами исторіи, для чего требуется еще болѣе сообразительности и *осмысленія* данныхъ, и говорить нечего"...

Но въ новѣйшее время дѣло обыкновенно еще не кончается учебникомъ: преподаватели подбавляютъ еще историческихъ хрестоматій, собственныхъ разсказовъ, которые приходилось *записывать* (какъ ученыя лекціи! — нельзя не отдать справедливости благоразумной мѣрѣ министерства народнаго просвѣщенія, которое въ подвѣдомственныхъ ему женскихъ гимназіяхъ *запретило* это записыванье въ классахъ,—иначе нельзя было воздержать гг. педагоговъ!): все это опять факты, имена, подробности, а въ общей постановкѣ предмета не происходило никакой перемѣны.

„Прошедши правильный курсъ, хоть бы по Иловайскому,—ссылаюсь на него потому, что изъ всѣхъ нынѣ обращающихся учебниковъ это все еще лучшій, — какіе, не говорю уже взгляды и убѣжденія, а просто—какую *возможность* имѣть ихъ когда-либо, выноситъ молодежь наша изъ труднаго восьми-лѣтняго ученья и, вступая въ жизнь, какія понятія имѣетъ о томъ, какъ происходятъ, мѣняются и вы-

жутся людскія дѣла, и отчего вокругъ все *такъ, а не иначе?* Большею частью — никакихъ, и это еще самый лучшій исходъ; тогда еще сама жизнь, можетъ быть, такихъ отшлифуетъ по-своему. Но если кто особенно даровитъ и какъ-нибудь всмотрѣлся да вдумался въ то, чтò другіе изучали механически, то единственное впечатлѣніе, какое онъ вынесетъ изъ своего *руководства*, это — то, что въ мірѣ царствуетъ *случай*. Государства возникаютъ, процвѣтаютъ, падаютъ, одни народы завоевываютъ другіе, хорошіе и дурные правители являются и сходятъ со сцены, и все это — безразлично — случай. Одному счастье, другому нѣтъ, тому повезло, а другому не удалось...

„Но вѣдь это опасный взглядъ на жизнь, если только вообще это взглядъ, а не отсутствіе всякаго взгляда; это—источникъ всякой деморализаціи. Съ *такой* подготовкой человѣкъ обыкновенно готовъ на все, и прежде всего—готовъ къ карьерѣ авантюриста и попирателя всякихъ законовъ. Отчего же и ему не попробовать *случая?* — вѣдь столько разъ удавался онъ смѣлымъ и энергическимъ людямъ въ исторіи!

„Спрашивается, послѣ всего этого, какъ же *случилось*, что г. Иловайскій составилъ подобное руководство? Не могъ же такой серьёзный ученый не знать столь простыхъ вещей, какъ вышеизложенныя. Вѣроятно, очень просто. Такое именно *невинное* руководство *требовалось* въ данное время,—онъ и написалъ невинное.

Когда не я, другой пойдетъ
И ваши денежки возьметъ,—

поетъ Сусанинъ въ „Жизни за Царя". Такъ думалъ, можетъ быть, и г. Иловайскій. Жаль только, что такой невоспитательной книгѣ далъ онъ свое почтенное имя. Его невиннѣйшіе курсы вскорѣ стали находить все еще не довольно невинными. И тогда пошли уже Беллярминовы, Рождественскіе, Гуревичи, съ ихъ классическими, анекдотическими, фактическими и иными исторіями. Тутъ уже было все:— и подавляющій объемъ, и несокрушимая фактичность, классицизмъ, анекдотизмъ и все, чтò требовалось...

„Такъ изучаютъ исторію воспитанники нашихъ классическихъ и не-классическихъ гимназій мужскихъ и женскихъ, семинарій, институтовъ, пансіоновъ и другихъ общеобразовательныхъ заведеній, словомъ—все наше юношество, вся будущая Россія, и изучаютъ уже давно, около пятнадцати лѣтъ, какъ разъ достаточно, чтобъ вырастить цѣлое поколѣніе, и слишкомъ достаточно, чтобъ его испортить"...

Спокойствіе государства и общества нарушается и подрывается страшными преступленіями. Авторъ задаетъ вопросъ, чтò знаютъ объ

обществѣ, законахъ его роста и развитія, эти революціонеры, и выражаетъ увѣренность, что еслибъ они имѣли объ этихъ вещахъ какое-нибудь разумное представленіе, у нихъ и мысль не мелькнула бы о томъ, что тысячелѣтняя исторія народа можетъ быть передѣлана взрывомъ или ударомъ изъ-за угла. Ихъ допрашиваютъ, гдѣ они воспитывались, ихъ судятъ и казнятъ. „Все это такъ: общество ограждать надо. Но развѣ этимъ сдѣлано уже все? Гдѣ тутъ ручательство хотя бы за завтрашній день? Отчего же никто не спроситъ ихъ:— *чему* они учились и *какъ* учились? Вѣдь въ этомъ, можетъ быть, и есть послѣднее слово загадки".

Авторъ возвращается опять къ преподаванію исторіи.

„У насъ давно уже принято бояться исторіи какъ разсадника разныхъ опасныхъ мнѣній, которыя молодежь съ толку сбиваютъ. Это довольно ясно замѣтно на всѣхъ разнообразныхъ перипетіяхъ, какія испытывалъ ходъ нашего просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи. Какъ только въ этой области почему-нибудь начиналась реакція, такъ тотчасъ, первымъ дѣломъ, принимались за исторію, начинали ее упрощать, обрѣзывать, дѣлать невинною по формѣ и содержанію. Результатъ всегда получался обратно пропорціональный тѣмъ усиліямъ, какія дѣлались для пресѣченія заразы. Грубыя насилія надъ мыслью во времена Магницкаго привели къ обширному заговору декабристовъ; болѣе тонкая *классическая система* гр. Толстаго увѣнчалась рядомъ безсмысленныхъ злодѣйствъ, поразительныхъ именно по глубокому *невѣжеству* своихъ побужденій. Не ясно ли становится еще разъ, что не наука вредна, а ея *отсутствіе*".

Въ разумномъ, научно правдивомъ преподаваніи исторіи авторъ видитъ одно изъ основныхъ воспитательныхъ средствъ, способныхъ дать юношѣ правильное понятіе объ обществѣ, въ которомъ онъ готовится жить, способныхъ воспитать трезвую молодежь, которая, увлекаясь идеалами, как свойственно юности, будетъ однако знать, что жизнь, какъ наслѣдіе несчетныхъ поколѣній, не можетъ быть подвластна случаю и произволу, что ростъ общества достигается медленнымъ трудомъ и знаніемъ, что „въ безконечной лѣстницѣ міро-зданія, отъ первобытныхъ гранитовъ до сложныхъ организмовъ человѣческихъ обществъ, только съ успѣхами жизненнаго развитія растетъ способность самоопредѣленія, расширяется область свободы"...

Авторъ предвидѣлъ одно возраженіе, которое, и въ самомъ дѣлѣ, непремѣнно сдѣлали бы на его слова о воспитательной важности исторіи.

„Скажутъ, можетъ быть,—говоритъ онъ,—что такое изложеніе исторіи (т.-е. выясненное въ ея основныхъ началахъ) недоступно для дѣтскаго возраста. Надо, непремѣнно надо *сдѣлать его доступнымъ:*

отъ этого зависитъ многое въ нашей жизни. Впрочемъ, какія же это и дѣти въ 16—17 лѣтъ?.. Вѣдь упростили же астрономію до элементарныхъ понятій математической географіи,—отчего нельзя сдѣлать того же съ исторіей?"

Кое-что въ брошюрѣ г. Петрова, можетъ быть, требовало бы нѣсколько иного выраженія, но въ цѣломъ, это—одинъ изъ тѣхъ разумныхъ голосовъ, которые такъ рѣдко слышатся у насъ среди дрязгъ и одичанія ежедневной печати. Въ особенности мы рекомендовали бы эту брошюру гг. преподавателямъ исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ: если только они желаютъ искренно успѣшности своего дѣла, имъ слѣдуетъ со вниманіемъ прочесть и обдумать совѣты, проникнутые знаніемъ дѣла и честнымъ, доброжелательнымъ общественнымъ чувствомъ. Къ сожалѣнію, наша педагогія и дидактика, въ послѣдніе годы, вырождались и во многихъ случаяхъ вполнѣ выродились въ сухое, безжизненное, наконецъ вредное *школярство*. Пора подумать о томъ, чтобы это школярство прекратилось, и чтобы смѣнила его живая воспитательная работа, проникнутая любовью къ дѣлу и сознаніемъ общественной серьёзной важности дѣла. Но, какъ мы уже замѣтили, книжка г. Петрова можетъ имѣть интересъ и поучительность не только для педагоговъ, но и для всякаго, кто желалъ бы выяснить себѣ значеніе исторіи, какъ предмета преподаванія.

— Общепонятные психологическіе этюды. Виктора Кандинскаго. Москва, 1881.

Цѣль книги, какъ объясняетъ авторъ,—дать, въ возможно общедоступной формѣ, краткій историческій обзоръ воззрѣній на психическую жизнь человѣка и животныхъ и затѣмъ представить очерки *научной психологіи*, основанной на важнѣйшихъ открытіяхъ послѣднихъ лѣтъ въ области физіологіи мозга. Авторъ, такимъ образомъ, желалъ представить генетическое развитіе человѣческой мысли въ отношеніи духовной жизни человѣка. Въ ученіяхъ древнихъ философовъ-метафизиковъ, въ трактатахъ средневѣковыхъ богослововъ, въ теоріяхъ философскихъ школъ періода Возрожденія и наконецъ въ доктринахъ матеріалистовъ и позитивизма онъ ищетъ послѣдовательной связи и, основываясь на ней, доказываетъ, что хотя характеръ прежней психологіи—апріорный, метафизическій, тѣмъ не менѣе она составляетъ необходимый фазисъ въ исторіи человѣческой мысли и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выкинута изъ исторіи развитія человѣческаго мышленія о душѣ. Вся первая часть книги автора составляетъ краткое изложеніе философскихъ ученій о душѣ, начиная съ древне-восточныхъ воззрѣній и кончая послѣдними изы-

сканіями Геккеля, Виньоли, Мейнерта, Вундта, Ланге и проч. Представляя цѣлую галлерею воззрѣній и цѣлыхъ ученій философовъ древности, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, авторъ, къ сожалѣнію, ограничивается механическимъ сопоставленіемъ ихъ, не подвергая ихъ критическому анализу и не соединяя въ порядкѣ послѣдовательнаго развитія. Дѣло въ томъ, что какое-бы ни было воззрѣніе на душу—метафизическое-ли или матеріалистическое, какой-бы ни былъ методъ психологическаго изслѣдованія—индуктивный или дедуктивный, во всякомъ случаѣ окончательные выводы того или другого воззрѣнія, при томъ или другомъ методѣ, вполнѣ зависятъ отъ степени и объема сопутствующаго имъ человѣческаго знанія. Дюрингъ далеко ушелъ въ своихъ выводахъ отъ взглядовъ Ѳомы Аквината и картезіанцевъ; всю прежнею метафизику идеализма онъ свелъ на идеалистическій реализмъ, благодаря массѣ добытыхъ опытными науками знаній. Точно также ученія Мейнерта, Геккеля, Гельмгольца уже не являются столь просто-отрицательными ученіями, какими бывали ученія матеріалистовъ прежней школы. Оба эти послѣдовательныя теченія, обогащаясь положительнымъ знаніемъ, по пути своего развитія приближаются другъ къ другу и восполняютъ другъ друга, такъ что при нынѣшнемъ состояніи психологіи вполнѣ вѣрно можно повторить за Спенсеромъ, что „мы можемъ мыслить о матеріи только въ терминахъ духа, и о духѣ только въ терминахъ матеріи“. Задача автора была-бы въ большей степени выполнена, если бы онъ представилъ краткій очеркъ соотношенія ученій о духѣ, какъ онѣ развивались подъ напоромъ новыхъ знаній у идеалистовъ и у матеріалистовъ, и затѣмъ представилъ общія точки соприкосновенія и разнорѣчій, которыя ждутъ новыхъ изысканій и фактовъ, давая тѣмъ пищу современной научной психологіи. Но чего нѣтъ, на то и суда нѣтъ. Гораздо интереснѣе очеркъ автора о душевныхъ эпидеміяхъ. Этотъ очеркъ одною стороною касается общественной психологіи, науки новой и еще мало разработанной, а у насъ почти вовсе неизвѣстной. Существенное основаніе этой науки составляютъ, какъ извѣстно, статистика и выводы физіологіи. Данныя одного рода должны быть освѣщены и провѣрены данными другого. Авторъ касается въ своемъ очеркѣ только данныхъ второго рода. Не однѣ только тѣлесныя болѣзни способны къ эпидемическому распространенію, говоритъ онъ, но въ одинаковой степени принимаютъ эпидемическій характеръ болѣзни души и всякаго рода психическія разстройства. Прошлое и настоящее представляютъ непрерывный рядъ примѣровъ, въ которыхъ извѣстныя побужденія и стремленія, извѣстныя чувства и идеи охватываютъ сразу массу людей и обусловливаютъ, независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ, тотъ или другой рядъ одинако-

выхъ дѣйствій. Бываютъ эпохи воинственнаго энтузіазма, религіозной экзальтаціи, эпохи всеобщей деморализаціи или неудержимой жажды дѣятельности. Во всѣ эти моменты душевные, коллективныя стремленія и порывы дѣйствуютъ съ неодолимою силою, человѣчество дѣлится на враждебныя партіи, изъ которыхъ одна старается не щадить другую, безъ сожалѣнія и пощады; здравый, свѣтлый взглядъ какъ-бы застилается туманомъ повальнаго душевнаго разстройства, и вернувшіеся къ разсудку люди впослѣдствіи сами не могутъ понять своихъ прошлыхъ ошибокъ. И сколько колоссальныхъ ошибокъ этого рода надѣлало человѣчество въ прошлой своей жизни! Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ и физіологическихъ объясненій заразительности нервныхъ и душевныхъ актовъ и ихъ способности передаваться отъ одного субъекта къ другому. Заразительность нервно-психическихъ актовъ не ограничивается сферою головно-мозговыхъ рефлексовъ, но идетъ далѣе, распространяется на сферу настроеній, чувствъ, страстей, побужденій, стремленій и идей. Причинъ происхожденія этихъ душевныхъ эпидемій много. Однѣ изъ нихъ—случайныя и частныя, другія—общественныя и историческія; но замѣчательно одно, чего, къ сожалѣнію, авторъ не отмѣтилъ, что предметъ, такъ сказать, общественнаго помѣшательства находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ условій общественной жизни. Когда явилось повальное увлеченіе взрослыхъ и дѣтей идеею объ освобожденіи гроба Господня?—именно въ то время, когда свѣтлое ученіе Христа совсѣмъ затмилось невѣжествомъ, грубостью средневѣковой жизни и безобразіями центральнаго церковнаго управленія католическаго міра. Когда явилось помѣшательство въ формѣ самобичеванія или пляски св. Іоанна или св. Витта (хореоманія)?—когда схоластическое богословіе придавливало всякую свѣжую мысль и по-неволѣ влекло ее на путь мистицизма. Наконецъ, болѣе близкій примѣръ—эпидемія политическихъ преступленій. Это—эпидемія нашихъ дней и охватила она не одну нашу почву, но весь европейскій континентъ, имѣя началомъ парижскую коммуну. Мелки и ничтожны, поставляемыя нашею печатью извѣстнаго направленія, причины этой общественной болѣзни. Причины кроются глубже; въ раду эпидемическихъ увлеченій, это исторически-печальное явленіе и требовало бы особеннаго внимательнаго изученія вовсе не съ одной полицейской, но съ политической, экономической и общественной стороны: только подобное изученіе, вполнѣ безпристрастное, и можетъ выяснить причины эпидеміи и указать средства, которыя положатъ ей конецъ. Смѣна земледѣльческаго принципа принципомъ буржуазнымъ составляетъ одинъ изъ замѣтныхъ поворотовъ въ экономической жизни европейскихъ народовъ, и онъ сопровождался

страшными потрясающими явленіями въ общественной жизни. Нынѣ переживаемъ другой поворотъ—отъ принципа буржуазіи къ принципу труда и свободнаго его приложенія къ естественнымъ дарамъ природы; и этотъ поворотъ не можетъ пройти даромъ для человѣчества. Онъ вызываетъ массу коллективныхъ увлеченій, объясненіе которыхъ одинаково найдется, какъ въ данныхъ политики, такъ равно и въ выводахъ общественной психологіи.

Художественный Журналъ, съ приложеніемъ художественнаго альбома. Годъ первый. Редакторъ-издатель Н. Александровъ. Спб. 1881.

Вновь основанный журналъ имѣетъ слѣдующую программу: 1) беллетристическій отдѣлъ—повѣсти, разсказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни художниковъ; біографіи художниковъ и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ; 2) критическій отдѣлъ—статьи по искусству, рецензіи и критическія замѣчанія о произведеніяхъ искусства и о книгахъ, искусству посвященныхъ; 3) смѣсь—теоретическія и практическія указанія и совѣты художникамъ и любителямъ, обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ школъ и обществъ, мелкія извѣстія; 4) справочный отдѣлъ. Художественный альбомъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) портретовъ, рисунковъ и картинъ въ размѣрѣ журнала, выходящихъ ежемѣсячно при самомъ журналѣ, и 2) большихъ картинъ, размѣромъ въ четыре раза больше формата самаго журнала (форматъ журнала—большая осьмушка), которыя будутъ наклеены на бристольскую бумагу и въ число которыхъ будутъ входить наиболѣе выдающіяся произведенія русской живописи.

До настоящаго времени вышло пока два выпуска, по которымъ еще трудно судить о томъ, чѣмъ будетъ журналъ, но мы отмѣчаемъ начинающееся изданіе, потому что это есть новость, очень не лишняя въ нашей литературѣ и которой поэтому уже надо пожелать успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, наше искусство, живопись въ ея разныхъ родахъ, и скульптура, сдѣлали въ послѣднія десятилѣтія такіе очевидные успѣхи и въ самомъ обществѣ выростаетъ, сравнительно съ прежнимъ, такое видимое сочувствіе къ этимъ успѣхамъ, что давно было бы пора этому движенію нашего искусства найти себѣ спеціальный о́рганъ въ литературѣ, который отмѣчалъ бы основные его факты и популяризовалъ ихъ въ массѣ общества. Произведенія живописи и скульптуры привязаны къ мѣсту; общество передвижныхъ выставокъ желало ослабить эту трудность знакомства съ художественными произведеніями для провинціи,—это была очень счастливая мысль, но дѣятельность „общества“ ограничена только очень

небольшими размѣрами, т.-е. собственными произведеніями его участниковъ и опредѣленнымъ маршрутомъ передвиженія. Остается воспроизведеніе, но и продажа фотографій еще мало развита, и самыя фотографіи съ картинъ рѣдко удачны; притомъ фотографіи лишены разъясненій, которыя для многихъ картинъ совершенно необходимы. Наконецъ, независимо отъ всего этого, вообще нужно было бы изданіе, которое, давая общія истолкованія искусства, сообщало бы свѣдѣнія объ исторіи и современномъ положеніи русскаго искусства, воспроизводило главныя его произведенія, расширяло вкусъ къ нему и т. д. Такое изданіе, при хорошей постановкѣ, въ настоящее время можетъ, какъ намъ кажется, разсчитывать на такой интересъ общества, который способенъ былъ бы поддержать его матеріальный успѣхъ и возможность существованія.

Не знаемъ, удовлетворитъ ли этому недостатку нашей литературы новое изданіе, посвященное художеству. Мы очень бы желали этого и потому остановились на первыхъ нумерахъ „Художественнаго Журнала". Можетъ быть, послѣдующіе будутъ имѣть иной составъ, но первые нумера вызываютъ нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, нѣтъ никакой руководящей статьи, изъ которой можно было бы видѣть взглядъ журнала на его задачу и на положеніе художественнаго дѣла въ Россіи, которому онъ хочетъ служить. Далѣе, въ беллетристикѣ, разсказъ г. Немировича о Верещагинѣ написанъ очень живо и читается съ интересомъ, но настоящей характеристики этого художника еще не даетъ, и въ продолженіи статьи также, вѣроятно, не дастъ; разсказъ г. Перова мало занимателенъ и по свойству содержанія совсѣмъ не умѣстенъ въ изданіи, которое должно бы разсчитывать быть, что̀ называется, семейнымъ чтеніемъ; въ характеристикѣ произведеній г. Куинджи слишкомъ господствуетъ превосходная степень, свойственная панегирику, а не критикѣ; отдѣлъ „смѣси" открывается рядомъ анекдотовъ, изъ которыхъ первый одинъ довольно интересенъ и вѣренъ дѣйствительности, а другіе смѣло могли бы отсутствовать безъ ущерба, или даже съ пользой для изданія. Намъ кажется, что журналъ могъ бы найти множество предметовъ серьёзныхъ и занимательныхъ и безъ этой погони за сомнительнаго остроумія анекдотами; искусство европейское и русское могутъ доставить въ своей исторіи и въ своемъ настоящемъ достаточно матеріала, живого и поучительнаго не только для массы публики, но и для самихъ художниковъ.

Приложенные рисунки—портреты гг. Куинджи и В. Маковскаго, картины В. Маковскаго „Въ четыре руки" и „Друзья-пріятели", исполненные фотогравюрой—очень хороши.

II.

Reminiscences by Thomas Carlyle. Edited by J. A. Froude. 2 vols. London 1881. (Воспоминанія Томаса Карлейля, изданныя Фрудомъ).

Смерть Томаса Карлейля (6-го февраля 1881) произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи. О нёмъ сожалѣли, точно умеръ не 86-лѣтній старикъ, переживший себя и свое вліяніе, а писатель въ цвѣтѣ силъ и таланта—такъ велики были его заслуги въ прошломъ и такъ глубоко уваженіе къ его личности. Газеты и журналы всѣхъ странъ Европы спѣшили напомнить о немъ публикѣ, помѣщая краткіе очерки его литературной дѣятельности и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Послѣднія были, по необходимости, сухи или отрывочны, такъ какъ внѣшняя жизнь Карлейля, однообразная и замкнутая, не выдавалась яркими событіями, а частная была мало кому извѣстна. „Моя жизнь—въ моихъ произведеніяхъ, открытыхъ каждому; до моей же личной исторіи никому нѣтъ дѣла", говорилъ онъ обыкновенно. Эта личная исторія дѣлается общимъ достояніемъ только теперь, съ выходомъ въ свѣтъ „Воспоминаній", изданныхъ извѣстнымъ историкомъ Фрудомъ.

Незадолго до своей смерти, Карлейль передалъ Фруду, съ которымъ былъ очень близокъ, весь матеріалъ для своей будущей біографіи (переписку, семейныя бумаги, неизданныя рукописи), предоставляя ему распоряжаться ими, какъ онъ захочетъ. Между бумагами находились и „Воспоминанія", предназначенныя авторомъ для печати, съ нѣкоторыми ограниченіями въ исторіи нѣжно любимой имъ жены. Эти сокращенія онъ также отдалъ на усмотрѣніе своего душеприказчика, не чувствуя въ себѣ силъ прикоснуться къ слишкомъ близкому его сердцу прошлому. Значительный объемъ завѣщаннаго матеріала заставилъ Фруда отложить на время задуманную имъ самимъ біографію Карлейля и заняться, прежде всего, его записками, въ которыхъ оказалась чрезвычайно живая и интересная автобіографія въ отдѣльныхъ очеркахъ, которая и издана теперь Фрудомъ.

По отзывамъ англійской печати, подобнаго голоса изъ-за могилы не раздавалось со времени автобіографіи Милля; но и въ послѣдней нѣтъ глубины и огня Карлейлевскихъ „Воспоминаній". Милль безстрастно излагаетъ повѣсть своего умственнаго развитія и своихъ страданій, предоставляя волноваться другимъ. Карлейль „сознательно пишетъ своей кровью и сознательно открываетъ всѣ изгибы собственной души, изображая людей, близкихъ его сердцу, и ихъ отношенія къ нему".

Очеркъ, посвященный отцу, написанъ въ первую недѣлю послѣ

его смерти (1832), когда сынъ сидѣлъ по ночамъ безъ сна и думалъ, чѣмъ былъ и могъ быть покойный. Джемсъ Карлейль изображенъ идеальнымъ работникомъ, страстно преданнымъ своему дѣлу; энергичнымъ, безусловно честнымъ и строго благочестивымъ человѣкомъ, одареннымъ необыкновеннымъ умомъ и душой, способной отзываться на все доброе и разумное. Онъ былъ рожденъ поэтомъ и ораторомъ. Только игра случая обрекла его на скромную долю каменьщика и фермера; только бѣдность и недостатокъ образованія помѣшали ему занять видное мѣсто среди людей. Глубоко скорбитъ сынъ при мысли, что столько силъ погибло даромъ, въ ежедневной борьбѣ съ нуждой, что великой душѣ суждено было угаснуть, не увидавъ свѣта, къ которому она безотчетно стремилась. Припоминая самоотверженіе, съ которымъ отецъ добылъ дѣтямъ возможность образованія, и его терпимость рядомъ съ непоколебимой стойкостью убѣжденій, онъ гордится тѣмъ, что можетъ быть его преемникомъ на землѣ; желаетъ жить по примѣру отца и писать свои книги такъ, какъ тотъ строилъ дома. Чтеніе этого очерка можетъ дѣйствительно убѣдить въ общности нравственнаго характера знаменитаго писателя и почтеннаго шотландскаго каменьщика: оба портрета сходны не только въ крупныхъ, но и въ мелкихъ чертахъ.

Очеркъ, посвященный Эдварду Ирвингу (основателю религіозной секты), также весьма интересенъ. Симпатичный, талантливый, увлекающійся Ирвингъ—сбитый съ пути успѣхами и тщеславіемъ и умирающій полусумасшедшимъ послѣ того, какъ свѣтъ перестал слушать его мистическія проповѣди—очерченъ превосходно. Сочувствіе автора къ погибшему другу, который игралъ очень замѣтную роль въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни, передается и читателю. Для англичанъ записки объ Ирвингѣ и лордѣ Джеффри (извѣстномъ редакторѣ „Эдинбургскаго Обозрѣнія", гдѣ печатались первыя произведенія Карлейля) имѣютъ еще спеціальное значеніе: въ нихъ множество интересныхъ замѣтокъ и подробностей о литературныхъ и другихъ знаменитостяхъ, „Минервиныхъ сôвахъ" и разныхъ людяхъ, съ которыми Карлейль сталкивался въ своей долгой жизни. Нѣкоторые изъ англійскихъ критиковъ осуждаютъ, впрочемъ, опубликованіе слишкомъ мѣткихъ и желчныхъ сужденій Карлейля о лицахъ, не на столько извѣстныхъ, чтобы публика имѣла право совать носъ въ ихъ дѣла, между тѣмъ, какъ дѣти и близкіе могли быть непріятно задѣты. Извиненіемъ Фруду служитъ нежеланіе измѣнять и урѣзывать рукопись въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не получилъ прямыхъ указаній отъ автора. Тамъ же, гдѣ ему была завѣщана осмотрительность (т.-е. въ воспоминаніяхъ о миссисъ Карлейль), Фрудъ, какъ видно изъ его предисловія, сократилъ многое. Признавая вполнѣ законность этихъ

пропусковъ, все-таки нельзя не пожалѣть о нихъ, потому что для интересующихся біографіей Карлейля, т.-е. исторіей его личной жизни, литературныхъ стремленій, трудовъ, неудачъ и успѣховъ, наибольшее значеніе имѣютъ „Воспоминанія о Дженъ Уэльшъ Карлейль".

„Печальная, исполненная разочарованій жизнь" знаменитаго писателя освѣщена „солнечными лучами" любви и преданности его жены. Для молодой, прелестной собою и необыкновенно умной дѣвушки, „въ которую влюблялся всякій, знавшій ее", проповѣдь „нищаго шотландца" послужила откровеніемъ. Миссъ Дженъ Уэльшъ съ радостью и гордостью посвятила свою жизнь человѣку, геніальность котораго она поняла гораздо ранѣе современниковъ.

Въ разсказѣ различныхъ случаевъ, гдѣ жена являлась его помощницей и утѣшительницей, т.-е. всѣхъ треволненій, испытанныхъ имъ, Карлейль такъ ярко рисуетъ въ ней олицетвореніе нѣжности и мужества, что въ началѣ ея образъ затемняетъ его собственный. Вскорѣ, однако, вниманіе сосредоточивается исключительно на оригинальной личности самого писателя,—этого пуританина стараго закала, занесеннаго чудомъ въ XIX столѣтіе. Карлейль съ его великими добродѣтелями, а также ошибками и страданіями, вытекавшими изъ разлада его природы съ современными условіями и собственнымъ развитіемъ, выступаетъ живой изъ рамокъ своей посмертной книги.

Но и кромѣ высокаго автобіографическаго интереса „Воспоминанія" отличаются всѣми достоинствами лучшихъ произведеній знаменитаго писателя: страстью и глубиной, живостью портретовъ, поэтической прелестью описаній и, иной разъ, неподражаемымъ юморомъ въ каррикатурахъ, набросанныхъ, очевидно, ради собственнаго удовольствія, въ припадкахъ желчной мизантропіи. Вообще, обѣ книги „Воспоминаній" исполнены глубокаго интереса и составляютъ незамѣнимый источникъ для желающихъ изучить Карлейля и его время. Въ одной изъ слѣдующихъ книгъ „Вѣстника Европы" мы дадимъ цѣльный очеркъ его жизни и дѣятельности.—С.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1881.

Книга третья.—Мартъ.

Книга четвертая.—Апрѣль. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 1877. Спб. 1842—1881. XIX, 445 стр. въ большую 8°, въ два столбца. Ц. 3 р.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что посмертное полное изданіе (4 тома) стихотвореній Некрасова, вышедшее въ февралѣ 1879, въ количествѣ 6000 экземпляровъ, разошлось почти все, менѣе чѣмъ въ два года. Въ настоящемъ компактномъ изданіи, прежніе четыре тома стихотвореній соединены въ одинъ, за исключеніемъ примѣчаній, а біографія помѣщена въ сокращеніи. Стихотворенія размѣщены въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, въ двухъ отдѣлахъ. Для болѣе удобнаго обозрѣнія стихотвореній кромѣ общаго хронологическаго оглавленія, новое изданіе снабжено двумя указателями—предметнымъ и алфавитнымъ. Разница настоящаго изданія съ четырехъ-томнымъ, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ перемѣнъ, заключается въ одномъ значительномъ дополненіи. именно въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо" присоединена новая глава, не вошедшая въ прежнее изданіе и появившаяся въ „Отеч. Запискахъ" нынѣшняго года. —Въ настоящемъ изданіи стихотворенія Некрасова становятся общедоступной книгой въ ихъ полномъ объемѣ, и это безъ сомнѣнія будетъ пріятной литературной новостью для тѣхъ читателей, которымъ затруднительно было пріобрѣтеніе перваго, довольно дорогого изданія. —Внѣшность книги весьма удовлетворительна. Замѣтимъ только, что при подобномъ изданіи очень не лишнимъ было бы повтореніе портрета, приложеннаго при четырехъ-томномъ изданіи.

Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Сочиненіе И. Иванюкова, проф. Петровской землед. и лѣсной академіи. 2-е изданіе. Москва 1881. 208 стр. Ц 2 р.

Вопросы экономической политики, давно занимающіе общества и правительства Европы, все больше и больше привлекаютъ къ себѣ вниманіе и у насъ. Цѣль автора — способствовать разъясненію ихъ. И наша жизнь уже ставитъ эти вопросы, и весьма настоятельно,—но этой настоятельности не отвѣчаетъ подготовка общества къ ихъ вѣрному пониманію и рѣшенію. Поэтому труды въ этомъ направленіи могутъ принести самую существенную пользу. Съ Петра Великаго, говоритъ авторъ, у насъ все возрастаетъ вліяніе западно-европейской цивилизаціи. „Значеніе опыта Запада для Россіи двухъ родовъ: прямое—когда мы переносимъ западныя учрежденія на нашу почву, и косвенное,—когда опытъ западной цивилизаціи предостерегаетъ насъ отъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашими старшими братьями. Въ послѣднее время это косвенное значеніе для насъ западно-европейской цивилизаціи особенно усилилось въ виду того, что сама западная культура находится въ состояніи кризиса и ищетъ *новыя основы* соціальной жизни. Въ виду такой важной двухъ-сторонней роли западно-европейскаго опыта въ нашей соціальной жизни, едва ли нужно даже и упоминать о томъ, что хотя изложенныя въ предлагаемомъ сочиненіи ученія по экономической политикѣ порождены преимущественно ходомъ жизни западной Европы, тѣмъ не менѣе они представляютъ громадное *практическое* значеніе и для Россіи—она освѣщаетъ намъ путь дальнѣйшаго развитія".

Балакиревъ. Историческій романъ изъ временъ Петра I. П. Н. Петрова. Въ 2-хъ частяхъ (въ одной книгѣ). Съ 16 рисунками. Спб. 1881. 336 стр. Ц. 3 р.

Авторъ этого романа извѣстенъ многими изслѣдованіями о русской старинѣ разнаго рода: онъ много обращался съ исторіей стараго нашего быта, много работалъ въ архивахъ. Распространившееся въ послѣднее время повѣтріе историческаго романа зацѣпило и почтеннаго археолога, и это очень жаль. Недостаточно знать бытъ *археологически*, чтобы считать себя въ силахъ изображать его *поэтически*, потому что историческій романъ есть, наконецъ, произведеніе поэтическаго возсозданія, и за него не слѣдуетъ браться тому, у кого нѣтъ этого спеціальнаго дара. Романъ г. Петрова читается достаточно тяжело, и несмотря на присутствіе археологическихъ свѣдѣній не даетъ живого представленія объ эпохѣ. Авторъ не умѣлъ овладѣть и языкомъ; онъ усиленно заботится придать ему старинный характеръ, но эта забота и была именно напрасна: языкъ начала XVIII вѣка имѣлъ, конечно, свои отличія отъ нынѣшняго, но особенно книжный и канцелярскій; а живая бытовая рѣчь даже XVII вѣка гораздо ближе къ современному народному языку, чѣмъ это думаетъ авторъ.

О преподаваніи русской словесности. Сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1880.

Въ Литературномъ Обозрѣніи нынѣшней книги журнала мы говорили о книжкѣ профессора Петрова по поводу господствующаго у насъ, издавна и до нынѣ, преподаванія всеобщей исторіи. Такое же слабое, и просто больное, мѣсто нашей средней школы представляетъ преподаваніе русской словесности. Этотъ предметъ,—повидимому такой близкій и для преподавателя и для ученика, столь глубоко и завлекательный, и поучительный,—былъ, въ недавно господствовавшихъ программахъ, въ такомъ загонѣ, что въ результатѣ „зрѣлые" ученики, поступая въ университетъ, далеко не всегда пріобрѣтали умѣнье правильно писать по-русски, фактъ, многократно заявленный. Менѣе энергически, чѣмъ профессоръ Петровъ въ своемъ предметѣ, но все-таки довольно настоятельно, говоритъ и г. Незеленовъ о преподаваніи русской словесности. Книжку его надо рекомендовать гг. учителямъ этого предмета. Мы постараемся сказать о ней подробнѣе впослѣдствіи.

Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ Вега въ 1878—1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій, заслуженный профессоръ И. Александровскаго университета, при содѣйствіи Э. В. Коріандера, горнаго инженера. Разрѣшенное авторомъ изданіе И. И. Валленіуса. Спб. 1881. Выпускъ первый. 96 стр. Ц. 1 р.

Все изданіе, въ десяти выпускахъ, составитъ два тома, цѣною для подписчиковъ въ 8 руб. экземпляръ, а послѣ, въ продажѣ, 10 р. Нѣтъ надобности говорить о степени интереса книги знаменитаго путешественника. Мы пожелаемъ здѣсь только всякаго успѣха русскому переводу въ нашемъ читающемъ обществѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1881 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	5 р.
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою . . .	16 »	8 »	4 » — »
Съ пересылкою . .	17 »	9 »	5 » — »
За-границей	25 »	13 »	7 » — »

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—**1** р. **25** к.; съ доставкою—**1** р. **50** к., съ пересылкою—**1** р. **75** к.; за-границей—**3** руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по журналу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногороднихъ въ городскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА":
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

ROSSICA
RUSSISCHES
ANTIQUARIAT
BERLIN